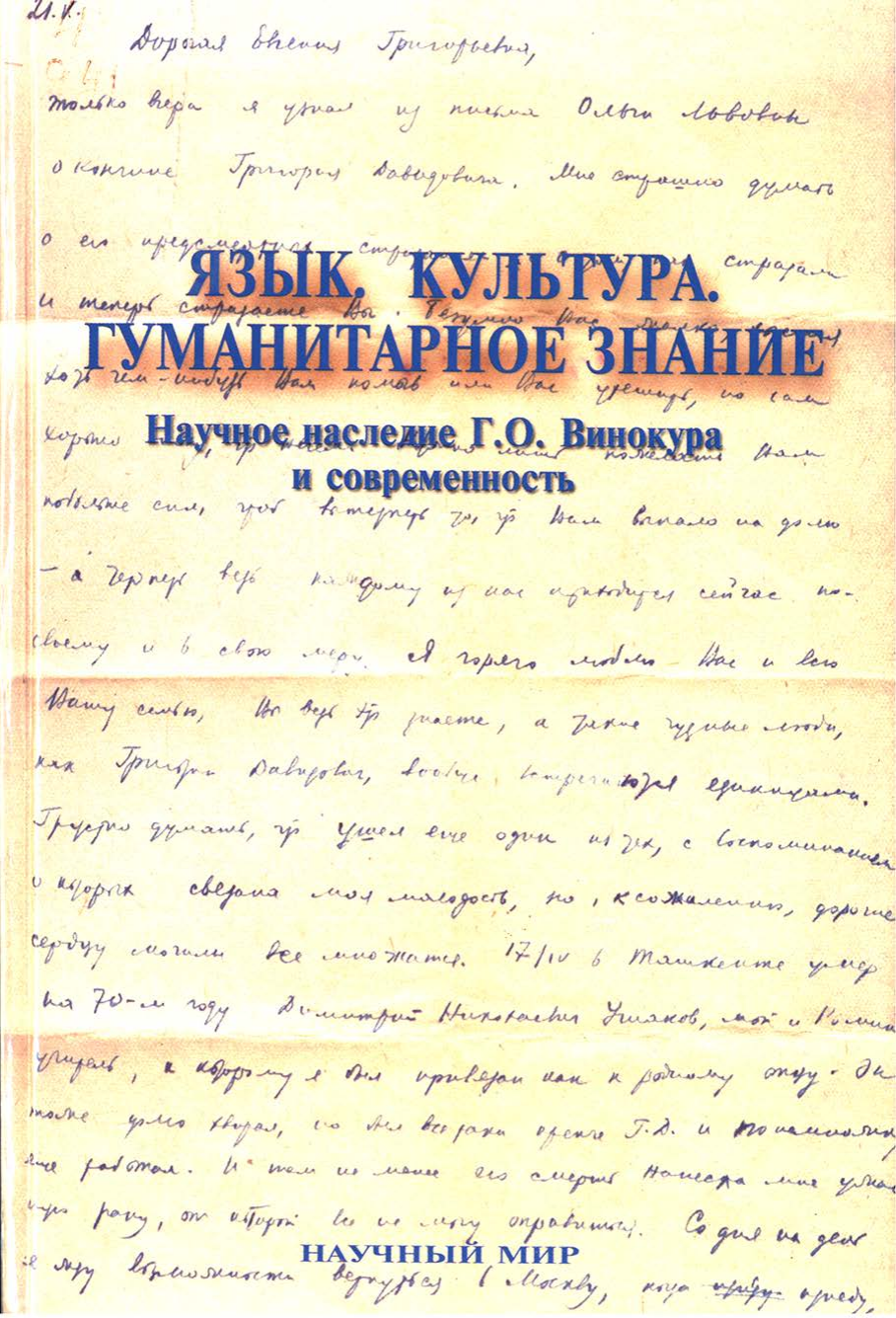
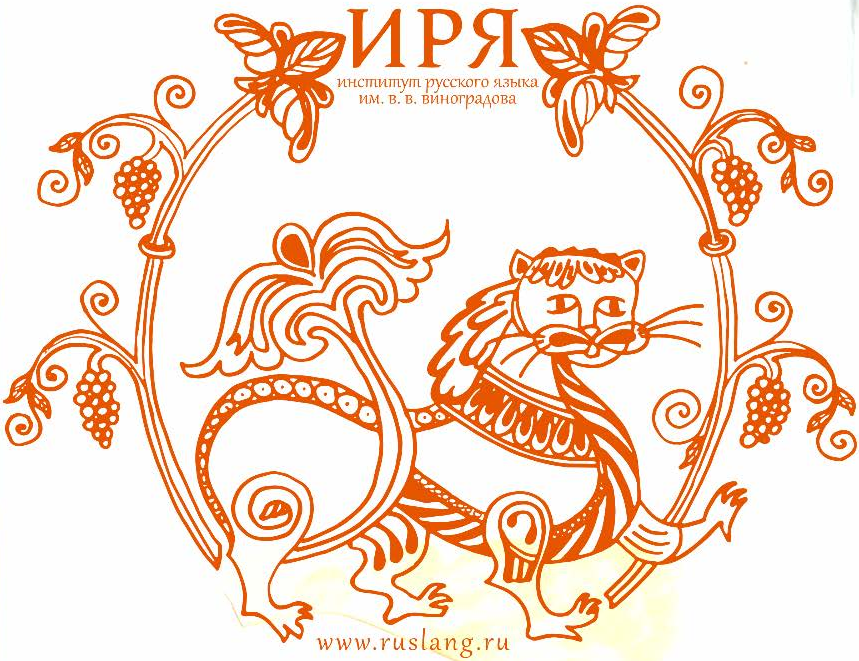
ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

Научное наследие Г.О. Винокура и современность

НАУЧНЫЙ МИР

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова
www.ruslang.ru

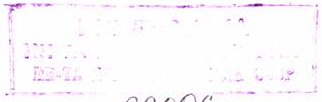
89006

Григорий Осипович Винокур

Фото середины 40-х годов

Я 41
ББК 81.2Р; 81.2Р-7; 81.28-2

89006

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ. Научное наследие Г.О.Винокура и современность. – М.: Научный мир, 1999. – 488 с.

В ноябре 1996 г. научная общественность отмечала 100-летие со дня рождения выдающегося ученого-русиста Григория Осиповича Винокура. В Институте русского языка им. В.В.Виноградова РАН и в Российском государственном гуманитарном университете прошла научная конференция, посвященная 100-летнему юбилею Г.О.Винокура. Доклады многих ведущих ученых, сделанные на этой конференции, и составили "ядро" данного сборника. Помимо оригинальных исследований, наглядно демонстрирующих глубину и актуальность многих научных идей Г.О.Винокура, книга содержит ряд публикаций, важных для истории филологической науки. Это до сих пор не публиковавшиеся архивные материалы, а также работы историографического характера, построенные на никогда ранее не использовавшихся архивных массивах. Издание представляет собой попытку целостного понимания научного творчества Г.О.Винокура и осмысления его места в истории науки и культуры.

Книга предназначена для лингвистов, преподавателей современного русского языка, студентов-филологов, а также для всех тех, кто интересуется проблемами языка, культуры, истории отечественной науки.

РФФИ **Публикуется при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 98-06-87061)**

Ответственные редакторы:
кандидат филологических наук, профессор *С.И. Гиндин*
кандидат филологических наук *Н.Н. Розанова*
Рецензенты:
доктор филологических наук *А.Ф.Журавлев*
доктор филологических наук *Н.А.Фатеева*

LANGUAGE. CULTURE. HUMANITIES. G.O.Vinocur's Scolarly Heritage and Our Times. – Moscow: Scientific World, 1999. – 488 p.

In November 1996 the scientific community celebrated the 100th birthday of the outstanding Russian philologist Grigory Osipovitch Vinokur. In the Institute of the Russian Language named after V.V. Vinogradov as well as in the Russian State University of Humanities a conference dedicated to Vinokur's centenary was held. The lectures of a number of well-known scholars delivered at the conference constitute the "nucleus" of this collection of articles. Besides original research works that clearly demonstrate the intensity and relevance of G.O. Vinokur's ideas, it contains several publications important for the history of philology. These are archive materials that have been published for the first time. Besides, there are historiographic works that are based on archive materials never used before. So, this edition is an attempt of an integral comprehension and appreciation of G.O. Vinokur's scholarly work and it's place in the history of science and culture.

© Коллектив авторов, 1999
© Научный мир, 1999

ISBN 5-89176-057-6

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА
им. В.В. ВИНОГРАДОВА

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ГУМАНИТАРНЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

Научное наследие Г.О. Винокура и современность

МОСКВА
НАУЧНЫЙ МИР
1999

ОГЛАВЛЕНИЕ

ИРЯ
институт русского языка
им. в. в. виноградова

От редакторов 7
Р.М.Цейтлин. О Григории Осиповиче Винокуре – ученом и педагоге 9

I

История языка и историческая стилистика

К.Ф. Захарова. Время и причины утраты ѣ в Москве 15
А.А.Пичхадзе. О значениях и функции союза *а* в древнерусском языке 28
И.И. Макеева. Интерпретация чужой культуры в древнерусских переводах 37
Е.Э. Бабаева. Антиох Кантемир как автор дипломатических и церемониальных текстов 54

II

Современный русский язык. Фонетика. Словообразование. Грамматика

М.Л.Каленчук. Фонетика и словообразование 73
Л.П.Катлинская. Словообразовательная концепция Г.О.Винокура сегодня 78
И.С.Улуханов. Об изучении морфной структуры русских словоформ 85

www.ruslang.ru

Ренате Беленчиков. О соотношении словообразовательного и лексического значений (на материале русских наименований места – Nomina loci) 97
Е.Н.Ширяев. Сложное союзное предложение с позиций Московской (Фортунатовской) школы 111
О.А.Лаптева. Системность речевого расширения явления омонимии 120
Г.А.Золотова. Роль грамматики в композиции текста 131
О.П.Ермакова. Типы вербализованной иронии в разных сферах русского языка 139
А.Б.Пеньковский. Лексикографические пометы субъективной оценки терминов (к соотношению внутренней формы и актуального значения) 148
Г.Е.Крейдлин. Тон – понятие и слово (язык и параязык) 155
Р.И.Розина. Концептуальные структуры и языковые правила порождения значений: глаголы движения вниз 161
О.Ю.Богуславская. Пространство и перемещение 173
Е.В.Урысон. Покойник vs. мертвец (идея личности и общества в обозначениях умерших) 182
И.Б.Левонтина. Стратегия уговаривания: частицы в повторных просьбах 188

III

Культура слова и слово в культуре

Ю.А.Бельчиков. Проблема соотношения культуры и языка в научном наследии профессора Г.О.Винокура 201
Л.П.Крысин. Вопросы социологии языка в работах Г.О.Винокура 206
С.М.Кузьмина. Общество и орфография (на материале истории реформы 1904–1918 гг.) 211
А.Д.Шмелев. Функциональная стилистика и моральные концепты 217
Л.Л.Федорова. Некоторые особенности речевого поведения представителей гуманитарной и технической интеллигенции 230
Е.А.Земская. Язык русского зарубежья: два полюса 236

Л.К.Граудина. О процессе интеграции языковедческих дисциплин – культуры речи и риторики 258
В.Г.Гак. Новаторство, заимствование, совпадение 267
Н.А.Еськова. По поводу расширительного толкования двух пушкинских цитат ("эхо русского народа", "жизнь и лира") 278
И.А.Пильщиков. Отзыв у Баратынского: слово и значение 282
Н.А.Кожевникова. О паронимии в русской прозе 296
Е.Л.Гинзбург. Из заметок по топонимике Достоевского. II. ... 306
А.Я.Шайкевич. Ремарки Достоевского 320
Эр.Хан-Пира. Окказиональные синонимы глаголов говорения (речи) 333
Н.А.Николина. "Словообразовательная игра" в художественном тексте 337
Е.В.Красильникова. "Я — свойство дороги, черта и подробность..." (Б.Ахмадулина "Сад") 347
Е.Я.Шмелева, А.Д.Шмелев. Языковые особенности малых форм современного городского фольклора 350

IV

К постижению личности и биографии Г.О. Винокура

Г.С.Баранкова. К истории московского лингвистического кружка: Материалы из Рукописного отдела Института русского языка 359
М.П.Одесский. Вокруг полемики Г.О.Винокура и А.М.Селищева: научный и социальный аспекты 382
К.В.Горшкова. Я вспоминаю 390
В.А.Плотникова (*Робинсон*). Мои воспоминания о Григории Осиповиче Винокуре 392
О.А.Князевская. "Аспирант – это все равно что средневековый подмастерье" 404
М.А.Реформатская. Цвяток (еще раз о Григории Осиповиче Винокуре) 405

V

Г.О.Винокур – публикации и републикации

О языке и о науке в годы войны и революции Рецензии Г.О.Винокура на книги А.Мазона, Н.А.Котляревского и П.П.Блонского. *Публикации, предисловие и примечания А.Б.Заполя* 413

Забытая работа Г.О.Винокура о культуре речи. *Публикация и вступительная статья Б.С.Шварцкопфа* 423

Из подготовительных материалов Г.О.Винокура о Баратынском. *Публикация, вступительная статья и примечания Карлы М. Соливетти* 443

Автобиографические сочинения и наброски Г.О.Винокура. *Публикация С.И.Гиндина и А.В. Маньковского. Вступительная статья и комментарий С.И.Гиндина* 449

1. <Словарная автобиографическая заметка> (454); 2. Curriculum vitae (457); 3. Из воспоминаний моей юности (460); 4. Письмо к Е.Г.Гурьян (467); 5. Жизнеописание Г.И.Винокура (469); 6. <Предисловие к воспоминаниям> (472); 7. <Из впечатлений раннего детства> (473)

Отзыв Г.О.Винокура на диссертацию Л.В.Барон о поэмах Баратынского *Публикация, предисловие и примечания Карлы М. Соливетти* 475

ОТ РЕДАКТОРОВ

17 ноября 1996 г. исполнилось 100 лет со дня рождения Григория Осиповича Винокура, замечательного ученого и педагога, одного из тех, с чьим именем связаны высочайшие достижения российского гуманитарного знания в завершающемся XX столетии.

В ознаменование этого события Институт русского языка РАН им. В.В.Виноградова и Российский государственный гуманитарный университет провели в Москве 18–21 ноября 1996 г. юбилейную научную конференцию. Название конференции "Язык. Культура. Гуманитарное знание" призвано было отразить многогранность научных интересов Г.О.Винокура и междисциплинарный характер воздействия его творчества на современные научные поиски. К конференции была приурочена большая выставка книг из знаменитого личного собрания Г.О.Винокура, сохраненного его семьей и в настоящее время в значительной части приобретенного научной библиотекой Российского государственного гуманитарного университета.

Конференция собрала большое число участников. Уровень прочитанных на ней докладов оказался настолько серьезным, что возникла мысль о целесообразности и желательности их публикации. Настоящий сборник является реализацией этого пожелания. Его составление и издание стали возможными благодаря поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и плодотворному сотрудничеству с издательством "Научный мир".

Некоторые из прочитанных на конференции докладов уже были опубликованы в журналах ("Новое литературное обозрение", 1996, №21; "Литературное обозрение", 1997, №3 и др.) и здесь не перепечатываются. В то же время в сборник включено несколько специально для него написанных актуальных статей и раздел "публикаций и републикаций", призванный ввести в научный оборот неиздававшиеся или малоизвестные сочинения самого Г.О.Винокура.

Первые три раздела сборника включают работы по современным проблемам лингвистики, связанным с научными интересами и идеями

Г.О.Винокура. Четвертый раздел содержит воспоминания и биографические исследования о Г.О.Винокуре, пятый – научные, публицистические и автобиографические материалы Г.О.Винокура.

Статьи первых четырех разделов собраны и отредактированы Н.Н.Розановой, работы, вошедшие в пятый, – С.И.Гиндиным. Общий план сборника выработан редакторами совместно. Контрольная сверка публикуемых в последнем разделе архивных материалов из фондов РГАЛИ осуществлена А.В.Маньковским, которому редакторы приносят искреннюю благодарность. Особая благодарность – С.В.Киселеву и Т.Н.Задерман, предоставившим для публикации рукописи и фотографии из личных собраний.

Р.М.Цейтлин

О ГРИГОРИИ ОСИПОВИЧЕ ВИНОКУРЕ – УЧЕНОМ И ПЕДАГОГЕ

Г.О.Винокур уже к окончанию московской классической гимназии (1915 г.) твердо решил стать филологом. К тому времени он знал греческий и латынь, немецкий и французский; позднее самостоятельно выучился английскому языку, знал славянские языки, специально изучил литовский и латышский языки. И в зрелые годы он собирал специальную литературу по различным языкам и изучал ее. На вопрос, зачем он читает турецкую грамматику, Г.О. с известным удивлением ответил: "Я же лингвист". Винокур был истинным гуманистом и не случайно избрал именно лингвистику своей основной специальностью. Он любил повторять высказывание французского ученого М.Бреаля: "Языковедение говорит человеку о нем самом".

В 1916 г. Григорий Осипович стал студентом Московского университета, с 1918 г. параллельно начал работать в Наркомпросе (работать ему приходилось и в студенческие годы – после скропостижной смерти отца он давал уроки древних языков). Винокур участвовал в нескольких университетских семинарах, выступал с докладами в научных обществах, в эти же годы стал печататься.

Самым любимым учителем, а затем и другом Григория Осиповича на всю жизнь стал Д.Н.Ушаков (его основные предметы были: история русского языка, диалектология, орфография, орфоэпия). В докладе, посвященном памяти Д.Н.Ушакова 23 июля 1943 г., Винокур говорил: "... Д.Н. сделал очень много для русского просвещения, для русской культуры, достаточно для того, чтобы навсегда заслужить благодарность и уважение народа, государства, потомства. Но я все-таки решаюсь сказать, что все то, что он сделал в этих областях, совершенно тонет в том очаровательном сиянии, которое исходило от самой его личности".

Свой первый доклад вне Университета Григорий Осипович прочитал на заседании Московской диалектологической комиссии (предсе-

дателем которой был Д.Н.Ушаков). Доклад был посвящен одному польско-украинскому говору. Г.О. не ограничился описанием говора, но поставил общий вопрос об особенностях и типах двуязычных диалектов. Не став диалектологом, Винокур всегда интересовался проблемами диалектологии. Будучи профессором, с удовольствием ездил в диалектологические экспедиции со студентами и внушал им, что "диалектология – ворота в языкознание". Если Диалектологическая комиссия была "взрослым" научным учреждением, то Московский лингвистический кружок создали студенты. Винокур был сперва его секретарем, а затем и председателем. Особенностью заседаний кружка были горячие обсуждения прослушанных докладов. Среди участников дискуссий были ближайшие друзья Григория Осиповича, ставшие потом гордостью русской и мировой науки: Р.О.Якобсон, Б.В.Томашевский, П.Г.Богатырев, С.М.Бонди, В.Б.Шкловский, А.А.Реформатский.

В 1925 г. из печати вышла первая книга Винокура "Культура языка". Эта проблема занимала его постоянно. Он считал своим долгом разъяснять важность изучения родного языка: до последних дней своей жизни он выступал в газетах, по радио, в театрах, в ВТО, в Детгизе, в различных аудиториях; с особым чувством ответственности читал лекции на сборах фронтовых агитаторов во время войны. Он подчеркивал: "Правильная, чистая речь есть признак правильного общественного поведения"; "искусство речи... состоит именно в том, чтобы найти это единственно верное и точное выражение своей мысли"; "чем лучше мы знаем язык, тем меньше находим в нем синонимов".

По просьбе мхатовцев Винокур в течение сезона регулярно посещал их спектакли и записывал свои наблюдения. В архиве Григория Осиповича хранится картотека с его записями произношения актеров МХАТ'а: Книппер, Степановой, Ливанова, Массальского, Ершова, Добронравова, Еланской и многих других. Он консультировал артистов и других московских театров, читал им лекции по русской фонетике и орфоэпии. Сам он органично владел "московским произношением".

В 1927 г. были опубликованы две книги Г.О. Винокура – "Биография и культура" и "Критика поэтического текста". В первой Григорий Осипович показывает, что биография как научный труд должна быть исследованием органического слияния жизненных событий и творческих свершений героя жизнеописания. Вторая книга посвящена исходному этапу филологического изучения каждого памятника письменности – его текстологическому анализу.

Г.О.Винокур принадлежал к замечательной плеяде пушкинистов. Неослабевающий интерес и любовь к творениям Пушкина и к самой его личности, к пушкинской эпохе проходят красной нитью через всю его жизнь. Слово "пушкинский" было для него синонимом мудрого и прекрасного. Пушкинский стих был всегда у него на устах, пушкинизмы органично входили в его речь. Он охотно рассказывал о Пушкине по радио, в печати, в рабочей и детской аудиториях.

Особенно много Винокур стал заниматься Пушкиным в 30-е годы – годы подготовки к столетию со дня смерти поэта. Для замечательного издания сочинений писателя в 9 томах карманного формата ("Academia", 1935–1936) Винокур подготовил текст "Евгения Онегина". Для первого полного академического собрания сочинений Пушкина (оно сейчас переиздается издательством "Воскресение") Винокур подготовил тексты "Бахчисарайского фонтана" и "Цыганов" (т. IV), "Бориса Годунова" (т. VII). Ему же принадлежит научная разработка орфографических правил всего издания с учетом отражения живого языка писателя. Коллеги-пушкинисты называли труд Винокура-текстолога ювелирным. К сожалению, по распоряжению Сталина академическое издание стало выходить без комментариев. Только пробный тираж т. VII успел в 1935 г. увидеть свет с комментариями. Среди них – замечательный комментарий Винокура к "Борису Годунову".

С 1933 по 1947 гг. Г.О.Винокур являлся руководителем группы по созданию "Словаря языка А.С.Пушкина" в Институте мировой литературы, а затем в Институте русского языка АН СССР. Работа над Словарем была завершена уже после его смерти.

Г.О.Винокур был одним из основных авторов знаменитого четырехтомного "Толкового словаря русского языка" под редакцией Д.Н.Ушакова. "СловарьУшакова" (1935–1940) стал событием большого научного, общественного и культурного значения в русском обществе середины XX в., помог широким слоям населения овладеть нормами литературной речи. Словарь оказал прямое влияние на развитие русской лексикографии, на создание первых толковых и двуязычных словарей в ряде национальных республик СССР.

Большое внимание Г.О.Винокур уделял проблемам истории русского литературного языка, отграничивая ее как собственно лингвистическую дисциплину от литературоведения и психологии (смешение их было характерно для множества работ "о языке и стиле" писателя). Каждое его исследование основано на скрупулезном изучении текста и одновременно имеет своей конечной целью способствовать решению какого-то узлового, значительного явления в

истории языка. Таковы, например, его работы о наследстве XVIII в. в языке пушкинского времени, о языковом новаторстве Маяковского, о проблеме языка исторического романа. Г.О.Винокур разрабатывал и теоретические проблемы языкознания.

Новаторской была его статья под скромным названием "Заметки по русскому словообразованию" (1946 г.). Здесь определяются принципы членения слова. Решение основных вопросов теории словообразования важно и лексикологически – для определения значения производного, многозначного слова, выделения омонимов и т.п.

Научная работа Г.О.Винокура органично переплеталась с педагогической. После смерти Д.Н.Ушакова в 1942 г. Винокур руководил в Московском университете кафедрой русского языка. В МГПИ тогда возглавлял кафедру русского языка Р.И.Аванесов; их личная дружба отражалась на работе обеих кафедр, часто проводились совместные заседания, на которых обсуждение докладов заканчивалось всегда острой и шумной дискуссией. Нередко они собирали всю лингвистическую Москву: и маститых ученых, и аспирантов, и студентов. Здесь в известной мере продолжились традиции Московского лингвистического кружка и Московской диалектологической комиссии 20-х годов.

Винокур был убежден, что, занимаясь какой-нибудь одной областью языкознания, ученый обязан глубоко разбираться в основах других языковедческих дисциплин. Сам он в разные годы читал курсы: современного русского языка, исторической грамматики, диалектологии, палеографии, старославянского языка, общего языкознания. Курс истории русского литературного языка был самым любимым предметом и его научных занятий, и преподавания. В 1946 г. он задумал новый курс – изложить "биографию" литературного языка как историю конкретных текстов и авторов, но эта идея осталась неосуществленной.

В 1943/44 и в 1945/46 учебных годах Григорий Осипович реализовал свою давнишнюю мечту – читал в МГУ и в МГПИ новый курс – "Введение в изучение филологических наук" для первокурсников. Обе науки – языкознание и литературоведение, отмечал он, из-за возрастающей специализации все более отдаляются друг от друга. Филология – не комплекс наук, а общий метод гуманитарных наук, которые строятся на изучении прежде всего письменных источников. А источники нужно уметь читать. Григорий Осипович объяснял, что чтение – это особое искусство, которому нужно учиться; филолог – мастер чтения, читающий так, что даже самые сложные типы содержания ему доступны. "Понимание написанного дается

годами, жизнями", – внушал Винокур слушателям. Курс обычно заканчивался анализом десятой главы "Евгения Онегина". Его слушали буквально затаив дыхание.

Лекции Винокура были чужды внешних приемов занимательности – они были коллективным трудом профессора и студентов, Григорий Осипович умел мыслить в аудитории. На его лекциях не было скучных тем, создавалось впечатление, что нет ничего интереснее, например, истории падения редуцированных в русском языке или истории употребления лексических вариантов в поэтической речи пушкинского времени. Винокур умел сосредоточить внимание слушателей на кардинальных вопросах. Иллюстративные примеры становились как бы условным обозначением проблемы, они были "заразительны", хотелось сразу же после лекции прочитать новыми глазами весь текст целиком.

"Я помню, – говорил Григорий Осипович, – как в первые годы своей педагогической деятельности, когда я был еще совсем незрелым педагогом, я делился как-то своим опытом с Дмитрием Николаевичем. Я его спросил: "Дмитрий Николаевич, может быть, в самом деле воспитать и выучить аспиранта, ученого – это больше для науки, чем толстая книжка?" Дмитрий Николаевич посмотрел на меня с своей обычной проницательно-ласковой улыбкой, и я понял, что действительно для него было так". Именно "так" это было всегда и для Винокура. Его ученики понимали, что они – это его ненаписанные книги, но Григорий Осипович об этом не жалел. Двери его дома всегда были открыты для всех (не только для его аспирантов и студентов), кто нуждался в его совете, интересовался его наукой. Он охотно снабжал всех книгами из своей замечательной библиотеки, собственноручными выписками из памятников, темами исследований. Винокур любил делиться своими знаниями, идеями, планами, охотно выступал с докладами, популярными лекциями. Он был председателем первого научного студенческого общества на филологическом факультете МГУ. Первыми слушателями новой статьи Винокура "Об изучении языка литературных произведений" стали студенты.

Григорий Осипович знал все перипетии жизни своих учеников, заботился об их судьбе, огорчался их неудачами и с какой-то особенной радостью воспринимал их успехи. Его руководство было далеко от мелочной опеки, он не навязывал ученикам свои взгляды, заботился о расширении их научного кругозора и общей культуры. Они часто слышали, например: "Завтра в пединституте будет интересный доклад, вам нужно послушать", "А какую я вчера книжку интересную прочитал!", "Скоро выходит книга... Не пропустите". Или

просто: "Я вчера в букинистическом купил для вас вот эту книжку, ее всегда нужно иметь под рукой". Как-то так сложилось, что у него учились не только аспиранты, к нему прикрепленные, но и все аспиранты кафедр русского языка МГУ и МГПИ. Из года в год на втором аспирантском курсе Винокур вел для всех семинар по чтению древнерусских рукописей. Это была подлинная школа самостоятельной научной работы – работы над текстами и научной литературой. Каждый участник семинара делал два доклада: самостоятельный анализ какого-нибудь текста без обращения к литературе вопроса и реферат по прочитанной литературе, посвященной какому-либо другому вопросу. Точно такие же доклады делал и сам Григорий Осипович. В обсуждении каждого доклада и реферата участвовали все.

И в научной деятельности, и в работе с учениками Винокур придерживался двух правил: во-первых, "наука строится не рассуждениями о ней, а практической работой над материалом"; во-вторых, "не может быть подлинного ученого, который не способен сам себя обслужить со стороны своих потребностей в черновой работе, который не чувствовал бы себя совершенно свободно в атмосфере сырых материалов и так называемых научно-вспомогательных проблем, более того – не любил бы "рыться" в текстах и изданиях, не считал бы это своим собственным долгом".

Григорий Осипович Винокур скончался 17 мая 1947 г., скончался скоропостижно в возрасте 50 лет, не дочитав лекций, не дописав своих книг, не дожив до выхода в свет "Словаря языка А.С.Пушкина", не выполнив и половины задуманного. 7 мая 1947 г. (за десять дней до кончины) он составил "Проспект книги "Лекции по истории русского литературного языка" для Учпедгиза, который заканчивался словами: "Предполагаемый объем книги – 25 листов. Представить ее я мог бы в августе 1948 года".

I

ИСТОРИЯ ЯЗЫКА И ИСТОРИЧЕСКАЯ СТИЛИСТИКА

К.Ф. Захарова

ВРЕМЯ И ПРИЧИНЫ УТРАТЫ ѣ В МОСКВЕ

Григорий Осипович Винокур читал у нас (в Московском городском педагогическом институте им. В.П.Потемкина) лекции по истории русского литературного языка. Тогда, еще до войны, кафедра русского языка в институте была очень сильной. Возглавлял ее Р.И.Аванесов, который собрал на ней почти всех выдающихся московских ученых того времени, таких как П.С.Кузнецов, А.А.Реформатский, В.Н.Сидоров, Г.О.Винокур, А.М.Сухотин, А.Б.Шапиро, а также более молодых, тогда еще только начинающих, И.С.Ильинскую, В.Г.Орлову. Они, каждый по-своему, были близки к нам, студентам, воспитывая и пробуждая в нас не только интерес к своему предмету, но и к восприятию жизни, к поведению, к нравственным понятиям и критериям. Пожалуй, самым обаятельным из них, независимым, не похожим на других был Г.О.Винокур. Он поражал достоинством и постоянством всего своего облика. Всегда строго, но элегантно одетый, приветливый и серьезный, он притягивал к себе, вызывая восхищение и уважение, оставаясь при этом по-своему недоступным, даже недосягаемым.

Он был великолепен на лекциях. При глубине, последовательности и четкости изложения своего курса, Григорий Осипович не отрывал историю литературного языка от истории нашей современной культуры. Демонстрируя понятие *стиля* в языке, в речи или в поведении людей, он часто приводил примеры из личной жизни. Так, обсуждая стиль обращения между людьми, Григорий Осипович однажды сказал, что он на "ты" с институтскими товарищами по кафедре, с которыми

знаком не так давно, став уже их коллегой, тогда как на "вы" до сих пор со своим старым другом, гимназическим товарищем Сергеем Михайловичем Бонди. В другой раз, говоря о стиле письменного языка эпистолярной формы, привел такой случай с тем же С.М.Бонди: как-то раз Винокур получил от него письмо, как будто пришедшее из XVIII века. Оказалось, что Бонди в это время так усердно занимался частной перепиской людей того века, что невольно полностью усвоил их стиль и форму выражения, не стилизуя и не подражая им.

Интересно отношение Григория Осиповича к диалектологии – к живой речи местных говоров. Он считал диалектологию одной из самых значительных и интересных областей русского языкознания. Думая об истории литературного языка, Григорий Осипович жалел, что не была создана история диалектного языка, потому что никогда не отделял, не обособлял образование литературного языка от истории отдельных явлений и образования национального русского языка в целом. Поэтому причины утраты *ѣ* из московской речи и московской письменности не могли не интересовать Г.О.Винокура: он был пытливым и высокоодаренным исследователем.

* * *

Данные московских памятников разных уровней свидетельствуют о том, что, начиная с XV века, употребление *ѣ* неоднозначно и зависит от стиля памятника (Виноградов, 1923). В памятниках, относящихся к высокому стилю – церковного и духовного содержания – наличие *ѣ* под ударением регулярно и нормативно (Васильев, 1905, 1910), что, однако, достоверно отражает только традицию письма, а не норму живого языка Москвы. В бытовом, низком стиле – в письмах, деловых бумагах – буква *ѣ* постоянно путается с буквой *е*, употребляется ненормативно (Филиппова, 1982; Сумкина, 1982; Князевская, 1957; Лихтман, 1977; Горщкова, 1968; Акты..., 1975), что явно свидетельствует об утрате различения звуков, обозначаемых на письме буквами *е* и *ѣ*, в живом языке или об изменении функции их употребления. В отношении произношения гласной, обозначаемой на письме буквой *ѣ*, прямых свидетельств нет. Однако В.В.Виноградов отмечал: "Ударяемое *ѣ* в говоре высшего слоя литературно-образованных людей Московского государства звучало как дифтонг *ie* (или *iе́*) до начала XVIII в. Наряду с таким выговором *ѣ* в языке верхних слоев московской интеллигенции, сохранявшем архаические черты, очень рано *ѣ* совпало с *е* в произношении низших классов Москвы... Отсюда такое произношение проникало и в литературный язык в соб-

ственном смысле слова." (Виноградов, 1923, с.338-339). Кроме этого В.В.Виноградов приводит мнение Сумарокова о характере произношения *ѣ*: «Сумароков вполне определенно отделяет литературное произношение *ѣ* и *е* от языка "подъячих и баб", "которые между *е* и *ѣ* различия почитают за ничто или паче за род педантства" (Сумароков. Сочинения. 1781 г., ч. VI, с.26)» (Виноградов, 1923, с.327).

Л.Л.Васильев (1910), стараясь объяснить характер различия звучания гласных на месте *ѣ* и *е*, пришел к заключению, что в Москве до XVII в. должно было отсутствовать смягчение согласных перед гласным на месте *е, ь*, а гласный на их месте звучать как [ĕи] и обязательно присутствовать мягкость согласного перед гласным на месте *ѣ*, который должен был звучать как [ĭе]. Другими словами, должно было произноситься *д'ĭела* или *д'ĕла*, но *с'ĕла* или *с'ела*, примерно так, как произносятся эти звуки и сейчас в церковнославянском чтении, в котором отсутствует результат перехода [е] в [о] перед твердыми согласными, чего никак не могло быть в живом языке Москвы в XVII веке, если учесть данные исследования московских памятников XV, XVI вв. К.В.Горшковой (1968) и Е.Ф.Васеко (1973).[1]

Обычно интересные и достоверные данные об истории языка и отдельных языковых явлениях дает совокупность результатов изучения памятников письменности и живых говоров, если они относятся к одному и тому же языковому объекту. При этом даже при условии единства объекта исследования не всегда возможно восстановить исторические корни и процессы явлений, если исходить из данных только одного современного говора, утратившего видимые следы прошлого состояния. Так, современный московский говор, если его рассматривать изолированно, не содержит следов процесса, связанного с утратой <ѣ> как особой фонемы. Кроме этого, каждое частное явление должно быть рассмотрено с точки зрения той системы, в которой оно функционирует. Особенно обязательно это должно соблюдаться по отношению к фонеме <ѣ> (Васеко, 1973). Противостоит ли она фонеме <е> в одном и том же сильном положении, различает ли она в этом положении значения слов? Если она – <ѣ> – как различитель значения слова, находится в одном ряду с другой фонемой – <е>, – то непонятно, почему в сильном положении начинается сам процесс слияния ее с <е> и процесс утраты <ѣ> как фонемы.

К сожалению, и статья Л.Л.Касаткина "Утрата <ѣ> в связи с процессом монофтонгизации дифтонгов в русском языке" (1991) не отвечает на этот вопрос. Сама статья убедительна и значительна в отношении тех говоров Вологодской, Калужской и Тверской областей, которые рассматривает Л.Л.Касаткин и в которых до настоя-

29006

www.ruslang.ru

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТА РУССКОГО ЯЗЫКА
ИМЕНИ ВИКТОРА ВЛАДИМИРОВИЧА ВИНОГРАДОВА

ящего времени отмечаются следы былого различения гласных фонем <ѣ> и <е>. Но сам процесс "монофтонгизации дифтонгов" в качестве единственной причины утраты противопоставления <ѣ> и <е> в русском языке не может относиться ко всем говорам, а тем более к говору Москвы. По сути, предположение Л.Л.Касаткина о подобном процессе слияния <ѣ> с <е> повторяет предположение Л.Л.Васильева о характере различения в речи [ѣ] и [е] и не может относиться к прошлому языку Москвы именно потому, что не учитывает наличия в ее говоре ['о] на месте *е* перед твердыми согласными (Горшкова, 1968; Васеко, 1973), изменившего фонологические отношения между бывшими <ѣ> и <е>.[2]

Мнение о наличии в Москве чуть ли не до XVIII в. особой фонемы <ѣ> (под ударением) утвердилось в науке и было всеобщим. Этому способствовало то, что согласно "Опыту диалектологической карты русского языка в Европе" (Дурново и др., 1915), говор Москвы считался переходным с северновеликорусской основой и южновеликорусским наслоением и трактовался из-за смешанного населения Москвы как койне. Тем самым говор Москвы лишался своей исторической исконной диалектной основы, общей с другими говорами Ростово-Суздальской земли, изолировался от них и терял с ними органические связи и общую основу тех новообразований, которые стали характерными для всех них и имели общую судьбу при реализации <ѣ>. Именно они, общие новообразования говоров Великого московского княжества, послужили основой для образования как собственно русского языка, так и литературного, который при этом консолидировал в себе традиции письменного языка и местный диалект – устную речь Москвы – центра зарождающегося русского государства. Поэтому изменение и расширение понятия диалектной принадлежности Москвы открывали возможность использования новых диалектных данных о процессах, связанных со статусом *ѣ* в этих говорах и разрывали замкнутый круг источников, ограниченный письменными памятниками.

Новые диалектные данные представил Диалектологический Атлас русского языка – ДАРЯ (1986), – составленный по единой программе на основе разработанного Р.И.Аванесовым учения о противопоставленных членах диалектного языка. Данные ДАРЯ позволили составить карту диалектного членения русских говоров на строго синхронном принципе, а также увидеть их историческую основу, отраженную в диалектных зонах (Захарова, Орлова, 1970, с.44).

Диалектная зона – это особое лингво-территориальное понятие, не имеющее непосредственного отношения к синхронным дан-

ным карты диалектного членения, но отражающее историческую лингвистическую картину, на основе которой развились и существуют современные говоры, объединенные в группы по сходству и близости их частных систем.

Каждая диалектная зона имеет общее ядро – территорию, на которой отмечаются все из присущих ей явлений, – и не имеет резко выраженной границы. По своей наполненности диалектными явлениями и по составу явлений, характеризующих каждую диалектную зону, они (диалектные зоны) различны, так как отражают исторически ранние языковые единства народа или очерчивают территории экспансии языкового пространства более поздних времен. Различен и состав явлений, характеризующих каждую диалектную зону. В прошлом наиболее важными явлениями диалектных зон были, видимо, закономерности, связанные с утратой музыкального ударения, с падением глухих гласных ь и ъ, с развитием новых категорий мягкости и твердости согласных, с образованием парадигм нового типа склонений и спряжений, а также с образованием новых вокальных систем, куда входила и судьба фонем <ѣ> – <е>. При этом в современных говорах одной диалектной зоны следы старых явлений могут сохраняться в остаточной форме, в новых типах вокализма, в отдельных словах, отдельных грамматических формах или специфических явлениях, характерных только для нее. Поэтому, если говоры в древности не входили в зону действия некоей фонетической или грамматической закономерности, свойственной говорам именно данной диалектной зоны, то отражения результатов их действия нельзя ожидать в говорах той же, но современной диалектной зоны. С другой стороны, диалектные зоны дают возможность пользоваться синхронными данными говоров разных систем, развившихся на одной и той же основе.

Диалектная зона центральных говоров (Захарова, Орлова, 1970, с.61-69) по своему выделению отличается от всех других, выделенных на основе территориального распространения только диалектных членов каждого соответственного явления, тем, что в ней члены соответственных явлений современных говоров совпадают с формами общенационального русского языка, будучи исконными, исторически присущими этим говорам. Поэтому комплекс лингвистических явлений диалектной зоны центра противостоит всем соответственным диалектным явлениям, распространенным в говорах на периферийных от центра диалектных зонах.

Комплекс черт диалектной зоны центра (Захарова, Орлова, 1970, с.67-69), объединенный общей ритмико-интонационной структурой

слова, существенен для всех говоров, входящих в ее территорию – акающих (московских, егорьевских) и окающих (владимирских, тверских, муромских и нижневгородских). Он свидетельствует о их единой былой основе и о том, что они получили свое своеобразие именно в говорах на территории центральной диалектной зоны.

Данные говоров центральной диалектной зоны в отношении судьбы **ě* и **e* особенно важны, потому что позволяют включить в рассмотрение предударный вокализм владимирско-поволжских говоров, который оказался полностью подобен ударенному, благодаря сильному положению его предударного слога[3]. В нем точно повторялись фонетические преобразования **ě* и **e* ударенного слога, демонстрируя единство и однозначность исторических процессов в современных акающих и окающих говорах данной зоны. Все эти говоры свидетельствуют, что в них в определенное историческое время действовал один и тот же фонетический закон перехода [е] из **e, *ь* в ['о] перед твердой согласной. В результате этого на месте **e* стали произноситься не один, а два гласных в зависимости от положения перед *t* или *t'*: *t'ᵘ̈ot* и *t'ᵘ̈et'*. Гласный [ᵘ̈о] перед *t* впоследствии стал ['о] фонемы <о>, а гласный [ᵘ̈е] перед *t'* сблизился с [ᵘ̈е] на месте **ě* и перестал быть самостоятельно фонематически значимым.

Фонетический закон перехода [е] > ['о] был очень точно определен фонетическими позициями – только перед исконно твердой согласной, только [е] из **e*, но не из **ě*, и только в слоге сильного положения. Поэтому в современных говорах центра он прослеживается очень отчетливо в московских говорах под ударением, во владимирско-поволжских – под ударением и в первом предударном слоге. Согласно этому закону перед твердой согласной в московском говоре на месте **ě* и **e* стали произноситься гласные, которым не нужно было различаться при помощи мягкости–твердости предшествующего согласного (Васильев, 1905), т.е. гласные типа ['е] и ['о], которые в будущем станут фонемами <е> и <о>. Таким образом, проблема "монофтонгизации дифтонгов" на месте дух фонем *е* снималась в этих говорах сама собой.

Кроме этого, если в прошлом в сильном слоге происходили одни и те же фонетические изменения, независимо от ударения, то значит было не верно господствующее представление о двух этапах утраты *ѣ* в московском языке – сначала в безударном положении, потом под ударением (Филиппова, 1982; Обнорский, 1947; Сидоров, 1965), – что могло объясняться, возможно, особенностями и правилами письма, таким образом отражающими явления устного языка, в котором (т.е. в московском говоре) предударный слог стал уже не сильным.

Также ошибочным оказалось представление о совпадении в предударном слоге гласных на месте **е* и **ѣ* сначала в [е] (Сидоров, 1965), а потом о фонетическом переходе его в ['о] перед твердыми согласными, что, естественно, породило ошибочное представление о наличии ёканья во владимирско-поволжских говорах на месте не только **е*, но и **ѣ* (Скобликова, 1962) и послужило основой для теории В.Н.Сидорова (1966) об образовании умеренного яканья "как акающего слепка, отлитого по окающей модели". В этом в какой-то степени виноват П.С.Кузнецов – автор трактовки фонетического [о] на месте *е* и *ѣ* в предударном слоге владимирских говоров.[4]

Современные говоры центральной диалектной зоны показывают полное единство и единообразие гласных на месте старых, исконных **ѣ* и **е*,**ь* без каких-либо рефлексов особого произношения гласного на месте <ѣ >: в московских и владимирских говорах перед твердыми согласными в соответствии с **ѣ* и **е*,**ь* повсеместно произносятся [е] и ['о] в сильных слогах слова. Отступления от этого носят позднейшие однотипные, лексически ограниченные взаимозамещения фонем <о> и <е> в основах слов одного и того же парадигматического типа на месте исконных **е* и **ѣ* перед *і*, разные в акающих (Обнорский, 1947) и окающих (Скобликова, 1962; Образование..., 1970, с.360-365) говорах. Они олицетворяют отношения двух самостоятельных фонем, имеющие не фонетический, а лексико-морфонологический характер, который обычно увеличивает число слов с фонемой <о> за счет фонемы <е> в однотипном по парадигме классе слов, для которых типичнее именно такое – с ['о] – произношение, напр.: [*в'óд*]*ра*, [*в'од*]*рá* – как [*с'ó*л]*а*, [*с'ол*]*á*; ц[*в'ó*л], ц[*в'от*]*ýт* – как [*н'ó*с], [*н'ос*]*ýт* и под. (Обнорский, 1947).

Частное различие между московскими и владимирскими говорами состоит в том, что в последних имеется больше условий для аналогических процессов при распространении [о] вместо [е] в 1-ом предударном слоге особенно для слов с постоянным ударением, типа *двенадцать*, и слов с постоянным ударением при словоизменении, имеющих в своем составе ['о] на месте **е*. Например, по аналогии с *бо*[*jов*]*óй* произносятся [*с'од*]*óй*, [*н'ом*]*óй*, [*сл'оп*]*óй*, [*гн'од*]*óй*; *во*[*jов*]*á ть* → *о*[*д'ов*]*á ть*, *по*[*сп'ов*]*á ть* и под. При этом в говоре всегда остаются слова с [е] в соответствии с **ѣ*, не имеющие образца с [о] в данном типе слов: [*д'ел*]*á*, [*м'ес*]*тá* и под. В отдельных владимирско-поволжских говорах подобная аналогия может охватывать значительное количество слов (Скобликова, 1962) (с чем и связана ошибка П.С.Кузнецова).[5] Но несмотря на это сама суть отступлений от [е] к ['о] однотипна во всех говорах центральной диалектной зоны. Она исключает в них наличие

и действие особой фонемы *ѣ* и объясняет отступления особенностями словоупотребления современной пятифонемной системы московского типа. Это чисто лексико-фонологическое явление отмечается только в говорах центральной диалектной зоны, где оно зародилось, и может свидетельствовать о результатах действия этой фонологической системы в говорах с сильным предударным слогом.

Еще более очевидной является утрата *ѣ* в качестве фонемы <ѣ> перед мягкими согласными в говорах Москвы. Смягчение согласной перед гласными из **е, *ь*, приведшее к переходу ['е] в ['о] перед твердой согласной, привело в положении перед мягкой согласной к физиологическому сближению по качеству ['е] из **е, *ь* с ['е] из <ѣ> (искони имеющего смягчение предшествующего согласного), а затем к совпадению их в этих говорах. Об этом свидетельствует не только повсеместный гласный [е] между мягкими на их месте, но и [и], отмечаемый в этом соответствии только в говорах центральной зоны как под ударением, так и в 1-ом предударном слоге в окающих говорах: *[д'и́н'], [д'ин']о́к, [п'и́н'] — з[в'и́р'], з[в'ир']о́к, [в'и́т']ер*. О том, что эти формы очень ранние, говорят примеры: *[шы́с'т'] (ше́сть), [жы́р']ех* (рыба *же́рех*), которые возникли здесь, видимо, до отвердения шипящих, т.е. до XV в. (Алексеев, 1954; Образование..., 1970, с.355).

Связь совпадения гласных на месте фонем **е* и **ѣ* в [е] или [и] между мягкими (т.е. их неразличение) с системой различения их как [о] и [е] перед твердыми согласными, единообразие и последовательность наличия этого только в говорах центральной зоны, заставляет предположить, что эти новообразования связаны не столько с качеством гласных на месте **ѣ* и **е* между мягкими согласными, сколько с перестройкой всей системы гласных и образованием новой пятифонемной фонологической системы, которая существует и в современных говорах, образуя две разновидности – московскую и владимирско-поволжскую.

Другими словами, гласные на месте **ѣ* и **е* совпали между мягкими согласными не только из-за создавшейся физической близости их, но и потому что новая фонологическая система в позициях перед *t* и *t'* не требовала их различия. В отличие от всех русских говоров центральные говоры создавали новую систему фонем, при которой в сильном положении одна и та же фонема могла быть и перед *t* и перед *t'* (хотя физиологически гласные на ее месте позиционно различались): *'at–'at'* (*ш[л'а́п]а – в ш[л'а́п']е*), *'et–'et'* (*[д'е́л]о – в [д'е́л']е*), *'ot–'ot'* (*бе[р'о́з]а – в бе[р'о́з']е*), где <'о> становится в один ряд с другими гласными фонемами, используя для этого возможности аналогии, когда положение перед *t'* объединяется с положением перед *t* в одной

и той же грамматической категории. При этом в этой системе не было места двум <е> разной этимологии и разного качества, поскольку <е>, вобрав в себя все слова с гласной **ě* и слова с **е* перед мягкой согласной, не перешедшие в ['о] до XV в., встала в ряд с <о>, а физиологическое звучание разных [е] фонемы <е> стало безразличным для ее фонологического значения.

Таким образом, в утрате *ѣ* в Москве были и фонологические причины: с появлением ['о] на месте **е* перед твердым согласным гласная *ѣ* утратилась как особая фонема <ѣ>, но сохранилась как гласный [е] в основном составе слов фонемы <е> пятифонемной системы.

Наличию новой фонологической системы сопутствовало появление структурных изменений не только в вокализме, но и в грамматике этих говоров. Завоевание равноправного положения фонемы <о>, теперь возможной как после твердых, так и после мягких согласных, привело к изменению парадигм склонения и спряжения, их упрощению и единообразию, выразившихся в продуктивности единых парадигм по образцу твердой разновидности. Действительно, изменения в морфологической системе были бы другие, если бы не появилась полноценная фонема *о*, не ограниченная мягкостью/твердостью консонантного окружения. Поэтому склонения существительных обобщались по аналогии с твердой разновидностью, благо имелась фонема <о>: *зем*[*л'о́*]*й* как *сест*[*ро́*]*й*, *ко*[*н'о́м*] как *сто*[*ло́м*] и под. Обобщаются с <о> по образцу, как перед твердой согласной, ранее фонетические варианты *t'ot – t'et'* в основах слов: *бе*[*р'о́з*]*а – бе*[*р'о́з'*]*е*, *зе*[*л'о́н*]*ый – зе*[*л'о́н'*]*енький*; в суффиксах *-ок-*: *де*[*н'о́к*] *– де*[*н'о́ч'*]*ек* и под. Все это не единичные, частные изменения одной фонемы или одного гласного, а связанные взаимно, определяемые одной и той же закономерностью факты, являющиеся результатом образования новой фонемной системы, которая заменяла старые фонетические разновидности в соответствии **е* перед *t* и *t'* аналого-морфемным способом – только под ударением – ради единства основы слова или суффикса. Это давало возможность, как след исконного наличия разных гласных на месте **е*, **ь*, сохранять словообразовательные формы с морфологическим чередованием <е> – <о> типа [*с'о́л*] – [*с'ел'*]*ский*, [*д'ен'*] – *по*[*д'о́н*]*ный*, [*п'ен'*] – *на* [*п'о́н*]*ушке*.

В говорах с другой фонологической системой — в периферийных говорах — сохраняется (в настоящее время в разной степени) система, отражающая влияние последующего мягкого согласного: *ш*[*л'а́п*]*а – в ш*[*л'ен'*]*е*, [*д'ел*]*о – в* [*д'ил'*]*е*, [*д'ил'*] *и́т'*, говорящая о наличии в этих говорах в настоящее время или в прошлом фонемы <ѣ>, утратившейся в ростово-суздальских говорах к XV в. Об этом же свидетельствуют

отдельные формы с [и] только на месте <ě>, но не <е> (*гдú, вездú, тú* вм. *тé*), отдельные слова с [и] в том же соответствии (*сúверно, дúверь*), чего не встречается нигде в говорах центра.

Таким образом, новая фонология перекрывала и подчиняла себе этимологию гласных, создавая лексическое многообразие и полноценность фонем <о> и <е> и ставя фонему <о> в равное положение по отношению к другим фонемам. Этим создавалась такая система гласных фонем, при которой сильным положением являлось положение под ударением независимо от последующего консонантного качества. Поэтому наличие фонетической зависимости качества гласного от положения его перед твердой или мягкой согласной, типа *t'at – t'et'; t'ét' – t'ut'*, свидетельствует о былой шести- или семифонемной системе гласных, если даже в современном говоре не отмечаются разные гласные на месте **ě* и **e,ь*.

То же свойство фонематически использовать бывшие фонетические отношения отличает владимирско-поволжские говоры, создавая их своеобразие, как принадлежащих к центру. Для этих говоров характерно большее сохранение бывших фонетических чередований ['о] – [е], но уже как чередований фонем <о> – <е> в основах слов и суффиксах типа [*м'óрз*] – [*м'é р'з'л']и*; *гор[шóк] – гор[шéч']ек*, из которых первым свойственно утрачиваться. Чередования <о> – <е>, которые очень устойчивы в 1-ом предударном слоге, относятся к основам слов в парадигмах склонения и спряжения, типа *[с'ос]трá – [с'ес']трé*; *[п'ок]ý – [п'еч']óшь*; *[н'ос]ý – [н'ес']óшь* и под. Их тоже нельзя считать фонетическим, позиционным чередованием ['о] – [е] фонемы <о>, поскольку в говорах есть формы *[п'ок]ý – [п'ек]óшь* (Аванесов, 1947).

В связи с вопросом об утрате *ѣ* и причинах этого возросло значение учета всей системы гласных фонем. Стало ясно, что дело не только в том, существует или нет особый гласный [ê] наряду с гласным [е], а в том, в какой системе фонем они действуют. Системы фонем говоров, в которых происходит утрата старых различий между фонемами <ě> и <е>, выраженных дифтонгоидными гласными (Касаткин, 1991), отличны от фонетической системы московского говора. И задачи этого процесса упорядочивания разных дифтонгов заключаются главным образом во включении данных диалектных систем в общероссийскую языковую структуру, представителем которой является говор Москвы. В самой же Москве самостоятельно и самобытно возникала новая звуковая система, результатом которой и была утрата *ѣ*. Новая фонологическая система как бы усиливала свое фонологическое, различительное значение гласных по сравнению с фонетической зависимостью их в старой системе.

Мало этого, говоры Великого московского княжества в связи со сложившейся историей стали главенствующими в создававшемся русском государстве. Именно на их основе возникал и письменный язык художественной литературы. На нем творили позднее такие деятели, как Новиков, Радищев, Державин, Карамзин и, наконец, Пушкин. Возможно поэтому "язык Москвы" стал ведущим. Диалектные явления местных систем постоянно испытывали его влияние. Да и общерусские тенденции преобразования вокализма были свойственны всем русским диалектам. Поэтому в них, если не было перехода [е] > ['о] перед твердыми согласными или он задержался, стали происходить процессы "монофтонгизации дифтонгов" на месте фонем <ѣ> и <е>, описанные Л.Л.Касаткиным.

* * *

Можно думать, что после XV в. в говорах центральной диалектной зоны, следовательно, и в Москве, фонемы, обозначаемой на письме буквой *ѣ*, уже не было. Причиной утраты *ѣ* как фонемы была перестройка в этих говорах всей фонологической системы гласных, в результате чего возникла пятифонемная система, ликвидирующая фонематическую зависимость гласного от последующей твердости–мягкости соседних согласных: под ударением (т. е. в сильной позиции) фонема оставалась неизменной перед *т* и *т'*. Новая фонологическая система отличалась не только количественно (пять фонем вместо шести или семи), но меняла отношения между гласными и согласными, ставя на первый план в сильной позиции основное значение гласной, т. е. одну фонему, независимо от ее консонантного окружения.

Памятники письменности на территории центра, свидетельствующие о наличии гласной *ѣ* до XVII в., требуют специального исследования для установления особенностей в традиции письма и оформления ее орфографии. Тем более, что причины для сохранения *ѣ* на письме заложены в основе русского правописания, где ['о] не обозначается отдельной буквой.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] По данным К.В.Горшковой, к фонетическим явлениям XV в. относится: наличие парных по твердости–мягкости и глухости–звонкости согласных фонем, отвердение ряда исконно мягких, не противопоставленных по этому принципу согласных (*ц, ш, ж*) (Горшкова, 1968), а главное, наличие результата перехода [е] (но не [ѣ]!) в [о] перед следующим твердым

согласным (Горшкова, 1968; Васеко, 1973). Последнее явление не могло произойти без предшествующего по времени смягчения согласных перед *е, *ь. Следовательно, твердые согласные перед [е] в отличие от мягких перед [ѣ] могли быть в это время только у определенной группы говорящих с традицией церковного произношения, которые искусственно сохраняли его, поддерживаемое сложившейся орфографией.

[2] Л.Л.Касаткин пишет: "В языке Москвы XVII – первой половины XVIII в. звуки на месте *е* и *ѣ* различались под ударением, причем различие это выражалось и в том, что перед ними выступали разные по твердости–мягкости парные согласные, и в том, что сами гласные звуки были различны: в соответствии с <*е*> выступал [е], в соответствии с <*ѣ*> – [иѐ]."(Касаткин, 1991, с.19).

[3] Исследования С.С.Высотского (1977) и Р.Ф.Пауфошимы (1978) показали, что интонационно-силовая характеристика слогов слова московского говора близка владимирской и отличается от владимирской только некоторой ослабленностью всех гласных безударных слогов и силой 1-го предударного слога: 1–2–3 и – 1–3–3. Это, вместе с единством звукового и грамматического состава категорий этих говоров, заставляет предположить более тесное старое единство московских и владимирских говоров, входящих в одно единое Ростово-Суздальское княжество, позднее в Великое Московское княжество.

[4] Убеждение о фонетически закономерном ['о] на месте *ѣ подкреплялось современным описанием П.С.Кузнецовым говора села Кишлеева Владимирской области, где в первом предударном слоге при последовательном [о] из *е, ь* перед твердой согласной отмечены случаи произношения [о] в словах в соответствии с *ѣ*, которые П.С.Кузнецов принял за фонетически обязательное произношение [о] и на месте *ѣ* (чего на самом деле не было (Захарова, 1981, 1985; "Образование...", 1970, с.360-365)).

[5] Этому вопросу специально посвящены: карта фонетического выпуска ДАРЯ, № 4, составленная К.Ф.Захаровой, ее же: глава в "Образование..." (1970, с.360-367) и статьи "Об основе умеренного яканья в восточных среднерусских говорах" и "К вопросу о ёканье" (Захарова, 1981, 1985).

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Об одной фонетико-морфологической особенности северновеликорусских говоров // Доклады и сообщения филологич. фак-та. 1947. №2.

Акты русского государства 1505–1526 гг. М. 1975.

Алексеев Д.И. Об одной фонетической особенности владимирско-поволжских говоров // Ученые записки Куйбышевского пед. ин-та. 1954. Вып. 12.

Васеко Е.Ф. Фонологическая система Московского говора первой половины XVI в. по памятникам деловой письменности. Автореферат. Московский университет, 1973.

Васильев Л.Л. К истории звука *ѣ* в Московском говоре XIV–XVII вв. // Известия ОРЯС. Т. 10, кн. 2. 1905.

Васильев Л.Л. Несколько данных для определения звукового качества буквы *ѣ* (сравнительно с буквой *е* в памятниках XVII в., употребляющих эти буквы в слоге под ударением по древнему при замене в слоге без ударения буквы *ѣ* буквой *е*) // Известия ОРЯС. Т. 15, кн. 3. 1910.

Виноградов В.В. Исследования в области фонетики северно-русского наречия. Вып. I. // Очерки по истории звука *ѣ* в северно-русском наречии. Известия ОРЯС. Т. XXIV, кн. 1 и 2. Пг. 1923.

Высотский С.С. Звук речи в контексте // Диалектологические исследования по русскому языку. М. 1977.

Горшкова К.В. Очерки исторической диалектологии Северной Руси (по данным исторической фонологии). Московский университет. 1968.

Диалектологический атлас русского языка. Т. I. М. 1986.

Дурново Н.Н., Соколов Н.Н., Ушаков Д.Н. Опыт диалектологической карты русского языка в Европе с приложением очерка русской диалектологии // Труды Московской диалектологической комиссии. Вып. 5. 1915.

Захарова К.Ф. К вопросу о ёканье // Диалектология и лингвогеография русского языка. М. 1981.

Захарова К.Ф. Об основе умеренного яканья в восточных среднерусских говорах // Диалектология русского языка. М. 1985.

Захарова К.Ф., Орлова В.Г. Диалектное членение русского языка. Просвещение. М. 1970.

Касаткин Л.Л. Утрата <ѣ> в связи с процессом монофтонгизации дифтонгов в русском языке // Современные русские говоры. М. 1991.

Князевская О.А. К истории московского говора // Ученые записки МГПИ им. В.П.Потемкина. Т. XLII. 1957.

Кузнецов П.С. О гласных 1-го предударного слога в некоторых владимирских говорах // Бюллетень диалектологического сектора Института русского языка АН СССР. М. 1948. Вып. 4.

Лихтман Р.И. Еще раз о "своеручных записках" Н.Б.Долгорукой как памятнике московского просторечия // Проблемы развития языка. Вып. 1. Саратовский университет. 1977.

Обнорский С.П. Переход *е* в *о* в современном русском языке // Шахматов А.А. М.-Л. 1947.

Образование северно-русского наречия и среднерусских говоров. М. 1970.

Пауфошима Р.Ф. Перестройка системы предударного вокализма в одном вологодском говоре // Физические основы современных фонетических процессов в русских говорах. М. 1978.

Сидоров В.Н. О предударных гласных в говоре Москвы XVI в. // Проблемы современной филологии. М. 1965.

Сидоров В.Н. Умеренное яканье в среднерусских говорах и севернорусское ёканье // Из истории звуков русского языка. М. 1966.

Скобликова Е.С. О судьбе этимологического *ѣ* в 1-ом предударном слоге перед твердыми согласными в говорах владимирско-поволжской группы // Материалы и исследования по русской диалектологии. Новая серия. Т. 3. М. 1962.

Сумкина А. И. Описание города Москвы 1785 г. // История русского языка. Памятники XI–XVIII вв. М. 1982.

Филиппова И.С. Московские грамоты XVI в. из Государственного архива Рязанской обл. // История русского языка. Памятники XI–XVIII вв. М. 1982.

А.А. Пичхадзе

О ЗНАЧЕНИЯХ И ФУНКЦИЯХ СОЮЗА *а* В ДРЕВНЕРУССКОМ ЯЗЫКЕ[1]

Известно, что частотность употребления союза *а* в разных жанрах древнерусской письменности очень различна. В переводных сочинениях этот союз встречается гораздо реже, чем в оригинальных древнерусских произведениях; если же рассматривать только памятники древнерусского происхождения, то окажется, что наиболее низкая частотность характерна для повестей житийного характера, патериков, молитв, наиболее высокая – для юридических текстов и бытовой письменности. Так, в Повести временных лет *а* употребляется в 7 раз чаще, чем в Киево-Печерском патерике, в Киевской летописи в два раза чаще, чем в Повести временных лет, а в Русской правде – в 3 раза чаще, чем в Киевской летописи; в Повести временных лет *а* встречается 550 раз, а в Хронике Георгия Амартола, в три раза превышающей Повесть временных лет по объему, всего 182 раза; при этом в период с XI по XVII в. частотность употребления союза *а* в пределах одного жанра не меняется[2]. Возникает вопрос: чем объясняется такая значительная разница в употребительности союза *а* в древнерусском летописании, бытовой и деловой письменности, с одной стороны, и в переводных сочинениях, а также древнерусских текстах, ориентированных на языковую норму переводных памятников, с другой стороны?

Для того, чтобы ответить на этот вопрос, нужно выяснить, какие функции выполнял союз *а* в произведениях разных жанров древнерусской письменности. В своих основных значениях – противительном, присоединительном и сопоставительном – союз *а* широко распространен в памятниках всех жанров, как переводных, так и оригинальных. Ср. в противительном значении: **милости хощѹ а не трєвѣ** (Матфей XII 7) Мстиславово евангелие XI-XII вв.[3], **шьсть гр[н]... плати а вирє нє плати** Гр. бер. № 115 посл. четв. XII в.; в присоединительном значении: **пришєдши вѡ смрть всѧ си погѹбитъ. а нє помнємъ** Мерило праведное XIV в.[4] (ср. в старославянском: **и съвръгъ ризы къ нагыимъ сѧ прим'ѣсн. а вьпиѧ тожде зъваниѥ сватыихъ. кръстиѧнъ ксмь** Супр.[5]), **помчаша красныя дѣвкы половецкыя, а съ ними злато, и паволокы, и драгыя оксамиты** Слово о полку Игореве[6], сюда же относятся застывшие сочетания с глаголом **рєщи: а рєка, а рькоучи**; в сопоставительном значении: **вндѣ...**

м҃ножьство дѣмонъ. единѣмъ прообразѣмъщемъ сѧ въ жены. и неподобна глющемъ. а дрѣгымъ въ оуноша и ржгающа сѧ. а дрѣгыѧ ликѣща Синайский патерик XI в.[7], **закладаюче горѣдню. куну взѧти. а кѡнчавше ногата** Русская Правда по списку XIV в.[8] Все эти значения реализуются как при соединении членов предложения, так и при соединении двух предложений, двух причастных оборотов или самостоятельного предложения и причастного оборота. Таким образом, противительное, присоединительное и сопоставительное значения являются синтаксически несвязанными; они одинаково употребительны во всех жанрах и на протяжении истории русского языка не претерпели существенных изменений.

Несколько иначе обстоит дело с начинательным *а*. Начинательное (точнее, начинательно-соединительное) *а* широко употребляется в древнерусской деловой письменности (особенно в юридических текстах, где оно вводит новую статью) – грамотах, летописях, паломнических "хождениях" и описаниях святых мест: ср., например: **а дочерѣмъ. моимъ и внучатамъ. в тѹ землю не вступатися. а на то послуси оць мои дшвныи игѹменъ василии и вся братя. а в печати стоялъ. зять его ларюша** Двинская вкладная грамота XV в. № 10 и т. п.[9] В произведениях других жанров начинательное *а* употребляется редко, а сигналом начала высказывания обычно является частица *же*; образцом для такого словоупотребления послужили переводные тексты[10], в которых *же* в этой позиции передает греч. δέ.

Пожалуй, основным фактором, обусловившим высокую частотность союза *а* в оригинальных древнерусских текстах разных жанров, было использование его в качестве коррелята.[11] Известно, что в древнерусском языке в сложноподчиненном предложении главное предложение, стоящее после придаточного, могло присоединяться к нему с помощью сочинительного союза – *а* или *и*. Исследования А.А. Зализняка[12] показали, что в новгородских берестяных грамотах употребление сочинительных союзов в функции коррелята являлось нормой, а бессоюзное присоединение главного предложения к придаточному – исключением. В качестве коррелята в новгородских берестяных грамотах в XI-XIII в. выступает, за единичными исключениями, союз *а*; с XIV в. с ним начинает конкурировать союз *и*, а затем и другие союзы – *да, ино, то* и др. Употребление союза *а* в качестве соотносительного характерно не только для новгородских, но и для двинских, московских, ярославских, нижегородских грамот, а также для юридических текстов, летописей, приписок. Соотносительный союз *а* в XI–XIV вв. использовался после придаточ-

ных предложений разных типов: условных: (**аже вы кде кр**н(**во**) **а исправивъше чьтѣте же** Ев. Добр. 1164 г., запись[13]), дополнительных ((1195) **да како ю** [Русскую землю] **с нимъ оудержишь. а то оузрю же** Ипат. 683); дополнительных с относительным подчинением (**кгоже не оумѣкть а тому сѧ не оучить** Лавр. 246), определительных (**что пѣшца. а ти сташа ѿ стго ільи противоу городища** Новг. I лет. 133 об.). Именно регулярное использование союза *а* в функции коррелята явилось главной причиной его высокой частотности в текстах древнерусского происхождения – прежде всего бытовых, юридических и летописных.

В памятниках южнославянского происхождения, в противоположность древнерусским грамотам и летописям, союз *а* в качестве коррелята не употреблялся: главное предложение присоединялось к препозитивному придаточному обычно бессоюзно или же в роли соотносительного использовался союз *то*. Поэтому и в древнерусских оригинальных текстах, ориентированных на церковнославянскую норму, *а* в функции коррелята встречается только в виде единичных исключений. О том, что употребление соотносительного союза *а* воспринималось русскими книжниками как не соответствующее церковнославянской норме, свидетельствует следующий факт: в Синодальном списке Новгородской I летописи, если условное предложение вводится церковнославянским союзом *аще*, главное присоединяется к нему союзом *то* (*тъ*), если же условное предложение вводится русскими союзами *аже, оже*, в главном выступают союзы *а* или *то (тъ)*.[14] Явно "нецерковнославянский" характер соотносительного *а* привел к тому, что с XIV в. его начинает вытеснять более нейтральный союз *и*, а в старорусский период наиболее употребительным коррелятом становится союз *то*[15], выполнявший эту функцию уже в старославянском.

Кроме того, для древнерусского *а* характерно еще несколько функций, по-видимому, не свойственных этому союзу в древнеболгарском. Одна из них – соединительная – носит явно реликтовый характер. Соединительный союз *а* известен западнославянским языкам, белорусским и украинским диалектам, он хорошо зафиксирован в старосербском и в хорватских глаголических памятниках. В старославянских текстах болгарского происхождения[16] и в древнеболгарских памятниках он не отмечен. Соединительное *а* довольно часто встречается в южнорусских и западнорусских грамотах XIV в. в окружении многочисленных полонизмов и потому также должно рассматриваться здесь как полонизм. В древнерусских текстах, свободных от иноязычных влияний, соединительное *а* встречается

редко: **на потокъ а на разграбленик** Русская правда по Новгородской кормчей 1280 г. 616, **слѣдъ гнати съ чюжими людми а с послоухы** – там же, 624 об. (то же в Троицком списке XIV в.), (1234) **и тоу оубиша... роушанъ .д. моу(ж). по(п). петрилу. .в. павла обрадицѧ. а нна два мужа** Новг. I лет. 118, (1216) **не можеть оумъ чловѣьскъ домыслити изѣкныхъ. а повѣданыхъ** Новг. I лет. 86, **в симовли а на хвоінн** Гр. бер. № 178 к. XIV в. Трудность выделения соединительного *а* связана с тем, что собственно соединительное значение у этого союза сочетается с сопоставительным и уточнительным, ср.: (1289) **оустављаю ловчее... со ста по дв҃ѣ лоукнѣ медоу. а по дв҃ѣ швцѣ. а по пѧтидцать десѧтъкъвъ лноу. а по стоу халѣва. а по пѧти цебровъ швса. а по пѧти цебровъ ржи. а по .к. коуръ** Ипат. 932, (1127) **по .в. нощи. а по .д. дни** Новг. I лет. 11 об., (986) **се кость ѡ костї моеѧ а плоть ѡ плоти моеѧ** Лавр. 88, **вы кстє гости. а паломници. ходитє по землѧ(м)** Лавр. 481, **батъ зѣло а славною ч(с)тью почтенъ ѡ ц(с)рѧ костѧньтина** Чудеса Николы в Троицком сборнике № 9, XIV в., 195-195 об.

Уточнительное значение союза *а*, не выделяемое ни словарями, ни исследователями, возможно, также является реликтовым. Функция уточнения у союза *а* наиболее отчетливо проявляется в случаях, когда он присоединяет обстоятельство или несогласованное определение: (1097) **пондоша с ни(м) вскорѣ на колѣхъ. а по грудну пути** Лавр. 261, (1146) **(с)є вы и тивоунъ. а по вашєн воли.** Ипат. 322, **изымае(т) са(м) а бє(з) пристава** Грамота докончальная кн. Дмитрия Ивановича с кн. Тверским 1375 г. по списку XV в.[17], **се пъсалъ василии ѡсиповъ сынъ. а при старо** (так!) **ѧковѣ стго гєѡргиа** Трефологий 1352 г., 232 об., запись, **въ лѣто ҁѕ. ѡ. п. и. потъписанъ бы(с) храмъ ба спса нашєго іса хрта. а при кнѧзи великомъ дмитри ивановичѣ и при пресвѧщеномъ архіепископѣ новогородьскомъ алексѣи. а повелѣньемъ раба божья офанасья степановича** Надпись 1380 г.[18], **написавшемоу книги сиа ст(о)му великому николѣ. а замышленнемь игоуменнмь. дмитрѣмь** Запись XIV в. в рукописи БАН 31.7.2, 259 об., **си грамота написана бы(с) ѡ распѧтьа было .ҁа. лѣ(т) и .с. лѣ(т) и .л. лѣ(т) везъ лета. а при єп(с)пѣ рижьскомь николаи** Смоленская грамота 1229 г., сп. Д 1270–1277 гг.[19]

Другой специфической особенностью союза *а* является его функционирование в роли условного, следственного и изъяснительного союза. Для древнерусского языка характерно отсутствие четкого противопоставления сочинительной и подчинительной связи: отношения подчинения часто выражаются при помощи сочинительного союза.[20] По-видимому, это особенность преимущественно

устной речи – так, например, в греческих фольклорных текстах сочинительный союз καί 'и' довольно регулярно присоединяет предложения, по смыслу эквивалентные придаточным разного рода: ἔμαθα καὶ ἐπανδρεύθηκες – буквально 'я узнал и ты вышла замуж', т.е. 'я узнал, что ты вышла замуж', и т.п.[21]; литературному новогреческому языку такое употребление не свойственно. В древнерусском аналогичные конструкции встречаются главным образом в грамотах и летописях.

Употребление *а* в роли условного союза хорошо известно и зафиксировано словарями древнерусского языка. Напротив, функция выражения причинно-следственных отношений, как правило, игнорируется лексикографами. Развитие значения следствия у союза *а* на первый взгляд парадоксально. Исследователи единогласно утверждают, что специфическая особенность союза *а*, в отличие от *и*, состоит в соединении понятий далеких, неродственных, необъединяемых и даже противоположных.[22] Тем не менее тот факт, что в древнерусский период предложения следствия могли присоединяться союзом *а*[23], подтверждается множеством примеров. Делались попытки объявить это значение обусловленным модальностью – обязательным наличием повелительного наклонения или вопроса в следственной части, как, например, в контекстах: (1175) **ѡць ваю добръ былъ коли книжилъ оу на(с). а поѣдита к на(м) книжитъ** Лавр. 372; (971) **роуска земла далеча, а печенѣзи с нами ратьни. а кто ны поможеть** Лавр. 72 [24]. Можно было бы привести пример и с сослагательным наклонением: (1189) **се иноплеменьници ѡжли ѡчиноу вашю. а лѣпо вы бы потроудитисѧ** Ипат. 663. Однако есть немало случаев, когда глагол в следственной части стоит в изъявительном наклонении: (1205) **въ земли вашеи рать ходитъ а князь вашь снъ мои стославъ малъ. а даю вы снъ свои старѣишии костѧнтинъ** Новг. I лет., 72, (946) **азъ мьстїла оуже ѡбиду мужа своего... а оуже не хощю мъщат(и)** Лавр. 58, (1051) **ѡче оумножило сѧ братьѣ а не можемъ сѧ вмѣстити в печерѣ** Лавр. 158, (1169) **бъ посадилъ тѧ... на ѡтчинѣ своеи. и на дѣдини в кыевѣ. а хощє(м) с токою порѧдъ положити ѡ всемъ** Лавр. 357, (1140) **тѧгота братє в людєхъ сихъ. а нє хочю в нихъ быти** Ипат. 307, (1185) **нє шєлъ ваше с братомь. со стославомъ. молвѧшеть бо тако азъ єсмь послалъ к нимъ. моужа своего ѡльстина влѣзнча а не могоу на свои моужь поѣхати** Ипат. 636.

Использование союза *а* для выражения причинно-следственных отношений, отмеченное в русских грамотах[25], летописях и других повествовательных сочинениях, объясняется двумя обстоятельствами. С одной стороны, чрезвычайно широкий семантический диапазон

древнерусского *а*, совмещавшего функции соединительного и противительного союза, открывал возможности для употребления его в самых разнообразных контекстах. С другой стороны, в древнерусском языке не было специализированного следственного союза (союз *так что* появляется только в XVI в.), а союзы, которые употреблялись в этой функции – *яко(же), что* и др., – были слишком многозначны для того, чтобы полностью удовлетворить потребность в союзе следствия.[26] В этих условиях союз *а* мог выдерживать конкуренцию с другими претендентами на роль следственного союза.

О том, что функциональные потенции союза *а* в древнерусском языке были чрезвычайно велики, свидетельствуют и попытки использовать этот союз в роли изъяснительного: (1151) **ты мѧ тако перѣѡвидилъ а мнѣ єси вышегородъ ѡдинъ далъ** Ипат. 429, (1187) **вѣсть ны есть. а половци восе лежать. за полъ дне** Ипат. 654, **а ѵцюкши а не поiду к но... і ты тогодъ иди** "а если узнаешь, что я не пойду к Но[...]" Гр. бер. № 286 вт. пол. XIV в. Наконец, союз *а* в сочетании с относительным или указательным местоимением мог присоединять предложения, эквивалентные придаточным определительным[27]: (1159) **взяти черниговъ съ 3-ю городъ пустыхъ... а в нѣхъ** [= "в которых"] **сѣдять пьяреве же и половци** Ипат. 500 и т.п.

Об отсутствии четкой грани между средствами сочинения и подчинения свидетельствует также употребление союза *а* одновременно с вводящим придаточное предложение относительным местоимением: (1169) **братьа вси со мною суть. а кое єсть андрѣевичь володимиръ и ꙗрославъ и двдъ** Ипат. 536, (1196) **а про кого ми была и рать про зѧтѧ своего. а того далъ єси мрославоу. рѧдити и с волостью своею котороуюже єсмь емоу далъ. а про когоже тѧ єсмь и на конь всадилъ.** Ипат. 701. По сути, союз *а* выступает здесь в роли релятивизатора: подобно частицам *же* или *то*, он оформляет относительное подчинение, сигнализируя переход к новому предложению. Типологически сходное использование частицы, равнозначной сочинительному союзу, представлено в греческом относительном местоимении ὅστε "который" – сложении относительного местоимения ὅς "который" и τε "и". Во втором примере (**а про когоже...**), благодаря наличию сразу двух релятивизаторов – союза *а* и частицы *же*, ощущается многофункциональность союза, который, указывая на начало придаточного предложения, сохраняет в известной степени семантику уточнения и противопоставления: "а ведь это тот самый, из-за которого я и заставил тебя воевать".

По-видимому, с широкой способностью союза *а* указывать на соотносительную связь между предложениями связано его употре-

бление при сослагательном наклонении, выражающем ирреальную модальность – невыполнимое желание; при этом *а* соотносится с союзом *но* во второй части периода: (1193) **а оу wца выхомъ тебе проснлѣ. но слышалѣ есмь ажь wць твои хочеть ити на литвоу** Ипат. 677.

Итак, специфика употребления союза *а* в древнерусском языке определяется его функционированием в качестве коррелята, соединительного и уточнительного союза, а также его использованием для выражения разнообразных подчинительных отношений. Эта специфика проявляется почти исключительно в оригинальных древнерусских памятниках, потому что подавляющее большинство переводов, получивших распространение в Древней Руси, было выполнено в Болгарии, а в древнеболгарском союз *а* в указанных значениях, по-видимому, не употреблялся. Кроме того, переводные тексты – как южнославянского, так и восточнославянского происхождения – в значительной мере копировали синтаксическую систему литературного греческого языка, в которой сочинительные и подчинительные союзы четко противопоставлены.

Древнерусские книжники, для которых южнославянские тексты являлись образцовыми, последовательно избегали употребления союза *а* в специфически древнерусских значениях. Так, например, в "Житии Андрея Юродивого", переведенном на Руси в XII в.[28], союз *а* используется только в своих основных значениях – противительном, присоединительном и сопоставительном, как и в древнеболгарских текстах. О том, что следование древнеболгарским языковым нормам накладывало более существенные ограничения на использование союза *а* в древнерусских переводах, чем влияние греческих оригиналов, свидетельствует хотя бы употребление союза *то* в качестве коррелята: в греческом корреляты отсутствовали, и оригинал не мог повлиять на выбор переводчика.

Союз *а* в значениях, не являвшихся нормативными для южнославянских текстов, изредка встречается в переводах, которые А.И. Соболевский считал выполненными на Руси.[29] Единичный случай употребления союза *а* в качестве коррелята находим в Студийском уставе XII в.: **пьрвѣк w игоумена дъльжнъ есть приимати. аще ли не боудеⷮ игоумена. а w иконома** 264; однако неизвестно, поддерживается ли он другими списками памятника. Более надежен пример из Истории Иудейской войны Иосифа Флавия, поскольку он засвидетельствован в списках обеих редакций памятника – хронографической и отдельной: **нынѣ же аще мы хощемъ мира, а wни небрегоуть. а намъ срамъ молитисѧ. и лѣпле смрътъ славноу взѧти.**

негли жити плѣнени (426 = II 26 [30]). Можно также указать на пример из Толковой палеи 1406 г., представляющей собой, по-видимому, древнерусскую компиляцию: **аще бы вѣдалъ** [Авраам] **которин суть** [три ангела] **а не дивили сѧ быхо(м) зане оугожаше бу** [31].

Что касается соединительной функции, то следует иметь в виду, что в контекстах с числительными типа **сына два, а двѣ дщери** или **.ѕ҃а. римлѧнъ. а .ѕ҃а. іюдѣи** из Истории Иудейской войны (I 24; II 84), встречающихся в оригинальных и переводных памятниках, союз *а*, по-видимому, выступает не в соединительной, а в сопоставительной функции (т. е. подразумевается: "тысяча римлян, а (другая) тысяча иудеев"). В собственно соединительном значении, характерном для оригинальных древнерусских сочинений, союз *а* зафиксирован в Пчеле XIV–XV вв.: **недоугомъ телесны(м) много цѣленик, а разнолично wкр҃тактъ сѧ**; насколько можно судить по изданию, показания списков здесь не расходятся[32]. Аналогичный пример засвидетельствован в Пандектах Никона Черногорца по Чудовскому списку XIV в.: **полезно к(с) братьк кдину брань имѣти неже многи а вещисльны** 95; данные других списков нам не известны.

Переводчик Истории Иудейской войны использовал союз *а* и для выражения причинно-следственных связей: **праз(д)никъ есть г(с)нь. а не подобаетъ вести иноплеменникъ въ градъ чистымъ соущимъ** (355 об.), **архелан бо есть цр҃ь ми тесть. а к томоу повѣгноу скоро** (372; в списках отдельной редакции оба последних контекста не сохранились), **не выиидоша ратнїи. а въскоую сѧ внетѣ** (442 = II 94). Кроме того, в Истории Иудейской войны имеются случаи употребления *а* с сослагательным наклонением при выражении невыполнимого желания: **а хотѣлъ быхъ ѧ видѣти. но немощенъ есмь** (347 об., в списках отдельной редакции текст не сохранился), **а кротокъ быхъ. но великъ ми wбразъ прилежитъ ганна оубиенїа** (394 об. = I 154). Наконец, здесь же встречается союз *а* при относительном местоимении: **се ми бѣ плш(д) ва(с)внїа моего. да не погрести сна. а w҃ негоже сама чатх сѧ погребена быти** (449 = II 126).

Близость Истории Иудейской войны в использовании союза *а* к древнерусским летописям и грамотам не случайна: этот памятник переведен с исключительной свободой, и в нем обнаруживается больше древнерусских языковых особенностей, чем во многих других произведениях восточнославянского происхождения. Однако даже в этом памятнике случаи употребления союза *а* в "нецерковнославянских" значениях весьма редки. Это обстоятельство существенно для понимания эволюции союза *а* в истории русского языка: в лите-

ратурном языке сохранились те его значения и функции, которые были поддержаны церковнославянской нормой, а те, что не находили аналогий в нормативных южнославянских текстах, постепенно отмирали.

ИСТОЧНИКИ

Гр. бер. – Зализняк А.А. Древненовгородский диалект. М. 1995.

Ипат. – Полное собрание русских летописей. Т. 2. Ипатьевская летопись. М. 1962.

Лавр. – Полное собрание русских летописей. Т. 1. Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку. М. 1962.

Новг. I лет. – Новгородская харатейная летопись / Под ред. Тихомирова. М.Н. М. 1964.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В статье использованы материалы, полученные в ходе работы над проектом "Древнерусский перевод "Истории Иудейской войны" Иосифа Флавия", поддержанным Российским гуманитарным научным фондом (грант 95-06-17082).

[2] Попов П.В. Сочинительные конструкции с союзом "*а*" в древнерусском языке. КД. Л. 1953. С. 176, 228; Автореф. дисс. канд. фил. наук. С.18-19.

[3] Апракос Мстислава Великого / Изд. подг. Жуковская Л.П., Владимирова Л.А., Панкратова Н.П. М. 1983. С.70.

[4] Мерило праведное, по рукописи XIV в. / Под наблюдением Тихомирова М.Н. М. 1961. С. 105.

[5] Супрасльская рукопись / Изд. Северьянова С.Н. Т. 1. СПб. 1904. С.93.

[6] Слово о полку Игореве / Под ред. Адриановой-Перетц В.П. М.-Л. 1950. С.10.

[7] Синайский патерик / Изд. подг. Голышенко В.С., Дубровина В.Ф. М. 1967. С.361.

[8] Тихомиров М.Н. Пособие для изучения Русской Правды. М. 1953. С.67.

[9] Борковский В.И. Синтаксис древнерусских грамот. М. 1958. С.97-100; Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Сложное предложение. М. 1979. С.16-19.

[10] Попов П.В. Сочинительные конструкции... Дисс. канд. фил. наук. Л. 1953. С.27, 219-229.

[11] Из словарей древнерусского языка эту функцию союза *а* иллюстрирует только словарь И.И. Срезневского: Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. I. СПб. 1893. С. 2-3.

[12] Янин В.Л., Зализняк А.А. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). М. 1986. С.159-160.

[13] Все неизданные тексты цитируются по Картотеке Словаря древнерусского языка XI–XIV вв. (Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, г. Москва).

[14] Истрина Е.С. Синтаксические явления Синодального списка I-й Новгородской летописи. Пг. 1923. С.190-191.

[15] Сравнительно-исторический синтаксис восточнославянских языков. Сложноподчиненные предложения. М. 1973. С.163.

[16] Дограмаджиева Е. Превеждането на гръцкия съюз καί със съюз *а* в старобългарските паметници // Славистичен сборник: По случай X Международен конгрес на славистите. София, 1988. С.153-158.

[17] Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.-Л. 1950. С.28.

[18] Срезневский И.И. Древние памятники русского письма и языка (X–XIV веков). Общее повременное обозрение. СПб. 1863. С.112.
[19] Смоленские грамоты XIII–XIV вв. / Изд. подг. Сумникова Т.А., Лопатин В.В.; под ред. Аванесова Р.И. М. 1963. С.39.
[20] Попова И.А. Значение и функции союза "*а*" в древнерусском языке. Дисс. канд. фил. наук. Л., 1945. С. 45-46; АКД // Научный бюллетень Ленинградского университета. Л. 1945. № 2. С.32-33.
[21] Корш Ф. Способы относительного подчинения. Глава из сравнительного синтаксиса. М. 1877. С.60-71.
[22] Попова И.А. Значение и функции союза "*а*"... Автореф. дисс. канд. фил. наук. С.31; Попов П.В. Сочинительные конструкции... Автореф. дисс. канд. фил. наук. С.7.
[23] Попов П.В. Сочинительные конструкции... Дисс. канд. фил. наук. С.116.
[24] Попов П.В. Сочинительные конструкции... Автореф. дисс. канд. фил. наук. С.11.
[25] Борковский В.И. Синтаксис... С.63.
[26] Историческая грамматика русского языка. Синтаксис... С.337-338.
[27] Попова И.А. Значение и функции союза "а"... Дисс. канд. фил. наук. С.45.
[28] Молдован А.М. Лексика древнерусского перевода в региональном аспекте. М. 1994.
[29] Соболевский А.И. Особенности русских переводов домонгольского периода // Соболевский А.И. История русского литературного языка. Л. 1980. С.134-147.
[30] Первая цифра в скобках указывает на лист Архивского хронографа XV в. (РГАДА, ф. 181 № 279), вторая – на том и страницу издания: La prise de Jérusalem de Josèphe le Juif. Par V. Istrin. T.1-2. Paris, 1934, в основу которого положен список отдельной редакции.
[31] Палея Толковая по списку, сделанному в г. Коломне в 1406 г. Труд учеников Н.С. Тихонравова. Вып. 1-2. М. 1892-1896. С.264.
[32] Древняя русская Пчела по пергаменному списку / Изд. В. Семенова // Сборник ОРЯС. Т. 54. № 4. СПб. 1893. С.161.

И.И. Макеева

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ЧУЖОЙ КУЛЬТУРЫ В ДРЕВНЕРУССКИХ ПЕРЕВОДАХ

"История иудейской войны" Иосифа Флавия (1994), который сначала был среди восставших против господства римской империи, а затем перешел на сторону римлян и даже имел могущественных покровителей, была написана в 75–79 гг. Она состоит из семи книг и охватывает период с 175 г. до н.э. (захват Иерусалима Антиохом) по 73 г. н.э. (триумф императора Веспасиана и его сына Тита в Риме, окончательное покорение Иудеи и неудавшиеся восстания в Египте и Киренаике). Наиболее драматичны 5 и 6 книги, где описывается осада, штурм и взятие Иерусалима. Иосиф Флавий был очевидцем и участником этих событий. Его сочинение стало одним из немногих, и притом важнейшим источником сведений по истории этого периода.

Изучавшие "Историю" А.Берендс и Р.Эйслер полагали, что первоначально она была написана на арамейском языке. Общеизвестный греческий текст они считали переделкой для римских читателей, также принадлежащей самому Иосифу Флавию. В.М.Истрин придерживался мнения, что существовала единственная – греческая – версия этого сочинения.

Древнерусский перевод появился, по-видимому, в XII в., но сохранился в списках не ранее XV в. Он отличается от общеизвестного греческого текста, во-первых, рядом пропусков; во-вторых, добавлениями (вставками, которые В.М.Истрин разделил на "христологические" и "нехристологические"); в-третьих, свободой перевода. Последняя особенность древнерусского текста реализуется на двух уровнях: собственно языковом и общекультурном. Различие эпох, географических зон и культур вольно или невольно проявилось в проецировании привычных представлений на некоторые чужие явления. В их числе оказался город, его структура, городские здания и сооружения.

На Руси к концу XII в. существовало, по подсчетам историков, 224 города. Первые города славянских племен были, по сути, селами, окруженными стенами. Их население занималось земледелием. Со временем среди жителей появились торговцы и ремесленники. Большую часть населенных пунктов составляли небольшие города, на фоне которых поражали размерами и великолепием столицы княжеств и земель. В маленьких, но многочисленных крепостях в мирное время находилась стража. При вражеском нападении в них прятались окрестные жители. Негородское население обитало в различных неукрепленных поселениях – селах, деревнях.

Древнерусские города 2-ой половины XI – начала XIII вв. были деревянными и, по выражению С.М.Соловьева, "... представляли переход от вежи половца и торчина к каменным городам Западной Европы" (Соловьев, 1988, с.48).

Обычно город создавался в устье реки, часто на высоком месте, рядом с оврагами. Самые простые укрепления состояли из вала и рва. На валу ставился деревянный частокол, тын (древнерус. острогъ) из вертикально стоящих, остро отесанных вверху бревен. Более крупный и мощный город имел главную часть, укрепленную стенами и башнями, которая называлась дѣтинецъ. Находившийся за ее пределами посад, огороженный тыновой оградой, именовался острогом. В систему городских укреплений входили овраги.

Древнерусские города были основаны с максимальным учетом благоприятных особенностей рельефа. И хотя часто они распо-

лагались на высоких берегах рек, город имел протяженность по горизонтальной оси, членясь на внутренний (детинец) и внешний (острог).

Перечень упоминаемых в "Истории иудейской войны" топонимов и стран насчитывает десятки наименований – от Кадикса (Гадира) на побережье Испании до Парфии на Востоке. Среди них такие, как Рим, Иерусалим, Марисса (город в Идумее), Масада (мощная крепость в Иудейской пустыне на берегу Мертвого моря), Пелла (греческий город к востоку от Иордана), Гамала (укрепленный город в Голанах), Кесария (греческий приморский город в Шароте, бывший Стратонова Башня), Птолемаида (город на побережье Средиземного моря), Тивериада (город в Галилее) и др., а также небольшие поселения. Преобладание в городе какого-либо этноса накладывало отпечаток на его архитектуру.

Многие из описываемых Иосифом Флавием городов-крепостей были построены с учетом местного рельефа. Они располагались на холмах или горах (как Иерусалим) или скалах (как Махор, Масада, Александрион). Окружавшие их ущелья и лощины служили естественным препятствием при возможном нападении. При протяженности города по вертикальной оси обычным было его деление на верхний, наиболее укрепленный, главный и нижний. Такова была и структура Иерусалима, топографию которого Иосиф Флавий подробно излагает в 5 книге перед описанием осады.

Город был расположен на двух обращенных друг к другу холмах. На более высоком и крутом находился Верхний город, иначе называемый Верхний рынок. Из-за неприступности он именовался Твердыней царя Давида. На другом холме, имевшем серповидную форму и называвшемся Акра, располагался Нижний город. Иерусалим окружали три стены, одна из которых называлась Старой. Над стенами возвышались цельные четырехугольные башни: на одной – 90, на средней – 14, на Старой стене было 60 башен[1]. С восьмиугольной башни Псефин высотой 80 локтей на восходе солнца была видна Аравия. На Старой стене было три башни, построенных Иродом и исключительных по величине, мощи и красоте: Гиппик, названная в честь погибшего на войне друга Ирода, Фацаэль (Фасаил) – в честь погибшего брата, и Мирьям – по имени казненной из ревности жены. Изнутри к этим трем башням примыкал царский дворец со множеством покоев, колоннад, внутренних дворов с садами, бассейнами и дорожками для гуляния.

Та часть поселений, которая находилась за пределами стен на еще одном, самом высоком холме, называлась Новый город.

Храм был расположен на мощном холме и окружен верхним и нижним двором. Второй двор Храма назывался святилищем. Он был четырехугольной формы, обнесен отдельной стеной; попасть в него можно было поднявшись на 14 ступеней. На его территории находилось множество колоннад. На пересечении двух колоннад первого храмового двора на обрывистой скале была построена знаменитая башня Антония, по пышности ничем не отличавшаяся от дворца, а по заключенному в ней всему необходимому для жизни – от города. Антония господствовала над Храмом, как Храм – над городом. В Верхнем городе была собственная крепость – дворец Ирода.

Древнерусский переводчик при передаче последнего фрагмента использовал привычное понятие внутреннего укрепления – детинца: цр҃кввныи бо градъ бы(с҃) градоу самомоу акы дѣтинець. снъ же антонїи вышнїи. и твержїи цр҃ковнаго града. вышнии же градъ имѣше ѡприснь дѣтинець иродовы полаты (440г 5-10).

При этом переводчик сохранял являющиеся терминами наименования Верхний город и Нижний город, передавая их как вышнии градъ/горьнии градъ и долнии градъ: възыде на дръжащихъ вышнего града. и прогна ѿтоудоу въ долнїи. єже наричетсѧ краи (345а 20-22); и ѿ тою гороу єдина бы(с҃) вышьши и длъж'ши. на неи(ж) стоить горнїи градъ... втораа же нарицаетсѧ краи на неиже създанъ гра(д) длънїи (438б 9-16).

В древнерусском переводе последовательно передается представление о Храме как внутренней крепости по отношению к внешней – самому городу. Когда подошедший к Иерусалиму римский полководец Помпей стал осматривать его укрепления – неприступные стены и труднопроходимую лощину перед ними, – он отметил, что Храм с его мощными укреплениями в случае взятия самого города (греч. τοῦ ἄστεος) будет служить вторым укрытием. В древнерусском тексте: цр҃квь вноутрьоудоу заграженноу великою твердостию. и бывающю второмоу прибежищю людемъ. аще и внешнїи градъ взѧтъ боудетъ (351б 5-10). Дальнейшие события автор древнерусского текста скорее изложил, чем перевел. Среди находившихся в Иерусалиме началась междоусобица, и сторонники Аристобула (Ариствоула) потерпели поражение. Они укрылись в Храме, разрушили мост, соединявший город и Храм, и приготовились к борьбе. В древнерусском тексте произведена замена понятий: Храм – город в оригинале и внутренний и внешний город в переводе: аристооулъ же иже с нимъ въ беквенїи градъ. и премостъ им'же съвокоуплѧшетсѧ внѣшнїи градъ. и вноутренїи раз'дрѫшиша (351б 19-23). Представленное в двух списках беквенїи и беквьнии (соответственно Архивский и Виленский)

является, по-видимому, порчей. По мнению В.М. Истрина, можно было бы ожидать въ вноутренїи градъ, что соответствовало бы принципу перевода. Возможно, в соответствии с греч. εἰς τὸ ἱερόν (ἀνεχώρησεν) могло бы быть въ цьрквъньныи градъ. Такова конъектура А.Берендса (Istrin, 1934, с.22).

Использование традиционных для русской культуры понятий детинец и острог заменило в древнерусском переводе членение крепости по вертикали, присутствовавшее в греческом тексте, например, при упоминании Масады. Это была мощная крепость в Иудейской пустыне на берегу Мертвого моря, заложенная первосвященником Ионатаном и впоследствии укрепленная царем Иродом. Он соорудил стену из белого камня и 37 башен; внутри по всей длине стены находились жилища. У западного входа под стеной был построен дворец с мощными стенами и 4-мя угловыми башнями. Захватившие Масаду и находившиеся там разбойники с подозрением отнеслись к пришедшему юноше по имени Симон[2]. Сначала они впустили его в нижнюю часть крепости (греч. φρούριον), тогда как сами обитали в верхней части (греч. αὐτοὶ τό ὑψηλότερον οἰκοῦντες): поустиша и жити въ ѡстросѣ съ своими женами и ѡтрокы. сами же пребывахоу въ дѣтинници (431г 16).

Под верхней частью подразумевался, по-видимому, дворец. А.И.Соболевский даже приводит для слова дѣтинець значение 'замок' (Соболевский, 1980, с.140). Однако здесь, как и в других местах "Истории" и вообще в древне- и старорусских памятниках, дѣтинець значит 'внутренняя крепость; внутренняя укрепленная часть города'. В других славянских языках эта лексема не была известна. Лишь в польский заимствована из русского с последующей контаминацией с dziedzina, откуда dziedziniec 'двор, огороженная площадка перед домом'.

Относительно происхождения слова существует несколько версий. Согласно одной из них, дѣтинець образовано от формы мн.ч. дѣти, поскольку в этой части города укрывались несовершеннолетние дети (Фасмер, 1986, с.508). По другой версии, мотивировкой послужило размещение в детинце гарнизона – детей боярских. По мнению Ж.Ж.Варбот, древнерусский глагол дѣти мог значить 'основывать, строить'. "Существительное дѣтинець возникло как производное от этого глагола, причем первоначально оно означало (в соответствии с семантикой глагола) 'устроенное (укрепленное) поселение'" (Варбот, 1977, с.85; см. также ЭССЯ, 1978, с.15).

Существительное **острогъ** было известно еще в памятниках старославянского языка в значении 'ограда, частокол' при греч. χάραξ (Старославянский..., 1994, с.421). В восточнославянской письменности

оно представлено в том же значении. Позднее слово стало обозначать внешнее городское укрепление (в противоположность внутреннему), а также территорию, окруженную таким укреплением. Последнее развилось у слова уже на восточнославянской почве и хорошо представлено в русских летописях (Срезневский, 1989, стлб.744-745).

Древнерусский перевод "Истории", сделанный в XII в., сохранился в списках не ранее XV в., что имело следствием порчу текста во многих местах. Возможно, в протографе древнерусского перевода слово острогъ присутствовало еще в одном месте, где речь шла о победе царя Ирода над аравийцами. Обратившиеся в бегство аравийцы частью были убиты, частью затоптаны насмерть своими же товарищами. Оставшиеся в живых собрались в своем укреплении. В оригинале оно было обозначено словом τὸ χαράκωμα 'вал, частокол; место, укрепленное палисадом и рвом'; в переводе первоначально, видимо, – как острогъ в соответствии со значением греческого слова. В обоих списках, Архивском XV в. и Виленском XVI в., – островъ: а прочии побежаша въ ѡстровъ (Арх. 362а 4-5; Вил. 534а 12). В.М.Истрин, предложивший в своем издании "Истории иудейской войны" смысловое чтение острогъ, полагал, что речь шла о внешней части города. Однако даже по подробному описанию в оригинале не ясно, шла ли речь о крепости. Упомянута только стена, которую Ирод принялся разрушать. Можно предположить, что речь шла о временном укреплении, частоколе, которым была окружена территория военного лагеря.

В Архивском списке еще в одном месте появилось чтение островъ вместо первоначального острогъ, сохранившегося в Виленском. В переводе по ассоциации с древнерусским городом острогом названа новая, практически незащищенная часть Иерусалима: агрипа же придѣлалъ бѣше къ ѡстровоу (Вил. ѡстрогоу) новы стѣны (438в 13-15).

Синонимами дѣтинець и острогъ были словосочетания дънѣшнии градъ и околнии градъ, представленные в Повести временных лет под 1078 г.: Володимеръ же приступи ко вратомъ всточнымъ, от Стрежени, и отя врата, и взяша градъ околний, и пожгоша и, людемъ же вбѣгшим въ дънѣшний градъ (ПВЛ, 86). По-видимому, оба слова, дѣтинець и острогъ, фиксируются в летописи в годы записи не ранее XII в., что соответствовало времени перевода "Истории".

Упомянутые Иосифом Флавием населенные пункты представляли собой разные типы поселений – от главного города до небольшой деревушки. В оригинале они обозначались следующими лексемами: ἡ μητρόπολις 'главный город, столица'; τὸ ἄστυ 'город', 'главный город, столица', 'главная часть города'; ἡ πόλις 'то же'; ἡ πολίχνη 'городок';

τὸ φρούριον 'небольшая крепость, укрепление'; τὸ ἔρυμα 'то же'; ἡ κώμη 'деревня, село'. В большинстве случаев греч. ἡ πόλις передается через славянское градъ. То же славянское слово соответствует греч. τὸ ἄστυ (406в 25, 406г 36) и τὸ ἔρυμα, τὸ φρούριον: тѣм'же оубѣже въ градъ (τι τῶν ἐρυμάτων) дагонь за иерихо... пристоупивъ же къ градоу (τῷ φρουρίῳ) съ силою (346б 37-39, в 3-4); ꙗко томоу въз'вратитисѧ подобаѥть къ градоу (τὸ ἔρυμα) (350г 34-36); пом'пїи же повелѣвашеть ємоу да ѿстꙋпить ѿ власти. и грады (τῶν φρουρίων) ѿдати арканови (351а 4-6). Близость, даже совпадение двух различных культур на этом уровне было максимальным. Слав. градъ означало именно 'укрепленное поселение' и выступало эквивалентом тех же греческих слов в других переводах, например, градъ – τὸ φρούριον в Хронике Георгия Амартола.

Неполноту данного лексического ряда в древнерусском языке – одно славянское слово при нескольких греческих – переводчик иногда компенсирует употреблением словосочетаний. Он передает греч. φρούριον как твердыи градъ (сюда же тврѣдїи гради при греч. φρουρίων, 475г 29), говоря о крепости Александрион, в которой укрылся царь Аристобул (Аристоул), пытавшийся убедить римского полководца Помпея передать власть в его руки: ꙗко аристооулъ побѣженъ [*вместо* побѣже] въ твердыи градъ нарицаѥмыи алексан'дриѡнъ. на высоцѣ горѣ създанъ (350г 24-27). В другом случае то же греч. φρούριον передано как гра(д) простъ (439г 39), видимо, чтобы передать разницу между φρούριον и πόλις.

В древнерусском тексте словосочетания с лексемой градъ присутствуют при передаче греческих сложных слов, составной частью которых является πόλις: стольныи градъ (μητρόπολιν 429б 16), новыи градъ (τήν Καινόπολι 407б 6), сл҃нчьнаго града (Ηλιοπολίτης 477г 6).

Все то же славянское слово соответствует греческому существительному со значением уменьшительности ἡ πολίχνη: и създа градъ и цр҃ковь подобноу ієр҃ꙋ҃лмоу (πολίχνην 344г 21-22); идѣ сквозѣ июдѣю. и в'зᲂ граᵈ виѳъсоуръ (πολίχνην 345в 25).

Славянское градъкъ, которое идеально соответствовало бы вышеуказанному греческому, в действительности передает иное понятие – греч. κώμη (единственный случай, 429б 24), что, строго говоря, не соответствует семантике славянской лексемы, означавшей именно укрепленное поселение. Еще чаще этому греческому слову в древнерусском переводе соответствует градъ (373б 5, 430а 4, 436б 5 и др.): исполчивсѧ на антиѡхиискыѧ воєводы. въ градѣ акыдасанъ (κώμην 346а 2-4). Точное соответствие лексем оригинала и перевода

представлено при передаче ἡ κώμη как вьсь (396в 13, 405а 3 и др.) и как село (359г 7, 406в 29 и др.). Довольно близка в смысловом отношении передача греч. ταῖς κώμαις как градъ хоужьшихъ немощныхъ (423в 21). Поскольку перевод отличается известной свободой, одним славянским словом могут быть переданы два смежных греческих понятия: грады – πολίχνας τε καί κώμας (429г 7); градомъ – τὰς... κώμας τε καί πολίχναις (429г 22).

В древнерусском тексте "Истории" славянская лексема градъ, иногда в составе словосочетания, передавала греч. ἡ πόλις, τὸ ἄστυ, τὸ ἔρύμα, τὸ φρούριον. С другой стороны, одному греческому слову соответствовали разные славянские: ἡ κώμη – вьсь, село, градъкъ, градъ, последнее иногда в составе словосочетания.

В древнерусском тексте "Истории" в подавляющем большинстве случаев переводчиком была использована именно старославянская лексема градъ. Ее основа стала производящей для прочей лексики: градныи, градница, градъкъ и др. Русизм городъ имеется только в начальной части текста (346б 8, 348а 19, 350б 2, 352г 20).

Предпочтительное употребление в "Истории иудейской войны" лексемы градъ и ее соответствие различным греческим словам при обычном градъ πόλις – явление только языкового плана, никак не связанное с интерпретацией в переводе чужой культуры. Последнее имело место на уровне отдельных сооружений, городских построек. Различие двух культур, к которым принадлежали автор "Истории" и ее древнерусский переводчик, было наибольшим именно в этом плане.

Древнерусский город был окружен стенами с воротами и башнями. Они были деревянными; лишь позднее их стали делать из камня. Ворота и башни получали названия по местоположению, отделке, находившейся в башне над воротами церкви и др. Город застраивался концентрически: вокруг возведенной крепости вырастал посад, окруженный второй оградой. Поселение разделялось на концы, концы – на улицы. В каждом городе была торговая площадь. Среди городских построек упоминаются деревянные мосты, в частности, построенный Владимиром Мономахом в 1115 г. через Днепр. Среди общественных зданий помимо храмов были тюрьмы и бани. Городские постройки, как общественные, так и жилые, были деревянными. Исключение составляли церкви, часто строившиеся из камня. В Повести временных лет под 1089 г. описана градостроительная деятельность митрополита Ефрема: Бѣ бо тогда многа зданья въздвиже: докончавъ церковь святаго Михаила, заложи церковь на воротѣхъ городныхъ во имя святаго мученика Феодора, и посемь святаго Андрѣя у церкве от воротъ и строенье баньное камено, сего же не бысть преже в Руси.

И градъ бѣ заложилъ каменъ от церкве святаго мученика Феодора (ПВЛ, 89).

В древнерусских городах XI–XIII вв., по данным историков, было два основных типа жилища – полуземлянка и наземный срубный дом. Третьим, относительно редким типом жилища горожан были клети в городских укреплениях. Насыпь городского вала закрывали срубы – городни. Их незасыпанная часть использовалась в качестве жилых помещений. Такие жилища прежде всего устраивались в городах-крепостях и относились в большинстве в XII–XIII вв. (Рабинович, 1988, с.16).

Жилище богатого горожанина было, как правило, срубным наземным. Оно имело 2–3 этажа и несколько помещений. К основному зданию примыкали хозяйственные постройки (клеть, поварня, конюшня и др.). Также могла быть церковь. Все это окружалось частоколом, а княжеское жилище – валом и рвом.

Упомянутые в "Истории иудейской войны" города имели различное местоположение. Некоторые находились в провинциях Римской империи, на подвластной ей территории. Они имели пестрый этнический состав: Самарию (Себастию) с эпохи Александра Македонского в основном населяли греки и сирийцы, Тир – финикийцы и евреи. Местоположение и этнос влияли на застройку и планировку города.

Город в Римской провинции обычно имел прямоугольную планировку с пересекавшимися в центре двумя главными улицами. Его окружали каменные стены с воротами и башнями. Среди общественных зданий в более или менее крупных городах строились храмы, театр, амфитеатр, цирк, ипподром, общественные бани. Обязательной принадлежностью города был рынок. Иосиф Флавий, описывая в V главе 3-ей книги распорядок римского войска, пишет, что окруженный стеной военный римский лагерь, который делится ровными улицами, похож на наскоро построенный город. В нем есть рыночная площадь, кварталы ремесленников, а палатка главнокомандующего напоминает храм.

В городах Римской империи сооружались галереи, портики, колоннады; на площадях, улицах, во внутренних двориках – фонтаны. Общественная жизнь была связана с прославлением императора. Объектом почитания становились статуи и другие его изображения, помещавшиеся в разных местах. Прославлению служили также триумфальные арки, на которых были увековечены происходившие события.

Множество подобных сооружений в разных городах воздвиг царь Ирод. На пятнадцатом году своего правления (по "Иудейским древностям", другому произведению Иосифа Флавия, – на восемнадцатом)

он заново отстроил Храм в Иерусалиме, дворец в Иерихоне, кардинально перестроил города Стратонова Башня и Самария, назвав их соответственно Кесария в честь кесаря и Себастия (Себаста). Он основал несколько новых городов. Среди его многочисленных построек в Иерусалиме были театр и огромнейший амфитеатр, роскошные, но не соответствовавшие мировоззрению местного населения, у которого подобные зрелища не были в обиходе (Иудейские древности, с.164). Некоторые здания и сооружения в оригинале "Истории" и ее древнерусском переводе были тождественны по крайней мере функционально; часть же не имела аналогов.

Форт, крепость

Упоминаемые в "Истории" крепости – это мощные каменные сооружения в разных городах. Одной их них была иерусалимская башня Антония, построенная Иродом. Она возвышалась над Храмом с северной стороны, по роскоши не уступая царскому дворцу. В Иерихоне Ирод укрепил господствовавшую над городом крепость, названную в честь матери Кипра. Он сделал это сооружение несравненным по мощи и красоте.

Греческому φρούριον в древнерусском переводе соответствуют хранителница и хранилница: и хранителница (в Вил. 540б 18 хранилница) ѥже стоить на север'скоую страноу. вса бо та позлативъ. и нарече его антониа въ антоньевоу чс̑ть (366в 16-19); и въ ерихонте създавъ хранилницю различными красотами. и нарече въ мтре мѣсто коупросъ (366г 32-35).

Существительное мужского рода с тем же корнем хранилникъ при том же греческом φρούριον обозначало временное укрепление из земляной насыпи, вала и дерева в осажденном Иерусалиме: и симоновъ снъ егоже древле боиса съ ѡанномъ създа хранилникъ собѣ (462в 10-13).

Мощную каменную крепость в древнерусском тексте передавало существительное твьрдь, которое являлось эквивалентом греч. ἡ ἄκρα: бысть же межи оупованиемъ и страхомъ. и прїиде ѥко помолитиса пом'пию. и възложити все на нь. пакы же въз'вращашетса въ твердь (350г 38-40, 351а 1-2). Употребление в древнерусском переводе лексемы твьрдь, обозначавшей укрепленное место, укрепление, близко к употреблению слова градъ. Однако оно появляется при ином греческом: пакоръ съ страхомъ бѣжа въ твръдь (ταῖς δυσχωρίας

473а 4-5); тѣм'же мало и(х) оутаисѧ въ твръди а прокъ избиєно бысть (τὰς δυσχωρίας 406г 25-27); жаж(д)ѫще с ними битисѧ въ тверди (ἀσφαλοῦς 423б 33-34); и тогда съвокѫпльшесѧ беглєци вси. създаша ѡпию ѡпѧть. да боудеть имъ твердь (ὀρμητήριον 417г 4-7).

Рынок

Торговая площадь обычно передавалась в древнерусском тексте как торговище (367а 17, 401г 8 и др.), соответствовавшее греч. ἡ ἀγορά (см. также ниже). Единичным является употребление лексемы тръгъ в составе топонима вышнїи тръгъ – Верхний рынок, район Иерусалима.

Храм

Древнерусская лексема цр҃квь передает два греческих слова – τὸ ἱέρον и ὁ ναός, несмотря на различие в их значениях. Поскольку иерусалимский Храм представлял собой своего рода крепость, в славянском тексте имеем цр҃квьныи градъ (440г 5, 26 и др.), что подчеркивает его мощь и защитные функции. Иное обозначение Храма при ином греческом в оригинале указывает на функциональное назначение этого сооружения – домъ бж҃їи: да не пожгоуть ратнїи домоу бж҃иѧ (τὸν οἶκον 453б 24-25).

Здание; помещение

В греческом оригинале "Истории" дом, жилище обозначали чаще всего слова ἡ οἴκησις, ἡ οἰκία, ὁ οἶκος, причем два последних слова имели также значение 'род, семья', ὁ οἶκος еще и 'имущество, состояние'. В древнерусском переводе им соответствуют храмъ, храмина, домъ. Храмъ и храмина обозначали именно постройку, дом, жилище, иногда помещение ('нежилое помещение (Храма)' – οἶκος 439б 18): разидошасѧ вси съ вечерѧ. и падесѧ в'незаапоу храмина, идеже вечерѧша (ὁ οἶκος 359в 9-10); не точию же храминамъ постави имена (οἴκοις 366в 25-26); бысть сѣчѧ бесчисленаа по градоу и по храмомъ и по дворомъ (τὰς οἰκίας 360б 16-17). Как и при обозначении населенных пунктов, в переводе появилось словосочетание при одном греческом в описании жилищ, построенных внутри стены Масады: храмы и полаты – οἰκήματα (474а 9).

Существительное домъ, обозначавшее здание, жилище, было в "Истории" синонимом слов храмъ, храмина: и всѧкъ домъ исплъненъ бысть или оумръшимъ ѿ глада или съсѣченымъ (462б 11-13); и никто(ж) ѿ безчисленыхъ людїи не ѡстасѧ в' домохъ. но вси шедше (οἱκοι 469а 28-29); и домы и(х) съжигахѫ (οἰκήσεσιν 473б 9-10). Сюда же домъ цр҃кве: прочаѧ же всѧ и стѣны и домъ цр҃кве. тако поравнаша разорители (465а 6-8). Вноутренїи домъ значит 'помещение (Храма)': видѣнъ бысть вноутренїи весь домъ сиѥтъ златомъ (ὁ... οἶκος 439б 15-16).

В других случаях домъ значило 'семья, род': тѣмъ бо весь домъ плакати начнеть на мною не хотѧ (οἶκος 380а 33-34); оумори домъ єго (τὸν οἶκον 368а 10); домовѣ богаты(х) прїидоша же (τοὺς οἴκους 459а 24-25) или 'имущество, хозяйство': аще кесарь раздѣлить всемѫ родоу домъ иродовъ (οἶκον 382в 31-32); тои бо пороучивъ ємоу всѧ. и домъ. и градъ. и воѧ (359а 21-23).

Древнерусское домъ является продолжением праслав. *domъ, которое восходит к и.-е. *domus. Мнения о направлении семантического развития слова различны. Возможно, первоначально и.-е. *domus означало общественную организацию, семью, а затем уже постройку (ЭССЯ, с.73). В Повести временных лет лексема домъ представлена немногочисленными примерами. За исключением тех случаев, когда речь шла о церкви, она не обозначала здания. Будучи синонимом слова дворъ, эта лексема выступала как книжное слово (Львов, 1975, с.108-109). Позднее в значении 'домашнее устройство, хозяйственная единица' было очень хорошо представлено в разных жанрах восточнославянской письменности (СДР, 1990, с.49-50).

Наряду с приведенными выше типичными соответствиями в "Истории" встречаются домъ – ἡ ἑστία (384в 19), храмина – τὸ δωμάτιον (409б 25); храмъ – τὸ δῶμα (421б 12); полаты – τὰ τέγη (448а 24). Последнее слово обычно обозначало царский дворец, но в данном случае – 'дома', возможно, 'комнаты': и полаты исплънишасѧ женъ и дѣтїи истлѣнныхъ (448а 24). Полаты 'дома' часто появляются как парное понятие к храмъ и к другим градостроительным объектам. Переводчик, описывая зрелище или сражение, выстраивает цепочку из смежных понятий, иногда основываясь на тексте оригинала, иногда действуя самостоятельно: выникающе вси ѿ пола(т) и ѿ стѣнъ и ѿ цр҃кве и ѿ храмъ позороваха (τὰς... οἰκίας 443г 40-444а 1); жены и дѣти вытек'ше сташа по стѣнамъ и по забраламъ и по полатамъ идеже комѫж(д)о мощно бы(с) да оузрѧть и (467в 17-20); исплънишасѧ всѧ мѣста людми...исплъниша же сѧ храми и полаты

и покрови. токмо ѡставиша стесю єдинѫ на вхѡ(д) самодръжца (469а 31-36).

Царский дворец, резиденция правительства

Для обозначения этого сооружения в "Истории" употребляется являющаяся заимствованием форма ед. ч. полата и мн. ч. полаты. Слово было известно еще в старославянском языке. В памятниках восточнославянской письменности оно употреблялось свободно; в Повести временных лет относилось, как правило, к строению нерусскому (Львов, 1975, с.118).

В "Истории" полата была эквивалентом греч. τὸ βασίλειον и τὰ βασίλεια: средѣ же града създа полатоу величествомъ и красотою неподобнѫ храмомъ (βασίλειον 470г 8); єдва проиде до полатъ (τό βασίλειον 467в 38). Иногда указывается принадлежность дворца: Иродов дворец (иродовы полаты 440г 9-10), Еленин дворец (до єллининъ полатъ 461г 3) в Иерусалиме. Греческая лексема в славянском тексте могла быть передана словосочетанием цр҃вы полаты (405в 3-4), по аналогии с которым появилось кесаревы полаты (384б 40).

Тем же словосочетанием цр҃вы полаты переводчик обозначил здание, в котором в Иерусалиме размещалось городское правление, правительство. Понятие чужой культуры он соотнес с привычным для него воплощением властных полномочий. Поэтому среди сожженного римскими воинами по приказу Тита в соответствии с городским правлением, Акрой, советом и еще одной частью города в древнерусском тексте имеем: и абиє цр҃вы полаты (τὸ... ἀρχεῖον) и высокаа краинѧѧ (τὴν ἄκραν) и ѿходноє мѣсто и ѡфласъ зажегоша (461в 40-461г 1). Словосочетание ѿходноє мѣсто соответствует греч. τὸ βουλευτήριον. В III главе 7-ой книги сообщается о пожаре в Антиохии, когда сгорел четырехугольный рынок, присутственные места, архив и царский дворец. Ср. в переводе, где представлена контаминация двух первых сооружений: приключи бо сѧ изгорѣти четвероугольноє мѣсто ѿходноє и полаты и книгохранилница (τὴν τετράγωνον ἀγορὰν ἀρχεῖά τε καὶ γραμματοφυλάκιον καὶ τὰς βασιλικάς 467а 6-9). Ниже, при объяснении причины пожара, который устроили должники, думавшие освободиться от уплаты, если сгорят рынок и архив, переводчик лишь излагает текст оригинала. Он обозначает общественные сооружения как дѵмнаѧ мѣста и (описательно) полаты. в ни(х) же длъниї грамоты лежат. Первое является эквивалентом греч. τὴν ἀγορά 'место собрания, площадь, рынок', в других местах переведенное как

торговище, а выше при контаминации фактически опущенное: мнѧще аще дв҃мнѧа мѣста пожгѫ(т) и книгы и грамоты. в ни(х) же длъзи исписанїи полаты. в ни(х) же длънїи грамоты лежат. то свобо(д)ни бѫ(д)ть о҃ своє(г) длъга (467а 29-33).

Другим эквивалентом греч. τὸ βασίλειον стали словосочетания цр҃въ домъ и цр҃ьскыи домъ, которые в соответствии со значением существительного значили 'царский дворец' и 'царский род'. Эти же словосочетания были использованы в качестве параллелей к греч. ἡ αὐλή, первоначально значившему 'двор', позднее 'царский двор, дворец': бысть о҃ женъ мѧтежь невидимыи. въ домѫ цр҃вѣ (τὴν αὐλήν 374г 26-27). В свою очередь, это же греческое слово может быть передано через понятие двора и, следовательно, словосочетанием цр҃ьскыи дворъ: много ихъ оубиша. а прочїи бѣжаша. на цр҃ьскыи дворъ (τὴν αὐλήν 433а 24). Понятие двора появляется в переводе и при греч. τὰ βασίλεια: въскорѣ оугасив'ше огнь сътвориша поуть до цр҃ква двора и ѡбрѣтше иссѣчени (τῶν βασιλείων 476г 34-36). Как и в других случаях, в ряду прочих градостроительных объектов слово могло появиться и при отсутствии аналога в оригинале: пръвоє заж'же цр(с)кыи дворъ и полаты и храмы (τοῖς βασιλείοις 476г 7-8).

Двор

Появление понятия двор в древнерусском тексте при отсутствии его в греческом могло быть связано с устройством княжеского жилища на Руси (полаты же оустроивъ на своємъ дворѣ 366в 20-21) или же было включено как единица структуры города (и поути и дворы оубиєными заградиша 463в 22-23). Двор выступал как смежное со зданием и дорогой понятие. Существовавшая между ними связь позволила передать греч. τὸ ἱέρον как цр҃ковныи дворъ (463г 40), а οἶκος – как дворъ. По-видимому, по ассоциации с княжеским двором, при котором находилось войско, как цр҃ьскыи дворъ передано греч. τὸ στρατόπεδον 'лагерь': и не възмогше прїити и ѿидоша на цр҃ьскыи дворъ (402б 12-13).

При помощи лексемы дворъ было заменено отсутствовавшее в градостроительной культуре переводчика понятие крытой колоннады: и призва ѩ въ галоунеискыи дворъ. (τὸν ξυστόν) и(ж) бысть на онои странѣ горнѧго града. и мостъ мрѧморенъ о҃ двора (τῷ ξυστῷ) до цр҃кви оустроенъ бѧше (402г 19-23). Ср. дворъ непокрытъ (438г 28) при греч. τὸ ὕπαιδρον.

Баня

Для обозначения соответствующего понятия в "Истории" используется старое заимствование из латинского языка – баня при греческом τὸ βαλανεῖον (359г 12, 440в 18, 474а 18).

Башня

В "Истории" это сооружение обозначено словом сынъ, соответствующим греч. ὁ πύργος. Самыми знаменитыми башнями были Антония и Гиппик – конныи сн҃ъ (Ἱππικοῦ τοῦ...πυργοῦ 438в 5-6).

Стена, отдельное укрепление

Преимущественно речь идет о таких защитных сооружениях, как крепостные стены. И в греческом, и в славянском тексте был некий набор довольно свободно варьирующихся слов: τὸ τεῖχος стѣна, градница, градъ, забрало; ὁ περίβολος градъ, забрало, околъ, оградъ, ограженїе; градъ τὸ τεῖχος, ὁ περίβολος; забрало τὸ τεῖχος, ἡ ἔπαλξις, ὁ περίβολος, ὁ πύργος, τοῖς ἄκροις.

Обычным было соответствие τὸ τεῖχος стѣна. Однокоренной греческий глагол в славянском передавался словосочетанием: стѣны создавшю ἐκτειχίσαντος (438в 33). Аналогично градъ τὸ τεῖχος; градъ дѣлающимъ собѣ τειχιζομένοις (436г). То же греческое слово передается формой мн.ч. забрала: възводѧше на забрала мт҃рь ирканновоу и зъ братома єго (τοῦ τεῖχους 346в 8-10).

Существительное забрало в восточнославянских памятниках письменности имело значение 'крепостная стена' и 'деревянные или каменные сооружения, образующие верхнюю часть городских укреплений'. Во втором значении славянское слово выступало как эквивалент греч. ἡ ἔπαλξις ('бруствер, зубцы стен') и ὁ πύργος ('башня'): прѣ(д) ровом҃ же стѣноу высок8 съ дрѣвѧными забралы. брона въсхищенїа ихъ (πύργους 348в 30-33). По-видимому, в результате переосмысления переводчиком греческого текста или даже ошибки в славянском вместо башни появилась стена. Фрагмент, повествующий о том, что Антиох сжег башни, засыпал ров и провел войска, передан так: антїѡхъ бо ровъ насыпаа стѣноу раз'дрѵши (τοὺς πύργους 348в 34-35). При взятии Иерусалима были попытки разбить стены осадными орудиями, причем башни оставались целыми: разбивахоу стѣны порокы. твердымъ же бывшимъ стѣнамъ (πύργοι 351в 13-15).

Славянские лексемы с префиксом о- были наиболее точным соответствием греч. ὁ περίβολος: а в' самарїи добръ ѡколъ създавъ в .к. врѣстѣ (περιβόλῳ 366в 28-29); въ тѣхъ мѣсте(х) єдино ѡграженїє бы(с) (περίβολος 438в 4-5); и сны създавъ...и ѡграды. и ѡколы (τὸν περίβολον τοῖς τοῖχοις 367а 6-8).

Наряду с наиболее частотными словами есть группа менее употребительных славянских и греческих: градъ τὸ περιτείχισμα (463а 14), ѡграженїє τὸ διαδείχισμα (439а 14), градница τὸ τεῖχος (429б 27).

Сооружения, не имевшие аналогов

Упомянутые выше сооружения имели более или менее точные аналоги в русской культуре. Те, о которых речь идет ниже, были реалиями чужой культуры. Из всех возможных способов их обозначения переводчик отдает предпочтение использованию уже имеющихся заимствований или славянских слов, иногда в новом ракурсе.

Славянским эквивалентом к греч. ἡ στοά 'портик, колоннада' стало заимствование комара или в форме мн.ч. комары, означавшее свод, дугу, арку, а в "Истории" – крытую колоннаду (366г 24, 438в 35 и др.). Как и в других древнерусских памятниках, слово могло обозначать (сводчатую) кровлю. При описании дворца в построенной Иродом крепости оно было эквивалентом сразу двух греческих слов: и ѡграды и ѡколы. и комары позлативъ и нарече имѧ градоу томоу иродиѡвъ (θριγκοῖς καί στέγαις 367а 7-10). Появление словосочетания коморы цр҃квьныѧ (351г 5-6) на месте греч. τὰ περὶ τὸ τεῖχος можно объяснить лишь интерпретацией переводчика.

По-видимому, он оказался в затруднительном положении при передаче упомянутых Иосифом Флавием построенных Иродом театра и амфитеатра в городе Стратонова Башня, гимнасиев в Триполе, Дамаске и Птолемаиде. Все три сооружения он обозначил одним словом – заимствованием иподроумиє, не вполне адекватным обозначаемым объектам: създа же и ина дѣла пречюднаа иподроумиє и покры бѣлымъ мрамором҃ъ (ἀμφιθέατρον καί θέατρον 366г 20-22); и в дамаскоси въ птоломаидѣ създа иподр҃ѡмиє (γυμνάσια 367а 13-15). Ср. использование заимствования гистерна 'искусственный водоем' для греч. ὁ λάκκος (474а 23) и ἡ δεξαμενή (470г 10). Сложное славянское слово конеристанїє (380а 22) и конирисканїє (388г 20) передавало понятия ипподрома и стадиона, являясь эквивалентами греч. ὁ ἱππόδρομος, τὸ στάδιον.

Иногда в соответствии со значением переводчик одно и то же греческое передает разными славянскими словами: ἡ ἐξέδρα 'галерея,

портик, зал' при описании башнеобразных помещений у ворот Храма соответствует слав. ѡградъ (439а 31), а среди построек Ирода в Берите и Тире оно переведено как соудище (367а 16).

Греческие ὁ κίων и ἡ στήλη, как и в других переводных произведениях, переданы лексемой стлъпъ 'колонна' и 'столб с надписью, стелла'. Его же переводчик использует для греч. κολοσσός 'большая статуя, колосс', включая лексему в состав описательного обозначения реалии: и стлъпъ каменъ постави на немъ кесарѧ. видѣти же бѧше стлъпъ тои ѳ тысѧщи врѣстъ (366г 13-16).

Таким образом, древнерусский переводчик, передавая понятия чужой культуры, демонстрирует ряд своеобразных приемов при передаче того, что связано с городом, в то же время используя традиционные способы и языковые средства, известные по другим древнерусским переводным и оригинальным сочинениям.

Работа выполнена при поддержке РГНФ, проект № 95-06-17082 «Древнерусский перевод "Истории иудейской войны" Иосифа Флавия»

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В древнерусском переводе описание башен и дворца отсутствует.

[2] Происходившие события описаны в гл. IX 4-ой книги (параграф 3); сама Масада – в гл. VIII 7-ой книги (параграф 3).

ЛИТЕРАТУРА

Варбот Ж.Ж. Детинец // Русская речь. 1977. № 1 с.80-85

Istrin V. La prise de Jérusalem de Josèphe le Juif. Par V. Istrin. Paris. T.1. 1934.

Иудейские древности – Иосиф Флавий. Иудейские древности. Т.1, 2. М. 1994.

Львов А.С. Лексика Повести временных лет. М. 1975.

ПВЛ (Повесть временных лет) // Подготовка текста, перевод, статьи и комментарии Д.С.Лихачева. СПб. 1996.

Рабинович М.Г. Очерки материальной культуры русского феодального города. М. 1988.

СДР (Словарь древнерусского языка). М. Т.3. 1990.

Соболевский А.И. Особенности русских переводов домонгольского периода // Соболевский А.И. История русского литературного языка. Л. 1980.

Соловьев С.М. Собрание сочинений. Т.2. М. 1988.

Срезневский И.И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т.2. М. 1989.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т.1. М. 1986.

Старославянский словарь // Цейтлин Р.М. – ред. М. 1994.

ЭССЯ (Этимологический словарь славянских языков) // О.Н.Трубачев – ред. Вып.5. М. 1978.

Е. Бабаева

АНТИОХ КАНТЕМИР КАК АВТОР ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ И ЦЕРЕМОНИАЛЬНЫХ ТЕКСТОВ

Судьба Антиоха Дмитриевича Кантемира, его личность и творчество привлекали внимание многих исследователей. Вместе с тем, современная наука обладает далеко не полными сведениями о мировоззрении, интересах, литературных и, в особенности, лингвистических взглядах одного из наиболее известных авторов XVIII в. Кантемир был своего рода духовным космополитом, открытым многим культурам, так что не всегда очевидно, в какой культуре и в каком языке кроется отправная точка его мысли.

Сложность изучения творчества Кантемира в значительной степени связана с текстологическими проблемами. Прежде всего следует отметить тот факт, что до нас дошло немного автографов Кантемира. Хорошо известно, например, что такие знаменитые сочинения Кантемира, как сатиры, после обнаружения А.А.Куником списка 1755 г., получившего впоследствии название Академического, изучаются по рукописям второй половины XVIII в. (перечень которых, насчитывающий в настоящее время несколько десятков, видимо, остается открытым).[1] Проблема, с которой приходится сталкиваться текстологу, имеющему дело с поздними списками, как нельзя лучше сформулирована З.И.Гершковичем, снабдившим подготовленную им публикацию так называемой "первоначальной" редакции сатир следующим комментарием: "До нас дошло множество списков этой редакции. Но среди них не сохранилось автографов Кантемира, и нельзя с достоверностью выделить авторизованные списки. В этих условиях весьма сложно выявить аутентичный текст" (Гершкович, 1956, с.503). Помимо проблемы реконструкции аутентичного текста, текстологам приходится решать и другие спорные вопросы, касающиеся авторской воли. К числу таких вопросов относится, например, выбор основного названия для каждой сатиры, поскольку, как правило, сатиры Кантемира озаглавлены по имени адресата (или по именам участников диалога) и по основной теме, раскрывающейся в сатире (так, третья сатира имеет названия "О различии страстей человеческих" и "К архиепископу новгородскому"). В уже упоминавшемся Академическом

списке, содержащем окончательную редакцию сатир, тематические названия содержатся в оглавлении, а нетематические – в самом тексте, при этом, как отмечает З.И.Гершкович, "неясно, какому ряду заглавий Кантемир отдавал здесь предпочтение" (Гершкович, 1956, с.439). В издании, подготовленном Гершковичем, основным признается тематическое название (оно приводится первым), а дополнительным – нетематическое. Принимая такое решение, составитель апеллировал к спискам ранней редакции, где сохраняется именно такой порядок, а также исходил из того факта, что тематические заглавия давались Кантемиром последовательно, тогда как нетематические отсутствуют в двух сатирах. Очевидно, что и в данном случае речь идет о гипотетической реконструкции авторской воли на основе текстологических данных, имеющихся в распоряжении исследователя.[2]

Однако отсутствие автографов или авторизованных списков не является единственной проблемой кантемироведения. В последние десятилетия ставится вопрос о границах наследия Кантемира. В отдельных случаях авторство Кантемира, считавшееся доказанным, оспаривается (так, например, в 60-ые годы начата дискуссия о девятой сатире Кантемира); оспариваются и новые гипотезы, направленные на расширение круга произведений этого автора (см. статью-реплику С.И.Николаева по поводу атрибуции перевода похвальной оды М.Меттера 1737 г., выполненную Д.С.Смитом в: Николаев, 1996). Вместе с тем, на протяжении довольно долгого времени о некоторых произведениях Кантемира было известно исключительно из упоминаний о них в реестре библиотеки, составленном в Париже после смерти русского дипломата.[3] Впоследствии списки отдельных произведений были обнаружены в различных российских архивах. Были также обнаружены рукописи некороторых ранних переводов Кантемира, седения о которых отсутствовали в реестре (о первых переводах Кантемира см. Градова, 1983, а также Градова, 1985). Так, был выявлен в фондах рукописного отдела РПБ черновой автограф перевода Хроники византийского историографа Константина Манассии. Этот перевод, сделанный в 1725 г., является, по всей видимости, первым литературным трудом Кантемира. Язык данного перевода назван "славянороссийским", так же как и язык перевода Итальянского письма о Париже и французах, выполненного годом позже. Вместе с тем, ясно, что языковые установки, реализованные в этих текстах, сильно отличаются, что может объясняться, в частности, различием жанра (коммуникативной установки) и влиянием языка оригинала: латинского (и частично греческого) для Хроники и французского для Итальянского письма. Комплексный анализ этих текстов позволит

судить о языковой норме, усвоенной Кантемиром к середине 20-годов и о разрабатываемых им в этот период принципах языковой стратегии. К числу последних находок относится трехтомный славяно-французский словарь (специально о словаре см. Градова, 1987, 1996; Бабаева, 1996[4]). Изучение найденных рукописей только начато.

Недостаточно изученным остается и эпистолярное наследие Кантемира, включающее как личную переписку, так и официальные реляции, значительная часть которых еще не опубликована.[5]

Реляции Кантемира иногда содержат упоминания о заданиях дипломатического характера, которые оказываются тесно связанными с собственно филологией. Интересно, что одна из первых проблем, с которой столкнулся Кантемир на дипломатическом поприще, носила отчасти лингвистический характер, поскольку касалась проблемы номинации.

Согласно инструкции, полученной Кантемиром при отъезде в Англию, он должен был, в частности, добиваться нового титула Анны Иоанновны: Императрица Всероссийская, "как оной по заключенном славном Нистатском мире везде принят" (см. Александренко, 1732-1735, I, с.240). Однако английский двор признал новый титул лишь в 1742 г.

Несмотря на неудачу, эту же проблему Кантемиру было поручено решать и при французском дворе (см. реляцию, в которой Кантемиру предписывалось отправиться в Париж: Помяловский, 1873, с.118-123). Упоминая во время бесед с первыми лицами Франции Анну Иоанновну, Кантемир называл ее l'imperatrice, ma souveraine, тогда как король Франции и его министры именовали царицу la czarine. Кантемир, в соответствии с полученными им указаниями, добивался, чтобы в верительной грамоте французскому послу король согласился именовать царицу императрицей; однако кардинал де Флери, состоявший главой правительства при Людовике XV, препятствовал этому, ссылаясь на уже установившуюся традицию и на пример австрийского императора. Кантемир старался убедить кардинала в том, что речь не идет о введении нового титула, прибегая при этом к помощи этимологии. Он доказывал, что русское слово царь точно соотносится с латинским Caesar ("понеже царь по русски тожь что цесарь по латински, так что здесь дело идет о переводе одной речи"; см. Помяловский, 1873, с.151), следовательно, титул imperatrice вполне законен. Кардинал де Флери возражал против сближения слов царь и Caesar: "Господин кардинал при том вступил в долгое исследование речи царь, в котором ничего приметного не было, кроме того, что по-французски де надлежало б писать tzar, как по-русски выгова-

ривают, и тогда де трудно будет оное производить от речи цесарь" (Помяловский, 1873, с.151)[6].

Сам Кантемир называл Анну Иоанновну *императрицей* (например, в "Речи к благочестивейшей государыне Анне Иоанновне императрице и самодержице всероссийской" 1731 г)[7]. В той же "Речи" Кантемир назвал Анну Иоанновну также и *августой;* этот титул использовался в русской традиции с 1711 г. по отношению к греческим императрицам. Но даже в таком "историческом" контексте слово *августа*, видимо, ощущалось как необычное; во всяком случае, Кантемир посвящает ему специальный комментарий: "древние греки, когда их монархия цвела, называли императриц своих августами", прибавляя, что самое слово "несвойственно греческое, но латынское, Augusta, которое по-русски сказать можно – расширительница или прибавительница" (Кантемир, 1956, с.268)[8]. Для Кантемира была очевидна возможность перенесения данного употребления в современный ему русский контекст. В письме к Бирону от 5 ноября 1734 г. Кантемир использует также титул *монархиня* (РГАДА, ф.11, № 277, л.2). Таким образом, он ставит знак равенства между словами *царица – императрица – августа – монархиня* (в соответствии с *царь – император – август – монарх*), отстаивая чисто филологический (семантический) подход к диалогу разных культур.

Кантемир ощущал себя культуртрегером, и это ощущение лежало в основе его и дипломатической и филологической деятельности. В силу этого дипломатические и филологические труды Кантемира имели много точек пересечения. Такой точкой пересечения могло быть слово. Однако эта точка пересечения становится еще более зримой, когда она приходится на текст.

Тексты, о которых пойдет речь, имеют прямое отношение к дипломатической деятельности Кантемира. Находясь за границей, Кантемир обязан был сообщать сведения, касающиеся всех тонкостей и нюансов церемониала, принятого при европейских дворах. Изучение текстов, содержащих описание европейского придворного этикета, представляет большой интерес как факт литературного языка, поскольку в них решается задача передать европейский культурный срез средствами русского языка.

В донесении императрице от 31 марта 1731 г., посланном сразу по приезде в Лондон, Кантемир пишет, что намерен "прилежно известиться о здешних обычаях при дворе" (Кантемир, 1867-1868, II, с.97). Данное намерение могло носить чисто практический характер, однако придворный этикет, принятый в Англии и Франции, вызывал большой интерес в России. В одной из реляций 1738 г., присланной

из Лондона, Кантемир сообщает сведения о церемониале и привилегиях иностранных министров при английском дворе (РГАДА, ф.156, №209). Присланные сведения были краткими. Предполагалось, видимо, что Кантемир, находясь в Англии, должен составить полное описание придворного этикета, но в Лондоне он не успел сделать этого. 23 декабря 1738 г. Кантемир, находившийся в это время уже во Франции,[9] пишет: "Уже я не оставил приложить труд, чтоб о всем, что до того етикета[10] касается, иметь подробное известие, и надеюсь, что сегодня мне полное описание будет от приятеля сообщено, которое переписав и прибавя что в нем недостаточно явится, с потребными примечаниями как можно скорее к двору Вашего Императорского Величества отправлю" (Помяловский, 1873, с.146). Скорее всего, корреспондентом Кантемира был Джамбатиста Гасталди, посланник республики Генуя в Лондоне. В письме от 24 февраля 1739 г. Кантемир просит его ответить на ряд дополнительных вопросов, касающихся этикета приема послов при английском дворе (см. Grashoff, 1966, с.113-114). По всей вероятности, основной текст описания Кантемир получил от того же корреспондента раньше.

Материалы, касающиеся описания английского придворного этикета, содержатся в рукописи, озаглавленной "Описанїе церемонїала наблюдаемаго при Англинско" дворѣ вовремя аѵдиенцїи иностранныхъ пословъ ї министровъ" (РГАДА, ф.165, №213, 2°, лл.1-16об). Данная рукопись содержит присланный Кантемиру текст на французском языке (Ceremonial pratiqué à la cour d'angleterre a l'égard des Ambassadeurs, et les autres Ministres publics; лл.1-3об) и его русский перевод (церемонна" wбычайной при аглинскомъ дворе для посло" ї дрѵгихъ пѵбличныхъ министровъ, лл.7-9об), прибавление к церемониалу, также на французском и русском языках (лл.5-5об; 11-12), а также "пополненїе" к церемониалу (лл.13-16об). Копию последнего раздела находим в рукописи №630 (ф.159, оп.I). Прибавление к церемониалу является развернутым ответом на вопросы, заданные Кантемиром Гастальди в уже упомянутом письме от 24 февраля 1739 г. Ср.: "1.Les Gentilshommes de la Chambre dont il est fait mention dans le Cérémonial sont des Lords ou Grooms?" (Grashoff, 1966, с.113) – "Les Gentilshommes qui sont nommés dans le Ceremonial ne sont ni Lords ni Grooms. C'est une especе des Gentils hommes qu'on apelle de la Chambre privée qui sont nommes par le Grand Chambelan et qui ne paroissent que dans de certaines fonctions extraordinaires"; перевод: "їмянованные в церемониале дворяня ни лорды ни" Грооmы, Но такие дворяня, котрые приватно" каморы называютъся, ї отъ wбе"камергера wпределены, ї wни толко внѣкоторы" чре"вычайны" должностехъ являютъся" (лл. 5;

11); "2. Le Lord-Compte fait-il quelque compliment de la part du Roi?" (Grashoff, 1966, с.113) – "Le Lord-Compte fait un Compliment de la part du Roi", перевод: "**Лордъ Графъ комплиментъ отъ короля отправляетъ**" (лл.5, 11) и т.д.

Как следует из помет на лл. 4об, 9об, тексты отсылались в Россию в 1739 г. по частям: основное описание было отправлено как приложение к депеше №22; прибавление было присоединено к депеше №27. Что касается "пополнения", то, как следует из вступления к нему, оно было выслано еще позже. Рукопись, как французская, так и русская ее части, написана, видимо, одним из помощников Кантемира.[11]

В том же 1739 г. Кантемир получает рескрипт, предписывающий ему прислать описание придворного этикета, принятого во Франции. В реляции от 22 января 1739 г. Кантемир пишет: "При сем прилагаю точную копию с реляции бывшаго здесь в 1717 г. цесарского посла графа Кенигсега, в которой церемониял здешняго двора, касающийся послов, столь пространно и обстоятельно описан, что трудно что к нему прибавить. Премены случившейся в королевской фамилии и другия малые околичности только отметить нужно, что впредь при отправлении другаго описания здешняго этикета приметить не премину" (Помяловский, 1873, с.152). Немецкий текст этикета, составленного австрийским послом, находим в рукописи РГАДА, ф.156, №232, лл.147-164. Текст был выслан Кантемиром в 1739 г. вместе с реляцией №10. Перевод этого сочинения на русский язык содержится в рукописи РГАДА, ф.14, №40 ("**ѡбстоятелное ѡписанїе церемонiала, каковъ при порꙋченномъ мнѣ, Iѡсифꙋ Лотарїю графꙋ Кенигѣкꙋ, посолствѣ, во Ѳранцїи какъ впꙋти ї при моемъ прибытїи вПарижъ, такъ ї припꙋличномъ вьѣздѣ и аꙋдїенцїи и при їныхъ слꙋчаяхъ ѵпотрѣбленъ**"; лл.290-315).

В 1739 г. Кантемир был занят составлением нового описания французского придворного этикета. Первые листы этикета были отосланы 29 января 1739 г. Работа продолжалась до сентября 1739 г., во всяком случае, специальное прибавление к основному тексту, содержащее описание дипломатического инцидента, произошедшего в конце августа, было получено от Кантемира 13 сентября 1739 г. (РГАДА, ф.14, №40, л.289об). Как следует из приведенной выше депеши от 22 января, Кантемир к моменту ее написания располагал "другим" текстом этикета. В ф.156 РГАДА находятся два списка этого "другого" текста, впрочем, также написанного по-немецки: №№211 и 214. Первый список содержит три раздела (о послах; о посланниках и резидентах; о женах послов, посланников и резидентов: лл.1-98об), во втором отсутствует третий раздел. В рукописи №211 за немецким

текстом идет несколько статей на французском языке: (Touchant l'Audience d'un ambassadeur chez la Reine; Les Audiences auprez les belles Filles et les Nieces du Roy; Les visites qu'un Ambassadeur fait aux Princes du Sang; Les contrevisittes des Princes; Les visittes qu'un Ambassadeur rend aux Princesses du Sang; лл.99-104); кроме того рукопись содержит два фрагмента, написанных по-русски: **визиты посла принца крови** (лл.49-53) и **посолская аудїенцїя у королевы** (лл.104-106).

Русский перевод немецкого этикета содержится в четырех рукописях: (I) ф.14, №40, лл.238-287 (**wписанїе wбрядовъ и пренмѹществъ чѹжестранныхъ мїнистро при францѹскомъ дворѣ, каковы ѵпотребляются въ 1739 годѹ**); (II) ф.156, №232, лл.165-201об (**описанїе обрядовъ и пренмѹществъ чѹжестранныхъ министровъ при францѹзкомъ дворѣ**); (III) ф.159, оп.1, №630, лл.2-32об (**описанїе обрядовъ и пренмѹществъ чюжестранныхъ министро при францѹскомъ дворѣ каковы ѵпотребляютца съ 1739 годѹ**); (IV) ф.181, №417, лл.41-65об (**этїкетъ їлї описанїе обрядовъ ї пренмѹществъ чѹжестранныхъ министро, при дворе, каковы ѵпотребляются въ 1739 годѹ**). В рукописях I и III текст представляет собой полный перевод, т.е. содержит три части, тогда как в рукописях II и III, как в немецком тексте по рукописи №214, отсутствует последняя часть. Исходным, видимо, следует считать текст, который находится в рукописи I; во всяком случае именно этот текст, судя по пометам на полях, изучался в российской канцелярии. Приводим содержание описания по оглавлению, приложенному к рукописи I:

I' w посолскомъ прїѣздѣ
2' w публичной аудїенцїи
3' аудїенцїя у дюшессы орлеановой
4' визиты посла принцамъ крови
5' контра визита принцовъ
6 ' визита посла принцессѣ крови
7' визита статскому секретарю
8' визита послу от чужестранныхъ министровъ
9' прибавокъ w послахъ чрезвычайныхъ
I0' w отпускныхъ аудїенцїяхъ
II' примечанїе w послахъ венецїанскихъ
I2' w послахъ Iталїанскихъ самовластныхъ князей
I3' примечанїе w послахъ Генѹескихъ
I4' w ординарномъ послѣ мальтиско
I5' w чрезвычайномъ послѣ мальтиско
I6' w послахъ Электорскихъ

17ᶜ примѣчанїи

18ᶜ пріемы посла которой сквозь фра"цію проѣзжаетъ

19ᶜ описанїе wᵇрядовъ и преимуществъ чужестранныхъ министровъ втораго Ранга

20ᶜ w пріѣздѣ посланниковъ

21ᶜ w публичной посланнической аудїенцїи

22ᶜ аудїенцїя у королевы

23ᶜ аудїенцїя у делфина и другихъ королевскихъ сыновей и внучатъ

24ᶜ w визитахъ принцамъ и при"цеᶜса" крови

25ᶜ w отпусконой аудїенции

26ᶜ w полномочныхъ министрахъ

27ᶜ w Резидентахъ, шарже дъ аферъ, простыхъ министрахъ, секретаряхъ и агентахъ

28ᶜ w депутатахъ Электорской коᶜлегїи

29ᶜ w депутатахъ

30ᶜ w посольшахъ, и женахъ другихъ чужестранныхъ министровъ

31ᶜ прибавокъ къ оᵀправленному церемонїалу французскаго двора (лл.332-333).

Как следует из этого же оглавления к рукописи, описание французского этикета существовало в двух экземплярах (Слѣдуютъ на Россїискомъ языкѣ 1739 wписанїе обрядовъ и преимуществъ чужестранныхъ министровъ при французскомъ дворѣ (два эѯземпляра) л.332). Сохранившийся в составе данной рукописи текст являлся, видимо, вторым, поскольку, как отмечено в специальном примечании, именно ко второму экземпляру была приложена последняя глава (л.333).

Разночтения между четырьмя текстами в названиях и порядке следования глав незначительны. Так, в рукописи III первая глава названа опу́бличномъ вѣ́здѣ, здесь же глава 8-я идет после 11-ой. В рукописи IV глава вторая названа первая публичная аудїенция, а в заголовок 23-ей главы вынесено дополнительно аудиенция у дочерей королевскихъ женъ делфина и егw братьев. По всей видимости, речь идет об одном списке перевода, засвидетельствованном в двух вариантах: полном и редуцированном (без последнего раздела).

Итак, оба описания этикета – английского и французского – состоят из двух частей: основной (переводной) и дополнительной (оригинальной). Кажется, нет оснований сомневаться, что дополнительные части были составлены самим Кантемиром. Что же касается переводных частей, то автором перевода мог быть как сам Кантемир, так и кто-то из его помощников.

С самого начала дипломатической карьеры Кантемира предполагалось, что документы на иностранных языках будут пересылаться в Россию с уже готовым переводом, причем работа над переводами поручалась секретарям Кантемира. Так, отправляясь в Лондон, Кантемир получил предписание взять с собой Анофрея Спешнева, находившегося в Гданьске при Георгие Эртмане. В специальном рескрипте коллегии иностранных дел от 28 декабря 1731 г. значилось: "И понеже будут случаться в присылке сюда при реляциях его князя Кантемира на иностранных языках приложения, которых в переводах здесь на российский язык проходит немалое время, того ради надлежит такия приложения заставлять у себя переводить пороссийски и его Спешнева, и те переводы купно с оригинальными письмами присылать сюда при реляциях своих" (Александренко, 1732-1735, I, с.246). Устанавливаемый порядок имел две цели: ускорение знакомства с документами соответствующих инстанций в России и обучение секретарей (там же). Однако наличие такого предписания не может автоматически означать, что переводы были исключительно прерогативой секретарей.

Кантемир в совершенстве знал французский язык. Что же касается немецкого, то, видимо, в какой-то степени Кантемир владел этим языком, о чем свидетельствуют письма на немецком языке, дошедшие до нас в составе его эпистолярного наследия. Если допустить, что русский текст французского этикета составлен самим Кантемиром, то следует предположить, что в этой работе участвовал также его секретарь Генрих Гросс. О наличии некоторого промежуточного этапа между двумя текстами – немецким и русским – говорят фрагменты текста на французском языке, содержащиеся в рукописи РГАДА ф.156, №211. Заметим, впрочем, что объем этих фрагментов очень незначителен.

В рукописи №630 из ф.159 (оп.I) Кантемир указан как автор французского этикета и прибавления к английскому этикету; на титульном листе этой рукописи значится: **Описаніе церемоніала пріема пословъ при францꙋзскомъ и англіискомъ дворахъ. Составлено кн. Антіохомъ Кантемиромъ**; ср. запись на л.1: **Описаніе церемониалꙋ францꙋского двора іспополненіемъ англинского церемониалꙋ с чюжестранными министрамі сочиненномꙋ чрезъ его Сᵃ кнзя Антноха Дмитричя Кантемира**. Остается неясным, знал ли переписчик о существовании основной части английского этикета и чем он руководствовался, приписав французский этикет Кантемиру.

Таким образом, говоря об основном тексте английского и французского этикета, можно лишь с осторожностью утверждать, что и в данном случае не исключено авторство Кантемира. Остается откры-

тым также вопрос о том, кто перевел немецкий текст описания французского церемониала 1717 г. Возможно, более детальный анализ языковой структуры этих текстов в соотнесении с оригиналами и сопоставление полученных результатов с данными языковой практики Кантемира позволят сделать более определенный вывод.

К отдельным аспектам этикета французского двора Кантемир возвращается неоднократно и в следующих депешах из Парижа.

В реляции от 11 декабря 1739 г. Кантемир сообщает некоторые краткие дополнительные сведения о французском церемониале, касающиеся официальной реакции короля и королевы на смерть, случившуюся в семье кого-либо из послов (Помяловский, 1873, с.249).

Новая императрица, Елизавета Петровна, проявила большой интерес к деталям этикета французского двора, в особенности к церемонии коронации Людовика XV. В рескрипте от 19 декабря 1942 г. было сказано: "хотя уже присланы вами сюда описания церемониалов тамошняго двора, касательно послов и других чужестранных министров; теперь же нам желательно иметь такое же описание о прочих при тамошнем дворе обыкновениях и поведениях в публичных торжествах, как коронациях, так и других случаях, и вообще обо всем, что касается тамошняго этикета и церемониала" (цит. по: Кантемир, 1867-1868, II, с.222). Ответная реляция Кантемира написана 28 декабря 1742 г. "Прилагаю при сем описание церемониала при коронации Лудовика XV, – пишет Кантемир, – которое выписано из оригинальной книги посольского вводителя Сентота, отца нынешняго. Посылаю это описание на французском языке для большаго поспешения и по всякой почте стану присылать описания и других торжествований, которыя только можно будет собрать из надежных известий. Можно было бы избегнуть большаго труда, если б я был уверен, что в библиотеке в.и.в. находятся печатныя книги: церемониал всех дворов европейских, изд. в Голландии г.Русетом, описание коронации Лудовика XV, изд. в Париже, и Устав кавалеров ордена св. духа, потому что в этих трех книгах находится все, что требуется указом в.и.в." (Кантемир, 1867-1868, II, с.222). Из перечисленных источников нам удалось обнаружить лишь французский текст Ceremonie de l'ordre du Saint Esprit (РГАДА, ф.156, №232, лл. 214-223).[12]

В рескрипте от 12 января 1742 г. Кантемиру предписывается прислать сведения о том, "как содержатся при тамошнем дворе министры и особливо, какие им делаются подарки при приемах и отъездах" (цит. по: Кантемир, 1867-1868, II, с.227). Ответ Кантемира датируется 22 января 1742 г.: "Я узнал от посольских вводителей и у чужестранных министров о подарках, которые делаются чужестранным министрам

при их отъезде отсюда..." (см. полный текст реляции в изд. Кантемир, 1867-1868, II, с.227-228).

В январе 1742 г. Кантемир продолжал отсылать заслуживающие внимания документы; ср. в депеше от 15 января 1942 г.: "Прилагаю при сем остальные тетради о церемониях; кажется, что в них можно найти все, что достойно примечания в церемониях при здешнем дворе" (Кантемир, 1867-1868, II, с.225). В составе рукописи №40 из ф.14 есть два текста, полученных, согласно записям, 18 февраля 1942 г.: Actes de Préséances des Cardinaux sur les Princes du Sang autres que fils et fréres de Roys depuis 1467 jusques en 1560, лл.99 и сл., Réception d'un Ambassadeur qui ne fait que passer. Наконец, в этой же рукописи есть французский текст, полученный от Кантемира позже, 5 марта 1742 г.: Reception des Princes et ducs etrangers, лл.103 и сл.

Дополнением к уже отправленным материалам служит реляция Кантемира от 29 апреля 1742 г., в которой он описывает порядок получения послами, посланниками и полномочными министрами аудиенций у короля (полный текст реляции в изд.: Кантемир II, сс.244-247; см. "эѳтрактъ" из этой реляции в рукописи РГАДА, ф.14, №40, лл.6-10, 11-13). В депеше от 2 мая 1742 г. Кантемир сообщает краткие сведения о занятиях полномочных министров в то время, когда король находится в Фонтенбло (депеша полностью опубликована в: Кантемир, 1867-1868, II, с.247; ср. пересказ последней части депеши, касающейся этикета, в рукописи РГАДА, ф.14, №40, л.13).

К этому же корпусу текстов следует присоединить и реляцию Кантемира от 13 января 1744 г., отправленную в ответ на рескрипт от 10 января 1744 г. Эта реляция близка по содержанию к реляции, отправленной двумя годами раньше (22 января 1722 г.), в ней также речь идет о правилах въезда и выезда полномочных министров, а также о подарках послам и полномочным министрам (РГАДА, ф.14, №40, лл.1-3).

В заключение приведем три текста Кантемира:

1. Приложение к реляции №62 1738 г. (РГАДА, ф.156, №209, лл.1-2об).

2. Прибавление к английскому этикету (РГАДА, ф.156, №213. лл.13-16об).

3. Прибавление к французскому этикету (РГАДА, ф.14, №40, лл.288-289)

1

Нѹжнѣйшїя замечанїя церемонїаловъ Англинскаго двора, и даемыхъ чюжестранныимъ тамо министрамъ привилегїй.

Нѹжнѣйшїе јзвѣстїи для здѣшнихъ церемонїаловъ и ѡ

привилегіяхъ чюжестранныхъ министровъ.

1 Дворъ здѣшней даетъ министрамъ для переѣзду изъ Голландіи сюды королевскую яхту, которую министръ можетъ извѣстить письмомъ кстатскомъ секретарю требовать, означа день когда оную прислать въ ротердамъ; обыкновенно дается капитану тритцать гиней, кромѣ того способу можетъ изрядно переѣхать наординар номъ пакетъботѣ изъ Гелветшлюся, или нанаемной шлюпке изъ ротердама.

2. Поприѣзде обычай требуетъ повѣстить отомъ церемоніймейстеру, которой получа копію сверющей грамоты сообщитъ статскому секретарю, и ссимъ министръ видѣся, назначится день къ аудіенціи.

3. Оная приватна бываетъ вкабинѣте королевскомъ [1об] приприсудствіи одного толко статскаго секретаря, получаются аудиенціи послѣ королевской у всей фамиліи, выключая теперь принца іприцессу валикую за ссорою сотцомъ

4. а кромѣ двухъ статскихъ секретарей і двухъ Гдъ валполовъ никому первой визитъ изъ аглицкихъ министровъ или придворныхъ Господъ не отдавалъ, попримеру другихъ чюжестранныхъ министровъ отъ знатнейшихъ дворовъ, хотя все тайныя королевскія совѣтники того требуютъ ѿ министровъ втораго ордина.

5. Статскіе секретари визитъ невозвращаютъ, хотя милордъ Гаринстонъ сомною такимъ образомъ непоступилъ.

6. Чюжестранныя министра оприѣзде своемъ неповѣщается, но сами собою визитовать приходятъ.

7. Посланникъ цесарскій [2] требуетъ отъ посланникъвъ первую визитъ, ноневсегда, понеже графъ кимской многія первую отдалъ.

8. Посланники ѿ полномочныхъ министровъ, резидентовъ и протчихъ, также требуютъ первую визитъ, но все сними втомъ несоглашаются, и я затемъ сголански никогда невидался.

9. Почетвергамъ чюжестранные министры придворѣ входъ імѣютъ впереспалную королевскую, набалахъ никогда нетанцуютъ, обѣдаютъ устатскихъ секретарей в дни королевскогw рожденія.

10. Отъ пошлинъ свободны толко припервомъ своемъ приѣзде авовсе время своегw прибыванія втаможнѣ платить должны завсѣ, что ниппривозятъ безізятно; да и при первомъ приѣзде вина франціз ского послу [2об] позволено ввести тысячю двести бутылокъ, а протчна министра шесть сотъ.

11. Россійскимъ министрамъ даются отъ короля дни нанаемъ двора; послу шесть сотъ фунтов, полномочному министру четыреста, президенту двести платятся почетвертямъ года безвычету обыкновенныхъ канцелярскихъ дачь, королевско оберъ камеръ геръ дает на оное указъ.

12. Главнейшіи авантажъ состоитъ впротекціи своихъ служителей попарламенскомъ акту учиненному отъ королевы анны всатисфакцію

андрея артемоновича матвеова. Кромѣ сего никакихъ другихъ привилегей чюжестранные министры неймѣютъ.

2

Пополненїе къ церемонїялу Аглицкого двора съ чюжестранными министрами.

Въ посланномъ отъ меня предъ симъ описанїемъ сего церемонїяла, сколько чрезъ своего корреспондента изъ Англїи получить могъ, изъяснены обряды касающїеся вѣздовъ и публичныхъ аудїэнцей. Въ ономъжже примѣчено что только въ тѣхъ публичныхъ церемонїяхъ разница употребляется между послами и другихъ характеровъ министрами, а впротчемъ всѣ безизятно равны трактаментъ имѣетъ. По тому слѣдующее мое доношенїе о всѣхъ характерахъ служитъ.

Для перевозу министра изъ Голландїи въ Англїю дается королевская яхта. Оную требовать можно чрезъ писмо къ статскому секретарю, буде министръ лучше не похочетъ переѣхать изъ Ротердама въ ординарной шлюпкѣ, или изъ Гелветшлюйса въ пакетъботѣ. Капитану королевской яхты дается подарок неменше 30 гиней.

Примѣчанїе.

Въ Англїи чужестранные дѣла вѣдаютъ оба Статс Секретари, одинъ сирѣчь принадлежащїй къ полуденнымъ державамъ, другой къ северным. Чужестранный министръ, такъ о помянутой яхтѣ какъ и въ требованїи своемъ, о дѣлахъ своего двора адресоватся къ тому изъ нихъ долженъ, ктораго департаменту принадлежитъ. Сѣверный департаментъ вѣдаетъ дѣла Россїйскїе, Имперскїе, Голандскїе, Шведскїе, Дацкїе, Полскїе [130б] Прускїе и волныхъ Имперскихъ Городовъ: Полуденному принадлежатъ Францускїе, Ишпанскїе, Португалскїе, италїанскїе и Турецкїе. Первой тепер препоручен милорду Герингтону, второй дюку Ньюкастлу.

Какъ скоро министръ въ Лондон прибудетъ, повѣститъ о томъ церемонмейстеру, которой получа копїю съ вѣрующей Грамоты сообщитъ Статскому секретарю, и съ симъ министръ водѣвся назначится днь к аудїэнцїи королевско.

Примѣчанїе.

Ничего неуставлено какъ церемонимеистера принимать: обыкновенно министръ второго ранга даетъ ему правую руку, и всѣ невыключая посла, визиту ему возвращаютъ.

Посла статской секретар принимаетъ въ канцелярїи своей для чести (:хотя милор Гарингто того обычаю не имѣлъ:) и въ тотже днь визиту ему возвращаетъ, трактуя себя взаимно въ Совершенномъ равенствѣ.

Втораго ордена министрамъ Статскїе Секретари правую руку давать и визиты возвратить не обязаны; однако* оба нѣшнїи пе^{р}вое чинятъ, а милор^{д} Гаринг^{то}н второе.

Чужестранны^{и} министръ долже^{н} видѣть Статского Секретаря своего депа^{р}тамента; другому съ одной учтивости визиту о^{т}даетъ.

Когда дни къ аудїэнцїи назначены^{и} приде^{т}; церемо [14] нимейстръ пріезжае^{т} къ министру въ домъ, и съ нимъ вмѣстѣ въ своей каретѣ къ двору пріезжаютъ; иногда по о^{с}щему согласїю церемонимейстеръ въ королевской передней министра ожидаетъ.

По окончанїи королевского убору (:the kings levee:) церемонимейсте^{р} вводитъ министра въ королевской кабинетъ, гдѣ его величество стои^{т} при столѣ, а статской секрета^{р} по правую вдали. Ка^{к} скоро его увиди^{т}, учинитъ свой поклонъ и проговря свою рѣчь, вручитъ его величеству свою вѣрующую грамоту, которую король принявъ и учиня ему о^{т}вѣтъ, министръ выходитъ изъ кабинета.

Отъ туду церемонимейсте^{р} о^{т}води^{т} его къ королевѣ и вмѣстѣ съ каме^{р}геромъ ея величества вводя его въ ея спалную, гдѣ она слушаетъ комплиментъ и о^{т}вѣтъ даетъ стоя.

Примѣчанїе.

У короля и у королевы церемонимейстръ при аудїэнцїи въ комнатахъ не прису^{т}ствуе^{т}, ни самой каме^{р}геръ у ея величества.

У Принца и Принцессы валской, ка^{к} и у про^{т}чихъ Принцовъ и Принце^{с} такимъ же образомъ аудїэнцїи получаются при прово^{ж}денїи церемонимейстера.

Примѣчанїе.

Статской секрета^{р} кромѣ королевской аудїэнцїи, у другихъ неприсудствуетъ. [14об]

Когда посолъ какой пріѣдетъ въ Ло^{н}донъ, то кромѣ Статского Секретаря его депа^{р}тамента, всѣ другїе королевскїе министры, придве^{р}ные Гда, и дворяне безизятна пріѣзжаютъ къ нему пе^{р}вую визиту о^{т}давать, мало суетяся по правую ли или по левую ихъ онъ сажаетъ, а посолъ всѣмъ безизятножъ визиту возвращаетъ.

Отъ Министровъ втораго ордена королевскїе та^{н}ные совѣтники и придворные съ титуломъ оберъ (:ка^{к} напримѣръ обе^{р}камергеръ, обе^{р}сталмейсте^{р}:) пе^{р}вую визиту ожидаютъ, да и прочїе мало съ ними видаться спѣшатъ, та^{к} что если пе^{р}сонално министръ ихъ дру^{ж}бу незаслужи^{т}, никого у себя неувидитъ.

Примѣчанїе.

Я во свое время визиту о^{т}далъ только двумъ валпола^{м} которые оба мнѣ оную возвратили. Кавале^{р} валполъ въ томъ мнѣ осо^{б}ливое о^{т}личенїе показалъ, ибо многи^{м} другимъ визиту невозвращалъ; и всѣ сїи Гда всякому у себя правую руку даютъ, и по обычаю

Аглицкому о᷑дверей встрѣчаютъ и до дверей своей комнаты провожаютъ; хотя никакой трудности бы не имѣли тѣ провожанїи и встрѣчанїи прибавлять или умалять, поне᷑ весьма мало о такихъ нева᷑ныхъ церемонїяхъ суетятся.

Чужестра᷑нным᷑ министрамъ о прїѣздѣ своем᷑ не повѣщается, но сами собою визитовать приходятъ.

Примѣчанїе.

Второго ордена министры о᷑даю᷑ посламъ пе᷒рвую визиту, и всегда Послы сажаютъ ихъ по правую въ свои᷒домѣхъ, хотя никто имъ неспоритъ противна. [15]

Посланники цесарскїе иногда о᷑ другихъ посла᷑никовъ требуютъ пе᷒рвую визиту, а всегда о᷑ резиде᷑товъ и министровъ безъ характера. Но ни Гдн᷒ъ Шавинь, ни я на то не соглашались. И другихъ де᷒жавъ посла᷑ники о᷑министровъ безъ характера и о᷑ самихъ полномочныхъ министровъ пе᷒рвую визиту ожидаютъ, но присылаемые о᷑ знатнѣ᷑шихъ дворовъ такїе министры ту претѣ᷑зїю не дозволяю᷑.

Всѣ чужестра᷑нные министры вновь прїѣзжающїе обрѣтаемым᷑ уже при дворѣ визиты возвращаютъ, не выключая секретарей.

Для дѣлъ чужестранные министры съта᷑тскими секретарями, и съ другими королевскими министрами когда до сихъ дѣло коснется, по вся дни и во всякой ча᷑ видѣтся могутъ, и къ тому осо᷑ливого времени уста᷑ленного неимѣютъ.

Подо᷑нымъ же образомъ и у короля сколько часто хотятъ, могутъ требовать приватную аудїэнцїю, нета᷑ ка᷑ при францу᷑скомъ дворѣ, гдѣ для дѣлъ аудїэнцїи у Короля нетребуются, развѣ когда министръ имѣетъ подать грамоту своего Гдря.

Привилегїи и учтивости дозволяемые чужестра᷑нымъ министрамъ.

По четве᷒гамъ чужестра᷑ные министры при дворѣ вхо᷑имѣютъ впередспалную кор᷑. куды обыкнове᷑но кромѣ придворныхъ, ста᷑тскихъ секретарей и Гдъ ва᷑поло᷑ [150б] никто невходи᷑, пока Король въ спалну не во᷑детъ. То᷑ чинится когда Король въ загоро᷑ныхъ свои᷑ двора᷑.

Когда его величество находится въ Гамптонкортѣ или ввин᷑сорѣ, чужестранные министры обѣдаютъ у Ста᷑тскихъ Секретарей, хотя и кромѣ того для нихъ особливой королевской столъ имѣется.

При балахъ и другихъ праздника᷑ у двора мѣсто назначенное имѣютъ и всякъ безъ разбору занимаетъ то которое пре᷑де удастся; та᷑ что межъ ними о пре᷑сидателствѣ спору не бываетъ. Къ такимъ праздникамъ званы бываютъ чрезъ церемонимейстера или по᷑церемонимейстера съ женами своими.

Въ дн᷒ь Королевского и Королевиного ро᷑денїя обѣдаютъ у Ста᷑тскихъ Секретарей; а въ ро᷑денїе Принца и Принцесы валской у ихъ дневалныхъ камергеровъ.

Примѣчанїе.

При всѣхъ случаяхъ министры чужестра᷑ные занимаютъ мѣста безъ разбору для увѣжанїя спору о пре᷑сидателствѣ.

Никакихъ другихъ учтивостей ни имъ ни женамъ ихъ при дворѣ неуставлено.

Привилегіи ихъ такʷже весьма непростраⁿые. главнѣⁿшей состоиᵀ въ протекціи своихъ служителей по парламентскому акту учиненᵒму въ цр̃ствованіе Королевы Анны въ Сатисфаᶜцію Россійского посла графа Матвеева.

Примѣчаніе.

Хотя въ самомъ дѣлѣ по тому Акту однѣмъ соᵉственнымъ служителямъ чужестраⁿный министръ протекцію дозволять бы былъ долженъ, однакоˣ въ обычай ᵘ˙ вошло, [16] подоᵉную протекцію давать многимъ которые и не вслужбѣ ихъ находятся. Случается что нѣкоторые чужестранные министры худо тоᵀ обычай употребляютъ, дозволяя такую протекцію за денги людямъ которые долги свои платять не хотятъ, оᵀ чего часто живеᵀ что преимущество сіе невесьма сохраняется. Иногда и безъ такой причины чужестраⁿыхъ министровъ служители арестованы, понеже невключены въ ихъ роспись.

Для разумѣнію сего должно вѣдать что въ вышепомянутомъ Актѣ изображено что чужестраⁿные министры имѣютъ подавать Статскому Секретарю роспись всѣхъ своихъ служителей, которая оᵀ сихъ во всѣхъ судахъ королевскихъ сооᵉщается, дабы они не могли указы давать для арестованія такиˣ служителей. Многіе изъ чужестранныхˣ министроᵉ такоⁿ росписи подаваᵀ несклоняются, не будучи поᴬчиненᵒны Актамъ Парламенскимъ: я во свое время росписи такіе попрошеніо милоᵉда Гарингтона ему давᴬ при писмѣ, въ которомъ не упоминая о Актѣ парламеⁿскомъ, оное заключалъ тѣмъ что посылаю ту роспись по его желанію, да бы мои служители могли ползоваться преимуществомъ, которое министрамъ чужестраⁿнымъ и ихъ Служителямъ даетъ право народнее.

Всѣ чужестранные министры при пеᵉвомъ прїѣздѣ могᵘᵀ безъ пошлины ввозить свой экипаᵡ, уборы и всякіе другіе вещи каковы ни пожелаютъ; а послѣ того во все свое пребываніе за все платятъ безизятно.

Вїна францᵘзского и при пеᵉвомъ вѣздѣ посолъ не можеᵀ [160б] ввести болѣе 1200 бутылоᵡ, а проᵀчіе министры, 600.

Всякой новой характеᵉ почитается пеᵉвымъ прїѣздоᵐ въ городъ, и по тому еще министръ тогда симъ своимъ преимуществомъ ползуется. Россійскимъ министрамъ дается оᵀ Короля на наᵉ двора послᵘ 600 фунтовъ; посланникамъ и полномочнымъ министрамъ 400 фунтоᵒ; резидентаᵐ 200 фуⁿ: Проᵀчихъ министровъ безъ характера и секретарей чаю образца не было.

При оᵀѣздѣ министры чужестраⁿные оᵀпускную аудїэнцію получаютъ такимъ же образомъ каᵡ при прїѣздѣ, таᵡ у Короля каᵡ у всей Королевской фамиліи.

Рекредитивъ имъ вручается оᵀ Статского Секретаря и церемонимейстеръ привозитъ имъ подароᵡ съ стороны Королевской, обыкновенно денгами, по состоянію характера. А имянно:

Послᵘ 1000 фунтовъ

Посланику коронованᵒной главы 350 фунтовъ

Посла"нику электорскому и другимъ самодержавныхъ принцовъ 300 фунтовъ

резиденту венеціянскому (:поне^{же} та репу^{ти}лика посла"никовъ не посылаетъ:) 350 фу^{нтов}ъ

резиде^{нтам}ъ про^{тчих}ъ коронова"ныхъ главъ 250 фу^{нт}

резиде^{нтам}ъ электорскимъ и други^{х} Самодер^{жа}ныхъ при"цовъ 200 фу^{нтов}ъ

всѣхъ дворовъ секретаремъ 200 фунтовъ.

Примѣчаніе.

Для Полномочныхъ министровъ и министровъ безъ характера сумма не поставлена: мнѣ ка^{к} полномочному министру дано 500 фунтовъ, и то^{же} число французскому министру Шавинью.

Изъ подарку Королевского возвращается 15 процентовъ; 10 для церемонимейстера, и 5 для по^{д}церемонимейстера.

Конецъ.

3

Прибавокъ къ ѿправленному церемониалу Францу̀ского двора.

21^{г} авгу̀ста jшпанской посо^{л} маки дела мина принявъ характеръ чрезвычайного посла пере^{ѣха}лъ вдомъ корол^{е}ско" называемой (Hotel des Ambassadeurs Extraordinair) гдѣ, чрезъ 4: дни трактованъ накорол^{е}скихъ протерехъ. Обычаи здѣшне" требовалъ что^{б} онъ та^{м} прожилъ доѿ̀ѣзда принцессіна, но самъ просилъ ѿ того быть извиненъ:

При принятіи нового характера ни пріицамъ крови ни посламъ о томъ неповестилъ, но снъ ков^{ѣ}ду и кѫ̀жину̀ просилъ въ Hotel des Ambassadeurs которые безвсякой церемоніи подружески та^{м} его нав^{ѣ}щали;

23^{г}: авгу̀ста марки дела мина полу̀чи^{л} свою пу̀^{б}личную аудіенцію у̀ короля и у̀ королевы, у̀ дельфина, у первo" принцессы королевскои и у̀ двух дрyгихъ, осо^{б}ливѡ навсѣхъ кромѣ дельфинова говорилъ поншпа"ски, а кдельфину̀ рѣчь по^{д}фра"цу̀ски.

Послы при тѣхъ аудиенціяхъ непрису̀тствовали, понеже тѣ которые [288об] въѣздy не чинили пре^{л} королемъ шляпу̀ здѣвать немогу̀тъ, а которые jвъѣздъ чинили у̀бѣгая спору̀ впре^{д}сѣдате^{л}ствѣ при такихъ церемоніяхъ непресу̀^{л}ствyю^{т}.

25^{г}: авгу̀ста ѿправлялся принцесси" сговоръ вкоролевскомъ кабинетѣ впрису̀дствіи всѣхъ принцовъ и принцесъ крови. Послы введены были воной кабинетъ прежде всѣхъ без всякои церемоніи какъ протчие придворные и такимже о^{б}разомъ прису̀тствовали при всей церемоніи. всякъ занимая сеѣ мѣсто которое спосо^{б}нѣе слу̀чило^{с}. (особнаго мѣста для пословъ означено небыло.)

26^{г}: Совершенъ бракъ вкоролевской капеллѣ, послы имѣли свое обыкновенное мѣсто, на галлеріи то" капе^{л}лы безвсяко" церемоніи, аглинско", jгала"ски посолъ, какъ протестанты не прису̀тствовали имѣя затру̀^{д}неніе во время об^{ѣ}дни станови^{т}ся наколеня^{х} привозвышеніи святы^{х} таинъ:

Для у̀бѣжанія всякого спору̀ ѿ двора j^{м} посламъ, ковсѣмъ симъ торжества^{м} ниповѣстки ни званія не былw, но посторо"нимъ о^{б}разомъ

отъ Статского секретаря оᵉявленш, [289] что притомъ присyᵃствовать могyтъ безъ всякоⷩ церемонiи. Того* дня тосканскоⷩ посланникъ оᵉявиᵉ свое намѣренiе, что имѣетъ вкапеᶜле занять первое место после послοвъ во ихъ лавке пронзошолъ споръ межъ имъ j вводителемъ посолскимъ, j понеже каᵖдинаᶜ самъ отомъ рѣшить ничего не хотѣлъ, преᶜставлено дѣло королю, и его величество определилъ, что посланники не jмѣютъ засѣдать в одноⷩ лавке спослами носадится на свою особyю, а наконце оной посолскоⷩ лавке садится вводителю посоᶜскомy какъ издревле обыкновенiе было, понеже оной вводитель, назначенъ бyдyчи нарочно для yслyги пословъ долженъ всегда принихъ оᵉрѣтатися, тою резолюцiею прсланники недоволны бyдyчи, противъ онои протестовали и писали кдворамъ своимъ требyя наставленiе. Которое каᵏ скорш полyчатъ, обѣщали сошⷩщить всѣмъ посламъ меморию, которою весь споръ бyдетъ описанъ, потомy я дотого времени о семъ простраⷩнѣе доносить ѿлагаю.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Исключением являются отрывки из рукописи, получившей название Курбатовской, в которых есть пометы Кантемира (см. Глаголева, 1906).

[2] Ср., например, издание сочинений Кантемира П.А.Ефремова и В.Я.Стоюнина 1867-1868 гг., где основным выбрано нетематическое заглавие, вслед за которым в скобках дается тематическое.

[3] Опись библиотеки Кантемира опубликована в (Александренко, 1896).

[4] В настоящее время славяно-французский словарь Кантемира готовится к изданию автором данной статьи.

[5] Письма и реляции Кантемира публиковались в следующих изданиях: Кантемир, 1867-1868. II; Помяловский, 1873; Александренко, 1732-1735, I-II; Майков, 1903. Часть переписки Кантемира опубликована Х. Грасгофом (Grashoff, 1966).

[6] Как отмечают Б.А. Успенский и Ю.М. Лотман в статье «Отзвуки концепции "Москва–третий Рим" в идеологии Петра Первого» (1996), принципиальное разведение слов *царь* и *император* как обслуживающих разные культурные сферы существовало в русской традиции, где данная оппозиция соотносилась с противопоставлением византийской и римской власти. После того как Петр I стал именовать себя императором, встал вопрос о том, какими должны быть титулы царицы и царевен. Эта проблема решалась на специальной "конференции" Сената и Синода в 1721 г. В результате было предложено именовать царицу "Императрицей или Цесаревой", причем Петр I заменил "цесареву" на "ее цесаревино величество" (см. подробнее: Лотман, Успенский, 1996, с.125).

[7] Такое употребление слова не было устоявшимся в русской традиции; ср. титул "императрикс" в "Песне" Треднаковского 1730 г., а также в его переводе "Езды в остров любви". Отметим, что в Вейсманновом лексиконе 1731 г. слово *императрица* приведено в скобках как возможный синоним для *повелительница*, *владетельница*, *государыня* – в соответствии с немецким *herrscherin*, латинскими *dominftrix*, *imperatrix* (см. Вейсманнов лексикон, 1731, с.293).

[8] В 1742 г. Кантемир в "Словоприношении" величает императрицею и августою Елизавету I, вновь поясняя, что "императрицы греческие августами назывались, как императоры имя Августа, сиречь распространителя, носили" (Кантемир, 1956, с.275).

[9] Кантемир прибыл во Францию в сентябре 1738 г.

[10] Согласно Биржаковой Е.Э., Войновой Л.А. и Кутиной Л.Л., слово *этикет* впервые фиксируется в 1745 г. (Биржакова и др., 1972, с.408; ср. еще более позднюю датировку – 1765 г. в: Черных, 1993, II, с.454). Кантемир использовал это слово раньше, уже в 30-е гг.

[11] Данный почерк – предположительно принадлежащий одному из секретарей Кантемира – Мозалевскому – совпадает с почерком, которым написан славяно-французский словарь Кантемира.

[12] В этой же рукописи есть еще ряд документов на французском языке, относящихся к различным придворным церемониям.

ЛИТЕРАТУРА

Александренко В.Н. К биографии князя Кантемира // Варшавские университетские известия. 1896. №II.

Александренко В.Н. Реляции князя А.Д.Кантемира из Лондона (1732-1735). Т. I-II. М. 1892-1893.

Бабаева Е.Э. Славяно-французский лексикон А. Кантемира (Филологическая характеристика: концепция, структура) // Вопросы языкознания. 1996. №2.

Биржакова Е.Э., Войнова Л.А., Кутина Л.Л. Очерки по исторической лексикологии русского языка XVIII века. Языковые контакты и заимствования. Л. 1972.

Вейсманнов лексикон 1731. Нѣмецко-латинскій лексиконъ купно съ первыми началами рускаго языка къ общей пользѣ при їмператорской академіи наукъ печатію изданъ. СПб. 1731.

Гершкович З.И. Примечания // Антиох Кантемир. Собрание стихотворений. Л. 1956.

Глаголева Т. Материалы для полного собрания сочинений князя А.Д. Кантемира // Известия Отделения русского языка и словесности имп. Академии Наук. Т. 11, кн. 1-2. 1906.

Градова Б.А. Рукописи А.Д.Кантемира // Источники по истории отечественной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг [Гос. Публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина]. Л. 1983.

Градова Б.А. Первые переводы Кантемира // Исследование памятников письменной культуры в собраниях и архивах Отдела рукописей и редких книг [Гос. Публичной библиотеки им. М.Е.Салтыкова-Щедрина]. Л. 1985.

Градова Б.А. А.Д.Кантемир – составитель первого русско-французского словаря // Краткие тезисы докладов научной конференции "Россия – Франция. Век Просвещения" (по материалам выставки в Париже и Ленинграде) 12-14 мая 1987 г. Л. 1987.

Градова Б.А. А.Д.Кантемир – составитель первого русско-французского словаря // A Window on Russia. Papers from the V International Conference of the Study Group on Eighteenth-Century Russia Gargnano, 1994. La Fenice Edizioni. 1996.

Graßhoff H. Antioch Dmitrievic Kantemir und Westeuropa: Ein russischer Schriftsteller des 18. Jahrhunderts und seine Beziehungen zur westeurordischen Literatur und Kunst. Berlin. 1966.

Кантемир А.Д. Сочинения, письма и избранные переводы князя А.Д.Кантемира. Т. I-II. Спб. 1867-1868.

Кантемир А.Д. Собрание стихотворений. М. 1956.

Лотман Ю.М., Успенский Б.А. Отзвуки концепции "Москва – третий Рим" в идеологии Петра первого (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко) // Успенский Б.А. Избранные труды. Т. I. Семиотика истории. Семиотика культуры. М. 1996.

Майков Л.Н. Материалы для биографии А.Д.Кантемира. Спб. 1903.

Николаев С.И. О переводе похвальной оды М. Меттера 1737 г. // XVIII в. Сборник 20. С.-Пб. 1996.

Поливановский И.В. Реляции срезвычайного во Франции посла князя Кантемира 1738 и 1739 годов // Памятники новой русской истории. Сборник исторических статей и материалов, издание А.О.Базунова. Вып.3. Спб. 1873.

Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка. Т.I-II. М. 1993.

II

СОВРЕМЕННЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК. ФОНЕТИКА. СЛОВООБРАЗОВАНИЕ. ГРАММАТИКА

М.Л.Каленчук

ФОНЕТИКА И СЛОВООБРАЗОВАНИЕ

В фонетической литературе последних десятилетий активно обсуждается вопрос о связи между фонетикой и грамматикой. При этом высказываются две полярные точки зрения.

Одни лингвисты считают, что фонетика – самодостаточная языковая система, живущая и развивающаяся по своим собственным законам.

Другие доказывают, что всё, происходящее на фонетической сцене, – это лишь отголосок грамматических событий. В коллективной статье М.Я.Гловинской, Н.Е Ильиной, С.М.Кузьминой и М.В.Панова "О грамматических факторах развития фонетической системы современного русского языка" было высказано предположение о том, что "все существенные изменения в фонетике русского литературного языка за последние пять-шесть десятилетий можно рассматривать как следствие грамматических процессов", что "подлинной жизнью живет грамматика, а фонетика только чутко отвечает на потребности грамматического развития и преданно следует за ней" (авторы включают в понятие *грамматики* словообразование, морфологию и синтаксис) (Гловинская и др., 1971, с.32; 21).

Одной из тенденций грамматического развития, способной влиять на звуковое оформление слов, считается рост агглютинативных черт в семантике и структуре производного слова.

В самом общем виде развитие агглютинации (в противовес фузии) можно охарактеризовать как борьбу фонетики и морфемики, в результате которой, образно говоря, сквозь звуковой покров фонетического слова начинает "просвечивать" его морфемное строение.

ИРЯ
институт русского языка

Считается, что на фонетическом уровне усиление агглютинативности проявляется в первую очередь в стремлении к чёткому разграничению морфем в слове и в связи с этим к усилению роли пограничных сигналов. Как образно писал А.А.Реформатский, слово, построенное по принципу агглютинации, "похоже на длинный поезд, где корень – паровоз, а цепь аффиксов – вагоны, просветы между которыми всегда отчетливо видны" (Реформатский, 1997, с.275).

Звуковые пограничные сигналы проявляются тогда, когда на границах морфем действуют одни фонетические закономерности, а в позициях середины морфемы – другие, и таким образом маркируются морфемные швы, "просветы" между морфемами становятся очевидны.

Исследователи звучащей речи середины нашего столетия отмечали, что "в нашу эпоху усиливается действие разграничительных сигналов" (Фонетика..., 1968, с.61), роль морфемного шва возрастает. И действительно, в произносительной системе середины XX века фонемы в сандхи и внутри морфемы часто вели себя по-разному.

А каково соотношение сандхиальных и несандхиальных закономерностей в орфоэпической системе конца XX века? Выяснение вопроса о том, продолжается ли усиление роли пограничных сигналов или их значение уменьшается, может позволить выявить новые аспекты взаимоотношений между фонетикой и словообразованием.

Рассмотрим динамику этого явления на нескольких примерах.

Твердость/мягкость согласного перед следующим мягким

Ассимилятивные закономерности по мягкости в речи начала XX века протекали одинаково внутри корня и в сандхи – в большинстве случаев согласный перед следующим мягким произносился мягко. Начавшийся процесс изживания мягкости согласного в указанной позиции к середине века затронул в первую очередь стык морфем, причем протекал с разной скоростью в разных сандхиальных позициях. Новые нормы в первую очередь проникали в позиции "неплотных" межморфемных швов агглютинирующей тенденции (стык предлога со словом, стык приставки и корня), и лишь затем устанавливались на более "спаянных" фузионных стыках (таких как стык корня и суффикса). К концу XX века для многих сочетаний согласных реализация фонем в позиции перед мягким звуком внутри корня и в сандхи вновь стала одинаковой, но теперь в обоих случаях согласный произносится твердо.

www.ruslang.ru

В начале века
[з'м']ея – и[з'м']енить
по[з'л']ить – ра[з'л']ить

В середине века
[з'м']ея – и[зм']енить
по[з'л']ить – ра[зл']ить

В конце века
[зм']ея – и[зм']енить
по[зл']ить – ра[зл']ить

Глухость/звонкость согласных

Ассимилятивные закономерности, определяющие глухость/звонкость согласных, очень устойчивы и почти не дают орфоэпических вариантов. И только в одной позиции – на стыке основ сложносокращенных слов – возможны различные реализации конечной фонемы первой основы перед гласными, сонорными или <в>, <в'>, за которыми следуют гласные или сонорные.

Направленных наблюдений о глухости/звонкости согласных в рассматриваемой позиции в речи начала и середины XX века нет; судить о реализации данной произносительной нормы можно только по транскрипциям некоторых фонетистов. Для речи конца XX века эта норма исследовалась в специальном эксперименте (Каленчук, 1995). Сравнение данных разных орфоэпических срезов позволило выявить следующую картину.

"Старшая" норма произношения требовала реализации конечной фонемы первой основы сложносокращенного слова по законам конца слова, а не его середины: *сельхо*[с]*налог* (ср.: [зн]*ать*, но *моро*[с] *надоел*); *гла*[ф]*врач*, *за*[ф]*лабораторией* и пр. (Каленчук, 1993, с.670; Реформатский, 1950, с.35).

Подобная реализация фонем, приравнивающая стык между основами сложносокращенного слова к стыку между словами, являлась ярким делимитативным средством, сигналом границы.

В речи носителей современной "младшей" нормы наряду с традиционным произношением стало возможно *сельхо*[з]*налог*, *гла*[в]*врач*, *за*[в]*лабораторией*. Такая реализация фонем, равная их реализациям внутри корня, подчеркивает "спаянность" компонентов сложного слова, не маркируя межморфемный шов.

Способ образования согласных

Сочетания фонем <сч>, <зч> могут реализоваться в речи поразному: как [ш'] и как [ш'ч']. Распределение этих вариантов зависит от многих факторов как экстралингвистического, так и собственно языкового характера, но важнейшим является положение фонем внутри корня или на стыке морфем и характер этого стыка (см. Борунова, 1966; Фонетика..., 1968, с.81-91).

Произносительные рекомендации, касающиеся этой нормы, крайне противоречивы. Н.Н.Дурново и Д.Н.Ушаков фиксировали расхождение в их собственной речи в реализации этой нормы на стыке предлога и слова, а также приставки и корня, то есть устанавливали наличие орфоэпических вариантов (Дурново, Ушаков, 1926). Р.И.Аванесов считал, что "сочетания *с* + *ч* и *з* + *ч* следует произносить как [ш'ч']; произношение же в этих случаях долгого мягкого [ш'] "не может быть рекомендовано как просторечное и даже диалектное" (Аванесов, 1984, с.179). По мнению же А.А.Реформатского, на стыке предлога и слова, а также приставки и корня нормативным считается произношение [ш'], а произношение [ш'ч'] в этой позиции "следует признать искусственным" (Реформатский, 1970, с.392).

Все эти (и многие другие) наблюдения говорят о том, что на стыках морфем агглютинирующей тенденции установилось "равноправие" вариантов [ш'] и [ш'ч'], в то время как внутри корня безусловно установился вариант [ш']. Каково должно быть направление развития этой нормы для того, чтобы четче разграничивались морфемы? Необходимо, чтобы внутри морфем использовался бы один вариант, а на стыках морфем – всегда другой, который самим бы своим появлением сигнализировал о морфемном шве. Поскольку для середины морфемы в настоящее время используется только вариант [ш'], то в сандхи логично было бы ожидать постепенного увеличения произнесений [ш'ч']. Но такого распределения вариантов не произошло. Как показывает сравнение особенностей речи современного молодого поколения с данными о реализации этой нормы в речи предшествующих поколений (Каленчук, 1993, с.229-241), на стыках агглютинирующей тенденции вариант [ш'] вытесняет вариант [ш'ч'], а значит, и на этом участке произносительной системы роль пограничных сигналов уменьшается, а не увеличивается.

Как видно из разобранных выше примеров (а их можно было бы привести намного больше), в речи конца XX века стирается контраст между поведением фонем внутри морфем и на их стыках, погранич-

ные сигналы, т.е. сигналы, маркирующие границу фонетическими средствами, становятся все малочисленней и теряют свою функциональную значимость. Это не означает, что поведение фонем внутри морфем и в сандхи стало одинаковым – и в современной "младшей" норме существуют звуковые пограничные сигналы, но контраст между сандхиальными и несандхиальными закономерностями постепенно стирается, становится менее ярким, чем это было в речи середины XX века.

Почему это происходит? Рассмотрим следующие версии:

1. Возможно, прекратила свое действие тенденция к усилению агглютинации на уровне словообразования; исчезла причина, вызвавшая к жизни необходимость четкого разграничения морфем звуковыми средствами. Но это не подтверждается: не только структура, но и семантика производного слова демонстрируют все большие следы агглютинации.

2. Можно предположить, что завершен определенный этап в грамматическом развитии. Нарастающая агглютинативность межморфемных границ является этапом в развитии аналитизма: такие морфемы, как приставки и первые части сложных и сложносокращенных слов, стремятся к приобретению грамматического "суверенитета". Превращение синтетической конструкции (единое слово) в аналитическую (словосочетание) – длительный процесс. И первым шагом на пути превращения морфемы в составе слова в часть аналитической конструкции должно быть такое поведение фонем, при котором "просветы" между морфемами становятся легко ощущаемыми, что сформирует возможность в дальнейшем "разъять" единое слово на составляющие компоненты. Возможно, что первый шаг (нарастание агглютинативности морфемных швов) уже пройдён, в сознании носителя языка "отложилось" ощущение морфемных стыков между приставкой и корнем и между основами сложных слов, что снизило значимость пограничных сигналов. В конце XX века наблюдается отчетливая тенденция к стиранию сегментных границ между морфемами, в то же время роль просодических маркеров (сигналов "отдельности" морфем и слов) возрастает.

3. И наконец, нельзя оставить без внимания предположение о том, что рассмотренные фонетические изменения происходили не по грамматическим, а по внутренним фонетическим причинам (не будем в данный момент останавливаться на том, каким именно). На каких-то этапах языковой эволюции направление фонетических и грамматических изменений совпадало, в такие моменты грамматическая "поддержка" ускоряла фонетическое развитие. Но грамматические

факторы могли лишь помогать протеканию фонетических процессов, но не обуславливать их.

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Русское литературное произношение. М. 1984.

Борунова С.Н. Сочетания [ш'ч'] и [ш'] на границах морфем // Развитие фонетики современного русского языка. М. 1966.

Головинская М.Я., Ильина Н.Е., Кузьмина С.М., Панов М.В. О грамматических факторах развития фонетической системы современного русского языка // Развитие фонетики русского языка. М. 1971.

Дурново Н.Н., Ушаков Д.Н. Опыт фонетической транскрипции русского литературного произношения // Slavia. Praha. 1926. Rocnic V, sesit 2.

Каленчук М.Л. Орфоэпическая система современного руского литературного языка. Дисс... докт. фил. наук. М. 1993.

Каленчук М.Л. Фонетика и грамматика: звуковые приметы аналитических прилагательных // Проблемы фонетики. II. М. 1995.

ОС (Орфоэпический словарь русского языка). Произношение. Ударение. Грамматические формы. Р.И.Аванесов – ред. М. 1983.

Реформатский А.А. Методические указания и руководство по современному русскому языку для студентов-заочников. М. 1950.

Реформатский А.А. Согласные, противопоставленные по способу и месту образования // А.А.Реформатский. Из истории отечественной фонологии. М. 1970.

Реформатский А.А. Введение в языковедение. М. 1997.

Фонетика современного русского литературного языка. Народные говоры: Русский язык и советское общество. М. 1968.

Л.П.Каплинская

СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ КОНЦЕПЦИЯ Г.О. ВИНОКУРА СЕГОДНЯ

Вопросы теории и практики словообразования можно, по-видимому, считать главным научным пристрастием Г.О.Винокура. Еще в 20-е годы в статьях "О пуризме" (Винокур, 1924) и "Проблема культуры речи" (Винокур, 1929) Григорий Осипович предложил совершенно оригинальные подходы к решению актуальных словообразовательных задач. Некоторые важнейшие мысли, высказанные в этих статьях, затем получили развитие в работах "О некоторых

явлениях словообразования в русской технической терминологии" (Винокур, 1939) и "Маяковский – новатор языка" (Винокур, 1943).

Наконец в 1946 году в "Известиях Академии наук" появилась его знаменитая статья под скромным названием "Заметки по русскому словооразованию", где была представлена словообразовательная концепция Г.О.Винокура в ее основных и принципиальных чертах (Винокур, 1946). Эта замечательная работа и по сей день остается непревзойденным достижением теоретической мысли в области синхронного словообразования.

Судьбу методически плодотворных идей Винокура вряд ли, однако, можно назвать благополучной. После широко известной в лингвистических кругах дискуссии, которая вошла в анналы под образным названием "спор о буженине", развитие словообразовательной синхронии двинулось в направлении так называемого семасиологического подхода при анализе фактов словопроизводства. Теоретическим знаменем этого метода служила концепция А.И.Смирницкого, хотя сейчас уже ясно, что и эта концепция в дальнейшем не получила развития в полной мере.

В итоге сегодня мы имеем детальнейшую, с максимальным охватом соответствующего материала разработку грамматического описания русского словообразования. Выполненное в категориях и понятиях морфемики, это описание основано на таком понимании системности, которое мыслится как типология словообразовательных средств и способов словопроизводства. Понятно, что в такого рода систематизации семантическим квалификациям отводится не основная (т.е. координирующая) роль, но лишь "сопровождающая". Это значит, что семантические характеристики в взаимодействующих в процессах словопроизводства языковых единиц выполняют функцию необходимых фоновых знаний, способствующих выявлению всевозможных нюансов членимости производного слова.

В условиях нынешней языковой реальности, когда страницы печати и эфир заполонило небывалое количество производных слов, необходимость их осмысления именно с семантических (в широком смысле) позиций стала очевидной. Остро актуальной стала задача словообразовательного описания, предусматривающего системные закономерности процессов порождения производных слов как новых номинативных единиц.

По нашему глубокому убеждению, именно в "Заметках" Г.О.Винокура представлены те теоретические положения, следование которым позволяет найти подходы к решению задачи построения новой,

собственно семантической словообразовательной типологии. Какие положения имеются в виду?

1. Первое и ведущее с точки зрения потребностей времени – это положение о том, что производная и производящая основы сопоставляются на основании различия их по отношению к о б о з н а ч а е м о м у п р е д м е т у д е й с т в и т е л ь н о с т и (Винокур, 1946, с.316-317). Легко заметить, что в этом "пункте" теория Винокура естественным образом "перетекает" в современную теорию номинации.

2. Положение о том, что е д и н с т в е н н о й словообразовательной категорией содержательного характера является о т н о ш е н и е между первичной и производной основой, что дает право "смотреть на производную основу как на своего рода в а р и а ц и ю соответствующей непроизводной основы" (Винокур, 1946, с.320).

3. Все формальные словооообразовательные средства оцениваются только со стороны предписанной им функции, а "функция аффикса состоит в том, что он дает возможность увидеть ту или иную основу в другой перспективе, в одном из боковых освещений, а потому и вообще аффикс может иметь какой-нибудь смысл только тогда, когда он применен к какой-либо основе, а не существует сам по себе" (Винокур, 1946, с.320). (Ср. в связи с этим положением Винокура общепринятые в нынешнем синхронном словообразовании рассуждения об омонимии и синонимии суффиксов).

4. Критерий морфемной членимости рассматривается в непосредственной обусловленности отношениями между производящими и производными основами с о д е р ж а т е л ь н о г о характера. Это положение вводит такой важный методический принцип, как необходимость различать в а р и а н т ы суффиксов, или вообще словообразовательных аффиксов. Так, в производном *домовничать* Г.О.Винокур выделяет сложный суффикс *-овнича* на том основании, что комплексу *ов* "никакого самостоятельного отдельного значения приписать, очевидно, нельзя", потому что "*домовничать* так относится к *дом*, как *лентяйничать* к *лентяй*, *плотничать* к *плотник*, и здесь перед нами, несомненно, один суффикс в трех вариантах: *-а, -нича, -овнича*" (Винокур, 1946, с.325).

Эти положения позволяют подойти к проблеме словообразовательной системности совсем с другой точки зрения. Не таксономия средств и способов словопроизводства, а именно поиски лексико-словообразовательных и – шире – семантико-словообразовательных закономерностей функционирования самого механизма словопроизводства открывают возможность описания словообразования как фрагмента языковой системы в целом. Функциональный подход

предусматривает объединение традиционно разграниченных ономасиологического и семасиологического приемов анализа. При этом в качестве искомого рассматриваются правила регулярного пополнения лексики новообразованиями, т.е. правила, по которым можно делать новые слова (по Л.В.Щербе).

Как частный случай соответстствующих правил предлагаются основные (отнюдь не все, а только самые значимые, по нашему мнению) итоги анализа законномерностей образования вторичных единиц лексики в типе имен деятеля (nomina agentis). И.П.Мучник подсчитал, что уже в Словаре Д.Н.Ушакова около 36% всех неологизмов составляют "названия человека в его разнообразных новых функциях" (Мучник, 1971, с.202). Понятно, что тенденция пополнения словарного состава за счет имен лиц вообще и имен деятеля в частности активна и в современных условиях функционирования языка.

Сформулированные правила представляют собой своего рода позиционное распределение языковых средств, где позиции обозначены в виде семантических взаимодействий определенных множеств лексических единиц, регулярно порождающих также вполне определенные производные смыслы. Скажем, семантические взаимодействия типа *бегать – бегун, плавать – пловун, петь – певун* и т.п. представляют одну и ту же позицию в лексико-словообразовательной системе языковых отношении, в то время как взаимодействия *бегать – беглец* и *беженец*, *петь – певец*, *плавать – пловец* и др. аналогичные характеризуются иными свойствами в позиционном распределении взаимодействующих в процесах словопроизводства языковых единиц.

В правилах характеризуются первичные и производные единицы как взаимно предполагающие друг друга значения в лексической системе языка в целом: первые квалифицируются как регулярные мотиваты для данного множества в классе производных единиц лексики.

В качестве основной координирующей категории описания используется ***понятийно-словообразовательный тип*** (аналог ономасиологической категории Докулила, с той лишь разницей, что тип включает в себя не только семантические характеристики мотивированных слов, но и соотносительные семантические свойства мотиватов). Общее значение типа рассматривается как инвариантное по отношению ко всем его модификациям в разного рода вторичных единицах, подпадающих под его "юрисдикцию". Для "номина агентис" инвариантной оказывается семантико-словообразовательная связь между смыслами 'действовать' и 'действователь (тот, кто действует)'. В языковой системе в целом эти смыслы взаимно

предполагают друг друга, что очевидно. Основой семантико-словообразовательных отношений в типе служат, таким образом, закономерности отглагольного словопроизводства имен деятеля. Наглядно эти отношения могут быть представлены в виде следующей пропорции – *бегать*: *бегун* = *плавать*: *пловец* = *читать*: *читатель* = *чистить*: *чистильщик*. Перед нами четыре модели словопроизводства отглагольных имен деятеля в русском языке: модели на *-ун*, на *-ец*, на *-тель*, на *-льщик*. Модель, как можно видеть, является в предлагаемом описании иерархически подчиненной по отношению к типу категорией: один тип, как правило, объединяет ряд моделей. Согласно давно замеченной особенности типовых отношений в этом классе производных, к одному и тому же типу причисляем модели, где в качестве регулярных мотиватов выступает некоторое множество именных единиц (ср. замечание Ю.Д.Апресяна по поводу производных *садовник, коровник* и др. подобных, где "семантически имеет место отглагольное словообразование, независимо от того, сопутствует ли ему формальная производность от глагола или нет..." (Апресян, 1974, с.132). Таким образом, состав моделей в понятийно-словообразовательном типе имен деятеля расширяется за счёт отыменных производных типа *лесник, гардеробщик, гитарист* и т.п.: модели на *-ник, -щик (-чик)* и *-ист*.

Итак, номинативная область имени деятеля в русском языке "обслуживается" (по преимуществу) семью моделями. Задача сводится к тому, чтобы сформулировать регулярные семантические и формальные правила выбора одной из них при словопроизводстве каждого данного имени деятеля. Эти правила должны отвечать требованию корректности не только в приложении к ретроспективе словообразования, но и применительно к новообразованиям в настоящем и будущем русского языка. Такие правила, как представляется, удалось сформулировать.

Общий вид правил таков: ***правила словопороизводства имен деятеля, содержательно соотнесенных с субъектно-объектными отношениями в лексических связях глагольного слова, наименования действия или объекта действия (действий, деятельности)*** (Катлинская, 1986, с.358).

Перечислим наиболее значительные, на наш взгляд, итоги предпринятого анализа.

1. Методически плодотворным оказалось выделение в рассматриваемом типе двух подтипов: ***подтип производителя действия*** и ***подтип субъекта деятельности***. К ***первому*** приписаны прежде всего модели, где в качестве мотиватов выступают активные глаголы несовершенного вида, а также их регулярные именные трансформы на

-ка, -ние, называющие процессы и/или "исходы" таких процессов. Это модели на *-льщик* и *-щик/чик*: производные типа *куршыщик, копнильщик, выбраковщик, инсценировщик, намывщик, накатчик, перевозчик.*

Номинативная особенность производных данного подтипа (производитель действия) заключена в том, что некоторые из них могут называть как лицо, так и не-лицо, а именно механизмы (аппараты), выполняющие соответствующую функцию: ср. *бомбардировщик* (летчик и самолёт), *асфальтоукладчик* (человек и машина), *корректировщик* (тот, кто ведет корректировку, и радиолокатор).

2. В модели на *-тель* того же подтипа в качестве регулярных мотиватов, в отличие от моделей на *-льщик* и *-щик* (*-чик*), выступают по преимуществу глаголы нефизического действия: ср. *мыслитель, читатель, надзиратель, завоеватель* и т.п. Приметой производных по этой модели является нерелевантностъ а) аспектуальной характеристики мотивирующего глагола (*спасатель, спаситель, грабитель* и *расхититель*) и б) семантическая характеристика действия как *постоянно* совершаемого именуемым деятелем (ср. у Толстого в романе "Война и мир": *медлители, опрокидыватели*; у Достоевского в романе "Преступление и наказание": *вызыватель* (городового) и др. под.).

3. В подтипе производителя действия модели на *-льщик, -щик* (*-чик*) и *-тель* характеризуются активностью в перспективном плане, хотя степень такой активности у них разная.

4. В том же подтипе особняком стоят модели на *-ун* и *-ец*, которые отличаются абсолютной неактивностью в перспективном плане. Причина этого заключена в том, что в качестве регулярных мотиватов для производных по этим моделям функционируют закрытые ряды глагольных единиц, а именно, первообразные глаголы, называющие природно присущие человеку действия (модель на *-ун*) и небольшое множество глаголов типа *кормить* (кормилец), *продавать* (продавец), *жить* (жилец); ср. также устар. *жнец, дудец, игрец* (модель на *-ец*).

5. Только модель на *-щик* (*-чик*) функционирует при словопроизводстве вторичных единиц обоих подтипов: ср. *кодировщик* и *компьютерщик*, *лётчик* и *вертолетчик* и др. под. В частности поэтому модель характеризуется, в сущности, неограниченной активностью в перспективном плане.

6. Моделъ на *-ник* "обслуживает" подтип, субъекта деятельности: *лесник, садовник, собачник, лыжник* и т.д. Активность этой модели ограничена в силу специфичности семантики ее регулярных мотиватов, в качестве которых выступают по преимуществу имена, называющие естественные объекты действительности (не артефактные имена): ср. новообразования *помидорники, кактусятники* и нек. др. под.

Эта модель может рассматриваться как морфонологический вариант модели на *-щик* (*чик*) при словопроизводстве имен деятеля также от артефактных имен, основа которых оканчивается на шипящие, с-з и ч-ц: ср. *сапожник, лотошник, городошник, ключник, матрац* (*с*) *ник, картузник* и др. под.

7. В подтипе субъекта деятельности путем присоединения суффикса *-ист* в общем случае образуются наименования деятелей, производящими для которых выступают основы заимствованных имен; ср. старые и новые: *арфист, альтист, артиллерист, гольфист, миниатюрист* и т.п.

Номинативная особенность производных в подтипе субъекта деятельности состоит в том, что эти вторичные единицы могут называть лицо и только лицо (ср. с номинативной прикрепленностью производных в подтипе производителя действия, которые в общем виде могут называть как лицо, так и соответствующее механическое устройство).

8. Правила включают описание закономерностей варьирования моделей в зависимости от функционально-стилистических условий (например, *читатель* и *читчик* – нейтральное и специальное соответственно) и экспрессивно-стилистических (например, *лгун* и *лжец*).

Сформулированные правила реализуются с достоверностью не абсолютного, а статистического характера. При этом статистически вероятность их реализации близка к единице.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М. 1974.

Винокур Г.О. О пуризме // ЛЕФ. 1924. № 4.

Винокур Г.О. Проблема культуры речи // Русский язык в советской школе. 1929. № 5.

Винокур Г.О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды МИФЛИ. Т.V. Сб. статей по языкознанию. М. 1939.

Винокур Г.О. Маяковский – новатор языка. М. 1943.

Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. Т.V. Вып. 4. 1946.

Катлинская Л.П. Функциональное словообразование. Активные процессы словопроизводства в современном русском языке. Дис. докт. фил. наук. М. 1986.

Мучник И.П. Грамматические категории глагола и имени в советском русском литературном языке. М. 1971.

И.С.Улуханов

ОБ ИЗУЧЕНИИ МОРФНОЙ СТРУКТУРЫ РУССКИХ СЛОВОФОРМ

1. Знаменитая статья Г.О.Винокура "Заметки по русскому словообразованию" (Винокур, 1946) стимулировала развитие не только словообразовательного, но и морфемного (морфологического, морфного) анализа. Не употребляя этих терминов, Г.О.Винокур поставил в этой статье проблемы выделения значимых частей в слове. Статья Г.О.Винокура и последовавшая затем полемическая статья А.И.Смирницкого (Смирницкий, 1948) вызвали широкое обсуждение затронутых в них проблем, которое привело в конце концов к созданию теорий степеней или видов членимости слов (Словообразование..., 1968, с.214-217; Янко-Триницкая, 1968; Кубрякова, 1970). Были созданы морфемные и тесно связанные с ними словообразовательные словари (Worth et al., 1970; Тихонов, 1985, 1996; Кузнецова, Ефремова, 1986 и др.).

В описательных грамматиках появились разделы "Введение в морфемику" (Грамматика-70) и "Морфемика" (Грамматика-80), в которых рассматривались, в частности, принципы выделения морфов в словоформах и объединения морфов в морфему, а в (Грамматика-80) дан список типов морфного строения русских словоформ. Каждый указанный в списке тип является уникальным (по составу и расположению, реже – только по расположению) сочетанием следующих видов морфов: корневых (обозначается буквой R), префиксаль-ных (pr), суффиксальных (s), интерфиксальных (i), флексийных (f) и постфиксальных (pt), например: R (*пальто, да, вдруг*), pr-R-f (*при-город-ы, пре-весел-ый, от-вез-ут*), pr-pr-pr-R-s-s-f (*по-на-вы-пис-ыва-л-и*), R-i-R-s (*пол-у-шут-я*) и др.

Несмотря на то, что в последнее время интерес к морфному анализу несколько угас, его проблематику нельзя считать неактуальной или исчерпанной. Она актуальна не только с теоретической, но и с практической точки зрения: школьная грамматика, пользующаяся термином *морфемика*, излагает только правила "морфемного разбора" (Бабайцева, Чеснокова, 1992, с.238, 239), не занимаясь словообразовательным анализом. Морфемная проблематика имеет место и в работах, посвященных созданию машинного фонда русского языка.

В данной статье будут рассмотрены некоторые перспективы изучения морфной структуры русских словоформ; наиболее подробно будут описаны парные сочетания морфов.

Говоря о перспективах изучения морфной структуры русских словоформ, необходимо прежде всего обратить внимание на выявление типов этой структуры – как реализованных (узуально и окказионально), так и нереализованных. Максимальное количество возможных типов может быть выявлено путем их исчисления. Должны быть объяснены причины их реализованности-нереализованности, а также различные причины, влияющие на лексическое наполнение этих типов. Имеется 77 реализованных узуальных типов русских словоформ с простой основой. 57 из них описано в (Грамматика-80, с.130-131); кроме того, имеется 2 узуальных типа с четырьмя суффиксальными морфами (Rssss, Rssssf – *вред-и-тель-ствова-л, вред-и-тель-ствовал-а*) и 18 узуальных типов с двумя постфиксальными морфами (напр., Rptpt, *брей-те-сь*, Rssfptpt – *ау-к-н-и-те-сь*; prprRssptpt – *пере-укомплект-ов-ывай-те-сь* и др.; их анализ дан в (Улуханов, в печати). Окказионально возможны и многие другие типы, вплоть до многоморфных стилистически маркированных образований со сложной основой: Он женился и вдруг оказался окруженным какой-то *околоспортивно-фарцово-автосервисно-манекенно-мелкоактерской* богемой. (Е.Евтушенко). Ср. также (Тихонов, 1996, с.681).

Полный список типов морфной структуры русских словоформ может быть подвергнут анализу с различных точек зрения. Многие особенности строения русских словоформ остаются неописанными.

2. Из закономерностей сочетаемости морфов в составе словоформ в первую очередь, на наш взгляд, заслуживают изучения закономерности парных сочетаний морфов. Ниже кратко описываются все возможные в словоформах русского языка парные сочетания видов морфов.

Вначале описываются сочетания в словоформах с простыми основами, а затем – сочетания на стыке простых основ в составе сложной основы.

В словоформах с простыми основами в узуальных словах представлено 12 парных сочетаний видов морфов, в окказиональных – одно. Все эти сочетания даны в табл.1, где по вертикали указаны постпозиции соответствующего вида морфов, а по горизонтали – препозиции. В клетках таблицы указан вид и даны примеры соответствующего парного сочетания, в котором в препозиции находится морф, указанный над данной клеткой (в столбце таблицы), а в постпозиции – морф, указанный слева (в строчке таблицы). Незаполненные клетки означают отсутствие данного парного сочетания морфов. Пример на окказиональное сочетание дан в скобках.

Таблица 1. **Парные сочетания видов морфов в словоформах с простыми основами**

№ строки	Морф в постпозиции	№ столбца				
		1	2	3	4	5
		Морф в препозиции				
		Префиксальный морф	Корневой морф	Суффиксальный морф	Флексийный морф	Постфиксальный морф
1	Префиксальный морф	prpr навыдумывать				
2	Корневой морф	prR пригород				
3	Суффиксальный морф	prs вынуть	Rs водный	ss грязнить	fs алгебраический	pts [когдатошний]
4	Флексийный морф		Rf вода	sf ручка		
5	Постфиксальный морф		Rpt где-то	spt молодейте	fpt стараться	ptpt купайтесь

Как видим, из 25 математически возможных парных сочетаний в языке реализовано 13. Эти 13 сочетаний могут быть расклассифицированы в соответствии с рядом признаков.

2.1. 13 типов делятся на 10 лексически регулярно реализуемых типов и 3 — лексически ограниченных.

Первый вид лексически ограниченных сочетаний — сочетание prs (клетка 1/3) – узуально представлено лишь в словоформах слова *вынуть* и в простой основе *-предств-*, являющейся сокращением основы *-представительств-* и выступающей только в составе сложных основ существительных *полпредство* "полномочное представительство", *постпредство* "постоянное представительство" и *торгпредство* "торговое представительство"; ср. также окказиональное сокращение *беска*: *Беска*, то есть бескозырка, заломлена на один бок (Ю.Скоп) и образованное с помощью окказионального смешанного способа словообразования – усечение + декомпозиция + сложение + суффиксация – существительное *спонтансюрчик* (<*спонтанный сюрреализм*) с уникальным для русского языка префиксом *сюр-*: Стиль живописи выпускника Суриковского института Евгения Вахтангова можно определить как спонтанный сюрреализм. Сам художник с этим не спорит и свои работы нежно называет "*спонтансюрчики*" (Куранты, 4 сентября 1992 г.).

Нормой, как известно, является наличие в русской словоформе корневого морфа и отсутствие контакта между префиксальным и суффиксальным морфами.

Второй вид лексически ограниченных сочетаний (fs, клетка 4/3) включает определенное количество мотивированных словоформ, у которых в мотивирующей части сохранились флексийные морфы исходной словоформы мотивирующего слова – им. падежа (*алгебра – алгебраический, алгебраист, алгебраизировать; проза – прозаический, прозаик, прозаизм; лама – ламаизм; два – дважды, двадцать, две – двенадцать; три – трижды, тринадцать, тридцать; четыре – четырежды*) или инфинитива (*скрыть – скрытный, ныть – нытик, жениться – женитьба* и др.); полный список см. в (Грамматика-80, с.418), где, однако, сохранившиеся окончания им. падежа и инфинитива рассматриваются как незначащие наращения фонем.

Нормативная позиция флексийного морфа – после суффиксального, а при отсутствии его – после корневого.

Третий вид лексически ограниченных сочетаний (pts, клетка 5/3) представлен только в окказионализмах, образованных от постфиксальных слов с сохранением постфиксальных морфов *-то, -нибудь:* в прил. *когдатошний* (Парень рекламирует свой товар вполне в духе

когдатошних зазывал. Лит. газета, 1 января 1988 г.; Решение о моем *когдатошнем* исключении из этой организации... отменено. В.Войнович), в сущ. *какнибудцы* – В.Хлебников (см. Григорьев, 1986, с.18).

Нормативные позиции постфиксального морфа: а) после флексийного морфа; б) при отсутствии флексийного морфа — после суффиксального; в) при отсутствии флексийного и суффиксального морфов – после корневого.

2.2. Целесообразно выделить сочетания морфов одного вида (или одновидовые сочетания) и сочетания морфов разных видов (разновидовые сочетания). Одновидовых сочетаний 3 (prpr, ss и ptpt). Парных сочетаний корневых морфов в словоформе с простой основой не может быть по определению (пустая клетка 2/2), а парных сочетаний флексийных морфов в русских словоформах не имеется (пустая клетка 4/4): один флексийный морф чаще всего выражает несколько грамматических значений.

Все остальные 10 сочетаний являются разновидовыми.

2.3. Сочетания могут быть обязательными и необязательными. Сочетание можно назвать обязательным, если между его компонентами невозможно наличие морфов других видов. Если такие морфы возможны, то сочетание является необязательным.

Обязательность парных сочетаний является следствием обязательности порядка видов морфов в словоформе prRsfpt (*при-земл-и--ть-ся*), включающей по одному морфу каждого вида. Этот тип словоформы назовем основным.

Нарушения этого порядка – второй и третий вид лексически ограниченных сочетаний (см. п.2.1.) – единичны. Остальные нарушения не реализуются. Этим нереализованным сочетаниям соответствуют следующие клетки в табл.1: 2/1, 3/1, 4/1, 5/1, 3/2, 4/2, 5/2, 4/4, 5/4. Клетки 1/4 и 1/5 пустуют вследствие невозможности словоформ без корневого морфа (об отступлении от этой закономерности – клетка 1/3 – см. п. 2.1.).

Все остальные (неосновные) виды словоформ могут отличаться от основного, во-первых, отсутствием любых морфов, кроме корневого; во-вторых, наличием двух или трех префиксальных, двух, трех или четырех суффиксальных морфов и двух постфиксальных морфов, причем все одноименные морфы должны быть расположены рядом.

Какие-либо другие различия между основным и неосновным типами невозможны.

В основной словоформе представлены 4 парных разновидовых сочетания: prR, Rs, sf и fpt, образуемые рядом стоящими морфами (см. соответственно клетки 1/2, 2/3, 3/4 и 4/5 в табл.1). Все они являются

обязательными. В неосновных словоформах возможны еще 3 парных одновидовых сочетания: prpr, ss и ptpt (см. соответственно клетки 1/1, 3/3 и 5/5 в табл.1). Эти сочетания также являются обязательными.

Таким образом, в русских словоформах имеется 7 обязательных парных сочетаний: prR, Rs, sf, fpt, prpr, ss и ptpt.

Позицию каждого из морфов в этих сочетаниях можно назвать обязательной позицией. Позиция морфа в парном сочетании называется обязательной, если он при наличии в словоформе другого морфа обязательно составляет с ним парное сочетание, подчиняясь обязательному порядку основного вида словоформы.

Между этими морфами невозможен морф, не одноименный одному из этих морфов. Так, если в словоформе есть префиксальный морф, то в ней обязательно имеется сочетание prR (корневой морф имеется в словоформе почти всегда – исключения см.п.2.1.) и возможно сочетание prprR, но не prsR и не Rpr; если в словоформе имеется суффиксальный и флексийный морф, то в ней обязательно имеется сочетание sf и возможно сочетание ssf, но не sprf и не fs. Аналогичная ситуация имеет место и в пяти остальных обязательных сочетаниях.

Из 10 лексически регулярных парных сочетаний необязательными являются 3 сочетания. Эти сочетания представлены в словоформах, не имеющих суффиксального морфа (Rf, клетка 2/4 в табл.1), флексийного морфа (spt, клетка 3/5 в табл.1) и обоих указанных морфов (Rpt, клетка 2/5 в табл.1). В других словоформах между морфами необязательных сочетаний возможны другие морфы; ср. Rf и Rsf (*стена* и *стенка*); spt и sfpt (*молодейте* и *гордиться*); Rpt и Rfpt (*несся* и *несется*).

Позиции каждого из морфов в сочетаниях Rf, spt и Rpt являются необязательными: например, если в словоформе имеется корневой и флексийный морфы, то в ней необязательно имеется сочетание Rf, поскольку между корневым и флексийным морфами возможен суффиксальный, и т.п.

3. В словоформах со сложными основами в узуальных словоформах на стыке простых основ представлено 11 парных сочетаний видов морфов, в окказионализмах – 2. Все эти сочетания даны в табл.2, построенной аналогично табл.1. Добавлен интерфиксальный морф, в простых основах, естественно, отсутствующий.

Из 36 математически возможных сочетаний на стыке простых основ в составе сложной основы реализовано 13. В составе простых основ, входящих в сложную основу, реализуются, естественно, те же сочетания, что и в простых основах вне сложных основ.

Таблица 2. **Парные сочетания видов морфов в словоформах со сложными основами**

№ строки	Морф в постпозиции	№ столбца					
		1	2	3	4	5	6
		Морф в препозиции					
		Префиксальный морф	Корневой морф	Суффиксальный морф	Флексийный морф	Интерфиксальный морф	Постфиксальный морф
1	Префиксальный морф		Rpr угрозыск	spr трудно-выполнимый	fpr сумасшедший	ipr снего-очиститель	
2	Корневой морф	prR сов-без-сек	RR роддом	sR дорого-стоящий	fR немогу-знайка	iR лесостепь	ptR (сколько-то-летний)
3	Суффиксальный морф						
4	Флексийный морф						
5	Интерфиксальный морф		Ri лесостепь	si вольно-слушатель	fi (черт-знает-чемолог)		
6	Постфиксальный морф						

3.1. Наличие сочетаний на стыке основ определяется, в отличие от сочетаний в простой основе, не закрепленным порядком морфов, а возможностью функционирования морфов в конце предшествующей простой основы и в начале последующей. Эти морфы могут сочетаться друг с другом или с интерфиксальным морфом.

В конце простой основы в составе сложной основы регулярно представлены корневые, суффиксальные и – несколько реже – флексийные морфы, имеющиеся только у некоторых типов сращений (Грамматика-80, с.327, 391) и сращений в сочетании с суффиксацией (Грамматика-80, с.256, 391). У слов, относящихся к этим способам словообразования, как известно, сохраняются флексийные морфы словоформ мотивирующего словосочетания (*сумасшедший, умалишенный, немогузнайка*).

В начале простой основы в составе сложной основы регулярны префиксальные и корневые морфы.

Таким образом, регулярны и лексически широко представлены следующие 10 сочетаний:

1) корневого морфа с префиксальным, другим корневым и интерфиксальным (Rpr, RR, Ri – столбец 2 в табл.2); 2) суффиксального морфа с теми же морфами (spr, sR, si – столбец 3 в табл.2); 3) несколько реже – флексийного морфа с префиксальным (fpr – клетка 4/1 в табл.2) и корневым (fR – клетка 4/2 в табл.2); 4) интерфиксального морфа с префиксальным и корневым (ipr, iR – столбец 5 в табл.2).

Остальные 3 реализованных сочетания лексически ограничены. Два из них реализованы только окказионализмами уникальной структуры. Так, весьма ограничены возможности реализации сочетания fi (клетка 4/5 в табл.2): возможность появления флексийного морфа перед интерфиксальным ограничена тем, что в сращениях, где только и возможен флексийный морф на стыке основ, интерфиксальный морф отсутствует. Поэтому сочетание fi возможно только в слове, относящемся к такому экзотическому и окказиональному способу словообразования, как сращение + сложение: Я имею честь быть универсалом, ботаником, зоологом, дендрологом, *чертзнаетчемологом* (А.Якубовский; пример сообщен В.В.Масловой).

Второй лексически ограниченный вид – ptR (клетка 6/2 в табл.2). Возможность появления этого сочетания ограничена тем, что постфиксальные слова в узуальной лексике не используются в качестве первых компонентов сращений; окказионально такая возможность не исключена: Во веки я буду добра и свободна, / Пока не уйду от вас *сколько-то-летней* (Б.Ахмадулина); Обыграны все *сколько-нибудь* "*значные*" в движении сюжета ситуации и моменты

(А.Марченко); Дойдя до нашего *сколько-то там этажного* "Говернор-Клинтон-отеля", я поднялся почему-то на самый верх (В.Некрасов). Различия в написании таких образований говорят о том, что они могут восприниматься и как слова, и как сочетания слов.

Третий вид лексически ограниченных сочетаний – prR (клетка 1/2 в табл.2). Вероятность его широкого распространения на стыке простых основ мала. В нашем материале оно представлено единственным словом – неологизмом *совбезсек* "секретарь Совета безопасности", не очень удачным именно в силу своей структурной уникальности. Префиксальный морф оказался в конце простой основы в результате довольно редкого для аббревиатур полного удаления корневого морфа (ср. еще приведенную выше основу *-предств-* < *представительство*, п. 2.1.), а тем более всей послепрефиксальной части словоформы (*без* < *безопасность*).

Появление остальных парных сочетаний морфов на стыке простых основ (т.е. заполнение пустых клеток в табл.2) либо маловероятно, либо невозможно.

Так, маловероятно наличие на стыке основ префиксальных морфов (клетка 1/1): это возможно было бы в случае появления неологизмов типа *совбезпред* – если бы глава Совета безопасности назывался председателем и вместо последнего корневого морфа слова *совбезсек* имелся бы префиксальный морф.

Заполнение клетки 6/1 (ptpr) возможно лишь достаточно искусственными окказиональными сращениями с местоименными словами, имеющими постфиксальные морфы *-то, -либо, -нибудь* (ср. приведенное выше ср. *сколько-то-летний*), например, наряду с окказионализмом *вездепроходящий* (Яшин, см. Грамматика-80, с.327) возможны и окказионализмы *гдетопроходящий, кактопроходящий*.

Клетки, входящие в третий, четвертый и шестой горизонтальные ряды (см. табл.2), не могут быть заполнены в силу того, что простая основа не может начинаться с суффиксального, флексийного или постфиксального морфов.

Заполнение клетки 1/5 (pri) полностью не исключено, поскольку после префиксального морфа, появившегося в результате процессов типа *без* < *безопасность*, не исключено использование интерфиксального морфа: *совбезосек*.

Клетка 5/5 (ii) не может быть заполнена, поскольку простые основы соединяются только с помощью одного интерфиксального морфа.

Наконец, заполнение последней из 36 рассмотренных клеток табл.2 – клетки 6/5 (pti), вряд ли возможно, поскольку в случае

использования в конце простой основы постфиксальных морфов *-то, -либо, -нибудь* нет необходимости в употреблении после них интерфиксального морфа, тем более что интерфиксальный морф *-о-* совпал бы с последней гласной морфов *-то, -либо* (ср. возможность образования окказионализмов типа *гдетоход*).

3.2. Рассмотрение реализованных парных сочетаний показало, что на стыке простых основ в русских словоформах представлены главным образом разноименные морфы, т.е. морфы разных видов. Из 13 реализованных парных сочетаний одновидовым является только сочетание корневых морфов (клетка 2/2 в табл.2).

Все парные сочетания на стыке простых основ являются необязательными. Это объясняется тем, что наличие морфов в конце и начале основ определяется правилами строения каждой из простых основ и не влияет на наличие/отсутствие каких-либо морфов в другой основе; интерфиксальный морф также не предопределяет наличия рядом с ним какого-либо вида морфа.

4. Итак, в русских словоформах реализовано 25 типов парных сочетаний морфов: 13 типов простых основ и 13 типов сложных основ имеют лишь один общий тип – prR.

Этими видами исчерпываются все виды парных сочетаний морфов в русских словоформах: оставшиеся нерассмотренными сочетания аффиксальных морфов внутри сложных основ (в словах, относящихся к смешанным способам словообразования с участием сложения и сращения) в специальном рассмотрении не нуждаются, поскольку не дают новых видов парных сочетаний (ср. prR в префиксально-сложном *умиротворить*; Rs в *землепашец*, образованном с помощью сложения и суффиксации, fs в *отсебятина*, образованном с помощью сращения и суффиксации, и т.д.).

Среди типов как простых, так и сложных основ имеется по 10 лексически неограниченных видов и по 2 вида, представленных единичными окказионализмами. У простых основ есть еще один узуальный лексически ограниченный вид (prs: *вынуть, -предств-*), а у сложных – один вид, реализованный неологизмом (*совбезсек*). При этом общий для простых и сложных основ вид (prR) абсолютно неограничен в простых основах и предельно ограничен в сложных.

5. Рассмотренными вопросами не исчерпывается, естественно, проблематика морфной структуры русских словоформ, изучаемой гораздо меньше, чем их словообразовательная структура. Это объяснимо: процессы словообразования осуществляются по образцам словообразовательной структуры. Вместе с тем, несомненно, что и морфная структура стихийно осознается носителями языка, о чем

говорит хотя бы использование в тексте рядов слов с одинаковой морфной, но различной словообразовательной структурой: Накопившееся распирало его: *высказаться, выразиться, выписаться* (Е.Лебедев); морфная структура – prRfpt; первые два глагола – постфиксальные (*высказать – высказаться, выразить – выразиться*), третий – префиксально-постфиксальный (*писать – выписаться*, поскольку нет узуального глагола *выписать* в значении "выразить письменно, в написанных сочинениях", соотносительном со значением глагола *выписаться* в данном контексте).

Одной из задач дальнейшего изучения морфной структуры является ее исследование в сопоставлении со словообразовательной структурой. Это предполагает выявление как структурно близких (*обрезок* и *окурок*, см. Улуханов 1996, с.19-23) слов, так и слов, однотипных по составу морфов (prR: *пригород* и *выход*), относящихся к разным способам словообразования, т.е. имеющим разную словообразовательную структуру: *обрезок* < *обрезать* < *резать*, т.е. (prR)s<prRf<Rf; *окурок* < *курить*, т.е. prRs<Rf; *пригород* < *город*, т.е. prR<R; *выход*<*выходить*<*ходить*, т.е. prR<prRf<Rf.

Интересно и выявление случаев различия в типах морфной структуры словоформ, относящихся к одному и тому же типу словообразовательной цепочки: таковы *вредитель* (Rss) и *экзаменатор* (Rs), цепочка R>Rs>Rss (*вред – вредить – вредитель; экзамен – экзаменовать – экзаменатор*).

Сходства и различия в морфной и словообразовательной структурах словоформ могут быть выявлены в результате сопоставления данных морфемных и словообразовательных словарей.

Типы морфного строения простых и сложных основ существенно различны. У простых основ количество типов достаточно велико, но ограничено. Максимальное число морфов в узуальной словоформе с простой основой – 8. "Словоформы со сложной основой ... обладают разнообразным морфным строением; количество их типов потенциально не ограничено" (Грамматика-80, с.131).

У каждого из типов словоформ с простыми основами совокупность видов морфов всегда уникальна: в русском языке невозможны типы морфного строения простых основ, тождественные по составу и различающиеся лишь порядком (например, при prRsf невозможен prsRf и т.п.). Это объясняется закрепленным порядком видов морфов: prRsfpt. Исключение составляют spt и представленный только окказионализмами тип pts (см. п. 2.1), нарушающий этот порядок.

Две словоформы со сложной основой, в отличие от словоформ с простой основой, могут состоять из одних и тех же видов морфов,

различаясь лишь их порядком, например, *светло-зеленый* (RsiRf), *быстроходный* (RiRsf). Это обусловлено наличием нескольких (чаще всего двух) простых основ в сложной основе: лишний морф в первой основе одной словоформы компенсируется одноименным лишним морфом второй основы другой словоформы. При этом в каждой из простых основ соблюдается закрепленный в русском языке порядок морфов.

Изучение морфного состава не может, конечно, ограничиваться изучением его типов; необходимо выявить, в какой мере морфное строение словоформ зависит от конкретных морфов – их значений или формальных свойств, например, каковы закономерности сочетаемости двух или трех морфов одного вида (префиксальных, суффиксальных) или тождественных морфов (образования типа *прапрапрадед*), каковы категории слов, имеющих одновидовые морфы.

Могут быть вскрыты и систематизированы различные случаи наличия/отсутствия в словоформе морфа, зависимого от наличия/отсутствия другого морфа, не обязательно смежного с первым. Для этого необходимо систематическое изучение влияния на словообразовательные процессы структуры мотивирующих слов. Один из примеров такого влияния: морфы *-ся/-сь* могут сочетаться с глаголами с суфф. *-нича-* только в составе префиксально-суффиксального форманта. Присоединение одиночных морфов *-ся/-сь* к глаголам на *-нича(ть)* исключено вследствие семантики последних. В (Обр.сл.рус.яз., 1974) имеется 38 глаголов типа *разоткровенничаться* и лишь один глагол без префикса – *местничаться*, отмеченный только в (ССРЛЯ, 1950-1965, т.6, с.882) в знач. "то же, что местничать". В терминах морфного строения словоформ это означает, что морфы *-нича-* и *-ся/-сь* могут сосуществовать лишь в такой словоформе, которая начинается с префиксального морфа.

Одна из задач морфного анализа – выявление особенностей морфного строения различных частей речи и различных грамматических форм.

Специального изучения заслуживает не затронутая здесь проблема морфного состава слов, в которых имеет место совмещение (наложение) морфов.

Изучение морфного строения словоформ может способствовать развитию сравнительно молодой сферы русистики – морфемики русского языка.

ЛИТЕРАТУРА

Бабайцева В.В., Чеснокова Л.Д. Русский язык. Учебник для 5–9 классов общеобразовательных учебных заведений. М. 1992.

Винокур Г.О. Заметки по русскому словообразованию // Известия АН СССР. Отделение литературы и языка. 1946. № 4 (см.также *Винокур Г.О.* Избранные работы по русскому языку. М. 1959).

Грамматика-70 (Русская грамматика). Т. I. М. 1970.

Грамматика-80 (Русская грамматика). Т.I. М. 1980.

Григорьев В.П. Словотворчество и смежные проблемы языка поэта. М. 1986.

Кубрякова Е.С. О типах морфологической членимости слов, квази-морфах и маркерах // Вопросы языкознания. 1970. № 2.

Кузнецова А.И., Ефремова Т.Ф. Словарь морфем русского языка. М. 1986.

Обр. сл. рус. яз. (Обратный словарь русского языка). М. 1974.

Словообразование современного русского литературного языка. М. 1968.

Смирницкий А.И. Некоторые замечания о принципах морфологического анализа основ // Доклады и сообщения филологического факультета МГУ. Вып.5. 1948.

ССРЛЯ (Словарь современного русского литературного языка). Т.1–17. М.-Л. 1950–1965.

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. Т. I, II. М. 1985.

Тихонов А.Н. Морфемно-орфографический словарь русского языка. М. 1996.

Улуханов И.С. Единицы словообразовательной системы русского языка и их лексическая реализация. М. 1996.

Улуханов И.С. О типах морфной структуры русских словоформ (в печати).

Янко-Триницкая Н.А. Членимость основы русского слова // Известия АН СССР. Серия литературы и языка. 1968. № 6.

Worth D.S., Kozak A.S., Johnson D.B. Russion Derivational Dictionary. New York, London, Amsterdam. 1970.

Ренате Беленчиков
(Магдебург, Германия)

О СООТНОШЕНИИ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНОГО И ЛЕКСИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЙ
(на материле русских наименований места – Nomina loci)

I. Г.О.Винокура, помимо его заслуг в других областях филологии, признают одним из основоположников современной теории словообразования. В своей работе "Заметки по русскому словообразованию" он обратил особое внимание на связь словообразовательных структур с семантикой. Многие семантические вопросы словообразования по-прежнему остаются спорными. В частности, термин

словообразовательное значение (*СЗ*) до сих пор не нашел общепринятого толкования. Все взгляды на СЗ едины в том, что СЗ "устанавливается на основании семантического соотнесения ряда базовых и производных слов, характеризуемых общностью семантики и вычленяющих один и тот же формант" (Земская, 1992, с.28). Расходятся мнения о степени абстракции и о носителях СЗ. Так, И.С.Улуханов справедливо указывает на то, что "семантикой обладают различные единицы словообразовательной системы: форманты, типы (и подтипы) и даже способы словообразования, но форманты занимают в этом ряду главное место, поскольку именно они являются носителями значения в конкретных словах <...>" (Улуханов, 1991, с.110). Поэтому он предлагает считать носителем СЗ именно формант. Другие ученые подчеркивали, что СЗ "устанавливается на основании семантического соотнесения производящих и производных" (Земская, 1973, с.184), тем самым значение форманта в словообразовании как бы растворялось и недооценивалось в своей относительной самостоятельности. Не в последнюю очередь СЗ приводилось как значение т.н. словообразовательного "образца" (Янко-Триницкая, 1963), который отличается не только определенным формантом и частью речи базисных слов[1], а также семантической общностью в их значениях, помимо общекатегориального значения их частей речи.

II. Цель данной работы состоит в том, чтобы, во-первых, на материале N_{loc} определить набор выступающих в этой лексической категории формантов и их СЗ с присущими им степенями абстракции[2], и, во-вторых, рассматривать реализацию этих СЗ в условиях разных базисных частей речи и лексико-семантических групп (ЛСГ) и делать выводы о словообразовательной и лексической доле семантики производных N_{loc}. Дело в том, что многие описания русского словообразования исходят из лексических категорий типа N_{loc}, не учитывая, насколько лежащая в основе данной категории архисема действительно связана со словообразовательными структурами и находит ли она специфическое словообразовательное выражение[3]. Подобные описания кажутся полезными в функционально-коммуникативных целях и в целях обучения иностранному языку, но они не раскрывают специфики словообразования. Так, например, подобным образом не может быть объяснен лексико-семантический диапазон производных с формально тождественным аффиксом (напомню давно приведенные аргументы в отношении суффикса - *ник,* ср.: Гловинская, 1975). С другой стороны, не объяснимо единое групповое значение слов с одним и тем же аффиксом и базисными словами разных частей речи. Так, в (Земская, 1992, с.36-38) приводятся примеры с суффиксами

-ец и *-ость* (ср. *храбрец, посланец, американский – американец*). Такие случаи говорят в пользу того, что именно формант имеет относительно самостоятельное СЗ, которое реализуется регулярно в сочетании с базисными словами определенного группового значения.

В дальнейшем я буду исходить из лексико-категориального значения **место** и попытаюсь ответить на вопрос, в каком соотношении оно находится с СЗ формантов. На первом этапе исследования были собраны и подвергнуты словообразовательному анализу все производные N_{loc} (из них около 1100 однословных) из МАС. (Проведенный позже анализ некоторых словарей и бюллетеней неологизмов подтвердил, что выявленный набор словообразовательных средств характеризуется активностью или продуктивностью, отмеченной в Грамматике-80.)

Были выделены следующие группы производных N_{loc}.

1. *Названия, модифицирующие базисные N_{loc}:*

1.1. семантическая модификация (многословные наименования, чистое словосложение с N_{loc} как опорным словом, префиксация);

1.2. стилистическая модификация.

1.2.1 – однословных N_{loc}: суффиксация, аббревиатурное усечение основы;

1.2.2 – многословных N_{loc}: разные способы универбации (суффиксация, аббревиация, образование сложносокращенных слов).

2. *N_{loc} производные для номинации места:*

2.1. с локативным значением форманта;

2.2. с локативным значением базисного слова (или мотивирующего словосочетания);

2.3. с нелокативным формантом и базисным словом, но локативными семами в регулярном семантическом приращении;

2.4. с локативными семами в индивидуальном семантическом приращении.

В дальнейшем изложении речь будет идти только о второй группе, т.е. об аффиксальном и сложно-суффиксальном образовании N_{loc}.

III. Основополагающими для классификации аффиксов являются:

а) критерии, разработанные М.Докулилом для классификации аффиксального словообразования (деление на транспозицию, мутацию и модификацию);

b) выработанный И.С.Улухановым критерий инвариантности/неинвариантности аффиксов. Неинвариантные аффиксы служат для чистой транспозиции и для модификации, реже – для мутационного словообразования. Инвариантные аффиксы устанавливаются методом "1) вычитания значения мотивирующего слова из

мотивированного и 2) абстрагирования – сведения семантических компонентов, оставшихся после этого вычитания, к более общему значению – инварианту" (Улуханов, 1977, с.88); они служат для мутационного словообразования. В связи с этим и решается вопрос об омонимии/полисемии аффиксов, критерии разграничения которых "аналогичны критериям разграничения полисемантичных и омонимичных слов" (Улуханов, 1991, с.111). Неинвариантные модификационные суффиксы выражают конкретную сему и поэтому могут иметь омоморфемы среди мутационных аффиксов, например: *-ин(а)*$_{I}$ (мутация) и *-ин(а)*$_{II}$ (модификация: сингулятивы – значение единичности); - *к(а)*$_{I}$ (транспозиция: значение действия)[4], *-к(а)*$_{II}$ (мутация vs. универбация многословных наименований типа *публичная библиотека – публичка:* значение предмета) и *-к(а)*$_{III}$ (модификация: значение женскости).

Далее я различаю:

c) чистое формантное значение, которое в инвариантных суффиксах определяется на высшей ступени абстракции в областях мутации или транспозиции;

d) реализацию формантного значения в рамках одного СТ в связи с тремя онтологическими классами: **процесс** (базисное слово: глагол, отглагольное относительное прилагательное или существительное со значением действия – как правило, непроизводное, заимствованное), **субстанция** (базисное слово: существительное или отсубстантивное относительное прилагательное) и **признак** (базисное слово: качественное прилагательное); N_{loc} с другими базисными частями речи (наречие, местоимение и др.) не были зафиксированы;

e) реализацию формантного значения в *словообразовательном образце* (*СО*): значение СО – это формантное значение, конкретизированное регулярными приращениями в ряду производных с идентичным формантом и одинаковым групповым значением базисных слов на определенном уровне абстракции. Для определения СО привлекается наиболее конкретное совместное значение базовых слов, которое еще обеспечивало бы целесообразную группировку.

IV. Анализ материала (около 630 аффиксальных и сложносуффиксальных N_{loc} выявил набор 26 материально выраженных суффиксов *-ств(о), -j(о), -ij(а) , - арий, -орий, -к(а), -ак, -няк, -ловк(а), -ик, -ник, -лк(а), -ок, -л(о), -ин(а), -н'(а), -ын'(а), -льн'(а), -атор, -ость, -иц(а), -ниц(а), -льниц(а), -иш(е), -ыш(е), -лиш(е),* 3 суффиксоида иностранного происхождения: *-тек(а), -рам(а), -дром,* нулевой суффикс был отмечен во всех парадигмах именного склонения.

Из всех суффиксов только 5 сочетаются с основами различных частей речи. Суффикс *-j(o)* в сочетании с глагольными основами является непродуктивным, но продуктивно сочетается с основами отглагольных относительных прилагательных. Суффиксы *-ник, -ниц(а), -иш(е), -н'(а)* сочетаются и с глагольными, и с субстантивными основами и, соответственно, реализуют свое инвариантное значение различным образом: "субстанция, имеющая отношение к субстанции", "субстанция, имеющая отношение к действию"[5]. Их продуктивность при образовании N_{loc}, однако, сосредоточена на одной базисной части речи, а именно, существительном. Только с основами существительных сочетается продуктивный суффикс *-арий*.

Только в сочетании с глагольными основами появляются продуктивные суффиксы *-к(а), -ловк(а), -лк(а), -льн'(а), -атор* и *-лиш(е)*. Такой большой набор специализированных продуктивных суффиксов с глаголом как базисной частью объясняется потребностью в номинации **места действия**, преобладающей в частности в областях специализированной человеческой деятельности над потребностью наименования **места нахождения** субстанций, в том числе лиц и артефактов. Другие причины лежат во внутренней семантической организации номинационной системы, о чем речь пойдет ниже.

1. N_{loc} с локативным значением форманта

На основе "Обратного словаря русского языка" (ОС) были проверены все слова с материально выраженным признаком, формально совпадающим с данным словообразовательным суффиксом. Таким образом, были сопоставлены наименования с локативным и с нелокативным значением. Для того чтобы как можно шире раскрыть словообразовательную систему, учитывались и устаревшие слова, и слова ограниченного употребления (из сл. Уш. и БАС). Локативное инвариантное значение носят непродуктивные суффиксы *-н'(а), -бищ(е), -j(o)$_1$, -орий* и продуктивные *-ищ(е)* (например, неол. *картофлянище, НСЗ-70), -лищ(е), -льн'(а), -рам(а), -тек(а)* (с постоянным наложением локативного на собирательное значение) и *-дром* (например, неол. *картодром*, НСЗ-70). Они указывают на то, что образованные с ними производные называют локативные понятия, т.е. они определяют категорию денотата без дальнейшей его конкретизации. Так как некоторые из данных формантов имеют омоморфемы, то не все наименования с ними можно идентифицировать как N_{loc}. Были сделаны выводы о возможностях идентификации

производных наименований места исходя из формальных показателей.

Локативное значение носят все производные на *-дром, -рам(а), -тек(а)*, а также все производные с суффиксом *-орий* (например, *ингаляторий* от *ингаляция*, *лекторий*), ср. такие непроизводные в русском языке на *-орий*, как *санаторий* и др. Однако сам фонематический состав в конце основы не позволяет идентифицировать слово как N_{loc}, ср. нелокативные наименования *суспензорий, цикорий, подкоморий, торий, мораторий, индуктор*ий.

В ОС имеется 393 существительных, фонематически относящихся к наименованиям на *-н'(а), -льн'(а)*. Суффикс *-н'(а)* имеет омографы: с ударением на окончании 1) *-н'(а)* в отглагольных синтаксических дериватах (исключения с ударением на основе: *погоня, блюдня*), ср. *болтовня, ругня, размазня, мазня, резня, возня* (всего 24 слова, вариант *-отня* появляется только в синтаксических дериватах , а не в N_{loc}); 2) *-н'(а)* с собирательным значением, ср. *солдатня, ребятня, родня, матросня, шоферня* (исключение с ударением на основе – *дворня*). Омоморфемами являются *-н'(а)$_{II}$* со значением "лицо" (женский или общий род), например, *сводня, разиня, глушня, соня,* омографы с ударением на окончании: *дрыхня, квашня* (перен.). Локативное значение имеют все производные с формальным показателем *-н'(а)* (безударным) от наименований профессий (*слесарня, караульня, кожевня, кузня, бондарня, гончарня, столярня* и др.), животных (*воловня, скворечня, голубятня* и др.), наименований производственных процессов (*градирня, бойня, квашня, пашня, пожня* и др.). Локативное значение имеют все зафиксированные в МАС и ОС суффиксальные производные с суффиксом *-льн'(а)* (кроме *наковальня* и устар. *светильня*), например, *раздевальня, умывальня, исповедальня, спальня, купальня, читальня, плавильня, белильня, парильня, курильня, красильня, коптильня, сушильня, говорильня* (пренебр.) и др. Семантически изолированы наименования *ожидальня, растильня* (сосуд), *готовальня*. Нелокативное значение носят только *смотрильня* (устар. – сл.Уш.), *площильня/плющильня* (БАС), *зрельня* (сл.Уш.) и *завальня* (сл.Уш.). Сложно-суффиксальные слова с субстантивной и глагольной основами и с данными формантами всегда носят локативное значение, например, *маслобойня, каменоломня, солеварня, пивоварня* и др. (всего 41 пример).

Локативное значение имеют также все производные с формантом *-бище: кладбище, лежбище, стойбище, сельбище* (устар. – БАС, сл.Уш.), *плотбище* (БАС, МАС); за исключением слов *сходбище* (устар. – БАС, сл.Уш., в совр. речи – уничижительно), а также все производные от

глагольных абстрактных существительных на *-б(а)* с суффиксом *-лищ(е)*: *пастбище, стрельбище, мольбище, гульбище.*

Другие производные на *-лищ(е)* с N_{loc} идентифицируются неоднозначно. Небольшое количество производных имеет нелокативное конкретное значение, например, *зрелище, игралище, пугалище* (устар. – БАС), *страшилище* (разг. – БАС), *судилище.* Непроизводным с точки зрения синхронного словообразования является слово *путлище.* Все остальные отглагольные производные на *-лищ(е)* носят локативное значение, например, *вместилище, жилище, нерестилище, обиталище, узилище* и др., ср. также в БАС: *гнездилище* (устар.), *приятелище* (устар. от приять), *пристанище* (устар.). Формально – по составу группы фонем в конце основы – нельзя отличить от N_{loc} некоторые нелокативные слова, производные от субстантивных основ на /л/ с помощью суффиксов *-ищ(е)*$_{I}$ с аргументативным модификационным значением (*скандалище, столище, идолище, козлище* – с ударением на суффиксе и др.) и *-ищ(е)*$_{II}$ с мутационным значением "часть целого" (*грабелище* – БАС).

От названных нелокативных суффиксов невозможно отличить также и локативный суффикс *-ищ(е)*$_{III}$ в отсубстантивных производных, например, *городище*$_{I}$ (увеличит. к город) и *городище II* (место, где в древности стоял город), ср. со значением "часть целого" *молотовище, кнутовище, голенище, полотнище.* Омографы *топор'и́ще*$_{III}$ (рукоятка топора) и *топ'о́рище*$_{II}$ (разг. увеличит. к топор) различаются, однако, ударением. 8 из 17 зафиксированных в ОС производных N_{loc} на *-ищ(е)* мотивированы представителями базисной ЛСГ "растения": *клеверище, ржанище* (обл.), *гороховище* (обл. БАС), *яровище* (обл.), *свекловище* (БАС), *репище* (БАС), *ржище* (БАС, сл.Уш.), *овсянище* (БАС), ср. примеры из Грамматики-80: *моховище, коноплище, овсище* и неологизм *рисовище.* Все производные от этой базисной ЛСГ на *-ищ(е)* имеют локативное значение. Б.Н.Яковлев поставил их в один ряд с производными от той же базисной ЛСГ при помощи суффиксов *-ик/-ник* и *-ак/-няк* и объяснил их локативное значение внеязыковыми факторами, отражающимися в номинации: "...процесс обозначения нерасчлененного множества связан с операцией перечисления, поскольку его составляющие представляют собой неотличимые или, по крайней мере, трудно отличимые друг от друга предметы <...> Основным признаком, определяемым на непрерывном множестве, является локальный" (Яковлев, 1978, с.248). Это локативное отношение в связи с наименованиями полевых плодов дальше дифференцируется по семам "посеяно – убрано/сжато – обычно растет". В отличие от этого в значении производных от наименований

деревьев доминирует сема множества, а "значение места только домысливается как нечто, само собой разумеющееся" (Яковлев, 1978, с.248). Можно было бы полагать, что сам суффикс *-ищ(е)* в этих производных не носит локативного значения, а образует N_{loc} только в связи с определенными базисными ЛСГ (как суффикс *-ник*; о таких случаях см. ниже). Это опровергается тем, что: 1) *-ищ(е)* выступает только в производных от наименований полевых плодов, не от наименований деревьев; 2) локативное значение суффикса подтверждается в отглагольных производных; 3) есть другие отсубстантивные N_{loc} от лексико-семантически гетерогенной группы базисных слов: *глинище, пепелище, требище*$_{II}$ (БАС), *торговище* (БАС) и – с дополнительной семой временного отношения ("место, где названный базисным словом предмет раньше находился") – *кострище, огнище, печище* (БАС, сл.Уш.), ср. ту же сему в производных от базисных N_{loc}: *городище, дворище, селище.* Данная временная сема *обнаруживается и в* N_{loc}, производных от базисных слов из ЛСГ "растения" (*ржанище, рисовище*). В значениях производных с другими суффиксами эта сема не появляется; она потенциально связана с суффиксом *-ищ(е)*, но не с определенной базисной ЛСГ. Это может считаться еще одним аргументом для семантической идентичности локативного суффикса в названных группах производных. Непроизводным является N_{loc} *займище* (прибрежная полоса, затопляемая разливом).

Суффикс *-j(o)*$_{I}$ в N_{loc} (от глагольных основ: *гнездовье, жнивье, зимовье, корчевье, кочевье, поселье* (устар.), от основ отыменных относительных прилагательных: *жилье, верховье, низовье*) выражает локативное значение диффузного, неточно ограниченного места или пространства (ср. также производные, не принадлежащие к категории N_{loc}). При образовании N_{loc} этот суффикс является непродуктивным, но по данным Грамматики-80 он обнаруживает продуктивность с базисными именами собственными. По семантическому типу мутации и по базисной части речи его можно отграничить от модификационной омоморфемы *-j(o)*$_{II}$ со значением избирательности, например, *бабье, воронье, дурачье* (см. Ефремова, 1996, с.228).

2. N_{loc} с локативным значением базисного слова (или мотивирующего словосочетания)

Почти все префиксально-суффиксальные N_{loc} содержат базисную основу с локативным значением, если включить в эту категорию нарицательные и собственные имена водоемов. Исключениями являются

слова *изголовье, изножье* (устар., обл.), *подголовье* (прост.), *междурядье* (с.-х.), *перешеек, подворотня.* От базисных слов с локативным значением (например, *берег, гора, дорога, лес, место, море, овраг, озеро, река*) с помощью конфиксов всегда производятся N_{loc}, ср., например, *загорье* (БАС), *межгорье* (БАС), *нагорье, подгорье, предгорье, пригорье* (устар. – БАС), *пригорок.* В продуктивных типах – см. данные примеры – префиксы восходят к пространственным предлогам (48 имен нарицательных). Типы с префиксами, не имеющими такого соответствия, непродуктивны, например (всего 15 слов), *взгорье* (разг.), *перепутье, перекресток, перелесок* (здесь суффикс вносит сему уменьшительности).

Локативное значение префиксально-суффиксальных N_{loc} определяется мотивирующей предложно-падежной формой существительного. Очень продуктивным в составе конфикса является суффикс *-j(o)*$_1$, который и в чисто суффиксальных производных выражает производное локативное значение диффузного, неточно ограниченного места.

3. N_{loc} с локативными семами в регулярном семантическом приращении

3.1. ***Регулярная полисемантичность.*** Данные, приводимые в Грамматике-80 и (Ефремова, 1996), позволяют утверждать, что для транспозиционного суффикса *-к(а)* со значением действия имеется формально идентичный суффикс с мутационным значением, сочетающийся с глагольными основами, который можно было бы считать омоморфемой. Это также касается суффикса *-ловк(а)*, который не является чисто транспозиционным, а одновременно содержит модификационные семы уничижения, которые часто соответствуют коннотации базисных глаголов. Ср. *"принудиловка и голодаловка"* (А.Солженицын. Архипелаг ГУЛАГ), *обещаловка.* Суффикс *-ок* имеет СЗ "действие и его акт", а также "предмет, характеризующийся действием" (в том числе и место действия – *каток*); см (Ефремова, 1996, с.332). Между данными мутационными и транспозиционными суффиксами можно установить отношения, восходящие к метонимическим отношениям в лексике. Это особенно наглядно видно в регулярной полисемичности производных с транспозиционным нулевым суффиксом. Их производное значение может оказаться значением целого СТ или части его представителей. При этом производное значение субстанции всегда является более конкретным, ср. в группе N_{loc}[6]:

1. Действие – 2. Место действия. Например, *взъезд, вход, выезд, выпас, выход,* с индивидуальным семантическим приращением – *взвоз* (3. дорога в гору, подъем), *выгон* (2. пастбище), *выпуск* (5. выгон для скота), *загон* (огороженное место для скота под открытым небом), *подъем* (2. участок дороги, подымающийся в гору), *вымочка, выработка, зимовка, кочевка, лежка, ломка, свалка, ссылка, переправа,* суффиксально-сложное: *общежитие.*

1. Действие – 2. Место как результат действия. Например, *намыв, нанос, обрыв, обсев, провал, размыв, срыв;* с индивидуальным семантическим приращением: *выгреб* (2. помойная яма), *надел* (2. участок земли, выделявшийся в пользование крестоянской семье в дореволюционное время), *разрез* (2. гора, горная выработка, образующаяся в результате добывания полезных ископаемых открытым способом), *сруб* (2. место, по которому срублено дерево), *выставка, вырубка, постройка, пристройка,* с индивидуальным семантическим приращением: *явка.*

На основе словообразовательной аналогии могут быть образованы производные, носящие только переносное, производное значение СТ: **место действия**, например, *выгул, пролаз* (разг.), *склон, припек, забегаловка* (прост.), *обираловка* (прост.), *ожидаловка*; **место как результат действия**, например, *нарез, насыпь, огород, окоп, отруб, отсек, отток, посад, просека/просек, просос, ров.*

Можно считать, что данные суффиксы являются полисемантичными, имеют транспозиционное СЗ "процесс" и производное мутационное значение "субстанция, имеющая отношение к процессу". Они реализуют свою различную семантику в определенных подтипах СТ. В сочетании с какими именно базисными словами и какое формантное значение реализуется – это непредсказуемо и является вопросом лексической реализации в словообразовании.

3.2. Реализация инвариантных формантных значений, в которых конкретизирован характер семантического отношения базисного и производного слова. При помощи следующих инвариантных **мутационных** суффиксов семантическое отношение базисных и производных слов конкретизируется как отношение носителя к действию: *-лк(а), -л(о), -атор, -тель.* На лексическом уровне данное СЗ реализуется как инструментальное или локативное значение, как значение производителя действия или же в полисемантическом слове некоторые значения накладываются друг на друга. Ср.: *-атор* 1) лицо/производитель действия (*агитатор*), 2) инструмент (*вентилятор*), 3) место (единственные примеры: *изолятор, акклиматизатор* – птичник для выращивания молодняка в условиях, близких условиям содержания взрослой птицы);

ср. также суффикс *-тель* в наименовании места (*вытрезвитель*); *-лк(а)* 1) место (*читалка, парилка, раздевалка*), 2) инструмент (*гладилка, веялка, прочищалка* и мн. др.), 3) место и инструмент (*вешалка, сушилка, коптилка,* ср. также наименования вместилищ, где оба значения совпадают — *копилка, сажалка*); *-л(о)* является непродуктивным в группе N_{loc}: *жило* (устар., обл.), *мочило, стойло, сушило* (устар.). Утверждается мысль о специализации суффиксов.

3.3. ***Связь локативного значения производных с нелокативным инвариантным формантом от принадлежности их базисных слов к определенным ЛСГ.*** Связь между ЛСГ базисного слова и локативным значением его производного обнаружилась в части N_{loc} с инвариантными суффиксами *-няк, -ник, -ниц(а), -арий*, а также в одной группе отадъективных субстантивов женского рода. Следует отметить, что инвариантные значения названных суффиксов различаются по степени абстракции.

Инвариантное значение суффикса *-ник* "субстанция" в производных от базисных существительных одной и той же ЛСГ реализуется в разных индивидуальных и групповых значениях производных. Во многих случаях в семантической реализации формантного значения обнаруживается связь между ЛСГ базовых и производных слов. Производные от одного и того же базисного слова могут быть омонимичными и полисемантичными. Возможны и производные с нерегулярным семантическим приращением, например, *капустник.* Производные с суффиксом *-ник*, зафиксированные в ОС, принадлежат к следующим ЛСГ. **Наименования растений**: 65 форм производных, из них 42 N_{loc}, в т.ч. 12 с нелокативными омонимами. Другие ЛСГ производных: наименования блюд, лиц, видовые наименования растений и животных. **Наименования животных**: 53 формы производных, из них 30 N_{loc}, в т.ч. 11 с нелокативными омонимами (чаще всего со значением "лицо"). Другие ЛСГ производных: наименования блюд, лиц, орудий, видовые наименования растений и животных, наименования домашних животных по виду их использования (*медвежатник* – собака для охоты на медведей).

Круг базисных слов, сочетающихся с суффиксом *-ниц(а)*, является в лексико-семантическом отношении гетерогенным, выделяется лишь ЛСГ **наименования пищи**: из 46 производных форм от базисных слов этой ЛСГ 24 носят локативное значение (из них 2 имеют свой омоним).

Среди 48 отадъективных субстантивов женского склонения с локативным значением, приведенных в ОС, 12 также мотивированы **наименованиями блюд** (*пивная, чебуречная, пельменная* и т.п.). Правда, собранный материал содержит намного больше локативных

субстантивов; кроме того, данный СО очень продуктивен (ср. *супная, вареничная* и др. неологизмы). Далее, локативное значение имеют все субстантивы, мотивированные **наименованиями лиц**. Субстантивация прилагательных является одним из способов универбации. С другой стороны, как показывает категория N_{loc}, существительные адъективного склонения продуктивно образуются по определенным СО прямо от основ мотивирующих существительных, не проходя ступени многословного наименования.

Суффикс *-няк* имеет инвариантное значение "совокупность" и сочетается с основами базисных существительных и прилагательных (см. Ефремова 1996, с.301-302). Все производные с суффиксом *-няк* от базисных слов из ЛСГ **наименования деревьев** носят значение СО "количество предметов и их место": *дубняк, ивняк, березняк, лозняк, липняк, сосняк, вишняк,* ср. (мотивированное названием полевого плода) слово *репняк* (Яковлев, 1978).

Локативное значение заимствованного полисемантического суффикса *-арий* является также производным от его значения собирательности: *инструментарий* (в (Ефремова, 1996), наоборот, различается здесь два суффикса)[7]. Суффикс появляется в наименованиях помещений и учреждений, предназначенных а) для изучения (*океанарий, планетарий*), b) для размещения и развода (*розарий, лимонарий, дельфинариум/дельфинарий, фазанарий*) или – редко – с) для проведения того, что названо базисным словом (*абортарий* – БАС). Производные от **наименований животных** всегда носят локативное значение; этот СО является довольно продуктивным.

4. N_{loc} с локативными семами в индивидуальном семантическом приращении

В большинстве СТ с инвариантным значением форманта нельзя было установить регулярные семантические приращения в зависимости от ЛСГ базисных слов. СТ, которые не отличаются регулярной полисемантичностью, в том числе с локативным значением, и чей формант не носит локативного значения, N_{loc} составляют только незначительную часть производных. В их лексических значениях локативные семы содержатся в индивидуальном, нерегулярном семантическом приращении.

О. Ревзина различала субстантивные словообразовательные поля носителя действия (наименования лиц и животных), действия,

состояния и наименования вещи. Она считала, что названные первые два поля обладают специфическими формантами, в то время как поле вещи своих формантов не имеет и практически объединяет форманты других полей. Исключениями, по Ревзиной, являются лишь подполя отглагольных наименований орудия действия и места действия (Ревзина, 1969). Подполе места действия можно установить в связи с тем, что все специализированные форманты с локативным значением (кроме заимствованных *-дром* и *-рама*) сочетаются с глагольными основами. Однако не все наименования места действия имеют специфический формант с локативным значением (ср. *зимовник, каток, мельница* и мн. др.). Кроме того, следует добавить, что все названные поля и подполя места пересекаются между собой в связи с различными реализациями формантных значений на разных уровнях абстрагирования: в рамках СТ и СО. Так, например, инвариантное агентивное значение суффиксов *-атор* и *-тель* (в поле носителя действия) может реализовываться в наименованиях лиц, места и орудий. Источники локативного значения производных N_{loc}, названные под цифрами 1–3 (сам формант и его семантическая реализация в связи с групповыми значениями базисных слов на разных семантических уровнях абстрагирования), можно охарактеризовать как собственно словообразовательные: в рамках продуктивных СТ и СО по аналогии размножаются и закрепляются данные семантические отношения. В то же время большая часть формантов, зафиксированных в единичных узуальных N_{loc}, не проявляет активности и ни на каком уровне своей семантической реализации не участвует в пополнении лексической категории названий места[8].

В данном анализе был показан на конкретных примерах разнообразный характер формантного значения, которое многими учеными справедливо признается как СЗ в узкотерминологическом смысле. В то же время утвердилась мысль о влиянии именно базисных, производящих слов на формирование регулярных словообразовательных единиц, высказанная Г.О.Винокуром еще в 1946 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Термин *базисное слово* соответствует терминам *производящее* (Земская, 1973), *мотивирующее слово* (Грамматика-80).

[2] В анализ включались и неаффиксальные форманты. Однако объем статьи не позволяет подробно остановиться на данном вопросе.

[3] Так, в вузовском учебнике Russische Sprache der Gegenwart глава о суффиксальном мутационном словообразовании существительных делится на разделы: Наименования

лиц, Nomina loci, Nomina instrumenti. Таким образом, суффикс *-тель*, например, упоминается трижды без указания на проблему его идентичности, полисемии или омонимии.

[4] О случаях регулярной полисемичности и соотношениях отглагольной мутации и транспозиции в подобных случаях см. ниже.

[5] Как еще будет показано, суффиксы *-ищ(е), -н'(а)* носят более конкретное, а именно локативное инвариантное значение.

[6] В рамках данной работы невозможно привести толкование соответствующих значений и указать другие, нетранспозиционные и нелокативные значения данных слов, зафиксированные в толковых словарях русского языка.

[7] Кроме того, Т.Ф.Ефремова различает другие омоморфемы со значением "лицо": *парламентарий* (ср. нем. *-arier*, лат. *-arius*) и "результат действия": *комментарий* (ср. нем. *-ar, -arium*, лат. *-arium*).

[8] Это не исключает ненормативного использования непродуктивных формантов в окказиональном словообразовании.

ЛИТЕРАТУРА

БАС (Словарь современного русского литературного языка в 17 тт.). М.- Л. 1950–1965.

Гловинская М.Я. О зависимости морфемной членимости слова от степени его синтагматической фразеологизации // Развитие современного русского языка 1972: Словообразование. Членимость слова. М. 1975.

Грамматика-80 (Русская грамматика). Т. I. М. 1980.

Ефремова Т.Ф. Толковый словарь словообразовательных единиц русского языка. М. 1996.

Земская Е.А. Современный русский язык: Словообразование. М. 1973.

Земская Е.А. Словообразование как деятельность. М. 1992.

МАС (Словарь русского языка в 4 тт.). М. 1981–1984.

Мурясов Р.З. О словообразовательном значении и семантическом моделировании частей речи // Вопросы языкознания. 1976. № 5.

НСЗ-70 (Новые слова и значения: Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 70-х гг.). М. 1984.

ОС (Обратный словарь русского языка). М. 1974.

Ревзина О.Г. Структура словообразовательных полей в славянских языках. М. 1969.

Сл.Уш. (Толковый словарь русского языка в 4 тт. под ред. Д.Н.Ушакова). М. 1935–1940.

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка. В 2-х тт. М. 1985.

Улуханов И.С. Словообразовательная семантика в русском языке и принципы ее описания. М. 1977.

Улуханов И.С. Словообразование и семантика // Die Beziehungen der Wortbildung zu bestimmten Sprachebenen und sprachwissenschaftlichen Richtungen. Frankfurt/M. et al., 1991.

Яковлев Б.Н. О семантических универсалиях имен существительных места // Актуальные вопросы русского словообразования. III. Ташкент. 1978.

Янко-Триницкая Н.А. Закономерность связей словообразовательного и лексического значений в производных словах // Развитие современного русского языка. М. 1963.

Russische Sprache der Gegenwart. Die Russische Sprache der Gegenwart. Bd. 4: Lexicologie. Kapitel 5: Wortbldung (verfaßt von Erika Günther). Leipzig. 1978.

Е.Н. Ширяев

СЛОЖНОЕ СОЮЗНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ С ПОЗИЦИЙ МОСКОВСКОЙ (ФОРТУНАТОВСКОЙ) ШКОЛЫ

Основополагающим понятием Московской (Фортунатовской) лингвистической школы в области грамматики следует признать понятие грамматической формы. Грамматическая форма понимается Ф.Ф.Фортунатовым как единство грамматического средства и того значения, которое этим средством выражается. Нетрудно видеть, что такое определение формы полностью соответствует появившемуся позже определению языкового знака Ф. де Соссюра. Рассматривая язык как систему языковых знаков, Ф. де Соссюр считал знак неразрывным единством означающего и означаемого (Соссюр, 1977, с.98-103).

Идеи Московской (Фортунатовской) школы широко проявили себя в исследовании разных языковых уровней. В их число пока не входит синтаксис. Несомненно влияние идей Ф.Ф.Фортунатова на синтаксические взгляды А.М.Пешковского (Пешковский, 1956) и М.Н.Петерсона (Петерсон, 1929); из современных работ в этом плане должен быть назван раздел о синтаксисе в очерке о русском языке М.В.Панова (Панов, 1966). Однако до создания цельного и последовательного Фортунатовского синтаксиса пока еще не близко. Цель предлагаемой читателю работы – с позиций Фортунатовской школы подвести некоторые итоги изучения союзного сложного предложения[1] и наметить основные направления его изучения в этом аспекте.

Может быть предложено следующее общее определение синтаксиса в духе грамматической формы. Синтаксис – это учение об иерархически упорядоченной системе синтаксических форм и способах их обобщения. Именно в этой системе целесообразно искать определение таких традиционных синтаксических образований, как словосочетание и предложение, простое и сложное.

Попытаемся далее показать место союзного сложного предложения в общей системе синтаксических форм. Их иерархия может быть представлена в схеме, в левой части которой дается общая характеристика синтаксической формы, а в правой — иерархия синтаксических образований, в основе которой лежат данные синтаксические формы (детальный анализ системы синтаксических форм см. в (Ширяев, 1990)):

Основываясь на такой системе синтаксических форм, можно дать следующее определение сложного предложения. Сложное предложение – это две и более предикативные конструкции, между которыми на основе синтаксической формы связи предикативных конструкций установлены определенные смысловые отношения и которые объединены в одно предложение на основе синтаксической формы модальности. Таким образом, "традиционный" вопрос о том, является ли сложное предложение одним или несколькими предложениями,

решается вполне однозначно: если не называть предикативную конструкцию, не получившую модальности, предложением, то сложное предложение – это одно предложение. "Сложность" его состоит в том, что в одно предложение оформлена не одна, как в простом предложении, предикативная конструкция, а несколько. Как кажется, идея о сложном предложении как о сочетании предложений была следствием того, что при определении преложения не различались последовательно формы связи составляющих предложения предикативнн конструкций, формы предикативности и модальности, средства и значения этих форм.

Исследование сложного предложения в аспекте Фортунатовской школы требует последовательного анализа синтаксической формы связи предикативных конструкций как в плане средства, так и значения, а также возможностей обобщения этих форм. Полезно оценить, как в аспекте Фортунатовского понятия синтаксической формы решались эти проблемы по отношению к сложноподчиненному предложению в таких ведущих направлениях исследования сложного преддожения, как логическое (Ф.И.Буслаев, Н.И.Греч, А.Н. Гвоздев, Е.С.Скобликова и др.) и – во многом противопоставленное логическому – структурно-семантическое направление (Н.С.Поспелов, В.А.Белошапкова, Л.Ю.Максимов и др.). Эти два направления оказались противопоставленными друг другу прежде всего в трактовке сложноподчиненных предложений, построенных по схеме "местоимения *то, тот, та* (и под.) в главной части – союзные слова *что, кто* (и под.) в придаточной". Логический анализ требовал обнаружить в сложноподчиненном предложении те же отношения, которые выявляются в простом предложении, и поэтому придаточные при названных местоимениях определялись по функции местоимения в главной части; выделялись, соответственно, придаточные подлежащные (*Тот, кого мы ждали, опаздывал*), сказуемостные (*Я тот, кого вы ищете*), дополнительные (*Мы ждали того, кто опоздал*). Последователи структурно-семантического направления не без оснований считали, что во всех трех случаях имеет место одна форма связи, как в плане средства (обязательное соотносительное слово в главной части, союзное слово в придаточной), так и в плане значения (придаточная часть "наполняет" конкретным содержанием местоимения, функция же местоименных слов в главной части прямого отношения к функции придаточной части не имеет). Данная форма связи предикативных конструкций включается представителями структурно-семантического направления, в частности В.А.Белошапковой, в особый класс форм, названный местоименно-соотносительным. Его

отличительная черта – обязательность соотносительного слова в главной части. Названная структура охарактеризована В.А.Белошапковой как сложноподчиненные предложения с отождествительными отношениями. Помимо таких предложений в местоименно-соотносительный класс включены сложноподчиненные предложения фразеологического типа (*Он спит так крепко, что его не разбудишь*) и вмещающие предложения с союзом *что* (*Книга хороша тем, что заставляет задуматься*) (Белошапкова, 1977, с.224-232). Ясно, что эти типы местоименно-соотносительных предложений различны в плане содержания, и поэтому выделение местоименно-соотносительного типа с точки зрения формального синтаксиса должно рассматриваться как обобщение формы в аспекте синтаксического средства, но не содержания. Между тем, одинаково важным представляется обобщение как от средства к значению (одно средство и все выраженные им значения), так и от значения к средству (одно значение и все способные выражать его средства). Ориентация структурно-семантического направления прежде всего на синтаксические средства (синтаксическую структуру) оставляет место для некоторых "семантических" вопросов. В структурно-семантической классификации выделяется изъяснительный тип сложноподчиненного предложения. Его основное отличие от других типов справедливо усматривается в том, что придаточная часть предопределена лексико-семантической природой опорного слова главной части: в предложении *Он сказал, что придет домой поздно* глагол-сказуемое требует обязательного распространения ("изъяснения"). Аналогичную ситуацию можно, однако, видеть в местоименно-соотносительных предложениях с вмещающими отношениями (*Он готов к тому, что поедет работать на Север*), где придаточная часть также предопределена необходимостью изъяснить (распространить) именную часть сказуемого *готов*. Позволим себе еще одну "семантическую" придирку к структурно-семантической классификации сложноподчиненных предложений. К отождествительному типу в этой классификации отнесены предложения с локальными отношениями, строящиеся по схеме *там, где.., туда, куда...* и под.: *Он пошел туда, где его ждали*. Предложения с временными отношениями (*Он пришел, когда было поздно)* отнесены к детерминативным сложноподчиненным предложениям, в состав которых помимо временных входят условные, причинные и под. Обычно же однотемность временных и локальных сложноподчиненных предложений ни у кого сомнений не вызывает: эти предложения включаются в один класс обстоятельственных сложноподчиненных предложений.

Факты подобного рода, как кажется, заставляют при формальном анализе сложного союзного предложения обратиться к понятию дихотомии языкового знака и признать, что одни и те же или, по крайней мере, имеющие общие черты смысловые отношения между предикативными конструкциями могут выражаться разными синтаксическими средствами. Поэтому задача исследования союзного сложного предложения включает три взаимосвязанные части: 1 – исчисление всех синтаксических средств связи независимо от тех значений, которые они могут выражать; 2 – исчисление всех смысловых отношений между предикативными конструкциями, независимо от того, какие синтаксические средства их выражают; 3 – исчисление типов союзных сложных предложений. Типом сложного предложения можно считать одно значение и все выражающие его синтаксические средства. Иными словами, такое понимание типа есть не что иное, как обобщение синтаксических форм в направлении от одного значения ко всем средствам его выражения. Полагаем, что вполне можно принять то понимание синтаксической связи (синтаксического средства) в союзном сложном предложении, которое тщательно разработано в структурно-семантической концепции. Согласно этой концепции должны быть выделены такие виды связи:

1 – необязательное соотносительное слово в главной части – союз в придаточной: *Он сказал, что завтра уезжает – Он сказал о том, что завтра уезжает;*

2 – обязательное соотносительное слово в главной части – союз в придаточной: *Спектакль интересен тем, что в нем много режиссерских находок; Он спит так крепко, что его трудно разбудить; Он пошел туда, где было много народа;*

3 – необязательное соотносительное слово в главной части – союзное слово в придаточной: *Это был дом, который мы искали – Это был тот дом, который мы искали;*

4 – обязательное соотносительное слово в главной части – союзное слово в придаточной: *Я тот, кого вы ждете.*

Для идентификации смысловых отношений, выражаемых разными синтаксическими средствами, то есть для определения типа значения, можно использовать разработанный представителями Московской (Фортунатовской) школы принцип Аванесова–Панова. Суть этого принципа состоит в следующем. ***Два по-разному оформленные компонента считаются одинаковыми по значению в том случае, если они могут быть соединены на основе сочинения.*** Так, в примере *Он пишет без ошибок* Р.И.Аванесов не вполне ясный с точки зрения роли в смысловой структуре предложения компонент *без ошибок* (как? или

без чего?) считал обстоятельством (как?) потому, что возможна его сочинительная связь с бесспорным обстоятельственным компонентом *быстро*: *Он пишет быстро и без ошибок* (Аванесов, 1936). Такой прием распознавания значений, который впоследствии широко использовал М.В.Панов, совсем не случаен для последователей Московской школы, одной из важнейших посылок которой является позиционный анализ языковых единиц. Сочинительная связь показывает, что два компонента занимают в смысловой структуре предложения одну позицию. (Подробнее о принципе Аванесова–Панова см. в (Ширяев, 1990).

Принцип Аванесова–Панова для сложноподчиненного предложения может быть представлен в следующих реализациях.

1. Сочиняться могут две (и более) придаточные предикативные конструкции как с одинаковыми, так и с разными подчинительнными средствами связи. При этом данные предикативные конструкции могут относиться либо к одному опорному слову главной части, либо к разным, но также сочиненным местоименным словам главной части, как обязательным, так и необязательным, ср.: *Он сообщил, что приезжает Иван и где с ним можно встретиться* (подчинительные средства связи – союз *что*, и союзное слово *где*); *Он всегда приходил туда и тогда, где и когда его ждали* (обязательное соотносительное слово *туда* и союзное *где*; необязательное соотносительное слово *тогда* и союзное *когда*); *Он приходил, куда хотел и несмотря на то, что его специально не приглашали.*

Рассмотренная реализация принципа Аванесова–Панова позволяет, в частности, сделать вывод о том, что существует особый тип обстоятельственных сложноподчиненных предложений (место, время, причина, следствие, условие, цель и уступка). В структурно-семантической классификации В.А.Белошапковой этот тип назван расчлененными сложноподчиненными предложениями с детерминативной связью, в него, помимо перечисленных, включены сравнительные предложения (*В глубине души маленькая женщина счастлива, как все влюбленные...*) и предложения соответствия (*По мере того как стрелка часов приближалась к семи, возрастала тоска Буланина*) (Белошапкова, 1977, с.222-224). Принцип Аванесова–Панова показывает, что эти два типа сложноподчиненных предложений не должны включаться в единый обстоятельственный тип.

2. Другой случай действия принципа Аванесова–Панова представляют такие структуры, в которых в сочинительную связь вступают опорные слова главной части, каждое из которых требует обязательного распространения. Сочинения таких опорных слов, на наш взгляд, доказывают смысловую однотипность соответствующих сложноподч-

чиненных предложений с разными средствами связи, ср.: *Книга рассказывает о том, что происходило тогда в стране, и интересна тем, что содержит малоизвестные документальные материалы.* Первая придаточная предикативная конструкция входит в предложение на основе связи "необязательное соотносительное слово – союзное слово"; в структурно-семантической классификации такая конструкция рассматривается как изъяснительная. Вторая придаточная предикативная конструкция входит в предложение на основе связи "обязательное соотносительное слово – союз"; в структурно-семантической классификации структуры такого рода характеризуются как местоименно-соотносительные с вмещающими отношениями.

Таким образом, принцип Аванесова–Панова позволяет выделить смысловые типы отношений между предикативными конструкциями в сложноподчиненном предложении и исчислить все синтаксические средства, которые их выражают. Представляется возможным не ограничиваться простым перечнем этих синтаксических средств, а определенным образом упорядочить этот список. Все синтаксические средства, обслуживающие один и тот же тип смысловых отношений, могут быть разделены на первичные (или основные) и вторичные (или неосновные). Первичные и вторичные средства противопоставляются по признаку широты/узости значения. Этот признак проявляет себя по отношению к разным средствам двояко.

1. Существуют такие вторичные средства, которые всегда можно заменить первичными; обратная замена, естественно, возможна далеко не всегда. Так, для выражения определительных отношений первичными являются союзные слова *который*, *какой*, вторичными – наречные союзные слова *где*, *когда* и под. Ср. предложения: *Это была книга, которую он любил перечитывать* (никаким вторичным союзным словом *который* заменено быть не может) и *Это было место, где мы любили собираться всем классом – Это было место, в котором мы любили собираться всем классом.* Употребление вторичных средств очевидным образом связано с семантикой определяемого существительного в главной предикативной конструкции: союзные слова *где, куда, откуда* и под. сочетаются только с существительными, обозначающими место, *когда* – с временными существительными (*время, пора, период* и т.п.). Первичное союзное слово *который* не имеет таких семантических ограничений. В духе Московской школы в этом случае можно говорить о позиционных различиях первичных и вторичных средств связи.

2. Существуют такие вторичные средства, узость значения которых по сравнению с первичными проявляется в том, что в значение

вторичного средства входит значение первичного, но не наоборот. Так, в изъяснительном сложноподчиненном предложении типа *Он сказал, когда приходит поезд* имеет место и смысл, содержащийся в предложении *Он сказал, что приходит поезд.* Другими словами, вторичное союзное слово *когда* = союзу *что* + временной компонент. Поэтому союз *что* является первичным для изъяснительного типа, а *когда, где, зачем* и пр. – вторичные средства.

Распределение первичных и вторичных средств связи в каждом типе своеобразно и может само по себе дифференцировать типы сложноподчиненного предложения. Так, союзные слова наречного типа *где, когда* и под. обслуживают разные типы сложноподчиненного предложения, но место их в общей системе синтаксических средств разных типов различно. В определительных сложноподчиненных предложениях эти союзные слова являются вторичными по отношению к первичному союзному слову *который*: *Место, куда мы стремились, было необычайно живописно — Место, в которое мы стремились, было необычайно живописно.* В изъяснительных сложноподчиненных предложениях эти союзные слова являются вторичными по отношению к первичному союзу *что*: *Я сказал, куда они пошли – Я сказал, что они пошли куда-то и куда именно они пошли.* В обстоятельственных сложноподчиненных предложениях данные союзные слова являются первичными, вторичных средств связи в этом типе нет: *Он пошел туда, куда его позвали.*

Итак, для анализа союзного сложного предложения в аспекте Московской (Фортунатовской) школы представляются ключевыми следующие положения, основанные на понимании синтаксической формы как единства синтаксического средства и значения, которое этим средедством выражается.

1. Сложное предложение – это две (и более) предикативные конструкции, между которыми на основе синтаксической формы связи предикативных конструкций установлены определенные смысловые отношения и которые объединены в одно предложение на основе синтаксической формы модальности.

2. Дихотомия языкового знака требует, с одной стороны, исчислить все синтаксические средства связи предикативных конструкций и, с другой стороны, все значения, которые этими средствами выражаются. В основу исчисления синтаксических средств могут быть положены идеи структурно-семантического направления, в исследовании семантики сложного предложения может быть положен принцип Аванесова–Панова.

3. Тип союзного сложного предложения — это одно значение и все средства, его выражающие.

4. Синтаксические средства, выражающие одно значение, могут быть упорядочены на основе оппозиции первичные/вторичные средства. Набор первичных и вторичных средств различен для разных типов и, следовательно, сам по себе позволяет дифференцировать типы союзных сложных предложений[2].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] При любых общих синтаксических теоретических установках союзное сложное предложение определенным образом противопоставляется бессоюзному. С точки зрения Фортунатовского понятия грамматической формы такое противопоставление вполне правомерно, поскольку грамматические средства, организующие союзное и бессоюзное сложное предложение, а следовательно, и его грамматическое смысловое устройство, принципиально различны. Достаточно сказать, что в бессоюзном сложном предложении смысловые отношения выражены – в отличие от союзного – неявным образом. Попытку детального исследования бессоюзного сложного предложения в аспекте Фортунатовского понятия грамматической формы см. в (Ширяев, 1986).

[2] Опыт последовательного полного описания союзного сложного предложения на основе изложенных положений представлен в (Русский язык, 1989, с.239-282).

ЛИТЕРАТУРА

Аванесов Р.И. Второстепенные члены предложения как грамматические категории // Русский язык в школе. 1936. № 4.

Белошапкова В.А. Современный русский язык. Синтаксис. М. 1977.

Панов М.В. Русский язык // Языки народов СССР. Т. I. Индоевропейские языки. М. 1966.

Петерсон М.Н. Очерк синтаксиса русского языка. М.-Л. 1929.

Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. Изд. 7-е. М. 1956.

Русский язык. Ч. II (под ред. Л.Ю.Максимова). М. 1989.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М. 1977.

Фортунатов Ф.Ф. О преподавании грамматики русского языка в средней школе // Избранные труды. Т. 2. М. 1957.

Ширяев Е.Н. Бессоюзное сложное предложение в современном русском языке. М. 1986.

Ширяев Е.Н. Московская лингвистическая школа и синтаксис // Язык: система и подсистемы. М. 1990.

О.А. Лаптева

СИСТЕМНОСТЬ РЕЧЕВОГО РАСШИРЕНИЯ ЯВЛЕНИЯ ОМОНИМИИ

Присущее любой совокупности природных или общественных объектов стремление к системной самоорганизации охватывает не только язык, системный характер которого, являясь его сущностным свойством, самоочевиден. Как показывают работы, принадлежащие к многочисленным и многообразным направлениям функциональной лингвистики, оно охватывает и план употребления языка – речь. Один из главных показателей системных отношений – оппозициональность единиц – при функционировании языка не только обнаруживает определенный их набор и соотнесенность. В речи возникает гораздо более широкий круг дифференциальных признаков языковых единиц, позиций их различения и неразличения. Живой игре сильных и слабых позиций способствует индивидуадьно-личностный характер речевого проявления, неизбежно раздвигающий рамки языковой системы. Суммарность узуса таких проявлений[1], которая в силу социолингвистических, социопсихологических и иных причин может закрепиться в языковом сообществе, тем самым утрачивая индивидуально-речевой характер, при таком закреплении сразу же обнаруживает то же свойство, что и любая другая совокупность объектов – она стремится к системности. Возникновением системных речевых отношений нейтрализуется нарастание энтропии и хаоса безгранично-бесконтрольного речеупотребления. Естественно, свою роль здесь играет и фактор нормативности.

Мы обратимся здесь к явлению смысловых совпадений в речи, которое до некоторой степени условно можно обозначить как **речевая омонимия.** Не поддающееся учету и делиминированию море возможных смыслов неизбежно оказывается шире возможностей языковой системы, что ведет к участию широкого диапазона языковых средств всех уровней в смещении смысла, базирующегося на смещении значения языкового элемента. Почти безграничное расширение явления многозначности (неоднозначности) в речи уравновешивается и компенсируется стремлением к текстовому прояснению возникающей неясности смысла. Результатом является возникновение ряда формально определенных, повторяющихся от текста к тексту способов прояснения. Повторяемость и исчисляемостъ позволяет им существовать, функционировать и взаимодействовать в строгом порядке. В узусе они приобретают свойства системности и даже нормативности,

что дает им возможность претендовать на вхождение в состав средств литературного языка, а порой и на его обогащение.

Нетрудно заметить, что предлагаемая здесь для рассмотрения область языкового употребления затрагивает центральный для лингвистики вопрос о соотношении соссюровских langue и parole (от участия в этом соотношении langage пока целесообразно отвлечься). Она удобна для этой цели – широкомасштабность явления смыслового смещения позволяет ему затрагивать практически чуть ли не каждый реальный текст. Нетрудно также догадаться, какое широкое общественное значение имеет формализация представленных в языке и речи возможностей прояснения смысловых смещений для точного понимания текста.

Нужный для понимания элемент смысла, воплощенный в языковом элементе, выявляется не всегда, а если выявляется, то не всегда сразу и просто. По завершении высказывания он может *а*) *выявиться полностью, б*) *выявиться неполностью, в*) *совсем не выявиться.* В последнем случае неоднозначность сохраняется.

Механизм синтагматической омонимии начинает действовать потому, что рядом расположенные языковые единицы активизируют весь набор своих сочетательных возможностей. В синтаксисе это грамматические связи, в лексике – употребление узуально привычного слова, в фонетике – разного рода явления уподобления и расподобления звуков, а также варьирование интонационных типов. При такой активизации из набора возможностей выбирается та, которая гармонирует с возможностью соседней единицы и способна выявить в ней нужную для данного текстового случая сему, грамматическое значение или вариацию фонемы. Пошаговое введение информации в физическом времени приводит к пошаговому же декодированию языкового материала, который к каждому конкретному моменту восприятия речи оказался в поле внимания реципиента. Линейный характер и порождения, и восприятия речи, а в случае устного текста еще усиливающийся посегментным устройством речевого потока, обусловливает изначально отдельное функционирование уже готовой части еще до завершения самостоятельного речевого отрезка. По мере же его завершения воспринимающему речь приходится корректировать свое первоначальное понимание части текста (высказывания) в соответствии со следующими за ней частями – со способами их языкового выражения и общим смыслом. Скорее всего, все это происходит на уровне внутренней речи.

Предвосхищение продолжения текста бывает истинным и ложным. Истинное возникает в случае однозначности структурных и

смысловых элементов начала (ср., однако, мнение А.Вержбицкой о всеохватной многозначности (Вержбицкая, 1986); здесь можно также вспомнить мысль С.Карцевского о совмещении в значении любого слова двух понятийных планов – слово означает одновременно и общее понятие, явление, процесс, признак и т.д., и их же в данном конкретном воплощении).

Если перед нами случай *а*, ложность прогноза исчезает сразу же по завершении высказывания, что обеспечивает идентичность воспринятого смысла и смысла, заложенного отправителем сообщения. Если же это случай *б* или *в*, то можно констатировать, что неоднозначность принадлежит не началу высказывания, как в случае *а*, но всему высказыванию в целом и определяется особенностями его строения. Строго говоря, в случаях *б* и *в* предвосхищение истинным или ложным быть не может, потому что языковое устройство высказывания объективно не подлежит однозначной трактовке.

Предсказуемость и двусмысленность как явления языка и речи составляют некоторую шкалу с зонами сгущения и разрежения признаков. Полярными ее членами являются полностью непроясненная двусмысленность и сразу же проясняющаяся ложная предсказуемость. В середине – пограничные и неотчетливые случаи. Например: конструкция формально неоднозначна, но общий смысл ясен; конструкция и формально, и семантически неоднозначна, но общее понимание предмета и знание ситуации (или наоборот) реципиентом речи (его апперцепционная база) дают возможность снять двусмысленность; двусмысленность проясняется в последующем тексте.

Диалектическое единство явлений текстовой (речевой) омонимии и ложного предвосхищения (предсказуемости) продолжения заключается в следующем. Текстовая омонимия существует объективно в самом тексте; она может иметь как линейный (синтагматический), так и нелинейный характер (если это системно-языковая омонимия). Поэтому она касается как отправителя речи, так и ее реципиента. Ложное предвосхищение субъективно, поскольку касается текстовой перспективы реципиента, но не отправителя (у последнего есть известная лишь ему перспектива). Однако неверная предсказуемость продолжения высказывания может иметь и объективные причины – в случаях типа *б* и *в*. В отличие от текстовой омонимии, ложное предвосхищение всегда линейно.

Итак, омонимия создается при совпадении разных значений (объективная категория языка) и смыслов (субъективная категория речи) в одной языковой (речевой) форме, употребленной в реальном (уникальном) тексте. Это значит, что признак общности формы

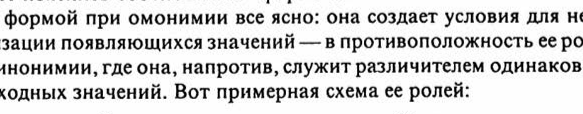
инвариантен, признаки же значения и смысла вариативны. Когда вариативные признаки не различаются в тексте, возникают позиции их нейтрализации. Их различение создает привативные оппозиции, когда они различаются как **а** – **не-а** (**а** – коррелятивный признак, присущий маркированному члену оппозиции), и эквиполентные оппозиции, когда они различаются как **а** – **b** (качественно различные признаки). Градуальные оппозиции более распространены при синтагматической нейтрализации синонимов (см. (Лаптева, 1996), там же см. сам речевой материал).

Хотя применение идеи оппозициональности не только к уровню фонологии уже осуществлялось А.В.Бондарко (Бондарко, 1996), О.А.Лаптевой (Лаптева, 1997), Е.Н.Ширяевым (Ширяев, 1986), наименее разработанным моментом здесь остается освещение факторов и механизмов явления, градуализация признаков, выделение сильных и слабых позиций, установление диапазона смыслов, нахождение формул взаимодействия дифференциальных и нейтрализующих признаков.

Применительно к омонимии градуализация основывается на различении обязательных и факультативных признаков, участвующих в колебании явления омонимии от полной неясности смысла (полной нейтрализации различительных признаков) до его полной ясности (полного набора различительных признаков). Первый названный полюс шкалы – это центр явления омонимии, второй – его крайняя периферия, где омонимия кончается. Поэтому каждый случай текстовой омонимии может расшифровываться с помощью составления формулы, членами которой являются обязательные и факультативные признаки со знаком + или –. Каждому случаю употребления присваивается индекс, указывающий на принадлежность его к центру или периферии явления, а также к переходным зонам.

При выделении обязательных и факультативных признаков следует пояснить соотношение "форма–значение–смысл".

С формой при омонимии все ясно: она создает условия для нейтрализации появляющихся значений — в противоположность ее роли при синонимии, где она, напротив, служит различителем одинаковых или сходных значений. Вот примерная схема ее ролей:

Смысл представляет собою совокупный результат взаимодействия заключенного в сообщении (высказывании) содержания и его выражения посредством лексико-семантического и категориального значений элементов высказывания. Поэтому значение входит в смысл как его составная инвариантная часть, не меняющаяся вместе со сменой текстовых и ситуативных (в случае устной речи) условий. Диапазон возможностей расхождения смыслов максимально широк: от слишком тонкого, почти условного различия между ними, практически не замечаемого ни отправителем, ни получателем речи, до крайней степени расхождения по формуле **a** – не-**a** (или **a** – **b**), то есть до полярной противоположности их. В тексте бывают представлены приметы, упрощающие или затрудняющие идентификацию смысла. Столь же широк соответственно и диапазон нейтрализации смыслов: от полного неразличения до полного различения, выводящего явление за пределы омонимии.

Обязательными признаками формулы являются языковая форма и категориальное (грамматическое), а также лексическое значения, то есть языковые элементы, принадлежащие языковой системе.

Факультативными же признаками становятся все текстовые смыслы и их оттенки, а также способы их выражения. Например, такие: предыдущее–последующее содержание текста; наличие в нем дополнительных структурных признаков, способствующих возникновению или снятию неоднозначности; контактное или дистантное расположение элементов; знание предмета сообщения, общая апперцепционная база отправителя и получателя речи; знание ситуации; языковая (смысловая) догадка; прагматические задачи; соответствие–несоответствие языкового употребления существующему узусу; форма речи. Как видим, сюда входят признаки самой различной природы, в том числе ситуативные и разного рода экстралингвистические. Список этот не закрытый.

Факультативные признаки всегда активно участвуют в разъяснении (снятии) неоднозначности и порой перевешивают в этом своем качестве действие обязательных признаков.

Как же соотносятся и разграничиваются системная (предусмотренная языковой системой) и текстовая омонимия? Все оказывается очень просто: системная омонимия создается обязательными признаками, она же лежит в основе текстовой, когда на нее налагаются факультативные признаки. Так происходит **синтез парадигматики и синтагматики**. Процессы синтагматического и узуального характера стремятся расшатать оппозиционную системность (когда их действие сильнее действия обязательных признаков). Энтропия системы

стремится возрасти, однако на пути этого процесса встает обратная тенденция – стремление создающейся комплексной организации (обязательные + факультативные признаки, парадигматика + синтагматика) к системности.

Введем обозначения обязательных признаков латинскими буквами.

Это формально-структурный признак **b** (тождество формы) и признак значения и смысла **c**. Если признак участвует в образовании омонимии, он снабжается знаком +. Формально-структурный признак **b** всегда участвует в образовании омонимии и потому по определению всегда имеет знак +. Что касается признака **c**, то здесь дело сложнее. В нем совмещаются два вида значений: к категориальному (грамматическому) и лексическому, то есть языковым значениям, в тексте добавляется текстово-смысловое. Поэтому **c** имеет комплексный характер, все его составляющие сливаются в едином и общем формально-структурном воплощении **b**. Эти составляющие, конечно, можно было бы представить как ряд c_1, c_2, c_3 ... c_n, где индексы обозначали бы отдельно лексическое, грамматическое и контекстуальное значения. Но сделать это невозможно, и потому приходится довольствоваться суммарным **c**. Так в формуле (как и в реальной речи) языковая и текстовая омонимия обречены на слияние в одном элементе-признаке.

Знак "плюс" у **c** (то есть неразличение значения и смысла при омонимичности формы) является следствием "плюса" у **b**, однако в текстовых условиях он может смениться на "минус", поскольку текст способен создавать условия различения смысла (и потому значения). Наряду с **+b+c** существует **+b-c**.

Для обозначения факультативных признаков используем русские буквы и сокращения соответствующих слов, обобщив их под буквой **т** (текстовые признаки/признак). Обязательные и факультативные признаки действуют разнонаправленно, причем в прямо противоположных направлениях. Обязательные **создают** омонимию, и знак + при них указывает на эту их функцию – создания омонимии. Факультативные **снимают** омонимию, и знак + при них указывает на эту их (противоположную) функцию – снятия омонимии. Релевантность **b** и **c** и знака + при них, с одной стороны, а также **т** и знака + при нем – с другой, противоположна. Это происходит потому, что цель речевого сообщения – достижение понимания, а оно при текстовой омонимии затруднено или вообще невозможно. Именно этим объясняется иная, чем у обязательных, направленность дополнительных текстовых признаков. Значит, формула **+b+c+т** должна читаться как "формальное совпадение при совпадении значения и текстовом его прояснении".

Иными словами, +т создает нейтрализацию омонимии. Получается, что текстовое значение в с налагается на языковое, а в т другие его компоненты противодействуют комплексному с.

Если текстовые дополнительные признаки не участвуют в снятии омонимии и проявляют себя индифферентно по отношению к ней, их можно не принимать во внимание и в формулу не вводить. Поэтому дополнительных признаков со знаком "минус" в формулах нет.

Итак, b всегда имеет знак + , с может иметь оба знака, т имеет + другого значения (расхождение направленности знака + для b и с, с одной стороны, и т – с другой, при единстве самого знака объясняется тем, что + означает релевантный, активно действующий признак). Это значит: в признаке b в языковой форме совпадают разные значения, в признаке с они могут быть выражены отчетливо или неотчетливо (однозначно или неоднозначно), в признаке т смысл проясняется.

Действие признака т можно содержательно детализировать, оставив символ т лишь за общими условиями текста. Например, так:

т – общие условия в тексте при выражении смысла;
см – общий смысл текста, проясняющий отдельные смыслы в его составе;
дог – догадка о наиболее вероятном варианте прояснения смысла;
зн – знание о предмете, позволяющее верно интерпретировать смысл;
ап – общая апперцепционная база участников коммуникации;
стр – особенности синтаксической структуры текста и высказывания, способствующие прояснению смысла;
кон, дис – контактное или дистантное расположение элементов текста и высказывания, способствующее прояснению смысла;
лекс, сл — особенности лексического наполнения синтаксической структуры и свойств слова, способствующие прояснению смысла;
лекс соч – семантико-смысловые и лексические особенности членов устойчивого сочетания, способствующие прояснению смысла;
грам – грамматические особенности, влияющие на прояснение смысла.

Эти дополнительные признаки составляют четыре группы:

1	2	3	4
см	**+т**	**стр**	**лекс**
дог	**т+**	**кон, дис**	**сл**
зн		**грам**	**лекс соч**
ап			

(Пояснение: +т означает, что текстовый проясняющий элемент стоит после смысловой неясности; т+ означает, что он стоит до смысловой неясности.)

То речевое пространство, которое здесь исследуется, можно назвать узусом явления омонимии. В этом узусе каждый случай употребления индивидуален, что может породить натяжки в выводе формулы. Это все-таки живая речь. Однако частотные формулы, повторяющиеся от одного случая к другому при употреблении, – несомненный факт, они показывают механизм системной организации поля омонимии (о полевом устройстве этой системы будет рассказано в другой раз). Отражение же индивидуального характера понимания текста сосредоточено именно в дополнительных факторах. Они появляются далеко не в каждой формуле и, более того, у одного получателя сообщения могут присутствовать, у другого – нет. Например, один получатель ограничивается формулой +b+c и понимает хуже, а у другого включается действие проясняющего смысл фактора **зн**, и он понимает больше и лучше. Именно поэтому многие газетные, радио- и телевизионные (да и разговорные) тексты предполагают осведомленность реципиента речи, они полны намеков на ситуацию и общее для автора речи и ее получателя знание. Вот почему такие тексты требуют при обучении, например, иностранцев русскому языку специального содержательного (лингвострановедческого, культурологического, общественно-политического, литературного и пр.) комментария.

Богатая система вариаций формул дает возможность играть на смыслах, их взаимном весе, акцентировать нужное. Ею достигается нахождение степени проясненности смысла, достаточной для общения и понимания.

Подробно она будет описана и охарактеризована в ждущей появления на свет книге автора "Речевые возможности текстовой омонимии". Здесь же, чтобы проиллюстрировать изложенный механизм действия формул, изберем одно частное явление омонимии категориального значения – **употребление *так*, которое может быть и наречием, и частицей, и союзом**. Для простоты ограничимся противопоставлением двух формул с обязательными членами: +b+c и +b-c. Отвлечемся и от *так*-союза – средства ввода заключительной, итоговой части текста (или высказывания). Для его отграничения от наречия и частицы письменная речь располагает запятой, которая, впрочем, далеко не всегда в печатном (в том числе газетном) тексте стоит на своем, а не на чужом (при употреблении наречия) месте и просто далеко не всегда присутствует. Это происходит и из-за неполной отчетливости союзного значения, и из-за низкой издательской культуры.

Что касается типа омонимических отношений между ***так*-наречием и *так*-частицей**, то он будто специально предназначен

языковой системой для создания ядра омонимии категориального значения, потому что его непрояснение никак не влияет на смысл текста ни при его продукции, ни при его рецепции: очевидно, нюансы категориального значения оказываются слишком тонкими и потому малосущественными для текстового смысла. Скорее всего, разноголосица, расхождения и даже разнобой при категориальной квалификации этого слова в словарных и грамматических описаниях объясняются существованием огромной области текстовых нейтрализаций их значений, лежащей между полюсами крайних случаев различения, которые и попадают в описания в отличие от случаев неразличения.

+b+c (текстовое неразличение категориального значения):

Вот смотрите. Отец, особенно для мальчика, – авторитет. Даже если он временами прикладывается к бутылке и бьет мать, все равно для мальчика отец – авторитет, потому что он большой и сильный. Его приказ-команда срабатывает без всяких внушений. К тому же, когда сын спрашивает у отца, мол, зачем ты пьешь, он отвечает: "Сынок, а мне *так* хорошо". Финал... Сын начинает пить в том же возрасте, что и его отец. ("Семья" № 297); В передаче "Утренняя звезда", кажется, молодой мужчина, ведущий, всем молодым девушкам (лет шестнадцати) говорит "ты". Она выступает перед аудиторией, а он ей — "ты". Ей бы ответить: "А как твои дела?". *Так* неприлично. Это что – недостаток культуры, или что это такое? (МК, 23.10.93; интервью с Г.П.Вишневской); По крайней мере мне *так* известна эта, не правда ли, любопытная история. Извините меня, строгие искусствоведы, недавно снявшие форменные костюмы, если что-то в ней было иначе. (МК, 2.12.92); Парадоксально: нынешние доходы студентов Михайловых выше доходов многих молодых учителей, уже закончивших университет. Молодые специалисты получают в лучшем случае 30 тысяч рублей. Правда, недавнее повышение окладов бюджетников несколько увеличит зарплату. Но прирабатывать все равно придется, а такую возможность в глубинке найти труднее, чем в большом городе Краснодаре. – Ну *так*, значит, я не буду работать в школе, как хотелось бы. Найду что-то другое. Словом, на ящиках моя семья сидеть не будет... (Изв., 25.09, 93. Последующее *как* не выступает дополнительным признаком прояснения, потому что конструкция *так. .. как* здесь сомнительна).

+b-с (текстовое прояснение категориального значения):

– Тем не менее вы – один из самых известных и популярных московских адвокатов... – Адвокат зарабатывает эту популярность своей деятельностью, но не служебной лестницей. Когда я брал опасные дела, мне говорили: "Помни Бориса Золотухина". В свое время он защищал Алика Гинзбурга. Был процесс Гинзбурга и Галанскова. *Так* Борис Андреевич по распоряжению Михаила Андреевича Суслова был исключен из коллегии адвокатов, из партии. Исключен за то, что заявил на процессе, что никакого уголовного дела нет, что Гинзбург – не преступник. (МК, 23 .07. 89. *Так* – частица – продолжает описание случая, дополнительный признак –предшествующий текст и его смысл т+); Или Подгорный. Вообще Николай Викторович запомнился как человек грубый и невыдержанный. Отвратительно он повел себя как-то при вручении Звезды Героя труда первому заму премьера Мазурову в зале заседаний Политбюро. Подгорный нервничал и не мог приколоть орден к пиджаку. Я сбегал к себе и принес что-то, чем можно было проткнуть лацкан. *Так* Подгорный оттолкнул меня и прилюдно обматерил. (МК, 27.03.93. Значение *так* как частицы проясняется дополнительным признаком т+); Теленок принимает первый двигающийся предмет за маму-корову, и его можно *так* воспитать, что он будет бегать за плеткой, свисающей с руки всадника. Оно и лучше: хозяин не даст ему быть сожранным волками, а если съест сам – *так так* им обоим и надо. (МК, 18. 08. 93. Первое *так* входит в структуру с *что,* дополнительные признаки **стр** и **дис** свидетельствуют о его наречной природе. Второе *так* – частица, проясняющая дополнительные признаки – т+ и **кон**; третье *так* – наречие, дополнительный проясняющий признак – **лекс соч** *так и надо*).

Частица и наречие озвучиваются по-разному: первое – без ударения (*тък*), второе – с ударением и без редукции гласного (*так*). Поэтому в случаях **+b+с** читающий даже при чтении "про себя" не знает, как надо прочесть.

В устной речи дело осложняется омонимичностью сегментной паузы и нечеткостью разграничения *тък* и *так* в быстрой речи. Формула таких случаев, естественно, **+b+с**:

...возникла чуть ли не республика. *Так* / что это такое? (Телевизионная программа "Вести", вед. Св. Сорокина); *Так* / единый процесс съемка – монтаж / эфир оказался разорванным. ("Вести", корр. Речь о возникших на телевидении сложностях при разделении компаний. Возможно действие фактора т+, и тогда можно увидеть прояснение в пользу наречия).

Омонимия наречия и союза в устной речи:

Так 49 лет назад родилось независимое государство ("Новости", корр); Национальные распри являются следствием мудрой ленинско-сталинской национальной политики. *Так* земли, издавана заселенные ингушами, были переданы дагестанцам ("Радио России", журналист). Омонимия категориального значения сопровождается здесь интонационным неразличением *так* и *так* с восходящим и ровным тоном или *так* и *так* с ровным и нисходящим тоном. На письме *так* соответствует запятой после него, *так* – отсутствию знака препинания, *так* – точке.

Подобным же образом ведут себя *лишь, просто, прямо, только, точно* и другие слова.

Такой процедуре анализа поддается огромный материал речеупотреблений, относящихся ко всем уровням языка. В итоге возникает полевая структура, в свою очередь проявляющая высокую степень структурной организации и системного устройства. Но об этом в другом месте.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] На нее впервые обратил внимание Г.О.Винокур: "...для отнесения этого факта к числу тех, которые характеризуются как язык неправильный, или просторечие, и т.п., совершенно не существенно, кто именно так сказал, NN или NN', во всяком случае до тех пор, пока кто-нибудь из NN не заставит нас тем или иным способом изменить саму характеристику этого факта. Следовательно, субъективными соответствующие экспрессивные качества языка являются только по происхождению, с точки зрения их психологического генезиса, тогда как реально, в исторической действительности, они существуют как вполне объективные свойства тех или иных звуков, форм и знаков". (Винокур, 1959, с.222).

ЛИТЕРАТУРА

Бондарко А.В. Теория инвариантности Р.О.Якобсона и вопрос об общих значениях грамматических форм // Вопросы языкознания. 1996, № 4.

Вержбицкая А. Восприятие семантики абстрактного словаря // Новое в зарубежной лингвистике. Вып XVIII. М. 1986.

Винокур Г.О. О задачах истории языка // Избранные работы по русскому языку. М. 1959.

Карцевский С. Об асимметрическом дуализме лингвистического знака // Звегинцев В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч.II. М. 1965.

Лаптева О.А. Текстовая омонимия и синтагматические нейтрализации // Словарь. Грамматика. Текст. М. 1996.

Лаптева О.А. К формально-функциональному моделированию системы устно-разговорного синтаксиса // Вопросы языкознания. 1997, № 2.

Ширяев Е.Н. Бессоюзное сложное предложение в русском языке. М. 1986.

Г.А. Золотова

РОЛЬ ГРАММАТИКИ В КОМПОЗИЦИИ ТЕКСТА

Грамматика и композиция в сознании большинства современных филологов числятся по разным ведомствам. Так не воспринимало их поколение наших учителей, в ряду которых светлые имена Г.О.Винокура, В.В.Виноградова, Л.В.Щербы, Ю.Н.Тынянова, Б.В.Томашевского и др. Они были филологами-гуманитариями широкого кругозора, они изучали язык как воплощение духовных, культурных, эстетических потребностей человека.

Размышляя о развитии филологической науки, Г.О.Винокур подчеркивал "родство двух сестер", науки о языке и науки о литературе. При естественных различиях в задачах и методах, он отмечал в них материальную общность объекта и общность гуманитарной устремленности.

В наше время, с его обострившимся интересом к говорящей личности, ее речевой деятельности, к тексту как произведению этой деятельности, на новом витке науки обращаются к опыту прошлого, к идеям наших учителей. Вопросами композиции занимались до сих пор больше литературоведы, лингвисты же почти не использовали своих возможностей исследований в этой области, и композиция текста, тем более художественного, – это проблема, которая остается далеко за пределами обычных грамматик.

Но коммуникативная трактовка грамматики как одной из областей филологии (а я буду говорить об опыте, реализованном в книге "Коммуникативная грамматика русского языка")[1] открывает подступы к рассмотрению вопросов композиции текста, не исчерпывая, разумеется, ее литературоведческих и эстетических аспектов.

И лингвиста, и литературоведа интересует, как построен текст, коммуникативно-смысловое содержание которого выражено средствами языка. Занятия текстом во второй половине нашего века ориентировались в основном на описание техники связей между предложениями. Нельзя не признать, что и более плодотворными, и более трудными остаются поиски пути к смыслу текста как целого через воплощающие его языковые структуры.

Что находит на этом пути "Коммуникативная грамматика"?

Если композиция – это целое, создаваемое соотношением частей, то ключевой задачей становится, прежде всего, выявление этих

частей как речевых единиц, организующих целое. Могут ли быть обнаружены речевые единицы, общие для текстов различных видов общественно-речевой деятельности, различных видов жанрово-стилистических?

Эта задача — исследовать не только языковые, но и речевые единицы как типы, подлежащие систематизации, а также приемы и способы их объединения в целой словесной композиции — была сформулирована В.В.Виноградовым в работе 1930 года "О художественной прозе" и активно обсуждалась тогда в кругах, занимавшихся поэтикой, языком литературы. И действительно, в многообразии текстовых структур неизбежно обнаруживаются признаки сходств и различий, которые могут служить основанием для их типизации.

Традиционный набор композиционных понятий – комбинации сюжетных мотивов, фигуры, тропы, повторы, анафоры, спирали, рамки – это скорее приемы, но не сами единицы, составляющие целое. Единицы же формируются средствами языка, осуществляющими и композиционно-синтаксические и выразительно-эстетические текстовые функции. От множества текстов отвлечены сопоставляемые и противопоставляемые признаки, характеризующие любой текст:

1 – пространственно-временная позиция говорящего/перцептора (соприсутствие его в хронотопе события и сенсорное восприятие противопоставлено дистанцированности и ментальному восприятию);

2 – динамический или статический характер представляемой действительности, реальной либо виртуальной (сообщения о действиях, процессах противопоставлены сообщениям о качествах, отношениях);

3 – коммуникативные интенции говорящего (сообщение в широком смысле противостоит волеизъявлению и оценочной реакции).

Соотношение этих признаков позволило разграничить 5 коммуникативных типов (регистров) речи:

в репродуктивном регистре говорящий как бы из хронотопа происходящего сообщает о наблюдаемом, единичном, конкретно-референтном, актуальном;

в информативном регистре говорящий, дистанцированный от происходящего, сообщает об известном ему или осмысляемом, узуальном;

в генеритивном регистре говоряший формулирует (или цитирует) высказывания высшей ступени обобщения — афоризмы, сентенции, пословицы, общечеловеческие всевременные истины;

в волюнтивном регистре говорящий выражает побуждение адресата к действию, в том числе речевому;

в р е а к т и в н о м регистре – выражает оценочную реакцию на речевую ситуацию.

В последних двух регистрах, реализующихся обычно в диалоге, ведущим признаком служат коммуникативные интенции, но они совмещаются с остальными признаками, так что воспроизведение диалога, само по себе демонстрирующее репродуктивный регистр, образует как бы "текст в тексте".

Модель того или иного отношения между говорящим и миром, воплощенная в понятии регистра, реализуется в конкретном тексте как его речевая единица (блок, фрагмент, к о м п о з и т и в). Разные виды соединения и чередования таких единиц – регулярные для одних текстов, индивидуально-неповторимые для других – и формируют структуру текста. Архитектоника текста обусловлена, таким образом, подвижностью позиции говорящего (наблюдателя, перцептора), "перемещением" его в текстовом времени и пространстве.

Язык сигнализирует эти перемещения, помимо лексических, дейктических, модальных показателей, главным образом видовременными формами глаголов в четырех композиционно-синтаксических функциях (по В.В.Виноградову): это динамическая, движущая сюжет функция аористива и результативная, констатирующая или интерпретирующая результат происшедшего изменения, функция перфектива – для СВ, а для НСВ – имперфективно-длительная и качественно-описательная функции.

Текстово-значимы категориально-семантические свойства глаголов: акциональности/неакциональности, наблюдаемости/ненаблюдаемости – которыми предопределяются и тяготение глаголов к той или иной функции и участие их в повествовательном либо описательном подтипах репродуктивного и информативного регистров.

Для текстов оказывается релевантной не отнесенность времени действия к "моменту речи", а соотнесенность, таксисная связь предикатов между собой по линиям времени, модальности и лица. Поскольку таксисные значения свойственно выражать не только предложениями, но и так называемыми полупредикативными конструкциями, они и способны служить минимальными носителями регистровых характеристик. Например:

> Мартышка, в зеркале увидя образ свой,
> Тихохонько Медведя толк ногой:
> "Смотри-ка", – говорит – ...

Здесь три предиката к субъекту Мартышка (*увидя, толк* и *говорит*), при различиях оформления, выполняют аористивные, динамические

функции: называют последовательные действия героини, связывая их в репродуктивно-повествовательный фрагмент текста.

В другом примере: *Кстати, к этому времени через посольство в Москве удалось получить известие, что старушка умерла вскоре после разлуки с дочерью* (Л.Леонов) – три перфективных предикативных единицы информативного регистра, по-разному оформленных, представляют события в обратной последовательности: *после разлуки умерла, удалось получить известие.* Компонент *к этому времени* включает сказанное и в более широкий контекст событийного времени.

В предложении *Улица, обычно пустынная, была полна народу* находим полупредикативный обособленный адъективный оборот, сопоставляющий актуальный временной план основного предиката в репродуктивно-описательном регистре с узуальным временем и, соответственно, в информативно-описательном регистре.

Так соединение, монтаж регистровых единиц создают пространственно-временной объем текста и его внутреннюю динамику. Границы композитивов могут раздвигаться от одной предикативной единицы до нескольких и многих, регистрово однородных, но каждый воплощает звено текстового времени.

Композиционная роль регистровых чередований еще более очевидна, когда они позволяют наблюдать последовательное перемещение позиции автора (говорящего) по ступеням абстракции.

Известный пример – начало "Анны Карениной" Л.Толстого. Роман начинается с сентенции: *Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему*, представляющей генеритивный регистр. Во втором абзаце *Все смешалось в доме Облонских...* автор "спускается" в предсюжетную атмосферу этого дома, где рухнуло семейное благополучие, описывает настроение семьи и домочадцев; перфективные и имперфективные глаголы второго абзаца создают информативную интродукцию. Аористивные глаголы третьего абзаца сигнализируют, что двинулось развитие одной из сюжетных линий в репродуктивно-повествовательном, с описательными прослойками, регистре; конкретный персонаж предстает в конкретном хронотопе, в наблюдаемых действиях: *На третий день после ссоры князь Степан Аркадьич Облонский <...>проснулся<...> в своем кабинете, на сафьянном диване. Он повернул свое полное, выхоленное тело на пружинах дивана<...> но вдруг вскочил, сел на диван и открыл глаза.*

Первый акциональный глагол НСВ с аористивной функцией в большинстве повествовательных текстов, после экспозиции или без

нее, служит сигналом начала движения сюжета, а в текстах малых жанров – и завязки.

Можно наблюдать и противоположное движение авторской позиции – от конкретного к абстрактному. Вот фрагмент из повести Л.Толстого "Казаки":

– Мне и грустно, и рад я, что еду, – продолжал он (Дмитрий Оленин). – Отчего грустно? Я не знаю.

И отъезжающий стал говорить об одном себе, не замечая того, что другим не было это так интересно, как ему. Человек никогда не бывает таким эгоистом, как в минуту душевного восторга. Ему кажется, что нет на свете в эту минуту ничего прекраснее и интереснее его самого.

Здесь слова персонажа, оформленные как прямая речь, и сопровождающий ее авторский глагол речи представляют репродуктивно-повествовательный регистр. Но в самом высказывании Оленина репродуктивное сообщение о своем состоянии сменяется попыткой самоанализа – в информативном регистре ("текст в тексте"). Первое предложение следующего абзаца, суммируя продолжение диалога, переводит его в информативный регистр. В двух следующих предложениях авторский комментарий поднимается до обобщения общечеловеческих свойств – в генеритивном регистре.

Сравним примеры из Чехова:

Липа спустилась по дороге и, не доходя до поселка, села у маленького пруда <...> У самого пруда в кустах <...> заливались соловьи <...> Чьи-то года считала кукушка. <...> В пруде сердито, надрываясь, перекликались лягушки <...> Казалось, что все эти твари кричали и пели нарочно, чтобы никто не спал в этот весенний вечер, чтобы все, даже сердитые лягушки, дорожили и наслаждались каждой минутой: ведь жизнь дается только один раз! ("В овраге").

В Ореанде сидели на скамье, недалеко от церкви, смотрели вниз на море и молчали <...> Листва не шевелилась на деревьях, кричали цикады и однообразный, глухой шум моря, доносившийся снизу, говорил о покое, о вечном сне, какой ожидает нас. Так шумело внизу, когда еще тут не было ни Ялты, ни Ореанды, теперь шумит и будет шуметь так же равнодушно и глухо, когда нас не будет. И в этом постоянстве, в полном равнодушии к жизни и смерти каждого из нас кроется, быть может, залог нашего вечного спасения, непрерывного движения жизни на земле, непрерывного совершенства ("Дама с собачкой").

В этих фрагментах репродуктивное повествование о действиях персонажей сменяется репродуктивным описанием природы, среды,

ими воспринимаемой, затем размышлениями о наблюдаемом в информативном регистре, приводящими к генеритивным обобщениям.

Подобные ступени проходит и лирический герой в излюбленной композиционной модели стихотворений Ф.Тютчева: сенсорно воспринимаемое, воспроизводимое средствами репродуктивного регистра природное явление, пейзаж, событие дают повод размышлению в информативном регистре, завершающемуся генеритивной философической сентенцией. Один из возможных примеров:

Смотри, как на речном просторе,
По склону вновь оживших вод,
Во всеобъемлющее море
За льдиной льдина вслед плывет.
На солнце ль радужно блистая,
Иль ночью в полной темноте,
Но все, неизбежимо тая,
Они плывут к одной мечте.
Все вместе – малые, большие,
Утратив прежний образ свой,
Все – безразличны, как стихия, –
Сольются с бездной роковой!
О нашей мысли обольщенье,
Ты, человеческое Я,
Не таково ль твое значенье,
Не такова ль судьба твоя?

Но в чьем сознании происходит это движение мысли по ступеням абстракции? Очевидны различия. В примерах из Л.Толстого повествователь от себя, со стороны комментирует происходящее. В чеховских фрагментах рассказчик смотрит на мир как бы глазами своих героев, пытаясь воссоздать их восприятие, настроение. Впрочем, нередко авторские обобщения представляются слишком умственными для его персонажей, и пограничное между субъектными сферами словцо *казалось* возбуждает вопрос *кому?* – на слияние или разделение автора и героя оно должно указывать?

В тютчевском стихотворении приглашение к совместному видению в начале и риторический вопрос в заключении задают еще и образ собеседника, единомышленника.

Проблема соотношения, смены субъектных сфер – говорящего–персонажа–адресата, – взаимодействия точек зрения – необходимый этап анализа композиции текста. Наблюдения в этой области поведут к открытиям и индивидуально-авторских приемов, и общеязыковых закономерностей, возможностей языковых форм и категорий.

В "Коммуникативной грамматике" рассмотрены примеры текстов, в которых композиционным стержнем оказываются оппозиции грамматические, структурно-смысловые, с их экспрессивно-комму-

никативными потенциями (противопоставление временных планов, реальной/ирреальной модальности, действия/состояния, эксклюзивности/инклюзивности речевого субъекта и др.). Грамматическая форма как материал искусства, – говорил Г.О.Винокур, – "означает сразу и то, что она обозначает обычно, и то, что за этим обычным значением раскрывается как художественное содержание данной формы".

Многообразие синтаксических моделей и конструкций русского языка может привлечь внимание исследователей не только особенностями их строения, но и предназначенностью к определенному служению тексту. Например, известные грамматические модели функционируют в качестве способов выражения такого важного сюжетно-композиционного элемента, как конфликтная ситуация. Вот некоторые виды этих ситуаций:

1. Конфликт внутриличностный: между целеполаганием, необходимостью, долгом – и неспособностью, нерасположенностью субъекта к его исполнению. Этот конфликт выражается сопоставлением моделей волюнтивных и инволюнтивных (личных–безличных, по традиционной терминологии, абсурдно именующей *безличным* состояние именно *лица)*: *Писатель приготовился думать. Не думалось* (А.Кнышев); *Внутри все ясно и вокруг – Но не поется* (А.Вознесенский); *Не цапите, гуси серые! / Не сама я залетела к вам, / Не своею я волею,/ Занесло меня погодою* (Фольклор).

2. Конфликт межличностный: между субъектом авторской эмпатии и другими, между своими интересами и чужими, чуждыми. Отчужденность, недоброжелательность неназванного агенса действия часто выражается так называемыми неопределенно-личными предложениями:

Из страха, как бы ее не рассчитали и не услали домой, она роняла и часто била посуду, и у нее вычитали из жалованья (Чехов). *Анисья <...> рассказывала Лене: "Все перешвыряли, все унесли. К Марфуте даже не сунулись, а у меня все взяли, козу свели на веревочке"* (Л.Петрушевская). Композиционная значимость противопоставления разных субъектных сфер ярче выявляется через оценочную экспрессию неопределенно-личных предложений.

3. Конфликт между субъектом действий, целеполагания и неизбежной силой обстоятельств, сводящих на нет намерения и усилия. Выражается сопоставлением динамичных аористивных предикатов и результативно-перфективных:

Хвост вытащил – нос увяз, нос вытащил – хвост увяз (Фольклор). *Лжец ни один у нас по нем пройти не смеет, / До половины не дойдет – / Провалится и в воду упадет* (Крылов).

Таким образом, коммуникативный анализ языковых средств в речевом процессе, в структуре текста находит ответ не только на вопрос, как они построены, но и на вопрос, для чего они языку и конкретному тексту.

Известный польский славист проф. А.Богуславский утверждал, что главным для исследования текста является "не то, что автор говорит, но то, как он это говорит, то есть как высказывание составлено и каких эффектов, благодаря применяемым средствам, автор хочет достичь" (цит. по: Янус Э. Обзор польских работ по структуре текста // Синтаксис текста. М. 1979, с.326).

Сказанное выше позволяет переформулировать постановку задачи у А.Богуславского. Вряд ли целесообразно устанавливать между что говорит автор и как говорит отношения противительные, поскольку эти отношения взаимообусловлены.

Задача изучения текста, вероятнее, в том, чтобы выяснить, как говорит автор то, что он говорит, потому что как не может рассматриваться в отвлечении от того, высказывание – о чем?, эффект – ради чего? и средства – чего? и для чего?

В изучении текста грамматика, лексика, семантика взаимно укрепляют, обогащают и корректируют друг друга. В содержании текста связаны воедино мир, мысль и язык.

Грамматика и композиция текста оказываются взаимно необходимыми частями филологического познания.

В своем "Введении в изучение филологических наук" Г.О.Винокур писал, что наблюдающееся в научной практике движение в пользу тесного сотрудничества между наукой о языке и наукой о литературе "и признание высокой полезности для каждой из двух наук постоянного взаимного обмена материалом и выводами нельзя не признать движением высоко разумным".

"Вот об этих-то, собственно филологических задачах обеих наук, служению которым я посвящаю свои силы, мне и хочется напомнить предлагаемым трудом". Эти слова Григорий Осипович сказал на защите своей докторской диссертации о языке Пушкина.

О трудах и идеях наших учителей, о вкладе Г.О.Винокура в так понимаемую филологию я хотела напомнить и показать некоторые возможности продолжения этого пути.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1]Золотова Г.А., Онипенко Н.К., Сидорова М.Ю. Коммуникативная грамматика русского языка. М. 1998.

О.П.Ермакова

ТИПЫ ВЕРБАЛИЗОВАННОЙ ИРОНИИ В РАЗНЫХ СФЕРАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Статья является продолжением ранее опубликованных работ по проблемам вербализованной иронии (Ермакова, 1996, 1997). Ироническим, как известно, может быть целое высказывание, может быть очень пространный текст, а может быть слово. Вербализованной я называю иронию, локализованную в слове: *Весело!* (когда совсем не весело); *Цицерон* (о косноязычном ораторе) и т.п. Термин несколько условен, поскольку чаще всего носители иронии – слова предикатные и, следовательно, сообщают иронию всему высказыванию, но опирается ирония все-таки на небуквальное употребление слова. Существует и другое понимание вербализованности иронии. Т.Щербовский называет вербальной любую иронию, выраженную средствами языка (а не мимикой, жестами и т.п.) (Szczerbowski, 1994).

В словарях и исследованиях ирония обычно определяется как насмешка (или порицание, осуждение) под видом одобрения или похвалы (Малая..., 1931, т.3, с.515; Советский..., 1980, с.511; Толковый..., 1934, т.1, с.1224; Ахманова, 1966, с.185; Kerbat-Orecchioni, 1986, с.307 и др.).

Из этих определений следует, что иронически употребляются слова положительной оценки. Ср., например, рассуждение Kerbat-Oreecchioni: "С точки зрения семантики ирония содержит явно позитивное содержание, которое отсылает к скрытому негативному. В прагматическом отношении – это осуждение, которое имеет форму похвалы" (Kerbat-Orecchioni, 1986, с.307).

Несомненно, слова положительной оценки в первую очередь "подвержены" иронии. Их ироническое использование встречается чаще всего. Это общеизвестные примеры так называемой бытовой иронии типа: *Гениально!* (о глупости); *Замечательно!* (о чем-то плохом); *Прелесть! Как мило!* и т.д.

Однако, это только один из видов иронии. Иронически используются и другие типы слов, что было частично отмечено нами в (Ермакова, 1997).

В этой статье будут подробнее рассмотрены разные семантические типы слов, употребляющиеся иронически в разных сферах русского языка.

Соответственно, в статье выделяются две части: в первой будут рассмотрены семантические темы иронизмов, во второй – сферы их употребления.

Семантические разновидности слов, допускающих ироническое употребление

1. Прежде всего, как неоднократно отмечалось, это слова, выражающие общую или частную положительную оценку: *Прелесть! Прекрасно* и т.п. или *Гениально! Какой добрый!* и т.п. Именно о них больше всего писали.

2. Это могут быть признаковые слова из антонимических пар. Типа *сильный–слабый, высокий–низкий, горячий–холодный* и др. Или *уехать–приехать, нагрузить–разгрузить* и т.п. Каждое слово пары может быть употреблено иронически, хотя само по себе оно может и не содержать оценки (см. Ермакова, 1997, с.49) (в данном случае мы не имеем в виду явно оценочное употребление *высокая цель, душа* и т.п.).

3. Признаковые слова, называющие явно отрицательный признак: *жестокий, завистливый, скупой, подлый, неприятный* и т.п.

4. Конкретно-предметные слова типа *стол, дом*; среди них могут быть функциональные названия предметов (*холодильник, пылесос*), названия помещений и др.

5. Функциональные имена лиц (*пианист, искусствовед, писатель, шахматист*), которые совмещают признаки слов предикатных и идентифицирующих. В роли сказуемых они проявляют свойства предикатных (т.е. признаковых) (Арутюнова, 1976, с.343).

Наиболее интересно, на наш взгляд, рассмотреть ироническое употребление отрицательно-оценочных слов, потому что именно они противоречат распространенному пониманию иронии как осуждения (насмешки и т.п.) под видом п о х в а л ы. Остановимся на ироническом употреблении этой группы слов.

Ироническое употребление слов негативной оценки наблюдается в случаях:

1. Когда говорящий, зная, что объекту суждения отрицательный признак присущ в высшей степени, представляет его как минимальный или сильно уменьшенный.

Яго был *немножко завистлив*; Сталин был *чуточку подозрителен*; Плюшкин был *немножко скуповат*.

Близки к этому случаи, когда явно негативную ситуацию называют словом тоже со знаком минус, но заметно преуменьшающим

эту негативность. Это намеренное представление очень плохого как слегка неприятного.

– Ведь вас там убьют! – Да, это будет *довольно неприятно* (Тэффи); Меня сильно лупили по голове. Я нашел это *очень неделикатным* (Дж. Джером); По стонам и крикам мы поняли, что свалившаяся на людей огромная труба причиняет им *некоторое неудобство* (Дж.Джером); А жаль, если господам помещикам бывшие их крепостные и в самом деле нанесут на радостях *некоторую неприятность*. И он черкнул указательным пальцем вокруг своей шеи (Достоевский).

2. Когда негативная ситуация (или кажущаяся таковой говорящему) сильно преувеличивается: Я не опоздал на *линчевание*? – говорит человек о ситуации, где нет и не предполагается никакой расправы, но возможно обвинение одного из участников события;

– Ну-с, где *изверг*? Где этот *убийца*? (говорится о мальчишке, отлупившем другого). В этом случае ирония может быть направлена на тех, кто обычную драку мальчишек склонен оценивать как преступную деятельность одного из них (см. 4).

3. Когда негативная характеристика намеренно основана на параметрах, не соответствующих ситуации.

Типичный пример этого – ироническое название рассказа Чехова "Злоумышленник". Герой рассказа, вывинчивающий гайки из железнодорожных путей (на грузило для удочки), не в состоянии понять по своей темноте и тупости, что совершает преступление, что его действия могут привести к крушению поезда. Поэтому *злоумышленником* его можно назвать только иронически.

4. Когда говорящий выражает мнимую солидарность с возмущением собеседника (автор с героем произведения и т.д.).

А.: Она говорит: "От такой жены ушел! Уж я ли, кажется..." Б.: (иронически): *Негодяй!* От такой жены, конечно...

Происходит переадресовка оценки, ирония направлена не на изменника мужа, а на жену. Разумеется, собеседник женщины не оценивает ее как *негодяйку*, переадресованная негативная оценка может быть не вполне определенной – в данном случае она скорее всего характеризует покинутую жену как неумную, не понимающую, что уйти можно от любой жены и при этом вовсе не быть негодяем. А возможно, это и некоторая скрытая солидарность с мужем на основе знаний истинных свойств жены.

5) Близки к этому случаи, когда слово со знаком минус иронически употребляется для обозначения явления, которое лишь с точки зрения извращенного или идиотического сознания можно назвать негативным. В таких случаях говорящий как

бы встает на позицию этого самого сознания. Например: – А.: У них там в туалетах цветы и даже музыка откуда-то слышится. – Б.: Безобразие какое. Или: Вы просрочили визу... Забыли. Прозевали.... Клерк (японский – *О.Е.*) извинится, возьмет паспорт, сам обойдет все кабинеты и вернет паспорт с благодарностью. Конечно, это *издевательство* над советским человеком (М.Жванецкий. В Японию и назад к себе).

Если ироническое употребление слов со знаком плюс порождает обычно отрицательную оценку объекта (хотя и не всегда явно антонимическую), то особенностью иронического употребления имен отрицательной оценки является то, что они обычно сохраняют эту оценку, хотя бывает и обратная картина: отрицательная оценка на поверхности прикрывает положительную (см. примеры пункта 5), хотя тоже не обязательно антонимическую.

Вот еще пример: Человек из нашего прекрасного социализма едет добровольно в их *поганый капитализм*, в эти "каменные джунгли" (Устн. речь). Ироническая резко отрицательная оценка вовсе не должна толковаться как весьма положительная, говорящий не утверждает, что капитализм прекрасен, но явно считает, что он не хуже "прекрасного социализма". То, что здесь и оценка *прекрасный*, и оценка *поганый* исходят не от говорящего, в данном случае не очень существенно.

Ироническое употребление конкретно-предметной лексики возникает за счет намеренного несоответствия реалии и ее наименования. Вот некоторые примеры.

– А вот это у нас *ванная* (показывает на часть сарая – на даче); Прошу к *столу* (столом служит перевернутый ящик); О, какая у нас *скатерть*! (о газете на ящике – "столе").

Эти случаи употребления можно расценить и как самоиронию и как добродушную шутку со стороны другого лица. Совершенно ясно, что сами по себе слова *стол, ванная, скатерть* не содержат ни малейшего элемента оценки. Однако и в этих случаях ирония подразумевает оценку. Выполняя не свою функцию, ящик "не дотягивает" до обычного стола. Это плохой стол, так же, как газета – плохая скатерть, и потому каждое такое наименование получает вместе с добродушной насмешкой некоторую долю отрицательной оценки. Таким образом, этот тип иронического словоупотребления немножко походит на "осуждение под видом похвалы".

Однако не на все случаи вербализованной иронии, как показывает материал, это распространяется (хотя еще недавно мне представлялось данное определение соответствующим языковым фактам).

Скорее, ирония – это языковая мистификация, преднамеренное несоответствие буквального и подразумеваемого смысла слов или высказывания в целом для выражения насмешки, издевательства или (реже) шутки.

Интенсификаторы в структуре вербализованной иронии

Уже из приведенных примеров ясно, что ирония тесно связана с семантикой степени проявления свойства. А определение иронии как осуждения под видом похвалы, очевидно, предполагает высокую степень мнимого одобрения. Это в самом деле наблюдается очень часто. Высокая степень проявления "похвалы" может заключаться в самом слове (*Гений! Гигант! Чудесно!*) или выражаться с помощью интенсификаторов: *Безумно интересный фильм* ('скучища редкая'), *Как он любезен!* и т.п. Ср.: Наконец-то у Сергея Ивановича Колпакова – *телефон*. Сергей Иванович Колпаков, служащий и советский гражданин, – *настоящий, истинный европеец с культурными навыками и замашками* (Зощенко).

Однако ирония вовсе не обязательно требует выражения высокой степени проявления признака. У нее свои отношения с интенсификаторами. Ср., например: ...Действительно, Варвара Петровна *не совсем походила на красавицу*; Это была высокая, желтая, костлявая женщина, с чрезмерно длинным лицом, напоминавшим что-то лошадиное (Достоевский).

Имена с оценкой плюс могут иронически употребляться с целой шкалой градации признака. Ср.: Плюшкин был *щедрым* человеком. П. был *очень щедрым* человеком. П. был *довольно щедрым* человеком. П. был *не слишком щедрым* человеком. На фоне наших знаний о том, что Плюшкин был воплощением скупости, в каждом высказывании *щедрый* употребляется антонимически. Интересно, что семантический результат – один и тот же, несмотря на различие интенсификаторов.

Ср. также: Иван Грозный был *очень душевным* человеком и Иван Грозный был *не очень душевным* человеком, где совпадают по смыслу утверждения с *очень* и *не очень*. Естественно, что в неироническом высказывании такое совпадение смысла невозможно.

При этом могут совпадать по значению высказывания, в которых иронически употребляются антонимы с антонимическими показателями степени. Так, ср. о скупом: Он *очень* (*весьма, необычайно, потрясающе*) *щедр*! и Он *немножко* (*чуточку, капельку*) *скуповат*!

На основе фоновых знаний о субъекте в обоих высказываниях утверждается: 'он очень скупой'.

Таким образом, один и тот же смысловой результат может дать ироническое преувеличение положительного признака и преуменьшение противоположного.

Это относится в первую очередь к тем случаям, когда известно, что объекту суждения ни в какой мере не присущ положительный признак. Но может быть и тогда, когда признак не имеет явного знака плюс. Например: Следует отметить, что этот рассказ *не такой уж чересчур смешной*. История о том, как потонула одна интеллигентная дама (Зощенко). Ср.: Это был *очень смешной рассказ*. История о том, как потонула одна дама.

При ироническом употреблении отрицательного признака такое невозможно. Ср.: Он *чуточку грубоват* (о явном хаме). Но *он ужасно грубый* отнюдь не содержит иронию.

Ироническое употребление имен со знаком минус требует указания на невысокую степень проявления признака, если известно, что объект обладает "пороком" в высшей степени. И, наоборот, если ирония заключается в преувеличении, или даже в приписывании объекту отрицательных свойств. Ср. примеры со словами *изверг*, *кровопийца*, *убийца*, когда говорящий вовсе не считает объект "достойным" таких характеристик (иначе – это просто ругань).

По степени проявления признака мнимое утверждение, утверждение-мистификация и истинное (подразумеваемое) не всегда симметричны. Так, высокая степень признака "на поверхности" не обязательно соответствует такой же степени "в глубинной структуре". Ср.: – Тебе не трудно помыть посуду? – Ну, что ты. Я *обожаю* мыть посуду.

Обожаю не обязательно обозначает 'терпеть не могу' (хотя и может быть), возможно и 'не люблю', 'не очень люблю'.

Напротив, выражение незначительной степени "на поверхности", как правило, предполагает высокую степень в "глубинной структуре". Иван Грозный был *чуточку суров*. Леди Макбет была *несколько честолюбива*.

> Сыщи ей жениха, чтоб был хорош, умен.
> И в лентах, и в чести, и молод был бы он
> (Красавица была *немножко прихотлива*):
> Ну, чтобы все имел – кто ж может все иметь?
> Еще и то заметь,
> Чтобы любить ее, а ревновать не сметь. (Крылов).

– Видел ты его *хибару (избенку, халупу)?* (об огромном богатом доме). – Да, впечатляет.

Таким образом, в мнимом утверждении ирония может иметь дело с любой степенью признака, которая может не обязательно соответствовать степени признака утверждения истинного.

О типизированных значениях с ироническим компонентом

Возможно ли выделение определенных типов иронических значений, т.е. значений, которые довольно регулярно содержат иронический компонент? Существуют ли модели иронических переносов? Этот вопрос требует особого исследования. Здесь ограничусь лишь некоторыми наблюдениями.

На основе словарных данных, можно отметить особый вид переноса значений, работающий по модели: 'тот, кто обладает определенным положительным свойством' – 'тот, кто хочет казаться обладающим этим свойством' (ирон.): *умник, скромник, праведник, знаток*. Ср.: *умник* (разг.). 1. Умный человек, умница (во 2 знач.). 2. Человек, который умничает, старается выказать свой ум (ирон.); *знаток* – человек, обладающий большими знаниями в чем-нибудь, тонким пониманием чего-нибудь; о рассуждающем самоуверенно по поводу того, в чем мало сведущ, ирон. (Ожегов, Шведова, 1994). Значения этого типа отмечены в жаргоне: *агроном* – 'тот, кто хочет показать, что он умный', *профессор* – 'недоучившийся человек с претензиями на образованность'; *гений* – 'человек, слишком высоко себя ставящий, зазнайка'; *аполлон* – 'человек, считающий себя очень привлекательным', ср. также *шахматист* и др. (Елистратов, 1994).

Ироническое употребление функциональных имен в разговорной речи со значением 'человек, который мнит себя специалистом в какой-то области, не будучи таковым' (*пианист* – 'о человеке, который судит об игре на фортепьяно, едва соприкоснувшись с музыкальной грамотой', *искусствовед* – 'человек, рассуждающий о достоинствах разных художников, не разбираясь в живописи' и т.п.) мы уже отмечали (Ермакова, 1997).

Типизированной, очевидно, можно считать и модель переноса: 'нечто очень хорошее' – 'нечто очень плохое': *Прелесть, великолепие, чудо, перл, сокровище* и т.п.

У предикативов адъективного типа это соответственно: *прелестно, прекрасно, замечательно, мило, чудно, великолепно* и т.д.

Это употребление фиксируется словарями и представляет собою набор клише, список которых, как уже отмечалось, варьируется в разных сферах языка.

Компонент 'иронически' нередко сопутствует компоненту 'излишне', 'чрезмерно'. В литературном языке это отдельные слова, не составляющие типа: *смиренный, душещипательный* и др. В жаргоне – это формирующийся тип названий лиц, чрезмерно чем-то занятых: *ботаник* – 'тот, кто чрезмерно занят учебой'; *деятель* – 'чересчур активный человек'; *пахарь* – 'чрезмерно погруженный в работу' и др.

Типы вербализованной иронии в разных сферах языка

Ирония (в том числе и вербализованная) свойственна всем подсистемам русского языка, но в разной степени. Больше всего она характерна для литературного языка, хотя это нельзя утверждать категорически и прямолинейно. Ирония не чисто языковое явление, она в определенной степени обусловлена менталитетом, национальным характером, индивидуальным темпераментом и другими факторами. Склонность к иронии (большая или меньшая), по нашим наблюдениям, связана и с эмоциональностью, импульсивностью или спокойной раздумчивостью говорящих. Люди повышенно эмоциональные чаще всего к иронии не очень склонны.

Но при всех обстоятельствах и индивидуальных особенностях говорящих картина распространенности иронии в разных подсистемах литературного языка представляется мне такой (по убывающей):

1. Литературный язык.
2. Арго.
3. Жаргон.
4. Просторечие.

Менее всего, по нашим наблюдениям, ироническое употребление слов характерно для русского просторечия.

Обращает на себя внимание то, что в "Словаре русского языка" С.И.Ожегова–Н.Ю.Шведовой (М., 1994), который содержит большое количество просторечной лексики, не отмечено слов, сочетающих пометы прост. и ирон.

В просторечии почти не встречаются устойчивые иронические прозвища (как правило, это открытые характеристики), не наблюдается иронических метафор (см. Ермакова, 1996, с.130-144). Нам почти не приходилось встречать прозвища *малыш, крошка* о громадном человеке, большой женщине, *красавчик* об уроде, *умница* – о глупом и т.д. Ср. например, в другой языковой среде: Настоящего его имени никто не знал, и в здешних местах он был известен как *красавчик Смит*. Правда красивого в нем было мало, поэтому,

вероятно, и дали такое прозвище. Он был *на редкость уродлив* (Д.Лондон. Белый клык. Пер. Н.Волжиной).

В то же время нельзя утверждать, что ироническое употребление слов совсем не свойственно просторечию. Ср., например, довольно часто встречающиеся прилагательные *хороший* и *красивый* в значении 'пьяный', да и распространенное использование слова *деловой* для выражения негативной оценки возникло на основе иронической характеристики.

Если говорить о преобладании разных типов вербализованной иронии в разных сферах русского языка, то можно отметить следующее:

1. Во всех разновидностях языка встречаются иронические клише типа: *Прекрасно! Как мило! Весело! Замечательно! Молодец! Хорош! Как же! Сейчас!* и т.п. Лексический состав и количество таких выражений в каждой подсистеме языка свой.

2. Есть типы вербализованной иронии, которые свойственны преимущественно литературному языку: это ироническое употребление отрицательных характеристик. За пределами литературного языка, как правило, иронически используются оценочные слова со знаком плюс.

Естественно, что только в литературном языке есть иронизмы, представляющие собой стилистическую транспозицию: от высокого – к обыденному – *изрекать, вещать, восседать* и т.п.

Многие вопросы, поставленные в статье, безусловно требуют дальнейшего изучения, которое, возможно, покажет, что вербализованная ирония поддается и более строгой систематизации.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Замечу, что некоторые положительные признаки при указании на невысокую степень проявления могут восприниматься только иронически. Ср., например: *довольно честный, несколько совестливый, немножко добросовестный* и т.п. Или: *временами* он *был честным, иногда порядочным* и т.д. Ср.: Замечу лишь, что это был человек *даже совестливый* (то есть иногда), а потому часто грустил (Достоевский). В то же время указание на *высокую* степень признака вполне сочетается с этими характеристиками и в "прямом", и в ироническом контексте: Это *глубоко порядочный* человек, *удивительно честный, страшно добросовестный* и т.п.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. М. 1976.
Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М. 1966.
Елистратов В.С. Словарь московского арго. М. 1994.
Ермакова О.П. Вербализованная ирония в естественном диалоге // Русская разговорная речь как явление городской культуры. Екатеринбург. 1996.

Ермакова О.П. Об иронии и метафоре // Облик слова. Сборник статей памяти Дмитрия Николаевича Шмелева. М. 1997.
Малая советская энциклопедия. М. 1928-1931.
Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. М. 1994.
Советский энциклопедический словарь. М. 1980.
Толковый словарь русского языка // Д.Н.Ушаков – ред. М. 1935-1940.
Kerbat-Orecchioni C. Ironia jako trop//Pamiętnik Literacki LXXVII. z. 1. 1986.
Szczerbowski T. O grach językowych w tekstach polskiego i rosyjskiego kabaretu lat ośiemdziesiątych. Kraków. 1994.

А.Б. Пеньковский

ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИЕ ПОМЕТЫ СУБЪЕКТИВНОЙ ОЦЕНКИ ТЕРМИНОВ (К СООТНОШЕНИЮ ВНУТРЕННЕЙ ФОРМЫ И АКТУАЛЬНОГО ЗНАЧЕНИЯ)

Лингвистическая терминология (как и терминология других областей знания) представляет собой структурное единство, гетерогенные и гетерохронные составляющие которого – особенно в его основной, базовой, элементарно-фундаментальной части, освященной традицией и закрепленной временем и школьно-вузовской преподавательской практикой, – как правило, не привлекают к себе рефлектирующего внимания ни учащихся, ни учащих. Между тем многие единицы этой базы, пережившие эпоху, и научные школы, которые их породили, и оказавшиеся в иной, изменившейся общеязыковой системе, становятся – вследствие сохраняющейся ясности и прозрачности их внутренней формы – гипнотизирующим тормозом для развития научной мысли либо, что еще опаснее, дают ей ложное направление. В ряду таких терминов – общепринятые, общеупотребительные, общепризнанные и нигде, никем и никак не обсуждаемые и не комментируемые квалификаторы именных образований ("новых имен" (Болла и др., 1968; Грамматика-70; Грамматика-80; Грамматика-89) или же – в понимании большинства авторов – "форм" (Абакумов, 1942; Виноградов, 1947; Валгина, 1971; Аникина, Калинина, 1983; Буланин, 1976; Шанский, Тихонов, 1981 и др.), реже без определения их природы (Исаченко, 1954), с суффиксами так называемой "субъективной оценки".

1. При многочисленных частных расхождениях в их трактовке и описании, все грамматисты рассматривают эти образования, исходя

из выражаемых ими (ими как целыми или суффиксами в их составе; ср. также прямое отождествление "формы" и суффикса в (Валгина, 1971)), "к а т е г о р и й" (см., например, Шахматов, 1941; Абакумов, 1942; Трофимов, 1957), "з н а ч е н и й" (см., например, Богородицкий, 1935; Булаховский, 1952; Грамматика-70, и др.) или "о т т е н к о в з н а ч е н и я" (см., например, Аникина, Калинина, 1983; Голанов, 1962; Кононенко, 1978; Розенталь, 1976; Barnetova, 1979, и др.) "**уменьшительности**" (Умнш.) – "**увеличительности**" (Увлч.) / "**усилительности**" (Услт.), с одной стороны, "**ласкательности**" (Ласк.) – "**пренебрежительности**" (Прнбр.) / "**уничижительности**" (Унчж.), с другой, между членами которых разные авторы устанавливают различные отношения субординации, координации и связи:

1.1. "Ласк.–Умнш.", "Прнбр.–Умнш. / Увлч." (Аванесов, Сидоров, 1936, 1945).

1.2. "Умнш", "Ласк.", "Унчж.", "Увлч." (Розенталь, 1976) или "Умнш.", "Ласк.", "Увлч.", "Прнбр." (Голанов, 1962; Кононенко, Брицын, 1978).

1.3. "Умнш.", "Ласк.", "Умнш.–Ласк.", "Умнш.–Унчж.", "Увлч." (Грамматика-70) или "Умнш.–Ласк.", "Умнш.", "Ласк.", "Прнбр.", "Увлч." (Аникина, Калинина, 1975).

1.4. "Увлч.", "Умнш.", "Унчж." / "Прнбр.", "Ласк." (Богородицкий, 1935) или "Увлч.", "Умнш.", "Ласк.", "Прнбр." (Булаховский, 1952).

1.5. Если учесть также работы, которые вводят дополнительный критерий "п о л о ж и т е л ь н о й" – "о т р и ц а т е л ь н о й" о ц е н к и (см., например, Гвоздев, 1958 и особенно: Гужва, 1967) или о ц е н к и "о д о б р и т е л ь н о й" – "н е о д о б р и т е л ь н о й" (см., например, Попов, 1978), то станет ясно, насколько широк разброс предлагаемых классификационных решений, каждое из которых формулируется категорически-аподиктическим образом, без каких бы то ни было аргументов и обоснований, не говоря уже об обращении к опыту предшественников и анализе иных точек зрения.

2. Несомненно, однако, что ни одна из такого рода классификаций не удовлетворяет элементарным требованиям целостности, системности, согласованности и непротиворечивости ее элементов и, имея в виду синтетическую "категорию субъективной оценки", не объясняет и даже не задается вопросом, что это за категория (В.А.Трофимов без всякого обоснования включает в нее и формы степеней сравнения (Трофимов, 1957)) и откуда она берется. При этом следует учесть, что:

2.1. Принимаемая всеми "**Ласкательность**", б у д у ч и несомненно категорией с у б ъ е к т и в н о й, очевидно, н е я в л я е т с я

"оценкой", так как представляет собой лишь "экспрессивное отношение", складывающееся на базе определенной оценки. Ср.: "Ласкательный. 3. Выражающий ласку, вносящий своей формой оттенок ласки. *Ласкательные формы существительных*" при "Ласка. 1. Проявление нежности, любви. <...> 2. Доброжелательное, приветливое обращение, отношение" (БАС, 6, с.69 – разрядка моя. *А.П.*). То же, в (МАС, 1986, II, с.165).

2.2. В то же время находящиеся в центре всех указанных выше и других подобных классификаций "**Уменьшительность**" – "**Увеличительность**", выражая количественную оценку, не несут в себе ничего субъективного, поскольку – если исходить из живых словообразовательных связей этих терминов в современной языковой системе – за ними стоят совершенно объективные физические действия по глаголам *уменьшить/уменьшать – увеличить/увеличивать*: "1. (с-)делать меньше/больше по величине, объему, количеству"; "2. (с-)делать меньшим/большим по степени, силе, интенсивности" (МАС, 1986, IV, с.490, 449).

2.3. Таким образом, в сфере "субъективной оценки" остаются только "Прнбр." и "Унчж.", которые действительно оценивают, и притом субъективно.

3. Базой этой субъективности являются не реальные физические, а идеальные – ментальные – действия: не уменьшение и увеличение, а умаление (преуменьшение) и преувеличение, т.е. действия по глаголам *умалить/умалять* (*преуменьшить/преуменьшать*) – *преувеличить/преувеличивать* "представить/представлять что-либо (роль, значение, смысл, ценность) в меньших/больших (чрезмерно уменьшенных / увеличенных) по сравнению с действительностью размерах". Это именно те ментальные действия, которые лежат в основе особого – тимиологического – ранжирования элементов универсума по степени их важности, ценности и значительности (Пеньковский, 1995) и как раз и формируют такие, по слову Ницше, "человеческие, слишком человеческие" типы отношений к человеку и миру, как пренебрежение (презрение) и уничижение (не смешивать с унижением!). И это – не отрицательная оценка, а обесценение!

4. Таким образом, общепринятая "**Уменьшительность**" губительно скрывает и не позволяет различать объективное физическое "уменьшение" и субъективное ментальное "умаление", как равным образом общепринятая "**Увеличительность**" скрывает и не позволяет различать объективное физическое "увеличение" и субъективное

ментальное "преувеличение". В старом литературном языке начала – середины XIX в., где "физическое" и "ментальное", как и во многих других случаях, в семантической структуре этих слов совмещались, ситуация была принципиально иной, двузначность этих терминов была открытой и опасности не представляла.

Дело в том, что в эту эпоху *уменьшить* (по Далю, – *уменьшить* (IV, с.492) / *уменьшать* и *умалить* (по Далю, – *умалить* (IV, с.490) / *умалять* (по Далю, также *умаливать* (IV, с.490)) функционировали как свободные дублеты. "*Умалительныя* называются также уменьшительными", – читаем мы в старой русской грамматике 1783-1788 г. (Барсов, 1981). Глагол же *преуменьшить* / *преуменьшать*, по-видимому, вообще еще не использовался. Во всяком случае Даль его не знает, а иллюстрации БАС (11, с.310) ограничены цитатами из Макаренко и Чаковского. В то же время *увеличивать* значило и 'увеличивать' (по Далю, "прибавлять, умножать количество, пространство, объем, время или качество; заставить расти, возрастать; удлинять, расширять; возвышать, усиливать; распространять" (IV, с.461)), и 'преувеличивать' (по Далю, "преувеличивать, говорить лишнее" (IV, с.461)). И это второе значение, вопреки анахроничной трактовке БАС, не было "переносным", как характеризуются приводимые в качестве иллюстрации словоупотребления "*увеличивать*" у Гоголя ("Старухе, продававшей бублики, почудился сатана в образе свиньи. К этому присоединились еще *увеличенные вести* о чуде, виденном волостным писарем" – "Сорочинская ярмарка", 7) и – запоздало! – у Чехова ("У него азартная страсть ко всякого рода талантам, и каждый талант он видит не иначе, как только *в увеличенном виде*" – Письмо А.Н.Плещееву. 2 янв. 1889 г.) (БАС, 16, с.106).

В цитате из Чехова – это не переносное, а устаревшее уже и для его времени употребление (поэтому оно вполне оправданно не фиксируется ни в словаре Ушакова, ни в МАС), – употребление, которое было, однако, общей нормой в литературном языке начала – первой трети XIX в., когда – это необходимо повторить и подчеркнуть – физические и ментальные значения в огромном числе случаев еще не разграничивались и входили в общую широкую семантику слова, не дифференцировавшую и многие другие категориальные значения, актуальные для лексико-грамматической семантики современного русского языка.

Не разграничивать их сегодня, исходя из норм пушкинской эпохи, – значит искажать реальную картину современного языкового состояния. Именно такова, например, ситуация в БАС, где *уменьшать*–

уменьшить толкуется как "Делать меньшим по величине, объему, количеству", а в качестве п е р в о й (и притом "беспометной"!) иллюстрации получает цитату из Грановского: "Число жертв Варфоломеевской ночи различно показывается. Католики *уменьшают* его, протестанты *увеличивают*" (БАС, 16, с.587), за которой в непрерывном ряду следуют примеры из Л.Толстого ("Долли с детьми переехала в деревню, *чтобы уменьшить сколько возможно расходы*") и Н.Морозова ("Я, не прибавляя, *не уменьшая шага,* продолжал свой путь..."). Ср. словоупотребление, аналогичное приведенному выше из Грановского, в письме А.В.Суворова В.С.Попову осенью 1789 г. Испрашивая награды для участников битвы под Фокшанами, он писал: "Не забудьте моих Фокшанских; и ведомо все зависит от милости князь Григорья Александровича <Потемкина>, как и я сам. Я, право, не *увеличил*; разве *уменьшил*: басурманы считают их урон одних убитых 4000..." (Русский архив, 1901. Кн.4. Вып.10, с.120). То же в дневниковой записи А.И.Тургенева по поводу известных строк Пушкина о Н.И.Тургеневе в строфе из уничтоженной 10-й главы "Евгения Онегина" ("Одну Россию в мире видя, / Преследуя свой идеал, / Хромой Тургенев им внимал / И, плети рабства ненавидя, / Предвидел в сей толпе дворян / Освободителей крестьян..."): "Поэт угадал, одну мысль брат имел, одно и видел, но и *поэт увеличил: где брат видел эту толпу? пять, шесть — и только!*" (цит. по: Максимов, 1974, с.123).

Приписывать же такого рода ментальным употреблениям п е р е н о с н о с т ь – значит безнадежно искажать реальную картину языка пушкинских десятилетий и совершенно неоправданно у в е л и ч и в а т ь – 'преувеличивать' степень и уровень его метафоричности и образности (см. об этом также: Пеньковский, 1983, 1988, 1991). Ср. хотя бы немногие примеры из множества интересующих нас словоупотреблений:

"Как же чан проплыл 15 верст с двумя человеками невредимо, когда разбило тою же бурею корабли линейные? Провидение! Но здесь *любят все увеличивать*, и почему не полагать то, что утешительнее для сердца?" (А.Я.Булгаков – К.Я.Булгакову, 11 декабря 1824 г. // Русский архив, 1901. Кн.2. Вып.5, с.91); "Что же касается прочих слухов, то верьте, что они большею частию совершенно ложны или, по крайней мере, *увеличены*..." (Л.С.Пушкин – П.А.Вяземскому, янв. 1825 г. // П.П.Вяземский. А.С.Пушкин : 1816-1825 : по документам Остафьевского архива. – СПб., 1880. с.67); "...всякая весть о посещениях ваших к ним <сестрам автора> была мне в заключении истинным утешением и новым доказательством дружбы вашей, в которой я, впрочем, столько уже уверен, сколько в собственной

нескончаемой привязанности моей к вам. – Эти слова между нами не должны *казаться сильными и увеличенными* – мы не на них основали нашу связь..." (И.И.Пущин – Е.А.Энгельгардту, 14 декабря 1827 г.); "Дай Бог князю П.<етру> М.<ихайловичу> столько звезд, сколько их (сказать на тебе, было бы *черезчур увеличено*), но столько, сколько их в большой Медведице" (А.Я.Булгаков – К.Я.Булгакову, 5 апреля 1828 г. // Русский архив, 1901. Кн.4. Вып.10. с.140); "История о французе и первой жене его <имеется в виду легенда о Л.А.Пушкине, деде А.С.Пушкина, который рассказал об этом в своих "Записках", опубликованных в апреле 1840 г. и вызвавших возражение С.Л.Пушкина> *много увеличена*. Отец мой никогда не вешал никого..." (С.Л.Пушкин. Письмо в редакцию // Современник, 1840. Т.19. с.102-106).

Одно важное замечание в заключение.

Категориальная пара "ментальное – физическое", о которой говорилось выше в связи с операциями "умаления–уменьшения" и "преувеличения–увеличения", до сих пор не привлекала сколько-нибудь серьезного внимания исследователей. Между тем ей принадлежит одно из центральных мест в семантической системе современного русского языка и важнейшая роль в ее историческом и продолжающемся развитии. Становление этой категориальной пары объясняет и эволюцию многих целостных лексико-семантических звеньев (ср. историю мощного синонимического ряда наречий "тайного" действия, восстановленную в работе: Пеньковский, 1983), и, следовательно, семантическую историю множества отдельных языковых единиц. При этом важно различать два типа "ментальных" действий: намеренные, контролируемые "ментальные" действия субъекта над объектами материального и/или идеального мира и неконтролируемые действия-процессы, объективно происходящие в ментальной сфере субъекта. Это позволяет понять, почему глагол *умалить / умалять*, полностью утратив "физическое" значение 'уменьшать, сокращать величину, количество и т.п. чего-либо' (ср.: "...не нарушила Дарья Сергеевна строгого поста, *не умалила теплых молитв* перед Господом..." Мельников-Печерский. На горах) и функционируя, как и следует ожидать, преимущественно в собственно "ментальном" значении (ср.: "...Бородинское сражение произошло совсем не так, как (стараясь скрыть ошибки наших военачальников и вследствие того *умаляя славу* русского войска и народа) описывают его". Л.Толстой. Война и мир), лишь пережиточно сохраняет второе – "объективное", "уменьшительное", не "умалитель-

ное"! – "ментальное" значение 'ослаблять' (ср.: "Леля снова говорила шепотом те нежные, ласковые слова, какие, она знала, *умаляют боль* и придают силу ослабевшим людям". Кожевников. Рассказ о любви), которое несомненно нужно признать устаревающим или даже устаревшим. Соответственно, глагол *умножить,-ся / умножать,-ся*, полностью утратив свободу "ментальных" употреблений с значением 'усиливать,-ся' (ср.: "...в каждом из наслаждений был яд, и после каждого нового успеха *умножалось его страдание*". В.Ф.Одоевский. Русские ночи, 7) (оно закрепилось лишь в обороте "*умножить / умножать славу*"), сохранил свое "физическое" значение 'увеличивать количество чего-либо' (ср.: "умственный труд есть <...> сила, производящая, т.е. *умножающая народное богатство*". В.Ф.Одоевский. Русские ночи, 5; "...не упустить случая *умножить свою коллекцию*". Гоголь. Портрет, 2), выделив его специализированный – ментальный вариант 'производить математическую операцию умножения'.

ЛИТЕРАТУРА

Абакумов С.И. Современный русский литературный язык. М. 1942.
Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Русский язык. М. 1936.
Аванесов Р.И., Сидоров В.Н. Очерк грамматики русского литературного языка. Ч.I. Фонетика и морфология. М. 1945.
Апикина А.Б., Калинина И.К. Современный русский язык. Морфология. М. 1983.
Барсов А.А. Российская грамматика Антона Алексеевича Барсова. М. 1981.
БАС (Словарь современного русского литературного языка в 17 тт.). М.-Л. 1950-1965.
Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики (из университетских чтений). Изд. 5-е. М.-Л. 1935.
Болла К., Палл Э., Папп Ф. Курс современного русского языка. Budapest. 1968.
Буланин Л.Л. Трудные вопросы морфологии. М. 1976.
Булаховский Л.Л. Курс русского литературного языка. Т.I. Изд. 5-е. Киев. 1952.
Валгина Н.С., Розенталь Д.Э., Фомина М.И., Цапукевич В.В. Современный русский язык. Изд. 4-е. М. 1971.
Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М. 1947.
Гвоздев А.Н. Современный русский литературный язык. Ч.I. Фонетика и морфология. М. 1958.
Голанов И. Г. Морфология современного русского языка. М. 1962.
Грамматика-70. (Грамматика современного русского литературного языка). Шведова Н.Ю. – отв. ред. М. 1970.
Грамматика-80.(Русская грамматика. Т. I). Шведова Н.Ю. – гл. ред. М. 1980.
Грамматика-89. (Краткая русская грамматика) Шведова Н.Ю. и Лопатин В.В. – ред. М. 1989.
Гужва Ф.К. Современный русский литературный язык (Словообразование. Морфология). Киев. 1967.
Гужва Ф.К. Современный русский литературный язык. Ч.2. Морфология. Синтаксис. Пунктуация. Киев. 1979.

Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка в 4-х тт. М. 1989.
Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким. Братислава. 1954.
Кононенко В.И., Брицын М.А. Русский язык. Киев. 1978.
Максимов М. По страницам дневников и писем А.И.Тургенева // Прометей. Т.10. М. 1974.
МАС (Словарь русского языка в 4 тт.). М. 1981-1984.
Пеньковский А.Б. Из наблюдений над развитием и становлением лексико-семантических норм в одном синонимическом ряду наречий // Норма в лексике и фразеологии. М. 1983.
Пеньковский А.Б. О развитии норм адвербиального словоупотребления в русском языке (наречия *бережно* и *осторожно*) // Sbornik pedagogickû fakulty. Usty-nad-Labem. Praha. 1988.
Пеньковский А.Б. Сдвиг норм наречного словоупотребления как исследовательская база для изучения грамматической и коннотативной семантики русского слова // Русский язык и современность. Проблемы и перспективы развития русистики. Всесоюзная научная конференция. Москва, 20-23 мая 1991 г. Доклады. Ч.2. М. 1991.
Пеньковский А.Б. Типологические оценки и их выражение в целях уклоняющегося от истины умаления значимости // Логический анализ языка: Истина и истинность в культуре и языке. М. 1995.
Попов Р.Н. Современный русский язык. М. 1978.
Розенталь Д.Э. Современный русский язык. Ч.1. Лексика. Фонетика. Словообразование. Морфология. Изд. 2. М. 1976.
Трофимов В.А. Современный русский литературный язык. Морфология. Л. 1957.
Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык. Ч.II. Словообразование. Морфология. М. 1981.
Шахматов А.А. Очерк современного русского литературного языка. М. 1941.
Barnetová V. et al. Русская Грамматика. I. Akademia. Praha. 1979.

Г.Е. Крейдлин

ТОН – ПОНЯТИЕ И СЛОВО (ЯЗЫК И ПАРАЯЗЫК)

Один из центральных вопросов, поставленный Г.О.Винокуром в работе "Об изучении языка литературных произведений", – это "в каких именно фактах языка может проявляться и угадываться психология человека вообще и писателя в частности?". "Ясно, – пишет ученый, – что ответ на него невозможен без опоры на фундаментальное различие между фактами, которые образуют систему языка, ... и фактами, которые характеризуют частные акты речи, в процессе которых указанная система приходит в действие". К последним, по мнению Г.О.Винокура, относятся не только лексические, но также

различные тональные и интонационные моменты речи. Чуть позже, переходя непосредственно к анализу особенностей языка писателя, ученый заключает, что в той мере, в какой интонационные характеристики речи поддаются наблюдению, они "действительно могут дать исследователю возможность проникать в душевное состояние писателя, угадать его настроение, почувствовать, с печалью или радостью он говорит свое слово, и т. д.". Очевидно, заключает ученый, что тональные и интонационные элементы, равно как и лексические, могут находиться в самых разных соотношениях с прямым смыслом текста.

Слово *тон*, о котором в основном пойдет речь в настоящей работе, относится к тем средствам языка, которые всегда интересовали замечательного ученого, а именно к "единицам, которые позволяют заглянуть – через них – в обуславливающий их душевный мир человека". Это слово напрямую связано с интонационными моментами речи, оно чрезвычайно многозначно и семантически нагружено, а его смысловая структура весьма специфична – достаточно сказать, что она совмещает в себе противоположные элементы, о чем еще будет идти речь дальше.

В сущности, слово *тон* представляет собой своеобразный языковой оператор, который не только переводит один речевой акт в другой, но и одни чувства в другие. Это специфический канал передачи эмоциональных ощущений и отношений от одного лица к другому в ходе диалога. Спокойный и уверенный тон человека, например, врача, может вполне благотворно действовать на пациента, несмотря на тревожную информацию. Напротив, нотки беспокойства, услышанные в голосе, часто приводят к тому, что высказывание, которое изначально было задумано говорящим как сообщение, абсолютно нейтральное по смыслу, начинает вызывать у адресата неуютные чувства и ощущения. И тот интерпретирует высказывание как предупреждение, совет или угрозу, то есть как все, что угодно, но только не как простое информирующее сообщение. Вопреки изначальному намерению говорящего и нейтральному смыслу сказанного, собеседнику, как говорят в таких случаях, *передались опасение, тревога* или *озабоченность*.

Слово *тон* и многие его лексические аналоги – слова *звук, звучание, голос, оркестровка, аккорд, палитра, мелодия, тональность, интонация, нюанс* и др. – сегодня существенно пополняют набор художественных, в частности, музыкальных, метафор языка. Мы встречаем в текстах такие устойчивые сочетания, как *музыка жизни; палитра звуков; оркестровка текста* (Ю.Лотман); *голос из хора* (А.Синявский); *нотки*

грусти; мелодии детства (В.Артемов); *музыка как молитва* (Х.Борхес); *мир как симфония* (Новалис); *музыка жизни; любовь как аккорд эоловой арфы; лебединая песня* и десятки других. Все эти музыкальные метафоры вполне соотносимы с устойчивой метафорой речи как музыки.

Тон, однако, объединяет не только музыку и речь. Мелодия и слово перекликаются с самыми разными явлениями человеческого бытия. Символически переосмысленные, слова музыкального и речевого рядов постоянно приобретают эстетические и этические значения и употребления, выходя за пределы тех областей, которые были призваны первоначально обслуживать. Вот лишь один пример. Если стилистика в музыке в значительной мере обусловлена кадансами, понимаемыми как ритмические последовательности музыкальных тонов (Л.Мазель), если стилистика стиха тоже во многом определяется имеющимися в нем кадансами, о чем писали В.Шаламов, М.Гаспаров и О.Ронен, то Вас.Розанов уже прямо говорит о кадансах характера как формирующих облик человека.

Тоны и *звуки, аккорды* и *кадансы, гаммы* и *палитры,* обретая новые смыслы, начинают выступать одновременно и как составляющие моделей языка и речи, и как компоненты моделей художественного творчества, и как единицы моделей житейского поступка, образа мысли, да и самой жизни в целом. Так, лексема *тон1* – одно из "эстетических" значений слова – обозначает 'отдельно взятый звук, цвет, оттенок, штрих или нюанс', точнее, 'мельчайшую единицу соответствующего художественного пространства'; ср. *Сера ограничил свою палитру четырьмя основными цветами и промежуточными тонами*; или *В его музыке только два тона – светлый и темный.*

В этих примерах *тон* мыслится как элемент, онтологически предшествующий тексту, то есть как "порождающая единица". Но слово *тон* может быть осмыслено и как некая сущность, представляющая текст в целом, то есть как "единица результирующая". В этом своем втором "эстетическом" значении *тон2* обозначает 'целостное свойство художественного произведения (то есть сам цвет, звук и т. п.), выражающее эмоциональное настроение от его восприятия'. Слово *тон* в этом значении эстетически нагружено – в том смысле, что передает всю сумму эстетических впечатлений, полученных человеком от художественного текста, ср. *Произведения Брамса в исполнении Рихтера поражали светлыми тонами.*

Лексему *тон2* можно часто встретить в тексте с прилагательными *общий* или *главенствующий*, подчеркивающими смыслы 'уникальности', 'исключительности', 'целостности', 'важности'; ср. *Эмоциональный тонус слушателей в конечном счете определяется*

главенствующим в данный момент тоном произведения (М.Юдина); *Рахманинов был способен передать один-единственный общий тон, пробуждающий чувства и приводящий в состояние экстаза* (Ю.Нагибин).

В книге "Эстетика немецких романтиков" Ф.Рунге отмечает, что (далее цит. по книге: Махов, 1993) "хорошее живописное полотно должно обладать тоном как высшим качеством, а Ф.Шлегель последовательно различал *тон* как "неопределенное" цельное единство качеств художественного текста и *дух* как "определенное" единство. Согласно системе романтического сознания всякий сложно организованный объект вообще, независимо от своей природы, является носителем некоего Grundton-a, основного тона, к которому сводятся и из которого выводятся все остальные тона".

Представляется, однако, что различие по смыслу между полусвободными сочетаниями *тон произведения* и *дух произведения* связано не с собственно противопоставлением 'неопределенности'/ 'определенности'. Хотя оба сочетания выражают идею суммарности, обозначая квинтэссенцию качеств эстетического текста, и не передают каких-то конкретных его свойств, слово *тон* относится скорее к поверхностному оформлению произведения, к используемым в нем приемам выразительности; оно в большей мере ориентировано на план выражения и связано непосредственно с адресатом произведения. Сочетание же *дух произведения* отражает глубинные, внутренние свойства текста: оно отстоит дальше от человека и относится больше к содержанию и теме произведения, чем к их поверхностному воплощению: *дух произведения* как бы отвечает на вопрос о том, что самое важное в произведении, тогда как *тон произведения* говорит о том, как это главное выражено и как воздействует на адресата.

Подобное различие укоренилось в целом ряде других русских языковых единиц, причем относящихся не только к художественному, но и к обыденному сознанию. *Прочувствовать какое-то произведение* или *ощутить его дух,* обычно высокозначимый, а иногда даже отмеченный знаком сакральности, означает не просто провести интеллектуальную работу по осмыслению произведения, но и испытать при встрече с произведением определенный комплекс чувств и прийти в определенное настроение. Эта идея выражается по-русски словами *ощутить дух* произведения (или, как говорили в этом случае символисты, его *звучание*). *Тон* же, по необыкновенно меткому замечанию Б.Пастернака, – это "материализация в звуке настроения произведения" (Б.Пастернак. Замечания к переводам из Шекспира).

Для слова *тон* характерны регулярные переносы по модели 'характеристика художественного произведения' – 'стиль произведения

или творчества в целом' – 'манера поведения или стиль жизни'. Вполне интерпретируемыми тем самым оказываются устойчивые выражения *тон музыки, тон творчества, тон стихов*, где выступает лексема *тон3* 'стиль произведения или художественного творчества', а также *тон чувств, тон души или тон жизни с* лексемой *тон4* 'стиль жизни или манера жизненного поведения'. Ср. *Обрести тон жизни значило для нее обрести свое лицо* (М.Цветаева); *У каждой души есть основной тон, а у голоса – основная интонация* (М.Волошин). Лексему *тон4* можно усматривать и в таких фразеологизованных сочетаниях, как *дурной тон* или *правила хорошего тона,* а также в приводимых ниже предложениях (слегка, правда, возвышенных, устаревших или стилизованных под таковые): *В ней сохранился тот же тон, Был так же тих ее поклон* (А.Пушкин); *Тон его прозы был прямым продолжением тона его жизни* (П.Вайль и А.Генис); *В таком тоне она прожила чуть ли не всю жизнь* (А.Цветаева).

Тон может символизироваться и несколько иначе, приобретая смысл 'стихийной первоосновы жизни' (лексема *тон5*). Эта идея тянет за собой целый пласт культурных смыслов – 'хаоса', 'экстаза', 'катарсиса', а отдельные употребления соответствующей лексемы *тон5* приобретают дополнительные (и потому слабые) смысловые признаки, такие как 'неповторимость', 'неисчерпаемость' и 'уникальность'. Ср. *религиозный тон творчества* (А.Солженицын), *основной тон православия* (Е.Князев), *тон народа* (М.Мамардашвили). Говоря о живописных фразах Сислея, Бертен сравнивал *вибрации тона* с *вибрациями души* (см. об этом: Махов, 1993).

Семиотизация и символизация понятия тона проявляются, таким образом, в том, что оно становится не только высшей эстетической, но и высшей этической и моральной ценностью, становясь в один ряд с концептами душа, судьба и жизнь.

В заключение остановимся на наиболее важных речевых значениях слова *тон*.

В одном из своих речевых значений *тон* обозначает конкретное свойство звучащего в момент речи голоса, а именно, 'силу или высоту его актуального звучания' (лексема *тон6*), ср. *Она всегда говорит с ним на высоких тонах; Говоря о ней, он несколько понизил тон.* Таким образом, вопреки бытующему мнению о том, что *голос* и *тон* – это синонимы с разной сочетаемостью, мы не считаем их таковыми.

Вообще, тон не есть свойство человека и не есть постоянный признак голоса как такового: плохо сказать **У него сильный тон*, **Он всегда говорит громким тоном* (при нормальном *Он всегда говорит громким голосом*) и столь же плохо **Его голос имеет высокий тон*. Тон

специфицирует, причем не сам по себе, а именно своими признаками особенности актуально звучащего голоса. Допустимо *Она говорила с ней ровным тоном* и нельзя **Она говорила тоном.* В подобных контекстах при слове *тон* должен обязательно быть синтаксически выраженный зависимый член, например, в форме существительного в родительном падеже – родительном метафорическом или сравнения: *Она говорила с ним тоном знатока (прокурора; человека, много испытавшего на своем веку).* Кроме того, синтаксически зависимыми при слове *тон* могут быть разнообразные прилагательные (*говорить оптимистичным; умоляющим, заискивающим; ироничным; просительным; особым* и др. *тоном)* и даже целые предложения: *Она говорила с ним таким тоном, каким никогда раньше не разговаривала.* Отдельные признаки тона передают обобщенно-типические характеристики говорящего, и мы различаем *административный, директорский, командирский* и другие социальные тоны.

Физические параметры звучания голоса, даже будучи взятые в так сказать "чистом" виде, как мы видим, обычно соотносятся с определенными эмоциями, реляционными и поведенческими элементами. Слово *тон* в рассмотренных выше примерах имеет другое, гораздо более употребительное, чем первое, речевое значение, а именно 'способ выражения звучащим голосом чувств говорящего, его отношения к адресату или к предмету речи'. Таким образом, *тон* (лексема *тон7*) обозначает тут не инструмент, как можно было бы думать, а манеру речи, способ говорения.

В атрибутивных сочетаниях *злой, раздраженный, нервный, возбужденный тон* выражено чувство говорящего; в *ласковый, нежный, насмешливый, властный, предательский тон* – отношение к адресату речи, а в *деловой, философский, полемичный или рассудительный тон* – отношение к предмету речи (и, возможно, синкретично к собеседнику). Атрибутивные сочетания *ледяной, холодный и теплый тон* характеризуют эмоциональную температуру диалога, но, как кажется, несколько по-разному. *Ледяной и теплый тон* передают отношение к собеседнику, тогда как *холодный тон* больше говорит о чувствах самого говорящего и о его актуальном эмоциональном состоянии.

Переносным к описанному значению слова является значение *тона как* 'стиля речи' (*тон8*), весьма близкое к "культурному" *тону3* 'стиль, манера письма, творчества'. Именно в этом значении употреблял слово *тон* Г.О.Винокур по отношению к литературному стилю писателя или когда вел разговор о стилеобразующей функции языка.

Точно так же употребляют сегодня это слово и многие современные нам литературоведы, в частности, исследователи творчества

И.Бабеля. Последние отмечают важную для писателя роль тона как особого средства, несущего конструктивную нагрузку в организации фразы. Эстетика синтаксиса текста у Бабеля создается, по их мнению, тоном повествования и авторской интонацией.

А вот еще один пример. С.Аверинцев в статье "Спор мысли с самой собою", характеризуя прозу Вяч.Иванова, пишет следующее: "Философская, эстетико-критическая и ученая проза Вяч.Иванова уникальна по своей непреклонной "выдержанности", то есть тщательно соблюдаемой однородности редкостной лексики, ритма и тона". Очевидно, что слово *тон* в этом контексте выступает как обозначение индивидуального авторского стиля, как языковое свидетельство человеческой психики или, говоря словами Г.О.Винокура, "душевных привычек и склонностей писателя".

This work was supported by the Research Support Scheme of the OSI/HESP, grant No.: 177/1996.

ЛИТЕРАТУРА

Махов А.Е. Ранний романтизм в поисках музыки. Слух. Воображение. Духовный быт. М. 1993.

Р.И. Розина

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ И ЯЗЫКОВЫЕ ПРАВИЛА ПОРОЖДЕНИЯ ЗНАЧЕНИЙ: ГЛАГОЛЫ ДВИЖЕНИЯ ВНИЗ

Есть много свидетельств тому, что для слов, принадлежащих в своих основных значениях одному и тому же тематическому классу, характерна регулярная многозначность. Например, известно, что параметрические прилагательные, описывающие температуру, в своих производных значениях характеризуют эмоциональную сферу и поведение, ср. *холодный, теплый, горячий (чайник – человек / прием)*; глаголы обработки и деформации имеют производные значения создания (*варить картошку – суп; бурить землю – скважину*) (Апресян, 1995, с.205-206) и т.д. Е.В.Падучева высказывает предположение о том, что тематические классы слов имеют свои парадигмы регулярной многозначности – наборы значений, которые в принципе допустимы для любого слова данного класса (Падучева, 1998). Более сильное

предположение, сделанное Е.В.Падучевой, состоит в том, что эти значения выводимы по определенным правилам друг из друга, причем правила вывода имеют общий характер, т.е. действуют и за пределами данного класса. Парадигма регулярной многозначности глаголов является обобщением понятия категориальной парадигмы (Падучева, Розина, 1993), о категориальной парадигме глаголов полного охвата и (Розина, 1998) о категориальной парадигме глаголов обладания. Парадигма регулярной многозначности глаголов звучания описана в работе (Падучева, 1998).

Хотя в современной лингвистике понятие тематического класса получило лингвистическое определение[1], по своему происхождению деление слов на тематические классы не имеет лингвистической основы: оно отражает классификацию человеком вещей и ситуаций реального мира[2]. Слова одного тематического класса обозначают одну денотативную ситуацию или область, которая концептуализуется человеком – например, *движение*, *разрушение*, *создание* (ситуации); или *посуда*, *постройки*, *транспорт* (области). Естественно поэтому предположить, что если для слов одного тематического класса характерна регулярная многозначность, в ее основе лежит связь между денотативными ситуациями (вернее, их концептуализациями) – той, которая представлена основными значениями, и какими-то другими[3]. Иными словами, в основе регулярной полисемии лежат ***концептуальные структуры***, связывающие в сознании человека различные денотативные ситуации. В качестве примера такой концептуальной структуры можно привести отношение между движением и звуком. Из повседневного опыта известно, что движение обычно сопровождается звуком, появляющимся в результате трения частей движущегося предмета друг об друга и о поверхность, по которой он перемещается. Возникшая на основе этого опыта концептуальная структура находит выражение в языке – в том, что целый ряд глаголов, в своих основных значениях описывающих движение, в производных значениях описывает перемещение звука, например:

1. Он стоял, ...выплевывая косточки, которые *долетали* до меня. (Пушкин)
2. До слуха *долетел* дробный, стрекочущий и приближающийся конский топот и труба, что-то коротко и весело прокричавшая. (Булгаков)
3. Через несколько секунд денежный дождь, все густея, *достиг* кресел. (Булгаков)
4. Рокот прибоя достиг его слуха (МАС).

В то же время некоторые глаголы звучания в качестве производных имеют значения движения, например:

5. Мимо *просвистела* пуля.
6. Редко, очень редко какой-нибудь помещик ... *тарабанит* по мостовой в какой-то бричке или полубричке. (Гоголь, МАС)

Возможность отражения концептуальных структур словом обеспечивается языковыми правилами, по которым осуществляется переход от одного значения слова к другому. Потенциально каждое слово одного и того же тематического класса – претендент на реализацию всех концептуальных структур, в которых участвует денотативная ситуация, лежащая в основе класса, но особенности индивидуальной семантики слова могут накладывать ограничения на действие правил и редуцировать его полисемический потенциал.

Таким образом, задача, поставленная Е.В.Падучевой, может быть переформулирована следующим образом: необходимо вывести концептуальные структуры, задающие парадигму регулярной многозначности слов каждого тематического класса, составить инвентарь языковых правил, действующих на этих концептуальных структурах, и выявить и объяснить ограничения на их действие. Первая часть этой задачи решается разбиением всех значений слова на тематические классы; вторая и третья – сопоставлением толкований отдельных значений на предмет выявления правил порождения одного значения из другого.

Цель данной статьи – решить фрагмент этой задачи на материале глаголов движения вниз (*сойти*, *сбежать*, *слететь* и т.п.). В рамках такого большого и развитого тематического класса, как движение, глаголы движения вниз представляют отдельный подкласс.

В парадигму регулярной многозначности рассматриваемых глаголов входят производные значения, принадлежащие иным, чем ДВИЖЕНИЕ[4], тематическим классам – классу ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ и классу СУЩЕСТВОВАНИЯ, ср., например, различные значения глагола *сойти* в примерах 7–9:

7. Когда она *сошла с места* (=прекратила находиться в месте), рой мух со злобным гудением слетел с ее спины.
8. Потом ее обогнали другие лошади, и она сама *сошла с круга.* (прекратила бежать по кругу, т.е. прекратила функционировать).
9. А когда *сошел* снег (прекратил существовать), детдом повезли в эвакуацию на Большую землю.

Ниже каждый из переходов – от значения движения вниз к значению функционирования и от значения движения вниз к значению существования – будет рассмотрен отдельно.

1. Движение вниз – функционирование

Так же, как все глаголы движения, глаголы движения вниз имеют динамический характер, и поэтому как у их основных, так и у их производных значений есть фазовые приращения 'начать' и 'прекратить'. В качестве основного, рассматриваемые глаголы могут иметь значение 'переместившись вниз каким-либо способом, прекратить находиться в Месте-Исходной точке и начать находиться в Месте-Конечной точке', например:

10. Мука эта продолжалась до начала первого часа, даже когда Никанор Иванович просто *сбежал* из своей квартиры в помещение управления у ворот. (Булгаков)

В своих производных значениях, относящихся к классу ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ, эти глаголы могут обозначать как прекращение, так и начало функционирования (в широком смысле – участия в какой-либо деятельности), ср. *сбежать из школы / с уроков*, *(лошадь) сошла с круга* 'прекратила участвовать в бегах', *сойти с автобуса* 'прекратить перемещаться на транспорте', *сойти со сцены* 'прекратить исполняться (о пьесе)' или 'прекратить выступать (об актере)', *сойти с экрана* 'прекратить демонстрироваться (о фильме)'; *сбежать в кино / на концерт*. Семантика прекращения деятельности ярко выражена в устаревшем значении глагола *сойти* 'оставить место работы', ср.:

11. *Кучер сошел у нас*, отошел, отказал нам (Даль); Лукерья сейчас объявила, что жить у меня не станет и, как похоронят барыню, – *сойдет*. (Достоевский, МАС);

и в разговорном значении *слететь* 'лишиться должности (обычно высокой)':

12. Вместе с ними *слетел* Шепилов – "и примкнувший к ним".

На чем основывается связь между движением вниз и функционированием? Денотативная ситуация движения вниз предполагает таких участников, как Субъект движения, Исходная точка, Конечная точка, Путь, по которому осуществляется движение, и Наблюдатель, относительно которого ориентировано движение, ср. *сбежал вниз* (по отношению к Наблюдателю, находящемуся в Исходной точке) и *сбежал к нам* (по отношению к Наблюдателю, находящемуся в Конечной точке). В ходе движения вниз Субъект прекращает находиться

в Исходной точке движения, одновременно исчезнув из поля зрения Наблюдателя, если тот расположен в ней, и начинает находиться в Конечной точке, появившись в поле зрения Наблюдателя, если он находится там. Благодаря одному из своих компонентов – пребыванию Субъекта движения где-либо до начала движения или после его завершения – ситуация движения вниз оказывается включенной в концептуальную структуру, связывающую движение вниз и функционирование. Связь местонахождения и деятельности представляется прозрачной – человек находится где-то для того, чтобы заниматься чем-то, даже если это занятие – бездействие.

Глаголы движения вниз – не единственный тематический класс русских глаголов, отражающих эту связь. Концептуальная структура, связывающая местопребывание и деятельность, записана во многих глаголах русского языка, прежде всего в бытийных. В частности она отражается в наличии у глагола *быть* и у целого ряда синонимичных ему глаголов (*навещать, посещать, забегать, заглядывать* и др.) как значения перемены местоположения, так и значения функционирования – 'Человек А переместился в <на> Х и находился там для занятий какой-л. деятельностью'[5], ср. разные значения *быть* в примерах 13–14 и *посетить* в примерах 15–16:

13. Я *была* в Лондоне два раза.
14. Врач сегодня уже *был*.
15. Вновь я *посетил* Тот уголок земли, Где я провел Изгнанником два года незаметных. (Пушкин)
16. Врач обещал еще раз *посетить* больную вечером.

Рассмотрим, как происходит переход от значения смены местоположения к значению функционирования.

В толкованиях основных значений глаголов движения вниз компонент 'Х начал / прекратил заниматься какой-либо деятельностью' отсутствует, ср. толкование *сойти* в 17:

17. Он *сошел* вниз и ходил по оврагу, ноги его по колено были мокры и холодны от росы, на плечи с ольшаника и черемухи густо лила холодная утренняя роса.

a – до t<МН Х был в Месте-Начальной точке <през>
b – в t<МН Х совершил действие: переместился из Места в направлении Конечной точки <асс>
c – Х находится в Месте-Конечной точке
d – в МН Х нет в Месте-Начальной точке

Однако, при наличии подходящего контекста, этот компонент легко появляется, ср. 18, где становится понятным, что Субъект движения спустился вниз для того, чтобы заниматься ловлей рыбы:

18. На этот раз не успел он закинуть, как потянуло, и сильно, и Чижегов, чтобы не сорвалось, *сошел* в воду и, чертыхаясь, проваливаясь по колено и выше, повел вдоль берега.

Можно предположить, что в основном значении рассматриваемых глаголов компонент 'Х начал / прекратил заниматься какой-либо деятельностью' является слабым, прагматическим – это речевая импликатура, возникающая из контекста.

В толкованиях производных значений данных глаголов ей соответствует компонент 'Сб начал (прекратил) заниматься деятельностью, типичной для данного Места', имеющий ранг обязательной импликатуры, ср. толкование для *сойти* в 19:

19. Поздней осенью в середине дня с рейсового "Икаруса", ходящего от железнодорожной станции до Нового города, *сошел* молодой мужчина.

a – до t<МН Х был в Месте-Исходной точке <през>
b – Х участвовал в деятельности, типичной для данного Места: ехал
c – в t<МН Х совершил действие: переместился из Места <асс>
d – в МН Х нет в Месте-Исходной точке
e – Х прекратил участвовать в деятельности, типичной для данного Места <импликатура>

Таким образом, суть перехода от значения перемены местоположения к значению прекращения или начала функционирования состоит в том, что слабый прагматический компонент – речевая импликатура – втягивается в значение слова, повышаясь до ранга обязательного.

Это преобразование не может происходить само по себе. Оно обеспечивается изменением характера актантов – сужением их таксономической категории: в роли Места выступают либо названия мест, которые однозначно связаны с какой-либо деятельностью (в *кино* смотрят фильмы, в *школе* учатся и т.п.), либо названия мероприятий, типичных для этих мест, ср. 20 и 21:

20. А прежде *на вечерах она сбегала*, как только начинались танцы (т.е. сбегала с вечеров)
21. К доске не вызывали, не надо было каждый день уроки учить, да и *с лекций сбегать* проще простого (корп.)

Точно так же осуществляется переход от значения перемены местоположения к значению функционирования при образовании производных значений у бытийных глаголов: название Места становится более специализированным или же заменяется на название мероприятия, ср. *был в театре / на спектакле*, тем самым обеспечивая

обязательность импликатуры 'тем самым участвовал в деятельности: смотрел пьесу'.

Предположение о том, что правилом перехода от основного значения к производному может быть повышение статуса прагматического компонента, подтверждается данными диахронических исследований. Как показывает Э.Трауготт, анализируя развитие полисемии английского временного союза *so long as*, база для семантического изменения возникает тогда, когда какая-либо речевая импликатура начинает регулярно индуцироваться избыточным контекстом, приобретает значимость для речевого сообщества и делается конвенциональной (Traugott, 1998).

Роль импликатуры ("следствия", "возможного последствия", "импликации") при образовании производных значений, сопровождающемся меной тематического класса, рассматривается в работах (Кустова, 1995) и (Падучева, 1998). Интересно, однако, что при преобразованиях, рассматриваемых в работе Е.В.Падучевой, компоненты обязательно обмениваются коммуникативными статусами – при переводе возможного следствия на уровень ассерции, ассерция уходит в фон, например:

22. Банка *треснула* =
    Экспозиция – X был целый
    произошло нечто
    это вызвало
    Новое состояние – в X-е имеется разлом <центр>
    возможное последствие – X издал звук: треск <периферия>
23. Что-то *треснуло* в овраге – это медведь =
    произошло нечто
    возможно – разлом X-а
    это вызвало
    Последствие – X издал звук: треск <центр> (Падучева, 1998, с.35-36).

Анализ глаголов движения позволяет предположить, что есть и другие возможности: для образования нового значения, принадлежащего другому тематическому классу, достаточно, как показывают примеры 20 и 21, просто перевода слабого прагматического компонента на уровень обязательного, не влекущего за собой вытеснение ассерции в фон.

2. Движение вниз – существование

Производные значения существования, которые регулярно появляются у глаголов движения вниз наряду со значениями функцио-

нирования, также имеют инцептивные и финитивные приращения, вследствие чего глаголы могут значить 'прекратить существовать', как в примерах 24–26, и 'начать существовать', как в примере 27:

24. А когда *сошел* снег (=прекратил существовать), детдом повезли в эвакуацию на Большую землю.
25. Она села на сено, спиной к солнцу, и почувствовала, что успокаивается, что краснота с лица *сходит*, что теперь все хорошо.
26. Так любил ходить в лес, что весь менялся, вся сонная лень одним махом *слетала* с него.
27. Корабль *сошел* со стапелей / автомобиль *сошел* с конвейера (=начал существовать).

Рассмотрим, на чем основана связь между движением вниз и началом или прекращением существования. Два компонента ситуации движения вниз – начало/прекращение пребывания в каком-либо месте и появление в поле зрения Наблюдателя/исчезновение из него могут быть частью более общей ситуации начала/прекращения существования в мире. Такое же отношение, но без динамического компонента начала /конца существования фиксируют бытийные глаголы, ср.: "Основным и в некотором смысле единственно принципиальным различием между предложениями, говорящими о существовании во фрагменте мира и предложениями, говорящими о существовании в мире (в целом), является различие в "объеме" области бытия, достигающем в последнем случае своего максимума" (Шатуновский, 1996, с.152). Однако, в отличие от связи между существованием в фрагменте мира и существованием в мире вообще, связь между началом/прекращением пребывания в каком-либо месте и началом/прекращением существования в мире является асимметричной: начало/прекращение существования обязательно предполагает начало/прекращение пребывания где-либо, между тем обратное неверно. В предложении

28. Но прошло и десять минут, а его нету. Радость охватила филиальцев – *сбежал*. (Булгаков)

сбежать имеет значение 'перестать находиться в зоне говорящего', но не имеет значения 'перестать существовать'; в то же время в предложении

29. ...связанный мгновенно рухнул наземь, как будто ему подрубили ноги, захлебнулся воздухом, краска *сбежала* с его лица и глаза обессмыслились. (Булгаков)

сбежать, безусловно, имеет и значение 'перестать находиться в зоне говорящего' и 'перестать существовать вообще'. Поэтому правильнее

считать, что начало/прекращение пребывания где-либо не часть, а знак начала/прекращения существования вообще. Такое же отношение существует между другим компонентом ситуации движения вниз – появлением чего-либо в поле зрения наблюдателя/удалением из него – и началом/прекращением существования. Появление физического предмета в поле зрения наблюдателя может свидетельствовать о возникновении этого предмета в мире, как показывает пример 30:

30. Вновь *появившаяся* морщина еще глубже вырезалась на лбу. (Толстой)

но это не обязательно. В примере 31 тот же глагол значит 'появился в поле зрения', но не значит 'начал существовать':

31. Небольшая их [морских коньков] стайка *появилась* среди водорослей. (Катаев, МАС)

а иногда однозначная интерпретация вообще невозможна, ср.

32. На горизонте *появились* небольшие тучки, которые начали быстро расти.

где неясно, идет речь о появлении в поле зрения в результате перемещения или в результате начала существования[6].

Смена местоположения и появление в поле зрения наблюдателя/удаление из него в реальной жизни сопутствуют друг другу, а иногда вообще плохо различимы. Это демонстрирует, в частности, пример 33, где иногда неясно, идет речь о перемещении какой-либо реальной сущности или же только о появлении в поле зрения/удалении из него какого-либо внешне воспринимаемого признака, ср.:

33. Паруня подняла голову и какое-то время смотрела сквозь меня без испуга и досады, лишь улыбка медленно *сходила* с ее ярких от земляники губ.

Отсюда общая связь между сменой местоположения, появлением в поле зрения Наблюдателя и существованием в мире.

Попытаемся теперь проанализировать языковые правила, обеспечивающие возможность перехода от значения смены местоположения к значению существования.

Толкование *сойти* в 34:

34. Никонову, искупавшемуся утром в речке, когда с воды еще не *сошел* туман...

a – до t X находился в Месте-Начальной точке: <през> покрывал Место

b – в t<МН шел процесс с X-ом: количество X на поверхности Места уменьшалось

c – в МН X не находится в Месте <acc>

d – X не существует

Компонент с данного толкования совпадает с компонентом d в толковании *сойти* в 17. Компонент b заменяет компонент 'Сб действовал' как следствие изменения участников ситуации: в роли синтаксического Субъекта выступают различные массы, неспособные к целенаправленному контролируемому движению. Неясно, однако, происхождение компонента d – он не соответствует ни одному из компонентов (обязательных или необязательных) толкования *сойти* в его основном значении. Остается предположить, что это новый компонент. Это противоречит распространенному мнению о том, что образование новых значений всегда идет по линии выветривания исходного значения, но, как кажется, согласуется с тем, что в реальности можно найти и другие случаи появления новых компонентов в производных значениях слова. Таковы, например, различные оценочные компоненты производных метафорических значений – ср. толкования *заткнуть* в основном 35 и производном 36 значениях:

35. *Пуаро заткнул бутылку пробкой* =
a – X действовал: давил на Z и на стенки Прохода Y-а
b – шел процесс с Z-ом: Z перемещался в Проходе; количество Z-а в Проходе увеличивалось
c – это вызвало
d – результат: Z находится в Проходе в таком количестве, что поперечник Прохода полностью заполнен Z. Стенки Прохода сжимают Z
e – тем самым существует Преграда для продвижения через Проход (Проход не функционирует)

36. Толпа быстро *заткнула оратору рот* хохотом и свистом.
a – экспозиция: Y действовал: говорил
b – в t< МН X совершил действие: произвел Z
c – это вызвало
d – как бы существует препятствие для продвижения речи через рот Y-а; Y не функционирует
e – Говорящий считает: Y-у нанесен ущерб

Чем обеспечивается появление нового компонента 'X не существует' в толковании *сойти*? Как кажется, его источник – общее знание об устройстве мира. О центральных участниках ситуаций, описываемых данными глаголами в значении начала/прекращения существования – различных естественных массах и внешне воспринимаемых признаках – известно, что они не могут существовать отдельно от какой-либо поверхности. Именно способность существовать отдельно от своего обладателя делала улыбку Чеширского Кота такой необыкновенной. Поэтому утверждение о том, что в момент

наблюдения их нет на поверхности, на которой они были до него, без указания на то, на какой поверхности они находятся, интерпретируется как утверждение о прекращении их существования. Ср. два разных значения *слинять*, модели управления которых различаются присутствием актанта Место-Конечная точка, а толкования – наличием компонента 'X не существует':

37. Джинсы постирали в горячей воде, и с них *слиняла* краска.

38. Краска *слиняла* с джинсов на рубашку.

Таким образом, новый компонент *сойти* в значении существования – это вывод (inference), который делается по отношению к ситуации, представленной остальными компонентами толкования, причем его появление – результат изменения таксономического класса Субъектного актанта.

Механизм появления вывода в толковании сходен с механизмом интерпретации метафорического высказывания: когда расходятся фоновые знания слушающего и условия истинности предложения, слушающий понимает, что буквальное значение предложения нелепо и переходит к его метафорической интерпретации, см. об этом, например, (Серль, 1990). Точно так же, когда есть несоответствие между фоновыми знаниями и ситуацией, которую в совокупности моделируют актанты и компоненты толкования, возникает необходимость переинтерпретации толкования, и эту функцию выполняет "выводной" компонент.

3. Один из запретов на действие языковых механизмов

В рассматриваемый подкласс глаголов движения входит глагол *спрыгнуть*, у которого есть значение прекращения функционирования (*спрыгнул с поезда*), но нет значения прекращения существования. Что мешает данному глаголу развивать это производное значения с помощью тех же правил, которые обеспечивают его у других глаголов рассматриваемой группы?

Необходимое условие появления такого значения, как указывалось, – замена таксономического класса Субъекта предложения. В значении прекращения существования субъектным актантом глагола должны быть, вместо названий живых существ, различные названия природных масс и внешне воспринимаемых признаков. Для *спрыгнуть* это условие выполнить невозможно, потому что *спрыгнуть* описывает действие, предполагающее исходный толчок, создаваемый энергией самого Субъекта движения, т.е. то, к чему неспособны естественные массы и тем более внешние признаки.

* * *

Итак, были обнаружены две концептуальных структуры, лежащие в основе регулярной многозначности ряда русских глаголов, и два правила преобразования значений – повышение речевой импликатуры до уровня компонента значения слова и приписывание нового компонента значения – вывода. Эти преобразования значений сопровождались актантными преобразованиями: в первом случае сужением таксономической категории актанта, а во втором – ее сменой. Возникает соблазн предположить, что определенные типы преобразования компонентов значения и типы актантных преобразований сцеплены, но проверка этого предположения на других тематических классах – задача другой работы.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 97-04-06-358а) и ИНТАС (грант INTAS-97-0085).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Ср.: "Семантическое поле определяется нами как 'множество лексических единиц, общим для которых является эксплицитно формулируемый нетривиальный семантический компонент'(Mel'chuk, 1988, p.170)" (Faber, 1998, p.13).

[2] Ср. данное Д.Н.Шмелевым определение тематических классов ("тематических группировок") слов как групп слов, выделяемых на основании предметно-логической общности (Шмелев, 1973, с.103).

[3] В основе регулярной полисемии слов одного тематического класса может быть также связь между двумя разными концептуализациями одной денотативной ситуации, ср.: *Я наполнил ведро водой – Вода наполнила ведро*. В этом случае производное значение является результатом диатетического сдвига (Падучева, 1998) и принадлежит тому же тематическому классу, что и производящее. Такой тип регулярной многозначности в данной работе рассматриваться не будет.

[4] Здесь и далее названия тематических классов выделяются большими буквами.

[5] Толкование, синонимы и пример 14 приводятся по (Апресян, 1995, с.522).

[6] На невозможность различения в ряде случаев начала существования и появления чего-либо в поле зрения указывает Е.В.Падучева в работе (Падучева, 1997).

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Лексикографический портрет глагола ВЫЙТИ // Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка. М. 1990.

Апресян Ю.Д. Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*) // Интегральное описание языка и системная лексикография. М. 1995.

Кустова Г.И. Импликативный потенциал значения и семантическая производность // Диалог-1995.

Падучева Е.В. Родительный Субъекта в отрицательных предложениях: синтаксис или семантика // Вопросы языкознания. 1997. №2.

Падучева Е.В. О парадигме регулярной многозначности (на примере глаголов звука) // НТИ. Сер.2. 1998. №4.

Падучева Е.В., Розина Р.И. Семантический класс глаголов полного охвата: толкование и лексико-синтаксические свойства // Вопросы языкознания. 1993. №6.

Розина Р.И. ДАРЮ (релевантный семантический класс глаголов обладания) // Лики языка. М. 1998.
Серль Дж. Метафора // Теория метафоры. М. 1990.
Шатуновский И.Б. Семантика предложения и нереферентные слова. М. 1996.
Шмелев Д.Н. Проблема семантического анализа лексики. М. 1973.
Faber P. Translation competence and language awareness // Language awareness. 1998. Vol.7, №1.
Mel'chuk I. Semantic description of lexical units in an explanatory combinatorial dictionary: Basic principles and heuristic criteria // International journal of lexicography. 1988. №1.
Traugott E.C. The role of pragmatics in semantic change. Plenary lecture at the 6th International pragmatics conference. Reims, 19-24 July, 1998.

О.Ю. Богуславская

ПРОСТРАНСТВО И ПЕРЕМЕЩЕНИЕ[1]

Идея перемещения играет важную роль в семантике русских пространственных наречий и прилагательных. В некоторых случаях она входит непосредственно в толкование лексических единиц этой группы. В других случаях в контексте глаголов перемещения проявляются специфические свойства тех или иных пространственных слов.

В статье будут рассмотрены три проблемы, возникающие при описании семантики пространственных наречий и прилагательных и требующие обращения к идее перемещения. В пункте 1 рассматривается связь перемещения и структуры полисемии пространственных наречий. В пункте 2 рассматриваются особенности употребления наречий *далеко 1.2, близко 1.2, недалеко 1.2* и *вдаль* в контексте глаголов перемещения. Наконец, пункт 3 посвящен противопоставлению динамики и статики у некоторых пространственных прилагательных.

Замечание. В этой работе в целом ряде случаев приводятся толкования отдельных лексических единиц или лексических групп. Используется тот вид толкований, который принят в Новом объяснительном словаре синонимов русского языка (Апресян и др., 1995, 1997). В (Апресян, 1995, с.61-66) подробно изложены принципы этого вида толкований. Здесь важно отметить, что метаязык толкований – подъязык русского языка, и что хотя в конечном счете толкование должно сводиться к синтаксической формуле, содержащей только семантические примитивы, реальные толкования строятся из более крупных блоков. Толкования являются для нас важным семантическим инструментом, с по-

мощью которого, в частности, выделяются лексикографические типы.

1. Тип значения и структура полисемии

С точки зрения структуры толкований неместоименные пространственные наречия делятся на четыре основных группы. Перечислим эти группы, обращая внимание на многозначные наречия, попадающие – в разных значениях – в разные группы.

1.1. *Где*-наречия: *далеко 1.1*[2], *вдали, вдалеке, в отдалении, поодаль; близко 1.1, недалеко 1.1, поблизости, неподалеку, вблизи, невдалеке* 'на большом/небольшом расстоянии от какого-то объекта или от наблюдателя'.[3] Ср. *Я кружу, как подбитый эсминец / Далеко от родных берегов* (А.Галич, Старый принц); *Он жил в Цоссене, под Берлином, недалеко от кладбища, в доме какого-то гробовщика* (В.Ходасевич, Андрей Белый).

Особую подгруппу внутри *где*-наречий образуют наречия *внутри, изнутри1, вовне 1* и *снаружи 1.1*, толкование которых имеет совершенно иную структуру, в частности, в него входит идея замкнутого пространства и ничего не говорится о величине расстояния, разделяющего ориентируемый объект и пространственный ориентир; ср. *Внутри было темно; Изнутри торчал ключ* (А.Чехов, Шведская спичка); *Чудовищ – Белый на самом деле носил в себе, но инстинкт самосохранения заставил его отыскивать их вовне, чтобы на них сваливать вину за свои самые темные помыслы, вожделения, импульсы* (В.Ходасевич, Андрей Белый); *Снаружи мягко взвыли винты* (А. и Б.Стругацкие, Трудно быть богом).[4]

Идея перемещения несущественна для наречий этого типа.

1.2. *Куда*-наречия: *далеко 1.2, вдаль, близко 1.2, недалеко 1.2* 'на большое/небольшое расстояние от какого-то объекта или от наблюдателя'. Ср. *Лодка уплыла далеко в море; Корабль не смог подойти близко к берегу; Метели уже не было, все было спокойно, и уже далеко видно вдоль улиц, пахло и снегом, и из пекарен* (И.Бунин, Чистый Понедельник); *Прозрачные русалки – замахали Маргарите водорослями, и над пустынным зеленоватым берегом простонали далеко слышные их приветствия* (М.Булгаков, Мастер и Маргарита); *Зина сидела, положив подбородок на кулачок, и смотрела вдаль, на реку, залитую солнцем, и тихие лесистые берега* (В.Аксенов, Катапульта).

К этой группе примыкают также наречия *внутрь 1, вовнутрь 1, наружу 1* и *вовне 2*, толкования которых имеют иную структуру, в частности, в них входит идея замкнутого пространства и ничего не

говорится о величине расстояния, разделяющего ориентируемый объект и пространственный ориентир. Ср. *Иван Петрович обежал забор и от широких, распахнутых сейчас настежь ворот медленно пошел внутрь двора, осматриваясь, что происходит* (В.Распутин, Пожар); *Я заглянул внутрь чемоданчика: все ли там на месте?* (Вен. Ерофеев, Москва – Петушки); *Он начал рвать за ручку выходную дверь, в страхе не соображая, куда она открывается – наружу или вовнутрь* (М.Булгаков, Мастер и Маргарита); *Целую зиму не выходил он из дома, не выглядывал наружу, и ему все интересно* (Ю.Гончаров, Поживите еще, старики); *Вверху было тяжелое темное небо, внизу черная вода, а в глубине ленты как будто что-то происходило, назревало, рвалось вовне, стреляло искрами* (Ю.Домбровский, Факультет ненужных вещей).

Идея перемещения непосредственно в толкование *куда*-наречий не входит. В вершине толкования помещается предлог *на* + ВИН, заведомо не являющийся семантическим примитивом. Предлог является удобным крупным семантическим блоком, с помощью которого удается, как кажется, построить толкование, семантически прозрачное и психологически приемлемое. В соответствии с заявленными принципами нужно быть готовыми эксплицировать значение этого блока, сведя его к семантическим примитивам. К сожалению мы не располагаем полными толкованиями значений этого многозначного предлога. Описание его семантики должно быть предметом особой работы. Но уже на основании описаний, предлагаемых в Словаре русского языка (1988), можно утверждать, что идея перемещения входит в состав толкований тех значений предлога *на*, которые имеются в виду в предлагаемой нами формулировке, в составе дизъюнкции типа 'перемещая, перемещаясь или воспринимая'.

1.3. *Откуда*-наречия: *издали, издалека* 'из области пространства, находящейся на большом расстоянии от наблюдателя'; ср. *Мы уходим далеко, мы пришли издалека* (Н.Матвеева, Альпинисты); *И вижу: мне издали кивают ангелы – и отлетают от меня как обещали* (Вен.Ерофеев, Москва – Петушки); *Вера Ивановна идет к Минаеву и еще издали слышит его срывающийся крик* (Ю.Нагибин, Дети лепят из снега); *Она встала и пошла навстречу прозрачным людям, издалека делая им успокаивающие жесты* (В.Пелевин, Бубен верхнего мира); *Встревоженный голос издалека казался очень радостным и глухим: – Откройте немедленно огонь по урочищу* (М.Булгаков, Белая гвардия).

Среди *откуда*-наречий, как и среди наречий первых двух групп, выделяются в особую подгруппу наречия, содержащие в толковании идею замкнутого пространства и не указывающие на величину расстояния, разделяющего ориентируемый объект и пространствен-

ный ориентир, *снаружи 2.1, извне* и *изнутри 2*. Ср. *Он открыл глаза, но ничего не увидел – беспросветная тьма наполняла палатку, и снаружи не проникало ни лучика* (А.Кабаков, Сочинитель); *Княгине казалось, что она приносит с собой извне точно такое же утешение, как луч или птичка* (А.Чехов, Княгиня); *И это еще причина, почему трудно извне судить о духовной жизни Православия* (Н.Бердяев, Истина Православия); *Он развернул пакет, причем изнутри выпала карточка какой-то женщины* (М.Булгаков, Белая гвардия).

Откуда-наречия в некоторых отношениях сближаются с *куда*-наречиями. Идея перемещения, как и в предыдущем случае, не входит непосредственно в предлагаемое толкование. В вершине толкования помещается предлог *из*, заведомо не являющийся семантическим примитивом. Не располагая полными толкованиями значений этого многозначного предлога, можем утверждать на основании описаний, предлагаемых в Словаре русского языка (1988), что идея перемещения входит в состав толкований основных значений предлога *из* в качестве одного из членов дизъюнкции.

1.4. Для четвертой группы пространственных наречий нам не удалось подобрать такого удобного ярлыка, как для первых трех групп.

В наиболее авторитетном толковом Словаре русского языка (1988) у наречий *близко, далеко* и *недалеко* в особое значение выделяются употребления этих наречий в качестве сказуемого. Приводятся следующие примеры

(1а) *Поселок близко*

(1б) *До поселка близко*

(2а) *Далеко ты от меня, далеко, и не видишь ты наверняка – в красных листьях горная дорога, в белой пене горная река* (О.Шестинский, Письма к женщине)

(2б) *Я устал. А до дому еще так далеко* (Н.Огарев, Зимняя ночь)

(3а) *Ведь речка отсюда недалеко?* (А.Арбузов, Годы странствий)

(3б) *До города недалеко*

Усматривать особое значение во всех примерах, где *близко* и *далеко* занимают предикативную позицию, не представляется оправданным. Возможность употребления в предикативной позиции – синтаксический факт, сам по себе не свидетельствующий об изменении семантики лексемы. Легко видеть, что для примеров 1а, 2а и 3а хорошо подходит толкование, предлагаемое для *где*-наречий. Усматривать здесь особое значение нецелесообразно, в этих примерах представлены лексемы *далеко 1.1, близко 1.1* и *недалеко 1.1*.

Иначе обстоит дело с примерами 1б, 2б и 3б: форма толкования, предлагаемая для *где*-наречий 'на большом/небольшом расстоянии

от какого-то объекта или от наблюдателя' не годится для этих случаев. Можно предложить толкование типа следующего: 'расстояние от какого-либо объекта или от наблюдателя велико/невелико' (*До дома отсюда близко <далеко, недалеко>*). Этого, однако, недостаточно. Рассмотрим несколько типичных примеров:

(4) *И так как было слишком далеко от левого фланга, чтоб успеть самому приехать вовремя, князь Багратион послал туда Жеркова* (Л.Толстой, Война и мир).

(5) *Царица небесная, как далеко еще до Петушков!* (Вен.Ерофеев, Москва – Петушки).

(6) *Пойдем, пожалуй, сейчас, по берегу недалеко* (Ю.Домбровский, Факультет ненужных вещей).

(7) *Лошадь не быстро, но торопливо побежала своей дорогой – ей оставалось бежать три-четыре километра, недалеко, и она догадывалась об этом* (С.Залыгин, Санный путь).

(8) *Посылать к Щербацким (за рубашкой) было далеко* (Л.Толстой, Анна Каренина).

(9) *Оттуда до вокзала оказалось совсем близко* (В.Набоков, Хват).

(10) *Здесь <тут, этой дорогой> ближе <дальше>*

Все эти примеры уместны тогда, когда предполагается, что кто-то перемещается или предполагает перемещаться от одного объекта до другого. Предложенная выше форма – ассертивная часть толкования, а идея перемещения должна быть отражена в пресуппозиции. Это подтверждает и тест на отрицание: в примере 12, являющемся естественным отрицанием примера 11, идея перемещения не исчезает.

(11) *До вокзала совсем близко*

(12) *Неправда, что до вокзала совсем близко*

До города далеко <близко, недалеко> естественно сказать, если туда кто-то намеревается ехать или ездить. Если же этой идеи нет, а описываются, скажем, проявления города, его влияние на место, где находится наблюдатель, естественнее употребить локативное наречие в предикативной позиции: *Город близко, поэтому когда ветер дует с востока, дышится тяжелее.*

Итак, используя семантические аргументы (подставимость или неподставимость толкования), мы несколько иным способом, чем в Словаре (1988), выделили пространственные значения трех основных пространственных наречий. Наречия *далеко 1.3, близко 1.3* и *недалеко 1.3* составляют четвертую группу пространственных наречий, противопоставленную первым трем по структуре толкования.

Кроме семантических различий хотелось бы найти и формальные различия между наречиями первой группы, *близко 1.1, далеко1.1* и

недалеко 1.1 и рассмотренными только что наречиями *далеко 1.3, близко 1.3* и *недалеко 1.3*. Когда имеешь дело с такими инертными словами, как наречия, это довольно трудно. Удалось отметить, тем не менее, следующие две особенности, отчасти связанные между собой.

а) Наречия *далеко 1.1, близко 1.1* и *недалеко 1.1* плохо совмещаются с идеей пути, маршрута. Ср. неприемлемое 13 и совершенно нормальное 14:

(13) **Дом по берегу совсем недалеко*

(14) *По берегу до дома совсем недалеко*

б) С выбором пути связано и второе отличие, касающееся только вокабул *близко* и *далеко*. У наречий первой группы, *близко 1.1* и *далеко 1.1*, имеются ограничения на употребление сравнительной степени. Приемлемы примеры типа 15, но не примеры типа 16:

(15) *Палатка ближе <дальше>, чем магазин*

(16) ** Магазин ближе <*дальше>.*

Для наречий третьей группы, *близко 1.3* и *далеко 1.3* возможны оба типа употребления.

(17) *До магазина ближе <дальше>, чем до палатки*

(18) *До магазина здесь ближе <дальше>*

2. Направление перемещения

Обратимся к второй группе наречий, *куда*-наречиям.

2.1. *Близко 1.2., недалеко 1.2, далеко 1.2.* Для наречий *близко 1.2, далеко 1.2* и *недалеко 1.2* типичен динамический контекст, когда в фокусе внимания находится указание на изменение расстояния между про-странственным ориентиром и ориентируемым объектом, причем ори-ентир является целью перемещения или исходной точкой перемещения.

При этом наречия *далеко 1.2* и *недалеко 1.2* употребляются в том случае, когда ориентируемый объект у д а л я е т с я от пространственного ориентира; ср. 19 и 20, а также неприемлемое 21:

(19) *В пути были уже три дня, но недалеко отъехали от Москвы* (Б.Пастернак, Доктор Живаго)

(20) *Мы отъехали уже довольно далеко, когда он вспомнил, что не взял ключи от дачи*

(21) **Мы подъехали далеко <*недалеко> к Москве*

Наречие *близко 1.2*, напротив, употребляется только тогда, когда расстояние у м е н ь ш а е т с я :

(22) *Подъехали близко к городу.*

2.2. *Далеко 1.2, вдаль.* Е.С.Яковлева отмечает в работе (Яковлева, 1994, с.29-32), что наречия *вдали* и *вдалеке,* в отличие от *далеко*[5], применимы только при описании объектов, расположенных на одной горизонтальной поверхности с наблюдателем. Можно добавить к этому, что *вдали* и *вдалеке* описывают пространство п е р е д наблюдателем, в то время как *далеко 1.1* может употребляться в конструкции с наречиями и предложно-именными группами типа *слева, сзади, в вышине, внизу, в стороне от дороги,* уточняющими положение ориентируемого объекта. Аналогичное противопоставление имеется и у *куда*-наречий *вдаль* и *далеко1.2: вдаль* описывает пространство перед наблюдателем, а *далеко 1.2,* как и *далеко 1.1* может описывать разные части пространства.

(23) (*Най-Турс*) *все чаще и чаще поворачивал туловище, стараясь далеко заглянуть во фланги, и даже по его лицу было видно, что он нетерпеливо ждет посланных юнкеров* (М.Булгаков, Белая гвардия).

В силу этого ограничения в контексте глаголов перемещения *вдаль,* в отличие от *далеко 1.2,* однозначно задает н а п р а в л е н и е перемещения о т наблюдателя к горизонту; ср. 24:

(24) *Окурок шлепнулся в воду, погас и поплыл покачиваясь вдаль; ручей водопадиком обрушивался с тротуара на мостовую, и когда картонная гильза перевалилась через бетонный бордюр, Наташа потеряла ее из виду* (В.Пелевин, Жизнь насекомых).

Между тем *далеко 1.2* уместно и тогда, когда указан пространственный ориентир, по направлению к которому происходит перемещение:

(25) *Мяч отлетел далеко к оврагу.*

И еще одно противопоставление наречий *вдаль* и *далеко 1.2.* Для наречия *вдаль* характерны сочетания с глаголами перемещения типа *уходить, бежать, убегать, скользить, тянуться,* используемыми для описания статичных объектов, когда идея перемещения привносится наблюдателем, скользящим взглядом по ним:

(26) *Когда отгребли последний снег, буграми оставшийся между расчищенными пролетами, открылся весь насквозь и стал виден ровный, стрелою вдаль разлетевшийся рельсовый путь* (Б.Пастернак, Доктор Живаго)

(27) *При всем своем сиротстве, / поэзия основана на сходстве / бегущих вдаль однообразных дней* (И.Бродский, Стихи на смерть Т.С.Элиота).

Для *далеко 1.2* эти сочетания возможны, но менее типичны:

(28) *Перед ним расстилалась далеко уходящая блестящая колея.*

3. Динамика и статика в значении прилагательных

У прилагательного *близкий 1.1* имеются неожиданные ограничения на сочетаемость с физическими объектами. В большинстве случаев прилагательное *близкий* указывает на то, что нечто п р о и с х о д и т на небольшом расстоянии от наблюдателя:

(29) *Допоздна при свете близкого пожара маскировали подруги остроконечье Инженерного замка* (Е.Воробьев, Небо в блокаде)

Употребление этого прилагательного для характеристики ф и з и ч е с к и х о б ъ е к т о в также возможно, но подчиняется определенным ограничениям. С одной стороны, как отмечает Е.С.Яковлева в работе (Яковлева, 1994. с.56), в этом случае предпочтителен контекст глаголов, указывающих на непосредственное перцептивное проявление объекта; ср. 30 и не вполне приемлемое 31:

(30) *Сверкал на солнце близкий купол храма*

(31) *?Перед нами был близкий купол храма*

В такого рода "запрещенных" контекстах на месте *близкий 1.1* выступает его синоним *ближний 1*:

(32) *Художник с дочкой собирались уезжать, и по этому поводу было решено посетить ресторан в ближнем курортном городке* (М.Ганина, Желтый берег)

Кроме того, использование превосходной степени прилагательного также делает сочетания прилагательного *близкий* с физическими объектами вполне допустимыми; ср. 33 и 34:

(33) *Детский сад "Ласточка" был самый близкий, одна остановка троллейбусом, а можно и пешком* (Ю.Трифонов, В грибную осень)

(34) *Он (Садовский) не может самостоятельно передвигаться, и круг его прогулок в кресле на колесах ограничивается ближайшими кладбищенскими аллейками* (Русская мысль, 19.02.97).

Подобные ограничения имеются и для прилагательного *недалекий 1*. Это прилагательное применительно к физическим объектам употребляется редко, а немногие имеющиеся в нашем распоряжении примеры из художественной литературы воспринимаются как устаревшие; ср. приемлемое 35 и несколько устаревшее 36:

(35) *Гул пьяных голосов заглушил громозвучный раскат недалекого взрыва* (Б.Пастернак, Доктор Живаго)

(36) *?К ней, из недалекой деревушки, часто приходят два уже дряблых старичка – муж с женою* (И.Тургенев, Отцы и дети)

В последнем примере в современном языке естественнее было бы употребить синоним *ближний 1*.

Однако, если прилагательные *недалекий 1* или *близкий 1.1* характеризуют объект, приближающийся к наблюдателю вследствие п е р е м е щ е н и я этого объекта или наблюдателя, ограничения на сочетаемость этих прилагательных с физическими объектами снимаются:

(37) *Наконец мы выбрались из оврага и увидели уже недалекий <совсем близкий> лес.*

Почти противоположные ограничения существенны для двух других синонимов из ряда с доминантой *близкий 1.1*, прилагательных *близлежащий* и *окрестный*. Они могут характеризовать только стационарные объекты

(38) *Ее папа был когда-то спортсменом и кумиром трех близлежащих улиц* (В.Аксенов, Папа, сложи)

(39) *Расплескалася в улочках окрестных / та мелодия, а поющих нет* (Б.Окуджава, Счастливый жребий).

Правда, для прилагательного *окрестный* возможно также метонимическое употребление для характеристики людей или животных, живущих в окрестных населенных пунктах.

(40) *Но я вышел поздно, когда лес прочесали толпы окрестных грибников, и, не рассчитывая на добычу, даже не взял с собой корзинки* (Ю.Нагибин, Самый счастливый день).

Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант 99-04-00420А, а также Российского фонда фундаментальных исследований, грант 96-15-98605.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] В данной статье обобщаются результаты работы автора над синонимическими рядами пространственных прилагательных и наречий для очередного выпуска Нового объяснительного словаря синонимов русского языка (ср. Апресян и др., 1997). Эти словарные описания обсуждались на рабочих семинарах Отдела теоретической семантики Института русского языка РАН под руководством Ю.Д.Апресяна. Автор благодарит всех участников семинара, а также И.М.Богуславского за ценные замечания, высказанные при обсуждении данной проблематики.

[2] Основные пространственные наречия *далеко, близко* и *недалеко* многозначны. В рамках этой статьи мы рассматриваем только пространственные значения этих наречий. В данной работе принята двуступенчатая нумерация значений. Значения, начинающиеся с единицы (*1.1, 1.2, 1.3*), – это собственно пространственные значения. Второй блок значений – временные.

[3] Ю.Д.Апресян в работе (Апресян, 1986) предлагает описывать семантику ряда пространственных наречий и предлогов, вводя в их толкование фигуру наблюдателя. Имеется в виду нетривиальный наблюдатель, которого говорящий, не называя, мысленно вводит в число участников ситуации. Он необходим, например, для интерпретации высказываний типа *Вдали прошел крейсер* в отличие от *Крейсер прошел далеко от берега*.

[4] Структуре полисемии наречия *снаружи*, имеющего довольно сложную систему значений, посвящена специальная работа автора (Богуславская, 1998).
[5] Е.С.Яковлева в (Яковлева, 1994) описывает то значение *далеко*, которое по принятой здесь классификации относится к *где*-наречиям, то есть *далеко 1.1*.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып.28. М. 1986.
Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б., Урысон Е.В. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Проспект. М. 1995.
Апресян Ю.Д., Богуславская О.Ю., Левонтина И.Б., Урысон Е.В., Гловинская М.Я., Крылова Т.В. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск. М. 1997.
Богуславская О.Ю. Структура полисемии наречия *СНАРУЖИ* // Труды международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям "Диалог-98". Казань. 1998.
Словарь русского языка. Евгеньева А.П. – ред. Т.1- 4. М. 1988.
Е.С.Яковлева. Фрагменты русской языковой картины мира. М. 1994.

Е.В. Урысон

ПОКОЙНИК VS. МЕРТВЕЦ
(идея личности и общества в обозначениях умерших)

В последнее время объектом интенсивных лингвистических исследований стала языковая "модель человека" (см. хотя бы фундаментальный труд: Wierzbicka, 1992). Эта модель выявляется при анализе лексики, описывающей тело и душу человека, его желания и чувства, различные действия – физические, речевые, ментальные и т.д. (см., например, НОСС, 1997). Оказывается, что некоторые главные признаки, характеризующие человека с точки зрения языка, сохраняются и в обозначениях умерших людей. Это противопоставление личности человека его телу, а также представление о том, что человек является членом общества, социума. Продемонстрируем это на примере синонимического ряда, в который входят существительные *покойник 1, мертвец,* субстантивированное прилагательное *мертвый* и субстантивированные причастия *умерший, усопший, почивший*.

Лексема[1] *покойник 1* заслуживает предварительного комментария. Мы считаем, что слово *покойник* имеет два хотя и очень близких, но все же разных значения. Первое значение (лексема *покойник 1*)

представлено в контекстах типа *На столе лежал покойник; Свет скупо просачивался сквозь наставленные цветы на восковое лицо и руки покойника, на дерево и обивку гроба* (Б.Пастернак); *Граждане шептались о том, что у какого-то покойника, а какого – они не называли, сегодня утром из гроба украли голову!* (М.Булгаков). Лексема *покойник 2* представлена в контекстах типа *тосковать по дорогим покойникам; Я пришла тогда, а покойник и говорит: "Прости мне, говорит, Соня"* (Ф.М.Достоевский, Словарь Ушакова); *Сын мой, покойник, написал небольшое сочиненьице, опровергающее Лейбница* (М.Горький, МАС). Коротко говоря, лексема *покойник 1* обозначает тело умершего, а лексема *покойник 2* – умершего человека в целом, т. е. человека как личность, обладающего телом. *Покойник 2* – это человек, который умер, но которого вспоминают живым. Лексеме *покойник 2* синонимично слово *покойный*, ср. *Покойный успел расплатиться со всеми долгами.* О том, что слово *покойник* имеет разные значения, свидетельствует неоднозначность фраз типа *Покойнику ничего не было нужно* – при одном понимании речь здесь идет о мертвом теле, а при другом – об умершем человеке, которого вспоминают живым и про которого утверждают, что у него были очень небольшие потребности. Ср. также *А покойник тогда рассмеялся и говорит...* – при одном понимании речь здесь идет об ожившем мертвеце, а при другом – об умершем человеке, эпизод из жизни которого вспоминает говорящий.

Отметим, что слова *умерший*, *усопший* и *почивший* подобной многозначности не развили. В этом отношении они сближаются с нормальными обозначениями человека, которые могут обозначать и тело человека как таковое, и человека в целом; ср. *Умершего <усопшего, почившего> уже положили в гроб* – как *Петра положили на носилки, Я хорошо знал умершего <усопшего, почившего>* – как *Я хорошо знал Петра*. При этом фразы типа *А умерший <усопший, почивший> тогда рассмеялся и говорит...* (в отличие от фразы *А покойник тогда рассмеялся и говорит...*) понимаются однозначно – в них речь идет об ожившем мертвеце. Поэтому мы не видим оснований усматривать в словах *умерший, усопший* и *почивший* полисемию типа 'тело человека' – 'человек в целом'.

Не развили такую полисемию и слова *мертвец* и *мертвый*. Они обозначают только тело неживого человека, но не умершего человека в целом, не человека как личность; ср. *Открытый гроб с мертвецом внесли во двор* (Чехов, МАС), *Ветер шевелил волосы на головах мертвых*, но не **Я хорошо знал мертвеца <мертвого>*.

Предлагаемый подход к описанию семантики лексем *покойник 1, мертвец, мертвый, умерший, усопший, почивший* позволяет объяснить

их избирательную сочетаемость с существительными типа *останки, прах, могила, гроб* и т. п., в значение которых входит компонент 'умереть'. С этими существительными могут соединяться синонимы *умерший, усопший, почивший*, в значение которых входит указание на личность умершего и которые, тем самым, обозначают человека в целом, а потому сближаются с нормальными обозначениями людей. Ср. *останки <прах> умершего* [как *останки <прах> неизвестного солдата*], *тело умершего <почившего, усопшего>* [как *тело героя*], *у гроба умершего <почившего, усопшего>* [как *у гроба вождя*], *над могилой умершего <почившего, усопшего>* [как *над могилой учителя*]. Правда, словосочетания *останки почившего <усопшего>* и *прах почившего <усопшего>* в современном языке хотя и возможны, но затруднены. Синонимы *покойник, мертвец, мертвый*, в значение которых указание на личность не входит и которые не обозначают человека в целом, с этими словами не сочетаются. Невозможно: **останки <прах, тело> покойника <мертвеца, мертвого>*, **у гроба покойника <мертвеца, мертвого>*, **над могилой покойника <мертвеца, мертвого>*.

Лексемы *покойник 1, мертвец, мертвый 2, умерший, усопший, почивший* имеют большую общую часть значения: 'не живой человек'. Главные различия между ними обусловлены пятью смысловыми признаками. Приведем сначала их список с кратким пояснительным комментарием:

1. Наличие / отсутствие указания на личность умершего человека (*мертвец* обозначает только тело, *умерший, усопший, почивший* могут обозначать и личность). 2. Наличие / отсутствие указания на переход в состояние 'не живой' (синонимы *мертвец* и *мертвый* указывают только на само состояние, остальные синонимы – на то же состояние как результат перехода в него). 3. Наличие / отсутствие указания на то, что умерший человек рассматривается как член социума (*умерший, усопший* и *почивший* включаются в человеческую общность, *мертвец* стоит вне ее). 4. Наличие / отсутствие указания на особый ритуал, связанный со смертью (есть, например, в слове *усопший*, отсутствует в словах *мертвец* и *мертвый*). 5. Наличие / отсутствие каких-то указаний на причину смерти человека (*усопшим* или *почившим* называют того, кто умер естественной смертью).

Первое противопоставление в большой степени рассмотрено выше. Добавим к сказанному, что тело человека естественно связывается с человеческой личностью, поэтому синонимы *покойник* и *мертвец* обозначают не просто тело неживого человека, т. е. труп, а как бы человека, но из другого мира. Поэтому *покойники* и *мертвецы* внушают страх. Ср. *Мертвецы <покойники> встают из могил и бродят*

по ночам; Все кладбища, сей порой, / Из зияющих гробов – / Выпускают мертвецов (Ф.Тютчев). Именно этой ассоциации слова *мертвец* и *покойник* обязаны своей грамматической одушевленностью.

Перейдем к остальным противопоставлениям между синонимами.

Слово *покойник* отличается от своего синонима *мертвец* тем, что описывает состояние 'не живой' как результат перехода в него: *покойник* – это тот, кто умер. Между тем в значении слова *мертвец* имеется только указание на само состояние 'не живой': *мертвец* – это тот, кто мертв. С этой точки зрения со словом *покойник* сближаются синонимы *умерший, усопший* и *почивший*, а со словом *мертвец* – слово *мертвый*.

При этом слова *покойник, умерший, усопший* и *почивший* указывают не только на то, что человек умер, но и на то, что он жил – подобно говорящему и остальным живущим. Называя того, кто умер, *умершим, усопшим* или *почившим*, мы включаем его в человеческую общность, думаем о нем как о члене социума. Лексема *покойник*, хотя и обозначает тело, но тоже указывает на то, что данный человек жил – так же как и мы. Слова *мертвец* и *мертвый*, напротив, содержат в своем значении только указание на биологическую смерть человека; так говорят о том, кого не представляют себе живым, равным остальным членам социума. Поэтому тоскуют, скорбят и т. п. по *умершему, усопшему, почившему*, но не по *мертвецу* или *мертвому*. Ср. *Всё по умершему плачет; Я не знаю, ты жив или умер, – / На земле тебя можно искать / Или только в вечерней думе / По усопшем светло горевать* (А.Ахматова); *Тесней, о милые друзья, / Тесней наш верный круг составим, / Почившим песнь окончил я, / Живых надеждою поздравим* (А.Пушкин).

В группе *покойник, умерший, усопший* и *почивший* слово *умерший* является абсолютно нейтральным. Остальные синонимы содержат все еще ощутимое сравнение смерти с покоем или сном, а два последних слова, церковнославянские по происхождению, тесно связаны с религиозной (христианской) культурой и отмечены стилистически. Они выражают особое отношение к смерти как таинству и глубокое уважение к тому, кто умер. В значение слов *покойник, усопший, почивший* и, в меньшей степени, *умерший* входит указание на специальный ритуал, связанный с умершим человеком и, тем самым, на принадлежность человека социуму. Названия социальных, ритуальных действий нормально сочетаются только с этими словами, но не с лексемами *мертвец* и *мертвый*. Ср. *Покойник лежит на столе* и *Тятя, тятя, Наши сети / Притащили мертвеца* (А.Пушкин); *Покойника <усопшего, почившего, умершего> погребают <хоронят>* и *Мертвеца*

в рядно / Зашивают, пока темно (А.Тарковский). *Мертвеца* и *мертвого* нельзя ни *отпевать*, ни *провожать в последний путь*. *Отпевают* и *провожают в последний путь* только *покойников, усопших, почивших* и *умерших*.

В группе *мертвец, мертвый* вторая лексема не обладает сколько-нибудь яркой семантической спецификой. Она выражает идею отчуждения умершего человека от людей, однако не обозначает существо, связанное с другим миром. Ср. *Подошла к группе дама в лиловом, постояла, посмотрела на мертвого, послушала разговоры и пошла дальше* (Б.Пастернак). Эту лексему часто употребляют, когда нужно выразить противопоставление 'не живой, а мертвый'. Ср. *Врач наклонился над мертвым; Как стрекозы садятся, не чуя воды, в камыши, / Налетели на мертвого жирные карандаши* (О.Мандельштам). Поскольку в значение слова *мертвый* не входит указание на личность человека, оно обычно обозначает лишь тело неживого человека. Поэтому невозможно **Я хорошо знал мертвого*, **Он был другом мертвого*.

Слова *умерший, усопший* и *почивший* содержат указание на причину того, почему человек перестал жить – это естественная смерть (а не гибель). Синонимы *мертвец, мертвый*, а также *покойник* не содержат в своем значении никаких указаний на причины смерти.

Рассматриваемые синонимы обозначают людей мужского пола. Для обозначения аналогичных существ женского пола используются существительное *покойница* и словоформы ЖЕН *мертвая, умершая, усопшая, почившая*, которые отличаются от рассматриваемых синонимов только указанием на женский пол. *Мертвая* – женск. к двум лексемам – *мертвый* и *мертвец*. (Потенциальное существительное **мертвица* – женск. к *мертвец* – в русском языке отсутствует.) Ср. *Покойница лежала на столе, желтая как воск, но еще не обезображенная тлением* (А.Пушкин); *Умершую <почившую> почти никто не знал; Наконец зеленые пальцы мертвой обхватили головку шпингалета, повернули ее, и рама стала открываться* (М.Булгаков); *Гроб стоял на богатом катафалке под бархатным балдахином. Усопшая лежала на нем с руками, сложенными на груди* (А.Пушкин).

Отметим, что форма МН *мертвые* двузначна: это может быть рассматриваемая лексема *мертвый* в форме МН, либо особая лексема *мертвые*, не имеющая форм ЕД. Слово *мертвые* обозначает совокупность умерших людей, которые как бы образуют свою общность, противопоставленную социуму живущих. Ср. *живые и мертвые, воскреснуть из мертвых, плакать по мертвым*; *Мертвым не стыдно; Мертвым не больно; О мертвых или хорошо, или ничего; Если зовет своих мертвых Россия, / Так, значит, беда* (А.Галич); *Наши мертвые*

нас не оставят в беде, / Наши павшие, как часовые (В.Высоцкий); *И слова Христа о живых и мертвых я всегда понимал по-другому* (Б.Пастернак).

Форма МН *умершие* может обозначать не только совокупность конкретных объектов, но и класс объектов. Ср. *Обычай сжигать умерших в крематории к тому времени широко распространился* (Б.Пастернак). Остальные синонимы всегда предполагают конкретные объекты.

Русские обозначения умерших в определенной степени отражают основное противопоставление "наивной анатомии" – а именно, противопоставление души и тела (см. Урысон, 1995). Эта оппозиция выступает здесь, однако, в несколько завуалированном виде – как противопоставление человеческого тела человеку в целом, т. е. его душе и телу в их единстве.

Данная работа представляет собой слегка переработанный вариант словарной статьи, написанной автором для НОСС, 1997 и обсуждавшейся на рабочем семинаре Сектора теоретической семантики Института русского языка им. В.В.Виноградова РАН. Автор благодарит Ю.Д.Апресяна, О.Ю.Богуславскую и И.Б.Левонтину за ценные критические замечания.

Работа выполнена при частичной финансовой поддержке РГНФ (проект 96-04-98605) и РФФИ (проект 96-04-06437).

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] В соответствии со словоупотреблением, принятым в Московской семантической школе, мы называем лексемой слово в одном из его значений.

ЛИТЕРАТУРА

МАС – Толковый словарь русского языка в четырех томах, тт. 1-4. М. 1985-1990.

НОСС, 1997 – Ю.Д. Апресян, О.Ю. Богуславская, И.Б. Левонтина, Е.В. Урысон, М.Я. Гловинская, Т.В. Крылова. Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Первый выпуск / Под общим руководством акад. Ю.Д. Апресяна. М.

Словарь Ушакова – Толковый словарь русского языка / Ушаков Д.Н. – ред. В 4-х т. М. 1935-1940.

Урысон Е.В. Фундаментальные способности человека и "наивная анатомия" // Вопросы языкознания. 1995, №3.

Wierzbicka A. Semantic, Culture, and Cognition: Universal human concepts in culture-specific configurations. N.-Y. 1992.

И.Б. Левонтина

СТРАТЕГИИ УГОВАРИВАНИЯ: ЧАСТИЦЫ В ПОВТОРНЫХ ПРОСЬБАХ

При описании диалогических частиц важно обращать внимание на то, какие типы коммуникативных ситуаций и какие параметры ситуации общения релевантны с точки зрения этих частиц. Так, оказывается, что для русского языка значима ситуация повторной просьбы[1]. Прежде всего, при повторной просьбе в русском языке почти обязателен специальный маркер. Это могут быть, например, частицы **ну**, **да** или **же**. В качестве маркеров повторной просьбы они некоторым образом синонимичны. Однако в остальном их использование в высказывании дает совершенно разный эффект.

Повторная просьба с **ну** значит приблизительно следующее: 'У меня нет никаких новых аргументов, но я очень хочу этого и не оставлю тебя в покое, пока ты этого не сделаешь'. Просьба с **ну** может повторяться сколь угодно много раз; она произносится с особой умоляющей интонацией (это называется *умолять, канючить* или *клянчить*); наконец, она наносит некоторый ущерб достоинству говорящего. Таким образом, **ну** предполагает определенную стратегию уговаривания и создает особый образ говорящего. Ср. – *Простите, а вас как зовут? – А зачем вам? – Очень нужно. – Ничего вам не нужно. Не скажу. – Ну, скажите, не вредничайте. – Неа. – Ну, скажите, пожалуйста. – Ну, а зачем вам? – Ну, что вам жалко что ли? – Да не жалко. Пожалуйста. Лена меня зовут* (В.Сорокин, Очередь); – *Лялька мгновенно оттаяла и тут же продолжила начатую еще в машине тему: – Танька, ну возьми меня как-нибудь с собой! Сколько тебя просить?..* (В.Кунин, Интердевочка). Итак, эта стратегия, при всей ее эффективности, имеет существенный недостаток: она означает потерю достоинства. *Канючащий* жалок. Поэтому если маленькие дети без колебаний прибегают к **ну**-стратегии, то взрослые обычно предпочитают сначала попробовать что-нибудь другое. Например, да-стратегию.

– *Скажи! – Нет! – Да скажи!* Что это значит? *Да скажи* – произносимое со специфической небрежной интонацией – значит примерно следующее: 'не ломайся, я-то знаю, что у тебя нет никаких причин отказывать мне в этой мелкой просьбе; все твои аргументы мне заранее известны, и они просто смешны, мы с тобой хорошо это понимаем'. **Да** не предполагает бесконечного повторения. В отличие

от предыдущего случая, где собеседник берется измором, да – это скорее кавалерийский наскок. Для успешного выполнения здесь требуется внезапность и легкость. Просящий должен быть абсолютно уверен в себе – настолько, чтобы его уверенность передалась собеседнику. Тогда тот, может быть, растеряется и выполнит просьбу прежде, чем поймет, что произошло. Впрочем, если да-атака провалилась, тогда можно переходить к ну-осаде.

Воспользуемся примером из рассказа А.Аверченко. Пожилой чиновник, гуляя по берегу реки, смутно видит у другого берега силуэт купальщицы. Он отчаянно пытается рассмотреть хоть какие-нибудь подробности, но все бесполезно. Вдруг он замечает гимназиста, который разглядывает купальщицу в бинокль: *Плюмажев протянул дрожащую руку. – Дайте на минутку! – Ни-ни! Даром я, что ли, его у тетки утащил? Небось, если бы у вас был бинокль, вы бы мне своего не дали? – Да дайте!* За этим *Да дайте!* слышится совсем другая интонация, чем за откровенной мольбой ***Ну дайте!*** Рука у чиновника дрожит, душа пылает, но он еще не сломлен, он не хочет терять лицо. Он пытается сделать вид, что просьба-то пустяковая, что бинокль и не очень ему нужен, но просто нельзя же допустить мысль, что такой умный мальчик откажет в такой ерунде столь солидному человеку. Уже через несколько минут он будет умолять, потом угрожать, потом отдаст алчному юнцу все деньги – чтобы в финале узреть в бинокль собственную престарелую супругу.

И наконец, частицей же можно воспользоваться лишь в том случае, если не получен прямой отказ – например, если на первую просьбу просто не обратили внимания. Или, скажем, в такой ситуации: жена никак не может утащить мужа из гостей. Он не спорит, а говорит: *сейчас, сейчас* – и продолжает беседу. Тогда она может дернуть его за рукав: *Идем же!*

Рассмотренные семантические эффекты не означают, однако, что у соответствующих частиц усматривается отдельное значение, содержащее компонент 'Прошу тебя еще раз'. Он принадлежит контексту. И очень возможно, что в других типах контекстов между этими частицами не будет ничего общего, хотя их собственное значение останется неизменным. Иными словами, мы сталкиваемся здесь с фундаментальным вопросом, который всегда возникает при описании частиц: как выделить собственное лексическое значение частицы из контекста. На этот вопрос мы и попытаемся ответить применительно к частицам, маркирующим повторную просьбу.

Слово ну принадлежит к числу чрезвычайно распространенных, особенно в устной речи, выразительных и специфичных русских слов.

Оно многозначно, и структура его многозначности сложна и пока плохо изучена.

Обратимся к описанию **ну**, например, в МАСе. Там, как, впрочем, и в других словарях, различаются **ну**-междометие и **ну**-частица. Оговоримся, однако, сразу, что это разделение не всегда проводится на основании ясных критериев. Скажем, **ну**, которое "употребляется как отклик на обращение или сообщение о чем.л. в значении *что?, что дальше?, да?, я слушаю!*" (приводится пример: "*Илья Ильич! – Ну? – откликнулся он*"), почему-то считается вопросительной частицей, в то время как в грамматиках слова, образующие самостоятельную реплику, как раз относятся к междометиям. При этом русская лексикографическая традиция находится в явном противоречии с правилами русской пунктуации. Так, в "Справочнике по пунктуации" Д.Э.Розенталя (см. Розенталь, 1984, с.130-131) читаем: "Следует различать междометия и одинаково звучащие частицы (после первых запятая ставится, после вторых нет) <...> *Ну, давай плясать!* (А.Островский). – *Ну как не порадеть родному человечку* (А.Грибоедов)". Ср. также приводимый далее пример на частицу **ну**: *Ну скажи!* В словарях же в качестве примеров на частицу **ну** постоянно приводятся примеры, в которых после нее стоит запятая, а на междометие – без запятой (например: *Ну бал! Ну Фамусов!*).

В дальнейшем нас, однако, не будет интересовать вопрос о частеречной идентификации **ну** в различных контекстах. Мы сосредоточимся на чисто семантических противопоставлениях и не будем исключать "междометные" употребления из рассмотрения.

Итак, словарь выделяет у **ну**-междометия следующие значения:

1) призыв или побуждение к действию; ср. ***Ну**, давай плясать, **Ну**, выкладывай: что тебе нужно.*

2) требование не надоедать или желание избавиться от чего-то надоевшего (***Ну** тебя, **Ну** ее*); это **ну** обладает своеобразным синтаксисом: оно управляет винительным падежом, обычно личных местоимений (в словаре ошибочно указано, что родительным; ср., однако *Ну ее, эту рощу*, а не **этой рощи*). Кроме того, это **ну** обладает иной просодией. Да и толкование его явно будет отличаться от толкования первого **ну**, о котором речь пойдет дальше. Таким образом, ясно, что это отдельная лексема, хотя значение ее и объединяет с первым **ну** общая идея некоторого "волевого импульса".

3) (обычно в сочетании с частицами *и, уж, ж*) удивление, восхищение или недовольство, негодование, ирония и другие чувства; *Ну бал! Ну Фамусов! умел гостей назвать!; Ну уж!; Ну и гроза!* По поводу сочетаний **ну** с другими частицами отметим, что большинство

из них должны, по-видимому, рассматриваться как отдельные единицы. Само **ну** в этом случае сходно с такими восклицательными единицами, как *ох, ах, вот, вот так*: все они могут произноситься с разным чувством, но все же каждая имеет свой, немножко отличный от других, эмоциональный спектр.

У **ну** в качестве частицы МАС выделяет следующие разновидности:

1) вопросительная (в сочетании с частицей *да: да ну*). Это – *Да ну?* – несомненно, особая единица.

2) вопросительная. – *Ну?* в качестве отдельной ответной реплики (см. выше).

3) вопросительная (в сочетании со словом *как*) – в значении что, если: *Ну, как с безумных глаз Затеет драться он* (А.Грибоедов). Это явно отдельная единица.

4) усилительная. Употребляется для придания высказыванию большей силы, выразительности, подчеркивает значение того или другого слова. *Ну, конечно; Ну как не порадеть родному человечку; Ну что за жизнь; ну а они...*

5) Употребляется в значении союза, указывающего на вывод, заключение или вводное замечание. *Ну, и гости бывают; Ну, наступил вечер, Ну, словом...* В начале реплики в значении итак, наконец. – *Ну, я к себе.*

6) в сочетании с инфинитивом. *И ну кричать.* Это явно особая, причем сильно фразеологизованная, лексема.

7) Употребляется в значении допустим, положим. – *Вы первый курс? – Ну, первый.*

Четвертое, пятое и седьмое значение скрывают за собой разные, сложным образом взаимосвязанные виды **ну**, которые мы здесь подробно обсуждать не будем. Отчасти соответствующие контексты описаны в работе (Баранов, Кобозева, 1988, с.51-61). Там, в частности, выделен интересный вид **ну**, связанного с преодолением коммуникативного затруднения. К нему относятся следующие разновидности: **ну** "поиска (хезитации)" *(Ну... пять раз)*; **ну** "выбора" *(Ну про школу расскажи)*; и **ну** "вызова", внутри которого различаются **ну** "признания" *(Ну плохой я человек!)* и **ну** "непонимания цели" *(Ну в среду, а что?)*. Эта идея преодоления коммуникативного затруднения (объясняющая, кстати, почему **ну** так легко превращается в "слово-паразит") имеет нечто общее с побудительностью: говорящий как бы подталкивает сам себя[2]. Ясно, однако, что, несмотря на наличие некоторой общности, этот круг контекстов очень сильно отличается от контекстов уговаривания.

Можно заметить, что в словаре интересующее нас "умоляющее" **ну** среди значений частицы **ну** вообще не представлено. "Побудительное" **ну** находим среди междометных значений. Более того, это значение для **ну** чрезвычайно важно: именно с побудительностью **ну** в первую очередь ассоциируется у носителей языка, да и этимологически именно это значение первично (изначально **ну** возникает как "погоняющий" окрик (Фасмер, 1986-87)). Ср. – ***Ну, ну,*** *– говорил шарлатан,* – ***Ну, ну,*** *понатужься, дорогой осел, помоги странствующему шарлатану* (В.Каверин, Пятый странник). Человек на такие понукания может ответить *Не нукай, не запряг!*

С помощью **ну** говорящий не просто побуждает, но действительно всегда как бы погоняет, торопит (чувства его могут быть при этом разными: от радостного нетерпения до раздражения); ср. *Я расхохотался:* "*Вот здорово!* ***Ну, ну*** *поподробней*" (Ю.Трифонов, Предварительные итоги); – ***Ну,*** *давай, давай! – громко прошипел Кролик, прикрывая рот лапкой* (А.Милн, Винни Пух и Все-Все-Все, пересказ Б.Заходера); *Мужчина,* ***ну*** *хватит может толкаться?!* (В.Сорокин, Очередь).

Если адресат сам заинтересован в выполнении действия и предполагается, что только скромность или робость мешают ему, то фраза с побудительным **ну** может быть произнесена с поощрительной или подбадривающей интонацией; ср. – ***Ну,*** *ешьте шоколад,* ***ну,*** *я вас прошу!* (И.Ильф и Е.Петров, Двенадцать стульев); ***Ну,*** *проходите же, проходите! Евгений Анатольевич осторожно переступает порог* (В.Кунин, Ребро Адама).

Если же в выполнении действия кровно заинтересован говорящий, но возможности требовать или приказывать у него нет, тогда то же **ну** сопровождается умоляющей интонацией; ср. *Давайте помиримся! Ну давайте помиримся, Федор Иванович! И опять начнем заниматься ботаникой!* (В.Дудинцев, Белые одежды); *Володя, дрожа от напряжения, еще раз крикнул: – Ну, быстрее! – Сейчас, сейчас! – торопливо кричал Руслан, ввинчиваясь в щель* (Ю.Визбор, Альтернатива вершины Ключ). Заметим, кстати, что последний пример можно прочесть и не с умоляющей, а с требовательной интонацией, а также с промежуточной.

Возможен и такой случай: говорящему, собственно, не вполне ясно, к каким чувствам слушающего он может апеллировать, тогда фраза с **ну** прозвучит, скорее всего, фальшиво или неопределенно (например, угрожающе-заискивающе); ср. ***Ну,*** *что вам стоит вытащить весь чемодан! – Еще чего! – буркнул Корейко, задыхаясь под кроватью* (И.Ильф и Е.Петров, Золотой теленок).

Таким образом, кажется, что различия между разными видами "побудительного" **ну** обусловлены контекстом (соотношением интересов и позиций говорящего и адресата) и интонацией. Такое решение, сталкивается, однако, с некоторой трудностью. Как можно заметить, "требовательное" и "умоляющее" **ну** различаются просодически, что отражается на пунктуации: после первого запятая обычно ставится, после второго чаще нет. Это, впрочем, легко объяснимо. Умоляющая интонация предполагает плавную фразу с растянутым словом, на которое приходится главное фразовое ударение, тогда как нетерпеливо-требовательная интонация скорее означает отрывистый, рубленый ритм.

Можно предложить следующее толкование для "побудительного" **ну**: 'п р е с у п п о з и ц и и: 1) я хочу, чтобы ты сделал Р; 2) я знаю, что ты знаешь об этом моем желании; 3) я не располагаю новыми аргументами в свою пользу или не хочу прибегнуть к аргументам; а с с е р ц и я: я хочу, чтобы ты сделал Р'.

В сущности, то же значение представлено и еще в некоторых типах изолированного употребления **ну**, в частности, когда оно выражает призыв скорее сообщить интересующую собеседника информацию или успокоиться; ср. – ***Ну? Ну?*** *– Ну и ну, – отвечал Остап раздраженно, – один шанс против одиннадцати* (И.Ильф и Е.Петров, Двенадцать стульев); – ***Ну, ну****, пошутил* (И.Ильф и Е.Петров, Двенадцать стульев).

Можно выделить несколько типов контекстов, типичных для "умоляющего" **ну** (в большинстве их, впрочем, возможны и другие разновидности побудительности): 1) императив и его синонимы (*идем, пошли*, перформативы типа *прошу, умоляю; ну, не надо, хватит, ладно (тебе)* и т. п.); ср. – *Молодец Вася! Прямо философ!* – ***Ну*** *ладно тебе обзываться-то!* (Ю.Визбор, Автор песни); ***Ну*** *я прошу вас, я очень прошу вас: дайте мне расколоть хотя бы это полено* (Д.Хармс); 2) *пожалуйста* и его синонимы; ср. – *Нельзя, – сказал губернаторский чиновник. – Я зачесал затылок, забегал из угла в угол и забормотал:* – ***Ну****, разрешите,* ***ну****, пожалуйста* (А. Аверченко); 3) обращение; ср. – *Мам, я пить хочу. – Стой, не капризничай. –* ***Ну****, мам! Попить хочу* (В.Сорокин, Очередь); 4) вопрос; ср. ***Ну*** *как вас зовут?,* ***Ну*** *когда будет обед?,* ***Ну*** *на что ты обиделся?* (с эмфатическим ударением на вопросительном слове); ***Ну*** *ты купишь мне мороженое?*; 5) утверждение или риторический вопрос, являющиеся аргументом в пользу выполнения просьбы; ср. ***Ну*** *я ненадолго,* ***Ну*** *сейчас не поздно,* ***Ну*** *я не простужусь,* ***Ну*** *все хорошо,* ***ну*** *это не стоит твоих слез,* ***Ну*** *что тебе, трудно?,* ***Ну*** *сколько можно тебя ждать?; – Володя, отойди от подъезда. – Мам, я посмотрю только. – Отойди! – Мам,* ***ну*** *немного... – Да что ты там*

интересного нашел? – Мам, ну чего ты! – Иди сюда! (В.Сорокин, Очередь); – *Вадим... ну мы же совсем друг друга не знаем... – Ну не надо.....милый..... зачем...* (В.Сорокин, Очередь); б) божба и обещания; ср. *Ну это правда не я разбил чашку, Ну честное слово, Ну я больше не буду*; 7) формулы отказа, произносимые, однако, с умоляющей интонацией; ср. *Ну неет, Ну не пойду*; 8) самостоятельное, междометное употребление, в качестве заменителя повторной просьбы; ср. *Вадим... ну не надо... – .... очарование..... – .....не надо..... ..... Вадим..... – Ну.....ну что..... ну.....* (В.Сорокин, Очередь). Последний тип употребления, впрочем, как уже отмечалось, для ну умоляющего, в отличие от ну требовательного, не очень характерен.

Возможность употребления "побудительного" ну в контексте вопроса совершенно понятна: ведь вопрос представляет собой, в сущности, просьбу об информации (ср., напр., толкования глаголов *просить* и *спрашивать* в (Гловинская, 1993, с.180-183)).

Изолированные обращения используются в диалоге для разных целей – в частности, просто для привлечения внимания, вместо повторного произнесения просьбы и вместо невысказанного упрека или замечания. В таких случаях говорящий хочет вызвать определенные действия со стороны слушающего, и ну здесь поэтому вполне естественно. Ср. следующий пример: *Подожди! – Мама метнулась в комнату, потом обратно и стала тихать мне два рубля. – Ну, возьми!.. – Да есть у меня деньги. – Ты уходишь на сутки – тебе необходимо нормально питаться! – Ну, мама... – Не спорь!* (В.Кунин, Интердевочка). Реплика *Ну, мама...* как будто выражает отказ героини, но отказ, облеченный в форму просьбы не уговаривать или не заставлять. Если же само обращение произносится не с побудительной целью (а, например, для выражения нежности или любви), то ну при нем, естественно, не используется.

Использование ну в божбе и обещаниях связано с тем, что эти речевые акты предполагают, что говорящий хочет заставить слушающего ему верить (ср. соответствующий компонент в толковании глагола *обещать* в (Гловинская, 1991, с.177)).

В отказах или при аргументации ну также взаимодействует с неявной целью речевого акта. Когда умоляющее ну используется при аргументации, создается своеобразный эффект. Само значение ну предполагает волевой и эмоциональный нажим на собеседника, а не рациональное обоснование просьбы. На первый взгляд, оно должно лишать аргумент убедительности. Однако вместо этого ну усиливает аргумент, как бы предлагая воспринимать его не на рациональном, а на эмоциональном уровне.

Легко заметить, что, если **ну** выступает в контексте императива или синонимичных ему форм, это еще не обязательно означает, что это "побудительное" **ну**. Так, реплика *Ну скажи* может, в зависимости от интонации, пониматься либо как повторная просьба сказать что-либо, либо как неохотное согласие слушать; ср. *Поедим? – Ну давай, поедим, – Федор Иванович сказал это для того только, чтобы заглянуть на кухню* (В.Дудинцев, Белые одежды). Ср. также следующий пример: *– Слышь, парень, десять копеек не найдется? – Десять копеек? – Ага. Выручи, друг. Не хватило. – На... – Во, спасибо... Ты что, с похмелья? – Немного. – Ну пошли с нами, чего ты. Опохмелишься. – Нет, не могу...* (В.Сорокин, Очередь). Скорее всего, **ну** здесь означает не то, что собеседника пытаются уговорить, а то, что ему просто предлагают возможное решение его проблемы: **ну** здесь приблизительно равно *тогда* или *так*.

Очень часто два разных **ну** соседствуют в диалоге: одно сопровождает просьбу, а другое согласие; ср. *– Мам, дай еще хлебца! – Нет, хватит. – Ну дай! Видишь они поклевали. Дай! – Ну на, на...* (В.Сорокин, Очередь); *– Ну, немного совсем <налить вина>? – Ну, немного можно* (В.Сорокин, Очередь).

В других типичных для "побудительного" **ну** контекстах также обычно возможны и другие, не побудительные, понимания **ну**[3]; ср. *Ну, пожалуйста! – сказал он наконец. – Насчет портрета я скажу. Только вот что: а если б ты, Лорхен, попала в чужой дом? Не делала ли бы ты каких-нибудь невольных бестактностей, промахов?* (Ю.Трифонов, Обмен). Само *пожалуйста* выражает здесь не просьбу, а согласие, а **ну** указывает, что это согласие неохотно и дано после некоторого колебания. Интересно при этом, что такой эмоционально окрашенный синоним *пожалуйста*, как *ради Бога*, который в контексте просьбы свободно сочетаются с умоляющим **ну**, в контексте согласия едва ли может сопровождаться **ну**. Как и формула *на здоровье, ради Бога* предполагает, что согласие дано легко и без колебаний (поэтому естественно сочетание их в этом контексте с **да**; см. об этом ниже).

В работе (Баранов, Кобозева, 1988) предлагается иная интерпретация побудительных контекстов с **ну**. Побудительность, как можно понять, рассматривается здесь как элемент иллокутивного контекста, а не часть значения самой частицы. Значение же **ну** определяется как "отсылка к упомянутому" (с. 62-64). Это же значение приписывается **ну** также в следующих примерах: *– Слушай, – сказала она вдруг, – Может мне к вам податься, а? – Куда? – не понял Сергей. – Ну в Рудный; – Слушай, а что они все такие злющие?.. – Кто? – не понял шофер. - Ну те... В очереди; - Почему он не пришел? - Ну не мог он.*

Однако, как мы видели, **ну** может и не иметь побудительного значения в контексте побуждения, а может, напротив, придавать императивность непобудительным контекстам. Его значение взаимодействует при этом с целью речевого акта: например, при обещаниях с компонентом 'говорящий хочет, чтобы слушающий ему поверил'. Представляется, что нечто похожее происходит и здесь. В первых двух примерах говорящий при помощи **ну** призывает слушающего сосредоточиться и понять, что он имеет в виду. В таких диалогах человек может в уточняющей реплике и не сообщить ничего нового, а просто повторить уже сказанное; ср. – ***Ну к вам;*** – ***Ну они.*** Заметим, что в третьем примере вообще нет никакой "отсылки к упомянутому". Отвечая на вопрос, говорящий преследует здесь цель заставить собеседника примириться с фактом и прекратить расспросы. С этим и связано употребление **ну**. На вопрос – *Почему он не пришел?* – возможен даже такой ответ: – ***Ну не пришел*** (при неестественном ***Не пришел**). Такой ответ, будучи на первый взгляд бессмысленным, на самом деле вполне кооперативен: он содержит призыв не задаваться этим вопросом.

Совсем иным оказывается соотношение семантики и прагматического эффекта применительно к частице **да**. Прежде всего, структура многозначности у **да** не так сложна и запутана, как у **ну**. Если отвлечься от **да** – сочинительного союза (хотя как раз смысловая связь между союзом и усилительной частицей в случае **да**, так же, как, например, *и* и *а*, весьма интересна), легко выделяются три, по-видимому, омонимичных, **да**: 1) утвердительное (и ряд производных от него: подтверждающее, недоверчивое, ироническое, припоминающее, вопросительное); 2) оптативное *(Да здравствует..., Да будет...)*; 3) усилительное (в традиционной терминологии), которое нас, собственно, и интересует. К этому последнему относятся три выделяемых в МАСе значения: в первом случае это усилительная частица, которая "употребляется в начале предложения для придания высказыванию большей силы, выразительности" *(Да что с вами говорить, Да нет у нее в голове никаких романов)*[4]; во втором она "употребляется с повелительным наклонением или в предложениях, обозначающих пожелание, для выражения настойчивой просьбы, побуждения" *(Да обернитесь, вас зовут; Да садись, садись, чего стоишь)*; и в третьем она "употребляется с повелительным наклонением в значении сослагательного (условного) наклонения для придания большей выразительности" *(Да будь я и негром преклонных годов...)*. Разные употребления "усилительного" **да** обнаруживают при этом большое сходство[5]. Это обстоятельство, применительно к "диалогическим" употре-

блениям да, отмечено в работе (Баранов, 1987, с.41). Но общность эта приписывается тому, что да является "показателем коммуникативной неудачи". Представляется, однако, что в основе значения да лежит не идея коммуникативной неудачи, а идея неважности. Именно этим объясняется характерная для высказываний с да "небрежная" интонация; точнее, в русском языке есть специальная фальцетная фонация, указывающая на низкую тимиологическую оценку, на понижение ранга; ср. такой же фальцет, присущий слову *так: Это не книга, а так, брошюра.*[6]

Можно предложить такое толкование для да: 'то, о чем идет речь, или нечто из того, о чем идет речь, совершенно неважно, не стоит об этом думать'. Говорящий как бы отмахивается от чего-то: тривиального, скучного, надоевшего. Как видно из толкования, сферы действия да могут быть различными. Очень часто этим "неважным" оказывается предыдущая реплика или вся предшествующая аргументация собеседника, а то и сам собеседник, поэтому и создается впечатление, что да вносит в диалог "конфронтационность". Ср. – *У тебя такие волосы чудесные... – Да брось ты* (В.Сорокин, Очередь); – *Покажи сейчас же! – Да смотри, смотри. Аскорбинка с витамином "С". – Боже мой, где мой проездной билет? – мечется Лида. – Ты не брала, Настя? – Да подавись ты своим проездным!* (В.Кунин, Ребро Адама); – *Да пошла ты к... – И Стирька загнул такой мат, какого постеснялся бы пьяный мужик* (В.Шукшин, Сураз); – *Деточка! Но это же все зависит от нас самих... – Да перестань ты! Ни хрена от нас не зависит!* (В.Кунин. Интердевочка); – *Закурить бы... – Нельзя, что вы! – Ну, пару раз курнуть, я думаю, можно? – Да нельзя, нельзя! Как же можно, папа?!* (В.Шукшин, Заревой дождь).

Однако заключенный в да пренебрежительный жест вовсе не обязательно относится к собеседнику. Например, человек может утешать кого-то словами *Да не расстраивайся! (Да не обращай внимания!)*, а тот может ответить *Да они все просто дураки!* При этом никакой конфронтации между собеседниками нет: они единодушно отмахиваются от чего-то, неприятного для них обоих.

Диалог – *Ты куда идешь? – Да на работу*, можно понять поразному. Отвечающий либо хочет поскорее отделаться от не вызывающего у него симпатии собеседника, его скучного или неуместного вопроса (ср. *Да на работу, куда же еще*), либо, не имея ничего против разговора, выражает свое пренебрежение к самой работе (ср. *Да на работу, будь она неладна*).

Итак, какой эффект может иметь да в императивных контекстах?

Прежде всего, вернемся к примеру с биноклем. Человек говорит *Дайте*, не рассчитывая на отказ, а получив его, повторяет просьбу *Да дайте!* Предваряя повторную просьбу частицей да, говорящий как бы не желает принять всерьез мотивы отказа и в то же время принижает значимость просьбы. При этом он должен избежать пренебрежительности по отношению к самому собеседнику: ведь он не может требовать, а вынужден смиренно просить. Именно поэтому говорящий должен быть очень уверен в себе, а в случае повторного отказа едва ли может еще раз воспользоваться частицей да.

Гораздо чаще да используется при нетерпеливом, иногда даже раздраженном, повторном требовании (если человек имеет возможность требовать, то он может и не бояться показать некоторое пренебрежение к адресату); ср. *Погоди-ка, не вертись, фить... Да не вертись, дурачок. Гм!.. Это не парши... Да стой ты, черт... Гм! А-а. Это ожог. Какой же негодяй тебя обварил? А? Да стой ты смирно!..* (М.Булгаков, Собачье сердце); *– Какого черта!.. Не слышу, закройте воду – Гау! Гау!.. – Да закройте воду! Что он сделал – не понимаю... – Приходя в исступление, вскричал Филипп Филиппович* (М.Булгаков, Собачье сердце).

Еще один чрезвычайно естественный побудительный контекст для да – это совет не принимать что-либо близко к сердцу: в этом случае говорящий отмахивается не от собеседника, а, как бы вместе с ним, от чего-то постороннего; ср. *Милиционер тоже встал. – Бросьте вы! Пошли, Иван... – Милиционер взял Ивана под руки и повел из избы. На улице остановились, закурили. – Ну не паразит ли! – все изумлялся Иван. – И на меня же попер. – Да брось ты его!* (В.Шукшин, Волки!).

И наконец, возможно, что говорящий отмахивается от ситуации в целом, что его не интересует действие, о совершении которого идет речь. Правда, в этом случае смысл да входит в противоречие со смыслом 'говорящий хочет, чтобы действие было совершено', выражаемым побудительными высказываниями. Это возможно прежде всего тогда, когда говорящий вынужден сделать какой-то выбор, дать то или иное указание; ср. *Филиппу полагалось показать шоферу, как ставить на пароме машину, потому что сзади еще заруливали две, но он как прирос к месту, все смотрел на машину, на кузов. – Где ставить-то?! – крикнул шофер. – А? – Где ставить-то? – Да ставь... – Филипп неопределенно махнул рукой. Все же никак он не мог целиком осознать, что везут мертвую Марью...* (В.Шукшин, Осенью).

У нас нет сейчас возможности разбирать значение частицы же (ср. о ней, например, (Paillard, 1987)). Отметим только, что есть все

основания считать, что у нее также нет отдельного "побудительного" значения. Она в побудительных контекстах просто маркирует повтор, поэтому вне сочетания с другими частицами не используется для оформления повторной просьбы после получения отказа[1]. Ср. странный диалог – *Иди! – Нет, не пойду! – Иди же!* Последняя реплика звучит так, как будто говорящий не слышал или делает вид, что не слышал отказа (впрочем, некоторые люди так разговаривают, особенно с детьми).

Смысловые различия между частицами, маркирующими повторное побуждение (просьбу, требование и т. п.), почти никогда не нейтрализуются полностью. Ср. следующий пример, в котором последовательность появления частиц показывает, как меняется стратегия говорящего (он переходит от нетерпеливого требования к мольбе, впрочем, все равно безуспешной) – *Алла Сергеевна!.. – Захлебываясь от страха, рыдал Козел. – Алла Сергеевна!.. Да помогите же кто-нибудь!.. Люди!.. Люди!.. Где же вы! Он выволок маму на лестничную площадку и бросился звонить в соседние квартиры, стучать в двери кулаками. – Помогите! – Кричал и плакал Козел. – Ну, помогите же кто-нибудь, сволочи! Суки!.. Гады!! Не открылась ни одна дверь* (В.Кунин, Интердевочка).

С другой стороны, как это видно по последнему примеру, функции ну, да и же могут быть весьма похожими. Интересно однако, что лексическое значение их при этом, как мы пытались показать, совершенно различно.

Работа выполнена при поддержке Фонда фундаментальных исследований, грант 99-04-00420А и фонда Александра фон Гумбольдта (Германия).

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Заметим, что среди русских частиц, используемых в просьбах, есть частицы всех трех возможных типов: маркирующие первоначальную просьбу (*-ка*, начальное *а*; ср. *Пойдем-ка, А пойдем в кино*; см.: (Левонтина, 1991); маркирующие повторную просьбу *(ну, да, же)*; такие, для которых это различие нерелевантно (*уж*, финальное *а?*; ср. *Пойдем уж, Пойдем, а?*)).

[2] Ср., например, употребления побудительной частицы *-ка* в контекстах самопобуждения (*Пойду-ка я домой*; ср.: (Левонтина, 1991)).

[3] Только побудительное понимание ну возможно, однако, в контексте обращения.

[4] Сюда же словарь относит и специфические присловные употребления да в особой синтаксической конструкции; ср. *Он что-нибудь да знает, Вероятно, слух как-нибудь да дошел до правительства*. Семантически это употребление примыкает к да – противительному союзу.

[5] Хотя, впрочем, не все. Особняком стоит да "озарения", которое указывает, что человек внезапно понял то, что раньше не приходило ему в голову; ср. *(Ба!) Да это Петя; Да ты меня обманываешь! (Как это я раньше не догадался?)*. Семантическая связь этой группы контекстов с остальными существует, однако толкование для этого да явно должно быть особым.

[6] О слове *так* и тимнологических оценках см. (Пеньковский, 1995). Я благодарю С.В.Кодзасова за обсуждение фонетического оформления высказываний с низким тимнологическим статусом.

[7] Чтобы повторить просьбу после отказа, человек должен хотя бы немекнуть на причины, которые у него для этого имеются: так, при ну это очень сильное желание, при да – неважность мотивов отказа.

ЛИТЕРАТУРА

Баранов А.Н. "Выделительное" и "событийное" значения частицы *да*: материалы к изучению семантики и прагматики диалога // Ученые записки Тартуского гос. университета. Вып. 751. Тарту. 1987.

Баранов А.Н., Кобозева И.М. Модальные частицы в ответах на вопрос // Логический анализ языка. Прагматика и проблемы интенсиональности. М. 1988.

Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. М. 1993.

Левонтина И.Б. Словарная статья частицы *-ка* // Семиотика и информатика. Вып 32. М. 1991.

МАС (Словарь русского языка, тт. 1-4). М. 1981-1984.

Пеньковский А.Б. Тимнологические оценки и их выражение в целях уклоняющегося от истины умаления значимости // Логический анализ языка. Истина и истинность в культуре и языке. М. 1995.

Розенталь Д.Э. Справочник по пунктуации. М. 1984.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка, тт. 1-4. М. 1986-1987.

Paillard D. Ze ou la sortie impossible // Le particules les enonciatives en russe contemporain. Vol. 2. Paris. 1987.

III

КУЛЬТУРА СЛОВА И СЛОВО В КУЛЬТУРЕ

Ю.А. Бельчиков

ПРОБЛЕМА СООТНОШЕНИЯ КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКА В НАУЧНОМ НАСЛЕДИИ Г.О. ВИНОКУРА

Вопросы соотношения и взаимодействия языка и культуры, роли языка как одного из важнейших средств выражения национальной культуры, единственного способа реализации многих отраслей, разделов культуры, фундаментального фактора ее совершенствования и развития всегда были существенны для филологии как совокупности наук, по слову Г.О.Винокура, "посвященных истории культуры в ее словесном, преимущественно, выражении" (Винокур, 1959, с.225-226).

В наше время ощущается возросшая актуальность всех этих вопросов главным образом, как представляется, в связи с остро вставшими проблемами возрождения национальной культуры, возвращения к подлинным истокам национальной духовной культуры.

Вместе с тем проблема "язык и культура" обретает новое дыхание и в связи с известным движением в области методики преподавания иностранных языков, внутри которой наблюдается серьезный, концептуальный поворот от атомарного подхода к отдельным явлениям культуры изучаемого языка, преимущественно в лексике и фразеологии данного языка – к проблематике этнолингвистики и вырастающей на ее основе лингвокультурологии, а также к современной концепции "диалога культур".

В России сложилась основательная научная традиция обсуждения и исследования взаимодействия и соотношения языка и культуры, начиная от М.В.Ломоносова и В.К.Тредиаковского через труды Ф.И.Буслаева и его школы, А.Н.Афанасьева, А.А.Потебни,

А.Н.Веселовского, К.Д.Ушинского, А.А.Шахматова, Н.В.Крушевского (в XIX – начале XX вв.), М.М.Бахтина, Л.П.Якубинского, В.В.Виноградова, П.М.Бицилли, А.Ф.Лосева, о.Павла Флоренского (в первой половине XX в.) к современным филологическим и культурологическим исследованиям.

В эту традицию естественно вписывается и профессор Г.О.Винокур главным образом в связи с исследованием истории русского литературного языка, а также вопросов "лингвистической стилистики" в аспектах последовательно проведенного им взгляда на язык как "продукт культуры" (национальной). О своей принадлежности к этой традиции отечественной филологической науки Винокур определенно заявляет в статье "Язык литературы и литературный язык" (см. Винокур, 1990, с.119).

Прямо, непосредственно проблему "язык и культура" Винокур не ставит. Эта проблема (вернее – проблематика) у него возникает сначала (и во-первых) в связи с обсуждением вопросов поэтического языка (во многом в аспектах культуры языка; см., например, его статью 1923 года "Футуристы – строители языка", неслучайно включенную впоследствии – в несколько измененном виде – автором в состав "Культуры языка" издания 1925 г. и 1929 г.). В этой статье читаем: "Если возразят, что поэтические навыки определяются не только наличной языковой системой, но и общими культурно-историческими условиями, то можно будет заметить, что и язык есть одно из таких культурно-исторических условий, определяемых предшествующей традицией и современными отношениями. Всякая система поэтических школ есть вместе с тем смена приемов поэтической организации языкового материала, смена навыков культурного преодоления языковой стихии" (Винокур, 1990, с.15).

Затем (во-вторых) Винокур обращается к этой проблеме в статье 1927 г. "О возможности всеобщей грамматики" (опубликована в 1988 г.) в связи с обсуждением методологических вопросов общей теории языка.

В этой статье автор в ходе обсуждения проблемы "всеобщей грамматики", обращаясь к онтологической сущности языка как общественного явления, уточняет само понятие "язык". (В связи с таким уточнением следует отметить, что уточнение понятий, подходов к анализу лингвистических явлений вообще было присуще исследовательскому методу Винокура, что, видимо, органически связано с его деятельностью университетского профессора. Для Винокура всегда важно уточнить предмет обсуждения, разграничить сферы исследования, обсуждения, подразделить обсуждаемую

проблему, объект научного анализа, выделив в этих подразделениях не только и не столько общее, сколько своеобразное, индивидуальное, чтобы подчеркнуть важность специфически выделенного и обоснованность особого подхода к соответствующим явлениям, фактам и т.п. Это качество Винокура-ученого прослеживается на протяжении всей его деятельности.) Винокур пишет: "Когда говорят, что помимо всех тех различий, которыми разделяются между собою отдельные языки, во всех языках есть также нечто "общее" и "совпадающее", то под сферой "расхождений" и сферой "совпадений" на самом деле понимаются совершенно разные области: само понятие я з ы к понимается здесь явно двусмысленно. В первой части разбираемого нами утверждения речь идет действительно о языках, с их национальными, физическими, социальными и т.п. признаками; во второй же части говорится только о некоторых необходимых и достаточных у с л о в и я х языка как знака идеи" (Винокур, 1988, с.74). И далее на следующей странице автор еще раз уточняет понимание языка, при этом разграничиваются: «"язык" как идельная структура выражения и "язык" как предмет культурной истории и этнологии"». "Язык в первом смысле, – продолжает Винокур, подчеркивая неразрывную взаимосвязь между таким разграничением, – служит, разумеется, идеальным основанием для языка в смысле втором..." (Винокур, 1988, с.75).

В-третьих (и это главное для обсуждаемой нами проблемы), у Винокура вопрос о соотношении языка и культуры подробно и обстоятельно раскрывается в ходе исследования истории русского литературного языка. Это исследование ученый строит в тесной связи, с максимальной "увязкой" с историей России, с развитием русской культуры, с "историей русской культуры" (Винокур, 1945, с.65). В своих историко-лингвистических построениях автор опирается прежде всего на культурно-исторические факты, на тенденции культурного и исторического развития русского народа, русского общества, государства российского. (В этом легко убедиться, обратившись и к книге "Русский язык. Исторический очерк", и к примыкающим к ней статьям, и к статье "Язык литературы и литературный язык".)

В конкретном анализе языка той или иной эпохи, языка крупного писателя (изучая его в аспектах истории литературного языка) Винокур всемерно учитывает условия социального существования литературного языка соответствующего периода, те социокультурные и культурно-исторические обстоятельства – "культурную обстановку", по его терминологии (Винокур, 1959, с.206) – в которой совершается литературно-языковая эволюция.

Так, в главе 8 ("Зарождение общерусского национального языка") книги "Русский язык. Исторический очерк" читаем: "Территориальная и общекультурная почва общерусского языка там же, где территориальный и культурный центр созданного русскими государства, то есть в говоре города Москвы и в языке московских царских канцелярий. По мере того как областные канцелярии усваивали московскую орфографию и терминологию, а московские дьяки и подьячие допускали в свой языковой обиход известные областные документы, язык московских приказов обретал свойства языка и общегосударственного... Однако общее культурное и политическое развитие России во второй половине XVII в. создавало нужду в языке, который был бы общим не только в территориальном смысле, но также и в функциональном, то есть в общем языке письменности" (Винокур, 1945, с.105-106).

Что касается изучения языка писателя, то Винокур исходил из тезиса: "нельзя отрывать язык изучаемого писателя от его исторической обстановки" (Винокур, 1959, с.189). К примеру, в статье "Пушкин и русский язык" находим образцы такого анализа "лингвистической деятельности" писателя (Пушкина), в ходе которого и принимаются во внимание именно культурно-исторические обстоятельства ("культурная обстановка") соответствующей эпохи, в том числе состояние литературного языка того же периода.

Автор замечает: "в произведениях Пушкина немало <...> элементов живого языка его эпохи, позднее получивших привкус "простонародности" или "нелитературности" и постепенно оказавшихся вытесненными из границ литературного языка" (Винокур, 1959, с.195). Объясняя правомочность употребления в начале XIX века формы *бремя* в пушкинском выражении "любви не зная *бремя*" тем, что "слова на -мя в литературном языке конца XVIII – начала XIX вв. склонялись, как в живом просторечье, без изменения основы, по образцу именительного падежа" (там же, с.191), Винокур подчеркивает: "в пушкинское время влияние нормативной грамматики на литературный язык было гораздо более слабым, чем впоследствии..." (там же, с.193).

Приступая к выяснению задач изучения исторического развития языка (имеется в виду статья "О задачах истории языка"), Винокур, верный своему исследовательскому принципу уточнять предмет научного анализа, подразделяет лингвистические исследования на две группы: 1 – изучение языка вообще – в этом случае "разные языки понимаются как разные, исторически обусловленные проявления одной и той же сущности – человеческого языка вообще"

(там же, с.207); и 2 – исследования, "предмет которых составляет какой-нибудь отдельный язык..."; (там же, с.208) как индивидуальное и своеобразное явление человеческой истории (там же, с.210).

С этой, последней, точки зрения, "язык есть условие и продукт человеческой культуры, и поэтому всякое изучение языка неизбежно имеет своим предметом самое культуру <...> конкретная история каждой отдельной культуры так же мало похожа на все остальные, как мало похож на остальные и созданный данной культурой язык" (разрядка моя – *Ю.Б.*; там же, с.210).

В этих рассуждениях Винокура очень важна мысль о том, что исследование отдельного языка имеет своей целью, "конечной задачей" познание "именно этой избранной идиомы в полноте ее конкретного исторического бытия" (разрядка моя – *Ю.Б.*; там же, с.208), т.е. в том числе и в полноте культурно-исторического контекста синхронного существования и диахронии изучаемого языка!

Винокур рассматривает конкретный язык как явление, целиком вписанное в соответствующую национальную культуру, как один из продуктов духовного творчества данного культурно-исторического коллектива.

В этом пункте концепции Винокура усматривается недифференцированный подход к соотношению языка и культуры (может быть, это впечатление создается в связи с подчеркнутым разграничением двух групп лингвистических исследований, о которых говорится в начале статьи "О задачах истории языка", двух сущностей языка – как идеального знака и как эмпирически закрепленной системы средств выражения, обусловленной культурно-исторически, национально).

Между тем Винокур выделяет язык среди других явлений культуры, поскольку он "составляет <...> условие" таких культурных образований, как письменность, наука, искусство, мораль и т.д. (там же, с.211). При этом язык выдвигается на первое место в ряду компонентов, составляющих структуру национальной культуры (там же).

При всей "впаянности" языка в культуру как ее "условие и продукт" Винокур подчеркивает одновременно специфичность языка как формальной структуры. "Даже оставаясь на почве одного языка, т.е. изучая данный язык исключительно ради него самого, – обращает внимание автор статьи "О задачах истории языка", – <...> мы изучаем тем самым соответствующую структуру, именно первую, и в известном

отношении, может быть, самую важную, главу ее истории" (там же, с. 211).

Многозначительны и содержательны мысли Винокура о соотношении истории народа – истории его культуры – истории языка.

"Язык действительно отражает историю народа, но одновременно он и сам есть часть этой истории, одно из созданий народного творчества. Это значит, что изучение данного отдельного языка есть <...> прямая и непосредственная задача того, кто изучает вообще соответствующую культуру. Поэтому всякий языковед, изучающий язык данной культуры, тем самым, хочет он этого или нет, непременно становится исследователем той культуры, к продуктам которой принадлежит избранный им язык" (там же, с.211). Вот почему характерной профессиональной чертой филолога является глубокое и конкретное знание культурной истории народа, язык которого он исследует. Это ярко демонстрируют классики русистики и в их числе Г.О.Винокур.

Обращение лишь к одному из аспектов научного наследия профессора Винокура убеждает в значимости для нашего времени трудов и идей замечательного ученого в исследовании проблем, актуализированных процессами развития современного русского общества.

ЛИТЕРАТУРА

Винокур Г.О. Русский язык. Исторический очерк. М. 1945.
Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М. 1959
Винокур Г.О. О возможности всеобщей грамматики // Вопросы языкознания. 1988. №4.
Винокур Г.О. Филологические исследования. Лингвистика и поэтика. М. 1990.

Л.П. Крысин

ВОПРОСЫ СОЦИОЛОГИИ ЯЗЫКА В РАБОТАХ Г.О. ВИНОКУРА

Вклад Г.О.Винокура в теорию словообразования, теорию орфографии, в разработку проблем теоретической и русской стилистики, в историю русского литературного языка общеизвестен. Его заслуги как текстолога, как исследователя языка Пушкина,

Маяковского, как одного из составителей ушаковского словаря столь же несомненны и давно признаны наукой.

Гораздо меньше внимания обращалось историографами отечественного языкознания на социолингвистические идеи Г.О.Винокура. Между тем, эти идеи не только были новы для того времени, когда Григорий Осипович их высказывал, – они актуальны и поныне.

В данной статье не ставится задача обзора всех или хотя бы многих работ Г.О.Винокура, содержащих какие-либо мысли, связанные с отношением "язык – общество". Я поступлю несколько иначе.

Г.О.Винокур принадлежит к поколению языковедов, активно работавших в науке в 20–30-е годы. Это Е.Д.Поливанов, А.М.Селищев, Л.П.Якубинский, Б.А.Ларин, В.В.Виноградов и другие. Все они проявляли самый живой интерес к изменениям, которые происходили в русском языке после революции. Поэтому социолингвистическая направленность многих работ по русистике, выполненных в то время, очевидна. Г.О.Винокур в этом отношении был особенно замечательной фигурой, поскольку он не только задумывался над механизмом социальной обусловленности языковых изменений – это в высшей степени характерно, например, для Е.Д.Поливанова, – но и фактически демонстрировал эту обусловленность анализом живого материала газет, ораторской речи, повседневных разговоров его современников.

Главный интерес его как исследователя русского языка (во всяком случае, если судить по его работам 20-х годов) был направлен на функциональную сторону, на то, как используют язык говорящие, на, говоря современной терминологией, п р а г м а т и к у языка. Этот интерес характерен для многих работ ученого, и прежде всего для статей, собранных им в ставшей теперь знаменитой, но, к сожалению, до сих пор не переизданной книге "Культура языка" (которая выдержала два издания: 1926-й год и, значительно расширенное 2-е – 1929-й год). Эта книга, особенно в последние годы, не раз становилась объектом внимания русистов, хотя, как кажется, все еще недостаточно оценены взгляды Г.О.Винокура, например, на сущность языковой политики, на специфику разговорной речи и ее отличие от других функциональных разновидностей языка (уже в начале 20-х годов он отмечал такие характерные свойства разговорной речи, как эллиптичность, обусловленность ее структуры элементами речевой ситуации и т.д.).

Основной объект моего внимания – статья Г.О.Винокура "Поэтика. Лингвистика. Социология", написанная и опубликованная им в 1923 году, т.е. тогда, когда автору было всего-навсего двадцать

шесть лет. (Немаловажный штрих, если иметь в виду научную зрелость тех мыслей, которые в этой статье содержатся.)

Первое, что привлекает внимание при чтении этой статьи, – увлеченность Григория Осиповича идеями Фердинанда де Соссюра. Винокур знакомился с этими идеями, по-видимому, по второму изданию соссюровского "Курса", который вышел в Париже в 1922 году. Русский перевод этой книги был опубликован значительно позже, в 1933 году. В начале же 20-х годов отечественные лингвисты работы Соссюра знали мало, признание его заслуг в науке о языке пришло позднее. Поэтому сам факт обращения Г. О. Винокура к Соссюру примечателен. Но что особенно, в первую очередь интересует Винокура в лингвистическом наследии знаменитого швейцарца? Это развитие идеи, что язык – явление социальное. Сейчас это аксиома, тривиальность, но не забудем, что и во времена Соссюра, и в 20-е годы распространенным был психологизм, психологическое направление в лингвистике с его преимущественным вниманием к индивидуальной речи.

Этому, ставшему теперь тривиальным, положению Винокур придает особое значение и конкретизирует его: "...язык есть некая система, которая, равно как и отдельные ее элементы, обладает социальной значимостью и немыслима вне определенной среды, рассматривающей данную систему как некую общеобязательную норму" (с. 24)[1].

Понимание языка как социально обусловленной н о р м ы – это уже не Соссюр, это развитие идей Соссюра, поскольку, как уже отмечали исследователи[2], интерпретация языка как системы норм не была характерна для взглядов Соссюра. Скорее, здесь предвосхищение тех идей, которые значительно позднее высказывал по поводу нормы Э. Косериу (Косериу, 1963).

Но понимание языка как социально обусловленной нормы нужно было Винокуру не само по себе, не только в виде теоретического постулата. С помощью такого понимания он переходит от языка как абстракции, как конструкта к речи, к речевой деятельности, которая по существу всю жизнь его и интересовала.

Норма интерпретируется Г.О.Винокуром как двусторонняя сущность: с одной стороны, это некое социально обусловленное установление, общеобязательное для всех говорящих на данном языке; с другой, пользуясь нормой, нормативно регламентируемыми средствами языка, говорящие постоянно допускают о т к л о н е н и я от нормы (с. 24) и тем самым творят новую норму (с.26).

Развивая соссюровскую дихотомию "язык/речь", Г.О.Винокур говорит, что "различие между собственно языком и говорением есть

не что иное, как различие между языком вообще и стилем" (с. 25).

Вот стихия, в которой Винокур чувствовал себя, как рыба в воде, – стиль! Стиль как результат социально и коммуникативно определяемой трансформации общеязыковой нормы. Стиль как способ использования языковых средств в соответствии с целью речи. И стилистику Г.О.Винокур понимал именно как такую дисциплину, которая изучает "явления языка под углом зрения целесообразного использования его говорящими", анализирует "индивидуальное говорение в зависимости от цели, этим говорением преследуемой" (с. 26).

От этого понимания стиля и стилистики тянутся совершенно ясно просматриваемые связи к позднее сформировавшемуся пониманию динамического характера нормы, нормы в ее "коммуникативной целесообразности" (см., например, Костомаров, Леонтьев, 1966), к учению о функциональных стилях речи как о сферах использования языка, обусловленных социальными и коммуникативными факторами, наконец, к современной теории речевых актов с ее вниманием к иллокутивной функции высказывания. Разумеется, этим я вовсе не хочу сказать, что Г.О.Винокур стоял у истоков теории речевых актов. Здесь важно лишь обратить внимание на знаменательную, как мне кажется, перекличку мыслей, высказывавшихся семьдесят с лишним лет назад, и некоторых постулатов современной лингвистики.

Общеизвестно, сколько внимания уделял Г.О.Винокур изучению поэтического языка (точнее, в его терминологии, – поэтической речи). Поэтика понималась им как часть стилистики (с.26), но анализ такого соотношения двух этих дисциплин, в частности, своеобразного употребления термина "поэтика" не входит в задачу данной статьи. Я хочу только оттенить социолингвистический (а не просто лингвистический) аспект штудий Г.О.Винокура в области поэтического языка.

Главным отличием поэтической речи от всякой иной Винокур считал тот факт, что в поэтической речи слово предстает не только как знак, но и как вещь, "как особый премет, а не как форма только" (с.28). А диктуют такое понимание слова в поэтической речи две категории – цель и функция. Функция же у слова здесь – эстетическая, хотя Винокур оговаривается: "Я предпочитаю быть более осторожным: пусть это будет функция просто поэтическая: слово может быть поэтическим, не вызывая в то же время никаких эмоций, в том числе и эстетических" (с.28).

Если поэтика как бы замыкается на слове, понимаемом как вещь, то значит ли это, – задается вопросом Г.О.Винокур, – что "поэтические факты (речи) асоциальны?" (с.29). И отвечает на этот вопрос так "...стилистика вообще и поэтика в частности рассматривают <...> конкретные (акты) говорения как элементы о с о б о й с и с т е м ы, построяемой сверх системы языка собственного. Говорение есть индивидуальный творческий, волевой акт. Но несколько таких актов – уже не сумма индивидуальных актов только, а их с и с т е м а, обладающая, в свою очередь, общеобязательностью, смыслом, хотя бы и в узких, но все же **социальных** пределах" (последнее выделено мной – *Л.К.*).

Итак, понимание Г.О.Винокуром и самого языка, и стилистики, и поэтической речи социально. Но вот, читая его статью "Поэтика. Лингвистика. Социология", мы доходим до заключительного раздела, где содержится диалог с воображаемым оппонентом-социологом. И здесь мы обнаруживаем: Григорий Осипович далек от мысли, "что лингвист должен быть социологом, хотя социология и может ему во многом помочь" (с.30). Значит ли это, что Винокур был вообще против социологического подхода к изучению языка? Нет: он выступал против грубой социологизации учения о языке, против подмены лингвистического анализа анализом социологическим. Характерна фраза, непосредственно следующая за только что процитированной: "Социальная природа и социальный смысл лингвистических и стилистических явлений могут быть установлены лишь после того, как установлены с а м и э т и я в л е н и я" (с.30). И дальше: "Без имманентного лингвистического анализа социология ведь не будет в состоянии решить даже того, какими фактами следует оперировать при выяснении общественного содержания тех или иных лингвистических явлений, ибо для этого наперед нужно иметь в руках самые факты. <...> если вы не хотите оперировать фикциями, если хотите строить свои социологические теории на основании достоверного материала, но потерпите, пока лингвист не закончит своего лингвистического анализа и не покажет вам нужные вам факты наглядно, воочию" (с.30).

Г.О.Винокур понимал лингвистику и поэтику как дисциплины описательные, а не объясняющие. Социология же может о б ъ я с н я т ь те или иные языковые явления языка, "но лишь в том случае, если она действительно будет объяснять уже установленные факты, а не добывать эти факты из области чуждой ей специальности самостоятельно" (с. 31).

Сейчас эти мысли Г.О.Винокура кажутся чем-то самим собой разумеющимся. Но ведь говорилось это в то время, когда подмена

анализа лингвистического (а в области литературы – литературоведческого) социологическим, а часто и вульгарно-социологическим была в отечественной науке явлением весьма распространенным, даже обычным.

В заключение необходимо подчеркнуть следующее. Желание находить созвучия между прошлым и настоящим может порождать две крайности. С одной стороны, мы, увлекаясь, начинаем видеть в работах предшественников то, чего в них нет. С другой стороны, легко пройти мимо таких их идей, которые сейчас, с точки зрения современного уровня знания кажутся тривиальными, тогда как оценивать их надо по меркам того времени, когда они высказывались.

В своей статье я старался избегать обеих этих крайностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь и далее – в скобках указаны номера страниц сборника, в котором помещена рассматриваемая статья Г.О. Винокура: (Винокур, 1990).

[2] См., например, комментарии М.И.Шапира к рассматриваемой работе Г.О.Винокура в (Винокур, 1990).

ЛИТЕРАТУРА

Винокур Г.О. Филологические исследования. М. 1990.

Косериу Э. Синхрония, диахрония и история // Новое в лингвистике. Вып. 3. М. 1963.

Костомаров В.Г., Леонтьев А.А. Некоторые теоретические вопросы культуры речи // Вопросы языкознания. 1966. №5.

С.М. Кузьмина

ОБЩЕСТВО И ОРФОГРАФИЯ (на материале истории реформы 1904–1918 гг.)

В работах Г.О.Винокура нашли отражение различные аспекты теории орфографии. Его интересовал текстологический аспект – разработка подхода к авторской орфографии при издании литературных памятников (Винокур, 1941), а также современная русская орфография в ее отношении к произношению и ее принципы. Но, кажется, в наибольшей степени Г.О.Винокура интересовала орфография в историческом аспекте. При изучении орфографии как проблемы истории языка Г.О.Винокур настаивал на том, что "орфография может и должна изучаться не только как ключ к фонетике, но также как и самодовлеющее явление языка среди прочих других его явлений" (Винокур, 1959, с.463).

Разрабатывая общие положения постулируемой им "науки об орфографии как особом и специфическом явлении истории языка", он намечает типологию орфографических различий. Все различия, наблюдаемые в истории языка, он сводит к двум категориям: орфографические различия, прямо отражающие соответствующие звуковые различия, и орфографические различия, не зависящие от различий фонетических. Внутри этой второй категории Г.О.Винокур выделяет два рода различий. С одной стороны, это "функционально-орфографические различия", т.е. различия, обладающие дифференцированными функциями – грамматическими или лексическими. К ним он относит различия в употреблении строчных и прописных букв, различия слитных и раздельных написаний вроде *не даром – недаром*. С другой стороны, это орфографические различия с тождественностью функции, или собственно орфографические различия, например, различия между ѣ и е в досоветской орфографии или различия в передаче окончаний *добрый* и *милой* в орфографии пушкинского времени.

Г.О.Винокур называет следующие причины изменений в орфографии: появление новых фонетических различий, устранение существовавших фонетических различий и заимствование орфографии из языка, в системе которого есть фонетические противопоставления, отсутствующие в заимствующем языке.

Все эти соображения Г.О.Винокура актуальны при подведении теоретической базы под кодификаторскую деятельность в области орфографии. Как известно, изменения в письме происходят двумя параллельно идущими путями: свободным, стихийным развитием и сознательным строительством на научной основе (Панов, 1965). Выяснение факторов, влияющих на эволюцию русской орфографии, изучение характера и причин стихийных изменений в ней является важной задачей теории эволюции письма.

Разработка теории эволюции русского письма невозможна без анализа опыта кодификаторской деятельности, без извлечения уроков из предыдущих реформ, и прежде всего из реформы начала XX века. В настоящей статье делается попытка извлечь предварительные уроки из реформы XX века. Основное внимание будет уделено экстралингвистическим факторам – социальным, политическим, культурным, психологическим, играющим наряду с чисто языковыми факторами значительную роль в эволюции орфографии.

1. Период подготовки реформы и теоретического осмысления изменений всегда длится очень долго. Даже когда изменений в языке появилось уже достаточно, когда в письме накопилось много искусственных, не соответствующих живому языку написаний, когда

вопрос об орфографии делается уже больным – даже и тогда оперативное решение оттягивается и откладывается.

Реформа начала века созревала долго: еще в XVIII веке В.К.Тредиаковский, М.В. Ломоносов, А.А.Барсов, В.Светов, осмысливая основания, на которых строится русская орфография, отмечали ее недостатки и непоследовательности – и прежде всего наличие лишних букв. К этому вопросу возвращались на протяжении всего XIX века. Но особенно бурно борьба за упрощение орфографии развернулась в начале XX века, когда в 1904 году была создана Комиссия по вопросу о русском правописании, в состав которой вошли лингвисты, литераторы, журналисты, преподаватели высших, средних и начальных учебных заведений, и руководителями которой были Ф.Ф.Фортунатов и А.А.Шахматов.

Комиссия на своем единственном заседании 12 апреля 1904 года высказалась за желательность упрощения правописания. Для выработки конкретных предложений была создана подкомиссия, приступившая к работе на следующий же день, 13 апреля. Уже через месяц, в мае, были опубликованы предварительные сообщения подкомиссии, содержащие проект изменений. Эти предложения были убедительно аргументированы с лингвистической точки зрения: из письма следовало удалить лишнее, омертвевшее, чтобы оно могло лучше отражать живой язык, стало проще и доступнее. Было задумано, что разработанный подкомиссией проект будет дан на обсуждение общественности, а затем его утвердит Комиссия. Однако от создания Комиссии до осуществления реформы в 1917-18 годах прошло 13 лет. Тринадцать лет длилось обсуждение, вопрос о реформе откладывался, затем к нему возвращались и снова откладывали.

2. Горячими сторонниками и инициаторами усовершенствования орфографии всегда выступают преподаватели. Это понятно: простая в усвоении орфография нужна прежде всего обучающимся – тем, кто еще не владеет грамотой, а также защищающим их интересы учителям. Петербургскими педагогами в середине XIX века было проведено несколько совещаний по вопросу об усовершенствовании русского правописания и предложены проекты его усовершенствования. И в начале XX века самыми рьяными борцами за реформу оказались преподаватели: Московское, Казанское, Одесское педагогические общества разработали свои проекты желательных изменений орфографии. Именно эти проекты, а также прямые обращения преподавателей русского языка в Академию наук послужили поводом к созданию в Петербурге при Императорской Академии наук Комиссии по вопросу о русском правописании.

После опубликования в 1904 году "Извлечений из протоколов заседания Комиссии 12 апреля" и "Предварительного сообщения Орфографической подкомиссии" в 1907 году снова по инициативе учителей Государственная дума обращается к Академии наук с просьбой заняться упрощением русского правописания. И еще десять лет спустя, 10 февраля 1917 года, I Всероссийский съезд преподавателей русского языка средней школы единодушно принимает резолюцию: "Необходима скорейшая реформа русского правописания" – и обращается с ходатайством в Академию наук. 17 мая 1917 года Министерство народного образования Временного правительства, не ожидая утверждения, издает циркуляр о введении нового правописания безотлагательно, с начала нового учебного года.

3. Следующий урок касается р е а к ц и и о б щ е с т в а. Дело, столь оперативно начавшееся в 1904 году, натолкнулось на сильнейшее противодействие. Одно только известие о создании Комиссии вызвало ожесточенное сопротивление общества. По свидетельству "летописца" этих событий, одного из членов подкомиссии В.И. Чернышева (Чернышев, 1947), стали распространяться слухи о том, что готовится покушение на основы русской письменности и культуры. Идея внесения в письмо каких бы то ни было изменений была встречена крайне враждебно. Это видно по газетным публикациям. Узнав о предстоящем упрощении орфографии, историк Н.М. Павлов пишет в газете "Русь": "Такое известие хотелось бы почитать невероятным". Еще до опубликования проекта в печати был объявлен настоящий поход против реформы.

Кипение страстей вокруг слухов о реформе покажем лишь на одном примере – на примере борьбы за букву ѣ и против нее. Если с утратой ижицы, фиты, і десятеричного и даже ъ еще как-то готовы были смириться, то буква ѣ стала настоящим знаменем борьбы – многие сводили реформу к вопросу, быть или не быть этой букве. Общество разделилось на *"ятианцев"* и *"естиариев"*, как назывались сторонники и противники буквы ѣ в шутливых стихах "Война белой яти и алой есть", напечатанных в одной из газет. С буквой ѣ сторонники реформы связывали все косное, старое, отжившее, омертвевшее, что было в русском письме, что мешало усвоению грамоты. В этой букве видели воплощение зла старой орфографии.

Напротив, враги реформы письма видели в этой букве святыню языка, священную реликвию, с которой они связывали русскую историю и в отмене которой видели покушение на основы русской культуры. Даже признавая, что эта буква – условность и бесполезное украшение, они считали, что этот "орфографический орнамент есть венок

на могилу наших предков". Автор одной газетной статьи заявлял: "Сам я не стану писать без "ятей", хотя бы Академия наук исходатайствовала уголовное наказание за употребление этой бесценно дорогой для меня, потому что купленной немалыми страданиями, буквы". И каждый новый этап работы Комиссии, каждая новая попытка возобновления работы сопровождались новым взрывом негодования, новой травлей.

Натиск противников реформы письма был так велик, что Ф.Ф.Фортунатов и А.А.Шахматов, понимая, что после такого ожесточенного сопротивления и травли проект не будет утвержден, и в то же время не желая давать реформу в урезанном виде, решили отложить окончательное утверждение предложений, выдвинутых подкомиссией. Потянулись годы ожиданий, годы, наполненные драматическими событиями в жизни России: война с Японией, революция 1905 года, холера, мировая война, две революции 1917 года. В тревожное, смутное время тяга к стабильному ощущается особенно заметно: все рушится, пусть хотя бы орфография не меняется. Видимо, были правы те, кто считал, что момент для реформы письма был выбран неудачно.

Сейчас кажется удивительным, с какой страстью обсуждались орфографические вопросы в тех же номерах газет, которые печатали телеграммы о потоплении русскими миноносцами японского военного транспорта, сообщали о взятии в плен японских офицеров, помещали большую, на треть газетного листа, карту Южного фронта и вести с разных фронтов, а также призыв идти добровольно на фронт для защиты революции и Родины (в июне 1917 г.) и т. п.

Каким же в самом деле актуальным был вопрос о реформе орфографии, если в насыщенном предгрозовыми предчувствиями русском обществе начала XX века и в самый разгар революционных событий вопрос о правописании встает снова и снова!

4. Причины враждебного отношения к реформе – разного характера: социальные, политические, психологические, культурно-исторические и в наименьшей степени – научные. Лишь очень немногие отвергали реформу на научных основаниях, принципиально отстаивая свое убеждение в том, что орфография должна строиться на традиции, отражать историю языка, а написание слова должно отражать его биографию.

Многие, в том числе и писатели, искренне заблуждались, думая, что любые изменения в письме испортят язык. В отмене лишних, "обветшавших" букв они видели посягательство на язык Пушкина, Тургенева, Достоевского. Это заблуждение проистекало из неправомерного отождествления языка и письма.

"Орфографический раскол" был в большой степени отражением социального расслоения общества. Реформа носила демократический характер: в ней в первую очередь были заинтересованы широкие слои народа, приобщавшиеся к грамоте. Демократически настроенная интеллигенция также поддерживала идею упрощения письма. Однако было много и тех, кого раздражала именно демократическая направленность реформы. "Чистая" публика хотела своей грамотностью отличаться от "полуобразованных мещан". Правописание – "привилегия образованного... перед чумазыми", – заявлял автор, публиковавший в газете "Русь" свои заметки под псевдонимом Homo novus (Кугель?).

Большую же часть противников реформы составляли те, кто просто не хотел ничего менять. Многие боялись внезапно оказаться неграмотными – "попасть из попов да в дьяконы". Легализацией безграмотности называл реформу известный географ-путешественник Семенов-Тян-Шанский. Однако не стоит считать ретроградами и консерваторами всех тех, кто был против реформы орфографии, кто исходил из своих вкусов и привычек, кого не интересовала научная обоснованность проекта. Стремление к стабильности, защита привычного естественна для человека. Традиция письменности в культуре (а письмо – важная составная часть культуры) действительно имеет особое значение. Разумеется, для грамотных людей реформа означала ломку сложившегося механизма чтения и письма, и это неизбежно должно было восприниматься отрицательно.

5. Неприятие орфографических изменений в большой степени связано с непониманием взаимоотношений между языком и письмом, а нередко с неправомерным отождествлением этих понятий. И до сих пор общество пребывает в уверенности, что язык и письмо – это одно и то же. Поэтому необходима работа по "просвещению" общества, по повышению его языковой и лингвистической культуры.

6. Совпадение по времени реформ письма и значительных событий в жизни общества не случайно. Социальные потрясения, вызывая, с одной стороны, сопротивление по отношению к реформе письма, с другой стороны, способствуют ее осуществлению: общество как бы настраивается на кардинальное решение проблем – не только социальных и экономических, но и культурно-исторических. Итак, переломный момент в жизни общества – фактор успешного осуществления преобразований в орфографии.

ЛИТЕРАТУРА

Винокур Г.О. Замечания о языке и правописании Пушкина // Временник Пушкинской комиссии. М. 1941, № 6.

Винокур Г.О. Орфография как проблема истории языка // Г.О.Винокур. Избранные работы по русскому языку. М. 1959.

Панов М.В. Принципы русской графики и орфографии. Историческая справка // Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII–XX вв.). М. 1965.

Чернышев В.И. Ф.Ф.Фортунатов и А.А.Шахматов – реформаторы русского правописания // А.А.Шахматов. 1864-1920. Сборник статей и материалов. М.-Л. 1947.

А.Д. Шмелев

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТИЛИСТИКА И МОРАЛЬНЫЕ КОНЦЕПТЫ

В (Шмелев, 1993) было высказано предположение, что основу специфики всякого функционального стиля составляет набор характерных для него речевых актов и принятый в нем способ маркировки иллокутивной силы высказывания. Так, с этой точки зрения четко противопоставлены два наиболее "бесспорных" стиля письменной речи: канцелярский (официально-деловой) и научный (научно-технический).

В канцелярском стиле самые разнообразные типы речевых актов нормально выражаются при помощи повествовательных предложений (в вершине такого предложения часто стоит перформативный глагол). Поэтому в официальных бумагах не пишут: "Предоставьте мне очередной отпуск", "Выдайте такому-то мои деньги", "Командируйте доцента имярек туда-то", "Когда вашему сотруднику было бы удобно приехать к нам?" – а пишут: "Прошу предоставить мне очередной отпуск", "Доверяю такому-то получить причитающиеся мне деньги", "Приказываю: командировать доцента имярек туда-то", "Просим сообщить предполагаемые даты визита вашего сотрудника" и т. д.

Использование для выражения вопросов и побуждений повествовательных предложений является, пожалуй, самой характерной чертой официально-делового стиля. Поэтому использование повествовательных предложений в побудительной или вопросительной функции может восприниматься как канцеляризм (*Просьба не шуметь!* вместо *Не шумите, пожалуйста!*).

Для научного стиля характерно в каком-то смысле "обратное" соотношение возможных иллокутивных типов высказывания и способов маркировки иллокутивного типа. В соответствии с функциональной предназначенностью научных текстов (основная цель научной речи – довести до сведения читателей-коллег информацию о новом научном знании, полученном автором работы), научные тексты содержат сообщения и не предполагают наличия вопросов или побуждений. В то же время в научных текстах не так уж редки вопросительные и побудительные предложения.

Так, при помощи побудительных предложений *Смотри* и *Сравни* оформляются ссылки на литературу. Эти обороты встречаются в научной речи столь часто, что на письме обозначаются посредством общепонятных сокращений *см.* и *ср.* (само наличие таких сокращений – яркая примета научного стиля). Но ясно, что подлинного побуждения эти предложения не выражают, а лишь передают информацию о том, какими работами пользовался автор.

Вопросительные предложения в научных текстах используются в функции так называемых риторических вопросов, не требующих ответа, т. е. фактически выражают не вопросы, а сообщения. Если в тексте научной статьи говорится: *Какие же причины обусловливают это явление?* – то мы понимаем, что дальше речь пойдет о причинах рассматриваемого явления. Такие "вопросы" на самом деле представляют собою не вопросы, а "метатекстовые" сообщения, информирующие читателя, о чем пойдет речь в последующем тексте.

Для прочих функциональных разновидностей языка также едва ли не определяющим оказывается набор иллокутивных типов высказывания и способ их оформления. Чем более своеобразны иллокутивные характеристики высказываний, используемых в той или иной традиции языкового употребления, т. е. "совокупности установившихся в данном обществе языковых привычек и норм, в силу которых из наличного запаса средств языка производится известный отбор, не одинаковый для разных условий речевого общения" (Винокур, 1941, с.16), тем отчетливее эта традиция осознается как особый функциональный стиль. Можно полагать, что именно благодаря наличию строго определенного иллокутивного потенциала и не вызывает сомнения особый статус канцелярского и научного стилей. Если мы обратимся к публицистическому стилю, который также обычно выделяется в качестве особого функционального стиля, то обнаружим, что в нем также можно усмотреть своеобразие иллокутивного потенциала.

Характерная черта публицистического стиля состоит в том, что используемые в нем высказывания направлены на то, чтобы тем или

иным образом воздействовать на адресата. Такое воздействие может быть прямым, как это было характерно для языка советских лозунгов (Левин, 1988; см. также: Винокур, 1925). Как показал Ю.И.Левин, советские лозунги конца семидесятых – начала восьмидесятых годов по прагматико-коммуникативному типу могли быть подразделены на три группы: призывы ("Превратим Москву в образцовый коммунистический город!", "Вперед к победе коммунизма!"), здравицы ("Да здравствует ленинизм!", "Слава КПСС!") и констатации ("Народ и партия едины", "Дело Ленина живет и побеждает"). Для призывов характерны побудительные конструкции: с глаголом в повелительном наклонении в форме первого лица множественного числа или (при наличии обращения) второго лица множественного числа (напр., "Работники вузов! Улучшайте идейную закалку и профессиональную подготовку студентов!") или же без личной формы глагола ("Вперед к победе коммунизма!", "Все на выборы!", "Пятилетку – досрочно!"). "Здравицы" представляют собою заклинания, включающие "квазиперформативные" конструкции (термин из (Булыгина, Шмелев, 1989)), цель их сводится к самому осуществлению ритуального речевого действия. Наконец, цель "констатаций" вовсе не состоит в сообщении адресату лозунга какой-либо информации. Будучи по форме повествовательными предложениями, "констатирующие" лозунги направлены на моделирование и закрепление в сознании адресата определенных представлений о мире, позволяющих разграничить "свое" и "чужое"[1]. Как отметил Ю.И.Левин, большинство "констатирующих" лозунгов конца семидесятых – начала восьмидесятых годов можно рассматривать как трансформации здравиц ("Да здравствует СССР – оплот мира и прогресса!" → "СССР – оплот мира и прогресса", "Да здравствует нерушимое единство партии и народа!" → "Единство партии и народа нерушимо"). В отличие от подлинных сообщений, такого рода "констатации" принципиально неверифицируемы, поскольку они соотносятся не с подлинной реальностью, а с особого рода внеязыковой действительностью, которую можно назвать идеологическим универсумом.

Отметим, что, если лозунговый универсум конца семидесятых – начала восьмидесятых годов включал только "свое" ("чужое" в нем отсутствовало), то в более ранние периоды (двадцатые – сороковые годы) лозунги не только утверждали и прославляли, но и отрицали, клеймили и проклинали: ср. такие (упоминаемые в (Левин, 1988) в сноске) лозунги, как "Против Лиги Наций, против Локарно, против буржуазных и социалистических пацифистских обманщиков!", "Долой социал-империалистов! Долой социал-папистов!", "Разоблачим

всех и всяких двурушников!", "Искореним врагов народа, троцкистско-бухаринских шпионов и вредителей, наймитов иностранных разведок. Смерть изменникам родины!". Изредка лозунги такого рода встречались и в более позднее время (ср. лозунг начала семидесятых гг. "Позор чилийской хунте!"). Учет таких случаев позволяет, наряду со "здравицами", выделить группу "клеймящих" лозунгов, которые вместе со "здравицами" составляют особый тип "квазиперформативных" лозунгов-заклинаний (разумеется, среди лозунгов, посвященных чужому, встречаются и другие типы лозунгов, напр. лозунги-призывы: "Смерть...!", "Разоблачим...!", "Искореним...!" и т. п.).

То, что сказано о лозунгах, может быть отнесено, пусть с меньшей степенью категоричности, в целом к публицистическому стилю, как он был представлен в советском идеологическом дискурсе. Встречавшиеся в нем повествовательные предложения не столько несли информирующую функцию, сколько были направлены на воспитание у адресатов "правильных" представлений, соответствующих проводимому в идеологическом универсуме разграничению "своего" и "чужого"[2]. Этому способствовало наличие в советском идеологическом языке двух рядов параллельных обозначений для внешне сходных явлений действительности, выбираемых в зависимости от того, шла ли речь о "своем" или о "чужом". В рамках советского идеоязыка высказывание *Матерый политикан вступил в сговор с главарями бандитских шаек* передавало совсем иную идею, нежели высказывание *Опытный политик заключил соглашение с руководителями партизанских отрядов* (Epstein, 1991). Ср. замечание Солженицына о номинациях, используемых в советской пропаганде: *...по тому усвоенному нами правилу, что все в мире, кто убивает за нас, – "партизаны", а все, кто убивает нас, – "бандиты", начиная с тамбовских крестьян 1921 года* (Архипелаг ГУЛАГ).

Впрочем, и в постсоветской публицистике функция воздействия на адресата осталась основной, так что верным остается следующее утверждение касательно функциональной направленности публицистических произведений: "Это не констатирующая, а императивная речь, она призвана не только сообщить о чем-то и выразить отношение к сообщаемому, но и внушить это отношение адресату, т. е. в конечном счете это речь, призванная воздействовать на убеждения или поведение читателя, на его оценку тех или иных факторов" (Шмелев, 1977, с.64). Просто в условиях относительной свободы и невозможности административного воздействия на несогласных более эффективным оказывается не непосредственное воздействие, а

разнообразные приемы скрытого воздействия на адресата, которые иногда относят к "языковой демагогии": для того чтобы властвовать умами, приходится прибегать к разного рода речевым хитросплетениям (arch use of language)[3]. Соответственно, единство публицистического стиля как такового оказывается отчасти утраченным.

Сказанное не означает, что выделенные функциональные разновидности языка лишены каких-либо иных специфических черт. Так, каждая из них пользуется особыми лексическими средствами, выбор которых также обусловлен функционально. Как уже говорилось, важная черта публицистического стиля советского времени – большое количество эмоционально-оценочных выражений, задающих идеологическую оценку того, о чем идет речь (*судилище*, *воин* и т. п.). Для официально-делового стиля, напротив, характерна "сухость", отсутствие эмоционально-окрашенных средств выражения. Обращают на себя внимание используемые в нем юридические термины и "официальные" наименования явлений действительности: *очередной отпуск*, *жительство*, *местопребывание*. Не случайным оказывается и использование "аналитических" конструкций с отглагольным именем (вместо *помочь – оказать помощь*, вместо *осмотреть – совершить осмотр* и т. д.).: именно отглагольные существительные являются клишированными, терминологическими обозначениями соответствующих действий. Для научного стиля, как известно, едва ли не конституирующую роль играет использование специальной терминологии, как бы аккумулирующей научное знание о соответствующем явлении. Другая характерная черта научного стиля – обилие "метатекстовых" оборотов, сообщающих о том, как организован текст (*В следующем параграфе мы рассмотрим...*; *Обратимся теперь...*; *Перейдем к рассмотрению вопроса о...*; *Как отмечалось выше, ...* и т. д.). Отмеченные особенности связаны с основной функцией научного стиля, которая состоит в том, чтобы информировать читателей-коллег о новом научном знании, полученном автором работы. При этом текст обычно строится не как голая передача информации, а как приглашение читателя к совместному рассуждению. Отсюда часто встречающееся в научных текстах использование форм 1-го лица множественного числа: *рассмотрим*, *перейдем*, *обратим внимание*.

Однако здесь следует иметь в виду, что, хотя специфика того или иного функционального стиля в значительной степени определяется необходимостью вести речь в строго очерченных тематических рамках, функциональное единство и тематическое единство – это совсем не одно и то же. Одной и той же теме могут быть посвящены стилистически различные речевые произведения (ср., напр.,

публицистическую статью на экономическую тему, официальное постановление по какому-либо экономическому вопросу и научную статью специалиста по экономике). Несомненно, какие-то языковые выражения в них могут оказаться общими (напр., *рост цен*, *инфляция* и т.д.), но это не отменяет стилистических различий между ними. С другой стороны, и в пределах одного функционального стиля существуют различные тематические единства, отчасти задающие используемые в них языковые средства. Понятно, что литературоведение, политология, лингвистика, биология, физика и математика пользуются различным языком. Это связано не только с наличием у каждой из этих наук своей особой терминологии, но и с различными приемами построения речи. Напр., в математической речи возможно использование букв латинского или греческого алфавита в функции приложения (*множество M*), для нее характерен оборот *такой, что...*, находящийся в постпозиции к определяемому. Все это не характерно для литературоведческих текстов. Однако здесь речь, скорее, должна идти даже не о тематической заданности, а о жанровой принадлежности. Указанные обороты встречаются в некоторых особых минитекстах, характерных для языка математики (*строгое определение, условие задачи, доказательство*). Не случайно и лингвист, захотевший "рассуждать строго", также с большой долею вероятности будет прибегать к этим же оборотам.

Посмотрим теперь с указанной точки зрения на "религиозно-проповеднический стиль", который предложил выделять Л.П.Крысин (1996) для заполнения "одной из лакун в системе функциональных стилей современного русского литературного языка". В целом с этим предложением можно согласиться. Однако следует отметить, что далеко не всякое речевое произведение "на религиозную тему" может быть отнесено к "религиозно-проповедническому стилю". Очевидно, что богословские сочинения принято писать научным стилем (разумеется, с учетом специфики предмета, но такой учет, как уже говорилось, характерен для всякой науки), религиозная публицистика (к которой относятся, напр., взаимные обличения представителей различных церковных групп при церковных нестроениях) использует средства публицистического стиля, бытовой разговор "о божественном" ведется в значительной мере средствами разговорной речи. Не вполне оправданным представляется отнесение в указанной статье (Крысин, 1996) к религиозно-проповедническому стилю языка Св. Писания. Представляется, что, с точки зрения современного русского языка, язык Писания (кстати, стилистически весьма неоднородный), будучи несомненным образцом для всевозможных религиозных

текстов (во всяком случае, христианской традиции), не является живой реализацией какого-либо функционального стиля, идет ли речь о церковнославянском переводе или о русском синодальном переводе, а попытки модернизированных современных переводов включают элементы самых разных стилей – в зависимости от того, о какой части Писания идет речь (скажем, в переводах "обличительных" мест из посланий ап. Павла заметен публицистический элемент, а в переводах "богословских" отрывков – научный).

По-видимому, безусловно специфичны, с точки срения используемых функционально-стилистических средств, лишь два религиозных жанра: молитва и проповедь. Однако отнесению их к одному и тому же функциональному стилю противится то, что их иллокутивный потенциал полностью различен.

Большинство молитв, используемых в практике современных русских православных, не являются живыми произведениями современного русского языка. Во-первых, более принято использовать уже готовые молитвы, а не молиться "своими словами" (хотя последнее также не исключено); во-вторых, в готовых молитвах используется церковнославянский язык, а не современный русский язык. (Конечно, можно было бы объявить церковнославянский язык особым "литургическим" стилем русского языка, но для современной языковой ситуации такое решение выглядело бы слишком экзотично.) Правда, остается еще совокупность молитв "своими словами", хотя ее изучать трудно, поскольку в таких случаях, как правило, имеет место келейная молитва, произносимая про себя или без свидетелей; кроме того, на русском языке могут молиться не только православные, а также и инославные и иноверцы, и здесь речь может идти и об общественной молитве. Как бы то ни было, можно, по-видимому, утверждать, что в молитвах используется три типа речевых актов: просьба (прошение), прославление и выражение благодарности (благодарение). В прошениях обычно используется повелительное наклонение глагола в форме второго лица единственного числа[4]; кроме того, возможно использование в вершине прошения перформативного глагола, как в прошениях на ектенье (*О* <том-то и том-то> *Господа Бога молим*). В благодарениях обычно используется перформативный глагол (*Благодарю Тебя, Господи Боже мой*). Наконец, в прославлениях естественно использовать квазиперформатив (*Слава святой, и единосущной, и животворящей, и нераздельной Троице*) или перформатив.

Совсем иначе выглядит иллокутивный потенциал проповедей. В некоторых отношениях проповеди похожи на публицистические произведения, они также ориентированы на то, чтобы определенным

образом воздействовать на адресата. Однако едва ли не самый характерный для проповеди тип высказывания – это напоминание (в форме повествовательного предложения), которое не сообщает адресату речи новую информацию, а актуализует в его сознании, вообще говоря, известное, но забытое или сознательно игнорируемое. С точки зрения формального строения, такие высказывания в проповеди часто содержат личные формы первого лица множественного числа (*Мы гости в этом мире*; *Эта короткая жизнь имеет для нас огромное значение*; *Если мы убиваем время, мы убиваем себя*; *Любим ли мы Бога? Да, конечно, на словах мы Его любим…*; *Мы ищем чтения полегче, болтовни, а не разговора, развлечения, а не питания* и т. п.). Тем самым адресант не отделяет себя от адресатов проповеди. Такое строение напоминает строение некоторых лозунгов, однако если в лозунговом дискурсе формальное совпадение адресанта и адресата происходит, как правило, в лозунгах призывах, а не констатациях, то в языке проповеди такое совпадение характерно как раз для формально констатирующих высказываний.

Впрочем, это не единственный тип высказывания-напоминания, характерный для проповеди. Другой тип напоминаний – рассказ о каком-либо событии священной истории (в литургической практике – часто о том, о котором только что шла речь в евангельском чтении), сопровождаемое моралью и указанием на то, что жизнь адресатов не соответствует этой морали (*Чему нас это учит? …А так ли мы живем?*).

Вопрос о том, достаточны ли указанные особенности для выделения проповеднического стиля в качестве особого функционального стиля современного русского литературного языка или он представляет собою лишь некоторую особую разновидность публицистического стиля, является в значительной мере терминологическим. В современных изданиях самого разного характера проповеди и произведения церковной публицистики обыкновенно печатаются рядом (можно, напр., указать религиозные приложения к ряду газет, рубрику "Домашняя церковь" в журнале "Москва" и т. д.), в то же время отчетливо различаясь стилистически. Во всяком случае проповеднический стиль резко отличается (прежде всего в функциональном плане) от языка молитв, который, скорее, можно было бы отнести к особому "литургическому" стилю языка (отдельный вопрос – насколько актуален литургический стиль для современного русского литературного языка).

Но в то же время есть нечто общее для самых разнообразных жанров религиозного дискурса, что отличает его от других видов

дискурса на русском языке. Это особое употребление слов, соотносящихся с этическими концептами.

Обращая внимание на то, что в языке находят определенное отражение этические представления носителей языка, Ю.Д.Апресян (1995) справедливо указывал: «Так, из анализа пар слов типа *хвалить* и *льстить*, *хвалить* и *хвалиться*, *обещать* и *сулить*, *смотреть* и *подсматривать*, *слушать* и *подслушивать*, *смеяться (над кем-л.)* и *глумиться*, *свидетель* и *соглядатай*, *любознательность* и *любопытство*, *распоряжаться* и *помыкать*, *предупредительный* и *подобострастный*, *гордиться* и *кичиться*, *критиковать* и *чернить*, *добиваться* и *домогаться*, *показывать (свою храбрость)* и *рисоваться (своей храбростью)*, *жаловаться* и *ябедничать* и др. под. можно извлечь представление об основополагающих заповедях русской наивно-языковой этики. Вот некоторые из них: "нехорошо преследовать узкокорыстные цели" (*домогаться*, *льстить*, *сулить*); "нехорошо вторгаться в частную жизнь других людей" (*подсматривать*, *подслушивать*, *соглядатай*, *любопытство*); "нехорошо унижать достоинство других людей" (*помыкать*, *глумиться*); "нехорошо забывать о своих чести и достоинстве" (*пресмыкаться*, *подобострастный*); "нехорошо преувеличивать свои достоинства и чужие недостатки" (*хвастаться*, *рисоваться*, *кичиться*, *чернить*); "нехорошо рассказывать третьим лицам о том, что нам не нравится в поведении и поступках наших ближних" (*ябедничать*, *фискалить*); и т. п. Конечно, все эти заповеди – не более чем прописные истины, но любопытно, что они закреплены в значениях слов. Отражаются в языке и некоторые положительные заповеди наивной этики». Но, как кажется, не менее интересно и то, что далеко не всегда отраженные в языке этические представления оказываются "прописными истинами". Об этом свидетельствует, в частности, и тот факт, что извлекаемые из анализа языковых данных (в первую очередь лексических единиц) этические представления могут несколько различаться в зависимости от того, с какой функциональной разновидностью языка мы имеем дело.

Здесь следует иметь в виду, что слова, в той или иной мере включающие этическую оценку, практически не используются в официально-деловом и в научном стиле. Для канцелярского стиля оценочная лексика вообще не характерна; в текстах, явно принадлежащих научному стилю, единицы с оценочным значением встречаются как раз достаточно часто и не являются в них инородным элементом[5] – однако при этом имеет место интеллектуальная, а не этическая оценка (*Как справедливо заметил...*, но не *?Не сослаться на меня было несправедливо*).

Наиболее характерно использование слов, соотносящихся с этическими концептами, для разговорно-бытовой речи (и ориентированных на бытовой язык в произведениях письменной речи), с одной стороны, и для религиозного дискурса – с другой. Что касается до публицистики, следует отметить, что для советского идеологического языка подлинно этическая оценка (по параметру "добро"–"зло") была не характерна, ее заменяла оценка по параметру "свое"–"чужое" (наряду с этим для "оживления" использовались выражения этической оценки, "заимствованные" из бытового языка и даже просторечия: *перегиб*, *показуха* и т. п., которые также составляли яркую примету языка советской публицистики). Представить себе в советской публицистике такое слово, как, скажем, *милосердие*, было бы чрезвычайно трудно. В настоящее время в публицистике на русском языке используются самые разнородные средства, указывающие на этическую оценку (*жестоковыйный* может соседствовать в ней с *кинуть* в значении 'обмануть'), так что не приходится говорить о каком-либо специальном наборе "публицистических" слов со значением этической оценки.

О различии этических представлений, как они отражаются в бытовой речи и в религиозном дискурсе, свидетельствует целый ряд языковых фактов. Многие используемые в религиозной сфере названия пороков и добродетелей в бытовой речи практически не употребляются (напр., *целомудрие*). Другие могут использоваться и там, и там, но иметь при этом различное содержание и выражать различную оценку. Так, напр., прилагательное *гордый*, скорее, положительно окрашено в бытовой речи (как и производное существительное *гордость*), а в религиозном дискурсе представляет собою название одного из самых тяжких грехов– *гордыни* (ср. название известной статьи Ленина "О национальной гордости великороссов", основанное на бытовом представлении о *гордости*, и пародирующее его название статьи православной публицистки Ольги Газизовой "О национальной гордыне великороссов").

Иногда различие бытового и религиозного этического концепта не так очевидно, и их обманчивое сходство может вводить в заблуждение исследователя. Так, Анна Вежбицка, тонко проанализировав ряд русских примеров, в которых встретилось слово *смирение*, сделала вывод об отличии "русского православного идеала *смирения*" от общехристианского идеала, отраженного, напр., в английском *humility* (Wierzbicka, 1992, с.188-195). Она указала на то, что в слове *смирение* содержится оттенок неделания, пассивности, резигнации, полностью отсутствующий в *humility*. Но дело в том, что использование слова *смирение* в религиозном дискурсе почти

полностью соответствует использованию слова *humility* (и его аналогов в других западноевропейских языках). Никакой особой пассивности или готовности примириться с несовершенствами падшего мира в нем не содержится. Другое дело – слово *смирение*, как оно иногда используется в бытовом языке или в дискурсе, ориентированном на бытовой язык. Сблизившись в результате народной этимологии с глаголом *смириться*, оно стало восприниматься как образованное от него существительное и приобрело значение, включающее, среди прочего, идею примирения с действительностью и представление, что это хорошо. Разумеется, *смирение* в религиозном дискурсе и *смирение* в бытовой речи не разделены непреодолимой перегородкой. Использование слова *смирение* в текстах религиозных философов может иметь семантический ореол бытового *смирения*, отказа от деятельной работы по преобразованию мира. Однако это не более чем ореол, который в религиозном дискурсе легко устраняется контекстом.

Интересным примером несовпадения этических представлений, как они отражаются в бытовом и в религиозном языке, может служить слово *справедливость*. Можно было бы сказать, что слово отражает одну из самых важных этических ценностей, воплощенных в русской лексике. В требовании *справедливости* можно усмотреть нечто, свойственное русским едва ли не в большей степени, чем другим народам. "Как судить: по закону или по справедливости?" – вопрос, который трудно перевести на европейские языки. Когда русские говорят на иностранных языках, они иногда испытывают трудности, связанные с отсутствием в этих языках слова, в точности соответствующего русской *справедливости*. Вместо справедливости приходится говорить о "честности" (английское *fairness*) или о "законности" (английское *justice*). Мы готовы считать *справедливость* более важной, нежели отвлеченную и бездушную *законность*[6].

На первый взгляд, ничто в его семантике не препятствует его использованию в религиозных текстах. Однако, в религиозном дискурсе это слово почти не используется или же изредка используется специфическим образом, для указания на один из распространенных пороков, связанных с отсутствием любви (ср. отрывок из проповедей иеромонаха Никона: *Например, прекрасно известно, что Евангелие требует, чтобы мы прощали друг другу. Но нам не хочется простить, мы находим справедливым так или иначе отплатить причинившему нам скорбь – и таким образом отрекаемся от учения Христова*). При этом, обсуждая светские темы, церковные иерархи вполне могут говорить и о *справедливости* в положительном смысле (ср., напр., следующее высказывание митрополита Кирилла, сделанное им в интервью с

журналистом светской газеты: *Церковь оценивает общественную жизнь и даже строй с точки зрения христианских принципов. Для нас далеко не безразлична, например, тема справедливости*).

Среди прочего, это связано с некоторыми особенностями семантики данного слова, препятствующими его употреблению в собственно религиозном дискурсе.

Хотя большинство носителей русского языка довольно ясно представляет себе смысл слова *справедливость*, определить это понятие очень трудно. *Справедливым* мы называем человека, который занимается распределением благ (или наказаний). Он должен делать это *справедливо*, т. е. давать каждому по потребностям или по заслугам. *Справедливым* может быть учитель, но не ученик, судья, но не подсудимый. Когда журналист пишет, что суд был *строг, но справедлив*, он хочет сказать, что вынесенное наказание соответствовало тяжести вины (как говорит пословица, *поделом вору и мука*). Справедливым (или несправедливым) мы называем также вынесенное "судьей" (в широком смысле) решение и – метонимически – последствия этого решения, как в песне Галича "Репортаж о футбольном матче": *досадный и несправедливый гол*.

При этом *справедливость* предполагает иерархичность судей: справедливость сама по себе – характеристика действий кого-то, наделенного полномочиями судьи, а чтобы судить о том, справедливы или несправедливы действия "судьи", говорящий как бы присваивает себе функции "арбитра второй степени".

Справедливость подразумевает глубокий и разносторонний анализ ситуации. Часто совсем не ясно, что является *справедливым*. Требуя *справедливости*, мы требуем чего-то едва ли осуществимого в земной жизни. Быть *справедливым* – значит быть в состоянии осуществить *справедливый* суд, т. е. взвесить все обстоятельства дела, все детали и "воздать каждому по делам его". Можно было бы сказать, что быть справедливым может только Бог. Но называя Бога *справедливым*, говорящий присваивал бы себе полномочия судьи по отношению к Богу, а это, разумеется, для религиозного дискурса немыслимо (как писал ап. Павел, "изделие ли скажет сделавшему (его): "зачем ты меня так сделал?"). Совсем другое дело – в быту жаловаться на *несправедливую судьбу* или, наоборот, говорить, что судьба обошлась с ним *справедливо*.

Впрочем, запрет на употребление слова *справедливость* в религиозном дискурсе не является абсолютным. По существу именно требование справедливости провозглашается законом Талиона (*око за око, зуб за зуб*). И, толкуя этот принцип, еврейский законник вполне может

указать на то, что он дозволяет рассчитывать на *справедливую* компенсацию нанесенного ущерба и запрещает, т. е. считает *несправедливым*, присуждать большее (напр., человеку, у которого выбили зуб, дозволено требовать денег, необходимых для того, чтобы вставить зубной протез, и не позволено требовать денег, достаточных для покупки дома). Однако даже при изложении на русском языке религиозных систем, в которых справедливость, как будто, занимает важное место, само слово *справедливость* используется не так часто. Это, несомненно, связано с особым "ореолом" слова, обозначающего этическую ценность, важную для светской этики, но отсутствующую в списке важнейших религиозных этических ценностей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Можно сказать, что лозунги-констатации предполагают у модельного адресата "внутреннюю перестройку... ментального характера, приближение сознания к "должному" состоянию, внутреннее совершенствование" (Левин, 1988).

[2] Эта особенность советского идеологического дискурса была одним из оснований для отграничения реализующегося в нем "газетно-публицистического" стиля от "газетно-информационного" стиля (ср. Шмелев, 1977, с.67 и др.).

[3] Используемые в современной ("постперестроечной") прессе лингводемагогические приемы с некоторой степенью подробности рассмотрены в (Шмелев, 1997). Следует, впрочем, отметить, что и в советское время приходилось прибегать к лингводемагогии, отчасти в связи с тем, что прямое речевое воздействие очень скоро обесценивается. Ср. следующее замечание Г.О.Винокура (1925): "Ведь "да здравствует" решительно ничего не значит... Реагировать на эти призывы представляется совершенно невозможным".

[4] Множественное число формально тоже могло бы быть возможно, напр., у язычников при обращении сразу к нескольким богам или в случае этикетного обращения к Богу "на вы", как это принято у французских католиков; однако можно смело утверждать, что для русских молитв в любом случае это носило бы глубоко маргинальный характер.

[5] Ср. замечание Н.К.Рябцевой (1996): "Вопреки распространенному мнению о "бесстрастности" и "объективности" научного изложения, оно высоко аксиологично".

[6] Ср. замечания Е.Тамарченко (1990, с.240-241) относительно народных представлений о "справедливости как з а к о н е, объемлющем равно человеческий и природный мир" и о том, что справедливости место больше "на небесах, чем на земле".

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995, №5.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Ментальные преликаты в аспекте аспектологии // Логический анализ языка. Проблемы интенсиональных и прагматических контекстов. М. 1989.

Винокур Г.О. Культура языка. М. 1925.

Винокур Г.О. О задачах истории языка // Учен. зап. Моск. гор. пед. ин-та им. В.П.Потемкина. Каф. рус. яз. Т.V. Вып.1. 1941.

Крысин Л.П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической парадигме современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. Памяти Татьяны Григорьевны Винокур. М. 1996.

Левин Ю.И. Семиотика советских лозунгов // Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 22. 1988.

Рябцева Н.К. Теоретическое и лексикографическое описание научного изложения: межъязыковой аспект. Научный доклад... доктора филол. наук. М. 1996.

Тамарченко Е. Идея правды в "Тихом Доне" // Новый мир. 1990, №6.

Шмелев Д.Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М. 1977.

Шмелев А.Д. Классификация предложений по цели высказывания и функциональная стилистика // Русский язык в школе. 1993, №3.

Шмелев А.Д. Приемы языковой демагогии. Апелляция к реальности как демагогический прием // Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. 1997.

Epstein M. Relativistic Patterns in Totalitarian Thinking: an Inquiry into the Language of Soviet Ideology. Washington. 1991 (= Kennan Institute for Advanced Russian Studies. Occasional Paper # 243.)

Wierzbicka A. Cemantics, culture and cognition: universal human concept in culture – specific configuration. N.-Y. Oxford Univ. Press. 1992.

Л.Л. Федорова

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ ГУМАНИТАРНОЙ И ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

В современном состоянии языка находят отражение как процессы социальной дифференциации, так и процессы смешения и взаимопроникновения разнородных стихий: литературной и просторечной, разговорно-нейтральной и жаргонной, центральной и региональной, исконно-русской и иноязычной (Крысин, 1989). Однако при всей неоднородности и нестабильности социально-языковой картины в ней выделяются некоторые речевые типы, обнаруживающие тяготение к определенным социальным ценностям: с одной стороны, к престижу власти, богатства, силы, с другой – знания, культуры, духовности. И в новом поколении, наряду с возрастанием престижа богатства и власти, сохраняется традиция престижа знания и культуры. Ориентация именно на эти ценности отличает социальные слои интеллигенции.

Как известно, речевое поведение человека отражает, с одной стороны, черты той языковой среды, к которой он изначально прина-

лежит, а с другой стороны, престижные для него языковые эталоны той среды, к которой он стремится принадлежать, в которой желает утвердиться. Сочетание этих тенденций – воспитанных средой языковых навыков и осознанного стремления к определенным образцам – лежит в основе сохранения традиции.

Речевое поведение интеллигенции, опирающееся на нормы русского литературного языка, тем не менее не отличается однородностью. Своеобразие речевого портрета выступает выражением индивидуальности, личностной позиции, что отмечает Г.О.Винокур: "Интонация и тембр голоса, акцент и порядок слов, синтаксическая конструкция и лексическое своеобразие, тематические пристрастия и характерные приемы сюжетосложения, весь вообще стилистический уклад речи, т.е. все то, что отличает в ней именно этого говорящего среди прочих, – ведь это и суть те факты, в которых мы усматриваем следы индивидуальной жизненной манеры и которые позволяют нам смотреть на слово не только как на знак идеи, но и еще как на поступок в истории личной жизни" (Винокур, 1997, с.8). Отсюда особый интерес к лингвистическому описанию речевых портретов представителей современной интеллигенции, особенно старшего поколения. Однако не меньший интерес для исследователей могут иметь и те черты речевого поведения, которые позволяют выделить особые речевые типы среди интеллигентов.

Модели поведения человека в обществе в известной мере определяются характером мировосприятия, способом познания мира – достоверным или вероятностным, в основе которого лежит противопоставление знания и мнения. Мнение и знание, греческие докса и эпистема, преломляясь в моделях поведения, порождают две тенденции. Знание порождает уверенность, определенность, категоричность. Мнение сродни сомнению, неуверенности, осторожности. Эти две тенденции различают основные когнитивные стратегии: ориентация на модус знания более характерна для представителей точных наук, технической интеллигенции; ориентация на модус мнения обычно присуща гуманитарной интеллигенции.

Эти тенденции прослеживаются и в языковом поведении представителей этих двух социально-профессиональных групп. Так, в речи гуманитариев можно отметить уклончивость в оценках, гипотетичность суждений, избегание окончательных определений, своего рода "недоопределения" с помощью особых лексических показателей, выражающих неопределенность, типа "как бы", "некий", "какой-то", "так сказать", или апеллирующих к общему мнению: "как говорится", "если угодно" и подобных. Словечко "как бы", показатель неопре-

деленности, вернее избегания определенности, подхваченное у гуманитариев и распространившееся особенно в сфере публичной речи, становится всеобщим знаком сегодняшнего дня, символом времени.

Противоположные устремления – к точности, лаконизму, категоричности, достоверности – отмечаются в речи "технарей": для них более характерны определенность суждений, использование лексических показателей типа "естественно", "действительно", подтверждающих закономерный и ожидаемый ход вещей.

Эти наблюдения были уточнены в результате специального исследования, предметом которого стало построение оценочных суждений, выражение степени уверенности с помощью лексических показателей представителями этих двух групп (исследование проводилось в рамках семинара по социолингвистике на факультете теоретической и прикладной лингвистики РГГУ).

Экспериментальному исследованию были подвергнуты группы студентов, одна – из обучающихся в техническом вузе (МАТИ), другая – в гуманитарном (РГГУ). Им было предложено письменно ответить на вопросы, требующие оценочных суждений. Вопросы касались вероятности некоторых событий в будущем, причем для прогноза не требовалось специальных технических или гуманитарных знаний.

При обработке материала исходили из того, что оценка автором вероятности (достоверности) события отражает степень его уверенности в осуществлении данного события (ожидание). Словесной оценке авторам предлагалось поставить в соответствие количественную, вероятностную. Вероятности события, оцененные в 1 или 0, соответствовали абсолютной уверенности – в достоверности события в первом случае или недостоверности во втором. Оценка 0,5 выражала полную неуверенность, отсутствие гипотезы.

В языке существуют разные способы выражения гипотетичности суждений. С большой долей уверенности в собственном прогнозе можно сказать: *Думаю, эта команда вновь станет чемпионом,* или *По-моему, эта команда вновь станет чемпионом,* или *Скорее всего, эта команда вновь станет чемпионом.* Два первых примера выражают уверенность с помощью личностных лексических показателей; последний пример содержит показатель *скорее всего,* относящийся к классу модально-вводных слов. В отечественной лингвистической традиции слова этого класса рассматриваются как показатели субъективной модальности высказывания. К ним относятся, в частности, *наверное, по-видимому, может быть, очевидно* и подобные. Этот класс слов был выделен академиком В.В.Виноградовым (1947). В последние

годы он исследовался в работах Е.С.Яковлевой (1988, 1994), Е.В.Падучевой (1996), Н.Д.Арутюновой (1988), Т.В.Булыгиной и А.Д.Шмелева (1997), Е.Р.Иоаннесян (1993) и других лингвистов под разными наименованиями: как показатели достоверности/недостоверности информации (Яковлева), слова с семантикой оценки (Арутюнова), показатели степени уверенности автора или гипотетичности высказывания (Булыгина, Шмелев). Были предприняты попытки составить шкалу достоверности на основании количественных оценок вероятности (Diver, 1964 – на английском материале, В.Н.Бондаренко, 1979 – на русском материале).

При семантическом анализе модальных слов обычно исходят из их разделения по модусу *знание – мнение*, восходящего к противопоставлению Б.Расселом двух типов знания: знания "*по знакомству*" (т.е. на основе непосредственного контакта с ситуацией) и знания "*по описанию*" (т.е. на основании логического вывода при отсутствии контакта с ситуацией). Первый тип знания воплощается в суждениях типа *Кажется, он спит* или *Он явно уснул*, произнесенных преподавателем по поводу студента, сидящего в аудитории с закрытыми глазами. Примерами второго типа могут служить высказывания *Возможно, он заболел* или *Скорее всего, он заболел* по поводу отсутствующего студента. Суждения этих двух типов можно соответственно охарактеризовать как наблюдения и догадки, собственно гипотезы. Как видно, суждения обоих типов могут различаться по степени уверенности.

В эксперименте нас интересовали оценочные суждения второго типа, собственно гипотезы, относящиеся к модусу мнения. Показатели оценки, используемые в такого типа высказываниях, обычно разделяются на две группы: показатели проблематичной достоверности (*сомнительно, вероятно, очевидно и др.*) и показатели категорической достоверности (*конечно, несомненно, бесспорно* и т.п.). Е.С.Яковлева характеризует их по количественному критерию – как показатели достаточной или недостаточной информации. Внутри класса показателей недостаточной информации Е.С.Яковлевой выделяется подкласс (*возможно, может быть*) по признаку "отсутствие трактовки ситуации", т.е. высказывания с этими показателями не дают однозначной трактовки ситуации, они не выдвигают единственную гипотезу, а лишь допускают ее в числе прочих. Они могут во всяком случае предполагать два исхода "может быть, да, а может быть, и нет". Здесь отсутствует ожидание определенного исхода, но есть степень достоверности (порядка 0,5).

Нам представляется, что суждения-гипотезы исследуемого класса вторично могли бы быть разделены на тяготеющие к модусу знания

(просто в силу отсутствия сомнений у говорящего) суждения категорической достоверности, или достаточной информации, и воплощающие модус мнения – суждения проблематичной достоверности, или недостаточной информации.

При анализе результатов эксперимента рассмотренная теоретическая схема подвергается некоторой корректировке. Так, по мнению Е.С.Яковлевой, показатели категорической достоверности выражают оценку соответствия ожиданию (т.е. стопроцентной уверенности), а не степени достоверности (т.е. вероятности). Но уверенность естественным образом связана с вероятностью, а степень уверенности, выражаемая с помощью этих показателей, не всегда стопроцентна. (Можно сказать, что при оценке прошедших событий значение соответствия ожиданию выходит на первый план, но и здесь соответствие не абсолютное: *Его, конечно, дома не оказалось.* – Но все-таки была надежда, что он окажется дома.) Так, в эксперименте количественная оценка вероятности прогнозируемого события для ряда слов из этого класса оказывается меньше 1 (для *конечно* – в интервале 0,85–1, для *безусловно* – 0,95–1), что указывает на наличие признака "степень достоверности" либо на неоднозначность трактовки подобных показателей. Эта неоднозначность может быть отмечена и в трактовке слова *очевидно*, которое представителями технической интеллигенции оценивается вероятностью (достоверностью) 1, а гуманитариями двояко: либо вероятностью 1, либо вероятностью 0,60–0,65 (по наблюдениям С.Коротаева). По-видимому, это указывает на два значения этого слова: одно, терминологически-техническое, – достаточной информации, другое, обиходно-разговорное, – недостаточной информации.

Как уже указывалось, для выражения вероятностной оценки используются не только безличные вводно-модальные слова, но и слова, связанные с обозначением личностной позиции: *думаю, не думаю, полагаю, сомневаюсь, не сомневаюсь, уверен, не уверен, по-моему* и т.п. Проведенный эксперимент показал, что подобный способ широко применяется в обеих группах. При этом примечательно, что авторитетность (вес личностных показателей, собственного мнения), о которой можно судить по подразумеваемой вероятности события, неодинакова у разных групп. Авторитетность, вес собственного мнения у "технарей" выше, чем у "гуманитариев", что выражается в более высоких вероятностях положительных прогнозов и в более низких – отрицательных. Так, суждения с показателями собственного мнения имеют оценки: *думаю* – у "технарей" 0,71, у "гуманитариев" 0.58 (напомним, что оценка 0,5 соответствует полной неопределен-

ности, отсутствию гипотезы); *по-моему* – у "технарей" 0,75, у "гуманитариев" 0,66; *сомневаюсь* – у "технарей" 0,1, у "гуманитариев" 0,23 (т.е. степень сомнения у "технарей" слабее, чем у "гуманитариев", а степень уверенности выше). Интересно, что для безличных показателей (типа *безусловно, наверное*) групповые различия практически отсутствуют.

Важными представляются различия в системах предпочтения оценок у "технарей" и "гуманитариев". "Гуманитарии" выбирают более осторожные, сдержанные оценки, "технари" – более уверенные и категоричные. Так, можно сравнить наиболее предпочтительные оценки у "технарей": *думаю, безусловно, конечно, не сомневаюсь, разумеется, исключено, наверное, полагаю* – и у "гуманитариев": *думаю, не уверен, по-моему, наверное, конечно, не думаю, вряд ли, исключено.* Попутно можно отметить более заметную склонность к отрицательным прогнозам у гуманитариев.

В целом сопоставительный анализ оценочных суждений исследованных групп подтверждает тенденции определенности, уверенности, категоричности суждений, воплощающие модус знания, у представителей технической интеллигенции, и проблематичности, неуверенности – у представителей гуманитарной интеллигенции. Полученный вывод, естественно, нуждается в подтверждении на более широком экспериментальном материале. Однако и тенденции, отмеченные в рамках данного ограниченного исследования, позволяют задуматься о различии личностных позиций, способов ориентации в мире, выражаемых типами языкового поведения в модусах знания или мнения.

ЛИТЕРАТУРА

Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М. 1988.

Бондаренко В.Н. Виды модальных значений и их выражение в языке// НДВШ. Филологические науки. 1979, №2.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М. 1997.

Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М. 1947.

Винокур Г.О. Биография и культура. Русское сценическое произношение. М. 1997 (предисловие Р.М.Цейтлин).

Дмитровская М.А. Знание и мнение: образ мира, образ человека. Логический анализ языка. Знание и мнение. М. 1988.

Иоанесян Е.Р. Классификация ментальных актов предикатов по типу вводимых ими суждений // Логический анализ языка. Ментальные действия. М. 1993.

Крысин Л.П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М. 1989.

Падучева Е.В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива). М. 1996.

Яковлева Е.С. Согласование модусных характеристик в высказывании// Прагматика и проблемы интенсиональности. М. 1988.

Яковлева Е.С. Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия). М. 1994.

Diver W. Modal System of English Verb// Word. Vol.20, №3. 1964.

Е.А. Земская

ЯЗЫК РУССКОГО ЗАРУБЕЖЬЯ: ДВА ПОЛЮСА

Собственно язык, грамматическая структура языка как явления социального есть лишь отграниченное определенными рамками поле для нашей языковой деятельности. Это – база, отправляясь от которой и оставаясь в рамках которой, мы все же творим наш язык. Это – норма, подлежащая использованию, интерпретации со стороны говорящего индивидуума.

Г.О.Винокур

1. Язык русского зарубежья все больше привлекает к себе пристальное внимание ученых разных специальностей – историков, социологов, культурологов, психологов и, конечно, лингвистов. Это вполне понятно. Четыре волны эмиграции[1] породили обширные колонии русских в разных странах Европы, Азии, Америки, Австралии.

Русская диаспора обширна и многолика, неоднородна во многих отношениях. Люди, уехавшие из России, как правило, сохраняют с Россией и ее жителями какие-либо связи – родственные и дружеские, профессиональные, экономические, культурные. Их культура имеет родство с российской культурой и несет черты своеобразия.

Русское зарубежье крайне неоднородно и по своему отношению к России и вообще всему русскому, неоднородно оно и по степени сохранности русского языка. Наши наблюдения за языком эмигрантов, живущих в разных странах, уехавших из России в разное время и по

разным причинам, показывают сколь велика эта неоднородность. Исследование проводилось в 80–90-е годы XX в. в таких странах, как Германия, Италия, Франция, Финляндия и США.

Мы стремились, изучая речь отдельных лиц, рассматривая многообразие индивидуальностей, выявить какие-то общие закономерности, установить факторы, способствующие/препятствующие сохранению русского языка. Мы отдаем себе отчет в том, что эта задача требует огромного материала и значительного времени. В этой статье поставлена скромная цель – на примере двух лиц показать два полюса сохранения русского языка и владения им и попытаться установить, чем объясняется эта полярность, какими факторами она вызвана.

Избранные для сопоставления лица резко различны не только по уровню владения русским языком, но и во многих других отношениях. Они принадлежат разным волнам эмиграции (первая/четвертая), уехали по разным причинам, различен уровень их образования, различны профессии, семейное окружение. Найти корреляции между историческими, социальными, культурными, профессиональными и индивидуальными особенностями и степенью сохранности/разрушения русского языка – вот задача.

2. ***Первый полюс*** рассмотрим на примере Дмитрия Вячеславовича Иванова, сына поэта Вячеслава Иванова. Первый полюс представляют люди, желающие сохранить русский язык.

Дм.В.Иванов родился в 1912 г. Он помнит революцию. Сохранил многие детские воспоминания, связанные с Москвой, например, о том, как Андрей Белый учил его русской азбуке, изображая позой разные буквы.

Семья Иванова в 1924 г. эмигрировала в Италию. Отец его избрал местом жительства Рим. Мальчика, однако, отдали учиться не в итальянский, но во французский лицей, что, по его словам, повлияло на его дальнейшую судьбу и определило особенно тесную связь с Францией. Окончил университет в Париже, собирался стать германистом, но изменил свое намерение, избрав профессию журналиста. Как французский журналист работал в газетах "Combat" и "France-Soir", получил широкую известность. Избрал псевдоним Jean Nevecelle (по названию альпийской деревушки в Верхней Савойе, в которой он родился).

Дм. Иванов писал корреспонденции во французские газеты из Рима, по заданию газет посещал многие страны как репортер. Несколько раз в качестве западного журналиста ездил в Россию во времена Хрущева. Сейчас много занимается литературным наследством

своего отца. Своими основными языками считает русский и французский. Его труды написаны преимущественно по-французски. Говорит, что по-французски ему легче писать, чем по-русски. Итальянский знает хорошо, но, по его мнению, его итальянский в письменной форме хуже, чем французский или русский.

Дм.Иванову посвящена книга Р.Обера и У.Гфеллера "D'Ivanov à Neuvecelle" ("От Иванова к Нёвселю"), в предисловии к которой Ж.Нива пишет: «В известной степени эта книга представляет собой историю русской эмиграции как таковой – рассказ о том, как Западная Европа встретила дитя Восточной Европы, православного подростка, проведшего детство на азиатских улицах Баку, столицы Азербайджана, и оказавшегося сначала в Риме, во французском лицее, руководимом, вопреки закону об отделении церкви от государства, духовным лицом, затем в бенедектинском коллеже в Энгельберге (центральная Швейцария) и, наконец, становящегося журналистом "Комба", а потом "Франс-Суар", великой "Франс-Суар" Пьера Лазарева, еще одного сына России.

И вот что поражает при чтении этой книги (думаю, это почувствуют все ее читатели), – а еще больше поражает в самом Дмитрии Вячеславовиче, неизменно приветливом и дружелюбном, – то, как гармонически соединяются в этом человеке столь различные стихии, которые он подчиняет себе с непринужденностью истинного аристократа. Версилов, русский дворянин из "Подростка" Достоевского, объехав, как и все русские дворяне, Европу, вернулся домой с убеждением, что видел пышное кладбище. Ничего подобного вы не найдете в Дмитрии Вячеславовиче, в этом знатоке многих языков, который совершенно чужд космополитизму, любящем Европу и чувствующем себя в ней, – разумеется, как и его отец-поэт, – совершенно свободно, но в то же время и несколько иначе, чем тот, без внутреннего надрыва, и отличающемся глубокой укорененностью во французской культуре, которая стала, быть может, еще глубже благодаря его переезду в Рим. Когда слушаешь его искреннюю, спокойно-доброжелательную речь, говоришь себе: нет, Европа существует» (Auber, Gfeller, 1996, с.10).

В мае 1997 г. Дм.Иванов принял меня в своей квартире в Риме. Встреча продолжалась более часа. На магнитофон записано 30 мин. нашей беседы. Во встрече участвовал мальчик 11 лет. Его присутствие объясняется тем, что он помогал как оператор проведению записи, что было важно: взрослые могли говорить, не обращая внимания на магнитофон. Кроме того, присутствие ребенка способствовало атмосфере непринужденности, снимало официальность. Дм.Иванов свободен в общении. Редкий человек так легко, непринужденно и

долго говорил бы без подготовки на разные темы с впервые увиденным им человеком. В его речи встречаются иностранные слова, чаще всего имена собственные – номинации газет, мест, фамилий. Произносит их так, как этого требует соответствующий язык: "Circo massimo" – станция метро в Риме, газеты "Combat" и "France-Soir", писатель Sartre и под. Лишь один раз затрудняется при выборе русского слова, говоря о том явлении, которое по-русски называют "движение сопротивления". Употребляет слово resistance, но именно как французское слово с французским произношением.

Влияние французского языка незначительно. Его можно видеть в двух выражениях. *Культурно говоря*. На вопрос: "Какая страна вам ближе – Франция или Италия?" – отвечает: "*Культурно говоря*, скорее Франция". Это соответствует фр. culturellement parlant, что по-русски обозначает 'в отношении культуры', т.е. он употребляет морфологическую кальку. Другую кальку, вероятно, представляет выражение *держи себя крепко* (контекст см. ниже), употребленное в значении: 'будь настороже', 'будь начеку'.

Говоря о газете "Combat", называет ее в первый раз словом *журнал*, в соответствии с фр. journal (газета), далее употребляет неоднократно слово *газета*. Сводных братьев отца называет *полубратьями* (калька фр. demi-frére).

Слово *репо́ртер* произносит с ударением на втором слоге (как полагается по-английски), ср. совр. *репортёр*; слово *компле́кс* – с ударением на последнем слоге, по французской норме: *компле́кс педагогики* (ср. совр. *ко́мплекс неполноценности*). Слово *буфет* произносит как французское с мягким б: б'уф'ét.

В речи Дм.Иванова встречаются отдельные архаизмы, типичные для речи эмигрантов первой волны. Предмет, который мы называем ручкой, именует *перо*. В разговоре употребляет слово *перо* несколько раз, тогда как я, не сориентировавшись, все время упорно говорю *ручка*. Интересна фраза, в которой этот архаизм соседствует с разговорным *того* (обозначает отрицательные свойства, неудовлетворительность в каком-либо отношении): – У вас перо? – Да; – Я все-таки возьму ваше, потому что мое *перо* что-то *того*.

По материалам БАС, наиболее ранняя фиксация словечка *того́* отмечена у Чехова.

К архаизмам относится и слово *вака́ции* (совр. каникулы).

Обращаясь к мальчику, Дм.Иванов говорит: "Ты и *вопроса не поставил*". В современном русском языке обычнее *задать вопрос*. *Ставят вопросы* только в деловой и научной речи. Сл. Уш. дает в статье *вопрос* в одном ряду без какой-либо дифференциации выражения

задать вопрос и *ставить вопрос*. В речи Дм.Иванова *ставить вопрос* – сохранение старого словоупотребления, тогда как в устах современного человека подобное выражение было бы воспринято как канцелярит (канцелярский оборот). Этот пример показывает нам, как важен системный подход при оценке тех или иных явлений языка.

Слово *похоронен* произносит с ударением на последнем слоге: *похоронён*. Сл. Уш. дает как равноправные ударения *похоро́нен* и *похоронён*. Ударение *похоронён* встречаем в стихотворении Блока "Женщина": "Ребенок мой *похоронён*..."

В словоупотреблении встречаются сочетания, характерные для современной разговорной речи (*дикий мороз* – в знач. сильный). Отметим нередкое употребление частиц *вот* и *ну*, паузозаполняющие *и-и*. Местоимение *такой* употребляется как полузнаменательное, семантически полуопустошенное.

Фонетике Дм.Иванова присущи типичные черты, свойственные современному литературному разговорному языку – аканье, иканье; произношение *што*, потому *што*, *када́* (когда), *тада́* (тогда) с нулизацией звука г; коне/ш/но с ш. Слово *церковь* произносит с твердым р.

Приведем фрагменты магнитофонной записи беседы с Дм.Ивановым.

ДИ – Дмитрий Вячеславович Иванов;
ЕЗ – ведет запись;
М – мальчик 11 лет;
// – знак, передающий интонацию законченности;
/ – знак, передающий интонацию незаконченности.

ДИ Мне было приблизительно столько же лет / сколько вашему оператору // Ему одиннадцать?

ЕЗ Да – да //

ДИ А мне было 12 лет / когда я приехал в Рим // Я правда был уже в Риме / когда мне было несколько месяцев // Но это не считается // ... А отец мой в Риме много жил // Первый раз в Рим приехал когда был еще студентом // И-и потом много раз возвращался // Для него Рим в общем свой город // Он много писал о Риме // Так что я сразу тоже почувствовал себя здесь не иностранцем / а как бы в своем собственном городе // И что не было похоже на то / что происходило со многими другими русскими / которые выезжали за границу / это то / что в Риме не было русских колоний // Была очень маленькая русская колония // Вокруг церкви православной на via Palestro //

ЕЗ Где сейча́с церковь?

ДИ То есть тогда она не была на via Palestro / она была тогда на piazza Cavur / в центре города // Так что / Рим в этом смысле не был похож ни на Берли́н в ту эпоху / ни на Пра́гу / ни на Пари́ж главным образом / где были... / большие русские организации / изда́тельства / журна́лы и так далее // Вот // Так что / я как-то сразу к Риму привык // Мы поселились около piazza Barberini / в центре Рима / и очень подружились с нашей квартирной хозяйкой / которая нам снимала / (*поправляясь*) сдавала / три маленькие комнаты // И-и / у нее был кот / белый / толстый кот / которого звали Чип / и который очень любил находить себе удобное пристанище среди фарфоровых чашек / которые были в б'уфете // И очень сердился на нас / потому что мы... Мой отец любил шарады / и заставлял сестру мою / Ли́дию / и меня играть вечером шарады / и это давало некоторое движение / (*неразборчиво*) И мы разыгрывали сцены драматические или комические / и коту это не нравилось // Вот // А потом меня ... поместили в школу / во французскую школу // Потому что долго размышляли / итальянскую или французскую // Реши́ли / французскую // Вообще моя семья очень связана с французским // С французской культурой / и с французским языком // И-и это всё немножко направило моё... культурную судьбу на французскую... / на французские рельсы // Так что я кончил французский лицей / потом окончил французский университет // И сам я / как журналист / писал главным образом по-французски // (...) Вот что можно сказать о том как / я приехал в Рим //

ЕЗ Д-а... мне интересно / какой для вас язык вам самый близкий? Все-таки русский? или...

ДИ Ну / я думаю / что это более или менее одинаково / и тот и другой // Пишу́ я / на французском легче чем на русском // Но правда последние годы мне пришлось много заниматься тоже и литературным наследием моего отца / так что я как-то вернулся к русскому языку // Я бы не сказал что есть разница между тем и другим //

ЕЗ Значит вы трехязычный можно сказать?

ДИ Двухязычный //

ЕЗ Итальянский все-таки для вас...

ДИ Италья́нский / я говорю свободно / но не пишу на нем // Я не могу сказать что это мой литературный язык // Что пожалуй можно сказать про мой французский //

ЕЗ Очень интересно // Насколько я знаю вы часть какую-то жизни прожили во Франции?

ДИ Я много был связан с Францией // Фактически я не очень долго там жил / потому что я много жил в Риме // Сначала я жил в Риме / потом я заболел // У меня была сильная форма туберкулеза // И меня

послали в горы / в Швейцарию // Так что я долгое время жил в Швейцарии // А потом во Франции учился в университете в Провансе / в Aix-en-Provence (...) и в Париже // И преподавал в лицее некоторое время // А потом уже перешел на журналистику // Тоже во Франции // Но я правда был долгое время корреспондентом журнала (в зн. газеты) "Combat"/ который возглавлялся тогда Альбером Камю / и-и... Я писал туда по-французски из Рима как корреспондент // Потом перешел в другую французскую газету / "France-Soir" // Это был такой контраст между элитарной французской газетой "Combat" / которую читала такая / вобщем интеллигенция // И писали там... Mauriac / Sartre // А-а потом "France-Soir" / оказалась громадная массовая газета // И когда я начал там писать / они очень испугались / потому что я сначала долго учился в университете / и мои коллеги потом мне... / рассказывали / что они считали... / боялись что я буду писать скушно и учено //

ЕЗ Очень литературно / да?

ДИ Так что я страшно боялся и старался быть... менее литературный и скушный / И этого достиг//<...>

ЕЗ А это был вынужденный переход из "Комба" в ...

ДИ Что?

ЕЗ Это был вынужденный переход из одной газеты в другую?

ДИ Да / это был вынужденный // То есть это само собой так довольно нормально случилось // "Combat" после такой блестящей... <...> Во-первых "Combat" был во время войны... / Он был... выходил уже... уже...в... (ищет слово)

ЕЗ В упадок?

ДИ Да-д... (длинная пауза колебания) Resistance / Как это?

ЕЗ Сопротивление...

ДИ Ну / в общем нелегально / выходил // Нелегальная газета // Я в ней участвовал уже после конца войны / когда стала легальной // Но очень скоро Камю ушел / сотрудники переменились / и-и она заглохла // А "France-Soir" наоборот / был очень такой блестящий период / и они меня пригласили остаться в Риме / и писать для них // Причем / в Риме я оставался / но они очень часто меня посылали в самые неожиданные страны / просто как репо́ртера // В Таити / в Индию / в Индонезию // В Африку / в Уганду // и так далее // Я много посмотрел интересных стран //

ЕЗ Вы объездили весь мир //

ДИ (*К мальчику*) Чего и тебе желаю //

ЕЗ Он мечтает об этом //

ДИ Хочешь быть журнали́стом?

М (*Тихо*) Нет / не хочу //

ЕЗ Нет / мечтает путешествовать //

ДИ Путешествовать / это не...

ЕЗ (*Вставляет*) не работа //

ДИ Не ремесло //

ДИ Так что видите мой случай / не вполне нормальный //

ЕА А это тоже интересно / что не вполне нормальный / но... / очень выдающийся / я бы так сказала //

ДИ Кстати / я был одно время / корреспондентом / "France-Soir" меня послал в Москву // Во времена Хрущевские //

ЕЗ Да-а!

ДИ Недолго / но около года все-таки //

ЕЗ И какие у Вас впечатления интересно о России и Москве?

ДИ Ну знаете / так трудно сказать // Самые разнообразные / впечатления // Я старался много путешествовать / во всяком случае в начале / когда мы с итальянским одним моим приятелем были например на целине //

ЕЗ А-а //

ДИ Причем / это было зимой / был дикий мороз // Было очень живописно // И конечно казалась совершенно абсурдная эта затея / целины //

Первое мое впечатление / когда я приехал в Москву // Ну я был вообще в Москве / когда я был маленьким ребенком // Хотя я родился во Франции // Ну /это / я вышел из гостиницы "Метрополь" / где тогда жили все журналисты // Я курил папироску / и обжег свои пальцы / и у меня окурок упал // Я что-то читал / какую-то афишу // И тут же / не успел я бросить свой окурок / как ко мне подбежала какая-то старушка / которую я не заметил / и начала меня ругать / что это некультурно / нехорошо // Она была права конешно /но... я так не привык / что на улице старушки приходят и ругают // Так что первое впечатление было / что это очень суровая школа такая / что держи себя крепко // Также старушки за мной смотрели / когда (кадá) я в церкви входил / руки неправильно держал / недостаточно... // Хотя я старался конечно очень / держать себя как можно более прилично / но... в общем партия была такая суровая гувернантка /

ЕЗ Да // и народ...

ДИ Это помимо того что я потом услышал и узнал / уже о более трагических конешно аспектах режима //

ЕЗ Это действительно так // Вообще существует мнение что русские люди вот / во времена советские / очень полюбили давать советы и как-то обучать //

ДИ Да-да-да / полюбили давать советы // Они обучают //

ЕЗ Есть такой даже каламбур // Что значит советский народ? Это тот / который любит давать советы //

ДИ Но вот это я не знал // Ну не знаю / советский ли народ / но во всяком случае советская партия // Вот так / это вывод такой // Есть такой компле́кс у них педагогики / конешно // И это было очень чувствительно / тем более для человека который привык к жизни в Париже / где скажем никто́ никому́ никакого совета не дает //

ЕЗ Это действительно случай / хотя и характерный / но все-таки немножко удивительный // Она же наверняка понимала что вы иностранец?

ДИ Не-ет! Не думаю / нет// Ну? Правда тогда иностранца легко было признать / потому что он был по-другому одет //

ЕЗ Вот это я и имею в виду / что вы были иначе одеты //

ДИ Нет-нет / не только // Наоборот / она видела какой-то человек стоит и ведет себя некультурно...

ЕЗ И бросает папиросу //

ДИ Да-да... (*к мальчику*) Пожалуйста никогда не бросай папироску //

ЕЗ Я надеюсь / он не будет курить //

ДИ Нет / он не будет // Сейчас уже это больше не в моде // Я тоже больше не курю //

ЕЗ Замечательно! А интересно/ какая из стран вам ближе / Италия или Франция?

ДИ (*переспрос*) Какая страна мне ближе? <...> Ну / опять-таки немножко трудный вопрос...

ЕЗ Да //

ДИ Потому что культурно говоря / скорее Франция // Во Франции у меня больше друзей // Но Ита́лию я очень люблю / в Италии я жил всю жизнь в общем // А это много!

ЕЗ Конечно-конечно!

ДИ Немножко на разных планах //

ЕЗ А Россию вы воспринимаете как родную страну / или нет?

ДИ Ну само собой / конечно // Конечно // Страна / с которой все начинается //

ЕЗ Да / да // А сейчас у вас есть какие-то родственникик в Росии / или никого нет?

ДИ Родственники? У меня есть / да / троюродные племянники / или племянницы // Родственники / которые происходят от / братьев моего отца //

ЕЗ А-а //

ДИ Вернее полубратьев моего отца // э-э отец... Мой дедушка / отец моего отца / он был дважды женат // От первого брака... (*вставляет*) Мой отец родился от второго брака // От первого брака... От первого брака у него два брата были / которые были оба военные // С ними я имел эпизодическую связь // Но в России много друзей // И я там довольно часто бываю //

ЕЗ Это конечно очень хорошо // Но вы стали бывать уже в какое-то более позднее время? Или... и раньше можно было ездить?

ДИ Ну раньше я был как корреспондент / как журналист / и... а потом / уже после перестройки тоже несколько раз был // Но у меня щас довольно много дел // Потому что много перепечатывается произведений моего отца // Так что много контактов с издателями / с журналистами / с университетами //

ЕЗ Дмитрий Вячеславович / а все-таки вот / вам видна большая перемена / в Москве/ или в России / вот с тех времен когда вы были при Хрущеве / и вот теперешних?

ДИ Еще бы! Когда я был при Хрущеве / единственный способ / разговаривать / с людьми / которые не имели какого-то отношения к прессе / журнализму / и потому не имели разрешения официально видаться с иностранцами / а я считался иностранцем / иностранный журналист во всяком случае // э́то было / гулять с ними по замороженным паркам / сидеть на скамеечках среди снежных пейзажей // Что было крайне интересно с точки зрения человеческой / но о́чень неприятно с точки зрения / климатической // А сейчас я могу разговаривать с кем хочу / и где хочу // Самые близкие друзья... / мы разговаривали часто и в музеях / или же на вокзале // Одним словом не было того / той возможности самого простого нормального личного контакта / который все-таки сейчас есть//

ЕЗ Да-а // Это мы все очень очень чувствуем // Великое дело // И / значит так сказать самый родной для вас город Рим? да?

ДИ Да-а // Город где я больше всего жил / это Рим // <...>

Меня иногда спрашивают / "А как было на башне в Петербурге?" (*у отца – поэта Вяч.Иванова*) и мне приходится сказать / что я еще не существовал / когда была башня //

ЕЗ Да-а // Это я вот понимаю / поэтому не задаю такого вопроса //

ДИ (*Смеется*) Я не удивляюсь //

ЕЗ Но у вас вот сохранились какие-то воспоминания / о том как ваш отец ну вот здесь жил / первые годы?

ДИ Ну конешно // Здесь у меня очень живые воспоминания // Но я был большой // Мне уже было 12 лет // Первые воспоминания из

Зубовского бульвара в Москве / это когда мне было четыре года – пять лет / когда я смутно помню / приходили обыски / стрельба на улице //

ЕЗ Простите / это какой год?

ДИ В семнадцатом году // Это уже была революция // И-и... Потом помню / некоторые гости / которые приходили к отцу // Помню Гершензона Михаила Осиповича / который мне как-то особенно запомнился // Шестóв / философ // Андрей Белый / который меня схватывал со стола и учил меня азбуке // Мне было тогда наверно лет... / года четыре – пять // И он своим телом изображал буквы // (*показывает*: " руки в боки") Вот это была буква ЭФ такое / и У както он изображал // С большим темпераментом / как ему свойственно было // Так что я научился читать с помощью Андрея Белого //

ЕЗ Замечательно //

ДИ А потом было период Баку / потому что мой отец довольно случайно был / в Кисловодске / где он просто отдыхал // И был эвакуирован в Баку / потому что были еще стычки / между белыми и красными // В Баку мой отец четыре года преподавал в университете // Я хорошо помню мир Баку // Прекрасный город // А потом уже Рим //

ЕЗ Значит вы уехали из Баку?

ДИ Мы уехали из Баку в тысяча девятьсот двадцать четвертом году // Через Москву приехали в Рим //

ЕЗ Но ваш отец избрал сознательно Рим? /да? выбрал?

ДИ Да-а / он был очень связан с Римом // Фактически надо было как-то жить / чем-то зарабатывать // Он долгое время жил не в Риме / а около Милана / в Павúи / где он преподавал в университете // Но все равно он был связан с Римом / и кажется на долгие университетские вакации приезжал в Рим // А потом окончательно обосновался в Риме // Он жил в последние годы в доме / рядом с этим / где мы сейчас находимся // На Авентине (Авентинский холм в Риме) // И тут он и умер // Похоронён на... совсем рядом здесь на кладбище // Так называемом / английское кладбище / потому что там много иностранцев //

3. ***Второй полюс*** составляют люди, уехавшие из России навсегда, не имеющие намерения и желания возвращаться. Их цель – добиться как можно скорее в стране-приюте успеха, иметь работу, дом, семью. Они хотят перестать быть чужаками, стать своими. Важнейший элемент достижения этой цели – овладеть чужим языком. Многие из них стремятся всеми силами говорить на новом языке и перестают говорить по-русски. Такие люди составляют значительную часть эмигрантов четвертой волны. Они есть во многих странах (США, Франция, Италия, Финляндия), но особенно много их в Германии среди

той части эмиграции, которую составляют так называемые русские немцы, т. е. немцы, возвращающиеся на свою историческую родину в Германию из Поволжья, Казахстана, Сибири, и члены их семей. Среди последних могут быть и русские по происхождению – русские жены и русские мужья. Нас, естественно, интересуют именно они. Следует сразу же сказать, что подобные люди в большинстве своем не имеют высшего образования, нередко занимаются малоквалифицированным трудом и обычно, приезжая, не знают немецкого языка[2]. Им приходится начинать с нуля. Именно поэтому их русский наиболее легко и быстро подвергается влиянию чужого языка, в нем ярче всего видны процессы интеграции.

Постараюсь представить речевой портрет одного из таких информантов. Запись произведена летом 1996 г. в деревне, находящейся недалеко от г.Франкфурта-на-Майне.

Женщина 45 лет. Родилась в Великом Устюге, прожила там до 21 г. Переехала в Сыктывкар (Коми) и оттуда эмигрировала в Германию в возрасте 39 лет как жена русского немца. Уехала из России 6 лет назад. Имеет среднее образование, была учительницей пения, работала в детском саду. При жизни в России в семье все говорили только по-русски (муж, жена и двое детей). В Германии они купили в рассрочку старый небольшой дом в деревне, который перестраивают и улучшают. Наш информант (назовем ее Женя) поступила работать няней в инвалидный дом для престарелых. Работает очень много, подрабатывает уборкой у жителей деревни, учится и стремится говорить по-немецки, но сохраняет желание поболтать с русским человеком. Узнав, что в гости к ее соседу приехала женщина из России, тут же пришла познакомиться и проговорила со мной два часа. Словоохотливость – ее характернейшая черта. Добра, трудолюбива. Говорит очень быстро как по-русски, так и по-немецки.

Русская речь Жени содержит большое количество немецких слов, прежде всего таких, которые называют реалии, не известные Жене при жизни в России, или же являются высокочастотными в ее современной жизненной ситуации:

Работаю в Alterhaus; Я взяла Rollstuhle и повезла в гору (инвалидное кресло на колесиках); Мне сказали на работе: не надо делать Überstunde (сверхурочную работу); (о старушке из инвалидного дома) У нее такой почему-то Hass к немцам (ненависть). (*Сама объясняет*) Ее в детстве изнасиловали.

Еще несколько примеров: Такой Gefühl интересный (чувство). Он был на войне Gefängniss (тюрьма). Рассказывая о своей работе, употребляет слово Hauptkontrakt. Передает речь своей пациентки:

"Она говорит: Singerin (певица) пришла. Я ей пою. Она не знает, как меня зовут".

Жалуется, что ее русский знакомый не передал посланные ею в Россию вещи: "Он всё новое вынул. Нельзя новое посылать. Надо Zoll (таможенный сбор) платить".

Немецкие имена существительные обычно употребляет, не склоняя: "Моя мать сейчас в Krankenhaus (больнице)"; см. также примеры выше. В некоторых случаях, однако, склоняет их, как русские слова: "В *келлере* (подвале) я комнату сделала. Склонение и не склонение отмечено в двух соседних фразах: "Она сейчас в Krankenhaus". "Мама в Лимбурге в *Кранкенхаусе*". Возможно, что в этом случае влияет ближайшая конструкция (в + предл. падеж) *в Лимбурге*.

Немецкие слова, включенные в русскую речь, это преимущественно имена существительные. Глаголов нет. Встретилось лишь одно прилагательное, причем оно употреблено в форме русского прилагательного – *приватный* (не privat): "Пришла к вам поговорить. Я оставила свои *приватные* дела".

Можно думать, что Женя не знала слова *приватный* ('частный', 'не общественный') как русского слова, так как для русского языка сочетание *приватные дела* не характерно.

Сама информантка так характеризует свою немецкую речь: "Немцы все время смеются. Но им нравится. Они говорят: Blumensprache" (цветистый язык, красочный).

Оценивая свою речь, Женя объясняет: "Я все время перевожу с русского на немецкий". Однако это не совсем верно. Сильное немецкое влияние наблюдается в области синтаксиса – кальки с немецких конструкций с глаголом haben такого рода: *Я имела страх* (ехать в Германию; ср. я боялась); Он *имеет хорошее отношение* к русским (ср. хорошо относится).

Более любопытный и, как кажется, редкий случай влияния немецкого на русский отмечен в области построения числительных. Рассказывая об очень старом человеке, сказала: "Ему шестьдесят восемь лет". Я удивилась, не поняла и потом переспросила: 86? Она засмеялась: "Да-да. Это я сейчас перевожу с немецкого на русский" (ср. sechs und achtzig).

Переделывает русскую поговорку. В ответ на вопрос: – Он ей родственник? говорит: "Как это сказать. *Десятая кость на колесе*". Ср. *седьмая вода на киселе, пятая спица в колеснице* и др.

В русской фонетике сохраняет диалектные черты в вокализме: окает. Аканье ей не нравится. О своей сестре, которая переехала в Ленинград: "Ну вот, уже акать начала. Мы же окаем".

Другая резкая диалектная черта: стяжение гласных в формах глагола (утрата интервокального j) типа *бывать* (бывает), *знать* (знает).

В области морфологии и лексики русская речь не имеет диалектных черт. Отмечены жаргонизмы. Красочно описывает приход в их дом к ее сыну иеговиста: "Пришел, лицо такое светлое. Будто с неба. А Людвиг (сын) *балдел*".

Таковы особенности речи этой женщины, прожившей в Германии всего 6 лет. Ее речь содержит большое количество немецких слов, значительная часть которых повторяется по многу раз (Keller, Krankenhaus, Alterhaus, Zoll, Rollstule и нек. др). Отметим, что русский язык имеет широко известные эквиваленты многих из этих слов, передающие соответствующую семантику: больница, дом для престарелых, подвал и т. д. Можно думать, однако, что по своей денотативной сущности соответствующие реалии не вполне совпадают. Русский подвал мало похож на немецкий Keller, а русский дом для престарелых резко отличается от немецкого Alterhaus. Это обстоятельство, а также высокая значимость именно этих номинаций в жизни Жени, их высокая частотность способствуют вытеснению русских слов немецкими.

Главное же, что отличает речь эмигрантов этого типа – отсутствие перехода (переключения) с одного языка на другой. Они говорят на хаотичном сплаве двух языков.

4. Сколь типичны описанные выше лица? Отражают ли они какие-либо характерные черты функционирования русского языка за рубежом?

Я склонна ответить на эти вопросы положительно, хотя признаю, что избранные мною информанты – люди в значительной мере исключительные. Их исключительность, однако, определяется не только их личными свойствами (несомненно, большую роль играют и они), но совокупностью иных важных признаков, отличающих их друг от друга. Контрастность их речи связана с их резким контрастом по таким признакам, которые коррелируют с некоторыми типическими особенностями владения/невладения русским языком, сохранения/утраты русского языка.

Характеризуя эти признаки, мы, естественно, подчеркиваем связанные с ними наиболее типические, частые формы обнаружения, прекрасно понимая, что совокупность лиц, наделенных тем или иным признаком, не может быть полностью однородной. Например, принадлежность к признакам "первая волна эмиграции" / "четвертая волна эмиграции" отчетливо показывает это. Так, для эмигрантов первой волны ***типично*** сохранение русского языка, но среди них есть и люди, полностью утратившие русский язык, вошедшие целиком в

чужую культуру. Точно так же и среди эмигрантов 70-х и 90-х годов есть и лица, утратившие русский язык, и лица, сохранившие прекрасный русский язык, использующие его профессионально, высокообразованные.

Какие же контрастные признаки, по нашему мнению, влияют в первую очередь на утрату / сохранение русского языка?

1) Первая волна эмиграции / четвертая волна эмиграции (90-е г.). Эмигранты первой волны бежали из России, спасая свою жизнь. Они убегали на время, считая, что большевистский режим не может длиться долго. Они хранили свою "русскость" и гордились ею. В большинстве своем они свято верили, что вернутся в Россию. Эмигранты 90-х гг. (и частично 70-х) уезжают обычно в поисках лучших экономических или профессиональных условий жизни. Они уезжают навсегда, стремясь как можно быстрее стать полноправными жителями новой страны.

2) Высокая образованность, знание с детства нескольких языков – типическая черта многих эмигрантов первой волны. Для многих представителей "экономической эмиграции" 90-х годов характерна средняя или низкая образованность, незнание до отъезда из России никаких других языков, кроме русского.

3) Профессия, которая требует постоянного использования языка / отсутствие такой профессии.

Хорошее владение языком, типичное для первого полюса, ярче всего репрезентируют эмигранты первой волны и их дети. Среди них много людей, проживших десятилетия вне России, их дети рождены на чужбине, но внутренняя связь между ними и Россией никогда не обрывалась. Они годами жили на чемоданах, ожидая скорого возвращения на родину[3]. Многие из них очень хорошо образованны и с раннего детства свободно говорили на нескольких языках.

Дворянское многоязычие, которое известно нам из русской литературы, – не миф, не старая сказка, оно реально сохранилось у эмигрантов первой волны в наши дни.[4] Так, одна из княгинь Волконских, родившаяся в Италии в 1924 г. и живущая там, с которой я познакомилась в 1997 г., свободно говорит и пишет на четырех языках (английский, французский, русский, итальянский). В высшей степени интересно распределение этих языков. Английский (она произносит только *á глицкий*) – первый, он усвоен с детства от няни-англичанки, англичанок-гувернанток. На нем она считает. А ведь известно, что человек считает на языке, самом близком ему. По-английски она обычно говорит с сестрой.

Второй язык – французский, на нем она говорила с отцом (отец был полуфранцузом) и кузенами со стороны отца. Третий – русский.

Это язык матери. Мать строго следила за тем, чтобы дети (и позднéе внуки) говорили по-русски. Сама с ними она говорила только по-русски. Четвертый – итальянский. В детстве княгиня говорила на нем со слугами. Позднее – с мужем-итальянцем и со своими детьми (дочерью и сыном).

Чтение составляют писатели и поэты, пишущие на этих языках: Шекспир, Данте, Корнель, Расин, Лермонтов, Блок... На вопрос: "А Пушкин?", отвечает: "Я не сказала Пушкин, потому что он такой роднóй!" Французский имеет свою особую функцию – на нем княгиня пишет стихи.

Итак, четыре языка! И они распределены по функциям и адресатам. *Поликодовость* не нарушается. Со мной княгиня говорила на прекрасном русском языке, в котором чувствовался легкий английский акцент в фонетике и интонации. 74 года – вне России. В России она никогда не была – боялась: ведь многие ее родственники были убиты, они считались заклятыми врагами советской власти. Многоязычное окружение и такой русский! Отметим при этом, что профессионального интереса к русскому у княгини не было. Однако была гордость своим родом – мы идем от древних времен, гордость декабристом Сергеем Григорьевичем Волконским, бабушками и дедушками.

Объясняя свое желание жить вблизи русской церкви, говорит: "... может это возвращение как-то к родине у меня случилось внутренне, потому что я всю жизнь мечтала: Россия, Россия, Россия, Россия..."

Княгиня Волконская впитала свой язык от русской матери, которая бежала из России в 1922 г., потеряв первого мужа (убит как белый офицер), отца (убит террористами) и других родственников. Ее второй муж был французом. От этого брака и родилась княгиня, речь которой мне посчастливилось записать. Ее мать прожила до 90 лет и была тем человеком, который строго и неукоснительно хранил русский язык, причем образцовый русский язык, несущий некоторые следы архаичности.

Архаичность, как это неоднократно отмечалось, присуща речи эмигрантов первой волны (см. Голубева-Монаткина, 1995). И это вполне естественно. Язык как бы законсервирован, не подвержен новым влияниям. Архаичность, однако, связана не только с изоляцией их языка от русского в СССР, но и с намеренным строгим сохранением старых норм, прежде всего в словоупотреблении. Каждое новое слово воспринималось как порча образцового старого языка, как влияние советской власти. Некоторые старые эмигранты – прихожане русской церкви в Риме, называют такие слова советизмами, хотя ничего именно советского, никаких политических нюансов такие слова не

имеют (например, наименование *умывальника* словом *раковина*. Раковина в море. Раковина на кухне).

Так, в упомянутой выше семье Волконских хранительницей русского языка была женщина, покинувшая Россию в 21 год. По воспоминаниям ее внучки сорока лет, были слова, которые употребляли и которые запрещалось говорить. Вот небольшой список:

Употребляли	Запрещали
перо[5]	ручка
жалованье	зарплата
а́глицкий	английский
штаны, брюки	трусы, трусики
В неофициальных письмах:	
Дорогой...! Дорогая...!	Милый...! Милая...!
Кланяюсь + дат. пад.	Привет + дат. пад.
	Передай/те привет... и т.п.
До свидания!	Пока!
Здравствуйте!	Привет!

Отметим, что слова *пока! и привет!* особенно широко распространились в последние годы и нередко вызывают неодобрение и в советской России.

Приведем еще один пример прекрасного сохранения русского языка при постоянной жизни вне России. Мужчина, родившийся в 1934 г. в семье русских эмигрантов первой волны, бежавших с Украины, из Харькова, в Турцию, а потом в Югославию. Позднее переехал с отцом в Нью-Йорк, получил там специальное образование. Работал в разных местах, в том числе в ООН – переводчиком и финансистом-экономистом (специалист по развивающимся странам). Первая жена – русская, вторая – итальянка, по-русски не говорит. Выйдя на пенсию три года назад, живет нередко в Риме, где имеет квартиру. Однако считает, что "его резиденция в Америке"; там же, в Калифорнии, живет двое детей от первого брака. Значительную часть времени проводит в США и в других странах. Много и охотно общается с русскими, как живущими в России, так и эмигрантами. Раз в два года встречается со своими старыми русскими друзьями по кадетскому корпусу, который окончил в Югославии. Магнитофонная запись и длительный разговор с ним в Риме в 1997 г. не обнаружили в его речи отклонений от норм русского языка. В его речи не замечено архаизмов.

Было бы неверно думать, что сохранение хорошего русского языка свойственно только эмигрантам-дворянам. Оно присуще и выходцам из других сословий – духовенство, разночинцы, разные представители образованного общества. Расскажу о членах еще одной семьи, живущих во Франции.

Ирина Ивановна Булгакова – родилась в 1924 г. в Болгарии от русских родителей. Её отец – Иван Афанасьевич Булгаков, младший брат писателя М.Булгакова. Вскоре семья переехала во Францию, в Париж, где И.Булгакова кончила русскую гимназию, жила среди русских.

Отец ее очень тосковал по России, писал стихи по-русски[6]. Ирина Ивановна была замужем дважды, и оба ее мужа были русскими. Сохранила прекрасный русский язык. Магнитофонная запись беседы с ней, сделанная в 1991 г., тому свидетельство. Подчеркну опять же, что поддержки русскому языку со стороны профессии у нее не было.

Число подобных примеров легко увеличить. Необходимо отметить, однако, что отнюдь не все эмигранты первой волны сохранили хороший русский язык, но таких людей очень много.

Сколь типична информатика второго полюса? Прожив в Германии не десятилетия, а всего 6 лет, уехав из России в возрасте 39-ти лет, она забывает русский. Необходимость войти в новую жизнь поглощает все ее силы. Сохранить чистоту русского языка, овладевая немецким, по-видимому, она не в состоянии. Такого рода лиц среди русских, уехавших в составе немецких семей, немало. Несомненно, что очень много зависит от индивидуальных способностей к языкам, от окружения. Женя представляет собой крайний случай хотя бы потому, что она живет не в городе, а в деревне, где у нее совсем нет русских знакомых. Поговорить по-русски ей фактически не с кем.

Подчеркнем, что роль семейного окружения, фактор личности, играют огромную роль в сохранении или утрате русского языка.

Принадлежность к первому или второму полюсу свойственна не только эмигрантам разных волн, но и эмигрантам одной и той же волны. Я наблюдала двух девочек одного возраста (15 лет), живущих в Риме и Нью-Йорке, эмигранток четвертой волны. Первая уехала из Москвы семи лет, восемь лет прожила в Италии. Через год освоила итальянский. Прекрасно учится в классическом лицее в Риме, являет собой образец двуязычия. Родители ее филологи, в семье хранят русский язык, постоянно ходят в русскую церковь, в которой служба идет на русском языке.

Жительница Нью-Йорка была увезена из Москвы 11-и лет. Быстро освоила английский, которым занималась еще до отъезда.

Прекрасно учится в школе, профессионально учится музыке. С родителями и бабушкой она говорит по-русски, но со сверстниками, даже русского происхождения, уже говорит по-английски. Родителям для их работы русский не нужен, тогда как английский необходим.

5. Охарактеризуем факторы, которые являются наиболее весомыми в сохранении / утрате русского языка.

1) Важнейшее значение имеет у с т а н о в к а каждого конкретного человека или группы лиц на сохранение русского языка, на возвращение в Россию или отсутствие такой установки, иными словами: отъезд на время / отъезд навсегда.

Поясним сказанное. Установка на сохранение русского языка противопоставлена не установке на утрату русского языка (такую цель вряд ли кто-либо ставит перед собой), а именно о т с у т с т в и ю у с т а н о в к и на сохранение русского языка. Это оппозиция не эквиполентная, а привативная, так как человек, даже не имея установки на сохранение языка, может не утратить его. Однако последнее – явление редкое. Ведь язык в окружении другого языка (или других языков) требует защиты, ухода, как растение. Его надо охранять, иначе он зачахнет.

Выше мы сформулировали наиболее чистое противопоставление. Нередки иные случаи, в том числе смешанные.

2) Человек имеет или избирает п р о ф е с с и ю, требующую постоянного использования русского языка (переводчик, журналист, преподаватель, ученый, диктор...). В этом случае он может и не помышлять о возвращении в Россию, но он следит за своим языком, бережет его. "Русский язык – кормилец" – назовем мы этот фактор.

Этот фактор действует в жизни эмигрантов разных волн и разных поколений. Особенно наглядно он обнаруживается у внуков уехавших. Дети сохраняют или не сохраняют русский язык, что тесно связано с их личными особенностями. Часто они (особенно это касается эмигрантов не первой волны) отказываются говорить по-русски, не желая быть чужаками в школе или университете. Они даже могут скрывать свое русское происхождение. Им важно войти в новую среду как своим. У внуков ситуация иная. Они уже хорошо знают новый язык, они выросли в этой стране, у них нет страха перед ней. И вот тогда наблюдается интерес к России, появляется желание узнать русский язык, говорить на нем. Они понимают, что русский язык может давать им хлеб. Возникает феномен ***выученного*** родного русского. Такой русский, полученный в университете или еще где-либо, ложится на детские навыки говорения по-русски, идущие от мам и бабушек, на довольно обширный запас слов, усвоенных в детстве.

Это явление я встречала в разных странах. И тогда тот член эмигрантской семьи, который избрал своей специальностью русский язык, выделяется из всех родственников своего поколения хорошим знанием русского языка.

3) Способность, умение переключаться с одного языка на другой / отсутствие такой способности, умения. Говорящие первого полюса привыкли к переходу с языка на язык, их обучали этому с детства: гувернантки – француженки и англичанки, немцы-учителя и т.д. Гимназия, лицей, университет – все поддерживало многоязычие.

Вспомним хотя бы пушкинскую Татьяну:

Итак, писала по-французски...
Что делать! Повторяю вновь:
Доныне дамская любовь
Не изъяснялася по-русски.
Доныне гордый наш язык
К почтовой прозе не привык.

А Набоков? Еще мальчиком, живя в России, он лучше знал английский, чем русский, чем вызвал удивление, беспокойство и сожаление своего отца, который срочно нанял ему русского учителя.

Многоязычие не затрудняет таких лиц. Они не смешивают разные коды. Поликодовость составляет типическую черту их речевого поведения. Распределение языков может происходить по адресатам (мы упоминали выше такой случай), ситуациям, тематике. Русский язык нередко выполняет роль домашнего, бытового. Интересны такие два случая. Пожилая эмигрантка первой волны, всю жизнь живущая во Франции и предпочитающая французский русскому, непременно переходит на русский, когда говорит о церкви, о религии, несмотря на то, что в церкви в Париже, которую она посещает, богослужение проходит и по-французски, и по-русски.

Мужчина, родившийся и живущий в Германии, имел русскую бабушку. Отец его был полунемец-полурусский, а мать – немка. В детстве бабушка в семье говорила только по-русски. Она читала внукам стихи, рассказывала внукам сказки. Мальчик полюбил русскую поэзию. И уже взрослый он говорит, что эстетически воспринимает только русские стихи, а немецкие не воспринимает.

"Поликодовым" говорящим противопоставлены люди, не умеющие свободно переходить с языка на язык, не способные или не привыкшие к этому. Они создают макаронический дискурс типа: Возьмем les фрукты; Il était скрипачом (из речи русской эмигрантки во Франции; сообщено Л.Трубецкой).

Подобное речевое поведение свойственно в первую очередь людям, не обладающим большой культурой, плохо знающим новый язык.

Нередко ими движет желание щегольнуть иностранным словом, показать, что я, мол, знаю этот язык: (*в магазине*) Мне *полпаунда* ветчины (англ. pound – фунт); Ты какой *джюс* будешь пить? (juice – сок); Я больше в *Русланд* не поеду (Russland – Россия).

4) Семейное и – шире – личное окружение, т. е. круг, в котором человек живет. Смешанные браки не способствуют сохранению русского языка, но не всегда ему препятствуют.

5) Индивидуальные особенности человека – его способности и интерес к языкам, литературе, образование, культурный уровень, особенности психики, сила воли, память и др. свойства имеют колоссальное значение в утрате или сохранении языка.

Во многих семьях эмигрантов первой волны русский язык сохранился только благодаря силе воли, твердости и настойчивости русских женщин, вышедших замуж за иностранца и живущих с ним за границей. Эти матери и бабушки ***требовали***, чтобы их дети и внуки говорили по-русски, учили их языку, читали им стихи, пели песни, рассказывали сказки, заставляли говорить правильно.

6) Велика роль православной церкви. Во многих городах церковь становится центром сплочения русских. В качестве примера можно назвать русские церкви в Риме, Париже, Берлине, Франкфурте на Майне, Лос Анджелесе.

Церковь – это и дом молитвы, и место единения. В церкви не только поют в хоре, прислуживают во время богослужения, но и встречают знакомых, радуются общению на родном языке, находят невест и женихов, ищут работу и нередко находят ее.

7) Исторические изменения (падение тоталитаризма, распад СССР и образование России) стали мощным стимулом сохранения русского языка. Развитие и укрепление экономических, культурных, научных и др. связей между Россией и иными странами дало возможность эмигрантам разных поколений приезжать в Россию[1], встречаться с родственниками, друзьями и коллегами и принимать их у себя. Многие эмигранты начинают активно изучать русский язык, смотрят русское телевидение, читают русские книги и газеты. Все это не только способствует сохранению русского языка, но рождает и новую ступень овладения им. Этот феномен сами эмигранты называют возвращением к России и русскому языку.

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ, проект № 97-04- 60202.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Четыре волны эмиграции: 1 – после революции 1917 г., 2 – военная и послевоенная (40-е годы), 3 – 70-е годы, 4 – 90-е годы.

[2] Сошлюсь на данные, приведенные в работе Н.Л.Пушкаревой: среди эмигрантов 90-х годов зафиксировано 99,3 % граждан, заявивших при выезде, что они никаких языков, кроме русского, не знают (Пушкарева, 1995, с.156).

[3] См., например, (Грановская, 1995).

[4] См. об этом подробнее (Земская, 1998).

[5] Вспомним пушкинскую Татьяну:

Дай, няня, мне *перо*, бумагу,
Да стол подвинь...

[6] Поместим здесь одно из стихотворений И.Булгакова, чтобы показать владение им русским языком.

Ирке:

Почему грустишь и не до смеха?
Иль Парижская пародия зимы
Разбудила, как в ущелье эхо,
Память о зиме, которой жили мы?

А, казалось, родилась ты на чужбине,
Соки родины когда могла впитать?
И какая сила пробудила ныне
Чувства, что она одна могла бы дать?

Значит, существует высшее начало,
И твоя душа, покорная, нема,
Все, что слышала, без критики впитала,
Встрепенулась и ответ дала сама.

Знай и верь, что мы везде родные,
Нас спаяет нашей родины весна.
От недуга так встают больные
После жуткого и бредового сна.

(Стихотворение датировано 12 февраля 1955 г., посвящено дочери).

[7] Целый пласт лиц, родившихся за границей, теряющих русский язык, посещает Россию в память о предках. Многие эмигранты, деды которых владели имениями в России, не имея возможности вернуть их, желают сохранить дедовские усадьбы, хотя бы как память о своих корнях, становятся благотворителями, помогают в реставрации, в налаживании жизни в детских домах, размещенных в этих усадьбах, и пр.

ЛИТЕРАТУРА

Голубева-Монаткина Н.И. Лексические особенности русской речи потомков русского зарубежья во Франции // Русистика сегодня. 1995, №1.

Грановская Л.М. Русский язык в "рассеянии" // Очерки по языку эмиграции первой волны. М. 1995.

Земская Е.А. Еще раз о языке русского зарубежья // Язык-система. Язык-текст. Язык-способность. М. 1995.

Земская Е.А. О типических особенностях русского языка эмигрантов первой волны и их потомков // Изв. РАН. Серия литературы и языка. В.4. 1998.

Пушкарева Н.Л. Русские за рубежом // Русские. М. 1997.

Auber Raphael et Gfeller Urs. D'Ivanov á Neuvecelle. Les èditions Noir sur Blanc. Montricher. 1996.

Nivat Georges. Préface D'Ivanov á Neuvecelle. Les èditions Noir sur Blanc. Montricher. 1996. P.9-15

Л.К. Граудина

О ПРОЦЕССЕ ИНТЕГРАЦИИ ЯЗЫКОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН – КУЛЬТУРЫ РЕЧИ И РИТОРИКИ

Среди других стран Россия всегда выделялась высокой культурой литературного слова. Не случайно поэтому состояние культуры в наши дни вызывает глубокую и острую тревогу у самых разных слоев интеллигенции – учителей, работников гуманитарной области, ученых. Конечно же, всех соотечественников, думающих о будущем страны, не может не волновать происходящая на наших глазах нравственная деградация общества, удручающе низкий уровень духовности, который нередко демонстрируется в текстах масс-медиа. Это напрямую отражается и в языке. Последнее десятилетие девяностых годов многие называют временем "смуты", проводя при этом параллели с двадцатыми годами. Весьма характерно замечание Максима Горького о языке тех лет: "Вообще с русским языком обращаются зверски". И в наши дни можно привести без подобных комментариев несколько современных примеров, иллюстрирующих справедливость оценок Горького.

Сергей Кондратьев в рассказе "Улыбайся мальчик" заметил: "Мы обогнали все страны мира по матерщине. Наш рабочий берет *фиговину, затолдыкивает* ее в *ерундовину* и получает *хреновину*". (Рассказ прочитан Е.Петросяном в телепередаче "Смехопанорама"; ОРТ, 21 сентября, 1997).

Понятное и объяснимое стремление молодежи к контркультуре с ее отталкиванием от прежних лакированных и в то же время фальшиво-лицемерных норм привело к процветанию сниженного, иногда просто вульгарного вкуса. Ср. хотя бы такие современные номинации: новый театр назван "*Консервной банкой*", музыкальная группа – словечком "*Крематорий*", а футбольная команда – ничем иным как "*Куском дерьма*". В газете "Аргументы и факты" приводится типичный современный диалог с одним из представителей "коммерческого футбола" в статье "Кровавый спорт": «Нашим корреспондентам ... удалось побеседовать с одним из игроков команды "Монстры" Васей сразу после матча. Видок у него был, мягко говоря, неважный: губа рассечена, синяк во всю ногу, майка в крови...

– Не больно?

– Привык уже. А вообще-то я легко отделался. Не так давно один козел так по коленке зафигачил, что я три недели в больнице лежал.

– Ничего себе футбол...

– Коммерческий, – уточняет Вася, – это ведь шоу! Мяч в руки брать нельзя – даже вратарю. Зато можно бить противника – нельзя только в пах и ногой в голову...

– А мяч вам зачем? Дрались бы по-простому – стенка на стенку...

– Нет. С мячом интересней... Бабки хорошие. Между прочим, у меня диплом инженера. Только он дохода не приносит.

– На какие команды ставят чаще всего?

– На нашу, естественно, и на "Кусок дерьма".

– Ну и название...

– Зато играют неплохо. (АИФ, № 24 (609), июль, 1992).»

Не только спортсмены, но и журналисты, и политические деятели увлекаются "блатной музыкой" и жаргонными словечками. Языковые нормы действительно сейчас диктуются, как говорит молодежь, "крутой братвой с распальцовкой". Четырнадцатилетний подросток серьезно наставляет своего отца: "Ты, папа, фильтруй базар!" (т.е. думай, о чем говоришь).

Иногда избранный журналистами стиль бывает настолько оскорбителен по языковой форме, что герои их бойких репортажей подают в суд на авторов публикаций. Один пример, продемонстрированный в передаче "Скандалы недели" на ТВ-6 (передача прошла 15 ноября 1997 г.). В желтом издании – "Экспресс-газете" напечатали публикацию по поводу игрока Бесчастных, поместив при этом его свадебную фотографию. Его вторая жена Света подала исковое заявление в суд по поводу опубликованной в газете подписи под свадебной фотографией: "Света № 2 буквально тащится от секса и может им заниматься часами". Репортер из программы "Скандалы недели" спросил Свету: "Что вас в этом обидело? То, что вы названы номером вторым или что можете часами заниматься сексом?" Она ответила: "И то, и другое". Конечно, журналист пояснил, что муж рассказывал иначе ("Нам со Светой хорошо") и слово "тащится" он не говорил. "Ну, и что тут такого? – оправдывался автор текста, – слово *тащится* сейчас употребляют все".

Оттенок пошлого и вульгарного освещения темы даже и не был замечен создателями газетного "шедевра" и не казался ни редактору, ни журналисту, ни репортеру чем-то оскорбительным. Однако далеко не всех приводят в восторг пошлость, грубость и жаргонные словечки, буквально ушатом выливающиеся на зрителей с телеэкрана.

Иной раз стилистическая глухота создателей текста и на радио просто поражает. Так, на радио России прозвучал такой рекламный перл: «Где вы купите полтонны навоза? Только в "Мире увлечений"»

(РР, 5 февраля 1998 г.). Радио "Маяк": Ощущение *трагичности личности* появляется тогда, когда появляется наличность *трагической личности*" (Радио "Маяк", 29 декабря 1992 г.). Число подобных примеров могло бы быть увеличено. К сожалению, из эфира и с телеэкрана устранены передачи по культуре русской речи, регулярно проводившиеся в прежние годы. Филологи, и в особенности лингвисты, не могут не думать о средствах охраны разрушающихся стилистических норм литературного языка.

Вице-президент Пушкинской академии В.Легентов в материалах, опубликованных к парламентским слушаниям "Об основах культурной политики в Российской Федерации и защите русского языка", состоявшихся в июне 1995 г., отмечал: "Русский язык сегодня, как зеркало, отражает катаклизмы, переживаемые нашей многострадальной страной... В него все более врываются элементы уголовного мира, преступности, растленности, воздействующие на психику и делающие их обыденным, повседневным, вполне доступным и законным, бездумно пропагандируемым рекламами телевидения и изощренными иллюстрациями бульварной прессы.

В языке, как и в жизни, образовался языковой бизнес разрушения, всеобщей дозволенности и коммерции. Язык взрослых пополнился сленгом пьяниц и уголовных элементов. Язык подростков расцвечен цинизмом и вульгарностью". Конечно же, созданное веками великое культурное достояние нашего народа – литературный язык требует поддержки и защиты.

В своем докладе на VII конгрессе МАПРЯЛ (Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы) Д.С.Лихачев сказал: "Что же делать сейчас, в пору действительной отсталости и катастрофического падения культуры? Ответ, я думаю, ясен. Кроме стремления к сохранению материальных остатков старой культуры (библиотек, музеев, архивов, памятников литературы, искусства и архитектуры) и уровня мастерства во всех сферах культуры надо развивать университетское и вузовское образование".

В настоящее время и школа, и вуз переживают процесс коренной переориентации в преподавании: резко осознается необходимость обновления гуманитарного направления и, следовательно, литературы и русского языка как важнейших предметов в образовании. Гуманистическое направление с неизбежностью ведет нас, как во времена Возрождения, к пересмотру утраченных традиций. Перед учителем в школе и преподавателем в вузе встает проблема – научить учащегося самостоятельно думать и уметь пользоваться русским словом, научить умению свободно излагать устно и письменно свои мысли. Отсюда –

возрастающее внимание среди преподавателей к культуре слова, к культуре речи. Обучающийся должен овладеть нормами литературного языка и уметь осуществлять такой выбор и такую организацию языковых средств в процессе общения, которые были бы наиболее эффективными с точки зрения коммуникативных задач (Культура ..., 1998, с.16). Подробнее о культуре речи как особой языковедческой дисциплине с учетом современных научных достижений написано в учебнике для гуманитарных вузов "Культура русской речи" (1998).

В центре учения о культуре речи стоит, с одной стороны, решение проблем литературной нормы, необходимость ее теоретической и культурологической интерпретации. С другой стороны, остро ставится вопрос о регулятивном аспекте деятельности лингвистов и преподавателей, в котором должны предусматриваться поддержка, защита и охрана родного языка. На эту сторону проблемы особое внимание обращал Г.О.Винокур в своей знаменитой книге "Культура языка" (1929). Поскольку статья посвящена памяти Григория Осиповича, уместно напомнить его высказывания на эту тему: "Вопрос о возможности языковой политики сводится в сущности к вопросу о возможности сознательного, активного и организующего отношения общества к языку как социальной традиции... Языковая политика есть ничто иное, как основанное на точном, научном понимании дела руководство социальными лингвистическими нуждами" (Винокур, 1929, с.140, 143).

Обычно в двадцатые-семидесятые годы XX-го века под культурой речи понималось в основном соблюдение языковых норм: имеется в виду правильное ударение и произношение, словоупотребление, правописание и грамматика. Это – важный и необходимый компонент программы обучения культуре речи. Но далеко не единственный. Новая концепция культуры речи, которая достаточно пространно изложена в теоретической коллективной монографии "Культура русской речи и эффективность общения" (1996), опирается на достижения таких ответвлений в лингвистике, как лингвопрагматика, теория речевых актов, функциональная стилистика, а в предложенном и уже упомянутом учебнике для вузов "Культура русской речи" – в особенности риторика. В трех основных компонентах культуры речи – нормативном, коммуникативном и этическом – роль риторики едва ли не первостепенна. В разработке важнейших разделов современного учения о культуре речи обращают на себя внимание моменты интеграции двух дисциплин – традиционно преподававшейся в вузе в 60–80-ые гг. культуры речи и риторики. Историческая и теоретическая приоритетность риторики особенно рельефно отражается в работах,

связанных с интерпретацией культуры ораторской и дискутивно-полемической речи. Само слово *риторика*, греческое по происхождению, первоначально обозначало ораторское искусство, хотя теперь расширилось по своему понятийному содержанию. Сейчас словом *риторика* обозначается не только филологическая дисциплина, объектом которой является теория красноречия, ораторское искусство, но и способы построения выразительной, эффективной речи во всех областях речевой деятельности, и прежде всего в разных жанрах письменной и устной речи. Риторика дает нам образцы словесной "формы обобщения действительности" (по словам акад. С.С.Аверинцева) и в этом отношении близко соприкасается с культурой речи и стилистикой. Риторика учит, как осуществлять речевую коммуникацию, как правильно, логично и выразительно излагать и развивать мысли, употреблять слова; как успешно научиться речевой активности и в личной жизни, и в общественной деятельности; как выступать перед аудиторией. Здесь важно еще раз подчеркнуть, что на данном этапе развития науки нельзя ставить знак полного равенства между культурой речи и риторикой. Термин "культура речи" стал широко употребляться лишь в конце 20-х годов после того, как в 1925 г. был создан Научно-исследовательский институт речевой культуры. В те годы обучение культуре речи понималось исключительно в одном смысле: научить грамотно, правильно писать, читать и говорить (см. работы В.И.Чернышева, Г.О.Винокура, С.П.Обнорского, Л.В.Щербы, С.И.Ожегова и др. в хрестоматии "Основы культуры речи" (1984). С риторикой же дело обстоит иначе. Европейская риторика как наука развивалась более двух тысячелетий, и на протяжении этой истории видоизменялось и ее определение, и ее содержательное наполнение. Во времена греческой античности (V–I вв. до н.э.) одной из ведущих была формула "Риторика – искусство убеждать" (Аристотеля, Аполлодора Афинского и др.). В теории римского красноречия была наиболее популярна формула Квинтилиана: "ars bene dicendi" – "искусство говорить хорошо". Конкретные задачи обучения красноречию лучше других сформулировал Цицерон: "videat, quid dicat, quo loco et quo modo" – "(оратор) должен изобрести, расположить, украсить (т.е. выразить, изложить известным слогом)". Во времена средневековья и раннего Возрождения актуализировалась трактовка риторики как "ars ornandi" – "искусство украшения речи" (Энциклопедия..., 1997). Русская риторика, хотя первый ее памятник восходит к трактату, помещенному в Изборнике Святослава (1073 г.), особенно активно развивалась в XVII – первой половине XIX вв. (Граудина, Миськевич, 1989; Русская риторика, 1996).

С культурой речи риторику роднит самое главное: обе эти дисциплины сложились как нормативные, и этой своей стороной они в первую очередь и полезны современному обществу. Многовековая традиция изучения риторики, теории красноречия, преподавания ее наиболее существенных норм и положений как науки о культуре слова оказалась у нас, к сожалению, прерванной. В советское время к риторике относились как к "продажной девке империализма", по выражению А.А.Шунейко, написавшему рецензию на хрестоматию "Русская риторика" (Шунейко, 1997, с.121). Отрицательное отношение к риторике особенно ярко выразил В.Гофман в своей книге "Слово оратора. Риторика и политика" (1932): «Риторика – орудие демагогии, обмана и служит для корыстолюбивых и честолюбивых внушений... Официальная риторика была сдана на попечение церковникам, филологам и эстетикам, т.е. отнесена к "воздушным" сферам культуры как нечто отвлеченное, далекое от непосредственных практических интересов общественной жизни...» (Гофман, 1932, с.38, 131).

Однако знаменателен тот факт, что появившиеся после 1985 г. идеологические послабления сразу же были восприняты лингвистами, преподавателями школ, гимназий и вузов, и впервые после длительного перерыва стали выходить в свет современные отечественные книги и учебники по риторике. Из забытого и заброшенного наследия сейчас уже возрождаются многие риторические идеи, но развиваются они на новом и более высоком научном уровне. Современная риторика как учение о речевой деятельности дает возможность деидеологизировать исследование и преподавание ораторского искусства, опробовать новые культурологические подходы в теории актов речи, их интерпретации не только в коммуникативно-прагматическом, но также в этическом и эстетическом аспектах.

Риторика в наши дни преподается в школах и вузах как самостоятельная дисциплина. Ее возрождение не может не оказывать существенного влияния и на развитие исследований, связанных с культурой речи. Можно привести в пример: две книги по культуре речи, вышедшие в свет в 1995 г. – "Культуру речи и культуру общения" В.В.Соколовой и "Культуру речи и искусство речи" Л.А.Введенской и Л.Г.Павловой. В обеих книгах помещены разделы, традиционно разрабатывавшиеся именно риторикой. Таков раздел в книге В.В.Соколовой "Пути и судьбы ораторского искусства", в котором развивались мысли о риторике, вечных идеях античных риторов и т.п. При этом в книге подчеркнута тематическая связь культуры речи с риторикой: "Культура речи – основа ораторского искусства; ... ораторское искусство – база для учения о культуре речи, так как в

этом случае имеется в виду историческая, теоретическая приоритетность, гносеологический аспект проблемы" (Соколова, 1995, с.27). Аналогичные соображения развиваются и в книге Л.А.Введенской и Л.Г.Павловой (1995), в которой Л.А.Введенской написан обширный раздел о теории спора, основах полемического мастерства, об эристике и риторических традициях. Развивающийся на наших глазах процесс интеграции, объединения в одно целое традиционных и наиболее прогрессивных положений риторики с выдержавшими испытание временем разделами учения о культуре речи знаменателен и, как представляется, перспективен и для исследований в этой области, и для учебных пособий разных жанров.

Нельзя не вспомнить и о том, что впервые риторические категории в восьмидесятые годы были привнесены в теорию культуры речи Б.Н.Головиным (см. его учебник для вузов "Основы культуры речи". М., 1980, 2-ое изд. – 1988 г.). Имеется в виду прежде всего развитый им постулат о культуре речи "как совокупности и системе ее коммуникативных качеств" (Головин, 1988).

С ренессансом риторики (вспомним работы С.С.Аверинцева, В.П.Вомперского, Ю.М.Лотмана, Ю.В.Рождественского и др.) пересматриваются взгляды на ораторскую речь. В девяностые годы XX в. авторы уже не пишут об идеологических предпосылках и советской школе ораторского искусства, о классовом содержании деятельности ораторских школ – буржуазном или пролетарском. В новых риториках, посвященных ораторской речи, отсутствуют все идеологемы послеоктябрьского периода: не разбираются прежде необходимые признаки ораторского искусства, например, такие, как коммунистическая идейность, партийность, отражение революционной и классовой действительности. Учение о советской ораторской речи составляла совокупность жестких идеологических и не подлежащих критике обобщений; это была теория, восставшая против классической и европейской риторики. С точки зрения марксистской теории отражения не могло быть универсальной социологической науки, пригодной для разных общественных групп. В уже цитировавшейся книге "Слово оратора. Риторика и политика" ее автор, В.Гофман, писал в духе воззрений тех лет: "Все попытки и рецепты оживления и омоложения риторики со стороны людей науки можно лишь уподобить любовному прикладыванию пластыря к деревянной ноге" (Гофман, 1932, с.25).

Сейчас уже в большом количестве специальных работ, посвященных изучению наследия риторики, в том числе и русской, содержится весьма богатый, интересный фактический материал. Однако

его теоретическое осмысление иногда отстает от результатов лингвистических исследований. Прежде всего обращает на себя внимание вопрос об ораторской речи в ее отношении к функциональным стилям литературного языка. В традиционной риторике ораторство выносилось на первый план. Представляется, что в системе стилей литературного языка ораторская речь всегда занимала особое место. В.В.Виноградов использовал термин "ораторский стиль". Так, оценивая язык Лермонтова, он писал: "От ранних опытов в романтическом роде Лермонтов прокладывает путь к созданию широкого *ораторского стиля* с яркой эмоциональной патетикой, с глубокими и отточенными афоризмами, с красочными и выразительными эпитетами, с громкой декламационной интонацией, с вопросами и восклицаниями, с острыми экспрессивными эффектациями, с своеобразным эмоциональным синтаксисом" (Виноградов, 1982, с.306). Конечно, чтобы понять природу ораторской речи, надо учитывать противоположения устной и письменной речи – с одной стороны, диалогической (разговорной) и монологической (ораторской), с другой. Некоторые исследователи сближают устную публичную речь с устно-разговорной речью. С этим трудно согласиться. Ближе к истине – А.М.Пешковский, который считает публичную речь особым видом собственно литературной речи – подделкой письменной под устную. Стилистическая полифония ораторской речи роднит ее с художественной. С этой точки зрения не вполне точно рассматривать ораторскую речь как подстиль публицистической речи. Существует немало жанров ораторской речи, в которых начисто отсутствует компонент публицистической речи, ср. такие произносимые в церкви речи, как молитва и покаяние в духовном (религиозно-нравственном) красноречии; или жанр тоста, свадебной, надгробной речи в социально-бытовом красноречии; ср. также речи на деловых летучках, выступления специалистов по техническим проблемам и т.д. Представляется самым разумным последовать многовековой традиции и признать за ораторской речью особый статус, не смешивая этот род речевой деятельности с какими-либо другими стилями литературного языка.

Ведущие признаки ораторской речи определяют особенности ее воплощения и ее существования. Прежде всего, ораторское искусство, как писал Ф.Ф.Зелинский, "состоит *в сознательном и рациональном развитии* устного слова" (Зелинский, Архив). Типичный вид ораторской речи – монолог, которому предшествует предтекстовое состояние. При этом наблюдается принципиальная установка на суггестивный, убеждающий характер речи в условиях массового, а по цели – контактного, воздействующего типа речи. В бытовой устной речи

ведущим признаком является ее спонтанность, неподготовленность – особенность, которая не свойственна продуманной ораторской речи. К тому же реализуется обиходная речь только "при непосредственном участии говорящих... и при неофициальных отношениях между говорящими" (Культура..., 1998, с.48). Нельзя не отметить существенные отличия между устной и ораторской речью в целях и сферах общения, обусловленных преобладающей формой общественного сознания. Содержанием речи оратора могут стать наука, искусство, религия, правовые проблемы, идеология, политика. Отличительные черты прагматического типа, учитывающие характер адресанта/адресата в разговорной и ораторской речи весьма заметны и в области выбора тем общения, и в области доминирующих функций коммуникации.

По функциям можно выделить несколько родов и видов ораторской речи, совершенно не характерных для устной разговорной и обиходной речи. К ним относятся: 1. Информационный род ораторской речи, например, вступительное слово председательствующего, открывающего заседания (в Думе, на конгрессе, на конференции), лекция, доклад или научный реферат; оптативная речь (поздравительная, юбилейная, напутственная) и т.д. 2. Аргументативный род ораторской речи, в которой важна и логика, и система изложенных аргументов, ср. разные жанры судебной речи; повелевающие речи, научные лекции и т.д. В ораторском стиле неизменна принципиальная установка на заранее подготовленную убеждающую, эффективную речь, обусловленную социальной, образовательной, часто воспитательной, этической и эстетической задачей. Очевидны отличия типов ораторской речи от устно-разговорной: в ней преобладает диалог, которому в большей мере свойствен коммуникативный, контактоустанавливающий и ситуативный аспект.

Ораторская же речь – это прежде всего монолог, рассчитанный на широкую аудиторию. Именно в публичной речи мы можем наблюдать достаточно яркое выражение индивидуальности оратора, что проявляется и в подборе слов, и в характере использования языковых средств. Для оратора чрезвычайно важен вопрос о композиционной, смысловой и стилистической организации произносимой речи, которая сознательно выстраивается в системно-компонентном, системно-структурном и системно-функциональном аспектах.

Объем статьи не дает возможности подробно останавливаться на композиционных и структурно-лингвистических приметах, не позволяющих причислить ораторскую речь ни к разновидностям устно-разговорной речи, с одной стороны, ни к публицистической речи, с другой.

В совокупности перечисленные признаки ораторской речи можно рассматривать как стилеобразующие, если понимать под стилем одну из функциональных разновидностей той или иной языковой системы (в концепции В.В.Виноградова). В теоретическом учении о речевой культуре вопрос об ораторстве и ораторском стиле речи должен занять подобающее ему место.

ЛИТЕРАТУРА

Введенская Л.А., Павлова Л.Г. Культура и искусство речи. Ростов-на-Дону. 1995.
Виноградов В.В. Очерки по истории русского литературного языка XVII–XIX вв. М. 1982.
Винокур Г.О. Культура языка. М. 1929.
Головин Б.Н. Основы культуры речи. М. 1988.
Гофман В. Слово оратора. Риторика и политика. Л. 1932.
Граудина Л.К., Миськевич Г.И. Теория и практика русского красноречия. М. 1989.
Зелинский Ф.Ф. Значение ораторского искусства. Архив К.А.Сюннерберга. Отдел рукописей ПД. Ф 474 № 406.
Культура русской речи. Учебник для вузов. М. 1998.
Основы культуры речи. Хрестоматия. М. 1984.
Русская риторика. Хрестоматия. М. 1996.
Соколова В.В. Культура речи и культура общения. М. 1995.
Шунейко А.А. Рецензия на книгу "Русская риторика. Хрестоматия" // Русская речь. 1997, №1.
Энциклопедия "Русский язык". М. 1997.

В.Г. Гак

НОВАТОРСТВО, ЗАИМСТВОВАНИЕ, СОВПАДЕНИЕ

В своих работах о языке художественной литературы Г.О.Винокур большое внимание уделял языковому новаторству писателей. Его книга – "Маяковский – новатор языка" (Винокур, 1991, с.317-407) посвящена разработанной им общей теории литературного новаторства, иллюстрируемой тонким анализом речи конкретного автора – Маяковского. В настоящей статье мы остановимся на некоторых вопросах, связанных с этой проблематикой.

Г.О.Винокур различает новаторство собственно языковое и стилистическое. Что касается языкового новаторства – образования новых слов, грамматических форм и конструкций, – то он отмечает три процесса: создание абсолютно новых элементов, образование по существующим в языке моделям и оживление старых форм.

Очень интересным является замечание Винокура о том, что некоторые новшества писателей представляют собой возврат к прежним, но забытым формам языка. По аналогии с биологией здесь можно сказать, что онтогенез – развитие отдельной особи – есть краткое повторение филогенеза – развития вида в целом. Отдельный писатель, создавая слово или форму, повторяет тот же эволюционный путь, который в свое время был пройден языком – носителями языка – в целом. Это иллюстрирует идею Гумбольдта, что каждый язык обладает определенной внутренней формой, которая способна у разных носителей языка и даже в разное время порождать однотипные внутренние и внешние языковые формы.

К трем проявлениям новаторства, о которых говорилось выше, можно добавить заимствование, которое играло вообще большую роль как в истории всех языков, так и в творчестве многих писателей. Заимствование можно разделить в свою очередь на три категории: прямое заимствование; калька (с сохранением смысла); формирование по модели другого языка (берется только модель).

Например, калька имеет место в том случае, когда автор дословно воспроизводит иноязычный фразеологизм с целью оживления стиля. исследователи стиля французских писателей русского происхождения отмечали у них случаи дословного перевода стандартного русского фразеологизма, который во французском тексте звучал живо и оригинально.

Непросто отличить заимствование от собственного творчества, даже когда речь идет об отдельном слове. Как пример выдуманных слов в книге Г.О.Винокура приводятся *кубоаа,* созданное Гамсуном, а также *сикамбр* и *умбракул* у Горького. Норвежское слово действительно создано искусственно, как это отмечается в самом романе Гамсуна (Винокур, 1991, с.326), но два "горьковских" слова искусственными неологизмами не являются. Многие персонажи Горького – полуобразованные или необразованные, но ценящие образованность люди – питают страсть к ученым словам. Таков и Сатин, бывший телеграфист, который прямо говорит: "Люблю непонятные, редкие слова". Он произносит ряд таких слов: *органон, макробиотика, трансцедентальный,* среди которых и *сикамбр.* Сикамбры – германское племя, принявшее участие в завоевании Галлии. Когда франкский король Хлодвиг крестился в Реймсе, епископ Ремигий сказал ему: "Склони голову, гордый сикамбр, сожги то, чему поклонялся, поклонись тому, что сжигал". Эта фраза стала крылатым изречением, популярным и в России, ее мог слышать Сатин. Слово *умбракул* упоминается в мистической книге, которую, по требованию повара Смурого,

читает вслух Алексей Пешков ("В людях"). Это русский вариант латинского *umbraculum*, от *umbra* (тень), оно значит "сень, покрытое пространство, помещение". Таким образом, оба слова являются заимствованными. Еще сложней отличить заимствование, когда речь идет о словосочетаниях и синтаксических моделях. Л.В.Щерба писал, что в русской литературной стилистике "народные элементы образуют обыденную речь, утонченную зачастую совершенно незаметным для вооруженного глаза французским влиянием" (Щерба, 1954, с.125). Действительно, трудно подчас отличить кальки от собственных образований. Например, что такое *имею честь* – образование внутри русского языка или же калька фанцузского j'ai l'honneur.

Нередко одно и то же явление в одном языке может быть более распространенным, узуальным и, следовательно, менее отмеченным стилистически, тогда как в другом выступает как яркое стилистическое средство, свойственное идиостилю данного автора. Если известно, что автор владел этим языком, частотность явления может быть одним из свидетельств того, что рассматриваемый стилистический прием был сформирован под влиянием этого языка.

Г.О.Винокур разбирает один из таких фактов (Винокур, 1991, с.375). Встречающиеся у Пушкина конструкции с абсолютным существительным типа:

> Когда *с угрозами* и, *слезы на глазах*,
> Мой проклиная век...
> (Пушкин. Андрей Шенье)

авторитетные исследователи (Корш, Жирмунский, Виноградов) считают галлицизмом, хотя синтаксическое обособление может наблюдаться и в русской разговорной речи. И тем не менее, для обсуждения вопроса существенно не только то, что этот оборот у Пушкина лексически соответствует французскому употребительному *les larmes aux yeux*, но то, что данная конструкция вообще весьма распространена в этом языке при описании позы или переживаний персонажа, составляя 5% всех обстоятельств образа действия в тексте (Гак, 1965, с.142-145, 150). При переводе на русский язык она не воспроизводится, но заменяется деепричастным оборотом (добавляется глагол по смыслу), конструкцией с предлогом *с* и др. Например, *Il marchait les bras ballants* (букв. "он шел, руки болтающиеся") – *Он шел, размахивая руками.; Elle etait assise les coudes sur la table* (букв. "она сидела, локти на столе") *Она сидела, положив локти на стол.* Есть основания причислить упомянутый выше пушкинский оборот к "незаметным галлицизмам".

Другой пример. В "Песне о Вещем Олеге" Пушкин пишет: *И друга он гладит прощальной рукой.* Во французском языке нет прилагательного *прощальный;* соответствующее значение передается существительным с предлогом. И тем не менее этот оборот тоже можно считать "незаметным галлицизмом". Французские наречия, образуемые обычно от прилагательных суффиксом – (e)ment, громоздки, мало поэтичны. Поэтому действие характеризуется часто не наречием, а прилагательным, относящимся к слову, обозначающему часть тела, которая участвует в данном действии. Например, *écouter d'une oreille attentive* (букв. "слушать внимательным ухом") – *слушать внимательно; écrire d'une main hâtive* (букв. "писать торопливой рукой") – *торопливо писать; donner à pleines mains* (букв. "раздавать полными руками") – *щедро давать, не считая* и т.п. Французские руководства по стилистике рекомендуют подобными оборотами заменять наречия. Быть может, Пушкин, привыкший к такой синекдохе во французских текстах, использовал эту модель, что прозвучало очень свежо в его стихе.

Примеры из Пушкина подтверждают, что наряду с заимствованием модели вместе с лексико-семантическим наполнением возможно заимствование модели, принципа организации высказывания или его части при оригинальном лексическом наполнении. Надо сказать, что синекдохическая конструкция используется и в русском языке, хотя далеко не так активно, как во французском. Например, у Б.Пильняка мы читаем: *Глазами знатока и руками мастера погладил (он) ручку дивана.* Выражение *руками мастера*, возможно, является калькой с французского (*de main de maître*). Или у современного писателя: *Приходила мама, садилась на край кушетки, (...) пугливой рукой пробегала по плечу или спине Меркадьева* (Смоляницкий. "Осведомленный").

Итак, авторское новшество в его отношении к сходным фактам другого языка может представлять собой заимствование, быть вдохновленным этим языком, либо совпадение, вне влияния норм другого языка. Если писатель использует в качестве стилистических приемов грамматические формы и конструкции, которые являются более распространенными и нейтральными в другом известном ему языке, то можно предполагать нарочитое или неосознанное заимствование из этого языка. И то, что в другом языке обычно и банально, в родном становится необычным и стилистически отмеченным, особенно с новым лексико-семантическим наполнением. При этом некоторые новшества и находки, осуществленные независимо, могут оказаться подобны фактам, существующим в других языках.

Рассмотрим некоторые примеры из повестей Бориса Пильняка, стремившегося писать в своеобразной, порой экстравагантной, манере.

Писатель знал французский и немецкий языки. Некоторые приемы его письма воспроизводят структуры, выступающие как обычные явления в этих языках

Французскому языку в большой степени свойственно отыменное образование глаголов, тогда как в русском значительно шире развито отглагольное образование новых глаголов. С помощью простой конверсии, либо конверсии в сочетании с префиксацией во французском языке может быть образован глагол чуть ли не от каждого существительного, даже таких, как "пол", "потолок", "стена", "стол", "кровать" и т.п. Б.Пильняк широко пользуется приемом отыменного образования глаголов, правда, чаще от отвлеченных имен или имен с суффиксом *-ств(о): одиночествовать; заводствовать; строительствовать; клокочиться* (о баках на лице); *инженеры скважили недра московских земель; скулы его славянствовали; скулы его землели* (то есть, были бледными) и др. По-видимому, этот прием был вообще свойствен речи писателя. Так, в одном из своих писем он пишет: *(Суд) представительствует мои права за пределама СССР; ...Когда в Берлине был Ладыжников, представительствовавший "Знание"...* Современная языковая норма предпочла бы в этих контекстах глагол *представлять*, а глагол *представительствовать* употреблять как непереходный (от имени кого-л.).

Во французском языке связь между граммемой числа и значением существительного в целом менее жесткая, чем в русском, вследствие чего многие существительные – абстрактные, неисчисляемые, единичные – легко получают морфему множественного числа. Г.О.Винокур приводит целый ряд существительных, которым Маяковский придал форму множественного числа вопреки существующей норме: *любви (из любвей и соловьев какое-то варево), наших золот, железа шипящие, дух зажариваемых мяс, еды* и др. Любопытно, что большинство из них имеют нормативное множественное во французском языке: *ors, amours, viands, (les) repas*. Встречающиеся у писателей XIX века ненормативные ныне формы множественного числа, например, у Гончарова *фаршированные мяса*, быть может, были навеяны французским языком. Аналогичные примеры мы находим у Пильняка: *Тогда покупались икры и осетрины; военные обменивались честями; это искусство имело свои памяти; ревы автобусов; люди одинаковых воль; преуспеяния; светы фонарей; расставлялись фарфоры; сотни тысяч калечеств и гололедиц* (ср. франц. se rendre les saluts, volontés, lumières de la ville, porcelaines, vrombissements des moteurs).

Во французском языке определение к подлежащему нередко выносится за глагол, превращаясь в характеристику действия: *Les*

enfants dormaient tranquilles – Дети спали спокойно (букв. "спокойные"). Пильняк пишет: *Сумерки наступали тихи и ясны.* Автор часто использует составное именное сказуемое, которое также в некоторых европейских языках употребляется шире, чем в русском: *Он пришел пасмурным, деловым, усталым; Они проживали племянниками великих мастеров.* Творительный падеж используется автором в тавтологических конструкциях, где дополнение семантически повторяет подлежащее, характеризуя подлежащее или глагол: *Жизнь Федора Ивановича проходила жизнью солдата и рабочего; Он шел по жизни человеком крепкой воли; Она поздоровалась с Полетикой, руку подав очень надежной женщиной; Жена пришла чистой женщиной, тихой женщиной* (=когда он женился, его жена была...); ср. тавтология: *он – человеком; она (жена) – женщиной.*

Вместе с тем употребление творительного падежа позволяет найти в русском языке оригинальные способы выражения. Этот падеж занимает особое место в системе русских падежей. Будучи периферийным по своей семантике, он позволяет передать дополнительные характеристики действия, присоединить дополнительное действие, создать компактную форму выражения. Р.Якобсон отмечал его роль в организации художественной речи (Якобсон, 1985, с.153-157); Якобсон, 1987, с.190-195, 29). Пильняк использует этот падеж вместо предложных оборотов: *Жена задергалась судорогами истерики (*= в судорогах); *Этой командой* (из Москвы) *возникали строительства; двигались сотни тысяч людей,... просыпался на рассвете Федор Иванович* (= по этой команде). Творительный падеж в его ограничительной функции дает возможность автору необычным образом выразить обстоятельство действия, его характеристику: *Служилое сословие... спортивными трусиками (=в* спортивных трусиках), рысцой *бежало по мостовым около тротуаров, змеями очередей вставало в хвосты магазинов за хлебом (*= вставало в подобные змеям очереди у магазинов; *очереди* и *хвосты* образуют тавтологию); *Оркестр благозвучал фокстротами.* Последний пример подводит нас к проблеме грамматических трансформаций в процессе литературной обработки текста. "Писатель – это тот, кто *обрабатывает* свое слово" (Барт, 1989, с.134). Эта обработка часто заключается в лексико-синтаксических трансформациях.

В условиях прямой номинации структура словосочетания и предложения изоморфна структуре описываемой ими ситуаци: в словосочетании существительное бозначает предмет, прилагательное – его признак; в предложении подлежащее обозначает реальный субъект действия, дополнение – реальный объект и т.п. Но между смысловыми

и синтаксическими категориями нет жестко детерминированной связи и образуются вторичные, косвенные номинации на уровне предложения, когда члены словосочетания и предложения не изоморфны компонентам глубинной структуры.

Исследования речи русских и французских детей показывают, что они используют части речи и члены предложения почти исключительно в их первичных значениях: существительное обозначает предмет, подлежащее указывает на реальный субъект действия и т.п. В речи взрослых и тем более при литературной обработке языка нарастает использование членов предложения в их вторичной, переносной функции, подобно тому, как в области лексики литературная обработка часто проявляется в переносном употреблении слов. В каждом языке существует определенная степень этого расхождения, этой метафоры на уровне предложения. Если русский язык благодаря богатой морфологии и удивительно гибкому синтаксису может сохранять параллелизм форм и значений, то французский с его жестким синтаксисом часто вынужден решать коммуникативные задачи изменением синтаксической функции номинаций. Поэтому лексико-синтаксические трансформации более частотны и стилистически менее отмечены во французском языке, чем в русском.

Мы рассмотрим два типа преобразований: интерверсию и актантную трансформацию.

Интерверсия заключается в том, что в словосочетании нарушается параллелизм синтаксических и семантических отношений: главный член выражает определение, а подчиненный компонент – определяемое. Многие интерверсии стали банальными в языке и не воспринимаются как стилистическое средство, например, *две недели отпуска* вместо *двухнедельный отпуск*.

Однако еще античные авторы использовали интерверсию как стилистический прием, который стал широко применяться и во французской литературе. В свое время Мопассан критиковал авторов, злоупотреблявших интерверсией, которая особенно была необычна при использовании в качестве главного члена абстрактного существительного. Мопассан иронизировал: "Эти писатели заставляют падать град или дождь на прозрачность стекла" (вместо "на прозрачное стекло") (Cressot, 1969, p.150).

Приемом интерверсии широко пользуется Пильняк. Последнюю цитированную фразу можно интерпретировать так: *Оркестр играл благозвучную музыку – это были фокстроты* или *Оркестр играл благозвучные фокстроты*. В обоих вариантах семантема "благозвучность", обозначающая признак музыки, принимает форму

прилагательного, которое выступает в своей прямой функции, характеризуя существительное: родовое понятие *музыка* или видовое *фокстрот*. В трансформированной фразе Пильняка признак инкорпорирован в глагол, образованный от имени, а существительное *(фокстроты)* выступает как компонент, зависимый от слова, содержащего его характеристику. Аналогичным образом глубинная структура *Они прошли в улицу, где росла целебная ромашка*, где *ромашка* – признак *улицы*, преобразуется в *Они прошли в целебную ромашку улицы*, где *улица* формально оказывается признаком *ромашки*. Еще яснее интерверсия во фразе: *Улица пребывала в безмолвии ласточек* (вместо *Над улицей летали безмолвные ласточки)*.

Во французском языке распространены актантные трансформации высказывания, когда синтаксическое подлежащее (в том числе и при переходном глаголе) выражает не реальный агенс – производитель действия, но любой другой актант или сирконстант (место, причину, орудие и т.п.). Образуется своего рода метафора, при которой неодушевленное подлежащее приравнивается к одушевленному производителю действия. В грамматиках и стилистиках это называют синтаксическим анимизмом. Анимизм глубоко проник в национальную стилистику французского языка. Как и в лексической метафоре, здесь может наблюдаться разная степень метафоричности: от совершенно стертой до стилистически значимой. Вот, например, дословные переводы типичных *стертых* синтаксических метафор французского языка: *Конгресс собрал 1000 делегатов* (вместо: *На конгресс прибыло 1000 делегатов*); *Дождь помешал мне выйти* (= *Из-за дождя я не смог выйти*); *Вино делает его больным* (= *От вина он заболевает*); *Катастрофа убила пять человек* (= *В катастрофе погибло пять человек*); *Октябрь видел повышение цен на нефть* (= *В октябре повысились цены на нефть*). Синтаксический анимизм дополняется лексическим: при неодушевленном подлежащем часто используется активный антропоморфный глагол.

Разумеется, изменение актантной структуры высказывания в связи с иным представлением действительности наблюдается и в русском языке. Особенно это характерно для описания движения, когда впечатление представлено не как следствие движения воспринимающего субъекта (*Я проезжаю мимо...*), но как следствие перемещения наблюдаемых предметов (*Мимо меня проносятся...*). Классический пример такой инверсии угла зрения на ситуацию движения дал Пушкин:

Мелькают мимо будки, бабы,
Мальчишки, лавки, фонари...
(“*Евгений Онегин*”)

Все, что говорят люди, содержит на глубинном уровне соотнесенность с воспринимающим лицом, которое может (или могло бы) слышать, видеть, знать то, о чем идет речь. Однако эта соотнесенность может быть эксплицитной или имплицитной. Глагол *мелькать* содержит ее в своей семантической структуре. Согласно словарю Ожегова–Шведовой, он значит "являться, показываться на короткое время". В свою очередь *показываться* значит "становиться доступным *взору*". Но указанная семантическая инверсия может описываться глаголом, который не содержит эксплицитной семы восприятия. Например, у Булгакова: *Под Маргаритой плыли крыши троллейбусов, автобусов и легковых машин, а по тротуару, как казалось сверху Маргарите, плыли реки кепок.* Глагол *плыть* показывает движение как бы независимо от впечатления того, кто передвигается. Воспринимающее лицо указывается особо (как в данном случае) или выводится из контекста и ситуации. Аналогичные фразы мы находим у Пильняка: *Летели назад улицы, дома, фонари... Воздух, время, земля свистели, прыгали, мчались* (о движении автомашины). Во фразе *Архангельск уехал за Соломбалу* (речь идет о пароходе, отходящем от пристани) изменение в изображении движения также придает оттенок одушевленности подлежащему.

Пильняк часто прибегает к "анимистическим" оборотам, употребляя предложения с неодушевленным грамматическим субъектом: *Дождь за окнами утверждал осеннюю ночь; Мораль тех лет благословила профессора; Столик иностранцев говорил по-французски; Сапоги указывали на многие свои труды; Полторак с Надеждою Антоновной уехали в темноту, лаявшую средневековыми собаками* (т.е. "темнота лаяла собаками" вместо "в темноте лаяли собаки"). К фразам с неодушевленным подлежащим при переходном глаголе Пильняк прибегал и вне своих художественных произведений; например, в том же письме: "*Список приведенных авторов не родил во мне мысли, что я попал в контакт с организацией, злобно-враждебной Стране Советов* (Пильняк, 1989, с.19).

Во фразе: *Комната была велика и пуста. Посредине ее расставился стол в белой клеенке.* Глагол *расставился* (созданный по образцу *расселся, разлегся)* придает подлежащему сему одушевленности.

Пильняк доводит анимизм до крайности при изображении движения автомашины и изменения времени дня . Используются оба приема: неодушевленное существительное в функции подлежащего при переходных глаголах и антропоморфные глаголы в функции сказуемого: *Машина заторопила ветер, время, деревни, заставила туманы и ветры плясать; Воздух, время, земля, свистели, прыгали, мчались* (ветер – признак быстрой езды). Вместо *машина остановилась* он пишет: *Стоп!*

– и машина сломала скорость, оставив ненужными время и ветер. Вместо *машина замедлила ход – На опушке леса машина потеряла свои скорости, обессилела, отпустила на покой ветер.*

Вот примеры изображения изменения времени дня и описания окружающей обстановки: *Рассвет лез в щели ставень; Из тумана выползли кремлевские башни; Свет вытаскивал из мрака колокольни церквей; Тишина вселилась в вагон* (= *в вагоне стало тихо*). *В гостиной застряла еще ночь. В салон залезло серое в изморози осеннее утро. Поля легли первобытностью и тишиной. Улицы пребывали в предрассветном лае собак* (=*на предрассветных улицах лаяли собаки*). *В этом доме улеглась бесшумная тишина* (=*стало тихо*).

Изменение актантной структуры предложения и метафорические предикаты встречаются и в современной литературе как средство оживления повествования, хотя, может быть, с меньшими ухищрениями, чем в примерах из Пильняка. Вот фраза из романа Б.Окуджавы "Упраздненный театр" ("Знамя", 1993, №9): *Но тревога и растерянность вдруг приоткрыли ей немую тайну.*

Сравним два предложения из упомянутого романа М.Смоляницкого: *Небольшой платяной шкаф в другом конце комнаты уютно поблескивал полированными дверцами* и *На тумбочке располагался портативный магнитофон – его металлические части поблескивали так же.* Если во второй фразе поблескивание представлено как естественное проявление металлических частей, то в первой – слово – результат воздействия шкафа на его дверцы. Фраза представляется более выразительной, хотя и несколько искусственной.

Самая сложная задача при актантных трансформациях – найти глагол, поскольку глагол – структурный центр предложения, и взаимозамена подлежащего с другим членом предложения отражается на выборе глагола: его грамматической формы (например, актив/пассив) или его лексемы – нередко используются глаголы-конверсивы. В языках существуют многие пары таких глаголов: *А находится в В < – > В содержит в себе А; А находится за В < – > В закрывает А* и т.п. Вместо *Буфет и гардероб закрывали алтарь* Б.Пильняк пишет: *Алтарь исчезал под буфетом и гардеробом.*

Вот примеры того, как автор решает проблему нахождения глагола. Останавливается поезд. Одни пассажиры входят, другие выходят. Автор желает превратить слово *поезд* в подлежащее, *пассажиры*, следовательно, – в дополнение. Пильняк находит такое решение: *К перрону, толкая перед собой ветер, примчал поезд, разменял людей и ушел в темную трубу (метро).* "Входить/выходить" получает в качестве конверсива глагол *разменять*. Другой случай – из романа

М.Смоляницкого: *На станцию прибыл поезд, из него вышел человек* (Меркадьев). Автор хочет построить актантную инверсию (вместо "из поезда вышел человек" – "поезд ...человека)", превратив обстоятельство в подлежащее, а подлежащее в дополнение.

Конверсивом к глаголу *выйти* здесь может быть глагол типа "извергнуть". Именно такой глагол и употребляет автор: *Электричка выплюнула Меркадьева в индустриальный пейзаж.* Любопытно, что французский язык использует в аналогичных случаях глагол из того же семантического поля – *"плевать"* – cracher, причем это употребление узуально и отмечается в словарях: Le volcan crache de la lave (букв. "вулкан выплевывает лаву"). *Из вулкана льется лава;* Une plume usée crache l'encre (букв. "старая ручка выплевывает чернила"). *Старая ручка брызгает.*

Одним из проявлений новаторства автора является трансформация структуры предложения, синтаксических связей, словосочетаний, грамматических форм. Они могут быть свойственны только одному из сравниваемых языков (как, например, многие приведенные конструкции с творительным падежом в русском языке), но могут иметь сходный вид в разных языках. В этом случае они могут заимствоваться из одного языка в другой или развиваться в одном языке под влиянием другого, либо возникать и развиваться параллельно, но в одном иметь более широкое распространение, чем в другом. Среди стилистических приемов можно найти как внутриязыковые, так и те, что напоминают более частотные и узуальные явления в других языках.

ЛИТЕРАТУРА

Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М. 1969.
Винокур Г.О. О языке художественной литературы. М. 1991.
Гак В.Г. Категории процесса // Гак В.Г., Ройзенблит Е.Б. Очерки по сопоставительному изучению французского и русского языков. М. 1965.
Пильняк Б. Повесть непогашенной луны. Заволочье. Волга впадает в Каспийское море. М. 1989.
Щерба Л.В. Избранные работы по русскому языку. М. 1957.
Якобсон Р. Избранные работы. М. 1985.
Якобсон Р. Работы по поэтике. М. 1987.
Cressot M. Le style et ses techniques. Paris. 1969.

Н.А. Еськова

ПО ПОВОДУ РАСШИРИТЕЛЬНОГО ТОЛКОВАНИЯ ДВУХ ПУШКИНСКИХ ЦИТАТ

("эхо русского народа", "жизнь и лира")

И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.

Этим двум строкам, которыми заканчивается юношеское стихотворение (1818 года), выпало на долю стать одной из самых "ходячих" пушкинских цитат. Они украшают вестибюль станции "Пушкинская" московского метрополитена. Без этой цитаты редко обходится статья к очередной годовщине со дня рожденья поэта. "Эхо русского народа" – так озаглавлен рекомендательный библиографический указатель поэзии дореволюционной России, выпущенный в 1985 г. издательством "Книга" и, как сказано в одной рецензии, "удачно названный строкой-образом Пушкина"(Магидсон, 1986).

Широко распространено приписывание этим двум строкам чрезвычайно важного смысла, этакой суммарной оценки поэтом значения своего творчества, провозглашения себя "народным поэтом". И этому нисколько не мешает знание того, когда и при каких обстоятельствах написано стихотворение.

Поэт Владимир Соколов писал в статье, напечатанной в "пушкинском" номере газеты: "Я знал, что это строчки из юношеского стихотворения, хотя осознаются они чаще как итог поэтического служения Пушкина." (Соколов, 1984). Количество подобных цитат из публикаций, приуроченных к очередной июньской дате, можно увеличить.

Но не только авторы газетных статей вкладывают в это стихотворение важный смысл "вопреки" времени и обстоятельствам его написания. Е.А.Маймин в книге о Пушкине, вошедшей в популярную академическую серию, пишет: «Как бы то ни было, стихотворение "К Н.Я.Плюсковой" живет и воздействует безотносительно к тому реальному поводу, с которым оно исходно было связано. Его звучание (? – Н.Е.) и значение выходят за рамки того или иного конкретного и частного случая. Объективно стихотворение оказалось признанием и призывом большого общественного значения:

На лире скромной, благородной
Земных богов я не хвалил
И силе в гордости свободной
Кадилом лести не кадил.

Свободу лишь учася славить,
Стихами жертвуя лишь ей,
Я не рожден царей забавить
Стыдливой музою моей.
Но, признаюсь, под Геликоном,
Где Касталийский ток шумел,
Я, вдохновенный Аполлоном,
Елисавету втайне пел.
Небесного земной свидетель,
Воспламененною душой
Я пел на троне добродетель
С ее приветною красой.
Любовь и тайная свобода
Внушали сердцу гимн простой,
И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа.»
(Маймин, 1981).

Необходимо коснуться обстоятельств появления стихотворения. Приведу комментарий к нему. «Напечатано в "Соревнователе просвещения и благотворения", 1819 г., №10, под названием: "Ответ на вызов написать стихи в честь ее императорского величества государыни императрицы Елисаветы Алексеевны". Наталья Яковлевна Плюскова (р. ок. 1780, ум. 1845) была фрейлиной императрицы. Стихотворение написано, вероятно, по непосредственной просьбе Федора Глинки, редактора журнала. (Глинка пропагандировал идею государственного переворота с возведением на престол Елисаветы Алексеевны.)» (Пушкин, 1949).

Заключительные строки означают, в сущности, "придворную лесть": "Я пел Елисавету, и моим голосом как бы говорил русский народ". Какой же натяжкой выглядят приписывание заключительным строкам того значительного смысла, который усматривают столь многие цитирующие их авторы!

Магически действуют на "интерпретаторов" два слова: "народ" и "эхо". Последнее неизменно заставляет вспомнить позднее стихотворение с таким названием. Тот же Владимир Соколов пишет в продолжение приведенного выше: «Столь рано понятая Пушкиным внутренняя задача, оставаясь для него неизменно актуальной, постоянно усложнялась, углублялась, требовала ее новых поэтических воплощений. И мы находим их и в стихотворении "Поэт и толпа", и в "Пророке", и в стихотворении "Эхо"...» (Соколов, 1984).

Другой автор, наоборот, начав со стихотворения "Эхо", "центр тяжести" которого видит в отклике поэта на "все впечатленья бытия", вспоминает раннее стихотворение:

"Такая версия поэта уже существовала в сознании Пушкина. Еще в послании "К Н.Я.Плюсковой" (1818) Пушкин использовал слово *эхо*:

И неподкупный голос мой
Был *эхо* русского народа.

(Строганов, 1995).

Употребленное Пушкиным в двух стихотворениях слово *эхо* так "завораживает" авторов высказываний, что они решительно не замечают, какой разный смысл вложен в него в раннем и позднем стихотворениях поэта. Совсем не в отклике на "все впечатленья бытия" "центр тяжести" стихотворения 1831 года; оно – об одиночестве поэта. Как известно, в последние годы жизни Пушкина его поэзия не получала признания у большинства критиков и у читателей. «В стихотворении "Эхо" Пушкин горько сравнивает поэта с эхом, которое чутко откликается на все окружающие звуки, но на его голос ничто и никто не отзывается» (Комментарий С.М.Бонди, Стихотворения..., 1967).

Решительным противником распространенного осмысления строк юного Пушкина был академик Сахаров. Приведу свидетельство хорошо знавшего его человека.

"Тогдашние суждения Андрея о Пушкине запомнились мне своей независимостью и нестандартностью. Он, например, категорически не соглашался с расширительным толкованием строк:

И неподкупный голос мой
Был эхо русского народа, –

вырванных из реального контекста стихотворения, написанного в 1818 году. Эти две строки перекочевывали из одной юбилейной публикации в другую, а в наше время вошли уже в названия статей и книг, не говоря о миллионах школьных сочинений. (...) Откуда у 19-летнего юноши самоуверенная претензия быть эхом народа? На самом деле все объясняется просто. Стихотворение было написано в честь Елисаветы Алексеевны. <...> Любовь народа к царствующим особам была общим местом мировоззрения того времени, и эту народную традицию отражает (эхо!) голос ни на что не претендующего молодого поэта." (Левин, 1991).

Надо заметить еще, что и "тайная свобода", с легкой руки Блока, получила расширительное истолкование тоже став "ходячей цитатой".

* * *

Недаром темною стезей
Я проходил пустыню мира;
О нет! недаром жизнь и лира
Мне были вверены судьбой!

Этим четверостишием также украшен вестибюль станции "Пушкинская". Но более достойно внимания то, что оно поставлено эпиграфом к циклу радиопередач "Жизнь и лира" (автор – В.С.Непомнящий), который начался более двух лет назад и приурочен к приближающемуся 200-летию поэта. Больше 80 раз прозвучали эти строки в выразительном исполнении автора цикла, которое придает им особую весомость; в роли эпиграфа к обстоятельному анализу лирики Пушкина этим четырем строкам приписывается смысл утверждения поэтом значительности своего жизненного и творческого пути.

Приведенным четверостишием заканчивается стихотворение "Козлову", написанное в 1825 году и обращенное к поэту-современнику, литературное творчество которого началось после того, как он ослеп. Чтобы стал вполне ясен смысл этих строк, лучше всего привести стихотворение полностью.

Певец! когда перед тобой
Во мгле сокрылся мир земной,
Мгновенно твой проснулся гений,
На все минувшее воззрел
И в хоре светлых привидений
Он песни дивные запел.

О милый брат, какие звуки!
В слезах восторга внемлю им.
Небесным пением своим
Он усыпил земные муки;
Тебе он создал новый мир,
Ты в нем и видишь, и летаешь,
И вновь живешь, и обнимаешь
Разбитый юности кумир.

А я, коль стих единый мой
Тебе мгновенье дал отрады,
Я не хочу другой награды -
Недаром темною стезей
Я проходил пустыню мира;
О нет! недаром жизнь и лира
Мне были вверены судьбой!

Не правда ли, в контексте стихотворения ничего не остается от того смысла, который возникает в заключительном четверостишии, когда, приведенное отдельно, оно предстает в роли "эпиграфа" к творческому пути Пушкина? Смысл этих строк много скромнее; скажем, приблизительно такой: "если мое стихотворение принесло тебе радость, моя жизнь и поэтический дар небесполезны".

У Пушкина нет недостатка в высказываниях, в которых он с предельной ясностью определяет значение своего творчества. Зачем же нужно дополнять их мнимыми "формулировками", основанными на произвольном осмыслении вырванных из контекста строчек?

ЛИТЕРАТУРА

Левин М.Л. Прогулки с Пушкиным // Звезда. 1991, №12.
Магидсон С. Книжное обозрение. 1986, №39.
Майлин Е.А. Пушкин. Жизнь и творчество. (Серия "Литературоведение и языкознание"). М. 1981.
Пушкин А.С. Полное собрание сочинений в 10-ти томах. М.-Л. 1949. Т. 1.
Соколов В. "...Чтоб мыслить и страдать" // Литературная газета, 6 июня 1984 г.
Стихотворения Александра Пушкина. М. 1967. (Комментарий к стихотворению "Эхо").
Строганов М.В. Певец – пророк – эхо. // Русская словесность. 1995, №5.

И.А. Пильщиков

ОТЗЫВ У БАРАТЫНСКОГО: СЛОВО И ЗНАЧЕНИЕ

1. Творчеству Баратынского Г.О.Винокур посвятил целый ряд исследований, но мало что из написанного им на эту тему вошло в научный оборот (ср. Шапир, 1990, с.357-358). При жизни автора увидела свет только небольшая заметка о собраниях сочинений Баратынского (Винокур, 1936). В 1930-х годах Винокур работал над научным изданием стихотворений Баратынского, но книга опубликована не была[1]. Отдельные текстологические наблюдения были частично изложены в трудах на общие темы, но многие безукоризненно обоснованные в них решения так и не стали достоянием академических изданий (см., например: Винокур, 1927, с.106 примеч. 2). Фундаментальное исследование по ритмике поэта, начатое в середине 1940-х, Винокур завершить не успел; заготовки к этой работе до сих пор остаются невостребованными[2].

К поэзии Баратынского Винокур обратился в 1925 г. – в статье "Баратынский и символисты", опубликованной совсем недавно (Винокур, 1994)[3]. Только в нынешнем десятилетии читатели смогли ознакомиться и с его неоконченной статьей 1944 г. "*Я* и *ты* в лирике Баратынского", в которой Винокур писал: "<Т>екстов Баратынского

рука филолога до сих пор, можно сказать, почти совершенно не касалась <...> я нахожу это несправедливым по отношению к памяти одного из самых замечательных русских лириков" (Винокур, 1990, с.245). Исследований о языке поэта и по сей день не так много (ср. Шапир, 1990, с.361), а количество работ, посвященных отдельным словам и выражениям (в том числе ключевым), исчисляется буквально единицами.

К числу ключевых у Баратынского, несомненно, принадлежит слово *отзыв* (Бочаров, 1976, с.275, 277)[4]. "Словарь Академии Российской" допускает две акцентные формы этого слова: *отзы́в* и *о́тзыв*; они встречаются в рамках одного текста (как, например, у Шевырева в стихотворении "Я есмь") и даже в смежных строках (как у Баратынского в XIV строфе второй редакции стихотворения "Осень" (ср. Булаховский, 1954, с.144-145)). На французский язык это слово переводится как *écho* или как *réponse* и, в свою очередь, служит эквивалентом обеих французских лексем в русских переводных текстах. В поэзии предпушкинской и пушкинской эпохи *отзыв* – слово достаточно редкое. У Ломоносова, Карамзина и Батюшкова оно не встречается вовсе (речь идет только о стихотворных текстах)[5]; в стихотворениях Муравьева, опубликованных в XVIII – первой половине XIX в., слово *отзыв* встречается один раз; Державин употребил *отзыв* дважды, Дмитриев – дважды[6], Вяземский (в стихах, опубликованных до 1845 г.) – 4 раза, Пушкин – тоже 4; в лирике и в балладах Жуковского мы находим 8 случаев употребления[7], у Баратынского – 9 (+1bis)[8]. Но даже у Баратынского абсолютная частота использования этого слова невелика: 10 случаев при средней частотности словоупотребления 3,04 (ср. Хетсо, 1973б, с.8); *отзыв* не входит в список 50 самых "активных" существительных Баратынского (Хетсо, 1973б, с.40-41; Kjetsaa, 1983, с.29-30). Однако, как предупреждал Винокур, "форма, употребление коей у поэта составляет пусть даже 1% – может в известных условиях оказаться гораздо более показательной для художественного метода данн<ого> поэта, чем все остальные 99%. Все дело лишь в том, чтобы форму эту осмыслить по-должному, ввести ее в надлежащий контекст, вдвинуть в исторически достоверную перспективу". "Слово как знак, как явление смысла не помогут нам понять никакие статистические ухищрения. Ибо значение раскрывается только путем филологической интерпретации его" (Винокур, 1923, с.5; ср. Шапир, 1990, с.290). Этими словами Винокура можно определить задачи настоящей статьи. Цель ее – проследить изменения значений одного слова в стихах Баратынского и очертить его ближайший историко-литературный контекст, русский и западноевропейский[9].

2. *Отзыв* появляется в самых ранних произведениях Баратынского: в стихотворениях и прозаических переводах 1819–1821 гг. В переводе повести Ксавье де Местра "Прокаженный города Аосты" *отзыв* является полным синонимом *эха*; оба слова употреблены в параллельных контекстах двух смежных предложений и оба служат эквивалентами фр. *écho*: "<...> э х о развалинъ замка Брамафана внятно повторяло: горе тебѣ <...> и слабый о т з ы в ъ горы, спустя долго послѣ, прошепталъ: горе тебѣ!...." (Баратынский, 1822, с.28); в оригинале: "<...> j'entendis l'é c h o qui <...> répéta distinctement: Malheur á toi! <...> et l'é c h o faible de la montagne répéta long-temps aprés: Malheur á toi!" (Maistre 1839, с. 252). В том же значении слово *отзыв* употреблено в первой редакции "Финляндии" (1820): *Следы минувшего исчезли в сих местах, // Отзывы праздные не вторят песне Скальда.*

Подобно многим своим современникам, Баратынский не проводил различий между финнами, скандинавами и кельтами; мотив *отзыва-эха* попал в элегию через посредство имитаций и переводов Оссиана – в первую очередь, здесь должен быть упомянут классический перевод Кострова (1792), переизданный в 1818 г., незадолго до написания "Финляндии" (ср. Левин, 1980, с.33). *Эхо* – один из самых частотных акустических образов в произведениях Макферсона. Французский текст-посредник (перевод Летурнера, ср. Левин, 1980, с.26-27) не донес до русского переводчика оссиановских постоянных эпитетов *ecchoing* и *resounding* 'отзывный, откликающийся эхом'. Зато костровский перевод изобилует упоминаниями *отзывов* – это эквивалент фр. *les échos* (европеизмом *эхо* Костров не пользовался): "<...> источники шумятъ, повторяя громкіе о т з ы в ы *Коны*" ("Фингал" I); "<...> лѣса безмолвствуютъ, и <...> о т з ы в ы углубляются въ долину" ("Фингал" III); "<...> вѣтры шумятъ въ о т з ы в а х ъ окрестныхъ" ("Фингал" V); "Всѣ о т з ы в ы облаконосной *Кромлы* о т в ѣ ч а л и на звуки его гласа" ("Фингал" VI) etc. (Оссиан, 1792, ч.I, с.83, 130, 181, 184; ср. ч.II, с.70, 139 и др.). Оссиановский ландшафт *отзывается* пению бардов: "П ѣ с н ь, зовущая ко брани, возгремя неравными голосами, продолжается въ о т з ы в а х ъ *Кромлы*" ("Фингал" I); "*Уллинъ* возгласилъ п ѣ с н и веселія, о т з ы в ы ихъ восхитили радостію *Иниссорскіе* холмы" ("Карриктура"); "Тако пѣлъ Бардъ <...> *Каррилъ* соединилъ гласъ свой съ его гласомъ <...> тѣни умершихъ Бардовъ <...> услышали п ѣ с н и ихъ; сладостные звуки ихъ продолжаясь о т з ы в а м и въ лѣсахъ, возвеселяли безмолвныя долины во время ночи" ("Смерть Кушуллина") (Оссиан, 1792. ч.I, с.82, 269; ч.II, с.27-28, ср. 130). Ср. также в "Комале": "Воспойте похвалу дщери *Сарновой*; пусть о т з ы в ы холмовъ повторяютъ всечасно имя

Комалы" (Оссиан, ч.I, с.210) – и в "Комале" Бенитцкого (автор указывает, что он "здѣлалъ" свое "подражаніе съ перевода г-на *Кострова*"): *Воспойте похвалу прекрасной, // О Барды! въ мирной тишинѣ: // Да отзывы холмовъ всечасно // Твердятъ любезной имя мнѣ* (Бенитцкий, 1805, с. 316 примеч. *, 331). Выражение *отзывы песней* употреблено у Кострова в "Инистонской войне" и в последних строках "Сражения с Каросом": "<...> тысяща Бардовъ возносятъ до облакъ знаменитое имя безтрепетнаго *Оскара*. *Морвенъ* возгремѣлъ стройными отзывами ихъ пѣснѣй"; "<...> звуки голосовъ нашихъ услышатся иногда въ пустыни, и камни повторятъ слабые отзывы пѣснѣй нашихъ" (Оссиан, 1792, ч.I, с.233, 225).

В "Финляндии" ощущается влияние двух "скандинавско-оссианических" стихотворений – элегии Батюшкова "На развалинах замка в Швеции" (Хетсо, 1973а, с.347; и мн. др.) и "Песни барда над гробом славян-победителей" Жуковского (Pilshchikov, 1994/1996, с.78). В стихотворениях Жуковского и Батюшкова тоже есть мотив *песен скальда* (*барда*) в сочетании с мотивом *эха*, однако слóва *отзыв* Батюшков избегает. Зато у Жуковского (так же, как у Кострова и позже у Баратынского) эта мотивная комбинация реализована именно в словесной теме *отзыва*: бард *Умолк... и струн исчез в пустынном небе звон, // И отзыв по горам и дебри усыпились*.

В "скандинавских" элегиях Баратынского *отзыв* напрямую связан с оссианической акустикой. Мы вновь встречаем это слово в стихотворении "Водопад", первая редакция которого была создана в 1821 г.: *Шуми, шуми с крутой вершины, // Не умолкай, поток седой! // Соединяй протяжный вой // С протяжным отзывом долины*. Приведем для сравнения еще несколько мест из Оссиана в переводе Кострова: "Источникъ гремитъ, но я слышу также согласные отзывы" ("Сражение при Лоре"); "<...> скалы сіи исполнены отзывовъ и водопадовъ блестящихъ" ("Темора" VI); "<...> да гласъ арфы возбудитъ отзывы долинъ" (монолог Мальвины) (Оссиан, 1792, ч.I, с.236; ч.II, с.154, 192 примеч. *б* к с.191). Заглавие небольшой элегии Баратынского не случайно совпадает с заглавием знаменитой оды, которую исследователи справедливо считают "высшим достижением оссианизма Державина" (Левин, 1980, с.37). У Державина Баратынский позаимствовал все природные аксессуары водопада. Зачин стихотворения (*Шуми, шуми с крутой вершины...*) повторяет державинскую строку *Шуми, шуми о водопад!* (lxx, 1)[10]. Есть в "старшем" "Водопаде" и существительное *поток* (ii, 3), и эпитет *седой* (*седая пена*; iii, 1). Все эти элементы собрал воедино Дельвиг, который, воспользовавшись державинскими образами в своем лицейском

стихотворении "К Фантазии", стал посредником между Державиным и Баратынским: <...> *Где в бездну с мрачного навеса // Седой поток шумит*. Обращает на себя внимание не только фразеологическое, но и синтаксическое совпадение: *с* <...> *навеса* <...> *поток шумит* (у Дельвига) и *шуми* <...> *с* <...> *вершины* <...> *поток* (у Баратынского). Это не единственный случай, когда Баратынский берет державинские формулы, уже "опробованные" Дельвигом (ср. Вацуро, 1988).

Во всех трех стихотворениях – у Державина (iii, 6), у Дельвига (23) и у Баратынского (14) – встречается слово *бездна*. Ассоциация *бездна – отзыв* могла отсылать к стиху Псалтыри: "Бе́здна бе́здну призыва́етъ во гла́съ хлѧ́бїй твои́хъ" (Пс 42 (41), 8) – как, например, у Пушкина в стихотворении "К морю" (1824): <...> *твои отзывы, // Глухие звуки, бездны глас* (ср. Мурьянов, 1996, с.128). Связь *перекликающихся бездн* с *водопадом* также исторически оправданна: ц.-слав. хлѧбь соответствует *водопаду* в Масоре (נוֹת [çinnōr]) и в Септуагинте (ὁ καταρρακτης; ср. (Мурьянов, 1981, с.59)); в Вульгате это место читается: "Abyssus abyssum invocat in voce cataractarum tuarum". Трудно сказать, был ли исходный смысл псалма ясен Державину и его последователям; скорее всего – нет: по крайней мере, в своей оде Державин употребляет слово *хлябь* в значении 'во́ды' и говорит о *хляби водопада* (vii, 6) [11].

В окончательной редакции "Водопада" Баратынский не только не отказался от ассоциаций с "Водопадом" Державина, но, напротив, их усилил. Вторая строфа начинается в новой версии так: ***Я слышу: свищет аквилон, // Качает елию скрипучей***. И лексика, и синтаксис здесь державинские: ***Он слышит: сокрушилась ель*** <...> (xxix, 1); ***Рев ветров, скрып дерев дебелых*** <...> (xxviii, 3)[12]. Два следующих стиха элегии (*И с непогодою ревучей // Твой рев мятежный соглашен*) также соотносятся с прототекстом (волк *воет согласясь* с водопадом; v, 6). Набор конкретных "оссианических" деталей (ср. Державин, 1864, с.470-471, примеч. Я.К.Грота) у Баратынского не уникален: те же державинские цитаты встречаются в других произведениях русского оссианизма. В поэме Жихарева "Октябрьская ночь, или Барды", пользовавшейся определенной известностью, мы читаем: ***Я слышу шум вдали глухой: // То эхо по дебрям разносит ветров вой***; ***Внимая скрипу древ дебелых*** и т.д.[13]. Интересную параллель к трансформациям акустических образов Державина у Баратынского можно найти в воейковском переводе "Садов" Делиля (внимание Баратынского к этой поэме и к этому переводу сомнению не подлежит (Pilshchikov, 1994; Пильщиков, 1995)). В III песни "Les Jardins" (271 слл.) Делиль описывает сенклудский водопад; в переводе Воейкова слышны оссианско-

державинские обертоны, причем мотив *эха* реализуется у него в словесной теме *отзыва / ответа*: *Там воды на воды ревущи упадают, // Вертепы и леса им громом отвечают* ("Сады" III, 295-296). Едва не самым характерным элементом оссианической акустики Державина было эхо (Пумпянский, 1939, с.116-117): *Грохочет эхо по горам, // Как гром гремящий по громам* (xxix, 5-6). Неудивительно, что *отзыв* (*эхо*) звучит уже в первой редакции "Водопада" Баратынского.

Культурные ассоциации *отзыва-эха* не исчерпываются Оссианом. Слово *отзыв* встречается и в других русских переводах из британской поэзии. Так, у Жуковского в "Пиршестве Александра" (1812) выражение *отзыв грянул* становится поэтическим эквивалентом рифмы *sound* : *rebound* в оригинале Драйдена: *The list'ning Crowd admire the lofty* ***Sound****, // A present Deity, they shout around: // A present Deity, the vaulted Roofs* ***rebound*** ("Alexander's Feast", 34-36); *И строй внимающих восторгов распален; // Клич шумный: царь наш бог! И стар и млад воспрянул. // И звучно: царь наш бог! – по сводам* ***отзыв грянул*** (31-33). Сходный оборот Жуковский употребил в 1808 г. в переводе томсоновского "A Hymn on the Seasons": *Да* ***грянутъ*** *съ звономъ лиръ и съ ликами органы! <...> Единъ составятъ хоръ и гулъ* ***отгрянетъ****: слава!* (Жуковский, 1808, с.168)[14]. Еще в 1789 г. "Гимн" Томсона перевел стихами Карамзин, который в этом месте гораздо более точен, чем Жуковский: *Соедини свой глас с далеким сим органом, //* ***Долгоотзывный*** *глас <...>* – чему у Томсона соответствует: *<...> to the deep organ join // The* ***long-resounding*** *voice <...>*[15]. К этим строкам можно привести целый ряд параллелей из других разделов "Времен года": *a hollow moan, //* ***Resounding long*** *in listening fancy's ears* ("Winter"); *the* ***loud-resounding*** *rocks* ("Summer"); *rude* ***resounding*** *shore* ("Autumn"); *The hollow* ***lows responsive*** *from the vales* ("Spring"). С последним из приведенных стихов ср. пассаж из самого "Гимна": *<...> ye mossy rocks, // Retain the sound; the broad* ***responsive low****, // Ye* ***valleys****, raise <...>*; resp. в переводе Карамзина: *Удерживайте звук, громады мшистых камней! //* ***Долины*** *да гласят* ***отзывный громкий рев****!*[16]. Вспомним теперь *рев водопада* и *протяжный отзыв долины* в элегии Баратынского. Таков круг поэтических ассоциаций *отзыва-эха* в его "нордических" стихах.

3. В 1812 г. Жуковский перевел стихотворение Шиллера "Die Ideale": *Und teilend meine Flammentriebe, // Die Stumme* <die Natur. – *И. П.*> ***eine Sprache fand****, // Mir* ***wieder gab*** *den Kuß* ***der Liebe*** *// Und meines Herzens Klang verstand <...> Es fühlte selbst das Seelenlose // Von meines Lebens* ***Widerhall****.* У Жуковского эта строфа звучит так: *И, юноши деля желанье, // Немая* <природа. – *И. П.*> ***обрела язык****, // Мне* ***отвечала*** *на*

лобзанье, // И сердца глас в нее проник. // Тогда и древо жизнь приняло, // И чувство ощутил ручей, // И мертвое ***отзывом*** *стало // Пылающей души моей* (здесь *отзыв* соответствует немецкому *Widerhall* 'отклик; эхо'). По всей видимости, "Мечты" Жуковского явились непосредственным источником знаменитых строк Баратынского из стихотворения "Приметы" (1839): *Покуда природу любил он* <человек. – *И. П.*>, *она // Любовью ему отвечала: // О нем дружелюбной заботы полна, // Язык для него* ***обретала***. Баратынский воспроизводит стихи Жуковского с точностью наоборот: у Шиллера и у Жуковского человек-Пигмалион оживляет природу-Галатею (Вацуро, 1994, с.119) – у Баратынского, напротив, человек пользуется покровительством природы. Общим для всех трех стихотворений является представление об особом языке, на котором природа говорит с человеком. Еще во второй редакции "Водопада" (вошедшей в сборник 1827 г.) Баратынский подчеркнул отличие *языка природы* от *langage humain* (Боратынский, 1914, с.195; ср. Пильщиков, 1992, с.8, 12) с помощью характерного оксюморона: поэт заменил строку *Музыку важную твою* строкою *Речь безглагольную твою*. Сборник 1827 г. открывается элегиями "Финляндия" и "Водопад"; композиционное оформление отразило генетическую связь между этими произведениями, но при этом тема *отзыва* в "Финляндии" была снята. А в сборник 1835 г. Баратынский включил натурфилософское стихотворение, разрабатывающее темы *отзыва* и *языка природы*–"На смерть Гёте", где о *великом старце*, который *разумел лепетанье ручья* и *понимал говор древесных листов* (ср. "Мечты" Жуковского) сказано: *На все* ***отозвался*** *он сердцем своим, // Что просит у сердца* ***ответа***; ср. в последней строфе: <...> *в звучных, глубоких* ***отзывах*** *сполна // Все дольное долу отдавший* <...>. Здесь слова *отозваться* и *отзыв* употреблены в смысле 'répondre' и 'réponse', что подтверждается французским автопереводом: "son âme a r é p o n d u à tous les appels de l'âme"; "<il> a su r é p o n d r e à toutes les voix de la terre" (Боратынский, 1914, с.193). Так в сборнике 1835 г. сблизились словесные темы *отзыва-эха* и *отзыва-ответа*, а идея *отзыва* в первой и в заключительной строфе "Водопада" оказалась прямо связанной с "натурфилософским" концептом *языка природы*, получившим дальнейшее развитие в "Приметах"[17].

4. Вернемся к началу 1810-х годов. Первым произведением Баратынского в grand genre стали «Отрывки из поэмы „Воспоминания"» (1819). В основе этого полуоригинального-полупереводного стихотворения лежат фрагменты "Les Souvenirs" Легувемладшего (Томашевский, 1922, с.225, примеч. 1) и "Les Jardin" Делиля (Pilshchikov, 1994); кроме того, юный стихотворец наполнил поэму

цитатами и реминисценциями из произведений своих русских "наставников": Карамзина, Дмитриева, Батюшкова, Воейкова (Пильщиков, 1995). В отрывке "Воспоминаний", посвященном *поэтам* (47-59), Баратынский не во всем точно следует фрагменту поэмы Легуве (145-160): *О дети памяти! О Фебовы сыны! // Певцы бессмертные! кому одолжены // Вы силой творческой небесных вдохновений? // – Отзыву прежних чувств и прежних впечатлений <...> Вы отголоску их в самих себе внимали.* Психологическая интериоризация *отзыва* не была чужда и немецкой поэзии рубежа веков. Слово *Nachklang* 'Nach- und Widerhall, übertragen auf die innere Welt' (Grimm, Grimm, 1889, стб.78) употребил Гёте в "An den Mond": *Jeden **Nachklang** fühlt mein Herz // Froh- und trüber Zeit.* Переводя эти стихи, Жуковский воспользовался глаголом *отозваться*: *Скорбь и радость давних лет // **Отозвались** мне.* Но отрывок "Воспоминаний" следует поместить в иную систему координат. Начало его отсылает к программному стихотворению Карамзина "Послание к женщинам": *Фебовы друзья, бессмертные певцы*; последующие стихи – к началу батюшковского послания Муравьеву-Апостолу: *Ты прав, любимец Муз! от первых впечатлений, // От первых, свежих чувств заемлет силу Гений.* Философским источником позднеклассической и сентименталистской модели творчества оставался сенсуализм; развернутое "теоретическое" обоснование сенсуалистским представлениям о художественной креативности дал Делиль в V песни своей поэмы "L'Imagination". Адекватным их выражением поэт счел метафору *отзывы сердца* (*les échos du cœur*; V, 263). В той же поэме (в III песни, из которой Карамзин перевел отрывок под заглавием "Меланхолия"), Делиль объяснял, что *воспоминания* суть отражения (*эхо*) чувственных ощущений: *Et même, quand des sens*[18] *la secousse est passée, // **L'écho des souvenirs** prolonge la pensée* (III, 11–12). В России сходные идеи развивали карамзинисты, а во Франции эта традиция была связана, в частности, с именами Жака Делиля и Габриэля Легуве, которым Баратынский подражал в "Воспоминаниях".

Сентименталистская концепция искусства не получила дальнейшего развития в творчестве Баратынского. Однако в 1830-х годах, осмысляя проблему Поэта и Поэзии, он вновь обращается к теме *отзыва*. В 1830 г. появилось стихотворение "Подражателям": *Когда печаль свою поет // Страдалец, ею вдохновенный // В чьем сердце **отзыв** умиленный // Своей он лире не найдет?* Слово *отзыв* сохранено во второй редакции этого стихотворения, созданной, вероятно, в 1832 г. и вошедшей в сборник 1835 г. В том же 1832 г. (20.VI) Баратынский пишет И.Киреевскому о Барбье: "Но врядъ ли онъ найдетъ въ насъ

о т з ы в ъ" (Боратынский, 1899, с.47). *Отзыв-ответ* необходим, но невозможен – эта мысль становится у позднего Баратынского неотвязной, почти навязчивой. Ср. в "Последнем поэте" (1835): *Суровый смех ему ответом; персты // Он на струнах своих остановил.* В автобиографическом стихотворении "На посев леса" (1842-1844) тема *безответности* переведена в Ich-Erzählung (*Я дни извел, стучась к людским сердцам <...> **Ответа нет!** Отвергнул струны я*), а в стихотворении 1843 г. "Когда твой голос, о поэт..." та же тема соотнесена с посмертной судьбой поэта-современника – скорее всего, Пушкина (ср. Хетсо, 1973а, с.493-494; Фризман, 1982, с.666; и др.): *Кто в отзыв гибели твоей // Стесненной грудию восстонет< ?> <...> Никто!*

Следует особо сказать о близости трактовки интересующей нас темы у Баратынского и у Пушкина в конце 1820-х и в 1830-х годах. 17.IX.1827 Пушкин сделал "перевод неизданных стихов Андрея Шенье" – "Близ мест, где царствует Венеция златая...". Лирический портрет венецианского *ночного гребца* (*le gondolier nocturne*) завершается здесь сравнением: *Как он, **без отзыва** утешно я пою.* Соответствующая строка фрагмента "Près des bords où Venise est reine de la mer..." читается: *Comme lui, **sans écho** je me plais à chanter.* Слова *sans écho* есть не во всех редакциях стихотворения Шенье, но они были в копии, имевшейся в распоряжении Пушкина (см. Модзалевский, 1910, с.192; Рукою Пушкина, 1935, с.504) и В.Туманского, который годом ранее перевел эту строку: *Как он – **без отзыва** пою в стране чужой!* ("Гондольер и Поэт") (ср. Сандомирская, 1978, с.103-105)[19]. Перевод Туманского увидел свет позже пушкинского; Пушкин включил его в "Северные цветы на 1831 год", а в последнем выпуске альманаха (1832) поместил свое стихотворение "Эхо" – вариацию на тему "The Sea-Shore Echo" Барри Корнуола: *На всякий звук // Свой отклик в воздухе пустом // Родишь ты вдруг // Ты внемлешь <...> И шлешь **ответ**; // Тебе ж нет **отзыва**... Таков // И ты, поэт!* [20] О том же говорит Баратынский в "Осени": *вещатель общих дум* обращается к *толпе – И звучный **отзыв** в ней находит, // Но **не найдет отзыва** тот глагол, // Что страстное земное перешел* (xiv: 138-140)[21]. Заключительные строки "Осени", написанные, по свидетельству поэта, под впечатлением "извѣстія о смерти Пушкина" (Баратынский, 1902, с.54), перекликаются с финалом пушкинского "Эха": *Перед тобой таков отныне свет; // Познай, тебе грядущей жатвы нет*[22].

Помимо "Эха", Пушкин напечатал в "Северных цветах на 1832 год" собственное стихотворение "Рифма" и в то же время безо всяких объяснений "отказалъ мѣсто" в альманахе (Баратынский, 1899, с.39) стихотворению "Бывало, отрок, звонким кликом...", построенному,

как и пушкинская "Рифма", на мотивной комбинации *рифма – эхо*[23]. Стихотворение "Бывало, отрок..." Баратынский поместил последним в томе лирики, изданном в 1835 г., а семь лет спустя стихотворение "Рифма", варьирующее те же мотивы, стало финальным аккордом в сборнике "Сумерки" (1842). Мысль о безответности творчества, звучащая в "Осени", – сквозная тема "Сумерек"; она появляется в "Последнем поэте" и возвращается в "Рифме": эти стихотворения "создают своеобразную тематическую раму" сборника (Альми, 1973, с.29). Во всех трех произведениях вопрос об отношениях поэта с его аудиторией формулируется как противопоставление "античного" единства "современному" взаимоотчуждению. В "Рифме" это противопоставление получает неожиданное разрешение: *Своею лаской поэта // Ты, рифма, радуешь одна. // Подобно голубю ковчега // Одна ему, с родного брега, // Живую ветвь приносишь ты; // Одна с божественным порывом // Миришь его твоим отзывом // И признаешь его мечты!* Баратынский имеет в виду эпизод из книги Бытия, когда Ной послал "**голꙋби́цꙋ и҃зъ ковче́га. И҃ возврати́сѧ къ немꙋ̀ голꙋби́ца къ ве́черꙋ, и҃ и҃мѣ́ѧше сꙋче́цъ масли́ченъ съ ли́ствїемъ во оу҃стѣ́хъ свои́хъ**" (Быт 8, 10-11). Стихотворение появилось в "Современнике" в 1841 г. – через пять лет после того, как на страницах журнала было опубликовано "Путешествие в Арзрум", где во II главе Пушкин вспоминает: "Жадно глядѣлъ я на библейскую гору, видѣлъ ковчегъ, причалившій къ ея вершинѣ съ надеждой обновленія и жизни – и врана, и голубицу излетающихъ, символы казни и примиренія..." (Пушкин, 1836, с.51). Птицу-вестника Баратынский называет в соответствии с общеевропейской традицией *голубем* (*la colombe de l'arche* во французском автопереводе), а Пушкин, следуя тексту славянской Библии, – *голубицей*[24]; для обоих художников вестник – символ примирения (ср. Мурьянов, 1996, с.41-43). Однако Баратынский добавляет: *Миришь <поэта> твоим отзывом*. Слово *отзыв* в этом стихе принято понимать и переводить как *ответ*[25], и такое прочтение не противоречит тексту стихотворения. Тем не менее, сам поэт перевел *отзыв* словом *эхо*: "<...> toi seule, o rime! viens l'encourager par tes échos bienfaisants!" (Боратынский, 1914, с.198). В корпусе автопереводов лейтмотивы *écho* и *rime* связали этот пассаж со стихотворением "Enfant, mon cri aigu..." – "Бывало, отрок, звонким кликом..." (см. Боратынский, 1914, с.193; ср. Pilshchikov, 1994/1996, с.94-98). Нет никаких оснований считать, что финал "Рифмы" "реинтерпретирован" в автопереводе (Rakuša, 1980, с.286-287, примеч. 6). Французский текст ставит знак равенства между *отзывом-эхом* и *отзывом-ответом*: в финальных строках заключительного

стихотворения последней книги Баратынского две словесные темы слились воедино.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. подготовительные материалы: Российский государственный архив литературы и искусства, ф. 2164, оп. 1, ед. хр. 73 (43 л.), 74 (207 л.).

[2] См.: там же, ед. хр. 75 (330 л.). Кроме того, среди выписок и черновых заметок о Баратынском (см.: там же, ед. хр. 77; 401 л.) сохранился план изучения "духовной биографии" поэта (озаглавленный: "Что мне нужно от Баратынского?"), а также "План занятий Баратынск <им>" и план исследования "Язык Б<аратынс>кого" (л. 349-352).

[3] Статья "Баратынский и символисты" была напечатана с предисловием и примечаниями К. Соливетти, которая дословно и без необходимых ссылок позаимствовала существенную часть справочного аппарата своей публикации из комментариев М.И.Шапира к академическому изданию трудов Винокура (1990). Это, по выражению К.Соливетти, "досадное недоразумение" она объяснила тем, что "из-за непроставленных страниц приняла выписки <...> за собственные наброски" (из письма к М.И.Шапиру от 7.XI.1994).

[4] Речь идет о слове *отзыв* в значении 'отклик; ответ; отголосок, гул, эхо' (Словарь..., 1822, с.542, ср. с.554 ("отклик"), 505 ("отголосок")). В значении 'вызов, отозвание' (ср. Словарь..., 1822, с.542) и 'мнение, оценка' (ср. Словарь..., 1959, с.207-208) это слово у Баратынского не встречается.

[5] В ранней редакции Хотинской оды есть слово *отзывка*: Дунай *Отзывкой плеску шум прибавил* (142).

[6] В одном случае по настоянию Карамзина (письмо Дмитриеву, 6.IX.1794): "Въ началѣ третьей строфы *къ Волгѣ* не лучше ли сказать:

<...> И *отзывомъ* твоихъ береговъ, и пр.

<...> *отзывъ* для меня лучше, нежели *отгласъ*" (Карамзин, 1866, с.50; ср. Виноградов, 1949, с.214-215).

[7] Кроме того, слово *отзыв* употреблено Жуковским в стихотворном Арзамасском отчете (июнь 1817) и в стихотворной повести "Суд в подземелье" (VI, 15).

[8] В элегии "Водопад" строка, в которой употреблено слово *отзыв*, повторена дважды. Список примеров, приведенных в указателе Дж.Т.Шоу (Shaw, 1975, с.308), следует дополнить цитатой из ранней редакции элегии "Финляндия" (см. далее).

[9] Ряд затронутых здесь вопросов был предварительно рассмотрен в работе (Pilshchikov, 1994/1996).

[10] Вероятно, Баратынский помнил и строку из стихотворения Батюшкова "Пленный": *Шумя, шумя волнами, Рона!* (ср. Хетсо, 1973а, с.349).

[11] Сочетание мотивов отраженного звука и водной стихии могло осуществлятся и вне всякой связи с библейским или оссианическим контекстом. Помимо *отзыва брегов* у Дмитриева ("К Волге"), ср. *отзыв гор крутых* у Вяземского ("Вечер на Волге"), уподобление *журчанья источника далекому отзыву лир* в "Элизиуме" Жуковского и строфу из его же "Адельстана": *В бездне* <здесь: в пещере. – *И. П.*> *звуки отразились; // Отзыв грянул вдоль реки; // Вдруг... из бездны появились // Две огромные руки.*

[12] Если в стихотворении Баратынского *ель* "скорее слышна, чем видна" (Dees, 1972, с.39), то в этом он следует за Державиным. "Систематическая ориентация <...> на изображение звуковых явлений была уже неотъемлемой приметой поэзии Державина <...> Но <...> художественного совершенства достигает акустицизм Державина в соединении с оссианической картиной" в "Водопаде" (Пумпянский, 1939, с.116-117). Противопо-

ставление описаний водопада у Баратынского и у Державина как "звукового" и "зрительного" (Хетсо, 1973a, с.350; Waszink, 1993b, с.388-389; и др.) не выдерживает критики.

[13] Ср. еще у Озерова в "Фингале": *Со мною говорят и ветров страшный рев, // И моря грозный шум, и томный скрып дерев // Во всем мне слышатся сыновние стенанья* (I, 3: 173-174).

[14] В окончательной редакции перевода: *с звоном арф*; *Один составят гимн*. Ср. также примеч. 11.

[15] В версии Д. И. Дмитревского (ср. Левин, 1970, 243-245, 286) эти строки переданы так: *Соединяйте вашъ съ органомъ низкимъ гласъ, // Что отзывается стократно въ отголоскахъ* (Томсон, 1795, с.16; ср. Томсон, 1798, с.512).

[16] Чтобы воспроизвести этот образ, французским переводчикам начиная с мадам Бонтан приходилось использовать существительное *эхо* в сочетании с глаголом *отвечать*: "<...> vous, vallées, r é p o n d e z aux é c h o s" (Thompson, 1759, с.313); "<...> que les é c h o s leurs r é p o n d e n t du fond des vallées" (Thomson, 1806, с.398); etc.

[17] Вряд ли следует относить "Водопад" к числу "метапоэтических" стихотворений, как это делает М.Сендерович, полагая, что "*отзыв* в этой элегии – это тематизированная рефлексия" (Сендерович, 1990, с.199, 185).

[18] В первом издании полного текста поэмы (1806): *des nerfs*.

[19] Французские литературные вкусы Туманского-переводчика сближают его и с Пушкиным, и с Баратынским. В 1822 г. он перевел вслед за Пушкиным стансы Вольтера "Si vous voulez que j'aime encore..."; в 1823 г. Туманский и Баратынский опубликовали свои версии "Падения листьев" Мильвуа. К подражаниям Шенье Баратынский обращается в то же самое время, когда Пушкин и Туманский переводят "Près des bords où Venise...": "Наяда" появилась в "Северных цветах на 1827 год", "Смерть" – в "Северных цветах на 1829 год".

[20] Ср. у Барри Корнуола: *Thou answeredest all; but none now care // To answer thee!* (см. Яковлев, 1917, с.20-25). Сопоставления пушкинского стихотворения с "Echo" Т.Мура и "The Echo" Вордсворта неубедительны (ср. Ebbinghaus, 1989, с.2-4; Pilshchikov, 1994/1996, с.93-94, примеч. 22).

[21] В редакции "Сумерек" мотив *отзыва* редуплицирован; публикация "Современника" (1837) дает первоначальное чтение этих стихов: <...> *И страстный отзыв в ней находит, // Но высшего понятия глагол // Доля носится, не отзываясь дол*.

[22] Ср.: *Но в нем тебе грядущей жатвы нет!* (окончательная редакция).

[23] За год до этого Пушкин писал, что Баратынский "творит – для самого себя <...> и находит о т г о л о с о к с в о и м з в у к а м только в сердцах некоторых поклонников поэзии<...>" (Пушкин, 1949, с.185; ср. Песков, 1995/1996, с.255, 258, 268-269). Наброски статей Пушкина о Баратынском были опубликованы в 1840 г.

[24] Будучи именами женского рода, др.-евр. יוֹנָה [yōnā], др.-греч. περιστερά, лат. *columba* и его романские дериваты являются видовыми обозначениями голубя (ср. также нем. *Taube*). *Голубем* (а не *голубицей*) ветхозаветная птица названа и в русском Синодальном переводе 1876 г. (ср. Мурьянов, 1996, 42-43). Во французских переводах Быт 8 (XVI–XIX вв.) встречаются два слова: *la colombe* (ж. р.) и *le pigeon* (м. р.).

[25] Ср.: *response* 'отзыв, ответ' (Mirsky, 1968, с.103; Pratt, 1984, с.137). Перевод *recall* 'отзыв, отозвание' (Waszink, 1993a, с.60) должен расцениваться как явное недоразумение.

ЛИТЕРАТУРА

Альми И.Л. Сборник Е.А. Боратынского "Сумерки" как лирическое единство // Вопросы литературы: Метод: Стиль: Поэтика. Владимир, 1973.

Б(аратынский Е.) Прокаженный города Аосты: (Из сочинений Графа Мейстера младшего) // Библиотека для чтения, составленная из повестей, анекдотов и других произведений изящной словесности. СПб. 1822. Кн. II.

Баратынский Е.А. Письма Е.А.Баратынского к князю П.А.Вяземскому: (Из Остафьевского Архива) / (Публ. и примеч. Н. П. Барсукова) // Старина и Новизна. СПб. 1902. Кн. V.

Бецицкий А. Комала. Драмматическая песнь Оссиана // Сев. Вестн. 1805. Ч. VII. №9.

Баратынский Е.А. Письма Е.А.Баратынского к И.В.Киреевскому (1829–1833) // Татевский сборник С.А.Рачинского. СПб. 1899.

Баратынский Е.А. Полное собрание сочинений / Под ред. и с примеч. М.Л.Гофмана. СПб. 1914. Т. I.

Бочаров С.Г. "Поэзия таинственных скорбей" // Баратынский Е. Стихотворения. М. 1976.

Булаховский Л.А. Русский литературный язык первой половины XIX века: Фонетика; Морфология; Ударение; Синтаксис. М. 1954.

Вацуро В.Э. Из записок филолога: (1.) Перевод до оригинала // Русская речь. 1988. №4.

Вацуро В.Э. Лирика пушкинской поры: "Элегическая школа". СПб. 1994.

Виноградов В.В. Из наблюдений над языком и стилем И.И.Дмитриева // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. М.-Л. 1949. Т. I.

Винокур Г.О. (Рец. на кн.:) Сетницкий Н. Статистика, литература и поэзия: К вопросу о плане исследования. Одесса, 1922 // Накануне. 1923. 17 апр., № 273.

Винокур Г.О. Критика поэтического текста. М. 1927.

Винокур Г.О. Издания сочинений Баратынского // Книж. новости. 1936. № 12.

Винокур Г.О. *Я* и *ты* в лирике Баратынского: (Из этюдов о русском поэтическом языке) (1944) // Винокур Г.О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика / Вступ. ст. и коммент. М.И.Шапира. М. 1990.

Винокур Г.О. Баратынский и символисты (1925) / Публ. и примеч. К.Соливетти // Russica Romana. 1994. Vol. I.

Державин. Сочинения (С объяснит. примеч. Я.Грота). СПб. 1864. Т.I: Стихотворения, ч.I.

Ж(уковский В.) Гимн. (Подражание Томпсону) // Вестн. Европы. 1808. Ч. XXXX. № 14.

Карамзин Н.М. Письма к И.И.Дмитриеву / Изд. с примеч. и указ. Я.Грот и П.Пекарский. СПб. 1866.

Левин Ю.Д. Английская поэзия и литература русского сентиментализма // От классицизма к романтизму: Из истории международных связей русской литературы. Л. 1970.

Левин Ю.Д. Оссиан в русской литературе: конец XVIII – первая треть XIX века. Л. 1980.

Модзалевский Б.Л. Библиотека А.С.Пушкина: (Библиографическое описание). СПб. 1910 (Пушкин и его современники; Вып. IX/X).

Мурьянов М.Ф. Семантика ц.-слав. хлѣбъ // Этимология 1979. М. 1981.

Мурьянов М.Ф. Из символов и аллегорий Пушкина. М. 1996.

Оссиан, сын Фингалов, бард третьего века. Гальские стихотворения / Пер. с франц. Е.Костровым. СПб. 1792. Ч. I–II.

Песков А.М. Пушкин и Баратынский: Материалы к истории литературных отношений // Новые безделки: Сборник статей к 60-летию В.Э.Вацуро. М. 1995/ 1996.

Пильщиков И.А. Понятия "язык", "имя" и "смысл" в концептуальной системе поэтического мира Баратынского // Wien. Slaw. Almanach. 1992. Bd. 29.

Пильщиков И.А. "Les Jardins" Делиля в переводе Воейкова и "Воспоминания" Баратынского // Лотмановский сборник. (Вып.) I. М. 1995.

Пумпянский Л.В. "Медный всадник" и поэтическая традиция XVIII века // Пушкин: Временник Пушк. комис. М.-Л. 1939. (Вып.) 4/5. С. 91–124.

Пушкин А. Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года // Современник. 1836. Т. I.

Пушкин А. Полное собрание сочинений: В 16 т. (М.-Л.) 1949. Т.XI: Критика и публицистика. 1819–1834.

Рукою Пушкина: Несобранные и неопубликованные тексты / Подгот. к печати и коммент. М.А.Цявловский, Л.Б.Модзалевский и Т. Г.Зенгер. М.-Л. 1935.

Сандомирская В.Б. Переводы и переложения Пушкина из А. Шенье // Пушкин: Исследования и материалы. Л. 1978. Т. VIII.

Сендерович М. Поэтика инверсии Баратынского: Глава из Поэтики инверсии // Сендерович М., Сендерович С. Пенаты: Исследования по русской поэзии. East Lansing, Mich. (1990).

Словарь Академии Российской. СПб. 1822. Т. IV: О – П.

Словарь языка Пушкина. М. 1959. Т. III: О – Р.

Томашевский Б. Пушкин – читатель французских поэтов // Пушкинский сборник памяти проф. С.А.Венгерова. М.-Пг. 1922. (Пушкинист; Вып. IV).

Томсон (Дж.) Гимн на четыре времен<и> года / (Пер. Д.Дмитревского) // (Дмитревский Д.) Чувствования любителя нравственной поэзии. М. 1795.

Томсон (Дж.) Четыре Времени Года: Поэма / (Пер. Д.Дмитревского). М. 1798.

Фризман Л. Г. Примечания // Баратынский Е.А.Стихотворения; Поэмы. М. 1982.

Хетсо Г. Евгений Баратынский: жизнь и творчество. Oslo-Bergen-Tromsö, 1973 (а).

Хетсо Г. Лексика стихотворений Лермонтова: Опыт количественного описания. Oslo. 1973 (б).

Шапир М.И. Приложения: Комментарии; Библиографии; Указатели // Винокур Г.О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М. 1990.

Яковлев Н. "Последний литературный собеседник Пушкина": (Бари Корнуоль) // Пушкин и его современники. Пг. 1917. Вып. XXVIII.

Dees B. E.A.Baratynsky. N.-Y. 1972.

Ebbinghaus A. A.S.Puškins Gedicht "Echo" im Almanach "Severnye cvety na 1832 god" // Zeitschrift für slav. Philologie. 1989. Bd. 29.

Grimm J., Grimm W. Deutsches Wörterbuch / Bearbeitet von Dr. M. von Lexer. Leipzig. 1889. Bd. 7: N. O. P. Q.

Kjetsaa G. A Norm for the Use of Poetical Language in the Age of Puškin: A Comparative Analysis. Oslo. 1983.

Maistre X. de. Le Lépreux de la cité d'Aoste (1811) // Maistre X. de. Œuvres complètes. P., 1839.

Mirsky D. S. A History of Russian Literature / Ed. and abridged by F. J. Whitfield. L. 1968.

Pilshchikov I. Notes and Queries in Poetics: I.Baratynsky and Delille // Essays in Poetics. 1994. Vol. 19. № 1.

Pilshchikov I. A. Notes on the Semantics of *Otzyv* in Baratynsky // Irish Slav. Studies. 1994 (1996). № 15.

Pratt S. Russian Metaphysical Romanticism: The Poetry of Tiutchev and Boratynskii. Stanford, Calif. 1984.

Rakuša I. Romantisches Thema ohne romantisches Ich: Evgenij Baratynskijs Gedicht "Rifma" // Canadian-American Slav. Studies. 1980. Vol. 14. № 2.

Shaw J. T. Baratynskii: A Dictionary of the Rhymes & A Concordance to the Poetry. Madison, Wis.-London. 1975. (Wisconsin Slavic Publications; 3).

Thompson (J. Thomson). Les Saisons: Poëme / Traduit de l'Anglais (par M. J. Bontems).

Thomson (J.) Les Saisons (Traduits par J. P. F. Deleuze). Nouvelle éd. P., an XIV (1806).

Waszink P. M. Last Poet or Last Rhyme?: Dialogical Relationships in Baratynskij's Lyrical Cycle "Twilight" // Welt der Slaven. 1993 (a). Bd. 38.

Waszink P. M. Münchhausen and Copernicus. Some Observation on Russian Classicist and Romantic Poetry // Russ. Lit. 1993(b). Vol. XXXIV. № III.

Н.А. Кожевникова

О ПАРОНИМИИ В РУССКОЙ ПРОЗЕ

В статье "О символизме и научной поэтике" Г.О.Винокур иронизировал над соображениями А.Белого о соотношении звука и смысла, высказанными им в "Глоссолалии" (Винокур, 1976). Однако смысловое сближение слов на основе звуковой близости привлекало внимание Г.О.Винокура. В статье "Понятие поэтического языка" он писал: "Сближая в тексте слова, давно утратившие ту взаимную связь, которой они обладали в силу своего этимологического родства или даже и вовсе никогда этой связи не имевшие, поэт как бы открывает в них новые, неожиданные смыслы, внешне мотивируемые самым различным образом: то шуткой, то глубоким раздумием"[2] (Винокур, 1991).

Звуковая близость слов лежит в основе двух родственных явлений – паронимии и поэтической этимологии. Паронимия в стихах описана достаточно подробно, паронимия в прозе значительно меньше, хотя материал свидетельствует о том, что в стихах и в прозе происходят сходные процессы.

В прозе XIX в. паронимия занимает незначительное место. Тем не менее отдельные ее проявления встречаются у многих писателей XIX в. – А.Марлинского, Н.Гоголя, И.Тургенева, И.Гончарова, Ф.Достоевского, Л.Толстого, А.Чехова. В начале XX в. интерес к паронимии возрастает. Паронимия продолжает развиваться в классическом стиле – например, в прозе И.Бунина, и становится одной из примет сложного стиля (А.Белый, М.Цветаева).

Паронимические сочетания характерны не только для прозы некоторых поэтов (А.Белый (Кожевникова, 1983), М.Цветаева, В.Набоков), но и для прозы собственно прозаиков (Е.Замятин, Б.Пильняк, С.Кржижановский).

Сочетание близкозвучных слов сопровождают метаязыковые комментарии. Таков фрагмент из романа И.Тургенева "Отцы и дети", на который обратил внимание Г.О.Винокур: "Не находите ли, что ясень по-русски очень хорошо назван? Ни одно дерево так легко и ясно не сквозит в воздухе, как он".

Неоднократно указывает на двойное – звуковое и смысловое – родство некоторых слов М.Цветаева: "Три слова являют нам Брюсова: воля, вол, волк. Триединство не только звуковое – смысловое: и воля – Рим, и вол – Рим, и волк – Рим. Трижды римлянином был Валерий

Брюсов: волей и волом – в поэзии, волком (homo homini lupus est) в жизни".

Паронимы образуют синтаксически связанные сочетания, основное место среди которых занимают однородные члены. В прозе XIX–XX вв. использованы всевозможные типы сочетаний (Григорьев, 1979).

Словосочетания вокалического типа: дрогнула дорога (Гоголь), раскаленные скалы (Лесков), торопливо и трепетно (Тургенев), пристально и просительно (Л.Толстой), венки и веники, ворон верный (Ремизов), ее обожать нужно, а не обижать; следы остыли, ветер остался (Цветаева).

Сочетания метатетического типа: в долинах, горах, облаках и льдинах (Л.Толстой), Всякое творчество <...> – перебарыванье, перемалыванье, переламыванье жизни – самой счастливой (Цветаева).

Сочетания эпентетического типа, в которых одно слово отличается от другого вставкой согласного: гостей развели и развезли; она одна как будто не замечала ни приветов, ни воздыханий, ни взоров, ни вздоров, которыми ее осыпали (Марлинский), просоленный и просмоленный грек (Куприн).

Сочетания консонантного типа: глубь и глушь сада; Таких беззубеньких, кисленьких, дряхленьких, дрябленьких звуков Нежданов не слыхивал отроду... (Тургенев), душистые, пушистые кашки (Л.Толстой).

Консонантные паронимы разных типов находят широкое применение в прозе Цветаевой. Не совпадают начальные согласные: горы и норы. В горе и норе живет; Догом тебя вижу, голубчик, то есть собачьим богом; Зал и бал – естественная родина Гончаровой; ... забывая и фон и тон той удушающей эпохи; Города и люди те же, лишь беглым игралищем мне служившие – застывают: на том самом месте, на том самом жесте; пешая и лешая судьба России.

Не совпадают конечные согласные: ... гардероб – грот, а коридор – гроб...; ... не лучше ли, в просторе, и в простоте, и даже в простонародности своей, это неопределенное обозначение – точного часа и даты?.

Не совпадают согласные в основе слова: Кипение конторское, кишение газетное.

В прозе XIX–XX вв. преобладают двучленные словосочетания. Реже используется многократный повтор: приторным, противным, петербургским французским языком; Это было неуклюжее строение, просторное и пространное (Тургенев). В прозе XX в. количество многократных повторов увеличивается: в окошке – закрещенная

решеткой крошечная заря; черная черта бровей вдруг зачеркивала мальчишеское лицо Диди (Замятин), Эта ночная прогулка, которая, казалось, будет так обильна печальными, беспечными, поющими, шепчущими впечатлениями... (Набоков), Плес ослепительно блестит (Бунин), Крутится, кружится, крошится крушина; Думай лучше о пахоте. Вот жарким весенним утром пахота. Пахота... пауза... похоть... пахтанье... похоть (Вс.Иванов).

Звуковые ассоциации диктуют развитие мысли, переходы от одной темы к другой, например, в очерке М.Цветаевой "Мать и музыка": *Педаль* мне, кстати, была строго воспрещена... Но у педали была еще одна – словесная родня: *педель*, педель студенческих сходок, педель, забравший на сходке нашего с Асей до собачьего вою любимого Аркадия Александровича (Аркаэксаныча), Андрюшиного репетитора. Педелем вызвано второе мое в жизни стихотворение... Педель, мнившийся мне огромным, выше всего этого двора, и забирающий студентов (Аркаэксанычей) свыше, огромной раскоряченной лапой, как Людоед – мальчиков с пальчиков. Людоед – но так как это все-таки университетский служитель – то весь в медалях. И, конечно, такой же один, как педали – две. Но, назвав педеля, не могу не упомянуть его словесной родни: *Пуделя*, белого ученого Капи из "Sans Famille", который рвет педеля за *панталоны* – тогда педель Аркаэксаныча выпускает, – и их общей, педеля и педали, словесной родни, двоюродной сестры *падали*, той падали, которой пахнет – одну секунду – и каждый раз – и безумно сильно в бузине, у самого подступа к нашей тарусской даче, падали, от детства и Тарусы такой родной и мной-самой, что каждый раз, как это слово слышу – оборачиваюсь.

Разные паронимические сочетания помещаются в непосредственной близости друг от друга: Внешняя жизнь у всех пожирателей, прожигателей, – жрущих, жгущих и ждущих; после настроений – нестроений – расслоений – после задушенностей – задушевностей – вдруг "Будем, как солнце!" – Бальмонт, "Риму и Миру" – Брюсов (Цветаева).

Тропы, осложненные паронимией, в прозе XIX в. немногочисленны. Это по преимуществу сравнения: деревья, увитые листьями, как винтом; пропасть ущелия зияет и рычит внизу, как пасть чудовища (Марлинский), свежую и крепкую, как ядреная репа (Гоголь), Пухлы эти господа <...> как пуховики (Тургенев), Даже ассистентки графини сморщились, как сморчки; кастаньеты, которые хрустели, как кости (Лесков), ... вялые и сонные, как осенние мухи; со своими покойными, как тень, тонами (Чехов). Метафоры разных типов единичны: грусть тихо грызла мне сердце (Тургенев), Небосклон, по которому катились

и падали наливчатые серебряные яблоки легких облаков (Марлинский).

Тропы, взаимодействующие с паронимией, активизируются в прозе первой трети XX в. Это также в первую очередь сравнения, в которых звуковая близость связывает предмет и образ сравнения: и крыши у них как крылья у птиц на первом взмаху от земли; туча медвежьей тушей свалилась на немцев; и полати качнуло, и они поплыли, поплыли, как большой плот на бурной реке (Клычков), пихты были как пики (Вс.Иванов), Груди – как две темных тугих груши; крупная и цветистая, как хвост павлина, волна... (Бунин), Ветер... колыхал огромные голубые, как глобусы, мячи (Домбровский). Звуковая близость связывает не предмет и образ сравнения, а предмет сравнения и определение при образе сравнения: Куропатки крупным жемчугом белеют (Чапыгин), Тучными животами выпячивались тучи (Пильняк). Реже звуковая близость связывает образ сравнения и его признак: белеет бельмом облако; Женщины раскрывались, как раковины (Замятин), ... белым корабликом заколебался лебедь на Женевском озере (Осоргин), И в глазах рябит, как куст рябины, как небесное тряпье: диаграммы (Эренбург).

Именные и глагольные метафоры, осложненные звуковой близостью, также редки: зеленые зарницы озорных глаз; горячая волна трепетных и страстных волнений (Сологуб), синяя майская майолика неба, мудрая морда луны (Замятин), черные букашки букв (В.Катаев), Море мурлыкало под солнцем (Замятин), горели горы апельсинов в синеве ранних сумерек...; ... когда хрустит хрусталь печали, как льдинка под ногой (Набоков).

Паронимией осложнено варьирующееся сравнение-лейтмотив в романе Д.Мережковского "Александр Первый": устремленная, как стрела на тетиве; увидел в лице ее недвижную стремительность: стрела на тетиве, слишком натянутой; ... видно было все ее тело, облитое белой тканью, как будто обнаженное, изваянное, тонкое, острое, стройное, стремительно-недвижное – стрела на тетиве, слишком натянутой; вся тонкая, острая, стройная, стремительная, как стрела летящая.

Паронимические сочетания используются не только в авторском повествовании, но и в речи персонажей: – Старая борода, не бредишь ли? – прервала дура Екимовна; Поп в гостях, черти на погосте (Пушкин), молчи, мальчишка; да отворишь ли ты, чертово веретено; чужая сторона хоть кого старит; Не робей, ребята! (Марлинский), Да ты понюхай, как пахнет! – кричу я (Л.Толстой).

Паронимы лежат в основе некоторых каламбуров: стоит только турок вытурить (Тургенев), у жида дожидался (Л.Толстой), –

Уморительный маскарад! – говорил Розанов тулупу. – Именно уморительный, потому что умариваешься, как черт, – отвечал тулуп (Лесков), ср. в повествовании: или играет до утренних петухов, или хочет победить питухов за бокалом (Марлинский).

Имена собственные также приобретают звуковые отражения в тексте: Господин Голядкин глядел-глядел...; барон Бьоринг; Шигалев твердо шагнул к нему три шага (Достоевский), Вронский вернулся; Жил так Жилин с товарищем месяц целый; Морель, сморщившись, смеялся (Л.Толстой), Паклина как будто что-то кольнуло (Тургенев), Праша пришла (Лесков), Слова Годунова также пришли ему на память, и он горько усмехнулся, вспомнив, с какой уверенностью Годунов говорил о своем знании человеческого сердца. "Видно, – подумал он, – не все умеют угадывать, Борис Федорыч!" (А.К.Толстой), Травников отравляет себя тоской по бессмертию и вечному блаженству; Ахинеев поглядел на осетра и ахнул; крикнул Кирьяк (Чехов), Привалов провел в Петербурге очень бурную молодость (Мамин-Сибиряк), передал Передонову; – Передумал, – буркнул Передонов; Молин ... мямлил трогательные слова; Вера вернулась из рощи домой одна, немного задумчивая (Сологуб), только далеко позади топал отставший Топпи (Л.Андреев), В день отъезда зашел проститься Протасов; Семен, который должен был сменить сына; сменяя тишину, Семен надел очки (Бунин), Молочко без отдыха молол что-то над ухом; Но все еще крутится, кипит Кортома (Замятин), Вернулась Варенька в свой белый дом (Ремизов), Напился как-то Палон Палоныч с полудня; Сенька командует, Палон исполняет; сиял Сенька (Клычков), Да плевать я хотел на этого Плеваку (Домбровской).

В звуковом отношении связаны имя персонажа и его характеристика: Бережкова – бережлива (Гончаров), Нет, вы серьезно несносны сделались, Розанов, с вашим резонерством, – проговорила, вставая, Лиза (Лесков), Весловский весело поздоровался с Левиным; повеселевший Васенька; ср. явился этот Васенька Весловский; Весловский... заехал в болото и увязил лошадей (Л.Толстой) (Топоров,1996), Полинька – полненькая барышня-невеста (Ремизов), Василий Лапа, веселый, принаряженный (Чапыгин), ... казалось, не осталось у Тихона ни губ, ни бровей, ни носа; светились одни ласковые глаза, тихие и глубокие, как два темных колодца; Голос Евтихия Лукича пел все нежнее и тише (Б.Садовской), Карасьев, зарядский красавец (Леонов), Ох, Глашка, полно! Оглашенная, право (Аверкиев), роковой Ракеев; Ольга Ивановна Вежина, полная, свежая, в митенках и кружевах... (Набоков), параноидные передоновы (Домбровский). Прозвище Мисаила Полознева ("Моя жизнь" Чехова) – Маленькая Польза.

В "Герое нашего времени" имеют отражения имена разных героев: Бэла побледнела, Вернер ушел в полной уверенности...; Печорина надо проучить; Вера ревнует меня к княжне: она замучила меня своей ревностью; в письме Веры: Если б я могла быть уверена, что ты всегда будешь меня помнить; Я уверена, что ты останешься жив.

Между именем собственным и его звуковым соответствием существуют ассоциативные связи: Домна – дом: Изба скотницы Домны жарко-нажарко натоплена, вся семья дома; Муж Домны, являвшийся домой только по праздникам; Домна... возвратилась домой после соседней пирушки; дом скотницы Домны (Григорович), Дома – мать Домна Львовна (Белый), Зерщиков... зеро (Достоевский), "должно быть, приятно у банщика Вани в горячей ванне" (Ремизов), Меня зовут Рая, потому что я живу в раю (Сологуб), Как много было тайн и в детстве Танюши (Осоргин), Подошла Пелагея к пологу, полог откинула... (Клычков).

С звучанием имени собственного связано метафорическое обозначение персонажа: Волохов – волк (Гончаров), летает ко мне ворон Авенир (Лесков), ... однажды хозяйка принесла радостную весть, что Наташа выходит замуж за Гусаренка. – Этакого гуся выбрала! – негодовала хозяйка... (Л.Андреев).

Паронимические отношения связывают собственное имя и апеллятив, входящие в конструкцию сравнения. Предмет сравнения выражен именем собственным, образ сравнения – созвучным ему апеллятивом: все это, топорща перья, бросится на нас и расклюет со всеми Круппами, как крупу (Кржижановский). В.И.Даль в очерке "Охота на волков" вспоминает, как Пушкин прислал одному офицеру свою книгу, "но забыв прозванье его, написал: "Тому офицеру, который сравнивал вальдшнепа с Валленштейном".

Между именами собственными возникают и другие отношения, меняющиеся на протяжении небольшого фрагмента текста: Мы, как библейская Руфь... собираем отжатое и отжитое; Руфь собирает Русь; архив Руфь-Руси (Кржижановский).

Предметом изображения становятся ассоциации, которые вызывает имя собственное. Например, в рассказе Набокова "Весна в Фиальте": Я этот городок люблю; потому ли, что во впадине его названия мне слышится сахаристо-сырой запах мелкого, темного, самого мятого из цветов, и не в тон, хотя внятное, звучание Ялты. Иноязычные имена осмысливаются через русские созвучные слова: А как было имя перевозчичьей фирмы? Max Lux. Что это у тебя, сказочный огородник? Мак-с. А то? Лук-с, ваша светлость (Набоков).

Имя персонажа может быть окружено разными звуковыми ассоциациями. В рассказе Набокова "Соглядатай" окружена звуковыми отражениями фамилия Смуров: образ Смурова, предназначенный, быть может, жить бессмертно; Смуров, несмотря на свою извращенность...; мое стремление найти настоящего Смурова; вместе с ним умер самый счастливый, самый недолговечный образ Смурова...; Смуров стоял, облокотившись о рояль, и смотрел, смотрел на гладкий Ванин пробор; смутные речи; Да, очевидно, он, бывший офицер, смельчак, партнер смерти; семенил, семенил, семенил...; Ничто не могло смутить меня и т.п.

Круг звукосмысловых перекличек расширяется благодаря тому, что в них включаются слова иных языков: вспомнилась также подслушанная в разговоре старших давнишняя шутка Сперанского, который однажды в письме к приятелю, перехваченном тайной полицией, назвал государя "белым теленком": "наш Вобан – наш Воблан", Вобан – знаменитый французский инженер, строитель крепостей (государь в то время осматривал крепости), а Воблан по-французски: veau blanc, белый теленок (Мережковский), Лазарь: застекленевшие навек глаза. Лазарь – глаза – Glas... И еще glas des morts... (Неужели от этого?) (Цветаева).

В паронимические отношения включаются новообразования: бездетное и бездедное (Цветаева).

Некоторые пары слов в прозе повторяются: пить – петь: ели, пили, гуляли, играли в карты, пели, говорили, шумели, веселились (Аксаков), пили и пели (Лесков), Пили и пели песни почти до рассвета (Чехов), Пели, пили мастику (Бунин), Ездили мы на какую-то экскурсию, пили, пели, она что-то там читала (Домбровский), поет, ест и пьет (Гончаров), Пируют до утра, пьют, поют песни (Тургенев), тогда бы он мог смело петь, плясать, пить (Чехов), жаждать – ждать: ждала и жаждала (Лесков), так долго ждавшее, ненасытно жаждавшее сердце (Л.Андреев), жаждущая и ждущая тщетно влаги земля (Сологуб), давать – давить: Помню, как меня самого давили тогда эти же самые факты и не давали мне ничего осмыслить (Достоевской), И давила, и не давала выбраться (Ремизов), Как с первой до последней минуты давала, – и даже давила! – не давая улечься, умяться (нам – успокоиться), заливала и забивала с верхом... (Цветаева), мела – мыла: вымела и вымыла шкафы, посуду (Гончаров), Ганька мела, мыла, колола (Замятин), глядеть – гладить: долго разглядывала, погладила по головке... (Аксаков), Я тоже гладил этот густой, холодный и глянцевитый мех, глядел на бледное человеческое лицо месяца, на длинную черную избу, на сияющий снегом двор, и думал, подбадривая себя...

(Бунин), ворочать – ворчать: За низкой перегородкой ворчал и шипел самовар; собака ворочалась на только что принесенном сене (Тургенев), Во время одного особенно сильного удара грома он заворочался, сплюнул и проворчал; ... сам Никола Мокрый ворчал, ворочая соборным языком (И.Евдокимов), шипеть – шептать: говорили шипящим шепотом (Чехов), Не прошептал, а прошипел (Булгаков), держать – дрожать: удерживал дыхание, дрожал как в лихорадке (Одоевский), Gigot весь трясся и держался дрожащими руками за бабушкино платье (Лесков), неудержимый дрожащий блеск глаз; Вскочил, дрожал весь. Не держался на ногах (Ремизов), в дрожащих руках рабочих, державших заряженные винтовки (Горький), неудержно переплетающиеся травы, судорожно вставшие к солнцу мохнатые стволы (Замятин), заплакала неудержимо и судорожно (Булгаков), Но что-то подступило к горлу его, захватило неудержимым волнением. Он встал, подошел к Батенкову и проговорил слегка дрожащим голосом (Мережковский), голубой – глубокий: Как хорошо показалось небо, как голубо, спокойно и глубоко! (Л.Толстой), Озеро – глубокое, голубое (Замятин), лежало голубое, прозрачное и глубокое озеро; в голубом глубоком небе; Она делала дали нежно-голубыми и глубокими (Бунин), голубая глубь (Замятин, Ремизов), в глубине голубого неба; над речкой голубое глубокое небо; Я как бы погружаюсь, ухожу в голубую, бездонную глубину... (Соколов-Микитов), По-весеннему радостно голубели глубокие небеса; Белые облака оттеняли и углубляли голубизну небес (Воронский), серый – сырой: Туман, расстилавшийся по морю, собрался в серые скучные сырые тучи... (Л.Толстой), День стоял серый и сырой (Тургенев), Твой собачий мир... накрыло серым, сырым веретьем — осенним небом (Замятин), Густой туман сырым серым одеялом закутывал пустые улицы, дворы (Зазубрин), ... серые, сырые на вид камни (Вс.Иванов), ...глаза у меня все-таки сделаны из того же, что тамошняя серость, светлость, сырость (Набоков), Несколько горстей серой, сырой муки (Гроссман), серые, сырые пески; У него были квадратные плечи и огромное серое ноздреватое лицо, похожее на сырой кирпич (Домбровский), чистый – честный: честной искренности и чистоты душевной (Тургенев), честные, чистые души (Чехов), честнейший теоретик, чистейший бессребренник (Осоргин), ... как можно обидеть такого чистого, прекрасного, наивного, честнейшего человека (Домбровский), нервный – неровный: Как все нервные люди, Галахов был очень неровен (Герцен), Он стал неровен и нервен (Лесков), Но какой непокойный, неровный тон, какой нервный, почти болезненный задор! (Чехов), с нервным и неровным лицом (Грин), нервно, неровно

(Н.Нароков), жестокий – жесткий: Я вспомнил вдруг о Лизиной неблагодарности к Анне Андреевне, об ее жестоком, чудовищном слове давеча, и у меня вдруг заныло за них всех сердце! "Как у них у всех жестко на сердце!.." (Достоевский), жестки, жестоки были ястребиные глаза (А.Н.Толстой), мирный – мерный: Мирный, мерный звон колоколов (Бунин), Постепенно холодный воздух весь наполнился мелодичным, мирным, грустным, мерным, отчасти горьким, едва успокоительным перезвоном печальной и голосистой русской вечерней меди (С.Бобров), сверчок – свечка: Хоть бы какой-нибудь звук, какое-нибудь живое существо, даже сверчок отозвался в углу! Чуть только слышался легкий треск какой-нибудь отдаленной свечки... (Гоголь), Тускло горит одна сальная свечка, сверчок трещит однообразно (Тургенев), ... слышно было, как нагоревшие свечи потрескивают и сверчок за печкой поет уютную песенку (Мережковский), колокол – клик: Мглистое утро с собирющимся снегом перекликается одиноким колокольным перекликом запоздалых и растянутых усердных обеден (Ремизов), Вдруг вдали перекликнулся слабо нежный колокольный хор (Б.Садовской), Широким звуком откликается ей колокол Смольного собора (Ф.Крюков), В ожидании гулкого одиноко-певучего полночного колокола с Ивана Великого, на который вдруг откликнется сладким медным стоном вся Москва (С.Бобров), удивление – удовольствие: Казалось, они более с удивлением, чем с удовольствием, присутствовали на сих нововведенных игрищах (Пушкин), вот удивленье, вот удовольствие человеку; Я чуть не вскрикнул от удивления и удовольствия (Тургенев), удивление и удовольствие (Гончаров), прочь – порочный: прочь от меня мысль опорочить мою графиню (Сологуб), отстраняя порочную книгу прочь (Платонов), бедная – бледная: бедная Луиза, бледная, как полотно; бледный, бедный нищенский язык (Марлинский), бледная Нева и бедные рыбаки (Гоголь).

Повторяющиеся тропы, осложненные паронимией, относятся в основном к XX в.: купола закупались... (Белый), В кротком вечернем свете купается купол тюремной церкви... (Ф.Крюков); чтоб не нарушить снежный сон (Блок), погружаться в снег сна (Набоков); горбатые сугробы (Клычков), Я смотрел на маски домов, на горбы сугробов... (Набоков), Огромные горбы, сугробы между избами и пуньками (Бунин); Речь Агнессы текла, как ручеек в лесу (Брюсов), ... оба отлично знали, о чем эта двойная, как бы подтравная речь, вдруг выходившая наружу одним ручьем, обоим понятным словом (Набоков); ... светлой, местами алой сталью блестела река в камышах и высокой луговой зелени (Бунин), Глаза его блистали, как сталь (А.Н.Толстой); Пули жалобно пели высоко, в мачтах (Замятин), горячо пели пули

(А.Н.Толстой); яркой, как бусы, брусницы (Клычков), ... краснеет на стежке брусника, точно крупные алые бусы (Соколов-Микитов).

На фоне повторяющейся пары слов появляются все новые паронимические сочетания. В литературе XIX–XX вв. повторяется пара страшный – странный: Они ему показались <...> странны и страшны (Гоголь), странный и страшный сон; странны и страшны казались движения их (Тургенев), Я смотрел на грачей, и мне было странно и страшно, что они летают (Чехов), и странно было то и особенно страшно, как во сне (Л.Андреев), ... человек, рассуждающий так странно и страшно... (Горький), Во всем доме было пусто и как-то странно, страшно пусто!; Все это было так странно и страшно; Что за странная и страшная вещь наше существованье...; странен, даже немного страшен ее частый и несмелый взгляд в небо (Бунин), И странно, и страшно теперь в выдуваемых бурею комнатах... (А.Белый), страшные странности (С.Бобров). В то же время слово странный приобретает все новые соответствия: Она странна и стройна (Пушкин), Странная, неустроенная, кошмарная жизнь (Л.Андреев), странная и старинная обратность действия (Набоков), странные, совершенно прозрачные, струящиеся существа (Кржижановский), странная рассеянность (А.Н.Толстой), странные страны (Белый), потрясенная страна (А.Н.Толстой), скоро я стал частым гостем в стране моих долгих и трудных странствий (Кржижановский).

Повторяются и разные соответствия определенного слова, которое приобретает все новые соответствия: пыль – пепел: Эта бедная горсть пыльного пепла (Тургенев), пепел и пыль (Белый), И даже работа его, казалось, потускнела, покрылась каким-то пеплом, пылью (Домбровский), пыль – плесень: с затянутыми пылью и плесенью окнами (Гончаров), вкус пыли и плесени (Осоргин), пыль – полынь: На парах – полынь осыпалась сухой, желтой пылью (Замятин), ... пахло спелой соломой, полынью, дикой рябинкой и пылью (Шмелев), серебристо-пыльная полынь (Катаев), ср. полинявшие, пыльные обои (Марлинский), все семь пыльных и полных комнат (Булгаков). Кроме того, повторяются пары тень – стена, дом – дым, темный – туман, золотой – залитой, веселый – весенний. Эти же пары слов повторяются и в стихах.

Если в прозе XIX в. паронимия распространяется в основном на отдельные словосочетания, то в XX в. конструктивная роль паронимии возрастает и распространяется на развернутые фрагменты текста.

ЛИТЕРАТУРА

Винокур Г.О. О символизме и научной поэтике // Хрестоматия по теоретическому литературоведению. Тарту. 1976.

Винокур Г.О. Понятие поэтического языка // О языке художественной литературы. М. 1991.

Григорьев В.П. Поэтика слова. М. 1979.

Кожевникова Н.А. О звуковой организации прозы А.Белого // Проблемы структурной лингвистики 1981. М. 1983.

Топоров В.В. Две заметки из области русской литературы (Тургенев, Толстой) // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М. 1996.

Е.Л. Гинзбург

ИЗ ЗАМЕТОК ПО ТОПОНИМИКЕ ДОСТОЕВСКОГО. II

К общей теории имени собственного

Конструктивные особенности имени собственного в системе и тексте обязаны его положению в лексической системе.

В качестве языковой категории имя собственное противопоставлено прежде всего термину. В отличие от семантически недефектного имени нарицательного и термин, и имя собственное в качестве единиц языка семантически ущербны – термин имеет сигнификат, но не знает денотата, а имя собственное, ср. (Реформатский, 1967, с.60), наоборот – обладает денотатом, но не имеет сигнификата. Вот некоторые следствия этого обстоятельства.

Денотативно дефектное означаемое **т е р м и н а**, это отличает его прежде всего от номенклатурных названий, в пределе полностью предопределено системой. В качестве члена терминологической сети противопоставлений и отожествлений оно абсолютно членимо. Для него актуальна групповая различимость. В известном смысле семантическая форма термина – по крайней мере в том, что касается семантической формы как таковой, если понимать под ней членимость, – могла бы рассматриваться как образец для всех других знаков языка. Соотношение означающего и означаемого в наибольшей степени подчинено доминантам языковой структуры.

В тексте термин самодостаточен и почти не нуждается в поддержке контекста, в идентификаторах. Присоединение идентификатора превращает один термин в другой и отвечает правилам семантического наследования.

Сигнификативно дефектное означаемое **имени собственного** минимально, если вообще определено системой. Семантически оно предельно нечленимо, континуально. Ему не ведома групповая различимость. Среди имен собственных каждое из них противопоставлено всем другим. Оно может подвергнуться любому преобразованию означающего, лишь бы отличалось от каждого другого имени собственного – его можно сократить или, наоборот, распространить каким угодно другим компонентом, лишь бы были соблюдены фонологические "приличия", которые имя собственное обязано соблюдать, как и всякий другой знак.

План содержания и план выражения этих лексических единиц предельно автономны. Это открывает возможность и для широкой омонимии, и для широкой синонимии, которая если и затрагивает компоненты знаков этого вида, то лишь те, что выражают единство означаемого и означающего, те, что могут быть отнесены к разряду функционально-стилистических.

Использование имени собственного в качестве строевой единицы текста нуждается в активной поддержке текста. Эта поддержка может быть воспринята, если единица номинации открыта для насыщения смыслами, семантически чувствительна к воздействию текста при получении этим знаком статуса единицы текста. Организованная совокупность смыслов, благоприобретаемых знаком в меру участия в тексте, восполняя языковую дефектность имени собственного, приводит к его неотторжимости от текста. Имя собственное оказывается приметой текста, носителем памяти словесной культуры – в той мере, разумеется, в коей оно насыщено смыслами текста, или, что то же, участвует в построении смысла этого текста.

Функционирование имен собственных в тексте представляет собою ту разновидность семиозиса, которую отличает образование у знака, а точнее у организации его употреблений в тексте компонентов интенсиональной части содержания. Всякое изменение разнообразия альтернантов этого знака, а значит, разнообразия различительных признаков, ассоциируемого с этим знаком, представляет шаг семиозиса на пути строительства своего интенсионала, завершаемого одновременно с окончанием текста.

I. О структуре сигнификата топонима как единицы текста

Д.С. Лихачев заключает статью "Сады Лицея" выводом: "Садово-парковое искусство – это прежде всего искусство содержательное, связанное с определенными философскими и поэтическими ассоциа-

циями" (Лихачев, 1981, с.33). Это же можно было бы сказать про имена произведений этого искусства, имя нарицательное *сад* и любое имя собственное, объединяемое с первым семантическим отношением "множество, элемент множества". Эти ассоциации, если их актуальность для референта имени собственного выявлена его окружением в тексте, и составляют объект лингвопоэтического анализа и последующего лексикографического описания. Далее речь пойдет о топониме *Юсупов сад* из романа "Преступление и наказание".

Употребления этого топонима обнажают различия духовного мира Раскольникова, Свидригайлова и Разумихина. По словам автора, для Раскольникова сад – это источник обновления среды, в которой живут горожане (и символом которой является торжище, Сенная площадь и сами горожане).

Сад и фонтаны, свежий воздух versus рыночная площадь и грязь, вонь, гадость

0. Проходя мимо *Юсупова сада*, он даже очень было занялся мыслию об устройстве *высоких фонтанов* и о том, как бы они хорошо *освежали воздух* на всех *площадях*. Мало-помалу он перешел к убеждению, что если бы распространить *Летний сад* на все *Марсово поле* и даже *соединить с дворцовым Михайловским садом*, то была бы *прекрасная и полезнейшая для города вещь*. Тут заинтересовало его вдруг: почему именно, *во всех* больших *городах*, человек не то что по одной необходимости, но как-то особенно наклонен жить и селиться именно в таких частях города, где *нет ни садов, ни фонтанов*, где *грязь и вонь, и всякая гадость*. Тут ему вспомнились его собственные прогулки по *Сенной*, и он на минуту очнулся. (ПН 60)[1]

Примечательна композиция этого отрывка. Ее определяет рамочная конструкция, образуемая результатами семантического расщепления архетипа слова *город*. В этой конструкции их представляют члены бинома *Юсупов сад – Сенная площадь*. Рамочная конструкция объединяет описания городов, вначале в воображаемом будущем, затем, как бы глядя из будущего, в настоящем. Каждое из зеркально- симметричных описаний соединяет названия частей целого и самого целого:

будущее	((фонтаны, свежесть) город)
настоящее	(город (грязь, вонь))

Иное он по словам других персонажей: для Разумихина *Юсупов сад* – место утех, для Свидригайлова – то, где хотя бы на время можно освободиться от земного, для обоих – источник увеличения своих ресурсов.[1]

1. [Разумихин:] – Завтра вечером я его гулять веду! – решил Разумихин, – в Юсупов сад, а потом в "Пале де Кристаль" зайдем. (ПН 103)

2. [Свидригайлов:] – А что, говорят, Берг в воскресенье в Юсуповом саду на огромном шаре полетит, попутчиков за известную плату приглашает, правда? (ПН 18)

Судя по (0), для Раскольникова названия регулярных, архитектурных садов *Юсупов сад, Летний сад* (с восточной стороны Марсова поля) и *Михайловский сад* (с его южной стороны) организованы оппозицией "Свое" – "Чужое". В ней *Юсупов сад* принадлежит категории "Свое", ср. (1), а два других названия – ее немаркированному оппозиту. Почему немаркированному? Уже из-за большей сложности, так как он в свою очередь объединяет две противопоставленные категории, маркированную "Только для элиты"(*дворцовый Михайловский сад*) и немаркированную "Для всех". Большая по сравнению с другими демократичность *Юсуповского сада* обнаруживается в его принадлежности, по свидетельству (2), к функциональным альтернантам кафешантана *"Пале-де-Кристаль", или "Хрустального дворца"*, с музыкально-увеселительными вечерами ("танцы и дивертисмент с разнообразными номерами из России и Европы" (Алянский, 1996, с.188)).[2]

Для ментальности, восходящей к пушкинскому противопоставлению "естественности и чистоты природы <...> неправде человеческих отношений" (Лихачев, 1981, с.31), сады с их атрибутами – *свежестью воздуха и высокими фонтанами* (Юсупов сад находился на Фонтанке и выходил на Садовую (Алянский, 1996, с.245)) – представляют противоположность торжищам, площадям, где *грязь и вонь, и всякая гадость. Соединение* садов (нейтрализация оппозиций "Свое" – "Чужое" и "Только для элиты" – "Для всех") и их *распространение* на *пыльный* плац (нейтрализация оппозиции "Площадь" – "Сад" в "пользу" категории "Сад"), соединение, результат которого гармонировал бы с северным фасадом творения Баженова и Бренна, – такова для Раскольникова *прекраснейшая и полезнейшая* перспектива Петербурга и других городов, таков для него путь к избавлению горожан от *окружающей грязи и вони*, и *всякой гадости*, а значит, к вознесению, ср. (2), к их обновлению.[3]

Результаты этого анализа могли бы быть существенным дополнением тех краеведческих сведений, обычно приводимых комментаторами Достоевского, которые – в соответствии с предложенной точкой зрения – принадлежат денотативной составляющей обсуждаемого топонима:

Юсупов сад – часть бывшей усадьбы князя Н.Б.Юсупова, находившейся на Фонтанке. Выходит на Садовую. Место гуляний и аттракционов с пушкинских времен. Воздухоплаватель В.Берг в 60-х годах прошлого века устраивал здесь путешествия на воздушном шаре "Санкт-Петербург" с шестью-восемью пассажирами в гондоле в виде слона натуральной величины с беседкой на спине (Алянский, 1996, с.245).

II. Отношение "множество – элемент множества" между топонимами

Подобным образом связаны топоним *Острова* и каждое из следующих имен (и их вариантов): *Елагин остров, Каменный остров, Крестовский остров.* Названия других остров в дельте Невы, таких, как воспетый Блоком, ныне уже не существующий "рыбачий *Вольный остров*", как *Петровский остров* или *Васильевский*, множеству *Острова* не принадлежат (ср. (Алянский, 1996, с.171-172), в этой связи заглавие "Жители Островов" у той главы романа Белого "Петербург", где речь идет о жителях Васильевского острова, точнее, его 17 линии, требует специального обсуждения).

О с т р о в а

1. [Свидригайлов:] – Ну пойдемте, только заранее скажу: я теперь только на минутку домой, чтобы денег захватить; потом запираю квартиру, беру извозчика и на целый вечер на О с т р о в а . (ПН 372)

2. <...> он [Раскольников] поминутно впадал в задумчивость. Когда же опять, вздрагивая, поднимал голову и оглядывался кругом, то тотчас же забывал, о чем сейчас думал и даже где проходил. Таким образом прошел он весь Васильевский остров, вышел на Малую Неву, перешел мост и поворотил на О с т р о в а . *Зелень и свежесть* понравились сначала его усталым глазам, привыкшим к городской пыли, *к известке* и к громадным, теснящим и давящим домам. Тут не было *ни духоты, ни вони, ни распивочных.* Но скоро и эти новые, *приятные ощущения перешли в болезненные и раздражающие.* (ПН 45)

3. Это было уже давно решено: "*Бросить* все *в канаву*, и концы *в воду*, и дело с концом". <...> Но и подумать нельзя было исполнить намерение: <...> везде люди так и кишат, да и отовсюду с набережных, со всех сторон, можно видеть, заметить: подозрительно, что человек нарочно сошел, остановился и что-то *в воду* бросает. А ну как футляры не утонут, а поплывут? Да и конечно так. Всякий увидит.<...> Наконец пришло ему в голову, что не лучше ли будет пойти куда-нибудь *на Неву*? Там и людей меньше, и незаметнее <...> Он пошел *к Неве* по В-му проспекту; но дорогою ему пришла вдруг еще мысль: "Зачем на *Неву*? Зачем *в воду*? Не лучше ли уйти куда-нибудь очень далеко, опять хоть на О с т р о в а , и там где-нибудь, в одиноком месте, *в лесу, под кустом*, – *зарыть* все это и дерево, пожалуй, заметить?" <...> Но и на О с т р о в а ему не суждено было попасть, а случилось другое: выходя с В-го проспекта на площадь, он вдруг увидел налево вход *во двор*, обставленный совершенно *глухими стенами*. (ПН 84-85)

Для любого петербуржца и любителя русской словесности Острова объединены не столько топографически, сколько ф у н к ц и я м и в к у л ь т у р н о й ж и з н и Петербурга. Это места гуляний и "утех", когда-то охоты, потом просто катаний и прогулок, музыкальных вечеров и балов и предназначенных для этой цели "развлекательных и увеселительных заведений": дворцов и дач, театров и ресторанов, каруселей и горок. С этой внетекстовой, явной частью содержания топонима соотнесено первое из приведенных его употреблений.

Вторая цитата показывает, как в тексте восполняется сигнификативная дефектность топонима – в результате оживления ассоциаций топонима с категорией ПРИРОДА (*зелень и свежесть*) в ее оппозиции категории "ЦИВИЛИЗАЦИЯ" (*известка; городская пыль, теснящие и давящие дома, духота, вонь*) и символического ореола у названий цветов (Фоли, 1996):

з е л е н ы й	б е л ы й (известковый)
возрождение	смерть
бессмертие	преходимость
избыток ресурсов	недостаток ресурсов
бодрость	усталость

Острова тут не только конечный пункт пути, но еще – и это может быть важнее – место, где положительное эмоциональное состояние меняется на противоположное по знаку, место событий в эмоциональной жизни героя, место, где обнаруживается его раздвоенность.

Что позволяет уяснить пример 3? Морфологию и синтаксические экспоненты благоприобретенной сигнификативной составляющей топонима. Природа (*Острова, пригород*) и Цивилизация (*город*), Естественный объект (*Нева*) и Артефакт с последующей бифуркацией по основанию Вода (*канава*) и Земля (*двор* с коррелятом *под кустом* в качестве идентификатора таксона Природа) в качестве альтернативных ориентиров социально-значимых действий героя – таковы те биномы, которые определяют сигнификативный компонент значения этого употребления топонима как функции, связывающей в качестве аргументов текст и слово – единицу языка. Иначе говоря, он позволяет точнее представить, как текст может преобразовать лексическое значение слова при вхождении в текст, что может быть для него опорой при подобном преобразовании.

Возвращение награбленного земле, очищение, хотя бы частичное, от греха, жизнь в согласии и наедине с Природой, под ее защитой или сокрытие награбленного в непосредственной близости от места жительства и места убийства и, значит, упорствование в грехе, жизнь по законам, противным Природе, в частности, природе человека, – такова альтернатива, воплощаемая в постоянных метаниях Раскольникова вплоть до момента покаяния на Сенной. Из двух возможных стратегий поведения, как свидетельствует это употребление топонима *Острова,* Раскольников выбирает вторую, вопреки тому, что психологически, может быть даже и неосознанно, ближе ему первая, жизнь лицом к лицу с Природой и под ее покровительством, а не за "глухими стенами" городских дворов и в суете Города, иначе говоря, в полном соответствии с заветом:

Пока человек естества не пытал / Горнилом, весами и мерой, / Но детски вещаньям природы внимал, / Ловил ее знаменья с верой;
Покуда природу любил он, она / Любовью ему отвечала, / О нем дружелюбной заботы полна, / Язык для него обретала.
.....
Но, чувство презрев, он доверил уму; / Дался в суету изысканий... / И сердце природы закрылось ему, / И нет на земле прорицаний.

(Е.А.Баратынский. Приметы)

Событийный характер сигнификата, который топоним приобретает в тексте и который вне текста у него не существует (раздвоение, раскол личности героя), может изменяться не только от одного произведения к другому, но и от одного персонажа к другому персонажу в одном и том же тексте. Первая из приведенных цитат (*Острова* – место гуляний и утех) – отрывок из прямой речи Свидригайлова, две другие (*Острова* – место духовного единения с Природой) принадлежат рассказу о Раскольникове. В том Петербурге, который Достоевский изобразил в "Преступлении и наказании", Острова – одно из мест, где сходства и различия духовного мира Раскольникова и системы ценностей его двойника Свидригайлова приходят в непримиримое противоречие: то, что для одного могло бы быть местом освобождения от улик греховности и хотя бы в этом очищения от грехов (примеры 2 и 3), то для другого – место развлечений, лишь в конце жизненного пути осознанное им как место духовного очищения, так и оставшееся для него недостижимым (пример 1).

Сказанное, как и следовало ожидать, подтверждают и употребления топонимов *Елагин (остров)* и *Крестовский остров*, связанных с топонимом *Острова* отношением "элемент множества, множество".

Крестовский остров

Самый крупный из *Островов*. Некогда место интенсивного лесного промысла, потом ловли лосося и ершей в бесчисленных протоках, прорытых для осушения болот. С 30-х годов 18 в. излюбленное место отдыха и развлечений петербургских немцев, особенно широкого в ночь на Ивана Купалу с центром на песчаном холме Кугельберг, позднее вообще среднего этажа Петербурга, куда добирались на лодках или пароходах, а после завершения строительства моста в 1839 г. – на дилижансах от Публичной библиотеки (Новопольский, Ивин, 1959, с.169-170; Синдаловский, 1997, с.169, 174)

[Раскольников – Разумихин:] – О чем бредил? – Уж не за *секрет* ли какой *боишься? Не беспокойся:* о графине ничего не было сказано. А вот о бульдоге каком-то, да о сережках, да о цепочках каких-то, да *Крестовском острове* <...> много было говорено. (ПН 98)

Он вышел из харчевни и бросился чуть не *бежать*. Мысль о Дуне и матери навела на него вдруг почему-то как бы *панический страх*. В эту-то ночь, перед утром, он и проснулся *в кустах, на Крестовском острове*, весь издрогнувший, в лихорадке; он пошел домой и пришел уже ранним утром. (ПН 337)

Для семиотизации событийности как сигнификативной компоненты обсуждаемого употребления топонима Крестовский остров представляется значимым фонетическое уподобление опорных лексем в описании пробуждения Раскольникова от "панического СТРаХа" "в КуСТаХ на КРеСТоВском оСТРоВе, как позднее он найдет спасение в КРЕпоСТном оСТРоге под защитой "простонародного кипарисного КРЕСТика", который Соня дала ему перед тем, как отправится он "нести свой крест" на свою Голгофу, где будет каяться под крики и насмешки толпы. Другое, не менее интересное знаковое сближение – противопоставление объединяет, как отметил А.Шунейко, с КРеСТовским островом ХРуСТальный (в другом месте кристальный) дворец.

Елагин (остров)

Остров, с севера омываемый Большой Невкой, с востока и юга – Средней Невкой, с запада – водами Финского залива. Мыс на Запад называют Стрелкой. После осушения болот и проведения дорог, особенно после завершения строительства Карлом Росси император-ского Елагина дворца и пейзажного парка при нем, стал местом псовой охоты, гуляний и пикников аристократической публики, с середины 19 века – места катаний и романтических свиданий на Стрелке. (Новопольский, Ивин, 1959, с.166-168)

[Свидригайлов:] Не угодно ли *прокатиться*? Вот я беру эту коляску *на Елагин*, что? Отказываетесь? Прокатимтесь, ничего. Кажется, дождь надвигается, ничего, спустим верх...(ПН 374)

Елагин здесь не пункт прибытия и не маршрут перемещения персонажа, здесь он место предполагаемого действия. Каки событийность, ассоциируемая с приведенным употреблением названия *Крестовский остров*, сигнификат этой инстанции топонима *Елагин остров* отвечает самой заметной отличительной черте эстетики слова Достоевского, поэтике действия, а не положений, сравни приведенные инстанции использования этого топонима с его употреблениями, скажем, у А.Лихачева в "Приказчике" или в романе Лескова "Некуда":

Приказчики перинной, суровской линии и Апраксина двора более или менее схожи друг с другом. Оригинальнее всех из них последние..... Апраксинского часто вы встретите на *Крестовском* или в Екатерингофе, с неизъяснимым удовольствием смотрящим в стеклышки и слушающим ораторскую речь мужичка с подвижным киатром: вот, извольте глядеть и видеть – едет Полеон с Напартом, и все енаральство и высшее офицерство за ним идет! (Лихачев, 1986).

Кто имел счастье живать летом на *Крестовском* или преимущественно *в деревне Коломяге* и кто бродил ранним утром по тощим полям, начинающимся за этою деревнею, тот легко может представить себе наших перепелов. Для этого стоит припомнить чинного петербургского немца, преследующего рано, на зорьке, крестьянских девушек (Лесков, 1989, с.67)

III. Синонимия топонимов

Такими отношениями могут быть связаны результат транслитерации и соответствующая ему калька, как в случае *Пале-де-Кристаль* и *Хрустальный дворец*, ранее о них в (Гинзбург, 1996, с.97). Подробный реальный и историко-литературный комментарий по поводу этих двух названий предлагают (Альтман, 1975, с.203-204; Белов, 1985, с.123).

1. – Завтра вечером *я его гулять веду*! – решил Разумихин, – в Юсупов сад, а потом в "Пале де Кристаль" зайдем. (ПН 10)[4]

2. Он [Раскольников] вышел на другую улицу: "Ба! "Хрустальный дворец"! Давеча Разумихин говорил про "Хрустальный дворец". *Только, чего бишь я хотел-то?* (ПН 123)

3. – Так вот ты где! – крикнул он [Разумихин] во все горло. – С постели сбежал! <...> Что это значит? <...> – А то значит, что вы все надоели мне смертельно, и *я хочу быть один*, – спокойно отвечал Раскольников. – Один? Когда еще ходить не можешь, когда еще рожа как полотно бледна, и задыхаешься! Дурак!.. Что ты в "Хрустальном дворце" делал? Признавайся немедленно! (ПН 129)

4. [Разумихин:] – Ну что, если...ну как его *одного* теперь пускать? Пожалуй, утопится... Эх, маху я дал! Нельзя! И он побежал назад, вдогонку за Раскольниковым, но уж след простыл. Он плюнул и скорыми шагами воротился в "Хрустальный дворец" *допросить* поскорее Заметова.(ПН 131)

5. [Разумихин Раскольникову:] Но урок, урок ему [Заметову] сегодняшний в "Хрустальном дворце", это верх совершенства! Ведь ты его испугал сначала, до судорог довел! Ты ведь почти заставил его опять убедиться во всей этой безобразной бессмыслице и потом, вдруг, – язык ему выставил: "На, дескать, что, взял!" Совершенство! (ПН 149)[5]

Семантически показательно рядоположение имени трактира и имени сада, факт, который можно интерпретировать как утверждение равенства социального статуса этих объектов – и тот, и другой предназначались для средних и нижних этажей Петербурга. Помимо общего денотата синонимы объединяет еще и то, что в данных контекстах они служат обозначению места социальных контактов. Для одного из персонажей, Разумихина, они желательны, другой, Раскольников, предпочитает им уединение. Функционально отношения между персонажем, топонимом и альтернативными ассоциированными сигнификатами могли бы быть описаны следующими схемами релятивизованной абстракции:

уединение =	желать (Раскольников,	Хрустальный дворец)
общение =	желать (Разумихин,	Хрустальный дворец)

В "Преступлении и наказании" распределение этих синонимов таково: Разумихин употребляет оба синонима, свой и чужой по форме, Раскольников и автор – только один, свой по произношению и парадигматическим связям обоих компонентов, относительно разнообразия топонимов, наличного в "ПН", в отличие от чужого, расчленимый.

Синонимы распределены так, что вначале, в речи Разумихина, вводится более редкий и далее не используемый "чужой", а уже после этого – четырежды "свой".

IV. Интертекстуальная равноименность

"Проходя мимо Юсупова сада, он даже очень было занялся мыслию об устройстве высоких фонтанов и о том, как бы они хорошо освежали воздух на всех площадях. Малопомалу он перешел к убеждению, что если бы распространить Летний сад на все Марсово поле и даже соединить с дворцовым Михайловским садом, то была бы прекрасная и полезнейшая для города вещь".

Что общего между Марсовым полем, дворцовым Михайловским садом и Летним садом, что в этом общем могло бы быть реальным основанием для проекта Раскольникова распространить Летний сад на достаточно большое по своим размерам Марсово поле (ср. у А.Белого в "Петербурге": Марсово Поле не одолеть в пять минут. (Белый, 1988, с.368)) и соединить результат с Михайловским садом, в проекте превращения их в Елисейские поля?

Чтобы ответить на этот вопрос, нужно точнее представить, что для современников Достоевского могло ассоциироваться с топонимом *Марсово поле.* Во времена Петра – это луг (из-за соседства с царскими дворцами и садами после Елизаветы Петровны прозванный Царицыным лугом, а в начале XIX века получивший современное название). Изначально место парадов царской гвардии и "потешных" огней (фейерверков). Из-за отсутствия зелени и постоянных клубов песка и пыли газеты его называли "Петербургской Сахарой" (Новопольский, Ивин, 1959, с.104)

Понадобится почти что век, чтобы о Марсовом поле писать так, как Бродский:

Но на Марсовом поле до темна / в синем платье одинешенька-одна / Вы появитесь, как будто уж не раз,/ лишь навечно без поклонников, без нас.

Еще были живы современники Пушкина, которые могли бы, как и он, сказать:

Люблю воинственную живость / П о т е ш н ы х Марсовых полей, / Пехотных ратей и конней Однообразную красивость; / В их стройно-зыблемом строю / Лоскутья сих знамен победных,/ Сиянье шапок этих медных, / Насквозь простреленных в бою<...>

К последней трети прошлого века, по воспоминаниям А.В.Лейферта, Марсово поле оккупировали балаганы и выглядело оно поэтому, конечно, по-другому, чем во времена Пушкина:

"Распланировано было Марсово поле таким образом: первая линия, по которой выстраивались четыре-пять крупных театров, была расположена параллельно Летнему саду. <...> Вторая и третья линии, параллельные первой, застраивались балаганами-театрами меньшего размера, более примитивной архитектуры, незатейливой внешности

и более чем скромного репертуара. Между балаганами второй и третьей линии расположены были каруселн, перекидные качели, коньки, лари с берлинскими пышками, сосисками, стояли сани и телеги бакалейщиков, столы сбитенщиков, панорамы, раешники. На четвертой линии устроены были ледяные горы<...>" (Лейферт, 1922, с.28).

"Звуки духовой музыки, шарманок, органов, скрип каруселей и качелей, <...> всяческие зазывания, прибаутки и шутки дедов, ответные остроты из толпы, петрушка, раешник, торговцы сластями – все это манило в толпу и вызывало желание приобщиться к общему веселью" (там же, с.60; ср. Синдаловский, 1997, с.168).

Место народных гуляний – так, по всей видимости, воспринимали квадрат Марсова поля современники Раскольникова. У Пушкина и Бродского содержание топонима *Марсово поле* каждый раз свое и совсем другое, чем у Достоевского, хотя для топографа это одно и то же место. Отношения между этими названиями такие же, как между *Марьиной рощей* в Москве и *Марьиной рощей* (увеселительный сад и трактир на четвертой версте Петергофского шоссе) в Столице севера, по выражению Блока, между двумя городами *Ю* во Франции и Швеции или между городами *У* на Каролинских островах и в Южной Корее. Это отношения одноименности, прямо противоположные отношениям разноименности, которыми *Марсово поле* связано с *Царицыным лугом*.

Лексикографические следствия

Стоит ли делать топонимы предметом специального лексикографического анализа (ср. Винокур, 1991, с.303)? Или достаточно топонимического словоуказателя, вроде того, который приведен в Приложениях к Полному академическому собранию сочинений Н.А.Некрасова (Некрасов, 1985, с.370-381)? Или реального комментария, наподобие тех, которыми обогатил историю русской культуры Н.П.Анцыферов (Анцыферов, 1924)?

Если "единичность и индивидуальность для Достоевского существо реальности" (Лихачев, 1981, с.60), то в словаре языка писателя эта характерная черта его мировосприятия должна найти отражение прежде всего в описании тех слов, для которых выявление единичности и индивидуальности является первичной языковой функцией, т.е. имен собственных. По той же причине основным в работе над каждой словарной статьей должно было бы быть выявление этой единичности и индивидуальности в тех словах, которые окружают каждое его употребление в художественном произведении и в речи каждого персонажа этого произведения. В этом отношении имена собственные – модель описания всех иных лексических единиц, и прежде всего тех,

для которых семиозисность функционирования в тексте не является столь ощутимой.

Если имя собственное может быть средством сократить изложение, если "указание на место действия как бы многое договаривает за Достоевского из того, что он как бы не успевает сказать читателю, но что хорошо было известно современникам" (Лихачев, 1981, с.70), то задача лексикографа заключается по крайней мере в том, чтобы обеспечить знакомство современного читателя с тем, что для каждого описываемого слова писатель считал само собой разумеющимся и не нуждающимся в объяснении.

Если участие имени собственного в художественном тексте сопряжено с образованием у него сигнификативной составляющей означаемого, то именно эта сигнификативная, а не денотативная составляющая должна быть признана основным предметом внимания лексикографа при описании употребления собственного имени в художественной речи писателя.

Если от одного текста к другому этот компонент означаемого у имени собственного может меняться, то объем и содержание его лексикографического описания в значительной степени ограничены словником имен и характеристиками их поведения в пределах каждого из текстов творческого наследия писателя. Это не только не отменяет, но предполагает сопоставление словарных описаний для всех текстов из анализируемого их корпуса, а затем и отражение результатов этой работы в словаре имен собственных для каждого текста.

Работа частично финансировалась Российским гуманитарным научным фондом (грант № 960406268) и Российским фондом фундаментальных исследований (грант № 960680285). Автор благодарен Л.М.Грановской, М.М.Коробовой, А.В.Суперанской, А.А.Шунейко за советы и рекомендации, высказанные при обсуждении этой статьи или ее частей.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Там, где речь идет о Раскольникове, переход от имени собственного *Юсупов сад* к апеллятиву *сад* сопровождает смена устойчивой, хотя и кратковременной положительной оценки на оценку может быть и более длительную, но неустойчивую по знаку: Таким образом прошел он (Раскольников) весь Васильевский остров, вышел на Малую Неву, перешел мост и поворотил на Острова. *Зелень и свежесть* понравились сначала его усталым глазам, привыкшим к городской пыли, *к известке* и к громадным, теснящим и давящим домам. Тут не было *ни духоты, ни вони*, ни распивочных. Но скоро и эти новые, *приятные ощущения* перешли в *болезненные и раздражающие*. (ПН 45)

В случае Свидригайлова ситуация всегда однозначна:

Они увлекли его (Свидригайлова), наконец, в какой-то увеселительный сад, где он заплатил за них и за вход. В этом саду была одна тоненькая, трехлетняя елка и три кустика.

Кроме того, выстроен был "вокзал", в сущности распивочная, но там можно было получить и чай, да сверх того стояли несколько зеленых столиков и стульев. (ПН 383) (По всей видимости, имея в виду это место, И.Анненский говорит о "чахлых трактирных садиках" как примете "обыденного" реализма Достоевского (Аннненский, 1987, с.452); ср. проведение этой темы при обсуждении у него судеб русской литературы: "Любите ли Вы Чехова?.. О, конечно любите... Его нельзя не любить, но что сказать о времени, которое готово назвать Чехова чуть-что не великим? Я перечел опять Чехова... И неужто же точно русской литературе надо было вязнуть в болотах Достоевского и рубить с Толстым вековые деревья, чтобы стать обладательницей этого палисадника..." (Он же, там же, Е.М.Мухиной 5.VI.1905)).

"Это под окном, должно быть какой-нибудь сад, – подумал он [Свидригайлов], – шумят деревья; как я *не люблю* шум деревьев ночью, в бурю и в темноту, *скверное ощущение*!" И он вспомнил, как, проходя давеча мимо Петровского парка, *с отвращением* даже подумал о нем. (ПН 389)

Ср. разработку этих двух тем у И.Анненского:

Близился сизый закат. /*Воздух был нежен и хмелен*, / И отуманенный сад / Как-то *особенно* зелен. ("Сизый закат") и еще концентрированнее Все, что есть лазурного, / Излилося в лучах / На зыби златошвейные, / Все, что там безбурного / И с лаской в очах, – / – В сады зеленовейные (Тоска отшумевшей грозы),

с одной стороны, а с другой

Иль истомы сердцу надо моему? / Тени дома? Шума сада?.. Не пойму...(Старая усадьба) или Зябко пушились листы, / Сад так тоскливо шумел.– / – Если б любить я умел / Так же свободно, как ты (Тоска сердца).

[2] Описанное устройство сигнификативной составляющей у топонима *Юсупов сад* подтверждается описанием Летнего сада в "Петербурге" А.Белого (1911-1913 гг.):

Хмурился Летний сад. <...> Сам Петр насадил этот сад <...>: понастроил фонтанов, и разбитые брызги зеркал просквозили здесь красным камзолом персон, завитыми их буклями, и арапскими рожами, и робронами дам <...>.

Летний сад простирался далече, простор отнимая у Марсова Поля, аллеями, обсаженными и зеленицей, и таволгой; поднимали свои розоватые трубы огромные раковины индийских морей с ноздреватых камней; и персона, поснявши плюмажную шапку, прикладывалась к отверстию: слышался хаотический шум; распивали фруктовые воды пред гротом. <...> Все – было, теперь того нет <...>. (с. 368)

Про Михайловский дворец и сад у него же совсем в иной тональности:

Розово-красный дворец выступал своим верхом из гущи безлистных суков: те суки протянулися к небу глухими порывами и, качаясь, ловили бегущие облака (с.514)

[3] Уместно напомнить, что *сад* издревле принадлежит к архетипам (Мелетинский, 1994; там же сведения о предшествующей литературе – с.68; Топоров, 1995, с.239) ситуации "(воз)рождение" (Фрейденберг, 1997, с.86, 207, 283; Фрэзер, 1986, с.306-309, 321-326; Лихачев, 1981, с.1)

Возьмем на себя смелость отослать к избранным местам одного из первоисточников:

Бытие. Гл.2. ст.8. И насадил Господь Бог рай в Едеме на востоке, и поместил там человека, которого создал. ст.9. И произрастил Господь Бог из земли всякое дерево, приятное на вид и хорошее для пищи, и дерево жизни посреди рая, и дерево познания добра и зла.

Песня Песней. Гл.4. ст.12 Запертый сад – – сестра моя, невеста, заключенный колодезь, запечатанный источник <...> ст.15 садовый источник – – колодезь живых вод и потоки с Ливана.

Гл.6. ст.1. "Куда пошел возлюбленный твой, прекраснейшая из женщин? куда обратился возлюбленный твой? мы поищем его с тобою". ст.2. Мой возлюбленный пошел в сад свой, в цветники ароматные, чтобы пасти в садах и собирать лилии. ст.11. Я сошла

в ореховый сад посмотреть на зелень долины, поглядеть, распустилась ли виноградная лоза, расцвели ли гранатовые яблоки?

[4] Уже здесь, в самом начале романа Достоевский трактует хрустальную модель будущего, предлагаемую Чернышевским в "Что делать?", как не более чем витринно-трактирную. Еще резче эта критика в "Зимних заметках о летних впечатлениях" (1863 г.):

В Лондоне хоть и так же, но зато какие широкие, *подавляющие* картины! <...> Сити с своими миллионами и всемирной торговлей, кристальный дворец, всемирная выставка... Да, выставка поразительна. Вы чувствуете *страшную силу*, которая соединила тут всех этих бесчисленных людей, пришедших со всего мира, *в едино стадо* <...> Как бы вы ни были независимы, но вам отчего-то становится *страшно*. Уж не это ли, в самом деле, достигнутый идеал? – думаете вы; – не конец ли тут? не это ли уж и в самом деле, "едино стадо".<...> *Это* какая-то библейская картина, что-то о Вавилоне, *какое-то пророчество из Апокалипсиса, вочию совершающееся*. Вы чувствуете, что *много надо* вековечного *духовного отпора и отрицания, чтоб* не поддаться, не подчиниться впечатлению, не поклониться факту и *не обоготворить Ваала*, то есть не принять существующего за свой идеал...(33 70)

[5] Ср. использование того же *высунуть язык* в разоблачении хрустального идеала из сна Веры Павловны в "Записках из подполья" (1864 г.) как исключающего какую-либо духовную свободу и развитие

Вы верите в хрустальное здание, *навеки нерушимое*, то есть в такое, которому *нельзя* будет *ни языка украдкой выставить, ни кукиша в кармане показать*. Ну, а я, может быть, *потому-то и боюсь* этого здания, что оно хрустальное и навеки нерушимое и что нельзя будет даже и украдкой *языка* ему *выставить*.(ЗП 120) и далее

Не смотрите на то, что я давеча сам хрустальное здание отверг, единственно по той причине, что его нельзя будет *языком подразнить*. Я это говорил вовсе не потому, что уж так люблю мой *язык выставлять*. Я, может быть, на то только и сердился, что такого здания, которому бы можно было и не *выставлять языка*, из всех ваших зданий до сих пор не находится. Напротив, я бы дал себе совсем *отрезать язык*, из одной благодарности, если б только устроилось так, чтоб мне самому уже более никогда не хотелось его *высовывать*. Какое мне дело до того, что *так невозможно устроить* и что надо довольствоваться квартирами. (ЗП 121)

ЛИТЕРАТУРА

Альтман М.С. По вехам имен. Саратов. 1975.
Адянский Ю.Л. Увеселительные заведения старого Петербурга. СПб. 1996.
Анненский И.Ф. Избранное. М.,1987.
Ацыферов Н.П. Петербург Достоевского. Пг. 1924.
Белов С.Ю. Роман Ф.М.Достоевского "Преступление и наказание". Комментарий. М. 1985.
Белый А. Петербург. Ставрополь. 1988.
Винокур Г.О. Словарь языка Пушкина // Г.О.Винокур. О языке художественной литературы. М. 1991.
Гинзбург Е.Л. Из заметок по топонимике Достоевского // Слово Достоевского. М. 1996.
Достоевский Ф.М. Полное собрание сочинений в тридцати томах. Л. 1972-1990.
Лейферт А.В. Балаганы (С предисловием Александра Бенуа). Пг. 1922.
Лесков Н.С. Собрание сочинение в двенадцати томах. Т.4. М. 1989.
Лихачев А. Приказчик // Русский очерк. 40-50-е годы XIX века. М. 1986.
Лихачев Д.С. Литература–реальность–литература. Л. 1981.
Мелетинский Е.М. О литературных архетипах. М. 1994.

Некрасов Н.А. Полное собрание сочинений в пятнадцати томах. Т.10. Кн.2. Л. 1985.
Новопольский П., Ивин М. Прогулки по Ленинграду. 1959.
Реформатский А.А. Введение в языковедение. М. 1967.
Синдаловский Н. Улица Веротерпимости, или фольклор многоязычного Петербурга // Нева. 1997. №7.
Топоров В.Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М. 1995.
Фоли Д. Энциклопедия знаков и символов. М. 1996.
Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М. 1997.
Фрэзер Дж.Дж. Золотая ветвь. М. 1986.

А.Я. Шайкевич

РЕМАРКИ ДОСТОЕВСКОГО

При исследовании литературы в ее связи с языком неизбежно возникает проблема выделения и описания жанрового разнообразия изучаемых текстов. В ходе работы над частотным словарем к художественным произведениям Достоевского была предпринята попытка получить количественные показатели не только по периодам творчества писателя, не только по каждому отдельному тексту, но и по отдельным "микрожанрам", т.е. чередующимся друг с другом структурным и семантическим типам текста, в своей совокупности образующим текст литературного произведения в его целостности. Только после завершения этой аналитической работы можно обращаться к статистическому сравнению разных авторов.

Само собой разумеется, при обследовании большого числа текстов приходится довольствоваться грубыми границами между микрожанрами. В текстах Достоевского выделялись следующие микрожанры: 1 – авторская речь, 2 – ремарки, 3 – прямая речь персонажей, 4 – внутренняя речь персонажей, 5 – письма, 6 – другие письменные тексты, созданные персонажами, 7 – цитаты, 8 – стихи. Ниже будут рассмотрены ремарки – фрагменты авторского текста, непосредственно вводящие речь персонажей и, как правило, отделенные от нее какими-то знаками препинания. Для всей совокупности ремарок Достоевского был составлен свой частотный словарь, который затем сравнивался с общим частотным словарем к художественным произведениям писателя.

Зная долю ремарок в общей протяженности текстов и зная частоту каждого отдельного слова, мы можем подсчитать математическое ожидание числа случаев появления данного слова в ремарках в предположении, что вероятности такого появления в ремарках и в тексте в целом совпадают. Между тем, для многих десятков и даже сотен лексических единиц мы зафиксируем статистически значимое превышение реальной частоты в ремарках над расчетным математическим ожиданием. Такие лексические единицы будем называть "лексическими маркерами". Не входя в технические детали, охарактеризуем лексические маркеры количественно: будем указывать в скобках частоту маркера в ремарках и величину значимости отклонения от математического ожидания[1].

Косвенным свидетельством естественности выделенного микрожанра служит легкость складывания лексических маркеров в некоторую цельную картину. В микрожанре ремарок такая естественность очевидна: ни в одном другом микрожанре группы маркеров не выделяются столь явственно, ни в одном другом – не выступает столь явно функциональная нагрузка каждой группы. Прежде всего, в ремарках должен идентифицироваться говорящий, иногда есть указание и на адресат (характерный маркер – предлог **к** (886 – 17). Кроме очевидных местоимений – **он, она, я** и т.п. писатель использует для этой цели либо фамилию: **Мармеладов, Раскольников, Разумихин, Свидригайлов, Келлер, Лебедев, Птицын, Фердыщенко, Кармазинов, Лямшин, Шатов, Жигалев, Максимов, Смердяков**, либо имя и отчество: **Наталья Дмитриевна, Мария Александровна, Катерина Ивановна, Настасья Филипповна, Нина Александровна, Лизавета Прокофьевна, Маврикий Николаевич, Софья Матвеевна, Степан Трофимович, Юлия Михайловна, Катерина Николаевна, Татьяна Павловна**, либо только имя: **Настенька, Сашенька, Фома, Алеша, Нелли, Наташа, Соня, Аглая, Ипполит, Коля, Алеша, Грушенька, Илюша, Лиза, Митя.**

Реже наблюдается альтернативное называние[1] – **Порфирий и Порфирий Петрович, Авдотья Романовна и Дуня, Лужин и Петр Петрович, Ганя и Гаврила Ардалионович, Николай Всеволодович и Ставрогин, Иван и Иван Федорович, Миусов и Петр Александрович, Катя и Катерина Ивановна, Лиза и Lise.**

Довольно обычна идентификация персонажей при помощи имен нарицательных. Чаще всего мы наблюдаем здесь любимый Достоевским титул **князь**, обычны также воинские звания **генерал, майор, капитан, штабс-капитан, поручик**. Указание на должность, общественное положение также обычные способы идентификации – **крупер,**

мещанин, студентка, председатель, старец. Наконец, типично указание на пол и возраст персонажей: **парень, старичок, юноша** и т.п. Конечно, и эти обозначения совместимы с именами собственными: **Николай Сергеич и старик, Анна Андреевна и старушка, Пульхерия Александровна и бедная женщина, Иван Федорович и генерал, Лизавета Прокофьевна и генеральша, Кириллов и инженер, Макар Иванович и старик, Федор Павлович и старик, Николай Парфенович и следователь, Ипполит Кириллович и прокурор.** Особого упоминания требует прием предварительного называния персонажа именем нарицательным, прежде чем будет введено его имя: **толстяк, молодой человек, боксер, чиновник, черномазый.**

В какой-то мере в ремарках отражено и пространство, в котором находится говорящий, окружающие его предметы обстановки: **комната** (116 – 4), **передняя** (13 – 3), **кабинет** (9 – 2), **порог** (14 – 3), **дверь** (84 – 3), **стол** (95 – 7), **стул** (85 – 11), **кресло** (52 – 9), **диван** (54 – 7). Речевое взаимодействие персонажей, как правило, предполагает и визуальный контакт: **смотреть** (385 – 19), **глядеть** (357 – 14), **повернуться, обернуться** и т.п. (136 – 16).

Центральный элемент ремарки – verbum dicendi, вводящий прямую речь, или verbum cogitandi, вводящий внутреннюю речь. В русском языке это, главным образом, глагол совершенного вида, ср.

сказать (1127 – 53)	говорить (430 – 6)
проговорить (889 – 116),	заговорить (84 – 13)
заметить (393 – 33)	замечать (40 – 5)
воскликнуть (299 – 68)	восклицать (99 – 33)
вскричать (320 – 60),	произнести (216 – 48),
промолвить (50 – 25), провозгласить (25 – 12),	
заявить (22 – 5)	
подумать (331 – 40)	думать (171 – 4)
(тж. про себя 169 – 34).	

Некоторые из этих глаголов включают реплики героев в диалогическую цепь:

спросить (705 – 80)	спрашивать (53 – 5)
осведомиться (37 – 17)	
ответить (313 – 57)	отвечать (574 – 68)[1]
подхватить (221 – 56)	подхватывать (11 – 9)
отозваться (68 – 28)	
возразить (31 – 17)	возражать (11 – 4)
подтвердить (58 – 21)	подтверждать (11 – 5)
перебить 172 – 48)	перебивать (17 – 9)
прервать (99 – 29)	прерывать (26 – 11)

Ту же роль играют и некоторые другие глаголы, описывающие весьма характерную для Достоевского ситуацию "коллективного говорения": **ввернуть** (25 – 15), **вставить** (12 – 8), **ввязаться** (22 – 13), **включить** (6 – 5), **подсказать** (11 – 7).

Вплетенность реплик в структуру дискурса манифестируется такими словами, как **вдруг** (1364 – 71), **внезапно** (41 –7), **тотчас** (136 – 4), **тотчас же** (105 – 5), **неожиданно** (49 – 13), **опять** (505 – 32), **снова** (74 – 15), **в свою очередь** (16 – 5), **брякнуть** (17 – 10).

К внутренней структуре монологов отсылают нас некоторые фазовые глаголы – **начать** (409 – 35), **приступать** (7 – 4), **продолжать** (539 – 70), **прибавить** (483 – 71), **прибавлять** (25 – 10), **повторить** (108 – 32), **повторять** (98 – 21), **заключить** (112 – 27). Сходную функцию выполняют и некоторые наречия: **все** (111 – 6), **все еще** (47 – 7), **поминутно** (20 – 3), **наконец** (274 – 14). Частица **было** (198 – 23) указывает на колебания говорящего в своей речи или в своих действиях, ту же функцию выполняет глагол **осечься** (15 – 9).

Перечисленные выше глаголы говорения (более 6000 словоупотреблений) обозначают передачу информации без каких бы то ни было дополнительных семантических нюансов. Наряду с ними в ремарках Достоевского широко представлены самые разнообразные лексические средства, обозначающие различные особенности говорения. В этом фонетическом пространстве можно выделить несколько измерений, в выражении соответствующих смыслов большую роль играют не только глаголы, но также существительные, прилагательные и наречия. Синтаксические различия между этими частями речи оказываются несущественными в семантике ремарок: всегда есть возможности разного грамматического выражения, причем роль грамматической "подпорки" часто принимает на себя слово **голос** (557 – 73), (тж. **голосок** (35 – 20)), гипероним рассматриваемой семантической области.

Первое измерение связано с различиями по громкости:

громко/ий/че	вслух	вполголоса	тихо/ий
(112 – 25)	(20 – 4)	(46 – 24)	(159 – 24)
(вс)крикнуть за/про/кричать		за/про/шептать, шепнуть	
(1161 – 102)		(330 – 65)	
за/про/визжать, взвизгнуть (49 – 16)		полушепотом	шепот
за/вз/про/реветь (46–25)		(22 – 15)	(94 – 30)
(за)вопить (120 – 9)			
возвысить (16 – 11)		понизить (12 – 11)	

Второе измерение ассоциировано с темпом речи (или мысли) персонажа :

(за)торопиться/ливо/ый (98 – 20)
быстро/ый (130 – 19)
скороговоркой (40 – 22), сыпать (6 – 3)
впопыхах (9 – 6), поспешить/но (58 – 10)
(про)мелькнуть (59 – 13)
пронестись (20 – 9)

протянуть, -тягивать (90 – 18)
медленно (29 – 8)

Третье измерение основано на контрасте разборчивости / неразборчивости речи:

раздельно (16 – 14)
отчеканить (14 – 12)
с расстановкой (9 – 12)
(тж. размеренно, скандировать)

за/про/бормотать (372 – 75)
проворчать (39 – 23)
промямлить (23 – 16)
промычать (16 – 14)
прошамкать (6 – 8)

Итак, если в первых двух измерениях ремарки Достоевского заметно скошены в сторону громкости и быстроты, то в третьем измерении наблюдается яркая асимметрия – торжествует невнятность. Эти три оси, конечно, не покрывают семантику всех глаголов речи, многие из которых привносят свои индивидуальные добавки смысла, ср. **за/про/лепетать** (98 – 36), **за/про/скрежетать** (33 – 17), **защебетать** (14 – 14), **за/про/звенеть, звонко/ий** (27 – 11), **пропищать** (16 – 15), **прошипеть** (14 – 13), **сюсюкать** (5 – 6), **затараторить, протрещать, хриплый, шепелявить, загалдеть** и др.

Рассмотренное семантическое поле незаметно переходит в другое, где внешние свойства речи все теснее переплетаются либо с общим накалом эмоций, либо с конкретным эмоциональным содержанием и где гиперонимом выступает уже не **голос**, а **тон** (61 – 12), тж. **нотка** (7 – 4). Неконтролируемая эмоция видна в характерном для Достоевского глаголе **задыхаться** (65 – 19), также в глаголах **захлебываться** (8 – 6), **заикаться** (11 – 9), **запинаться** (10 – 6), **прерываться** (14 – 7). Намеренная демонстрация эмоций говорящего видна в глаголе **отрезать** (81 – 30), в словах **резко/ий** (86 – 23).

Видное место в ремарках отводится внешнему (неречевому) выражению психологического состояния говорящего. И здесь мы сталкиваемся с неожиданной асимметрией. Плач, конечно, представлен: **слезы** (74 – 5), **рыдать** (23 – 5), **залиться** (20 – 7), **простонать** (17 – 14), **всхлипывать** (7 – 5); но смех встречается намного чаще: **за/рас/смеяться, смех** (314 – 23), **усмехаться/нуться, усмешка** (166 – 35), **за/хохотать, хохот** (57 – 16), **улыбаться, улыбнуться, улыбка** (333 – 36), **хихикать/нуть** (18 – 9), **осклабиться** (20 – 13), **скалить** (5 – 4). В целом, однако, наблюдаемые физиологические реакции скорее ассоциируются с отрицательными эмоциями. Характерны

обозначения дрожи: **за/дрожать, вздрогнуть** и т.п. (329 – 30), **затрястись** (9 – 3); кроветока: **бледный, (по)бледнеть** (86 – 10), **(по)краснеть, за/раскраснеться** (118 – 20), **вспыхнуть** (37 – 11), **побагроветь** (5 – 3). Граница между контролируемой и неконтролируемой эмоцией довольна зыбка. Переход в область мимики и жестов одновременно означает переход в область семиотических явлений. Специфические гиперонимы здесь редки – есть **жест** (19 – 4), есть **мина** (8 – 4), но лишь в слабой степени характерны **взгляд** (86 – 4), **взор** (6 – 2), существительные зрения – скорее примета собственно авторской речи.

Лексические маркеры области взглядов, мимики и жестов охватывают немногочисленные существительные, обозначающие части тела и лица, и самые разнообразные глаголы:

существительные	глаголы
глаза (298 – 16)	скосить, по/накоситься (тж. искоса) (18 – 8)
глазки (16 – 4)	подмигивать/нуть (15 – 7)
	уставиться (16 – 8), потупить(ся) (28 – 10)
	переводить (13 – 5), опустить глаза (14 – 10)
	прищури(ва)ться (15 – 9), выпучить (6 – 2)
	вытаращить (5 – 4),
	(за)сверкать/нуть (38 – 16)
брови (15 – 5), лоб (19 – 3)	
рот (23 – 3)	
губ(к)а (48 – 7)	
зубы (32 – 8)	
лицо (168 – 6)	исказиться, искаженный (10 – 6)
	(ис/по/с)кривиться (тж. криво) (51 – 21)
	поднять, поднимать, подымать (91 – 12)
голова (227 – 15)	качать, покач(ив)ать (30 – 12)
	кивать/нуть (41 – 12), вскинуть (13 – 7)
	наклонить/ять (8 – 4), склонить/ять (9 – 3)
плечо (65 – 12)	пожимать (11 – 7)
рука (477 – 25)	сж(им)ать (48 – 16), указ(ыв)ать (104 – 20)
	стиснуть (8 – 3), ударить/ять (34 – 6)
кулак (34 – 10)	(в)сплеснуть (44 – 20), хлопнуть (12 – 10)
ладонь (21 – 8)	ломать руки (15 – 8), стукнуть/чать (33 – 8)
палец (50 – 5)	(за)махать, махнуть (80 – 20),
	дернуть (10 – 4) сложить (15 – 4),
	потирать (14 – 9)
колено (25 – 3)	(за)топать, топнуть (26 – 12)

Наконец, в ремарках в изобилии представлены реальные позы, действия и движения, которые нельзя отнести к жестам. Рука отходит

на второй план (ср. однако, **хватать(ся), схватить/ать** (109 – 15), **ткнуть** (5 – 3), **толкать** (7 – 4)). Движения и изменения позы распространяются на человека в целом, ср. **нагнуться** (18 – 5) и **наклоняться** (6 – 6). Очень характерны размашистые, судорожные движения, ср. **бросаться/иться** (74 – 5), **рвануться** (5 – 3), **стремительно** (15 – 7) **судорожно/ый** (14 – 4).

Лексические маркеры ремарок ясно указывают на ту ситуацию сидения, в которой чаще всего и ведутся диалоги персонажей Достоевского, и на завершение этой ситуации:

развалиться (5 – 3), усесться (40 – 8), подсаживаться (3 – 4), вскинуться (28 – 19), выпрямиться (13 – 7), привстать (21 – 7), привскочить (9 – 6), приподняться/иматься/ыматься (31 – 10), подскочить (17 – 7), вскочить, вскакивать (88 – 16), вста(ва)ть (98 – 10).

При этом семантический центр столь характерной ситуации (глагол **сидеть**) в ремарках не обозначен.

Изредка появляются в ремарках глаголы хождения: **(за)шагать/нуть** (36 – 11), **расхаживать** (5 – 2).

Текст ремарки вводит прямую речь персонажа и в этом смысле играет важную структурную роль в прозе. Одновременно содержание этого текста выступает как означаемое по отношению к другому (своему) содержанию – мыслям и чувствам героев. С более широкой метасемиотической точки зрения все перечисленные выше группы лексических маркеров относятся к плану выражения (как по отношению к прямой речи, так и к внутренней жизни героев).

Обратимся теперь к плану содержания ремарок.

Для манеры Достоевского характерна скорее позиция внешнего наблюдателя, нежели позиция всезнающего автора, читающего в душах. В этих условиях почти с неизбежностью должны появиться две группы лексических маркеров – маркеры неуверенности и некоторого сомнения, обязательные для внешнего наблюдателя, и маркеры меры и степени, призванные манифестировать объективность наблюдателя. Обе эти группы весьма характерны для Достоевского и образуют мост между планами выражения и содержания.

К первой группе относятся лексические маркеры: **как бы** (342 – 31), **как будто** (170 – 9), **точно** (95 – 6), **как-то** (131 – 10), **какой-то** (219 – 9), **странно** (47 – 5), **видимо/ый** (49 – 6), **по-видимому** (22 – 2), **вероятно** (13 – 2). Во второй (очень широкой) группе находим такие маркеры: **чуть не** (100 – 13), **почти** (208 – 9), **немного** (60 – 7), **едва** (63 – 6), **более** (131 – 6), **глубокий** (48 – 6), **некоторый** (85 – 4), **невыразимый** (10 – 4), **необыкновенный** (32 – 3), **несколько** (95 – 3), **необыкновенный** (32 – 3), **величайший** (11 – 2), **очевидно** (24 – 2), **капелька** (10 – 2).

Если в ремарке как в плане выражения доминируют глаголы, то в ремарке – плане содержания господствуют наречия, прилагательные, существительные. Прежде всего выделяются лексические маркеры, за которыми угадываются социальные отношения между участниками диалога, причем преобладают выразители социального превосходства и редко появляются указания на низшее социальное положение:

внушительно (28 – 14), строго (78 – 14)
презрение/ительно/ый (68 – 13)
брезгливо/ый (23 – 11)
грозно/ый (32 – 12),
торжественно (24 – 8)
сентенциозно (8 – 9)
властно (9 – 8), повелительно/ый (11 – 8),
осанисто/ый, приосаниться (12 – 6),
сурово (15 – 7), накинуться (13 – 7)
назидательно (5 – 5), командовать (6 – 5),
снисходительно (5 – 4),
веско (4 – 4), важно/ый/ость (46 – 4),
значительно (24 – 4), надменно/ый (9 – 3)

вкрадчиво/ый (5 – 7)
жалобно/ый (18 – 11)
поддакивать/нуть (19 – 5)
умильно (4 – 5)
просительно/ый (5 – 5)
кротко (7 – 5)

мольба (6 – 3)

подобострастно/ый (5 – 3)
почтительно (11 – 3)

Явная асимметрия наблюдается при выражении контраста вежливости/невежливости:

вежливо/ый/ость (26 – 6)
любезно/ый (15 – 3)

развязно/ый(13 – 7)
огрызнуться (6 – 7)
грубо/ый/ость (30 – 4)
нагло (6 – 4)
фамильярно/ость (8 – 3)
(за)коробиться, покоробить (8 – 6)

Две следующие группы, как и предыдущие, через ремарки включают реплику в общую цепь высказываний, но в них акцентируется не соотношение статусов участников диалога, а непосредственная реакция на содержание предшествующей реплики. Обе группы весьма характерны для Достоевского.

удивление

удивляться/ение/нно/ый (209 – 23)
изумление (39 – 9)
недоумение (43 – 7)
ошеломленный (1 1 – 4)
опешить (6 – 5)
оторопеть (6 – 4)

фрустрация

смутиться/щение (54 – 10)
(с)конфузиться (38 – 9)
смешаться (20 – 8)

потеряться/нный (31 – 7)

пораженный (25 – 4)
озадаченный (15 – 8)

Особняком стоит семантическая группа иронии, тоже предполагающая как постоянное отношение говорящего к собеседнику, так и реакцию на слова последнего: **ядовито/ый** (19 – 11), **язвительно** (10 – 8), **насмешка/ливо/ый** (54 – 9), **ирония** (11 – 6).

Ядро плана содержания ремарок – чувства говорящего; соответствующий гипероним также присутствует среди маркеров: **чувство** (70 – 4), здесь же собственно семиотические маркеры – **выражение, выражаться/зиться/зительно/ый** (55 – 4).

Начнем с семантической группы, где противопоставлены легкость или, наоборот, затрудненность речи и чувств:

выр(ы)ваться (65 – 19)
невольно (34 – 9)
нетерпение/ливо/ый (105 – 19)
срываться, сорваться (25 – 10)
не утерпеть (17 – 8)
решительно/ый (94 – 7)
не удержаться, неудержимо/ый (27 – 6)
порываться (9 – 6)
машинально (11 – 3)
нечаянно (14 – 3)
готовность (8 – 3)

сдержанно/ать(ся)/
сдерживать (39 – 15)
нехотя (18 – 11)

неохотно (5 – 6)
нерешительно (8 – 9)

натуга (6 – 5)
с трудом (7 – 4)
затрудняться/иться (8 – 4)
удерживаться (7 – 4)

Количественная сбалансированность двух рядов свидетельствует о том, что именно контраст организует эту группу.

В какой-то мере контраст организует и группу маркеров, указывающих на степень эмоциональности, но здесь один из полюсов явно превалирует. Подобно тому как в плане выражения крик отмечается намного чаще шепота, так и в данном случае крайняя эмоциональность встречается чаще, чем спокойствие.

волнение (102 – 17)
жар (76 – 18)
оживиться/ляться (29 – 13)
вскипеть (14 – 8)
одушевление/ляться (18 – 9)
горячо/ий, разгорячаться/иться (72 – 9)
запальчиво (3 –5)
возбуждение (6 – 3)
увлекаться/чение (19 – 5)
упоение (16 – 7)

спокойно/ствие (78 – 17)
вяло (6 – 5)
зевнуть (6 – 5)
рассеянно (13 – 6)
хладнокровно (11 – 4)
лениво (6 – 3)

Ряд аористных глаголов выражает фазовый переход от одного ряда к другому: **встрепенуться** (25 – 15), **спохватиться** (26 – 13), **опомниться** (27 – 5).

Обозначения конкретных чувств очень разнообразны, положительные эмоции намного уступают по частоте эмоциям отрицательным, и там, и там доминируют крайности. В положительной части спектра эмоций доминируют три семантических гнезда: **восторг/женно/ый** (124 – 19), **радостно/ый/сть** (81 – 10), **весело/ый** (71 – 8), остальные маркеры не столь специфичны для ремарок: **мягко** (8 – 5), **ласково** (15 – 5), **приветливо** (8 – 4), **нежно/ый** (19 – 3), **дружески/ий** (13 – 3), **медовый** (4 – 3), **сладко** (6 – 2), **благодушно** (4 – 4), **блаженно/ый** (7 – 3), **восхищенный** (4 – 3).

Лексические маркеры, обозначающие отрицательные эмоции, довольно легко сводятся в семь групп:

1) **злоба/но/ый, озлобление/но/ый, злость** (166 – 22) **исступление/нно/ый** (82 – 21), **яростно/ый/сть** (43 – 15), **гнев/но/ый** (55 – 13), **истерически/ий** (27 – 11), **бешено/ый/ство** (38 – 10), **свирепо** (11 – 9), **сердито, рассердиться** (28 – 4), **неистово/ый** (22 – 9), **остервенение/иться** (6 – 3), **дико** (9 – 3);

2) **испуг/анно/ый/аться** (180 – 33), **робко/ий, (о)робеть** (97 – 26), **ужас** (35 – 4), **пугливо** (6 – 5), **помертветь** (6 – 4), **замирать** (16 – 4), **(за)трепетать** (18 – 3), **боязливо** (5 – 2);

3) **отчаяние** (69 – 13), **горестно/ый/ть** (30 – 14), **грустно/ый/сть** (40 – 4), **печально** (4 – 4);

4) **мрачно/ый** (30 – 5), **угрюмо** (18 – 9);

5) **раздражение/аться/ительно/ый/сть** (94 – 20), **досада/ливо/овать** (76 – 17), **негодование** (77 – 16), **ненавистно** (6 – 6), **недовольный** (10 – 3), **неудовольствие** (5 – 3).

6) **тревога/жно, (вс)тревожиться** (47 – 10), **озабоченно/ый** (12 – 3).

7) **укор/изна/енно** (28 – 12), **обидеться/чиво/женный** (26 – 4).

Рамки настоящей статьи не позволяют раскрыть затронутую тему в ее полноте. Задача состояла лишь в том, чтобы произвести первую структурацию семантического пространства ремарок у Достоевского. Можно лишь контурно наметить пути дальнейшего развития темы.

Во-первых, следует выявить те характерные контексты, в которых появляются наши лексические маркеры. При этом обнаружится, что тот или иной лексический маркер входит сразу в несколько семантических групп (выше сами эти группы строились в молчаливом предположении семантического единства маркера). Одновременно будут выявлены попарные корреляции между маркерами. В качестве

примера рассмотрим маркер **твердо/ый/ость** (118 – 20), не включенный ни в одну из приведенных групп.

Можно ожидать, что эти маркеры должны принадлежать к ряду разборчивости речи. Действительно, многие контексты ясно указывают на это:

... продолжала Настасья Филипповна по-прежнему резко, **твердо** и четко.

... проговорил он (Смердяков) вдруг **твердо** и раздельно

... прервал опять Иван, но уже не крича, как прежде, **твердо** выговаривая слова и как бы совсем овладев собою.

... пробормотал он (Григорий), хоть и весьма неясно, но очень **твердо**, и видимо не желая больше распространяться.

... **твердо** закончил Алеша громким голосом и на всю залу.

Но одновременно обнаруживаются контексты, где **твердость** распространяется на взгляды и движения:

... (Ставрогин) **твердо** подошел к оскорбленному Павлу Павловичу и скороговоркой, с видимою досадой, пробормотал: ...

... **твердо** шагнул к нему Блюм, приставляя к сердцу правую руку,

... **твердо** шагал Петр Степанович.

... **твердо** остановился против него Кириллов.

... вскинулся глазами Митя и **твердо** посмотрел на них обоих.

... **твердо** поглядел Смердяков на Ивана.

... вдруг брякнул он (Алеша), **твердо** смотря ей в глаза.

... прибавил он (Ипполит) вдруг, опять оживляясь и **твердо** посмотрев на Евгения Павловича.

Что касается индивидуальных корреляций, то хорошим примером может служить **твердо** рядом со словами **тихо**, **шепнуть** и т.п.:

... **тихо**, но **твердо** проговорил князь.

... **твердо прошептала** ей на ухо Александра.

... **твердо прошептал** князь.

... **тихо**, но с какою-то угрюмою **твердостию** повторила Даша. Секунд десять полных смотрела она ему в глаза молча, **твердым**, неумолимым взглядом и вдруг **прошептала** скороговоркой:

На что Грушенька **тихо** и **твердо** произнесла:

... **тихим**, но **твердым** голосом произнес Иван Федорович.

Во-вторых, необходимо исследовать ремарки в их отношении к отдельным персонажам Достоевского. Здесь лексический материал ремарок может уже выступать как лексический маркер речи отдельных героев. Так **твердо** оказывается лексическим маркером Алеши и Смердякова в "Братьях Карамазовых", Даши и Ставрогина в "Бесах":

... серьезно и **твердо** проговорил Алеша. .

... твердо ответил Алеша,
... твердо заявил Алеша.
... проговорил он вдруг громко и твердо,
... сказал твердо Алеша. ...
... твердо ответил Алеша.
... твердо повторил Алеша.
... твердо проговорил Алеша, увидав ее слезы.
... ответил мужской голос (Смердякова), хотя и вежливо, но прежде всего с настойчивым и твердым достоинством.
... твердо ответил Смердяков, проникновенно глянув на Ивана Федоровича.
... твердо и убежденно решил опять Смердяков.
... твердо произнес Смердяков.
... твердо проговорила Даша.
... быстро и с твердостью проговорила Дарья Павловна.
... твердо спросил Николай Всеволодович.
... твердо заявил Николай Всеволодович.
... твердо заявил Ставрогин.

Можно ожидать, что при этом будут выявлены некоторые функциональные особенности лексического материала ремарок.

Наконец, следует обратиться к текстам разных авторов. Только тогда возникнет полная уверенность в том, что выявленная структура ремарок характеризует не просто микрожанр русской прозы, но микрожанр именно Достоевского. В качестве небольшого примера рассмотрим частоты отдельных слов в ремарках Достоевского (Д) и в ремарках из "Анны Карениной" (Т) (на 10000 слов):

	Д	Т		Д	Т
(по)смотреть	41	10	дверь	10	18
проговорить	102	33	(по)глядеть	10	43
заметить	45	14	сказать	130	671
произнести	25	1	говорить	49	104
ответить	36	7	заговорить	10	15
отвечать	66	30	думать	20	80
подхватить	25	5	подумать	38	45
перебить	20	13	тотчас же	12	13
прервать	11	2	повторить	13	19
вдруг	157	27	остановиться	7	11
тотчас	16	2	начать	47	24
продолжать	62	43			
было	23	8			
громко	11	6			

	Д	Т		Д	Т
тихо	15	5	тон	7	9
про/за/шептать/нуть	39	4	слезы	9	12
за/про/бормотать	45	...			
за/рас/смеяться, смех	35	14			
за/хохотать	6	...	улыбнуться, улыбка	29	53
за/дрожать, вздрогнуть	20	5			
бледный, (по)бледнеть	10	1	красный, (по)краснеть	13	25
голова	26	18	глаза	34	45
			лицо	19	40
			палец	5	10
			указ(ыв)ать	12	21
как будто	20	14	садиться, сидеть	...	12
как бы	39	8			
как-то, какой-то	40	3	значительно/ый	3	7
изумление	4	...	выражение	3	16
волнение	12	6	невольно	4	9
жар	9	...	весело/ый	8	12
горячо/ий	7	2			
восторг	9	1			
злоба/но/ый	15	3	сердито	1	6
гнев	4	2	ужас	4	7
испуг	9	2	мрачно/ый	4	10
отчаяние	8	4			

Как видим, большинство перечисленных групп, действительно, характерны для Достоевского. Толстой в "Анне Карениной" использует весьма однообразно нейтральное сказать, значительно чаще обращается к глаголам интеллектуальной деятельности, избегает крайностей эмоций. Одновременно у него значительно ярче представлена вся невербальная семиотическая сфера.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См. Шайкевич А.Я. Дифференциальные частотные словари и изучение языка Достоевского (на примере романа "Идиот") // Слово Достоевского. М. 1996, с.215. Первое число, приводимое в скобках при лексическом маркере, обозначает его абсолютную частоту в ремарках, второе число – мера статистической значимости превышения математического ожидания.

[2] Не принимаются в расчет обозначения, составляющие менее 10 процентов от общего числа обозначений-существительных.

[3] См. Шайкевич А.Я. Конкорданс к прозаическому тексту // Русистика сегодня. 1995. №2. с.11.

Эр. Хан-Пира

ОККАЗИОНАЛЬНЫЕ СИНОНИМЫ ГЛАГОЛОВ ГОВОРЕНИЯ (РЕЧИ)

Упомянув такие глаголы, как *сказал, ответил, спросил, проговорил, вымолвил* и т.п., А.А. Илюшин писал в статье "Глаголы жеста у Ф.М.Достоевского": "К ним тесно примыкают глаголы, по своему прямому значению относящиеся к иным семантическим группам, но пригодные и для обозначения речи: *прибавил, заметил, продолжил, заключил, согласился* и др. ...Легко понять писателя, который избегает "скучных" слов *сказал, ответил*, не говоря уже о частых повторениях таких слов. Сами по себе они кажутся бесцветными. Допустим герой что-то "сказал"; этого мало – важно знать к а к он сказал: "сказал шепотом", "сказал так, словно мяукнул". Но в этих случаях предпочтительней, пожалуй, такие конструкции: "..., – прошептал он", "..., – мяукнул он". Это один из способов насытить прозу образными выражениями... Стилистически нейтральному глаголу речи предпочитается эмоционально окрашенный, экспрессивный." (Илюшин, 1996, с. 20, 21).

Замечу, что *прошептать* стилистически нейтральное слово со встроенным обстоятельственным значением, т.е. помимо семы 'говорить, произносить', есть сема 'шепотом'.

А *мяукнуть* в роли глагола речи – результат метафорического переноса, метафора. И в отличие от *гавкать, лаять* в той же роли – еще, кажется, не языковая. *Мяукнуть* в такой ипостаси, конечно, стилистически окрашено, образно. В его семную структуру тоже встроено обстоятельственное значение: 'сказал, как мяукнул'.

А.А.Илюшин, приступая к теме своей статьи, констатировал: "... в русской литературе появился писатель, дерзнувший внести в оформление диалога нечто совершенно необычное. Это был Достоевский.

Вот некоторые примеры:

– По крайней мере вы-то на меня не сердитесь? – *протянул ему руку Ставрогин.*

– Нисколько, – *воротился Кириллов, чтобы пожать руку.*

– И вы уже не смеетесь, о племя, – *рванулся было* Ипатов.

Да вот она, вся-то правда сидит! – *указала вдруг Прасковья Ивановна пальцем на Марью Тимофеевну.*

– ... но каковы же рифмы! – *лез он ко мне со своею пьяной рожею.*

– Стой! – *уцепился он за мое пальто.*

– Что с французского- то переводить? – *опять скрючился Липугин.*" (Илюшин, 1996, с.21).

А.А.Илюшин, называя эти авторские ремарки в диалогах "находкой писателя", "стилистической новацией", "стилистическим приемом, разработанным Достоевским", "стилистической фигурой", напоминает реакцию Тургенева на эту находку. Один из героев романа "Новь" говорит: «Сочинять этакие штучки с "начинкой", да еще с новомодными оборотами: "Ах! я вас люблю! – подскочила она", "Мне все равно, – почесался он"...».

А.А.Илюшин полагает, что "...выражения Достоевского, о которых идет речь, – метафорические. Здесь налицо перенесения признаков одного действия на другое." (Илюшин, 1996, с.23).

С этим трудно согласиться. Перенос есть. Но не по сходству, а по смежности, т.е. здесь не метафора, а метонимия. И у Достоевского, и у Тургенева в пародии на Достоевского.

Упомянутые и подобные им случаи авторской речи в диалогах Достоевского «включают в себя не глагол речи (как у других писателей), а глагол движения. Здесь даже лучше, на наш взгляд, подошел бы другой термин – "глагол жеста"... Речь ведь идет не вообще о движении, а о телодвижении. Предлагается понимать жест в самом широком смысле: движение не только руки, но и всего тела, и мимика лица» (Илюшин, 1996, с.21-22).

Думаю, что следует все же говорить о глаголах движения, понимая под последним перемещение в пространстве кого-либо, движение верхних и нижних конечностей, движение лицевых мышц, движения, выражающие чувства, состояния человека. Даже смена температурных ощущений, смена краски кожного покрова – опосредованное выражение движения чувств. Ср. возможное: "Не может быть, – *похолодел* Трегубов" или "Тоже, скажете, – *зарделся* Зубцов".

А.А.Илюшин не называет приведенные им примеры из Достоевского синонимами глаголов говорения. А по поводу реплик *покоробило Варвару Петровну* и *перекосилось вдруг все лицо Катерины Ивановны* говорит, что здесь невозможна замена "глаголов жеста" глаголами речи. Другими словами, невозможна синонимия. Но ведь допустимо написать: *спросила покоробленная Варвара Петровна*. У Достоевского *покоробить* в языковом метафорическом значении употреблено в авторском метонимическом значении как окказиональный синоним глагола говорения, т.е. языковая метафора в авторском метонимическом употреблении.

Что до второго примера, то и здесь возможна синонимическая замена: *воскликнула, вдруг перекосив все лицо, Катерина Ивановна.* В

метонимическую ремарку Достоевского здесь встроено обстоятельственное значение.

Когда синонимами глаголов говорения выступают глаголы, называющие действия чувств, их движения, т.е. состояния как деятельности, возможна разная интерпретация. Прав А.А.Илюшин, когда по поводу ремарки типа *устыдился он* пишет, что она "в равной степени может относиться и к стыдливой интонации говорящего и к сконфуженному выражению лица и к смущенному, неловкому жесту" (Илюшин, 1996, с.22). Добавим: и к краске стыда.

Возьмем из примеров, указанных Илюшиным: "Как! – *вспыхнула* Дуня". *Вспыхнуть* имеет в языке три метафорических значения. Достоевский употребляет глагол в метонимическом значении: 'сказала (воскликнула, вскрикнула), вспыхнув'. Вот это *вспыхнув* – что оно здесь означает: 'прийдя в возбужденное, раздраженное, гневное состояние' или 'испытывая потрясение', или 'покраснев от волнения, радости, смущения'? *Вспыхнула Дуня – вспыхнула* контекстный, окказиональный синоним к глаголу говорения, обремененный диффузностью обстоятельственных значений.

Все эти синонимы глаголов говорения контекстны и метонимичны. Они обладают изобразительной силой.

Тургенев, прекрасно знакомый с европейской литературой, уловил новизну приема Достоевского. И не принял его.

Прием, рожденный Достоевским, имеет языковые предпосылки, имеет языковых предшественников. Когда мы читаем у Пушкина *Катятся ядра, свищут пули,* мы не замечаем метонимического переноса. Он уже оязыковлен. Движение пути передано через сопровождающий ее звук. Мы говорим: *прожужжала пчела*. Полет пчелы передан через обозначение звука, сопровождающего его. *Протарахтела телега* – это ведь 'проехала тарахтя'. Тоже оязыковленная метонимия.

Достоевский расширил существовавшую в языке метонимическую модель: в языке смежность, параллельность движения предмета и звука, издаваемого им, названа по звучанию, а у Достоевского параллельность движения человека и звучания его речи названа по движению.

Если вспомним такие глаголы говорения, как *чирикать, трещать, щебетать, проскрипеть, просипеть,* то это оязыковление метафоры (*чирикать, щебетать, трещать*) и метонимии (*проскрипеть, просипеть*). И в них говорение – обозначение звучания. Ср., например, у Некрасова: «Хрипя, "Дубинушку" стонал».

У Достоевского другое. Но импульс все эти метонимии и метафоры получили от закона экономии языковых средств. Он использовал их

в своих интересах. Этот закон действует не в языке, а в речи. Результаты его действия могут быть приняты языком (как, например, *протарахтела, свистят, чирикать, посипеть, поскрипеть*). А могут так и оставаться речевыми фактами. Конечно, в художественной речи пишущие не думают о законе экономии. Их заботят изобразительность глагола, его, так сказать, зрительность, его образность. Их заботит избавление от надоедливого однообразия авторских вкраплений в диалоги. Все так, однако и здесь, по-моему, незримо присутствует, действует не осознанный авторами упомянутый закон.

Возьмем два примера из Чехова:

"То есть почему же меня не пускать? – *обомлел* Кокин. – Я из редакции" (Тряпка). "Ну, ну, ну!... – *засуетился* старик. – Аксюта, угомонись, матушка..." (В овраге). *Обомлел, засуетился* здесь = 'спросил, обомлев'; 'сказал, засуетившись'. Эти *обомлел, засуетился* неполные синонимы (квазисинонимы) к языковым глаголам говорения *спросил, сказал*. Они неполные, потому что у них есть приращение смысла, есть сема, отвечающая на обстоятельственный вопрос к а к ? Но эти *обомлел, засуетился* синонимы только в данном тексте. Точно так же, как *пикейные жилеты* Ильфа и Петрова были метонимическим синонимом к слову *обыватели*, а *вздыхающие рыжие панталоны* в рассказе Чехова были контекстным синонимом к обозначению их носителя.

При обсуждении темы пришлось столкнуться с мнением, что глаголы в прямом своем значении, не относящиеся к глаголам говорения, но с легкой руки Достоевского прижившиеся у других авторов, – это то же самое, что и ремарки в пьесах. Однако ремарку актер играет. Кроме того, она не всегда синхронна реплике. Например, "Б о р к и н (*хохочет*). Ну, ну... виноват, виноват... (*Садится рядом*). Не буду больше, не буду... (*Снимает фуражку*). Жарко (...)" (Чехов. Иванов). "И в а н о в. (...) Вся суть в том, милый доктор, (*мнется*), что,... короче говоря, женился я по странной любви и клялся любить вечно, но прошло пять лет, она все еще любит, а я... (*Разводит руками*) (...) " (Чехов. Иванов). Ср. с этим: " – Ну, это уже кощунство! – взвился Адмирал" (Владимир Максимов. Заглянуть в бездну). " – Вы только служите или еще верите в свою службу? – Нет, адмирал, не верю, – *овечьи глаза гостя пристально твердели*, – но отправляю ее исправно ..." (там же).

"– Что вы... стоит ли... – *растерялся* Заур" (Фазиль Искандер. Сумрачной юности свет). " – Нахала надо проучить, – *пригрозил пальцем* Абесоломон Нартович ..." (там же).

" – наверно? – *опомнился* Вася" (Александр Солженицын. Случай

на станции Кречетовка). " – Я не заметил, – *уже блаженно откинулся* Игорь Дементьевич" (там же).

" – Товарищ военный, сколько-то у вас времячка? – *обернулась она к майору*". (Василий Белов. За тремя волоками).

ЛИТЕРАТУРА

Илюшин А.А. Глаголы жеста у Ф.М.Достоевского // Русская речь. 1969, № 6.

Н.А. Николина

"СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ИГРА" В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ТЕКСТЕ

В работе "Маяковский – новатор языка" Г.О.Винокур особо выделил художественный прием, который предложил назвать "словообразовательной", или "*словопроизводственной игрой*": «Самое пристрастие Маяковского к тому, что можно было бы назвать "словопроизводственной игрой", очень легко иллюстрируется теми местами в его произведениях, где как бы намеренно демонстрируются словообразовательные средства, находящиеся в распоряжении поэта, в их взаимных отношениях. Имею в виду пассажи, построенные на употреблении разных словообразовательных вариантов одного и того же лексического ряда...» (Винокур, 1991, с.356).

Словообразовательная, или "словопроизводственная" игра – прием, имеющий давние и глубокие традиции в русской литературе. Так, П.М.Бицилли связывает его развитие с влиянием фольклора, для произведений которого характерно нанизывание однокоренных слов (Бицилли, 1996, с.208-209), см., например:

Ах ты скот, моя скотинушка, бессловесная скота..;

Да ты служба наша, службища, служба государева..;

Ой ты рощица моя раззелененькая, зеленая рощица рассосновенькая... – и др.

Словообразовательная игра – частный случай языковой игры. Она связана с деавтоматизацией восприятия словообразовательной структуры производного слова и актуализацией словообразовательных средств, намеренное подчеркивание которых порождает различные эффекты в речи. Так, в одном из фрагментов романа А.Белого "Москва под ударом" два однокоренных приставочных глагола сменяются самостоятельным употреблением отдельных морфем, прежде всего префиксов, образующих в тексте определенную последователь-

ность и полностью раскрывающих свой семантический и текстообразующий потенциал:

... вдруг – сверху, на лестнице – куча; над нею, над нею, ее обгоняя, неслись, перепрыгивая через ступеньки: вдруг кто-то стрельнул сверху вниз; приподпрыгнул, переприподпрыгнул, стуча -

-при - под - прыг - пере - под - при - под - прыг - пере, при - пере, при -пере

-пре

- каб

- луками!

Приставки, значение которых актуализируется, семантическим центром контекста, их цепочки фиксируют энергичные перемещения персонажа, передавая одновременно и темповые, и ритмические характеристики.

Словообразовательная игра может рассматриваться в широком и в узком смыслах. В широком смысле она включает: 1) создание новообразований – окказиональных или потенциальных слов; 2) концентрацию на небольшом пространстве текста одноструктурных или однокоренных слов; 3) актуализацию контраста между морфемами или моделью и ее наполнением; 4) изолированное употребление аффикса; 5) псевдовосстановление производящей основы; 6) субституцию и вставки. Те же разновидности словообразовательной игры отмечаются и в разговорной речи, где она "служит для того, чтобы... создать шутливое настроение или ироническое отношение."(Земская и др., 1983, с.174). В узком же смысле словообразовательная игра – сознательное обнажение словообразовательной структуры слова посредством реконструкции деривационного акта или объединения в одном контексте однокоренных слов, характеризующихся разными формантами:

За свечой – в тени – Засвечье,
За шестком – в углу – Запечье,
За спиной – ничком – Заплечье,
За рекой – свистком – Заречье... (В.Перелешин)
Уродики, уродища, уроды
Весь день озерные мутили воды (В.Ходасевич)

При помощи словопроизводственной игры читатель вовлекается в процесс постижения деривационных связей слова, разгадывая загадку его происхождения, тайну его звучания и значения, адресат текста воспроизводит акт деривации или вслед за автором участвует в создании совершенно нового слова. Таким образом, словообразовательная игра всегда предполагает языковую рефлексию не только со стороны адресанта, но и со стороны читателя. Ср.: Родная, милая, любимая – какие есть лучше слова? Но они маркированные... Фонетически ближе всего – лапушка. По смыслу все же – *родная*.

Родненькая. Ближе, чем русского роду-племени, не мужского – не женского – не среднего, какого-то совсем-совсем – только – моего *рода* (Ю.Малецкий. Любью); А я так хотел ее пожалеть. Уже ее *жалел*. Уже *любил*. Уже вошел в *жалюбовь* (Ю.Малецкий. Любью).

Словообразовательная игра в узком смысле и является предметом рассмотрения в данной статье.

При всей близости механизмов и форм словообразовательной игры в разговорной речи и художественном тексте между этими сферами есть существенное различие. В разговорной речи словообразовательная игра создает различные комические эффекты, которые используются как средства балагурства или острословия в конкретной речевой ситуации, в художественной речи эта игра – способ создания образных приращений к слову, она системно обусловлена и в ряду других приемов организует целостный образный строй текста в соответствии с интенциями автора. Так, например, в романе В.Набокова "Приглашение на казнь" мотив призрачного кукольного мира находит отражение в последовательном использовании диминутивов, соотносящихся с мотивирующими словами и выполняющих в тексте те же функции, что и повторяющиеся эпитеты "кукольный", "фарфоровый", "маленький": Она плюхнула свой профессиональный саквояжик <...> Потом сразу засуетилась, подняла с полу черный, толстенький, на таксичных лапках саквояж <...>; [Директор] появился, галантно, под локоток, вводя толстенького, полосатенького арестантика <...>; Незаметно дыша, он [м-сье Пьер] долго, тщательно вытирал руки красным платочком, покамест паук... проделывал <...> маленький трюк над паутиной. Бросив ему платок, м-сье Пьер вскричал по-французски <...>

Словообразовательная игра – эстетически мотивированный прием, при этом в художественной речи значимой оказывается не только реальная языковая мотивация, но и ложная, устанавливаемая автором или персонажем. Так, например, один из контекстов романа В.Набокова "Защита Лужина" организован сближением повторяющегося слова tard (тар) и русского глагола *затараторить*: «"Ну и победа будет," – громко сказал он, и толпа туманных людей расступилась, пропуская его. "Тар, тар, третар," – затараторил, качая головой, внезапно возникший Турати». Фонетическая игра дополняется словообразовательной: *затараторил* и *тар* каламбурно объединяются как слова, содержащие тождественные квазиморфемы. Их сближение связано с развертыванием сквозных мотивов всего произведения: мотива бессмыслицы и мотива поражения (très tard – "очень поздно").

"Словообразовательная игра" в художественном тексте предполагает включение в него членов одной словообразовательной цепи или парадигмы, то есть фрагментов одного словообразовательного гнезда:

Есть счастливцы и счастливицы,
Петь не могущие. Им –
Слезы лить! Как сладко вылиться
Горю – ливнем проливным (М.Цветаева).

Текстовое словообразовательное гнездо, однако, не равно гнезду языковому:

1. В состав текстовых фрагментов словообразовательных гнезд могут включаться имена собственные, которые при этом обретают внутреннюю форму и становятся мотивированными: **Шатов** бормотал бессвязно, чадно и восторженно... Как будто что-то **шаталось** в его голове. (Ф.Достоевский); Он стал с живостью разговаривать с **Разумовским**. Разумовский ничего не **разумел** (Ю.Тынянов).

2. Поскольку язык художественной литературы эстетически преображает все средства общенационального языка, текстовые словообразовательные гнезда способны включать образования, находящиеся за пределами литературного языка, прежде всего жаргонизмы и диалектизмы. Так, как отмечает Н.А.Кожевникова, в прозе А.Белого диалектизмы, заимствованные писателем у Даля, объединяются с его собственными новообразованиями. Например, именно "фрагменты далевских гнезд представляют собой <...> такие слова, как мертвуша, мертвенье, мертвоносный" (Кожевникова, 1992, с.171).

3. Текстовые словообразовательные гнезда могут включать архаизмы и восстанавливать исторические связи слов, так, М.Цветаева последовательно сближает, например, слова *душа, дух, дыхание, вздох* и др., актуализируя их родство:

Улавливать сквозь всю людскую гущу
Твой вздох животворящ –
Душой, дыханием твоим живущей,
Как дуновеньем плащ...

4. В текстовые словообразовательные гнезда активно включаются индивидуально-авторские новообразования. Так, например, в рассказе "прозеванного гения" С. Кржижановского "Смерть эльфа" используются производные *эльфствовать* и *антиэльфы*, в его сказке "Страна нетов" представлены новообразования *нетовский, нетики, нетеныши, нета* ("нет влечется к нете"). В стихотворении И.Чиннова "Случайно случившийся случай..." мотив абсурдности существования воплощен в развертывании ряда *Тарарабумбия, тарара-бумбийцы, затарара-бумбить;* производные не только мотивируются словом

Тарарабумбия (при этом устанавливаются интертекстуальные связи с драмой А.Чехова), но и соотносятся с пролокутивной скороговоркой или напевом *та-ра-ра*, истребляющим смыслы слов:

Да, в *Тарара-бумбии* нашей – ребят
Жуют без соли убийцы.
Затарара-бумбили, милый, тебя
Та-ра, тарара-бумбийцы.

5. В тексте художественного произведения могут возникать гнезда с вымышленными вершинами. Например, в рассказе С.Кржижановского "Итанесиос" повторяются слова *Итанесиос* (название страны), *итанесийцы, итанесийский.* "Лингвистические сказки" Л.Петрушевской включают слова с повторяющимися вымышленными корнями и реальными аффиксами, см., например: .

Напушка. По-за напушкой бурдысья. По напушке сяпает Ляпупа. У Ляпупы разбызены клямсы.

Ляпупа (сяпая и сяпая). Осе, осе, некузяво. Потрямкать бы. Нетрямкавши, сяпать кузяво ли?

По напушке шается Бутявка...

Ляпупа (вазит Бутявку). О-по-по, смычь, Бутявище некузявое! Сяпай к Ляпупе! ("Фыва пролдж").

Итак, словообразовательная игра может охватывать как словообразовательную пару (мотивирующее – мотивированное слово), так и фрагмент текстового словообразовательного гнезда, реального или гипотетического.

"Гнездовой" принцип довольно часто лежит в основе организации отдельных фрагментов текста. Если в художественной речи XIX в. это еще достаточно редкое явление (хотя оно и встречается в прозе А.Вельтмана, Н.Гоголя, Н.Лескова), то в XX в. тексты (или их композиционные части) все чаще открыто экспериментируют со словообразовательными средствами, строятся с использованием словообразовательных цепочек и элементов словообразовательных парадигм: Он – чарователь, чаровальщик / Чарун, он – чарник, чародей (И.Северянин). Более того, появляются тексты, порожденные именно поэтической рефлексией над словообразовательными связями единиц, которые объединяются в одно гнездо, см. например, "Заклятие смехом" В.Хлебникова или "Белым по белому" Н.Моршена. В стихотворении Н. Моршена используются тропеические новообразования с корнем *снег*, созданные контаминацией и междусловным наложением:

Висят на каждой елочке
Снегвоздики, снеголочки.
И снеголовая сосна
Стоит прямее дротика.
Сугробовая тишина.
Снеграфика. Снеготика.

В результате контактного расположения однокоренных слов в тексте актуализируются мотивационные отношения: Зноет знойное солнце, и в зное монашек поет (Б.Пильняк); Наклонный , востренький – даже не почерк, а почерчонок, такой мелкий, ветреный, – с сокращениями и без твердых знаков (В.Набоков); Лицом ее завладевало победное шествие красоты. Не шествие – нашествие! (А.Солженицын). Мотивация в художественном тексте – это обычно "мотивация со стороны функционирующего слова, стремящегося распространиться на различные текстовые позиции" (Голев, 1989, с.135), что предопределяет возможность несовпадения характера мотивации в системе языка и в художественной речи.

В художественном тексте может возникать новое направление мотивации, которое определяется интенциями автора, особенностями образного строя всего произведения и его идейно-эстетическим содержанием. В связи с этим возможно выделение особого типа мотивации – **ассоциативно-образной текстовой мотивации**, которая близка поэтической этимологии. См., например:

Сверхбессмысленнейшее слово:
Рас-стаемся. – Один из ста? (М.Цветаева).

См. также:

И все мы, в сущности, Распутины... Распутин происходит не от распутства, а от распутья, а если даже и есть распутство, то оно опять-таки от распутья (И.Наживин).

Подобная псевдомотивация осуществляется на уровне всего текста (или одной из его композиционных частей), при этом мотивированное слово обогащается образными приращениями смысла, которые возникают в произведении как динамической системе речевых средств. Так, в уже цитированном романе И.Наживина "Распутин" ключевое слово текста, вынесенное в сильную позицию заглавия, мотивируясь, приобретает символический характер и обобщает отдельные образные параллели произведения (Россия – Распутин, Россия – на распутье, герои романа – на распутье); ср.: Что такое, например, была вся эта дикая Распутиниада? Что такое это самосожжение великого народа?; Все мы стоим на распутьях.

В романе Ю.Малецкого "Любью" при помощи ложной мотивации, сближающей слова *прикосновение, сокровенное* и *кровь*, реализуется сквозной мотив всего текста и осуществляется игра концептами **кровь – любовь**: Что у тебя есть? Голос, слова, прикосновение. Сокровенное, при-кровенное и от-кровенное прикосновение: коснуться крови вен? По Библии в крови душа... Нежность проникно-венна.

Ассоциативно-образная текстовая мотивация может сближать разнокорневые слова таким образом, что в рамках художественного

целого выделяется повторяющаяся квазиморфема (по происхождению – не корень), которая связана с ключевым образом текста, см., например, стихотворение Е. Гуро "Лень":

И лень
К полудню стала теплень.
На пруду сверкающая шевелится
Шевелень.
Бриллиантовые скачут искры <...>

Языковая игра, основанная на ассоциативно-образной текстовой мотивации, особенно ярко проявляется в случаях множественной мотивации и каламбурного сближения слов. Так, в романе Н.Лескова "На ножах" используется ряд новообразований, соотнесенных со словами *нигилизм, нигилист*: *негилизм, негилист, гилист, гилистка, гилизм*. Ср.: Он в длинной речи отменил грубый *нигилизм*, а вместо него провозгласил *негилизм*. Слово *гилист* мотивируется прямо в тексте, при этом оно связывается как со словом *гиль*, так и со словом *нигилист:* Ты вовсе не *нигилист*, а весьма порядочный *гилист*. *Гиль* заставила тебя фордыбачить и отказываться от пособия <...>, *гиль* руководит тобой <...>

В результате слова *нигилист, нигилизм* подвергаются псевдочленению: в них выделяется квазиморфема *гиль*, которая прямо выражает авторскую оценку нигилизма.

Развернутой мотивацией слова, как правило, новообразования, может служить весь текст. Это слово обычно представляет собой загадку или во внутреннем мире произведения, или в рамках коммуникации "автор – читатель". "Словопроизводственная игра" этого типа, взаимодействующая с игрой метаязыковой, лежит в основе драмы А.Введенского "Потец", уже в начале которой звучит "дикий, внушительный" и "вечный" вопрос: "Что такое есть потец?" "Темой произведения является выяснение сыновьями значения слова "потец", причем значение это заранее им уже известно, в чем можно видеть еще одно проявление, в новом контексте, мифологемы "вечного возвращения" (Поэты группы "ОБЭРИУ", 1994, с.598). Поиски ответа связаны с варьированием в тексте рядов слов, содержащих реальный суффикс или квазиморфему *-ец:* конец, венец, бубенец, леденец, жрец, мертвец, игрец, дворец, Творец, отец, чепец, купец. Сама последовательность их значима: в рамках этих рядов развертывается мотив смерти, небытия, взаимодействующий с мотивами игры и бессмыслицы. Новообразование *потец* интерпретируется как контаминированное образование (пот + мертвец): Потец – это холодный пот, выступающий на лбу умирающего. Это роса смерти, вот что такое есть Потец.

Однако эта разгадка ключевого слова поверхностна, слово *Потец* включает и те приращения смысла, и те ассоциативные ореолы, которыми обладают слова на *-ец*. Игра оказывается незавершенной.

К проявлениям языковой игры следует, наконец, отнести и такое построение контекста, при котором производное слово получает двоякую интерпретацию: оно выступает в одном из своих значений, одновременно распространители в предложении предлагают читателю и другое возможное направление его мотивации, в результате диффузность семантики слова усиливается. Такой прием характерен для прозы В.Набокова, в которой игра разными значениями подчеркивает условность изображаемого мира. См., например: Вдруг *разлился* золотой, крепко настоянный электрический свет. Или же: На дворе *разыгралась* – просто, но со вкусом поставленная – летняя гроза ("Приглашение на казнь").

Функции словообразовательной игры в художественном тексте разнообразны. Во-первых, объединенные ею единицы устанавливают анафорические связи: Мастер усмехнулся. Ничего нельзя было угадать за этой усмешкой. Ничего дальнейшего. Мастер молчал. Ничего нельзя было угадать за его молчанием. Мастер продолжал свой разговор. Ничего нельзя было угадать за этим продолжением (С.Залыгин). Во-вторых, сближенные в тексте слова одного словообразовательного гнезда служат для развертывания одного мотива, раскрытия и акцентирования одной темы. В этом случае они выступают как способ композиционной связи частей, которая становится концептуальной. Посредством повтора слов одного гнезда выделяются доминанты разных типов, например, устойчивые характеристики персонажей, явлений и ситуаций, вспомним характеристику и описание Марии Николаевны Полозовой в повести И.Тургенева "Вешние воды": Эти серые хищные глаза... эти *змеевидные* косы – да неужели же это все словно прилипло к нему? – "*Змея*!" ах, она злая! – думал между тем Санин, – но какая красивая змея! – На губах *змеилось* торжество.

"Словопроизводственная игра" непосредственно участвует в создании художественных образов. "То, что поэтическая речь делает с образами, есть игра. Она располагает их в стилистическом порядке, она вкладывает в них тайны, так что каждый образ, играя, отвечает на какую-нибудь загадку". (Хейзинга, 1992, с.154). Словообразовательная игра "остраняет" слова, обнажает механизмы словотворчества, выявляет творческий потенциал аффиксов и выделяет, акцентируя в определенной последовательности, те или иные образные смыслы. Например, в стихотворении Г.Шенгели "Подполье" повтор тропеических определений с корнем *мертв-*, распространяю-

щих названия реалий природы или быта, переводит изображаемое в иную смысловую плоскость и развивает сквозной образ текста – образ смерти, поправшей жизнь, ср.: Раннее послеобеда; / *Мертвоснежный* зимний день; / Вьет поземка, нету следа; / Нет прохожих; думать лень; / Ты спиною осязаешь / *Мертвокафельную* печь; /Повинуйся ж мертвой силе, / В мертвом снеге взор знобя!

Столкновение в тексте однокоренных слов с разными формантами порождает игру словообразовательными значениями, активизирующую восприятие читателя, которому предлагается набор производных с модификацией исходного значения. "Чем больше напряжение читателя, тем больше энтропия игровой ситуации" (Фатеева, 1994, с.172).

Реализация разных словообразовательных значений однокоренных слов актуализирует каждое из них и одновременно предполагает их сопоставление:

Жил-был *зудень*
Жена его – *зудыня*
И дети – *зуденыши*! (А.Крученых)

Не устраивая вахтпарадов своим убеждениям, над нею проделывал все, отстранивши сестру милосердия, он <... > и обласкивал мысленно:
– Женушка.
– Женка.
Была же не "женкой", а "женищей", вздутой, лиловой и потною: пала, как в битве (А.Белый).

Это сопоставление может служить источником различных частных эстетических эффектов: контраста, градации, эффекта "кривых зеркал" (Береговская, 1996, с.77) и др. Например, в стихотворении Олега Григорьева в сочетании с именами используются попеременно то уменьшительные, то увеличительно-оценочные суффиксы, смена их определяет композицию текста, в результате происходит перераспределение оценочных смыслов и каждая из ситуаций отражается в другой, при этом смещается ракурс изображения, но подчеркивается предельная близость героев:

Сидит Славочка на заборчике,
А под ним на скамеечке Боренька.
Боренька взял тетрадочку,
Написал: "Дурачок ты, Славочка."
Вынул Славочка карандашище,
Написал в тетрадь: "Ты дурачище."
Борище взял тетрадищу
Да как треснет по лобищу Славищу.
Славище взял скаменщу
Да как треснет Борищу в шеищу.
Плачет Славочка под заборчиком,
Под скамеечкой плачет Боренька.

Выражая оценки автора (персонажа) и определяя направление читательских оценок, словообразовательная игра, таким образом, участвует в создании оценочной перспективы текста, см., например: <...> ее имя Клотильда, но мы *Крутильдой* ее называли, потому что она все, бывало, не прямо, а крутит (Н.Лесков. Полунощники); Он всякий праздник приносил мне просфору и на всех священноябедничал... **Священноябедник** знал не только природу всякой вещи, но и ее происхождение (Н.Лесков. Белый орел).

Словообразовательная игра взаимодействует в художественном тексте с другими видами языковой игры, прежде всего с игрой фонетической и метаязыковой. Ср.:

Пляшут Я-сень и О-сень в ан-Данте теней (Н.Моршен).

Она может участвовать в игре ситуациями (см., например, прозу В.Набокова) или обнажать интертекстуальные связи произведения: [Висленев] <...> постоянно пел схваченную со слуха в "Руслане" песню Фарлафа<...> – Да только гляди, *Фарлаф*, не *сфарлафь* в решительную минуту, – говорил ему Горданов... – О, *не сфарлафлю, не сфарлафлю*, брат (Н.Лесков. На ножах).

Изучение "словопроизводственной игры" позволяет детально исследовать образный строй и композицию художественного текста и выявить некоторые закономерности его построения. В свою очередь художественная речь расширяет представления о семантике и функционировании словообразовательных средств и дает новый материал для их исследования.

ЛИТЕРАТУРА

Береговская Э.М. Поэт эпохи безвременья Олег Григорьев (опыт лингвистического портрета) // Русистика сегодня. 1996. №1.

Бицилли П.М. Избранные труды по филологии. М. 1996.

Винокур Г.О. О языке художественной литературы. М. 1991.

Голев Н.Д. Динамический аспект лексической мотивации. Томск, 1989.

Зелкская Е.А., Китайгородская М.В., Розанова Н.Н. Языковая игра // Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М. 1983.

Кожевникова Н.А. Язык Андрея Белого. М. 1992.

Поэты группы "ОБЭРИУ". СПб. 1994.

Фатеева Н.А. Исчисление типологических возможностей поэтической и языковой игры // Текст и методика его анализа. Ч.II. Харьков. 1994.

Хейзинга И. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М. 1992.

Е.В. Красильникова

"Я – СВОЙСТВО ДОРОГИ, ЧЕРТА И ПОДРОБНОСТЬ..."

(Б.Ахмадулина "Сад")

В книге "Сад" нет обращенности к читателю. Поэт живет ощущениями текущего дня, погруженностью в пространство и время окружающего мира. Это жизнь *Я. Ты* появляется изредка в лирическом монологе:

Так – быть? Или – как? Что решил *ты* в своем Эльсиноре?
(обращение к Гамлету)
То снился он *тебе*, а ныне – *ты* ему
(в стихах о Мандельштаме).

Обращения носят неличный характер: Ах, это *ты*, всенощный белый день; *Ты* спятил, Паркер, *ты* ошибся; Где *вы*, моих рублей дружки? Бессмыслица, нескладица, мне долго – любить *тебя*. Часто одушевлены неодушевленные сущности:

Лишь стол и я смеемся на мели.
Нет, не во всех домах живет скала,
в моем – живет.
Пора, прощай, моя скала.
Еще моя черемуха не смерклась.
Брат-комната, где я была, не спрашивай.
Гость-почерк плетет письмена предо мною.
Я в местной луне поначалу своей
луны не узнала, да сжалилась лунность
и свойски зависла меж черных ветвей.
Прощай, моя луна! Будь вечной и всеобщей.
Лампа ждет меня.
На краю обрыва
готовый день стоит и ждет меня.

Олицетворено живое существо: Обнимемся, пес, мы свободны отныне.

Здесь ясно очерчен не только круг внимания поэта, но и круг его внутреннего общения – это мир его вещей, мир природы. Общение с людьми внешне, случайно, поэт оберегает себя от вторжений: Я так одинока средь сирых угодий, / как будто не есмь, а мерещусь уму.

Сосредоточенность на стиховом слове подчеркнута разными типами повторов – в рядах однородных членов.

И замыкают узко-стройный круг
обмолвки, недомолвки, оговорки.
Приходят *бляки, промельки, ознобы.*
Все *чушь, чешуя*, серебристая *чудь.*

В каждом ряду ценнее всего его цельность, единство, смешение лексических вариантов создает единый образ. Это в большой мере относится и к последнему ряду, построенному на звуковом повторе.

Особенно характерны двучленные ряды. Один из таких типичных рядов – соотнесение антонимов, порой созданных в контексте стиха.

соотносили ласточек крыла
глушь наших мест и странствий *кругосветность* (с.20);
Возлюбим, Лебедин мой, Лебедин,
прокорма *убыль* и снегов *достаток* (с.21)
То *зацелуют*, то *завьют в угол* (с.18)
Изгой и вместе *вседержитель* поля,
он вхож и в небо. Он – Пачевский мой (с.29)
Что *вечности* твоей *мгновенность* дня сего (с.45)
Смеюсь над тем, как безутешно *плачу* (с.46)
Расстанемся, мой простодушный друг,
в стихах – навек, а *наяву – до завтра* (с.48)
Перехожу из *вымысла* в *насущность* (с.54)
Раздвоен мозг: *былой* и *новый* свет,
совпав, его расторгли полушарья (с.55)
Одиночество боли и *общее* шарканье ног (с.57)
насильную жизнь в *безучастное* тело вонзая (с.59)
для *ловли* дум, для *тропы* дней (с.64)
провидит он лишь *высь* трагедий.
Мы видим, как их суть *низка* (с.73)
Труд розы – вдох. Ей не положен *отдых* (с.90)
Лишь в *полночь* меркнет *полдень* бесконечный (с.83)
И белый *день* туманен, *белонощен* (с.95)
Так бел, что опаляет веки
кратчайшей *ночи* долгий *день*(с.123)
И снова ночь. Как удалась мгновенью
такая закись *света и тьма*? (с.128)

Большей частью антонимичные отношения связывают слова одной части речи, но у Б.Ахмадулиной есть и слова разных частей речи с противоположным значением: *одиночество – общее, высь –низка, день – белонощен, двоюродны – ровня.* Интересен контраст слов *слабый – твердый* в следующем контексте: у ведра / воды не выпросишь напиться, / рука *слаба*, вода – *тверда* (с.12), где возникает напряжение сближения слов, различных в своих контекстах.

Второй тип сближений – пары контекстных синонимов. Строчка, стоящая в заглавии статьи: Я – свойство дороги, *черта и подробность*, включает соединенные союзом *и* почти тождественные по смыслу синонимы. Часто слова с общими начальными звуками связаны разными словообразовательными отношениями:

наплывали *разбой и разор* по волнам;
черемухи *вздыхатель, воздыхатель;*
укройся в укрытие, в изгои изыдь;
влюбленный ротозей и воздыхатель пылкий;

строки моей, *потапчик и попутчик*;
так *изгуляет* издали злодей,
иначе б линий, важных для ладони,
истерся смысл и срок давно *истек*;
раздвоен мозг: былой и новый свет,
совпав, его *расторгли* полушарья;
в обмен на *скользь* и *склизь* прикосновений;
дом *причастен* воде и *присвоен* горой;
преклоненье хребта и хвоста *пресмыканья*;
издает *заточенный* в пластмассу *затворник*.

Центральную группу образуют связи по форме, лишенные смысловых связей:

в канун ее *паводков* и *поволок*;
то Гамсуна *пагуба* и *поволока*;
пусть продолжает *путь*;
и *жабры жадные* трудились;
она пришла и сразу затворилось
объятье обоюдной западни;
о *поводырь* моей *повадки* робкой;
сидеть всю ночь и *усидеть* подоле,
я вижу, как *усердье* тополей...;
простертая для здравой *простоты*;
где все *надрыв* и все *навзрыд*;
но *роза розе рознь*;
приладились слова к *Приладожскому* льду;
латуни не нашлось, так сыщется *латынь*;
средь *схемы* световой – такая сила *схимы*;
сумной сумрачной заросли явлена страсть;
и выносит черемухи *остов* и *осыпь*;
фундамент
румяной плоти – *хрупкий хруст костей*;
и уносить сирени *ветвь* и *весть*;
ждет не *хлыста*, а *хльпца*.

Выделенные слова имеют общее звуковое начало. Многочисленны звуковые переклички в корнях – с перестановкой звуков:

добавлю: в нем глубокая *помарка* –
то *мраком* исходил Ладыжинский овраг;
ужель опять *вдоху* их *сумасходный* чад;
двух *розных зорь* неутолима страсть;
насильную *жизнь* в безучастное тело *вонзая*;
преобладанье *призелени* нежной
главенствует в составе *белизны*;
запределен бред
предположенья: вдруг уйти отсюда.
Балы, спектакли, чаепитья, *пренья*;
что выхватить *кинжал* из мягких *ножен*;
так вод холодных *остро серебро*;
ослушанье послушника в ней очевидно;
я *вчуже, южна и чужестранна*;
уже неделя ей. Но – *дрема*, но – *истома*;

в *юродивый* узор, в *уродицу* сирень;
на блюдце роковом *усталый* чай *остыл*;
моим *надбровьем взгорбьем* излучен;
в затылке тяжела твоих внушений *залежь*;
покорно преданось подряд тринадцать дней;
и незачем, ходить! Здесь – *круча* и *обрыв*;
здесь мысль *пространна*, не *стройна*;
и *тварей утвари* игривой
его *вторженье* развлекло;
в *окладе хладных* вод сияет день *младой*.

Выделим однородные сказуемые – глаголы со звуковой перекличкой: Не для того ль тебя я *рыщу* и – *ращу*; *Пленяет* и *меняет* Пашкин ум; К тому, как я *бубню* и *брежу*; Он *рыщет* и *свищет*, и виснут усы.

В именах, образующих пары, связь может ограничиваться только аффиксами, но часто захватывает и основы: Простерли *тщанье* и *уменье*; Дремотою *кружденья* и *качанья*; И обитать в ночи, как *местность* и *окрестность*: Луны моей *сообщник* и *помощник*; Стена ревнива: ни *щедрот*, ни *льгот*; Несчастная! Каких *лекарств, мещанств* / наелась я, чтоб не узнать Гвидона? От *пролаза* воров, от досужего *сглаза*; Все *вещества* и *существа*, / как в угол вдвинутые дети, / понуро жаждут озорства. Иногда звуковые связи организуют не строки, а целые строфы:

Лапландских летних льдов недальняя граница.
Хлад Ладоги глубок и плавен ход ладьи.
Ладони ландыш дан, и ладанка хранится,
И ладен строй души, отверстой для любви.

Меж утомленных век смешались полночь, полдень,
лад, Ладога, ладонь и сладкий сон благой.

Как плавно выступала пава,
Пока была ее пора! –
Опалом пагубным всплывала
и Анной Павловой плыла.

Е.Я. Шмелева, А.Д. Шмелев

ЯЗЫКОВЫЕ ОСОБЕННОСТИ МАЛЫХ ФОРМ СОВРЕМЕННОГО ГОРОДСКОГО ФОЛЬКЛОРА

Хотя анекдот и является основным жанром "современного городского фольклора", он исследован едва ли не менее всех прочих фольклорных жанров. Более того, само выделение анекдота как особого фольклорного жанра нередко подвергается сомнению (см., напр.,

Пропп, 1976). Это не случайно. Используя традиционные методы фольклористики, трудно отграничить анекдоты от родственных повествовательных жанров, с которыми они генетически связаны (бытовые сказки, новеллы и т.п. (ср., напр., Мелетинский, 1989; Юдин, 1989)). Однако даже предварительный анализ современного городского анекдота с лингвистической точки зрения показывает, что анекдоты характеризуются совсем иными языковыми особенностями, нежели повествовательные фольклорные жанры, и по некоторым признакам скорее сближаются с произведениями народного театра.

Хорошо рассказать анекдот – значит не просто осуществить повествование о некотором забавном эпизоде, но представить этот эпизод "в лицах". Рассказывание анекдота – это не повествование, а представление, производимое единственным актером. Текст анекдота часто не дает представления о его строении. Для многих анекдотов первостепенную конструктивную роль играет интонация рассказчика, его мимика и жестикуляция. В ряде случаев именно они создают то, что называется "солью" анекдота (ср., напр., такой анекдот: *Судят человека, разбившего стекло пивного ларька. Он оправдывается: «Написали бы просто: "Пива нет". А то пишут (*имитируя голос раздраженной продавщицы:*) "Пива не-ет! Пива не-ет!»*; ср. также известный анекдот, построенный на различном произнесении фразы *Папа, вышли сто рублей*, анекдоты про *братьев-уродцев* и т. д.). Поэтому явно недостаточным оказывается изучение текста анекдотов, представленного, напр., выходящими в последнее время большими тиражами многочисленными сборниками анекдотов.

Анализируя анекдот, следует четко разграничивать три языковых слоя: 1 – "метатекстовые" вводы; 2 – речь персонажей; 3 – текст "от автора".

"Метатекстовые" вводы (такие фразы, как *Это как в том анекдоте...*, *Ну, ты прямо, как тот муж из анекдота...*, *Это как тот раввин...* или же *Слыхал анекдот о...?*, *Кстати, знаете анекдот...?*, *Давай(те) расскажу анекдот...* и т. п.), как правило, не принадлежат непосредственно к строению анекдота. Однако в некоторых случаях они приобретают статус конструктивно значимого элемента. В частности, это касается анекдотов, рассказываемых в интерактивном режиме (*Знаете самый короткий анекдот? – ...? – Коммунизм. А самый длинный? – ...? – Путь к коммунизму*).

Языковые особенности используемого в анекдотах "текста от автора" обнаруживают коренные отличия от нарратива в повествовательных жанрах фольклора или в устных повествованиях о реальных событиях. В анекдоте все подчинено задачам изобразительности (так

что языковые средства, используемые в анекдотах в "тексте от автора", могут быть отнесены к собственно экспрессивным). В нем совершенно невозможны такие интродуктивные зачины, как *Жил-был...*, *Жил...* или просто *Один мой знакомый...*, *Однажды...* (ср. начало устной новеллы *Вчера муж одной моей подруги пришел с работы и...* или случая из жизни *Тут какой-то грузин заходил, спрашивал...* и начало анекдотов *Приходит муж с работы...* или *Заходит грузин в ресторан...*). Персонажи анекдота, как и персонажи фольклорного театра, не нуждаются в представлении, их число ограниченно, они известны всем носителям языка и представителям данной культуры.

Преимущественное употребление повествователем настоящего времени в анекдотах также связано с особенностями анекдота как театрального жанра: действие как бы разворачивается в данный момент перед глазами зрителей[1]. Помимо настоящего времени в анекдотах ограниченно используется прошедшее время глаголов совершенного вида в результативном значении. Выбор между двумя возможными зачинами: *Приходит муж домой с работы и видит...* и *Пришел муж домой с работы и видит...* – определяется выбором между двумя "режиссерскими" решениями. При первом из них слушатели анекдота как бы видят *мужа*, возвращающегося домой с работы, открывающего дверь, входящего в квартиру и видящего...; при втором – они сразу представляют себе сцену: *мужа*, только что вернувшегося домой с работы и видящего...

Таким образом, типичное начало анекдота – предложение, начинающееся глаголом в настоящем времени, за которым следует подлежащее, а затем – все второстепенные члены предложения. Такой порядок слов столь характерен для анекдота, что воспринимается, как его отличительный признак. По существу именно такой способ рассказывания и составляет то единственное, что заставляет воспринимать так называемые "абстрактные анекдоты" (вроде следующего: *Летит стая крокодилов. Один говорит: "Второй четверг летим, а все пятница"*) именно как анекдоты. Характерна в этой связи оговорка, сделанная в одной из газетных статей ("Вечерняя Москва", ноябрь 1996 г.). Автор пишет нечто вроде: *Сидит Штирлиц в ресторане*, – и считает необходимым пояснить: *Это я не анекдот рассказываю, а пересказываю эпизод из фильма "Семнадцать мгновений весны"*.

Говоря о речи персонажей анекдотов следует иметь в виду, что все "роли" в анекдоте исполняются одним "актером" – рассказчиком анекдота. Никаких костюмов, масок или кукол, как в народном театре, не предполагается. Следовательно, персонажи должны быть узнаваемы по речевым особенностям, которые тем самым играют роль своего

рода языковой маски соответствующего персонажа[2]. Именно поэтому число персонажей в анекдотах ограниченно, и современный городской анекдот характеризуется относительно постоянным набором возможных персонажей (около четырех-пяти десятков), имеющих стабильные речевые характеристики. Это представители некоторых народов и этнических меньшинств (*русский*, *американец*, *француз*, *англичанин*, *немец*, *болгарин*, *китаец*, *негр*; *грузин*, *чукча*, *еврей*, *украинец*), политические деятели (*Брежнев*, *Хрущев*, *Ленин*, *Дзержинский*, *Сталин*, *Берия*, *Кеннеди*, *Миттеран* и нек. др.), герои телевизионных фильмов (*Штирлиц*, *Мюллер*, *Шерлок Холмс*, *Ватсон*, *Чебурашка*, *крокодил Гена* и др.), а также такие герои, как *муж*, *жена*, *любовник*, *начальник*, *секретарша*, *профессор*, *аспирант(ка)*, *студент(ы)*, *Вовочка*, *учительница*, *милиционер(ы)*, *новый русский*, *прохожий* и т.п., а также некоторые животные (*медведь*, *волк*, *лиса*, *заяц* и некоторые другие).

Особенно яркие речевые характеристики, как и следует ожидать, отличают персонажей анекдотов об этнических меньшинствах. "Представление" соответствующего персонажа уже само по себе предполагает имитацию "неисконной" русской речи.

К наиболее часто имитируемым в анекдотах особенностям "неисконной" русской речи, конечно, относится акцент и типичные грамматические ошибки. Имитация такого рода представляет собою всего лишь языковую маску и не является семантически и прагматически нагруженной. Она сама по себе может порождать комическую ситуацию и быть объектом насмешки, как в серии анекдотов про грузинскую школу (напр., *Учитель спрашивает: "Как называется балшой полосатый мух?" "Ос!" – отвечают дети. "Нэправилна, – говорит учитель, – балшой полосатый мух – это шмэл, а ос – это палка, вокруг которой вертится земля"*).

Помимо акцента и типичных грамматических ошибок сюда относится интонация, склонность к использованию определенных частиц, этикетных формул, диалогические стратегии и т.д. При этом рассказчик обычно не ставит себе задачи фотографически точно воспроизвести "неисконную" русскую речь. Речь скорее идет об использовании своеобразных условных сигналов, создающих соответствующий речевой образ. Так, говоря о склонности персонажей к использованию прагматически насыщенных частиц, можно отметить, что для *грузин* это произносимое с особою интонацией вопросительное *Да?*, для *чукчей* – слово *однако*, для *евреев* частица *таки*. Склонность к чрезмерному (с точки зрения русских речевых стереотипов) использованию соответствующих языковых средств также может играть решающую роль в создании комической ситуации, как в анекдоте о

грузинской и еврейской кошке: *Мяу, да?* – говорит грузинская кошка, и еврейская отвечает: *Таки мяу!*

Особый интерес представляют случаи, когда использование той или иной единицы определенным образом коррелирует с какими-то чертами характера, приписываемыми в анекдотах соответствующему этническому и языковому меньшинству.

Для речевой характеристики *грузина* как героя анекдотов характерно, как уже говорилось, использование *да?* (в том числе противоречащее русской литературной норме употребление *да?* при императиве), обращение на *ты* в разговоре с незнакомым человеком, частое употребление побудительных предложений и риторических вопросов. Все это выражает установку грузина на контакт и взаимопонимание с собеседником. Обратиться с просьбой, дать совет, пригласить вместе подумать над каким-либо вопросом для грузина в анекдотах значительно важнее, нежели просто сообщить что-то.

Стандартной речевой характеристикой *чукчи* в анекдотах является слово *однако*, соответствующее общему внутреннему состоянию чукчи в анекдотах – пассивному изумлению перед окружающим миром и недоумению человека, столкнувшегося с непривычной для него цивилизацией. Этой же цели служит и свойственное чукче в анекдотах обозначение себя в третьем лице. Словарный запас чукчи в анекдотах беден, он ограничивается словарем-минимумом, состоящим из самых простых и употребительных слов, а выход за пределы такого словарного запаса воспринимается как маркированный и создает добавочный комический эффект. Чукчи в анекдотах, как и грузины, чаще всего обращаются к собеседнику на *ты*, однако для них функция такого способа обращения несколько иная: это как бы речь ребенка или человека, почти не затронутого цивилизацией и условностями этикета.

Евреи в анекдотах характеризуются свойствами, в корне отличными от грузин и чукчей, и это подчеркивается их речевыми характеристиками.

Для *еврея* как героя анекдота характерна частица *таки*, служащая показателем установки, во многом противоположной той установке, которая лежит в основе использования *однако*. Использование *таки* хорошо отвечает установке человека, все знающего наперед и любящего (иногда с некоторым занудством) подчеркнуть, что его предвидения оправдались, несмотря на возможные сомнения. Именно такая установка характерна для еврея как героя анекдота, и не случайно именно *таки* (особенно в сочетании *таки да*) служит одним из самых характерных признаков еврея в анекдотах.

Евреи в анекдотах во многом следуют особому "речевому этикету", придающему их речи специфический "национальный колорит": отвечают вопросом на вопрос, ценят выражение сочувствия выше, чем комплименты собеседнику, при упоминании любого лица считают необходимым дать ему оценку, обычно в форме пожелания и т. д. Характерна также манера начинать вопрос с союза *и*. Указанные речевые особенности также подчеркивают характерные черты образа еврея в анекдоте.

Если *грузины* и *чукчи* в анекдотах обращаются к незнакомому собеседнику на *ты*, то *евреи* используют более формальное обращение на *вы*, и это, разумеется, не случайно. Евреям в анекдотах не свойственна ни панибратская манера грузин, ни первобытная незатронутость цивилизацией, свойственная чукчам. Как и грузинам, евреям в анекдотах свойственна установка на контакт с собеседником, что подчеркивается постоянной апелляцией к слушателю, однако ценен для еврея не контакт сам по себе, а возникающая при этом "задушевность": контакт ценится, поскольку дает возможность выразить сочувствие и самому оказаться объектом сочувствия. Еврей в анекдоте может не только осуществлять референцию к самому себе при помощи местоимения первого лица, но и, как чукча, называть себя в третьем лице – *бедный еврей*, однако функция такого самообозначения совсем иная, нежели в случае с чукчами. Если чукча сам удивленно глядит на себя со стороны, то еврей приглашает собеседника или домысливаемого наблюдателя посмотреть на него и "посочувствовать".

Еврей в русском анекдоте – хороший семьянин, для него очень важна его жена, дети и вообще все многочисленные родственники. Приверженность семейным связям подчеркивается средствами, при помощи которых еврей осуществляет референцию к своим родственникам, в частности к жене: *моя Сарочка* вместо *моя жена* или *Сара*. Если выбор обозначения *моя жена* или использования имени существенным образом зависел бы от степени знания адресата о семейной жизни говорящего (напр., использование имени нежелательно в случае, когда адресат речи не знаком с референтом имени), то обозначение типа *моя Сарочка* оказывается универсальным, будучи одновременно достаточно информативным (подобно выражению *моя жена*) и достаточно интимным, чтобы выразить теплые чувства говорящего по отношению к жене.

Если *грузины*, *чукчи* и *евреи* в анекдотах говорят по-русски, а этноязыковая принадлежность персонажа подчеркивается при помощи специальных вкраплений, то *украинцы* в анекдотах говорят

по-украински – в той мере, в какой рассказчик в состоянии имитировать украинскую речь. Украинский язык в анекдотах воспринимается как нарочитое искажение русского языка, и желание пользоваться им вызывается в первую очередь злонамеренностью украинцев (как в анекдоте: *Москали е?* – *Немае* ('Русские есть? – Нет'). – *Тогда будем говорить по-русски*). Тем самым, использование украинского языка добавляет дополнительный элемент в набор отрицательных характеристик украинца (как это часто бывает, хотя украинцы наиболее близки русским по культуре, истории и языку, наиболее злые русские анекдоты – это именно анекдоты об украинцах[3]).

Особенно показателен сопоставительный анализ речи персонажей, выполняющих в анекдотах на первый взгляд сходные или тождественные функции. Так, роль главного героя существующей у самых разных народов серии "Анекдоты о богачах" в раннесоветское время выполнял *еврей*, затем – *грузин*. В настоящее время эта роль принадлежит *новому русскому*, а до революции главным героем таких анекдотов был *загулявший купец*. Однако речь указанных персонажей имеет мало общего, и это соответствует глубоким различиям в их характере (*грузин* – бонвиван, любящий пустить пыль в глаза и использующий свое богатство для того, чтобы наслаждаться жизнью; *новый русский* тяготится своим богатством, не знает, что с ним делать; *загулявший купец* ищет способа заглушить охватывающую его тоску; наконец, в отличие от других персонажей русских анекдотов про богачей, *евреи* в анекдотах не демонстрируют свое богатство, а стараются скрыть его).

Поэтому легко можно распознать случаи, когда происходит подстановка одного персонажа на место другого в известный анекдот, напр., когда старые анекдоты о купцах, богатых евреях или грузинах модернизируют, рассказывая как анекдоты о новых русских. Логика сюжета диктует характер персонажа, а поскольку персонажи выбираются из ограниченного, заданного изначально набора, позволяет его идентифицировать.

Вообще варьирование тех или иных деталей анекдота заслуживает отдельного изучения. Не останавливаясь подробно на типах такого варьирования, приведем лишь один пример. Известен анекдот о том, как муж, вернувшись домой из гостей, рассказывает, что в доме, в котором он был, унитаз из золота. Жена идет туда, чтобы посмотреть на такое чудо, а хозяева говорят: "Это жена того идиота, который нам нагадил в саксофон". В такой версии в анекдоте нет ничего специфически еврейского, его персонажи – это просто *муж*, *жена*, их знакомые. Но существует и "еврейская" версия этого анекдота: *Абрам*

приходит домой поздно и говорит жене: "Сара, я не могу спать, я не могу есть, я не могу жить, я сегодня был у Изи, я не могу жить, у Изи золотой унитаз!" И говорит так ей всю ночь. Наутро Сара не выдерживает и идет к Изе. Дверь открывает жена Изи. Сара говорит: "Простите, но мне мой муж сказал, что у вас-таки совершенно золотой унитаз, он не может жить, я тоже не могу жить, наши дети не могут жить уже давно, жить в этой стране вообще невозможно, у вас есть золотой унитаз или что вы тут мне говорите, можно я на него-таки погляжу?" Жена Изи оборачивается и кричит вглубь квартиры: "Изя, иди скорее сюда, это пришла жена того идиота, который тебе вчера наделал в саксофон!" То, что персонажи – евреи, ярко проявляется в их речи и было бы очевидно для любого слушателя, даже если бы им не были даны (типичные для еврейских персонажей русских анекдотов) имена *Абрам* и *Сара*.

Этот пример иллюстрирует тот факт, что персонажи легко узнаваемы – в частности, благодаря специфическим особенностям речи, т. е. используемой языковой маске. Однако к "узнаваемости" дело не сводится. Особенности речи оказываются одним из важнейших средств, позволяющих выпукло представить систему внутренних установок персонажа. Система образов персонажей русского анекдота с высокой степенью надежности может быть реконструирована на основе наблюдений над особенностями их речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Некоторым исключением может показаться серия анекдотов о Штирлице, рассказываемая в прошедшем времени, напр.: *Штирлиц склонился перед картой Советского Союза. Его неудержимо рвало на родину.* Однако исключение лишь кажущееся, поскольку такие анекдоты рассказываются не от лица рассказчика анекдота, а от лица "закадрового голоса", который также является одним из "персонажей" анекдотов о Штирлице; а на использование глагольных времен в речи персонажей анекдота ограничений не накладывается.

[2] Понятие "языковой маски" было, по-видимому, впервые введено в статье (Винокур, 1936) и подробно разработано на материале комедии "Горе от ума" в статье (Винокур, 1959). Именно в анекдотах был отчасти реализован прогноз Г. О. Винокура относительно создания "особых театральных масок, которые будут различаться не по костюму, ...а по языку" (цитируется по: Винокур, 1990, с.356).

[3] Характерен также анекдот, в котором описывается, как собравшимся в зале представителям разных народов задают вопросы: "Какой народ самый глупый?" Единодушный ответ: "Чукчи!" – "А какой народ самый ленивый?" – "Русские!" – "А какой народ самый жадный?" – "Евреи!" – "А какой народ соединяет в себе все эти три качества?" Молчание, а затем голос из зала: "Затэ мы спиваемо гарно!" (т.е. 'зато мы хорошо поем'). Украинцы прямо не называются, но имитация украинской речи не оставляет сомнений в том, кто имеется в виду.

ЛИТЕРАТУРА

Винокур Г.О. Язык "Бориса Годунова" // "Борис Годунов" Пушкина. Л. 1936.

Винокур Г.О. "Горе от ума" как памятник русской художественной речи // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М. 1959.

Винокур Г.О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М. 1990.

Мелетинский Е.М. Сказка-анекдот в системе фольклорных жанров// Жанры словесного текста. Анекдот. Таллинн. 1989.

Пропп В.Я. Жанровый состав русского фольклора // В.Я.Пропп. Фольклор и действительность. М. 1976.

Юдин Ю.И. Народный анекдот, смежные фольклорные жанры, литература // Жанры словесного текста. Анекдот. Таллинн. 1989.

IV

К ПОСТИЖЕНИЮ ЛИЧНОСТИ И БИОГРАФИИ Г.О. ВИНОКУРА

Г.С. Баранкова

К ИСТОРИИ МОСКОВСКОГО ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО КРУЖКА: Материалы из Рукописного отдела Института русского языка

Имя Г.О.Винокура тесным образом связано в ранний период его научной деятельности с Московским лингвистическим кружком (МЛК). Созданный по инициативе группы студентов-лингвистов Московского университета при поддержке Ф.Е.Корша и А.А.Шахматова в 1915 г. и просуществовавший до 1924 г., Кружок стал "центром формирования новых взглядов в языкознании, которые пришли на смену сравнительно-историческому, младограмматическому в своих основных чертах, направлению, господствовавшему в Московском университете и вообще в лингвистике конца XIX – начала XX вв." (Цейтлин, 1965, с.17) .

Новаторство молодых ученых выразилось в поиске новых методов лингвистических исследований, собирании и расширении привлекаемого для исследований материала. Особый интерес вызывало у кружковцев изучение живых современных языковых явлений. Большое внимание уделялось поискам и записям диалектологического и этнографического материала. Кружковцы понимали свое объединение как своеобразную лабораторию, где его члены общими усилиями вырабатывали основные научные методы, оригинальные подходы и новые точки зрения по обсуждаемым вопросам. По их собственным отзывам, "линия поведения Кружка обозначилась вполне определенно как курс на революцию в области методологии филологических дисциплин". Основной формой проведения заседаний были до-

клады или сообщения по той или иной проблематике (лингвистике, этнографии, фольклору), которые горячо обсуждались. В ходе этих дискуссий и вырабатывалась коллективная точка зрения, не всегда, впрочем, всеми разделяемая. Не отвергалось сотрудничество Кружка с другими научными организациями, которые активно действовали в 20-е годы, в их числе Московская диалектологическая комиссия, Лингвистическое общество при Московском университете, Общество изучения поэтического языка (ОПОЯЗ) и др. МЛК выполнял также отдельные задания Научного отдела Наркомпроса.

Г.О.Винокур в разные годы входил в Президиум Кружка, был его секретарем, а также председателем (с октября 1922 по март 1923 г.). В обязанности секретаря входило ведение протоколов заседаний и делопроизводство, в связи с чем значительная часть протоколов МЛК написана рукой Г.О.Винокура. Винокур был деятельным членом Кружка: он был одним из авторов прочитанного на заседании 20 мая 1919 г. доклада «Опыт формального анализа повести "Нос"» (совместно с П.Г.Богатыревым, Р.О.Якобсоном, А.А.Буслаевым, О.М.Бриком), произнес вступительное слово при обсуждении книги Ф. де Соссюра "Курс общей лингвистики" (F. de Saussure "Cours de linguistique générale"), активно участвовал в прениях. В частности, судя по материалам МЛК из Института русского языка, где хранится значительная часть его архива, он участвовал в прениях по следующим докладам:

О.М.Брик "О поэтическом эпитете", "Четырехстопный хорей с дактилическими окончаниями","Проблема пролетарской поэзии";

П.Г.Богатырев "О народных анекдотах", «О "Гусаре" Пушкина»;

А.А.Буслаев «К сюжетосложению "Идиота" Достоевского»;

В.М.Жирмунский "Композиция лирических стихотворений";

М.М.Кенигсберг «Опыт анализа понятия "стих"»;

Е.Н.Коншина "История литературы как наука (По поводу книги А.С.Архангельского (Введение в историю русской литературы)";

Б.О.Кушнер "О языках малых народностей и языковой политике";

С.Я.Мазэ "Исследование ритма";

М.Н.Петерсон "Синтаксические взгляды Корша";

Ю.М.Соколов "Сообщение о современных народных легендах";

В.Б.Шкловский "Сюжетосложение в кинематографическом искусстве", «"Тристрам Шенди" Стерна»;

Р.О.Якобсон "О поэтическом языке произведений Хлебникова";

Б.И.Ярхо "Евфоника сербских двенадцатисложных заплачек".

Заседания МЛК проходили в Лубянском проезде (д.3, кв.10). В том же доме (кв.12) жил В.В.Маяковский, а в соседнем подъезде – Г.О.Винокур.

Как было сформулировано в Уставе МЛК 1919 г., "Кружок имеет своей задачей всестороннее изучение вопросов лингвистики и этнографии. Данная область филологической науки Кружком понимается в самом широком смысле: сюда входят и исторические проблемы, и проблемы современного языка и быта, а также вопросы поэтического языка и приемов художественного творчества. Особое внимание Кружок обращает на живые современные явления, относящиеся к указанным областям науки". В новой редакции Устава 1922 г. задачи были сформулированы более кратко: "Кружок с первых шагов своей деятельности поставил своей целью разработку как общетеоретических, так и специальных вопросов науки о языке и смежных с ней дисциплин". Одну из своих главных задач кружковцы видели в широкой популяризации научных знаний и выработке новых методов. Занимались они и практической деятельностью: участвовали в перестройке преподавания русского языка в советской школе, а также в проведении орфографической реформы 1918 г. Активно боролись за чистоту и культуру речи.

Г.О.Винокур в статье "Московский линвгистический Кружок" отмечал, что члены МЛК видели в лингвистике науку "как о практическом, так и о поэтическом языке" (Винокур, 1922, с.290), а Р.О.Якобсон и П.Г.Богатырев указывали на расхождения, имеющиеся у филологов, группирующихся вокруг Петроградского общества изучения поэтического языка и МЛК, стоящих на новаторских позициях "строго формального анализа": "В то время как Московский лингвистический кружок исходит из того положения, что поэзия есть язык в его эстетической функции, петроградцы утверждают, что поэтический мотив далеко не всегда является развертыванием языкового материала. Далее, в то время как один доказывает необходимость социологического обоснования истории развития художественных форм, другие настаивают на полной автономии последней" (Якобсон, Богатырев, 1923, с.31).

Несмотря на то, что научное наследие МЛК оказало большое влияние на развитие отечественной и зарубежной науки, его материалы в полном объеме не введены в научный оборот, а история Кружка до сих пор не написана[1].

В связи с тем, что Кружок испытывал трудности с публикациями, многие его материалы остались неизданными, а архив оказался разрознен и находится в разных хранилищах: в РГАЛИ и РО ИРЯ РАН.

Материалы Московского лингвистического кружка (ф. 20, 18 единиц хранения, свыше 400 листов) поступили в РО ИРЯ в марте 1972 г. от Б.В.Горнунга, бывшего в разные годы библиотекарем и

хранителем материалов МЛК, а также секретарем, казначеем и товарищем председателя. В большинстве своем это рукописные материалы, написанные на листах большого формата (35,5×22 см). В основном они представляют собой протоколы заседаний МЛК за 1919–1923 гг., Устав МЛК в редакции 1919, 1922 гг. и материалы к нему, отчеты о деятельности МЛК за 1918–1923 гг. и другие документы, относящиеся к работе МЛК: черновые заметки о текущих делах, заявления, докладные записки, поданные в президиум МЛК, тезисы и программы докладов членов. В связи с тем, что первоначально Кружок состоял при Московской диалектологической комиссии, среди материалов МЛК, хранящихся в РО ИРЯ, имеется также два протокола ее заседаний, посвященных обсуждению работы С.О.Карцевского "Система русского глагола".

Рукописные материалы МЛК различаются по внешнему виду: от хорошо сохранившихся протоколов, написанных четким почерком и темными чернилами, до угасающих машинописных текстов и черновиков протоколов, написанных карандашом. Протоколы содержат перечень присутствующих, фамилии председателя и секретаря, повестку дня заседания и запись обсуждения докладов и сообщений. Тексты самих докладов первоначально прилагались к протоколам, но в настоящее время в РО ИРЯ отсутствуют. Отчеты о деятельности МЛК составлялись довольно кратко и содержат в основном перечень прочитанных за год докладов и сообщений, позволяющий тем не менее судить о продуктивности работы Кружка.

Так, за академический 1918–1919 г. в Кружке было сделано и обсуждено 17 докладов, с конца февраля 1919 по конец февраля 1920 г. – 32 доклада, с начала марта 1920 по 1 марта 1921 г. – 23 доклада, с 1 марта 1921 по 1 марта 1922 г. – 35, с 1 марта 1922 по 1 марта 1923 г. – 16, с 1 марта по 27 сентября 1923 г. – 5 докладов.

Протоколы можно условно разделить на две большие группы: содержащие обсуждения докладов и отражающие научно-организационную деятельность Кружка.

Ниже мы приводим краткую опись собранных в 20 фонде материалов, публикуем Устав МЛК и список лиц, выступавших на его заседаниях.

Краткое описание материалов Московского лингвистического кружка (отдел рукописей ИРЯ РАН, ф. 20)

Опись не является полистной, ее назначение – дать общий обзор хранящихся в Отделе рукописей ИРЯ РАН документов. Следует иметь в виду, что номера единиц хранения, а также номера самих документов были

присвоены при их первоначальном приеме в Отдел рукописей ИРЯ РАН и в ходе начатой в настоящее время архивной обработки материалов могут быть изменены. В предлагаемой описи под единицей хранения понимается комплекс документов, относящихся к определенному типу источников, например, протоколы МЛК за 1919 г., то же за 1920 г., Отчеты о деятельности МЛК, Сметы МЛК и т.п., номер после единицы хранения указывает на порядковый номер документа в составе данной единицы хранения (например, ед. хр. 2. № 12 укакзывает, что перед нами документ, который входит в состав 2-ой единицы хранения под № 12. Римская цифра при единице хранения указывает, что ее документы подразделяются на два раздела).

Ед. хр. 1. Личный состав МЛК. Машинопись, 9 лл. (Справка, составленная Б.В.Горнунгом и В.И.Нейштадтом 6 января 1956).

Ед. хр. 2. I. Протоколы заседаний Московской диалектологической комиссии. Рукописи, 4 лл.[2]

Ед. хр. 2.I. № 1. Протокол 106 заседания Московской Диалектологической комиссии от 7 февраля 1918 г. (В Канцелярии Исторического музея). Рукопись, 2 лл.

Повестка дня: избрание в члены Комиссии П.А.Расторгуева. Доклад С.О.Карцевского "Система русского глагола".

В обсуждении приняли участие Д.Н.Ушаков, Н.Н.Дурново, Р.О.Якобсон, М.Н.Петерсон, Ф.Н.Афремов, Н.Н.Соколов, М.И.Карнеев, А.А.Буслаев.

Ед. хр. 2.I. № 2. Протокол 112 заседания Московской Диалектологической комиссии от 17 мая 1918 г. (В Канцелярии Исторического музея). Рукопись, 2 лл.

Заседание было посвящено обсуждению доклада С.О.Карцевского на 106 заседании Московской Диалектологической комиссии 7 февраля 1918 г. (см. ф. 20. 2.I. №1).

В дискуссии приняли участие Н.Н.Дурново, А.Мазон, А.М.Пешковский, Р.О.Якобсон, М.Н.Петерсон, Н.Н.Соколов, М.Н.Карнеев, Д.Н.Ушаков, С.О.Карцевский.

Ед. хр. 2. II. Протоколы заседаний МЛК за 1919 г. Рукопись, 50 лл., 4 лл. машинопись.

Ед. хр. 2. II. № 1. Протокол заседания МЛК от 5 апреля 1919 г. Рукопись, 2 лл.

Доклад Н.Ф.Яковлева на тему "Русская историческая лирика XVI–XVII веков".

В прениях по докладу приняли участие Ю.М.Соколов, Б.М.Соколов, Р.О.Якобсон.

Ед. хр. 2. II. № 2. Протокол заседания МЛК от 12 апреля 1919 г. Рукопись, 4лл. разного формата.

Доклад О.М.Брика "О поэтическом эпитете".

В прениях по докладу приняли участие Г.О.Винокур, В.И.Нейштадт, А.А.Буслаев, Р.О.Якобсон, И.Н.Розанов.

Ед. хр.2. II. № 3. Протокол заседания МЛК от 20 апреля 1919 г. Машинопись, 4 лл., рукопись, 2 лл.

Доклад П.Г.Богатырева "О народных анекдотах".

В прениях по докладу выступили В.И.Нейштадт, Р.О.Якобсон, А.А.Буслаев, О.М.Брик, Г.О.Винокур.

Ед. хр. 2.II. № 4. Протокол заседания МЛК от 25 апреля 1919 г. Рукопись, 1 л.

Два доклада П.Г.Богатырева «О "Гусаре" А.С.Пушкина» и "Труд Познанского о заговорах".

В обсуждении первого доклада приняли участие О.М.Брик, В.И.Нейштадт, Г.О.Винокур, Р.О.Якобсон. В прениях по второму докладу выступили О.М.Брик, Р.О.Якобсон, В.И.Нейштадт.

Ед. хр. 2. II. № 5. Протокол заседания МЛК от 11 мая 1919 г. Рукопись, 2 лл..

Доклад Р.О.Якобсона "О поэтическом языке произведений Хлебникова".

В прениях по докладу выступили П.Г.Богатырев, О.М.Брик, А.А.Буслаев, Г.О.Винокур, Ф.М.Вермель, В.И.Нейштадт[3].

Ед. хр. 2. II. № 6. Протокол заседания МЛК от 17 мая 1919 г. Рукопись, 2 лл.

Сообщение Ю.М.Соколова о народных легендах, связанных с текущими событиями.

В дискуссии выступили Р.О.Якобсон, О.М.Брик, М.Н.Петерсон, Б.В.Горнунг, А.А.Буслаев, В.И.Нейштадт.

Ед. хр. 2. II. № 7. Протокол заседания МЛК от 20 мая 1919 г. Рукопись, 1 л. (черновик) с замечаниями на отдельных листах разного формата (16 лл.).

В повестке дня выборы в члены МЛК Б.Ю.Соколова. Доклад (П.Г.Богатырева, Г.О.Винокура, Р.О.Якобсона, А.А.Буслаева, О.М.Брика) «Опыт формального анализа повести "Нос"».

В обсуждении выступили Н.Ф.Яковлев, О.М.Брик, П.Г.Богатырев, А.А.Буслаев, Р.О.Якобсон, Г.О.Винокур.

Ед. хр. 2 II. № 8. Протокол заседания МЛК от 25 мая 1919 г. Рукопись, 2 лл.

Продолжение сообщения Ю.М.Соколова о современных народных легендах (см. протокол заседания МЛК от 17. 05. 1919 г. – ед. хр. 2. II. № 6).

В дискуссии выступили О.М.Брик, В.И.Нейштадт, Ю.М.Соколов, Р.О.Якобсон, Г.О.Винокур.

Ед. хр. 2. II. № 9. Протокол заседания МЛК от 19 июня 1919 г. Рукопись, 2 лл.

Доклад Б.И.Ярхо «Трохаические тетраметры в "Каролингских ритмах"».

В дискуссии приняли участие О.М.Брик, С.П.Бобров, Б.В.Томашевский, Р.О.Якобсон.

Ед. хр. 2. II. № 10. Протокол заседания МЛК от 21 июня 1919 г. Рукопись, 1 л.

Сообщение Р.О.Якобсона об издательских делах МЛК, о новой редакции Устава Кружка, составленной Г.О.Винокуром, предложения Р.О.Якобсона о баллотировке Б.В.Томашевского и Б.И.Ярхо в члены Кружка, о выборе

заместителя председателя, о вакансиях на место технического редактора и библиотекаря и постановляющие части по этим вопросам.

Ед. хр. 2. II. № 11. Протокол заседания МЛК от 28 июня 1919 г. Рукопись, 22 л. (1 л. чистый).

Доклад С.П.Боброва "Об установлении влияний" (Речь идет о влиянии в поэзии – Пушкин, Некрасов, Белый, Тредьяковский, Сумароков).

В обсуждении доклада участвовали О.М.Брик, Р.О.Якобсон.

Ед хр. 2. II. № 12. Протокол заседания МЛК (от 1 сентября 1919 г.). Рукопись, 2 лл.

В повестке дня утверждение плана работы совместного издательства МЛК и петроградской группы филологов, работающих в "Сборнике по теории поэтического языка". Избрание В.Б.Шкловского членом Кружка. Доклад В.Б.Шкловского "Сюжетосложение в кинематографическом искусстве".

В прениях по докладу выступили Г.О.Винокур, О.М.Брик, Б.В.Томашевский, Р.О.Якобсон[4].

Ед. хр. 2. II. № 13. Протокол заседания МЛК от 23 сентября 1919 г. Рукопись, 2 лл.

Доклад Р.О.Якобсона "Образчик научного шарлатанства (По поводу "Науки о стихе" В. Брюсова)".

В дискуссии выступили О.М.Брик, С.П.Бобров, Б.В.Томашевский, Р.О.Якобсон.

Ед. хр. 2. II. № 14. Протокол заседания МЛК от 9 октября 1919 г. Рукопись, 1 л.

Доклад А.А.Буслаева "Из синтаксической методологии".

В обсуждении участвовали М.Н.Петерсон, Р.О.Якобсон.

Ед. хр. 2. II. № 15. Протокол заседания МЛК от 18 октября 1919 г. Рукопись, 2 лл.

Р.О.Якобсон докладывает о рецензии В.Иванова на его статью "Брюсовская стихология и наука о стихе" и свою контррецензию. Избрание в члены кружка Б.О.Кушнера и С.П.Боброва. Доклад С.П.Боброва "О поэтическом языке Брюсова".

В обсуждении доклада участвовали М.Н.Петерсон, П.Г.Богатырев, Р.О.Якобсон, Б.Н.Томашевский.

Ед. хр. 2. II. № 16. Протокол заседания МЛК от 25 октября 1919 г. Рукопись, 7 лл. разного формата.

Доклад О.М.Брика "Четырехстопный хорей с дактилическими окончаниями".

В прениях приняли участие А.А.Буслаев, П.Н.Сакулин, Б.В.Томашевский, Г.О.Винокур.

Ед. хр. 2. II. № 17. Протокол заседания МЛК от 1 ноября 1919 г. Рукопись, 1 л.

Доклад М.Н.Петерсона "О синтаксисе Ягича".

В обсуждении участвовали А.А.Буслаев и Р.О.Якобсон.

Ед. хр. 2. II. № 18. Протокол заседания МЛК от 9 декабря 1919 г. Рукопись, 1 л.

В повестке дня оргвопросы (о наведении порядка в библиотеке Кружка, об отчислении в пользу Кружка 3% от тех сумм, которые члены Кружка получают из различных учреждений, выборы казначеем Кружка А.А.Буслаева, вопрос о создании при Кружке бюро труда по распределению филологической работы между членами Кружка и др.). Доклад С.Я.Мазэ "Из истории ашкиназского наречия еврейского языка".

В обсуждении доклада приняли участие Р.О.Якобсон и А.А.Буслаев.

Ед. хр. 2. II. № 19. Протокол заседания МЛК от 19 декабря 1919 г. Рукопись, 2 лл.

Доклад Б.О.Кушнера "О языках малых народностей и языковой политике".

В обсуждении доклада приняли участие А.А.Буслаев, Р.О.Якобсон, Д.Е.Аркин, Г.О.Винокур.

Ед. хр. 2. II. № 20. Протокол заседания МЛК от 23 декабря 1919 г. Рукопись, 2 лл.

Доклад О.М.Брика "Проблема пролетарской поэзии".

В прениях по докладу выступили Ю.М.Соколов, М.Д.Эйхенгольц, А.А.Буслаев, И.Г.Голанов, Г.О.Винокур, Р.Н.Гринберг, М.М.Кенигсберг, Р.О.Якобсон, Н.Н.Пунин.

Ед. хр. 3. Протоколы заседаний МЛК за 1920 г. Рукопись, 39 лл.

Ед. хр. 3. №1. Протокол заседания МЛК от 7 февраля 1920 г. Рукопись, 1 л. (нестандартного формата).

Сообщение Р.О.Якобсона о его поездке совместно с Г.О.Винокуром в Петроград и его впечатления о филологической жизни Петрограда.

Ед. хр. 3. № 2. Протокол заседания МЛК от 13 февраля 1920 г. Рукопись, 1 л. (нестандартного формата).

В повестке дня оргвопросы (заявление О.М.Брика о возможности работы для членов Кружка в Литературном отделе Наркомпроса, сообщение Г.О.Винокура о программе юбилейного заседания Кружка на 29 февраля). Доклад Б.В.Томашевского "О ритме пушкинской прозы"[5].

В связи с поздним временем заседания прения по докладу не проводились[6].

Ед. хр. 3. № 3. Протокол заседания МЛК от 21 февраля 1920 г. Рукопись, 1 л.

Доклад В.Б.Шкловского «"Тристрам Шенди" Стерна».

В обсуждении участвовали А.А.Буслаев, М.Н.Петерсон, Г.О.Винокур, Т.М.Левит.

Ед. хр. 3. № 4. Протокол заседания МЛК от 29 февраля 1920 г., посвященного 5-летнему юбилею Кружка и пятилетней годовщине смерти Ф.Е.Корша. Рукопись, 1 л.

С воспоминаниями о Ф.Е.Корше и мыслями о деятельности Кружка выступили А.А.Грушка, А.А.Буслаев, Г.О.Винокур, Д.Н.Ушаков, Б.М.Соколов, П.Г.Богатырев, В.Б.Шкловский. М.Н.Петерсон сделал доклад "Синтаксические взгляды Корша".

В обсуждении доклада участвовали Г.О.Винокур, А.А.Буслаев, М.Н.Петерсон, В.Б.Шкловский.

Ед. хр. 3. № 5. Протокол заседания МЛК от 7 марта 1920 г. Рукопись, 1 л.

Доклад В.И.Авдиева "Вера в магическую силу слова и имени в мировоззрении древних египтян".

В обсуждении доклада приняли участие А.А.Буслаев, П.Г.Богатырев, М.Н.Петерсон.

Ед. хр. 3. № 6. Протокол заседания МЛК от 14 марта 1920 г. Рукопись, 2 лл.

Доклад Г.Г.Шпета "Эстетические моменты в структуре слова".

В прениях по докладу выступили О.М.Брик, М.Н.Петерсон, Д.Н.Ушаков.

Ед. хр. 3. № 7. Протокол заседания МЛК от 21 марта 1920 г. Рукопись, 3 лл., + 2 лл. (черновик).

В повестке дня избрание помощником секретаря Кружка Б.В.Горнунга. Доклад А.А.Буслаева «К сюжетосложению "Идиота" Достоевского».

В обсуждении доклада принимали участие М.М.Кенигсберг, М.А.Петровский, Т.М.Левит, Г.О.Винокур, П.Г.Богатырев, Р.О.Шор, М.Н.Петерсон.

Ед. хр. 3. № 8. Протокол заседания МЛК от 4 апреля 1920 г. Рукопись, 4 лл.

Доклад Е.Н.Коншиной «История литературы как наука (По поводу книги А.С.Архангельского "Введение в историю русской литературы")».

В обсуждении доклада принимали участие О.М.Брик, Ю.М.Соколов, Г.О.Винокур, А.А.Буслаев, М.М.Кенигсберг, М.Н.Петерсон, П.Г.Богатырев, Г.Г.Шпет.

Ед. хр. 3. № 9. Протокол заседания МЛК от 25 апреля 1920 г. Рукопись, 4 лл. (1л. чистый).

Председатель кружка Р.О.Якобсон выносит на обсуждение проект организации архива по собиранию различных явлений "в области современного живого языка" и в других областях, связанных с языковой культурой и языковой политикой. Архив должен включить в себя следующие отделы: 1) материалы по языку малых народностей и языковой политике; 2) материалы по языковой педагогике; 3) новые явления в области русского языка; 4) городской фольклор. Проект принимается. Хранение и заведование архивом решено поручить Г.О.Винокуру.

Доклад М.М.Кенигсберга «Заметки к композиции "Принцессы Брамбиллы" Э. Гофмана».

В обсуждении доклада приняли участие Р.О.Шор, М.А.Петровский, А.А.Буслаев, Р.О.Якобсон, П.Г.Богатырев.

Ед. хр. 3. № 10. Протокол заседания МЛК от 11 августа 1920 г. Рукопись, 2 лл.

В повестку дня заседания включены следующие вопросы: обсуждение плана работы кружка на ближайшее время, рассмотрение вопроса о возможности "милитаризации" или социального обеспечения студентов-лингвистов, сообщение Н.Ф.Яковлева "Из методологии записи песен", информация о письмах из Ревеля.

В обсуждении сообщения Н.Ф.Яковлева приняли участие О.М.Брик, А.И.Ромм, С.Я.Мазэ, А.А.Буслаев.

Ед. хр. 3. № 11. Протокол заседания МЛК от 19 августа 1920 г. Рукопись, 2 лл.

В связи со смертью акад. А.А.Шахматова присутствующие обсуждают вопрос об устройстве заседания, посвященного памяти А.А.Шахматова, далее решаются некоторые другие вопросы (вопрос о "милитаризации" студентов-лингвистов, об отсрочке от военной службы С.Я.Мазэ). Затем собрание переходит к лабораторной работе по изучению детской речи на основе родительских дневников и записей, сделанных В.И.Яковлевой.

Ед. хр. 3. № 12. Протокол заседания МЛК от 17 октября 1920 г. Рукопись, 4 лл.

В повестку дня включены следующие вопросы: о библиотеке и библиотечных планах МЛК, о работах В.Шершеневича, обсуждается предложение М.М.Кенигсберга издать сборник статей о Достоевском в связи со 100-летием со дня его рождения в 1921 г., зачитывается "западная информация" – вести от Р.О.Якобсона и Г.О.Винокура. Доклад О.М.Брика «О сценарии "Ревизора"».

В прениях по докладу выступили Д.Е.Аркин, А.И.Ромм, М.М.Кенигсберг, М.И.Ромм, А.А.Буслаев, Р.О.Шор и Б.О.Кушнер.

Ед. хр. 3. № 13. Протокол заседания МЛК от 24 октября 1920 г. Рукопись, 4 лл. (1 л. чистый).

Доклад Б.О.Кушнера "Современные слова, составленные из сокращений".

В обсуждении доклада приняли участие С.Д.Богдановский, А.А.Буслаев, Б.В.Горнунг, М.Н.Петерсон, А.И.Ромм, Д.Н.Ушаков, В.Б.Шкловский.

Ед. хр. 3. № 14. Протокол заседания МЛК от 5 декабря 1920 г. Рукопись, 3 лл. (1 л. – тезисы доклада М.Н.Петерсона).

В повестке дня обсуждение устава Кружка в новой редакции и внесение в него изменений. Доклад М.Н.Петерсона "Паратаксис и гипотаксис".

В обсуждении доклада участвовали В.И.Авдиев, А.А.Буслаев, М.М.Кенигсберг, А.И.Ромм, Ю.М.Соколов.

Ед. хр. 3. № 15. Протокол заседания МЛК от 21 декабря 1920 г. Рукопись, 3 лл.

Избрание почетным членом Кружка Д.Н.Ушакова. Сообщение М.Н.Петерсона "Об одном случае цветного слуха".

В прениях по докладу приняли участие И.Г.Голанов, В.М.Жирмунский, М.М.Кенигсберг, Н.Ф.Морошкин, М.А.Петровский, А.И.Ромм, Ю.М.Соколов.

Далее А.А.Буслаев прочитал доклад на тему "Некоторые наблюдения над слоговым словотворчеством", который сам автор считал дополнением к докладу Б.О.Кушнера "О современных словах, составленных из сокращений".

В обсуждении доклада участвовали А.И.Ромм, А.А.Буслаев, М.А.Петровский, М.Н.Петерсон, М.М.Кенигсберг, Ю.М.Соколов.

Ед. хр. 3. № 16. Протокол заседания МЛК от 28 декабря 1920 г. Рукопись, 3 лл. (черновик).

Доклад В.М.Жирмунского "Валерий Брюсов и наследие Пушкина". В обсуждении доклада участвовали М.А.Петровский, П.Н.Сакулин, А.А.Буслаев, А.И.Ромм, М.М.Кенигсберг.

Ед. хр. 4. Протоколы заседаний МЛК за 1921 г. Рукопись, 35 лл. разного формата.

Ед. хр. 4. № 1. Протокол заседания МЛК от 6 февраля 1921 г. Рукопись, 3 лл. (1 л. нестандартный) Черновик?

Доклад М.М.Кенигсберга «Историко-литературные новинки "Задруги" (По поводу книги Н.Н.Кононова "Введение в историю русской литературы" и сборника "Творчество Тургенева")».

В прениях выступили Ю.М.Соколов, Р.О.Шор, С.Я.Мазэ, Б.М.Соколов, М.А.Петровский, И.Н.Розанов, Н.Ф.Морошкин, А.А.Буслаев, Б.М.Соколов, А.И.Ромм, М.Н.Петерсон.

Ед. хр. 4. № 2. Протокол заседания МЛК от 13 февраля 1921 г. Рукопись, 2 лл. + 2 лл. черновик.

Доклад П.Г.Богатырева "О формальных особенностях гоголевских комедий".

В обсуждении доклада приняли участие О.М.Брик, Б.В.Горнунг, М.М.Кенигсберг, С.Я.Мазэ, М.Н.Петерсон, Н.Ф.Яковлев.

Ед. хр. 4. № 3. Протокол заседания МЛК от 6 марта 1921 г. Рукопись, 2 лл. малого формата.

Доклад С.Я.Мазэ "Некоторые этимологии из профессионального языка еврейских музыкантов".

В обсуждении доклада приняли участие П.Г.Богатырев, А.А.Буслаев, Н.Ф.Яковлев, М.М.Кенигсберг.

Ед. хр. 4. № 4. Протокол публичного заседания МЛК, состоявшегося 13 марта 1921 г. в 12 час. дня в Большой Аудитории Психологического Института Московского университета. Рукопись, 2 лл.+ 1 л. Программа доклада.

Доклад Б.В.Томашевского "Наукообразие в изучении ритма поэтической речи".

В обсуждении приняли участие Н.П.Сакулина, М.М.Кенигсберг, А.И.Ромм, Р.О.Шор[?].

Ед. хр. 4. № 5. Протокол заседания МЛК от 13 марта 1921 г. (6 час. вечера). Рукопись, 1 л. + 1 л. Черновик.

В повестке дня отчет секретаря Кружка Б.В.Горнунга о деятельности Кружка за шестой год его существования, воспоминания о Ф.Е.Корше в связи с шестой годовщиной его кончины (с сообщением выступил Д.Н.Ушаков, который рассказал о докладе Ф.Е.Корша "Просодия русских слов в предложении", прочитанном им на одном из заседаний Московской Диалектологической комиссии).

Сообщение Д.Н.Ушакова вызвало дискуссию, в которой участвовали П.Г.Богатырев, А.А.Буслаев, Б.В.Горнунг, М.Н.Петерсон, Б.В.Томашевский, А.И.Ромм.

Ед. хр. 4. № 6. Протокол заседания МЛК от 20 марта 1921 г. Рукопись, 2 лл.

В повестке дня беседа с собирателем и исполнителем народных песен П.Г.Ярковым, который исполнил перед присутствующими ряд своих песен и дал к ним свои комментарии.

Ед. хр. 4. № 7. Протокол заседания МЛК от 3 апреля 1921 г. Рукопись, 2лл. (1л. нестандартного формата).

Доклад В.Б.Шкловского "Тема, образ и сюжет В.В.Розанова".

В обсуждении доклада приняли участие П.Г.Богатырев, О.М.Брик, М.М.Кенигсберг, А.И.Ромм, Р.О.Шор, Б.В.Горнунг.

Ед. хр. 4. № 8. Протокол заседания МЛК от 7 апреля 1921 г. Рукопись, 2 лл. нестандартного формата.

Доклад В.К.Поржезинского "Очередные задачи языкознания в России".

В обсуждении доклада участвовали А.А.Буслаев, М.М.Кенигсберг, М.В.Сергиевский, М.Н.Петерсон. (Содержание выступлений в прениях по докладу в протоколе не раскрыто). См. также ф. 20. Ед. хр. 4. №11.

Ед. хр. 4. № 9. Протокол заседания МЛК от 10 апреля 1921 г. Рукопись, 2 лл. Черновик?

Доклад С.Я.Мазэ "Система еврейской филологии".

В обсуждении доклада принимали участие П.Г.Богатырев, А.А.Буслаев, М.Н.Петерсон, А.И.Ромм, Д.Н.Ушаков, Н.Ф.Яковлев.

Ед. хр. 4. № 10. Протокол заседания МЛК от 14 апреля 1921 г. Рукопись, 4 лл. разного формата. Черновик.

Доклад А.И.Ромма "Возможен ли критерий, отличающий поэтическую речь от непоэтической".

В обсуждении доклада участвовали П.Г.Богатырев, А.А.Буслаев, Б.В.Горнунг, М.Н.Петерсон, Б.В.Томашевский, А.И.Ромм.

Ед. хр. 4. № 11. Протоколы закрытых заседаний МЛК от 3 апреля 1921 г. (6 часов), от 4 апреля 1921 г. (4 часа, Исторический музей), от 5 апреля 1921 г. (4 часа, Исторический музей), протокол заседания МЛК от 7 апреля 1921 г. (обсуждение доклада В.К.Поржезинского "Очередные задачи языкознания в России"), протокол заседания Президиума МЛК от 8 апреля. Рукопись, 4 лл. нестандартного формата. Черновик.

Ед. хр. 4. № 12. Протокол заседания МЛК от 17 апреля 1921 г. Рукопись, 1 л. Черновик.

Доклад Н.Ф.Яковлева "Элементы фольклора у Лермонтова".

В обсуждении доклада участвовали А.И.Ромм, П.Г.Богатырев, В.И.Нейштадт, Б.В.Горнунг, М.М.Кенигсберг, О.М.Брик.

Ед. хр. 4. № 13. Протокол заседания МЛК от 24 апреля 1921 г. Рукопись, 2 лл. (1 л. чистый). Черновик.

Доклад П.Г.Богатырева "Опыт изучения заговоров (Повторения в заговорах)".

В обсуждении доклада приняли участие А.И.Ромм, Н.Ф.Яковлев, Ю.М.Соколов, А.А.Буслаев.

Ед. хр. 4. № 14. Протокол заседания МЛК от 8 мая 1921 г. Рукопись, 1 л. Черновик.

Доклад Е.Д.Поливанова "Мелодические явления, используемые для семасиологических целей в дальневосточных языках".

В обсуждении доклада участвовали П.Г.Богатырев, А.А.Буслаев, С.Я.Мазэ.

Ед. хр. 4. № 15. Протокол заседания МЛК от 29 мая 1921 г. Рукопись, 1 л. нестандартного формата.

В повестке дня выступление исполнительниц народных песен Д.А.Земцовой и А.Ф.Земьсковой, доклад А.А.Буслаева о финансовом положении Кружка, сообщение Н.Н.Дурново о бедственном положении провинциальных университетских центров, остро нуждающихся в книгах по филологии, вопрос об открытии "Книжной филологической лавки" при МЛК, обсуждение новых положений, которые следует внести в параграфы Устава МЛК.

Ед. хр. 4. № 16. Протокол заседания МЛК от 25 сентября 1921 г. Рукопись, 2 лл. нестандартного формата. Черновик.

В повестке дня баллотировка А.М.Пешковского в действительные члены МЛК, сообщение А.М.Пешковского о формах единственного и множественного числа и дискуссия по этому вопросу.

Ед. хр. 5. Протоколы заседаний МЛК за 1922 г. Рукопись, 53 лл., машинопись, 18 лл.

Ед. хр. 5. № 1. Протокол заседания МЛК от 2 января 1922 г. Рукопись, 4 лл.

Доклад Р.О.Шор "Применение психологического эксперимента в лингвистике".

В обсуждении доклада участвовали Н.Н.Дурново, С.Я.Мазэ, Н.И.Жинкин, М.М.Кенигсберг.

Ед. хр. 5. № 2. Протокол заседания МЛК от 17 февраля 1922 г. Рукопись, 4 лл. разного формата , 2 лл. черновик.

В повестке дня оргвопросы: об отказе Б.В.Горнунга от должности Ученого секретаря, о перевыборах Президиума Кружка, о выборах О.А.Коган в сотрудники Кружка, доклад Р.О.Шор "О реконструкциях фактов индоевропейского праязыка".

В обсуждении доклада приняли участие Н.Н.Дурново, А.А.Буслаев, Л.И.Жирков, М.М.Кенигсберг.

Ед. хр. 5. № 3. Протокол годичного заседания МЛК от 6 марта 1922 г. № 1. Рукопись, 2 лл. (1 л. чистый).

В повестке дня следующие вопросы: перевыборы Кружка, баллотировка О.А.Коган в сотрудники Кружка, а также в помощники Ученого секретаря Кружка, доклад Л.И.Жиркова "Воспоминания о Корше".

В обсуждении доклада приняли участие А.А.Буслаев, М.М.Кенигсберг.

Ед. хр. 5. № 4. Протокол заседания МЛК от 13 марта 1922 г. №2. Рукопись, 2 лл. (1 л. чистый).

Доклад Н.Ф.Яковлева "Фонетика ингушского языка".

В обсуждении доклада приняли участие Н.Н.Дурново, А.А.Буслаев, М.К.Петерсон, М.М.Кенигсберг.

Ед. хр. 5. № 5. Протокол заседания МЛК от 19 марта 1922 г. Рукопись, 2 лл. нестандартного формата.

Обсуждались вопросы о редактуре по сериям изданий МЛК, о пересмотре проспекта издания МЛК, о необходимости выяснить принципиальную точку зрения Кружка по этому вопросу, об исторической точке зрения в лингвистике, о желательности иметь в составе общей редакции специалиста-философа и разногласиях по этому вопросу, о пересмотре личных кандидатур в редакции по сериям.

Ед. хр. 5. № 6. Протокол заседания МЛК от 20 марта 1922 г. Рукопись, 2 лл. нестандартного формата.

Продолжение обсуждения вопросов, предложенных на заседании 19 марта 1922 г., рассмотрение желательных для Президиума кандидатур в редакции по изданию трудов МЛК (см. Ед. хр. 5. № 5).

Ед. хр. 5. № 7. Протокол заседания МЛК от 21 марта 1922 г. № 3. Машинопись, 12 лл. (в 6 экземплярах).

В повестке дня доклад А.А.Буслаева о работе нового Президиума МЛК по организации Кружка.

Ед. хр. 5. № 8. Протокол пленарного заседания МЛК от 21 марта 1922 г. №3. Рукопись, 9 лл. нестандартного формата.

В повестке дня научно-организационные вопросы: сообщение А.А.Буслаева о заседаниях Президиума от 19 и 20 марта, заявление А.А.Буслаева, Н.Н.Волкова и М.М.Кенигсберга по вопросу о порядке обсуждения дискуссионных вопросов, намеченных для обсуждения на пленарном заседании МЛК в сентябре 1921 г., заявление С.Я.Мазэ, А.И.Ромма, П.П.Свешникова, Р.О.Шор и Н.Ф.Яковлева по тому же вопросу, утверждение состава общей редакции и редакций серий Трудов МЛК, утверждение программ пленарных заседаний на апрель – июнь 1922 г.

Ед. хр. 5. № 9. Протокол заседания МЛК от 21 марта 1922 г. № 3. Рукопись, 4 лл. (см. Ед. хр. 5. №7).

В повестке дня доклад А.А.Буслаева об организации работы Кружка, о плане издательства МЛК, представленном Президиумом, вопрос о структуре редакции изданий Кружка, вопрос о приглашении в редакцию издания Кружка специалиста-философа.

Ед. хр. 5. № 10. Протокол заседания МЛК от 28 марта 1922 г. № 4. Рукопись, 1 л. нестандартного формата.

В повестке дня утверждение отчета о деятельности МЛК за 1921-1922 гг., доклад Р.О.Шор о статье Рихарда Мейера "Искусственные языки" (R.Meyer "Künstliche Sprachen"), доклад А.А.Буслаева – реферат работы Р.О.Якобсона "Vlív revoluce na ruský jazyk".

Из-за позднего времени обсуждение докладов перенесено на 4 апреля.

Ед. хр. 5. № 11. Протокол заседания МЛК от 31 марта 1922 г. № 5. Рукопись, 1 л. нестандартного формата.

В повестке дня научно-организационные вопросы, связанные с обсуждавшимися ранее (см. Протокол МЛК от 21 марта 1922 г. – Ед. хр. 5. № 8).

Ед. хр. 5. № 12. Протокол заседания МЛК от 4 апреля 1922 г. Рукопись, 2 лл. нестандартного формата.

Заслушано заявление С.Я.Мазэ, А.И.Ромма, П.П.Свешникова, Р.О.Шор, Н.Ф.Яковлева о необходимости провести деловое пленарное заседание МЛК по вопросу о возможности программного издательства для Кружка.

К тексту протокола приложено упомянутое заявление.

Ед. хр. 5. № 13. Протокол заседания МЛК от 7 апреля 1922 г. Рукопись, 1 л. нестандартного формата.

Обсуждение заявления С.Я.Мазэ, А.И.Ромма, П.П.Свешникова, Р.О.Шор и Н.Ф.Яковлева (см. Ед. хр. 5. № 12) и постановление по этому вопросу.

Ед. хр. 5. № 14. Протокол заседания МЛК от 10 мая 1922 г. Рукопись, 3 лл.

Доклад Д.Д.Благого "Поэтика Тютчева". В обсуждении доклада приняли участие Р.О.Шор, О.М.Брик, М.М.Кенигсберг, А.И.Ромм, Б.В.Горнунг, Н.Ф.Яковлев.

Ед. хр. 5. № 15. Протокол заседания МЛК от 9 июня 1922 г. Рукопись, 5 лл.; машинопись, 4 лл. (2 экземпляра).

Доклад В.М.Жирмунского "Композиция лирических стихотворений", прочитанный О.М.Бриком.

В обсуждении доклада участвовали А.А.Буслаев, Г.О.Винокур, Б.В.Горнунг, М.М.Кенигсберг, А.И.Ромм, А.А.Реформатский, Р.О.Шор, Н.Ф.Яковлев.

Ед. хр. 5. № 16. Протокол заседания МЛК от 14 июня 1922 г. Рукопись, 2 лл. нестандартного формата.

В повестке дня доклад А.А.Буслаева о финансовом положении Кружка, доклад Л.И.Жиркова "Пример футуризма в персидской поэзии".

В обсуждении доклада приняли участие А.А.Буслаев, М.М.Кенигсберг, А.И.Ромм, Б.В.Горнунг, Р.О.Шор. Н.Ф.Яковлев.

Ед. хр. 5. № 17. Протокол заседания МЛК от 21 июля 1922 г. Рукопись, 1 л. нестандартного формата.

Обсуждены следующие вопросы: о финансовом положении Кружка, о пересмотре наличного состава членов МЛК, о привлечении к работе в Президиуме Г.О.Винокура.

Ед. хр. 5. № 18. Протокол заседания МЛК от 10 октября 1922 г. Рукопись, 1 л.

В повестке дня утверждение новой редакции Устава МЛК, предложенной Президиумом Кружка.

Ед. хр. 5. № 19. Протокол заседания МЛК от 22 октября 1922 г. (с приложением повестки о программе заседания). Рукопись, 2 лл.; машинопись, 1 л.

В повестке дня предложение Президиума о пересмотре личного состава МЛК, заявление А.А.Буслаева об отказе от должности Председателя МЛК, выборы нового Председателя (Г.О.Винокура), вопросы о финансовом положении Кружка и о его библиотеке.

Ед. хр. 5. № 20. Протокол заседания Президиума МЛК от 27 сентября 1922 г. Рукопись, 1 л. нестандартного формата.

Обсуждены следующие вопросы: о членах Кружка, подлежащих исключению, о финансовом положении МЛК, об издании серии "История русской поэзии после символистов", об Общем собрании МЛК и др.

Ед. хр. 5. № 21. Протокол заседания Президиума МЛК от 1 ноября 1922 г. Рукопись, 3 лл.

В повестке дня вопросы об исключении из действительных членов МЛК или переводе в его сотрудники некоторых действительных членов. Доклад Н.Ф.Яковлева «Рецензия на книгу Брауна "Die Urbefölkerung Europas und die Herkunft der Germanen"».

В обсуждении доклада приняли участие Р.О.Шор, Б.И.Ярхо, М.Н.Петерсон, Г.О.Винокур, М.М.Кенигсберг, А.И.Ромм.

Ед. хр. 5. № 22. Протокол заседания Президиума МЛК от 13 ноября 1922 г. Рукопись, 2 лл. нестандартного формата.

Доклад С.Я.Мазэ "Исследование ритма". В обсуждении доклада участвовали Р.О.Шор, В.И.Нейштадт, Г.О.Винокур, А.И.Ромм.

Ед. хр. 6. Протоколы заседаний МЛК за 1923 г. Рукопись, 10 лл.

Ед. хр. 6. № 1. Протокол заседания МЛК от 26 февраля 1923 г. Рукопись, 8 лл. нестандартного формата.

В повестке дня обсуждение порядка проведения Годичного заседания Кружка, доклад М.М.Кенигсберга «Опыт анализа понятия "стих"».

В обсуждении доклада участвовали Г.О.Винокур, В.И.Нейштадт, А.И.Ромм, Б.И.Ярхо[8].

Ф. 20. № 6. 2. Протокол заседания МЛК от 5 марта 1923 г. Рукопись, 4 лл.

Беседа о книге Ф. де Соссюра "Курс общей лингвистики" (F. de Saussure "Cours de linguistique générale"). Вступительное слово о книге произнес Г.О.Винокур.

В обсуждении работы участвовали Р.О.Шор, М.Н.Петерсон, А.И.Ромм, Г.О.Винокур, А.А.Буслаев, А.В.Соловьев, Н.Н.Волков, Н.Ф.Яковлев, М.М.Кенигсберг, Л.И.Жирков[9].

Ф. 20. № 6. 3. Протокол годичного заседания МЛК от 12 марта 1923 г. Рукопись, 1 л. нестандартного формата.

В повестке дня отчет о деятельности Кружка за 1922-1923 г., доклад Б.И.Ярхо "Евфоника сербских двенадцатисложных заплачек".

В обсуждении доклада приняли участие В.И.Нейштадт, Р.О.Шор, Г.О.Винокур, М.Н.Петерсон, Н.Ф.Яковлев.

Ф. 20. № 6. 4. Протокол заседания Президиума МЛК от 4 мая 1923 г. Рукопись, 2 лл. нестандартного формата (1 л. чистый).

Обсуждены следующие вопросы: предложение поэтов О.Э.Мандельштама и Б.Л.Пастернака войти в контакт с МЛК для совместной работы в области поэтики, предложение Московского Союза поэтов с просьбой принять участие в его заседаниях членов МЛК, предложение Б.В.Горнунга ограничить доступ на заседания Кружка лицам, не входящим в его состав.

Ед. хр. 7. Черновые заметки к протоколам за 1919 г. Рукопись, 16 лл.

Ед. хр. 7. № 1. Черновые заметки к протоколу заседания МЛК от 1 июля 1919 г. Рукопись, 1 л. нестандартного формата.

Ед. хр. 7. № 2. Протокол заседания МЛК от 10 июля 1919 г. Рукопись, 5 лл. (2 лл. чистые). Черновик, без конца, с пропусками в тексте.

Ед. хр. 7. № 3. Черновые заметки о текущих делах МЛК, записки. Рукопись, 10 лл. разного формата.

Ед. хр. 8. Отчеты о деятельности МЛК за 1918-1921 гг. Рукопись, 3 лл.; машинопись, 4 лл.

Ед. хр. 8. № 1. Отчет МЛК за 1918-19 академический год. Машинопись, 1 л.

Ед. хр. 8. № 2. Отчет о деятельности МЛК за 5-й год его существования (с 29 февраля 1919 по 28 февраля 1920 г.) Машинопись, 2 лл.

Ед. хр. 8. № 3. Отчет о деятельности МЛК за 6-й год его существования (с 1 марта 1920 по 1 марта 1921 г.). Рукопись, 3 лл. (1 л. чистый), машинопись, 1 л.

Ед. хр. 9. Отчеты о деятельности МЛК за 1921-1923 гг. и материалы к ним. Рукопись, 13 лл. разного формата, машинопись, 1 л.

Ед. хр. 9. № 1. Отчет о деятельности МЛК за 7-й год его существования (с 1 марта 1921 по 1 марта 1922 г.) и материалы к нему. Рукопись, 9 лл. разного формата, машинопись, 5 лл.

Ед. хр. 9. № 2. Отчет о деятельности МЛК за 8-й год его существования (с 1 марта 1922 г. по 1 марта 1923 г.) и дополнения к нему. Рукопись, 4 лл. разного формата, машинопись, 1 л.

Ед. хр. 10. Устав МЛК и материалы к нему. Рукопись, 5 лл.; машинопись, 37 лл.

Ед. хр.. 10. № 1. Устав МЛК в редакции 1919 г. Рукопись, 2 лл.

Ед. хр. 10. № 2. Устав МЛК в редакции 1919 г. с рукописной правкой. машинопись, 4 лл.

Ед. хр. 10. № 3. Устав МЛК в редакции 1922 г. и материалы к нему. машинопись, 33 лл.; рукопись, 3 лл. разного формата.

Ед. хр. 11. Заявления, докладные записки, поданные в Президиум МЛК. Рукопись, 6 лл.; машинопись, 2 лл.

Ед. хр. 12. Постановление Президиума МЛК 29 марта 1921 г. о сохранности материалов и книг Кружка.

Ед. хр. 13. Сметы МЛК на 1920 и 1921 гг. с объяснительными записками к ним. Машинопись, 7 лл.; рукопись, 3 лл.

Ед. хр. 14. Письмо в Государственное издательство о планах изданий МЛК (ноябрь 1922 г.) Рукопись, 2 лл. Черновик.

Ед. хр. 15. Извещения о заседаниях Кружка с повесткой заседаний, расписки об оплате за топливо. Рукопись, машинопись, 34 лл.

Ед. хр. 16. Тезисы и программы докладов членов МЛК. Рукопись, 7 лл.; машинопись, 8 лл.

Среди материалов тезисы к докладу Б.В.Томашевского "О ритме

пушкинской прозы", программа доклада "О пятистопном ямбе Пушкина", тезисы к докладу В.М.Жирмунского "Вопросы русской акцентологии в связи с теорией стиха", тезисы к докладу Б.И.Ярхо "Евфоника сербских двенадцатисложных заплачек", тезисы к докладу С.С.Рогозина "Спекулятивная акустика", тезисы к докладу А.А.Буслаева о программе деятельности МЛК (1921 г.).

Ед. хр. 17. Биографические сведения о Ю.М.Соколове, Р.О.Шор, П.Г.Богатыреве, Н.Ф.Яковлеве. Рукопись, 5 лл.; машинопись, 3 лл.

Ед. хр. 18. Списки членов МЛК за 1919, 1920 гг. Рукопись, 3 лл.; машинопись, 3 лл.

Приложение

Устав МЛК публикуется в редакции 1919 г. Он хранится в материалах МЛК под шифром ф. 20. ед. хр. 10 и представлен двумя документами № 1 и № 2. Первый из них – рукопись, 2 лл., второй – машинопись с рукописной правкой, 4 лл., утвержденный 21 июня 1919 г. и заверенный секретарем МЛК Г.О.Винокуром. Публикация осуществляется по документу № 1.

Устав Московского лингвистического кружка

§1. Название Кружка. Московский лингвистический кружок.

§2. Задачи и цели Кружка. Кружок имеет своей задачей всестороннее изучение вопросов лингвистики и этнографии. Данная область филологической науки Кружком понимается в самом широком смысле: сюда входят и исторические проблемы, и проблемы современного языка и быта, а также вопросы поэтического языка и приемов художественного творчества; при этом Кружок особое внимание обращает на живые современные явления, относящиеся к указанным областям науки, и одной из главных своих задач ставит широкую популяризацию научных принципов и знаний. Разработка научных вопросов Кружком ведется в определенных рамках: 1) привлечение нового материала, 2) выработка новых методов. Для разрешения поставленных себе задач Кружок устраивает научные заседания, принимает участие в работах иных научных организаций и предпринимает издания ученых трудов своих членов.

Примечание 1. Особо следует заметить, что в научных заседаниях своих Кружок не преследует строго академического характера докладов и не настаивает на представлении к обсуждению законченных работ. Заседания Кружка имеют характер лабораторный: здесь члены предлагают свои отдельные мысли, незаконченные эскизы и общими силами вырабатываются основные научные методы и новые точки зрения.

Что касается участия Кружка в работах других научных организаций, то здесь возможно участие или персональное (отдельных членов), или коллективное. Заседания Кружка созываются по мере возникающей потребности президиумом.

Примечание 2. Кружок имеет сношения с иногородними научными организациями аналогичного характера, производит обмен протоколами заседаний, изданиями и пр.

§3. Состав Кружка.

Членами Кружка являются лица, активно работающие в области лингвистики и этнографии и принимающие участие в работах Кружка.

Примечание. Лицо, желающее вступить в члены Кружка, должно быть знакомо по своим научным интересам и работам прежним членам Кружка; поэтому данное лицо должно сделать Кружку какое-либо сообщение или доклад по вопросу, входящему в круг занятий Кружка, или же как лицо, уже известное своими занятиями определенным членам Кружка, должно заручиться соответствующими рекомендациями от 2-х членов. Выбор в члены производится закрытым голосованием, и решение принимается простым большинством. С другой стороны, члены Кружка обязуются содействовать пополнению числа своего свежими и полезными силами и по возможности привлекать к работе Кружка тех лиц, которые, по их мнению, явятся полезными сотрудниками для Кружка.

§4. О должностных лицах.

Кружок выбирает из своей среды для руководства своими работами и делами президиум в составе 5 лиц с распределением между ними обязанностей 1) председателя, 2) товарища председателя, 3) секретаря, 4) библиотекаря, 5) казначея. Означенные лица выбираются сроком на 1 год.

На обязанности председателя (а в его отсутствие – тов. председателя) лежит созыв общих собраний как научного, так и делового характера, председательствование на них, а также общее руководство деятельностью Кружка.

Секретарь ведет протоколы заседаний, разрабатывает научный архив Кружка и помимо того ведет делопроизводство Кружка.

Библиотекарь составляет каталог библиотеки, следит за пользованием книгами и заботится о пополнении библиотеки научными изданиями.

Казначей является хранителем сумм Кружка, производит расчеты, а также ведет денежную отчетность Кружка.

Примечание 1. Указанные лица составляют президиум Кружка, причем те или иные обязанности могут распределяться между ними в нужных случаях и неравномерно. Т(аким) о(бразом), допустимо совмещение одним членом президиума двух должностей, причем свободный от должности член президиума остается таковым без определенной должности.

Примечание 2. В нужных случаях могут быть выбираемы как для участия в работах президиума, так и для отправления какой-либо должности особые лица, а также создаваемые особые комиссии для разрешения каких-либо специальных вопросов.

Примечание 3. Работа всех выборных и должностных лиц должна быть по мере возможности оплачиваема Кружком.

§5. Обязанности членов Кружка.

а. Члены Кружка вносят ежегодный членский взнос в размере, каждый раз специально определяемом общим собранием.

б. Члены Кружка обязаны принимать живейшее участие во всех работах и заданиях Кружка, содействовать их осуществлению как научными занятиями, докладами и участием в беседах на заседаниях, так и выполнением в нужных случаях ряда практических задач, которые Кружком на них, по мере надобности, возлагаются.

в. Так как в члены Кружка избираются лица, деятельность которых учитывается как полезная для Кружка, то в случае уклонения того или иного члена от работ Кружка общему собранию предоставляется право исключения такого члена из своей среды. Поводами к исключению служат: 1) непосещение заседаний Кружка подряд в течение полугода, 2) непредоставление на обсуждение Кружка научных сообщений в течение того же срока без особых причин, которые могут препятствовать научной деятельности члена.

г. Помимо членов Кружка заседания имеют право посещать также и гости, однако с особого разрешения президиума.

§6. Имущество Кружка.

Имущество Кружка составляется из 1) библиотеки, 2) рукописных материалов и ученых работ, 3) денежных сумм, 4) инвентаря.

Примечание 1. Библиотека составляется путем закупки изданий из средств Кружка, пожертвованных от членов, а также и других лиц и организаций.

Примечание 2. Рукописные материалы и ученые труды Кружок приобретает за соответствующее вознаграждение как у своих членов, так и у других лиц, известных Кружку своей ученой деятельностью; помимо того материалы Кружка составляются и из пожертвований как от частных лиц, так и от учреждений.

Примечание 3. Денежные средства Кружка составляются из членских взносов, пожертвований, ссуд и субсидий как от частных лиц, так и от организаций – научных и правительственных, а также из возможных доходов по продаже изданий и т. п. и различных специальных отчислений.

§7. Права Кружка.

Как юридическое лицо, Кружок распоряжается своим имуществом, производит покупку и продажу инвентаря, имеет свое помещение и печать.

Примечание. Всякого рода хозяйственные и финансовые операции Кружок производит по предложению того или иного члена или группы членов с согласия общего собрания, причем соответствующее постановление должно быть подписано председателем.

§8. О ликвидации Кружка.

Ликвидация Кружка производится по требованию не менее половины членов Кружка после закрытого голосования большинством голосов.

В последнем случае общее собрание решает дальнейшую судьбу имущества Кружка, причем с тем имуществом, принятие которого Кружком определялось особыми условиями, собрание поступает согласно этим условиям.

Президиум: Якобсон, Винокур, Брик, Буслаев, Свешников.

Утверждено 21 июня 1919 г.

Список лиц, выступавших с докладами или сообщениями на заседаниях Кружка и участвовавших в прениях по докладам и сообщениям[10]

Авдиев В.И. "Вера в магическую силу слова и имени в мировоззрении древних египтян".

Аркин Д.Е.

Д.Д.Благой "Поэтика Тютчева".

Бобров С.П. "Об установлении влияний", "О поэтическом языке Брюсова".

Богатырев П.Г. "О народных анекдотах", «О "Гусаре" Пушкина», "Труд Познанского о заговорах", "О формальных особенностях гоголевских комедий", "Опыт изучения заговоров (Повторения в "заговорах)".

Богдановский С.Д.

Брик О.М. "О поэтическом эпитете", "Четырехстопный хорей с дактилическими окончаниями", "Проблема пролетарской поэзии", "О сценарии "Ревизора".

Буслаев А.А. "Из синтаксической методологии", «К сюжетосложению "Идиота" Достоевского», "Некоторые наблюдения над слоговым словотворчеством", доклад А.А.Буслаева – реферат работы Р.О.Якобсона "Vlív revoluce na ruský jazyk", доклад о работе нового Президиума МЛК по организации Кружка, доклад о финансовом положении Кружка.

Вермель Ф.М.

Винокур Г.О. Доклад «Опыт формального анализа повести "Нос"». (совместно с П.Г.Богатыревым, Р.О.Якобсоном, А.А.Буслаевым и О.М.Бриком), вступительное слово при обсуждении книги Ф. де Соссюра "Курс общей лингвистики" (F. de Saussure "Cours de linguistique générale").

Волков Н.Н.

Голанов И.Г.

Горнунг Б.В.

Гринберг Р.Н.

Грушка А.А.

Дурново Н.Н.

Жинкин Н.И.

Жирков Л.И. "Воспоминания о Корше", "Пример футуризма в персидской поэзии".

Жирмунский В.М. "Валерий Брюсов и наследие Пушкина", "Композиция лирических стихотворений" (прочитан О.М.Бриком).

*Земцова Д.А.**

*Земьскова А.Ф.**

Кенигсберг М.М. «Заметки к композиции "Принцессы Брамбиллы" Э.Гофмана», «Историко-литературные новинки "Задруги" (По поводу книги Н.Н.Кононова "Введение в историю русской литературы" и сборника "Творчество Тургенева")», «Опыт анализа понятия "стих"».

Коншина Е.Н. «История литературы как наука (По поводу книги А.С.Архангельского "Введение в историю русской литературы")».

Кушнер Б.О. "О языках малых народностей и языковой политике", "Современные слова, составленные из сокращений".

Левит Т.М.

Мазэ С.Я. "Из истории ашкиназского наречия еврейского языка", "Некоторые этимологии из профессионального языка еврейских музыкантов", "Система еврейской филологии", "Исследование ритма".

Нейштадт В.И.

Морошкин Н.Ф.

Петерсон М.Н. "О синтаксисе Ягича", "Синтаксические взгляды Корша", "Паратаксис и гипотаксис", сообщение "Об одном случае цветного слуха".

Петровский М.А.

Пешковский А.М. Сообщение о формах единственного и множественного числа.

Поливанов Е.Д. "Мелодические явления, используемые для семасиологических целей в дальневосточных языках".

Поржезинский В.К. "Очередные задачи языкознания в России".

Пунин Н.Н.

Реформатский А.А.

Розанов И.Н.

Ромм А.И. "Возможен ли критерий, отличающий поэтическую речь от непоэтической".

Ромм М.И.

Сакулин П.Н.

Сакулина Н.П.

Свешников П.П.

Сергиевский М.В.

Соколов Б.М.

Соколов Ю.М. "Сообщение о народных легендах, связанных с текущими событиями".

Соловьев А.В.

Томашевский Б.В. "Наукообразие в изучении ритма поэтической речи", "О ритме пушкинской прозы".

Ушаков Д.Н. Сообщение о докладе Ф.Е.Корша "Просодия русских слов в предложении", прочитанном на одном из заседаний Московской Диалектологической комиссии.

Шкловский В.Б. "Сюжетосложение в кинематографическом искусстве", «"Тристрам Шенди"Стерна» , "Тема, образ и сюжет В.В.Розанова".

Шор Р.О. "Применение психологического эксперимента в лингвистике", "О реконструкциях фактов индоевропейского праязыка", доклад о статье Рихарда Мейера "Искусственные языки" (R.Meyer "Künstliche Sprachen").

Шпет Г.Г. "Эстетические моменты в структуре слова".

Эйхенгольц М.Д.

Якобсон Р.О. "О поэтическом языке произведений Хлебникова", "Образчик научного шарлатанства (По поводу "Науки о стихе" В.Брюсова), сообщение о его поездке совместно с Г.О.Винокуром в Петроград и о филологической жизни в Петрограде.

Яковлев Н.Ф. "Русская историческая лирика XVI–XVII веков", "Из методологии записи песен", "Элементы фольклора у Лермонтова", "Фонетика ингушского языка", «Рецензия на книгу Брауна "Die Urbefölkerung Europas und die Herkunft der Germanen"».

*Ярков П.Г.**

Ярхо Б.И. «Трохаические тетраметры в "Каролингских ритмах"», "Евфоника сербских двенадцатисложных заплачек".

Работа выполнена при поддержке РГНФ – грант РГНФ № 98-04-06224 "Московский лингвистический кружок (по материалам его архива)".

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Имеются лишь отдельные публикации по рассматриваемой проблеме. См., например, *Касаткин Л.Л.* МЛК // Лингвистический энциклопедический словарь. М. 1990. *Налев Д.Д.* Московский лингвистический кружок // Краткая литературная энциклопедия. М. 1978. Т.9; *Якобсон Р.О.* Московский лингвистический кружок / Подгот. текста, публ. и примеч. М.И.Шапира // Philologica. 1996. №3. № 5-7. Материалы МЛК привлечены в комментариях к сборнику трудов Г.О.Винокура – см.: *Шапир М.И.* Комментарии // Винокур Г.О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М. 1990.

[2] Описание двух протоколов Московской Диалектологической комиссии включено в опись материалов МЛК, так как оба протокола находятся в этом фонде, что связано с тем, что первоначально (с 1 марта 1915 г. по 1 марта 1919 г.) Кружок состоял при этой Комиссии.

[3] Протокол опубликован – см.: *Шапир М. И.* Материалы по истории лингвистической поэтики в России (конец 1910-х – начало 1920 годов) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. Т.50, №1.

[4] Протокол опубликован – см.: Сюжет в кинематографе: По материалам Московского лингвистического кружка / Подгот. текста и коммент. *Г.С.Барановой* // Литературное обозрение, № 3. 1997.

[5] Программа доклада Б.Томашевского опубликована, см.: Томашевский и Московский лингвистический кружок (Публикация, предисловие и примечания *Л.С. Флейшмана*) // Ученые записки Тартусского ун-та. Вып. 422. Труды по знаковым системам, IX. 1977.

[6] Прения по этому докладу проводились на заседании МЛК 15 февраля 1920 г. Этот протокол, отсутствующий в ИРЯ РАН, был опубликован *Л.С.Флейшманом* – см. Томашевский и Московский лингвистический кружок (Публикация, предисловие и примечания *Л.С.Флейшмана*) //Ученые записки Тартусского ун-та. Вып. 422. Труды по знаковым системам, IX. 1977.

[7] См. также Томашевский Б.В. "Наукообразные" (Опыты подхода к изучению ритма художественной речи) //Томашевский и Московский лингвистический кружок...

[8] Протокол опубликован – см.: "Протокол заседания Московского лингвистического кружка 26 февраля 1923 г." / Публ., подготовка текста и примеч. *М.И.Шапира* // Philologica Т. 1. № 1/2. 1994.

[9] См. результаты этого обсуждения в работе: Тоддес Е.А., Чудакова М.О. Первый русский перевод "Курса общей лингвистики" Ф. де Соссюра и деятельность Московского лингвистического кружка // Федоровские чтения. 1978. М. 1981. с.229-249.

[10] В список включены данные по материалам МЛК, представленные в фонде ИРЯ РАН. Звездочкой отмечены лица, приглашенные на заседания для выступлений, но не являвшиеся членами Кружка; в частности, это касается исполнителей народных песен.

ЛИТЕРАТУРА

Винокур Г.О. Московский лингвистический кружок // Научные известия / Академический центр Наркомпроса. Сб. 2. Философия. Литература. Искусство. М. 1922.

Цейтлин Р.М. Григорий Осипович Винокур. М. 1965.

Якобсон Р.О., Богатырев П.Г. Славянская филология за годы войны и революции. Берлин. 1923.

М.П. Одесский

ВОКРУГ ПОЛЕМИКИ Г.О.ВИНОКУРА И А.М.СЕЛИЩЕВА: НАУЧНЫЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТЫ

Авторитетный французский семиотик эпатажно заявлял, что во времена абсолютной монархии "власть централизованной не была", так как «она не выражалась в глобальных стратегиях – одновременно тонких, гибких и связных. В XIX веке, напротив, через всякого рода механизмы или институты – парламентаризм, распространение информации, издательское дело, всемирные выставки, университет и т.д. – "буржуазная власть" смогла выработать глобальные стратегии...»[1]. Несколько адаптируя эти соображения к российскому XX веку, правомерно отметить, что в советском социуме "власть рабочих и крестьян" выработала сходные "глобальные стратегии". Простоватые, жестко ориентированные на политическую злобу дня, но бесспорно глобальные. Прямым следствием (или внятным сигналом) какой-либо очередной "подковерной" интриги "в высших эшелонах" мог оказаться специфический вопрос в любой области, хотя бы вопрос языкознания...

Применять к Г.О.Винокуру категории типа: "слуга/противник системы" было бы унизительным упрощением. Но такое же упрощение – игнорировать философский и социальный контекст, в котором филологам того поколения приходилось рассматривать узкоспе-

циальные проблемы. Причем, учитывая обязательный характер реагирования на "глобальные стратегии" власти, постоянно приходится различать, так сказать, "поверхностный" аспект, обусловленный необходимостью облекать высказывание в приемлемый для руководства идеологический язык, и аспект "глубинный", т.е. "серьезный", метафизический.

***

В 1928 году вышла в свет книга А.М. Селищева "Язык революционной эпохи. Из наблюдений над русским языком последних лет (1917–1926)". А в мартовском номере влиятельного журнала "Печать и революция" (главный редактор – В.П.Полонский, один из бесспорных советских литературных вождей) на нее была помещена отрицательная рецензия Г.О.Винокура[3].

О книге, изучающей современный язык, пишет признанный знаток темы, автор монографии "Культура языка" (1925). «Особенно ценными представляются мне: обзор продуктивных аффиксов (§§124–130), описание элементов блатной речи в некоторых речевых жанрах современности (§§ 46–58), наблюдения над языковыми новшествами на фабрике (гл. VII), дающие интересную картину проникновения культурных терминов в обиходную речь рабочего, к сожалению, неполная по охвату материала глава о русизмах в языках национальных меньшинств <...> Много данных собрано автором и в области того, что можно назвать фразеологией революции, т.е. в области словесных "клише", возникающих из экспрессивных речений по мере того, как те становятся традиционными».

Оспорив затем утверждения коллеги по ряду вопросов: от общих (правомерность выделения тех или иных основных функций языка) – до частных (справедливость отдельных толкований – таких, например, как зачисление слова *солдафон* в иноязычные заимствования), Винокур завершает лингвистическую часть рецензии неутешительным выводом: «...книге Селищева можно предъявить обвинения более принципиального характера. Книга эта написана в манере столь крайнего и ригористического эмпиризма, что значение ее, собственно, и исчерпывается тем, что она есть "собрание" соответствующих "материалов". От научного труда, тем более труда лингвистического, мы вправе требовать большего».

Постепенно полемика переходит с филологического на "национальный" уровень: «Некоторые разрозненные и бессистемные попытки интерпретации в книге, правда, попадаются. Но они очень далеки от подлинного грамматического анализа и почти без исключения относятся к области генетических догадок относительно про-

исхождения того или иного факта языка. Убедительность этих догадок, не говоря уже о несколько болезненной склонности автора во всем усматривать влияние "*представителей Юго-западного края*", по большей части очень невысока».

Словосочетание *представители Юго-западного края* Винокур, как и многие его современники, воспринимал однозначно: *Юго-западный край* – Одесса, т.е. речь идет о евреях.

Винокур не преувеличивает значения "представителей Юго-западного края" для концепции рецензируемой монографии. Прямо во введении Селищев, возводя "язык революционной эпохи" к дореволюционным навыкам партийных лидеров, напоминает: "Живя заграницей, они продолжали обсуждать и развивать программы своих организаций. Связи с местными, заграничными, единомышленниками, пользование их языком, преимущественно немецким, отражалось и на языке русских революционеров. Необходимо также отметить, что в среде русских деятелей немало было лиц, связанных по своему происхождению с Юго-западным краем прежней России. На русском языке их отражались некоторые черты речи их местностей"[3].

С особенной неприязнью рецензент отозвался о "неожиданной и анекдотически звучащей попытке объяснить современные сокращения как аналогию или подражание аббревиатурам, известным из еврейской традиции". Действительно, Селищев, выдвигая свою гипотезу, сопровождает ее специфическим экскурсом в историю, не лишенным брезгливости: "...многие революционные деятели Польши и Юго-западного края происходили из еврейской среды. А в еврейской среде издавна употребляются образования названий по начальным буквам слов. Еврейские аббревиатуры восходят к первой поре еврейской письменности. <...> В начале нашей эры и в особенности в средние века пользование аббревиатурами получило весьма широкое распространение. <...> Способ аббревиатур весьма часто применялся и в позднее время. В конце XVIII и в XIX в. много еврейских прозвищ и фамилий было образовано посредством начальных согласных имен, входивших в состав названия лица. <...> Лет семнадцать тому назад один из моих друзей-евреев (знакомый топос!– *М.О.*) объяснял мне свою фамилию *Стам* таким образом. Его дедушка знал хорошо **три книги (– забыл я их название)** (подчеркнуто мной – *М.О.*); по начальным согласным названий этих книг и дали ему прозвище *СТаМ*"[4].

У полемики двух лингвистов был и личный аспект. Селищев, с одной стороны, сочувственно ссылается на винокуровскую монографию, а с другой, прозрачно намекает читателю, что Винокур

сам часто отступает от литературной нормы. В частности, иллюстрируя современное засилье "канцеляризмов и архаизмов", Селищев среди прочих примеров приводит фразу Винокура: *Субъект, коему пришла в голову идея...*[5] (выделено Селищевым). Учитывая заглавие цитируемой монографии – "Культура языка"! – это со стороны Селищева звучит как вызов.

Столь же пикантен случай с формулой вежливости *извиняюсь*. Как известно, в советской печати ее азартно обсуждали: по мнению одних специалистов, это – невежественное, "революционное" искажение классической нормы *извините*, по мнению других – вполне допустимый для литературного языка вариант[6]. К последним принадлежал Винокур, который считал отталкивание от *извиняюсь* лингвистически не обоснованным пуристическим капризом, да еще с антисоветским подтекстом: "Один из друзей моих литераторов пробовал объяснить мне свое отвращение к слову *извиняюсь* весьма грамматически. Неприятно это слово, оказывается, потому, что свидетельствует о невежливости говорящего. Свою просьбу извинить он излагает не в повелительном наклонении (имеющем также смысл просительный), а в форме декларативной: я, мол, извиняюсь, и баста; а вы уж как хотите. **Но вряд ли нужно доказывать, что мы имеем здесь дело с чистейшей грамматической иллюзией...**"[7].

Селищев, оценивая в своей монографии *извиняюсь*, цитирует – вроде бы невинно, с научной точки зрения корректно – соображения Винокура. Но последнюю фразу (выделенную здесь наглядности ради полужирным шрифтом) он опустил, добавив: "Такое же отношение к *извиняюсь* приходилось наблюдать и мне"[8]. То есть Селищев солидаризировался с теми, кого Винокур упрекает в приверженности "чистейшей грамматической иллюзии", значит, автора книги "Культура языка" самого уличали в некомпетентности. Этот выпад приобретает дополнительный смысл, будучи помещен в параграфе, посвященном "представителям Юго-западного края". В научной критике Селищевым Винокура словно бы просматривается паранаучный подтекст: "представители Юго-западного края" вначале испортили русский язык, а потом судят и рядят, как по-русски культурно говорить. Соответственно, этот подтекст Винокур и эксплицировал, превратив текст оппонента в заведомо одиозный.

***

Юдофобский подтекст в книге "Язык революционной эпохи" прослеживается легко. И у Винокура были немалые основания полагать, что тут проявились не только личные этнические антипатии Селищева. Книга вышла в издательстве "Работник просвещения",

контролируемом Народным комиссариатом просвещения, а это придавало лингвистической полемике характер политический, общегосударственный.

В 1926–1927 годах партийное руководство в лице И.В.Сталина и Н.И.Бухарина разгромило так называемую "левую оппозицию". При этом в ход пустили "национальный" аргумент. Маневр предсказуемый, учитывая "этническую принадлежность" оппозиционных лидеров – Л.Д.Троцкого, Г.Е.Зиновьева, Л.Б.Каменева. И в начале 1926 года Троцкий на заседании Политбюро отправил Бухарину тревожную записку, где обращал внимание противника на то, что среди московских рабочих-партийцев прямо (санкционированно?) поговаривают относительно оппозиционеров: "В Политбюро бузят жиды"[9]. Троцкий имел в виду, что антисемитские настроения в массах провоцируются исполнительными пропагандистами с санкции политического руководства страны.

Разыграв антисемитскую карту, Сталин тут же счел нужным подчеркнуть, что вовсе не намерен отступать от идеологии интернационализма. На исходе 1927 года – после ликвидации "левых" – наличие эксцессов в "национальной" области даже осудили официально. Теперь было можно. Следовало только акцентировать, что юдофобские настроения вызваны деятельностью оппозиционеров – сами же виноваты, партия тут ни при чем. Дежурный пропагандист Е.Ярославский на XV партсъезде заявил: "Я знаю, что борьба с оппозицией развязала очень много всяких нездоровых явлений. Тов. Сталин совершенно правильно подчеркнул необходимость обратить самое серьезное внимание на борьбу с антисемитизмом, который кое-где имеет корешки"[10].

Примерно в 1926–1928 годах сложилась уникальная ситуация. Интеллектуалы в СССР получили возможность высказать накопившиеся "антисоветские" соображения (включая "национальный" вопрос), прикрываясь тем, что речь идет лишь об оппозиционерах-"перегибщиках". Прочтению в подобном ключе поддается и Селищев.

Однако и те, у кого апелляция к "национальному" фактору вызывала протест, не хуже Селищева умели изъясняться на "языке революционной эпохи". Образцовую схему предложил здесь влиятельный публицист Ю.Ларин в книге "Евреи и антисемитизм в СССР". Предисловие датировано 15 апреля 1929 года, но "работа эта была сделана весной и летом 1928 г. для трех инструктивных докладов, прочтенных мной при кабинете партработы МК ВКП(б)".

"Наличие антисемитизма в рабочей среде СССР в начале 1929 г. ни в ком не вызывает сомнения", – с места в карьер начинает Ларин

главу "Антисемитизм в рабочей среде". А далее он – очевидно, для "высокого" читателя – намечает негативные перспективы, которые открываются при использовании "национального" фактора: "Говорят как будто против евреев, а поворачивают против всей советской власти. Белогвардейцы считают агитацию против евреев самой легкой и удобной подготовкой для **ослабления поддержки рабочим классом советского строя** (выделено Ю.Лариным – *М.О.*) и для восстановления таким путем власти помещиков и капиталистов. <...> Почему эта белогвардейская агитация не была так широко поставлена девять-восемь лет тому назад? Ведь тогда, казалось, в наших условиях было больше внешних благоприятных моментов для этого: тогда в Политбюро сидел ряд евреев, ряд наркомов были евреями и т.д. Теперь, по случайному стечению (! – *М.О.*), у нас в Политбюро евреев нет. По такой же случайности нет теперь евреев и среди наркомов. А тем не менее раньше противоеврейская агитация была меньше, чем теперь <...> теперь условия для агитации стали более благоприятными, так как в состав рабочего класса влился широкий круг новых людей, не знакомых с евреями, теперь это дело можно поставить. <...> Понятно поэтому, какова должна быть задача сознательных рабочих и крестьян в борьбе с антисемитизмом. **Они должны уяснить рабочей массе, что под видом противоеврейской агитации рабочую и крестьянскую массу хотят поднять, по существу, против советской власти** (выделено Ю. Лариным – *М.О.*)"[11].

Оставив без обсуждения "белогвардейцев" и "демографическое" объяснение причин рабочего антисемитизма, остается привести вывод Ларина: "Говорят о евреях, а думают о Рыкове и Калинине"[12]. Что означало: продолжение полемики с "левыми" подрывает основы советской власти. (Кстати, А.И.Рыков и М.И.Калинин были не только русскими членами Политбюро, но и придерживались – по тем временам – "правой" ориентации, а потому у слов Ларина может быть еще одно толкование, небезразличное для партийного руководства: кто говорит о "левой" оппозиции, уже думает о "правой".)

Сходным образом В.П.Полонский, возможно, счел своевременной публикацию рецензии, в которой книга с "национальным" подтекстом оценивалась как "контрреволюционная" по сути пропаганда дореволюционной "русской" традиции.

Винокур, как и Ларин, не донос писал. Он спорил с Селищевым. Но одновременно он, как мне представляется, стремился убедить и власть аргументами, которые полагал ей понятными: "Все свое изложение он обставляет повторными указаниями на так называемые неправильности в языке революционного времени и на желательность

возвращения к русской классической традиции в нашей повседневной речи. В той мере, в какой здесь предполагается необходимость грамотности, уважения к прошлому и лингвистической – и следовательно, и общей – культурности, эти указания следует всемерно приветствовать. Но ведь тем более, в таком случае, следовало бы автору показать, почему неправильно или нехорошо то или иное явление современной речи. <...> Эта тенденция автора и приводит к тому, что книга его превращается в своего рода сборник материала по отклонениям от старого русского литературного языка за время революции, и что сам язык революции как обладающий собственным содержанием культурный феномен совершенно ускользает от его исследовательского понимания". Значит, антисемитизм селищевского типа нельзя трактовать как проявление лояльности, подобного рода настроения свидетельствуют прежде всего о приверженности имперскому прошлому.

***

Рецензия Винокура венчалась словами: "В итоге, радуясь долгожданному появлению книги Селищева, которая займет по праву принадлежащее ей место в русской лингвистической литературе, мы должны все же сказать, что необходимы новые работы по языку революции. Просто будет жаль, если будущему историку придется восстанавливать картину наших языковых переживаний на основании только такого неадекватного изображения, какое он найдет в рецензируемом труде".

Дискуссия как бы возвращается к "нормальной" шкале ценностей – к оценке "места в русской лингвистической литературе". С этой точки зрения в полемике двух знаменитых филологов выразилось противостояние двух универсальных "картин" истории "языка революционной эпохи", которые с полным правом могут квалифицироваться как фило- и историософские, а не только филологические.

По Селищеву, воздействие социального катаклизма сводится преимущественно к деградации, к разрушению. По Винокуру же, речевая практика "революционной эпохи" активизирует творческие возможности языка[13].

Здесь можно было бы остановиться. Но симптоматично, что в поздних обобщающих работах – монографии "Русский язык. Исторический очерк" (1945) и др. – Винокур свою прежнюю "картину" поправляет. Его концепция становится более консервативной: на первое место выдвигается закономерное развитие языка, а не лингвистические революционеры и "строители языка". Это просто свести к требованиям "политической корректности", которая с середины

1930-х диктовала, инициировала – с соответствующей идеологической перекодировкой – новый консерватизм в гуманитарных науках. Впрочем, как уже говорилось, ограничиться такого рода суждениями применительно к Винокуру, по меньшей мере, непродуктивно.

Воззрения позднего Винокура вписываются в рамки особой метафизической доктрины – так сказать, "оптимистического историзма" (на марксистской основе), который исповедовался (по всей видимости, искренне) многими советскими интеллектуалами 1930–1950-х. Однако если "оптимистический историзм" большинства его современников оправдывал ущемление индивидуальности коллективом и всемогущим государством, у версии Винокура – на общем фоне – неожиданно симпатичное "лицо". В его работах получается, что хотя язык постоянно испытывал давление власти, будучи объектом "языковой политики", но в результате хозяином оставался все же сам язык, а не те, кто мнил, управляя страной и народом, контролировать культуру. Ученый и в последние годы готов приветствовать стилистическую одаренность поэтов (даже политиков), способных в своих экспериментах изящно манифестировать языковую закономерность. Но, похоже, социальные пертурбации, очевидцем и аналитиком которых Винокур оказался, заставляли искать противовес и опору в исторической закономерности как таковой, обуславливая к ней уважительное (трепетное?) отношение.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Цит. по кн.: *Фуко М.* Воля к истине: По ту сторону знания, власти и сексуальности. М. 1996. С.366-367.

[2] *Винокур Г.О.* Рец. на кн.: Селищев А.М. Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926). М. 1928 // Печать и революция. 1928. Кн.2. С.181-183.

[3] *Селищев А.М.* Язык революционной эпохи: Из наблюдений над русским языком последних лет (1917-1926). М. 1928. С.26.

[4] Там же. С.45.

[5] Там же. С.52.

[6] О контексте полемики об этой формуле см.: Гаспаров Б.М. "Извиняюсь" // Культура русского модернизма: Статьи, эссе и публикации. UCLA Slavic Studies. New Series. Vol.1.

[7] *Винокур Г.О.* Культура языка: Очерки лингвистической технологии. М. 1925. С.43-44.

[8] *Селищев А.М.* Указ.соч. С.26.

[9] *Троцкий Л.* Портреты революционеров. М. 1991. С.189.

[10] Пятнадцатый съезд ВКП (б). Ч.1. М. 1965. С.397-398. Ср. также: Агурский М. Идеология национал-большевизма. Paris. 1980.

[11] *Ларин Ю.* Евреи и антисемитизм в СССР. М. 1929. С.238, 253-257.

[12] Там же.

[13] См. об этом на материале винокуровской концепции литературного языка эпохи Петра I: *Одесский М.П.* "...Краткий дискурс в нынешний день представим": Г.О.Винокур о языковой политике петровской эпохи // Литературное обозрение. 1997, №3.

К.В. Горшкова

Я ВСПОМИНАЮ...

Наша память избирательна, и мы многое забываем. Но все, что особенно дорого, память бережет. И я признательна своей памяти за то, что она бережет и в красках, и в голосах мои студенческие годы в ИФЛИ и мои аспирантские годы уже в Университете...

На третьем курсе ИФЛИ я выбрала семинар по истории языка. Это был семинар Григория Осиповича Винокура (шел 1940/41 учебный год). Надо сказать, что у меня уже был опыт семинарской работы, потому что первые семинары начинались на втором курсе. Правда, тогда был один-единственный семинар по синтаксису. Мы много реферировали на втором курсе, читали работы, а материалом нам служил, собственно, тот иллюстративный материал, который был в работах Шахматова, Овсянико-Куликовского, Пешковского и других авторов. Тогда я бойко сделала доклад о второстепенных членах предложения. На третьем курсе я тоже ожидала, что мы опять будем читать и пересказывать чужие научные труды. Но пришел Григорий Осипович. Он принес петровские "Ведомости", и на первом же занятии спецсеминара мы стали их читать. Я хорошо помню тот внутренний страх, который у меня был: вдруг я не смогу прочитать, не смогу определить грамматическую форму, проанализировать текст XVIII века? Но Григорий Осипович так повел это занятие, так увлек нас филологическим анализом текста, что уже к концу я почувствовала в себе уверенность: оказывается, я могу прочитать памятник, могу его проанализировать, и мне интересно этим заниматься. Ну, а дальше были уже регулярные занятия, курсовая работа. А потом война, эвакуация...

И вновь я встретилась с Григорием Осиповичем осенью 1943 года уже на аспирантском экзамене. Это был экзамен по восточнославянской диалектологии. В комиссии – Григорий Осипович Винокур, Рубен Иванович Аванесов, Самуил Борисович Бернштейн. В основном нас спрашивал Самуил Борисович, спрашивал долго, задавая очень много дополнительных вопросов. После экзамена нужно было отвечать спецвопрос. Я готовила тему "Средневеликорусские говоры". Когда я готовила этот спецвопрос, мой руководитель Рубен Иванович Аванесов писал свою известную статью "История русского языка в его говорах". Очевидно, поэтому в моем спецвопросе "досталось" академику Шахматову: конечно, он все неправильно думал. За этот

экзамен я получила отличную оценку. А через некоторое время я узнала от Оли Князевской о том, что́ Григорий Осипович сказал Рубену Ивановичу, моему руководителю (Рубен Иванович не передал мне его слов, очевидно, пожалел меня). А Григорий Осипович тогда сказал, что аспирантка Горшкова ему понравилась, а спецвопрос ее – не понравился. Ведь она еще ни в одной диалектологической экспедиции не была, сама живой речи не слушала и не описывала, а вот Шахматова уже критикует. Я это запомнила на всю оставшуюся жизнь. С 1944 года я стала ездить в экспедиции, потом сама руководила экспедициями и много занималась говорами, даже была рецензентом "Атласа русских народных говоров".

Потом, уже в аспирантуре, я помню семинарские занятия Григория Осиповича. Дело не только в том, что он учил нас читать древние тексты, их анализировать, изучать научную литературу, готовить реферативные доклады (у меня, например, был доклад о Соболевском). Но я хорошо помню удивительно теплую атмосферу этих занятий, помню, как мы приходили к нему на Арбат, как садились за круглый стол, как Григорий Осипович доставал книгу, к примеру, факсимильное издание Архангельского Евангелия, помню, как он нам показывал эту книгу... Именно в то время у меня зародилось, как тогда казалось, совершенно неосуществимое желание в своей библиотеке тоже иметь факсимильные издания древних памятников.

На семинаре мы читали не только реферативные доклады, но должны были сделать творческое сообщение по анализу текста. Я очень хорошо помню доклад Ольги Александровны Князевской (тогда она была Олей Князевской). Весь семинар Григория Осиповича, он сам и Петр Саввич Кузнецов собрались в Историческом музее. Ольга Александровна докладывала результаты палеографического, текстологического, лингвистического анализа одного памятника, который до нее никто не исследовал (это меня тогда особенно поразило), она первая прочитала и охарактеризовала этот текст. Я думаю, что с того времени определились научные интересы Ольги Александровны Князевской. Теперь всем хорошо известны ее замечательные труды по изданию и анализу древних текстов.

Ну, а мой путь был другой – преподавательский, педагогический. Конечно, опыт, полученный мною от общения с Григорием Осиповичем как учителем, руководителем студенческого, аспирантского спецсеминара, оказался бесценным. И на том спецсеминаре, который я теперь веду с аспирантами, я стараюсь учитывать и по мере сил использовать опыт своего учителя Григория Осиповича Винокура.

В.А. Плотникова (Робинсон)

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ГРИГОРИИ ОСИПОВИЧЕ ВИНОКУРЕ

В 1937 году я поступила в МИФЛИ (Московский институт философии, истории и литературы) на филологический факультет. В то время там преподавали крупнейшие филологи: Д.Н.Ушаков, Р.И.Аванесов, Г.О.Винокур, Д.Д.Благой, Н.К.Гудзий, А.М.Селищев. Винокур читал лекции по истории русского языка и палеографии – но это было позже – в 1940–1941 гг., когда я училась на четвертом курсе.

Уже в первые годы учебы я много слышала о Григории Осиповиче, о том, как интересны его лекции по такому казалось бы "скучному" предмету, как история языка. Среди нас – семнадцатилетних – было гораздо больше людей, увлекавшихся литературой и особенно поэзией. Но это не мешало всем учившимся в ИФЛИ с восхищением и любовью говорить о Григории Осиповиче, о его лекциях, о нем самом, как о прекрасном педагоге и доброжелательном человеке. В этом мнении я и сама утвердилась, прочитав в нашей институтской стенгазете "Комсомолия" статью Григория Осиповича "Из воспоминаний моей юности". Копия этой статьи у меня сохранилась. И вот строки, особенно любимые мной. В конце статьи Григорий Осипович писал: «Молодость моя, увы, уже прошла. Об этом свидетельствуют не столько моя седина и расстроенное здоровье, сколько то, что я профессор ИФЛИ... И все же мне иногда страшно, когда я подумаю, что я ваш профессор. Я хорошо сознаю, как я мало, в сущности, достоин этого высокого звания. Я совсем не прикидываюсь скромником. Я горячо верю в себя и свое призвание, я знаю, что я ученый, настоящий ученый. Пусть мой дар убог и голос мой негромок, но я знаю, что моя Муза обладает и "лица необщим выраженьем", и "достоинством обдуманных речей". Но когда вообразишь, как ничтожно и мелко все сделанное тобой по сравнению с теми великими задачами, которые ставит перед тобою жизнь, как мало ты знаешь по сравнению с тем, что обязан знать, потому что нет более никаких препятствий на широком и вольном пути к знанию, то поневоле заскромничаешь. Ну что же, будем работать! Мы еще повоюем! Кто сказал, что я седой? "У меня в душе ни одного седого волоса!"». Г.Винокур.

До 1940 года я обычно видела Григория Осиповича в коридорах института. И только один раз мне посчастливилось встретить его вне

Института, в электричке, когда я ехала навестить в Загорянке свою подругу, начинающую артистку МХАТа Киру Иванову (позже Головко). В вагоне народу было мало, впереди меня – нас отделяло несколько рядов скамеек – сидел Григорий Осипович с дочерьми: старшей – подросточком, и младшей – прелестной маленькой девочкой. Я обратила на них внимание не только потому, что увидела знакомое лицо, меня привлекла особенность их общения. Они чем-то были заняты, оживленно переговаривались, что-то писали и весело смеялись. Как я потом узнала у старшей дочери – Т.Г.Винокур (ставшей впоследствии известным лингвистом) – они играли в "перевертыши". Игра состояла в разложении слова на значимые части (самостоятельные слова) и замене их синонимичными. Вот один из таких "перевертышей", составленных самим Григорием Осиповичем: "Почему не говорят *пиво петухов*? – Потому что говорят *Винокур*".

В 1940 году на четвертом курсе Г.О.Винокур читал большой курс "История русского языка". И хотя русское отделение факультета было очень большим (120 человек!), лекции читались не в самой большой аудитории на первом этаже, где места были расположены амфитеатром, а в длинной угловой аудитории третьего этажа. Я обычно садилась в одном из первых рядов. На небольшом возвышении стоял большой стол, на стене за столом висела черная доска. Григорий Осипович, когда читал, медленно ходил вдоль стола, иногда останавливался и обращался к аудитории, доверительно с нами беседуя. Невысокий, полноватый, с коротко остриженными совершенно седыми волосами (хотя в то время ему было только 44 года), с приветливым взглядом серых глаз сквозь поблескивающие стекла пенсне, он располагал и притягивал к себе. Одет обычно был Григорий Осипович в безукоризненно сидевший на нем серый или черный костюм. Он был элегантен. От всего его облика исходило обаяние интеллигентности и доброжелательности. Григорий Осипович не был оратором, он никогда не пользовался ораторскими приемами, да и голос его был негромок. Но лекции его любили (их посещали даже студенты западного отделения), их ждали, потому что они действительно обладали "лица необщим выраженьем" и исполнены "достоинством обдуманных речей".

Курс лекций заканчивался в мае 1941 года. Мы хотели как-то отметить окончание курса, подарить Григорию Осиповичу не только цветы, но еще что-нибудь. Однако посланные за подарком задерживались, и мы гурьбой отправились провожать любимого профессора.

Следующая встреча была уже во время войны. Мы сдавали экзамен по истории русского языка 30-го июня. Я сдавала одной из последних,

если не последней, потому что после того, как Григорий Осипович поставил оценку в мою зачетную книжку, мы долго беседовали. У Григория Осиповича была удивительная способность располагать к себе. Казалось, что перед тобой не строгий профессор, которому ты только что сдавала экзамен, а близкий человек, готовый выслушать тебя. Говорили о войне, о том, что ждет нас. Я сказала, что собираюсь выйти замуж, что мы с А.Н.Робинсоном (тогда студентом 3-го курса) решили пожениться до того, как его призовут. Тепло попрощались, и я ушла.

Григорий Осипович оставался в Москве и уехал ненадолго уже в октябре 1941 г. Оставив семью в Чистополе, он вскоре вернулся в Москву к работе, но уже в Университет (ИФЛИ вошел в состав Университета в декабре 1941 г.). Мы с мужем уехали в конце июля на сельхозработы в Дербент, затем до марта 1942 года преподавали в селении Тинит (Дагестан), перебрались в конце марта в Ашхабад, где был университет, а затем в сентябре того же года – в Свердловск. Там мы с мужем поступили в аспирантуру, я – к Рубену Ивановичу Аванесову, а муж – к Николаю Каллиниковичу Гудзию. В октябре 1942 г. мужа призвали. В мае 1943 г. я уехала с Университетом в Москву, а муж остался в пехотном училище в Свердловске. Я часто писала ему из Москвы и в Свердловск, и в запасные полки, где он был по пути на фронт, и на фронт. Писала обо всем: об Университете, о своих занятиях, об учителях – Рубене Ивановиче и Григории Осиповиче. Эти письма сохранились. Отрывки из них – в первую очередь те, где я пишу о занятиях с Григорием Осиповичем, встречах и беседах с ним, о нем как о педагоге и особенно как о чутком и внимательном человеке – я и хочу здесь привести.

2.06.1943 г.

В два часа ночи первого июня мы прибыли в Москву. Разбудили меня крики: "Товарищи, приехали, выгружайтесь!" А куда выгружаться ночью? На улице холодно... С платформы нас прогнали в вокзал, с вокзала к воротам в город, а от этих ворот – на площадь. Около 6-ти часов приехали машины и стали забирать багаж.

С вокзала мы поехали домой трамваями; в метро нас с вещами не пустили. Ехали по знакомым людным улицам, и казалось, что никуда и не уезжали из Москвы, иногда мне казалось, что все это – настоящее – мне снится, или снилось все прошлое... В Университете толчея и ничего не понятно, с 15 июня должна начаться сессия, мои дела меня очень волнуют, хочу пока заняться старославянским и чешским и сдать эти экзамены, а там посмотрим, что будет.

www.ruslang.ru

14.06.1943.

Я приступила к занятиям. Руб.<ен> Ив.<анович> посоветовал мне прежде всего сдать "Общее языкознание" и что-либо по спецвопросу, т.е. по синтаксису, я очень рада этому: хочется заниматься страшно, и в то же время чувствую робость и неуверенность в своих силах. <...> Видела Григория Осиповича Винокура, но подойти к нему не решаюсь, только раскланиваюсь с ним издали. Он похудел и выглядит неплохо, наверное, я к нему перейду. Оля Князевская переходит к Руб. Ив., говорила мне, что Винокур знает уже о моем существовании и неплохо ко мне относится.

Здесь следует пояснить. В 1942 и 1943 гг. Университет был в двух городах – в Москве и в Свердловске. В Москве у Григория Осиповича были две аспирантки – Раля Михайловна Цейтлин и Ольга Александровна Князевская; в Свердловске у Рубена Ивановича – Клавдия Васильевна Горшкова и я. Предполагалось, что по приезде в Москву произойдет "передел" или, как шутя говорил Григорий Осипович, "вот приедут, будем девок делить". Григорий Осипович своих "девок" разделил, передав Олю Князевскую Рубену Ивановичу. Но Рубен Иванович своих "девок" оставил у себя, и он дал мне тему: "История условных предложений с союзом *если* в русском языке", предполагая, что эта тема – историко-синтаксическая. Но памятниками это предположение не оправдалось, и тема превратилась в историко-лексическую: "История употребления союза *если* в русском языке (на материале памятников XVI–XVIII вв.)".

17.09.1943 г.

У нас начались занятия. Вчера я ходила на лекцию Винокура по истории русского языка, когда-то я слушала его курс. Вчерашняя вводная лекция была построена иначе, чем его вводная лекция три года назад. С этой недели будет у нас сравнительная грамматика, читает М.Н.Петерсон, он хочет еще нам читать санскрит, но мы колеблемся, уж очень загружены всякими занятиями. <...> Руб. Ив. для экзамена по общему языкознанию дал мне тему: "Лингвистическое учение де Соссюра". И сейчас все эти дни хожу и думаю о своем Соссюре, засел он у меня в голове, все выдумываю критические замечания, много их у меня накопилось, но все кажется таким необоснованным. Руб. Ив. ничего не хочет слушать, это его не интересует. <...> С Руб. Ив. занимаюсь. На этой неделе буду подавать реферат (громко сказано!) на тему: "Лингвистическое учение де Соссюра", половину я написала, читала Руб. Ив., он сказал, что хорошо и правильно, но я ему не поверила, наверное он меня не расслышал. Вопрос этот его не интересует, он хочет, чтобы

я поскорее покончила с ним и принялась за следующий: вопросы сочинения и подчинения в современном русском языке.

21.10.1943 г.

Сижу в Ленинской библиотеке, и читаю, и пишу. Так я и не смогла посоветоваться с Руб. Ив. по спецвопросу, и все замечания написала сама, чувствую, что написала ересь, но все то, что я прочитала о Соссюре – это тоже ересь или общие замечания. <...> Курс несложен, и мне кажется, что я его скоро наизусть выучу. Как-нибудь отпишу тебе большое письмо и опишу своего Соссюра, я уж его и ненавидела, и была равнодушна, и наконец полюбила (и люблю до сих пор – *В.П). Вчера начал у нас читать факультативный курс общей фонетики акад. Щерба. Стиль чтения у него тот же, что и у Д.Н.Ушакова – то же приятное ведение беседы. Буду ходить слушать: очень хочется знать многое и мало времени. Щерба должен у нас вести еще спецкурс по анализу текста. Этот анализ будет всесторонним: и фонетическим, и морфологическим, и синтаксическим. <...> Сегодня у нас начались занятия с Винокуром – семинары по истории языка. Мы должны будем изучить досконально пять памятников от 11 до 17 в., каждая из нас сделает два доклада по фонетике и морфологии одного из памятников. Кроме того, каждая из нас должна будет сделать большой доклад, и мне выпала интереснейшая тема: "Происхождение русского литературного языка". Я даже потом поблагодарила Гр.<игория> Ос.<иповича> за такую тему.*

Доклады по памятникам должны были делаться только на основании самого текста памятника без обращения к научной литературе. Доклады-рефераты, наоборот, должны были делаться на основе научной литературы. Постановкой таких докладов Винокур преследовал две цели: во-первых, научить аспиранта самостоятельно анализировать текст, а во-вторых, выработать у молодого научного работника критическое отношение к научной литературе.

24.10.1943 г.

Вчера мы долго разговаривали с Руб. Ив., я провожала его в столовую, мы шли и разговаривали обо всем – о дальнейших планах (Руб. Ив. считает, что мой доклад по Соссюру может быть зачтен как экзамен).

Позже Г.О.Винокур попросил у меня мой реферат и сказал, что когда-то, в молодые годы, он сам выступал на заседании Московского лингвистического кружка с докладом о лингвистическом учении Соссюра. Мне было и лестно, и страшно. Уже после смерти Григория Осиповича мои тетради нашла Танечка (Т.Г.Винокур) и вернула мне их.

4.11.1943 г.

Сегодня у нас были занятия у Винокура на дому, занятия интересные и страшно приятные. Читаем мы Архангельское евангелие – искусную подделку – чудесное издание – копия подлинника вплоть до деревянного переплета. Читать сплошной текст трудно, но приятно. <...> 16-го ноября хочу пойти на концерт Чайковского (Шестая симфония, Концерт для фортепьяно с оркестром). (В ноябре 1943 г. отмечалось 50-летие со дня смерти П.И.Чайковского, в связи с этим в Консерватории состоялась целая серия прекрасных концертов с участием лучших пианистов и дирижеров – *В.П.*) *Хочу затащить на концерт и Руб. Ив. Ему страшно хочется послушать музыку, но он боится. Достала на 16-е билет и ему.*

14.11.1943 г.

Вчера заезжала к Руб. Ив., немного мы с ним поговорили, и он меня очень огорчил тем, что забыл о концерте 16-го (А какой концерт!) и назначил вместе со Щербой диалектологическое заседание. Сегодня я предложила этот билет Юре Федосюку, я знаю, что он очень любит музыку, и это будет ему приятно. Предложила еще и потому, что у них назначен выпуск и должны их отправить, может быть, еще их никуда не отправят, они ведь ничего не знают точно.

17.11.1943 г.

Сегодня я занималась синтаксисом церковнославянского языка, читала Вондрака, готовилась к завтрашним занятиям у Винокура. Он дал мне для синтаксического разбора маленький отрывок из Евангелия от Иоанна. Будет нечто вроде маленького докладика.

5.12.1943 г.

На днях, самых ближайших, пойду к Руб. Ив., поговорю с ним обо всем. Завтра будет заседание памяти Селищева в Доме Ученых. Будут доклады Руб. Ив., Петерсона, Виноградова – посмотрим на них на всех, послушаем, что они скажут. Напишу тебе тогда все подробно. <...> Очень интересные у нас занятия с Винокуром. Собираемся мы у него дома за круглым столом и читаем Новгородскую летопись, разбираемся в сплошном тексте, научились уже довольно бегло читать.

Занятия с Григорием Осиповичем не только давали нам новые знания, открывали для нас те стороны науки о языке, о которых мы только слышали, они давали нам еще тепло и уют дома, семьи. Почти у всех нас в это время родные были или в оккупации, или на фронте, или же пропали без вести. А у Григория Осиповича было так хорошо, уютно, душевно. Мы занимались за большим круглым столом, Григорий Осипович сидел в кресле в центре, мы – по бокам. В комнате стоял большой черный рояль, этажерка с нотами. Григорий Осипович

очень любил музыку. После занятий мы дружески беседовали, он был в курсе наших занятий, наших интересов и увлечений, наших домашних и семейных дел, наших забот и тревог. А это было так нужно нам, так для нас важно, так поддерживало нас в те трудные годы.

5.01.1944 г.

В этот месяц у меня будет очень много работы: два доклада у Гр. Ос.: один большой – "Происхождение русского литературного языка" и один небольшой – "Синтаксис поучения Владимира Мономаха", хочется сделать доклады хорошо. Гр. Ос. меня хвалил Н.К.Гудзию, не знаю, право, за что.

Вторую половину января и февраль я редко бывала на занятиях у Григория Осиповича. От мужа из Челябинска, где он был в запасном полку, приходили тревожные известия. Вот-вот его вместе с другими "академиками" (так называли в полку выпускников пехотного училища с высшим образованием) должны были отправить на фронт. Возможность встречи в Москве была маловероятна, т.к. обычно эшелоны обходили Москву и шли по окружной дороге. Мы не виделись с 26-го мая 1943 года. Но как поехать в Челябинск? И вот Григорий Осипович, горячо сочувствовавший нам, молодым женам, несмотря на шутливые слова: "Строжайше б запретил я этим господам / На выстрел подъезжать к столицам", – придумал отправить меня в Челябинск в командировку. Пользуясь своим правом заведующего кафедрой, он написал ходатайство в Наркомпрос о направлении меня в Челябинск для сбора фольклорных записей. В Наркомпросе с помощью знакомых и друзей эту командировку разрешили. Я получила пропуск, благодаря друзьям из МХАТа купила билет по броне в купейном вагоне (это была редкая удача!) и 22-го февраля приехала в Челябинск. Там я пробыла неделю, т.к. пропуск был только до 1-го марта, и вернулась в Москву, довольная и счастливая.

4.03.1944 г.

Кира обрадовалась мне, очень уж беспокоилась, рассказала, что Руб. Ив. на меня в обиде и что мне хотели объявить выговор за отъезд и т.д. (а обо всем этом она узнала от Оленьки Князевской). А мне наплевать на них на всех, пусть объявляют! Я была с тобой, видела тебя – и мне ничего не страшно!

11.03.1944 г.

Руб. Ив. ходил тут слушать музыку, я доставала ему билеты на органный вечер Гедике, все слышал, был страшно доволен и даже захотел

послушать еще. Я взяла ему на концерт симфонический, в программе Бетховен, пусть получает удовольствие.

20.03.1944 г.

Завтра на семинаре у Гр. Ос. буду делать доклад по синтаксису Двинских грамот XV в., тема у меня: "Относительное подчинение". <...> Материала много – 115 грамот, изданных Шахматовым в его исследовании о Двинских грамотах. Сообщение будет минут на 30.

10.04.1944 г.

Много занимаюсь, думаю в ближайшие дни сдать болгарский и сразу же примусь за доклад в семинаре Гр.Ос.: "Предударный вокализм у Котошихина" (по его книге: "О России в царствование Алексея Мих."). Это будет моей последней работой в семинаре.

26.04.1944 г.

У Гр. Ос. я занимаюсь языком 17 – 18 в. (языком Москвы). 17 век – Котошихин мало дает материала для установления подлинного живого произношения Москвы, уж очень был грамотен этот подьячий. <...> Очень интересны "Своеручные записки Натальи Долгорукой". Вот они дают большой материал. Написаны эти записки в 1764 г. – через сто лет после Котошихина.

2.05.1944 г.

5-го и 11-го мая будут интересные концерты: 5-го – Пятая симфония и первый фортеп.<ианный> концерт, а 11-го – Шестая симфония и скрипичный концерт Чайковского. 5-го я пойду одна, буду сидеть наверху, в партере будет сидеть Клава (Горшкова – *В.П.*). *На 11-ое я пригласила Винокура с женой и Руб. Ив., не знаю только, пойдет ли он, боюсь за него; он ведь так ни разу и не слушал симфоническую музыку. Лидия Моисеевна (жена Руб. Ив.), смеясь, сказала мне: "Что ж, Вера, пытаетесь организовать эту молодежь?!". Да, пытаюсь.*

9.05.1944 г.

Послезавтра буду делать свое сообщение по Котошихину на семинаре Гр. Ос. и послезавтра же после семинара мы все пойдем слушать 6-ую симфонию. Пойдут Гр. Ос. с женой и Рубен Ив. (наконец-то!), если не обманет.

Занятия в семинаре у Григория Осиповича закончились. Начинался последний, третий год аспирантуры. С Григорием Осиповичем встречи были редкими, и я ими очень дорожила.

31.07.1944 г.

Сегодня вечером пойду к Руб. Ив., поговорю с ним об учебных делах и предложу свои услуги в делах домашних; всяких сборах в дорогу (поездка в Галич). Хочется пойти к Григорию Осиповичу и потолковать с ним об условных предложениях.

Летом 1944 г. были разрешены поездки в ранее оккупированные районы. Воспользовавшись этим, я почти три недели провела под Невелем в местечке со странным названием Опухлики. Там, в бывшем доме отдыха немецких офицеров, на берегу прекрасного озера разместился перед отправкой на фронт запасной полк, где был тогда мой муж. 14-го сентября они отправились на Запад, в Литву, а я – на Восток, домой в Москву.

10.01.1945 г.

Скоро, 23 января, мое сообщение на кафедре в Университете. Сообщение должно занять 20 минут, мне обязательно нужно произвести хорошее впечатление на Обнорского, Истрину, Виноградова и др., особенно на первого, но, наверное, не произведу, материал не располагает. Факты против того, чего хочет Обнорский. В памятниках Руси Московской ***если*** *нет, а чуть только возьмешь памятники Руси Западной и Юго-Западной – если на каждом шагу, даже в евангельских текстах. Я только что закончила чудесное Пересопницкое евангелие, правда, издано только Евангелие от Луки, но интереснейший памятник, интереснейший по фразеологии. Памятник этот 1564 г., если в нем в изобилии и ни одного* ***аще****.*

26.01.1945 г.

Волновалась я во время доклада очень, народа было много, пришли и аспиранты Горпеда. Я читала минут 40, потом начались вопросы. Я уже не помню их все, забыла сразу же от волнения, но отвечала храбро и не смущаясь. Возражала мне Истрина, Виноградов и какой-то ветхий старичок, член-корр. В.И.Чернышев (этому старичку было тогда 77 лет, столько же, сколько мне сейчас – *В.П.*). *После доклада я сразу же увидела лучистые глаза Вл. Ник. Сидорова. "Молодчина! – сказал он, – чудесно читала, хорошо возражала, – и не слушайте Вы их!" Поймал меня Гр. Ос. и сунул мне в руки записочку со словами: "Молодец, поменьше их слушайте!", а в записочке стояло: "Милая Верочка!*

Ру'си	–	*genitivus*	*свя'зи*	–	*genitivus*
в Руси']		*locativus*	*в связи'*]		*locativus*
о Ру'си]			*о свя'зи*]		

Вообще же с удовольствием слушал Ваш доклад. Г.В."

30.01.1945 г.

Обнорский доволен мною, но просил Руб. Ив. переубедить меня насчет ***если****, говорит, что он нутром чувствует, что* ***если*** *– русский союз. Истрина скоро поедет в Ленинград и сказала, что может привезти для меня польскую книжку о* ***если*** *и* ***ежели*** *в польском языке. Очень буду ей благодарна.*

21.02.1945 г.

На днях встретила Гр. Ос. Он спросил, как я себя чувствую. Я сказала, что хорошо, что в мае у меня будет малыш. – "Как, до диссертации?" – "Да," – отвечаю. – "Ну, ничего, это важнее". Я поблагодарила, сказала, что хорошо, что он так думает. "А что, Руб. Ив. думает иначе?" – спросил он. Я ответила: "Мы об этом не говорим". Сегодня заходила к Гр. Ос. за книжками: взяла Котошихина, Письма Алексея Мих-ча и Соборное уложение Алексея Мих-ча – теперь пойду заниматься.

2.03.1945 г.

Послезавтра пойду к Гр. Ос., поговорю с ним, запишу некоторые мысли по поводу различных условных союзов и их употребления в конце 17 века.

4.03.1945 г.

Была у Гр. Ос.: он болен, у него грипп, он лежал на тахте, закрывшись пальто, чихал и кашлял. Но это не мешало ему с интересом слушать все мои измышления и доводы, соглашаться со мной. А это было так приятно! Поговорили мы и о тебе, и о будущем "кандидатенке", – как называет нашего малыша Гр. Ос. Я спросила: "А ничего, что я занимаюсь по 10 – 11 часов в день?" – "Ничего, ничего, родится и скажет Вам: если ты меня родила, так давай конфет! – посмеялся он, – вот и будет иллюстрация к диссертации".

5–7.05.1945 г.

Завтра (6-го мая) Пасха, сегодня мы ходили к Илье Обыденному, послушали "Христос Воскресе!", постояли со свечечкой немного на улице – и ушли.

На днях я встретила на улице Григория Осиповича и А.Б. Шапиро; они восторгались моим видом. Гр. Ос. сказал, что обязательно придет меня проведать, посмотреть маленького и принесет мне книги. Что сейчас пора прекратить всякие занятия и готовиться к торжественному событию – докторской диссертации, как они говорят. Гр. Ос. и Шапиро вспоминали, как относился к таким событиям Дм.<итрий> Ник.<олаевич> Ушаков, он их приветствовал, не то что Селищев, ставивший крест на каждой вышедшей замуж аспирантке.

12.06.1945 г.

*Я переехала к маме в Серебряный Бор. Григорий Осипович сдержал обещание. Когда я была с Васей (*он родился 25 мая – *В.П.) на Островском, он пришел нас проведать. Привела его Раля Цейтлин. Я вынесла Васятку на маленькой подушечке. Григорий Осипович наклонился к его личику и поцеловал в лобик, а мне поцеловал руку. Очень они (Гр. Ос. и Раля) меня тронули. Так было приятно.*

29.09.1945 г.

Вчера я ездила к Рале Цейтлин, взяла у нее книги, которые для меня передал ей Гр. Ос., между этими книгами есть и книга самого Гр. Ос.: "Русский язык", изданная в 1945 г. "книга для чтения", как назвал ее сам Гр. Ос., посвященная светлой памяти Д.Н. Ушакова. Книга подарена мне с приятной надписью: "Милой Верочке Плотниковой с лучшими пожеланиями. Г.Винокур." Приятен мне этот подарок. Надо будет поблагодарить Гр. Ос.

7.10.1945 г.

Мои дела не устраиваются, но я уже на них рукой махнула. 4 октября я ездила в Москву и хотела сходить в Наркомпрос. <...> Перед тем как поехать в Наркомпрос, я позвонила Н.К.Гудзию. Он сказал, что получил письмо от тебя, а потом поругал меня, сказал, что Руб. Ив. не понимает моего поведения, что я пропала, не звоню ему и велел найти Руб. Ив., т.к. он хочет устроить меня на работу. После этого я побежала искать Руб. Ив., нашла его вместе с Гр. Ос., конечно, в Академии, там теперь организовали новый отдел – "Словарь языка Пушкина", заведует им Винокур. Заниматься они будут словарем Пушкина, должны подготовить к печати полный словарь всех произведений. Руб. Ив. заулыбался, меня увидев, и, протягивая руку, сказал: "Куда Вы пропали, Вера? Мне утром сегодня звонил Гудзий, спрашивал о Вас, а я и не знаю, что с Вами"... Григорий Осипович, увидев меня, воскликнул: "Ну расцвела-то, расцвела-то как!" Ни тот, ни другой не советуют мне идти в Наркомпрос, говорят, что лучше всего потянуть время до твоего возвращения (А.Н.Робинсон вернулся домой 13 декабря 1945 года – *В.П.*).

В 1946 году я стала работать в Городском педагогическом институте старшим преподавателем. С Григорием Осиповичем мы встречались редко, только на заседаниях кафедры, которые я посещала далеко не всегда, т.к. торопилась домой к маленькому сыну. Последний раз я видела Григория Осиповича 5 апреля 1947 года на дне рождения нашего однокурсника Славы (Мстислава Борисовича) Козьмина.

С семьей Козьминых мы жили по соседству в Арбатских переулках. Козьмины жили в Сивцевом Вражке, мы – в переулке Островского (бывшем Мертвом). С Козьмиными в дружеских отношениях были и наши профессора – Н.К.Гудзий и Г.О.Винокур. 5-го апреля на день рождения Славы, кроме нас с Андреем, пришли и наши однокурсники по ИФЛИ – Виктор Гусев и Кира Иванова (Кира Головко; до МХАТа она один год училась с нами, в одной группе со Славой), пришли и Николай Каллиникович, и Григорий Осипович. Как всегда бывает

на таких праздниках, разговор был общий и ни о чем. А затем начался излюбленный диспут на тему: кто из писателей лучше – Толстой или Чехов. Одни с пеной у рта доказывали, что Толстой, другие – с той же горячностью, что Чехов. Самым яростным защитником Толстого был Н.К.Гудзий. Он говорил, что у Чехова в его повестях и пьесах нет ни настоящего мужчины, ни настоящей любви, ни настоящей страсти. Именно поэтому больше всего у Чехова Николай Каллиникович любил рассказ "Архиерей". От писателей перешли к композиторам. Борис Павлович Козьмин (отец Славы, историк и литературовед) восхищался Чайковским и особенно его оперой "Евгений Онегин". Николай Каллиникович восхищался оперой Бизе "Кармен". Нападая на Бориса Павловича, он возбужденно кричал: "Согласитесь, что ария Гремина – это же типичная вампука!" На что тот невозмутимо отвечал: "Но ведь и сцена у контрабандистов – это тоже вампука".

Мы не принимали участия в спорах и беседовали с Григорием Осиповичем о чем-то своем – о детях, о преподавании, о моей диссертации, которая продвигалась у меня очень медленно. Когда споры утихли, все стали просить Киру спеть, и она спела любимый романс Толстого "Мы вышли в сад..." Поздно вечером все разошлись по домам. Мы (Андрей, Виктор, Слава и я) пошли проводить Григория Осиповича до его дома на Арбате (Арбат, 20). Хотя было только начало апреля, вечер был теплый, было тихо и так приятно было пройтись. Григорий Осипович был в хорошем настроении, дружелюбен и ласков. Когда мы уже дошли до его дома, он сказал, повернувшись к нам: "А знаете, ведь я этот романс пел". И спел нам его, все три куплета.

Мы вышли в сад, чуть слышно трепетали
Последние листы на липовых ветвях,
А вечер голубой, исполненный печали,
Бледнея, догорал в задумчивых ветвях.

И плакали кругом печальные березы,
Вставала из-за туч туманная заря,
Мы молча шли, и накипали слезы,
И дивной нежности душа была полна.

Казалось, эта ночь сулила столько ласки,
Чтоб снова пробудить уснувшие мечты,
Но все прошло, как будто в дивной сказке,
Как далека та ночь, и как далек мне ты.

Потом мы тепло попрощались, обнялись и даже поцеловались на прощанье. Никому из нас не приходило в голову, что это наша последняя встреча с Григорием Осиповичем Винокуром. Больше живым я его не видела.

О.А. Князевская

"АСПИРАНТ – ЭТО ВСЕ РАВНО ЧТО СРЕДНЕВЕКОВЫЙ ПОДМАСТЕРЬЕ..."

Я хочу рассказать о Григории Осиповиче Винокуре как об учителе.

Так получилось, что экзамены в аспирантуру я сдавала во время войны. И моим научным руководителем в период учебы в Москве был Григорий Осипович. Наша с ним беседа о выборе спецвопросов кончилась одним замечанием Григория Осиповича, которое я сохранила в памяти на всю жизнь и, как могу, стараюсь ему следовать. Он сказал, что, по его мнению, аспирант – это все равно что средневековый подмастерье. То есть он должен есть и пить за одним столом с мастером, жить всеми интересами мастера. А мастер в свою очередь обязан быть в курсе всех жизненных проблем и интересов своего подмастерья.

Так оно и было. Библиотека Григория Осиповича находилась в нашем полном распоряжении. Причем иногда он говорил примерно так: "У меня есть новая книжка, но я не помню – прочитал я ее или нет... Ах, впрочем, вот тут есть заметки, значит, я ее прочитал. Но вы ее, пожалуйста, посмотрите и скажите мне, что в ней интересного и стоит ли мне ее более внимательно смотреть". Меня поражало его общение с учеником на равных. Это было общение коллеги с коллегой.

Мне вспоминается такой случай. В 1943 году из Свердловска в Москву должен был вернуться Рубен Иванович Аванесов, мой прежний научный руководитель. (Известно, что с ним произошло большое несчастье: он потерял слух.) И вот накануне приезда Рубена Ивановича мне передают, что Григорий Осипович хотел бы со мной встретиться. Я иду к нему. И оказывается, зачем же он хотел меня видеть? Он сказал мне, что доволен тем, как у нас с ним идут занятия. Однако если Рубен Иванович по возвращении захочет, чтобы я снова училась у него, как его ученица, его аспирантка, то он, Винокур, не

будет возражать. И он также считает, что, может быть, в этом есть и своя целесообразность.

Именно таким образом я оказалась аспиранткой Рубена Ивановича и была ученицей до конца его жизни.

М.А. Реформатская

ЦВЯТОК
(еще раз о Григории Осиповиче Винокуре)

Цветешь для радостей, для света, для свободы.
А. Пушкин

С выходом в свет доработанного варианта моего выступления под заголовком "Как в ненастные дни собирались они часто. Винокур в архиве Н.В. и А. А.Реформатских"("Литературное обозрение", 1997, № 3, с. 59-62) мне казалось, что тема исчерпана, и к сказанному вряд ли что еще удастся добавить. Тем более, что в моей памяти Григорий Осипович запечатлелся не конкретной фигурой, а неким "дуновением", оставленным в родительской жизни.

Но вот, "в досужий час архивы роя", вновь погрузившись в содержимое отцовского бюро, я натолкнулась на новые свидетельства отношений между друзьями-филологами в 30–40-ые годы. Об этих дополнительных деталях, вносящих живые штрихи в уже нарисованную картину, и пойдет здесь разговор.

Первую группу новых "находок" образуют листки, подходящие под рубрику "Деловая переписка лингвистов". Ее отличает четкость информации и ограниченность средств. Берется скудный подручный материал (страничные обрывки, карандаш); бумажное поле предельно сжато, а время изготовления заметно лимитировано служебной спешкой. Место написания – официальное присутствие. Однако внешние условия не сказываются на стилистике посланий, сохраняющих особенности лексики и интонации авторов.

Три клочка грубой бумаги соединены скрепкой – это автографы Г.О. военного периода, 43–45-ых годов. Блеклый карандаш или расплывающиеся чернила. Пишется второпях. Винокур озабочен составлением научного сборника памяти Д.Н.Ушакова. В первой записке Г.О. сообщает А.А. общий план работы и делает ему предложение:

"Пока нет статей – нельзя говорить с издательством. В плане ИЯП'а запроектирована сдача сборника в Из-во к середине 1944 г. Конечно Вашу статью можно было бы всунуть и дополнительно, но было бы лучше, если б она была у меня вовремя. Дело в том, что статьи нужно будет переписать, со сборником нужно будет все же повозиться. Не можете ли Вы дать просто отрывок (написанный уже) из диссертации? Но во всяком случае, хорошо было бы иметь статью не позже 1/1 44."

Во второй записке Г.О. уже поторапливает А. А.:

"Шерелев! Когда и какую статью в сборник Шера-Метра Вы дадите? Сборник скоро будет уже вполне закомплектован. Есть у меня 8 рукописей абсолютно отделанных. Г.В."

В третьей записке, переданной через С.И.Ожегова, Г.О. мягко корит А.А. за проволочку с подачей статьи и даже взывает к его ученической совести: "Дорогой и возлюбленный Шерэлев! (-ф ?). Напишите хоть что-нибудь и как можно скорее для сборника памяти Шера-Метра. Ведь Вы все восхищаетесь "Г" фрикативным – вот бы в таком роде и Вам чтон. сварганить! И отдайте Рубену. Целую. Г.Винокур."

Употребив утвердившееся в обиходе Ушакова и А.А. прозвище (Шер-элев), Г.О. сымитировал стиль обращения самого Д.Н. и, войдя в его роль, получил право и пожурить А.А. за нерасторопность, и проявить унаследованную от любимого учителя душевную теплоту, столь ценимую всеми, кто переступал порог дома на Сивцевом Вражке.

Именно там в обстановке дружбы и совместной работы, перемежающейся с изобретательным словотворчеством, были выдуманы прозвища, данные ученикам и коллегам Дмитрия Николаевича. Вот как об этом вспоминает главный инициатор шутливых наименований – Реформатский:

«С моей легкой руки все мы имели прозвища. Общее для нас было: "Ушаковские мальчики", выдуманное какими-то зоилами, но нам это нравилось, и мы с гордостью носили кличку "ушаковские мальчики". А "внутри" были свои клички и прозвища. Сам Дмитрий Николаевич назывался ШЕР-МЕТР, причем обе половины сего наименования склонялись: Шер-Метр, Шера́-Метра́, Шеру́-Метру́ и т.д., а ударение притом – наконечное. О самостоятельности обеих половин этого "шеронима" может свидетельствовать тот факт, что дочь моя Мария, будучи во младенчестве, называла Д.Н. – "дедушка Шер".

С.И.Ожегов назывался – жидовин Ожеговер, с эпитетом "бабьскъ ходокъ" в свете его успехов в среде женского пола (по деловой линии Шер-Метр называл его Талейраном). Г.О.Винокур (имевший в более

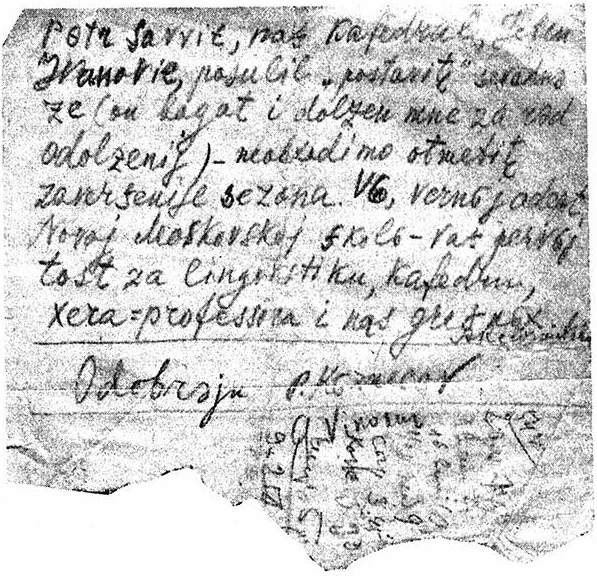
молодые годы сложно-сокращенное наименование ГригОсВин) назывался Цвяток, что шло от его соответствующих качеств и от реплики Достигаева в "Егоре Булычеве" на сообщение мадам Звонцовой прослушать анекдот – "Это такой цветок!" – "Хорош цвяток!". А у А.М.Сухотина была кличка Феодал, в силу его дворянского воспитания и особых талантов и интересов, иногда возникало и "анларжисман" Феодал-Титькин через песенку: "Сухотин, Сухотин – пташечка..." посредством ступени "Сухотин, Сухотин, Сухотитечкин...", откуда: Сухотитькин и просто Титькин. Р.И.Аванесов прозывался Крупный, т. к. в одной ведомости на "литербеторное снабжение" (паек по литере Б.) Р.И. был поименован: "крупный профессор". А.Б.Шапиро именовался Обраменько Борищ (где намек на "Синтаксис" педагога Абраменко, коего как автор учебника заменил А.Б.). При этом фамилия А. Б. склонялась по 1-му склонению: у Шапиры, к Шапире, с Шапирой... М.В.Сергиевский был возведен в шотландский ранг яко: мак-Сим, а я имел два наименования: бытовое – Шерелев и "парадное" Александр, глаголемый Сукин (по имени одного персонажа "Гистории о Великом князе Московском" А.М.Курбского, о чем я писал "кандидатскую" работу Д.Н., оканчивая университет)». А в пору жарких споров вокруг фонемы А. А. прозывался Фонематский.

Многие, кто здесь перечислен, были участниками встреч, о которых мне приходилось уже говорить в журнальной публикации. Об одной из них известно по письму моей мамы А.М.Сухотину (сохранился черновик). Присутствующие в гостях у Р.И.Аванесова аттестуются как "цвет лингвистики", правда, в несколько ироническом тоне: "... собрался цвет лингвистики: Крупный, Фонематский, Лое, негр Кузнецов <...> и – самое важное и замечательное – обаятельнейший Винокур". Вовсе не случайно, что этот отчет направляется Сухотину, так как он в полной мере мог разделить радость торжества: на нем праздновалось не только окончание учебного года в МПГИ, но и оформление Новой Московской школы, обретшей определенный организационный статус на кафедре русского языка под началом Р.И.Аванесова. А Алексей Михайлович предрекал это еще 6 декабря 1933 года, подписывая А.А. экземпляр своего перевода книги Соссюра "Курс общей лингвистики":

Тебе – залогом дружбы братской
Я приношу свой перевод:
Вкуси же сей, о, Реформатский! –
Женевской школы лучший плод.
Но знай: и в нашей школе зрелы
Науки сладкие плоды,

И скоро мир услышит целый
Про наши громкие труды.
И верь: Женеве и Парижу
Придется сникнуть головой, –
Увидишь ты и я увижу, –
Пред лингвистической Москвой!

Днем вечеринки у Аванесова – 2 июля 1935 годом – можно датировать еще одну найденную записку. Собственно, это – клочок бумаги, густо исписанный латиницей с транслитерационными значками. Послание исходит от А.А. к П.С.Кузнецову, с которым они, включая и Винокура, входили в одну комиссию, где обсуждались проблемы транскрипции и транслитерации. Не изменяя предмету обсуждения, А.А. и составил текст письма. В том же стиле ответили адресат и его сосед по научному заседанию.

Вторая группа вновь открытых фактов увязывается вокруг пушкинской темы и относится к предъюбилейным годам (1935-1936).

Эти детали касаются частной жизни Г.О., хотя с его академическими занятиями порою тесно переплетаются. Всем хорошо известна история выхода VII тома Полного собрания сочинений Пушкина, с "Борисом Годуновым". Грандиозный успех в профессиональной среде и разгром со стороны официальных властей. Разносную критику, прозвучавшую на пушкинском пленуме в декабре 1935 года, мама расценила как катастрофу; так и написала в письме к Сухотину: "Винокурчик катастрофу с книгой принял необычайно мило." ("Мило" – вероятно, означает: не потерял бодрость духа.) А какой ценой?

Но ни разворачивающаяся кампания травли, ни страшная занятость не помешали Г.О. откликнуться на просьбу учеников 110 московской школы проконсультировать их. Они готовили постановку "Сцены в корчме", и как тут не обратиться к главному арбитру по "Борису Годунову"? Г.О. посоветовал не соблазняться оперой Мусоргского (хотя и гениальной), а точно следовать ремарке Пушкина. Чтобы осуществить исконный замысел, Винокур предложил исполнителю роли Варлаама выучить песню про чернеца. Для чего раздобыл слова и нотный текст народной песни " Молодой чернец постригся..." и вручил их Игорю Реформатскому, которому предстояло сыграть роль Варлаама. (Этот текст бережно хранится в архиве И.А.Реформатского.)

В России давно укоренилась привычка вставлять в обычный ход разговора цитаты из Пушкина, прилагать к ситуации те или иные его строки. А сколько курсировало пушкинских парафраз и образованных из его слов каламбуров! Например, после закрытия РАППа весной 1932 года стали говорить: "Раппство павшее" и "Раппствовавшие по манию вождя" (дневник мамы). И Винокур здесь не исключение. Цитаты сходили с языка Винокура не потому, что Г.О. был эрудитом-пушкинистом, а в силу органической вобранности пушкинской поэзии и в его язык, и в строй его чувств. Как рассказывают очевидцы, введение пушкинских строк в обычный речевой поток выходило у Г.О. удивительно естественно. Что, впрочем, относится и к его манере говорить: просто и со вкусом к слову, похоже в чем-то на пушкинский слог. Помнящая Г.О. с детства З.Б.Томашевская и по сей день слышит, как тепло и ненавязчиво звучало у Г.О. чуть старомодное "Ступай!". Почти совсем как у Пушкина: "Не печалься, ступай себе с Богом!".

Еще Зоя Борисовна припоминает, как Винокур, приезжая в дом к Томашевским, сажал ее, тогда маленькую девочку, к себе на колени и ласково произносил:

Лишили вы меня покоя,
Но вы не любите меня,
Одна моя надежда – Зоя:
Женюсь, и буду вам родня.

Осенью 1936 года у Реформатских, живших тогда в 7-ом Ростовском переулке, затевался вечер, к которому А. А. и его сын Игорь готовили оформление: выбирались подходящие к случаю цитаты из Пушкина, а Игорь переписывал их на отдельные большие листы ватмана. Вся комната в итоге пестрела лозунгами. Конечно, преобладали вакхические призывы, напоминающие о культе веселых пиров, о славных лицейских узах дружбы: "Умножайте шум и радость. Пойте песни в добрый час!" или "Пируйте, о друзья!". С ними соседствовали: "Я пью один", "Нам все равно, было бы вино", а также "Пролей мне

в грудь отрадное похмелье". Из противоположного угла слышалось увещевание: "Потише, господа! Ведь вы здесь не в харчевне!" На видном месте красовались лозунги, имеющие амбивалентный смысл: "Октябрь уж наступил" и "Прекрасен наш Союз!" Причем слова "Октябрь" и "Союз" выделены красным цветом – не подкопаешься! Огромный черный вопросительный знак, похожий на автодорожный сигнал, сопровождал строку: "Кто не пришел?"

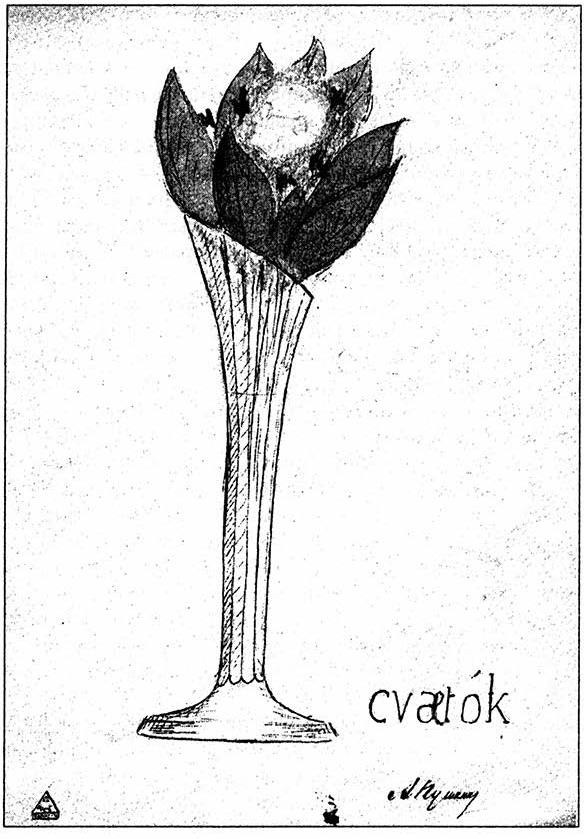
Некоторые гости удостоились персональных полотен. Для отца А.А. химика Александра Николаевича был заготовлен лист с надписью: "Вот он, вот Вакх!". Под фигурой ражего детины с волосатыми ногами и маленькой головкой Аванесова значилось: "Крупный". Сухотину адресовалось: "Ты будешь Вакха жрец лихой, на прочее – завеса". Ушакова ждал текст из И.Ф.Богдановича: "Во всех ты, Душенька, нарядах [нам] хорош!". Почтенный профессор, нежно прозываемый учениками Душенька, был представлен в девичьем платье с оборками и в кружевных панталонах. В правой руке его (ее) находилась игрушка в виде бюста любимого ученика – Г.О. (см. рис.).

Чете Винокуров, конечно, припасли цветочные мотивы. На настольном билетике Эммы Максимовны было написано: "Цв[я]тку скажи: / Прости, жалею", а на билетике самого Г.О.: "Цв[я]ток засохший, безуханный..." Эти строки не столько близки были Г.О. точностью эпитетов (отнюдь нет!), а ценностью того стихотворения, откуда они взяты, шедевра пушкинской лирики, как бы подносимого Винокуру в дар. Кроме того, Г.О. посвящался отдельный лист большого формата, где был нарисован поставленный в вазу эпохи модерн цветок с головкой в очках, заключенной между гибкими стеблями. Подпись: CVÆTOK (см. рис.).

Если иметь в виду цветочные мотивы, ассоциируемые с Г.О., то меня удивляет отсутствие, хотя бы в черновиках, одной подходящей цитаты. Ей могло бы найтись место, ну, допустим, в письме от А.А. с Мологи или другого охотничьего пристанища, куда он в эти годы любил ездить в отпуск, а то и сбегать от внезапных "неприятностей":

> Гонимый рока самовластьем
> От пышной далеко Москвы,
> Я буду вспоминать с участьем
> То место, где цветете вы.

Увы, все ожидаемые и прибывшие на "пушкинскую" вечеринку к Реформатским "увяли, как сей неведомый цветок", а оставшаяся от нее россыпь шуточных безделок, извлеченных из недр отцовского шкапа, и через полвека доносит нам драгоценный дух общности, сродни утопии лицейского братства; общности людей, породненных

Пушкиным, ушаковским ученичеством и увлеченностью своей наукой. Я держу в руках эти забавные листки, и "вот уже мечтою странной душа наполнилась моя".

V

Г.О. ВИНОКУР – ПУБЛИКАЦИИ И РЕПУБЛИКАЦИИ

О ЯЗЫКЕ И О НАУКЕ В ГОДЫ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИИ

Рецензии Г.О.Винокура на книги А.Мазона, Н.А.Котляревского и П.П.Блонского

Публикация, предисловие и примечания
А.Б.Заполя (Рига, Латвия)

В 1921–1922 годах Г.О.Винокур активно сотрудничал в рижской газете "Новый путь"[1]. В газете Винокур писал преимущественно по вопросам международного положения и современной политики[2]. Но немалое место среди его газетных выступлений занимают и рецензии на новинки филологической, исторической, философской и художественной литературы[3]. Все они были подписаны либо инициалами автора *Г.В.*, либо псевдонимом *Л.Кириллов* или производными от него инициалами *Л.К.*

Введение их в научный оборот началось лишь в последнее десятилетие после переиздания в академическом однотомнике (Винокур, 1990) самой ранней из этих рецензий – на книгу Р.О.Якобсона "Новейшая русская поэзия".

В настоящей публикации мы хотим сделать следующий шаг и предложить вниманию читателей еще три рижских рецензии Винокура 1921 года. Все они написаны на книги видных ученых-гуманитариев: слависта А.Мазона, историка литературы академика Н.А.Котляревского и психолога и педагога П.П.Блонского. В совокупности они дают наглядное представление о научных взглядах и позициях Г.О.Винокура в ранний период его деятельности.

Первое, что ощутит читатель рецензий, – это одушевляющий их революционный пафос. Так, реформа науки Блонского становится у Винокура революцией в научном мышлении, а рецензия на книгу Котляревского пронизана убежденностью в правоте новаторского подхода к истории литературы как к истории форм. Само обращение к истории напрямую обусловлено стремлением разобраться в современности: "уяснение законов, движущих историческими судьбами – становится насущнейшей потребностью <...> почти всякого, кто, живя и работая в наше, полное исторического значения время – не может не поставить себе вопроса: чем диктуются все эти исторические сдвиги" (Винокур, 1921, с.2).

Вместе с тем, Винокур категорически отметает поспешную трактовку принципиальных научных вопросов с позиций сиюминутных политических интересов. Эта мысль звучит в рецензии на книгу А.Мазона "Язык войны и революции в России", где затрагивается также занимавшая ученого тема пуризма. В рецензии на книгу Котляревского "Девятнадцатый век" ставится фундаментальный филологический вопрос о критериях подхода историка к литературному произведению как источнику, о специфике и природе литературы.

В рецензии на книгу "Реформа науки" П.П.Блонского, в общем солидаризуясь с автором рецензируемой книги, Винокур ищет пути развития науки. Статьи дают материал для еще мало разработанной темы исторических взглядов формалистов и показывают формирование основных тем дальнейших исследований Винокура.

Все рецензии печатаются по первым газетным публикациям (точные ссылки даются в примечаниях). Орфография и пунктуация приближены к современной норме, явные опечатки исправлены, разрядка всюду принадлежит Г.О.Винокуру. Языковые примеры выделены курсивом в соответствии с современной издательской практикой.

A.Mazon. Lexique de la guerre et de la revolution en Russie. Paris, 1920[4]

Нет, кажется, ничего менее устойчивого, менее косервативного в духовной природе человека, чем его язык[5]. Постоянная текучесть языковых фактов, непременное их видоизменение диктуются многими причинами, но среди последних нельзя особо не отметить всякого рода

сдвиги и отклонения в социальной жизни человека. Достаточно просмотреть любое общее пособие по языковедению, чтобы убедиться, что всякая война, переворот, то или другое переселение масс неминуемо влекут за собой целый ряд изменений в строе языка данной социальной среды. Более консервативным является язык литературный, язык образованного общества. Сдвиги в истории литературных языков совпадают преимущественно с внешними событиями исключительно крупного масштаба. В такие эпохи язык приобретает зачастую формы столь неожиданные и необычные, что воспитанные наиболее традиционно общественные круги невольно отворачиваются от них: трудно воспринять сразу всю эту ошеломляющую массу новообразований, которые словно издеваются над твоим природным чутьем и вкусом: так и хочется приписать все эти новые явления чьей-то злостной выдумке, покусительству на дорогую и чтимую святыню. Но жизнь берет свое – и постепенно новые факты настолько глубоко внедряются в наше лингвистическое сознание, что кажется уже невозможным, нелепым, говорить и писать по-прежнему.

Именно с наличием такого рода фактов мы имеем дело в русском языке периода войны и революции. Легковесные и неграмотные в области основных вопросов малопопулярного у нас научного языкознания, публицисты разных мастей, особенно же те, которые все готовы принести в жертву своим политическим целям, охотно наклеивают на новые явления в жизни русского языка этикетки с надписями о "порче", "растлении" и т.п. Но всякий, кто понимает, что история делает свое дело, не считаясь ни с чем, кроме неизбежных законов поступательного развития, - должен понять также и то, что к явлениям языка нельзя применять обывательской мерки "хорошего" и "дурного" и что, изучая те или иные лингвистические факты, нужно совершенно отрешиться от точки зрения оценки, не присущей по существу никакому строго научному воззрению.

Только согласившись с изложенным, можно отнестись с должным вниманием к книжке французского лингвиста A.Mazon'a, знакомого уже русской филологической публике по его прежним трудам в области русского глагола. Автор пробыл в России начиная с первого года войны и кончая 1918-м годом. За это время он успел собрать довольно значительный материал, пользуясь как печатными источниками, так и живым повседневным языком. (Отметим, что картина, выясняющаяся из материалов Mazon'a, к настоящему времени получила во многом дальнейшее развитие.) Книга делится на 3 главные части. В первой автор собирает весь материал, относящийся к образованию новых основ в русском языке. Сюда

относится наиболее яркое и любопытное явление – сокращение терминов, как *цека*, дореволюционное *румчерод*[6], теперешний *совнархоз* и т.п. Сюда же относятся различные заимствования из иностранных языков, частью давно существовавшие, но получившие особенное распространение лишь после революции. Тут же автор отмечает и менее распространенное явление – употребление имени собственного как нарицательного (пресловутое – *либердан*[7]). Во второй части автор группирует наиболее продуктивные суффиксы и показывает, как посредством их распространяются старые и новые основы. Наконец, в третьей он останавливается на вопросах стилистических и семасиологических.

Подробно останавливаться на методах и интерпретациях автора можно было бы лишь на страницах специального органа. Здесь же укажем, что крайне интересный и актуальный для науки вопрос о русских лингвистических новообразованиях предлежащей книгой, конечно, не исчерпывается: здесь возможны еще очень плодотворные исследования. В частности, укажем, что автор совершенно не коснулся акцентологии, где можно было бы сделать немало интереснейших наблюдений, особенно в области сокращений[8]. В отделе о суффиксах, например, вне рассмотрения остались интересные случаи распространения русских основ посредством заимствованных суффиксов, типа: *царизм, старостат, советизировать*. Все это, однако, не умаляет интереса книги и, без сомнения, познакомиться с ней будет рад не только специалист-филолог, но и читатель широких кругов, так как книга написана живо, а научное освещение всем знакомых из повседневной жизни явлений придает последним особый смысл и значение.

История культуры и литература

(Нестор Котляревский. Девятнадцатый век: Отражение его основных мыслей и настроений в словесном художественном творчестве на Западе. Изд. "Наука и Школа", Петербург, 1921)[9]

Всякий раз, когда исследователь культурно-исторических фактов прошлого или настоящего привлекает в качестве материала для своих исследований памятники так называемой изящной культуры, перед ним неизбежно встают сложные методологические проблемы, без предварительного разрешения которых пользование памятниками художественной словесности попросту невозможно. В самом деле, как должен подходить историк к литературе? В какой мере произведения

словесности могут служить достоверным материалом для изучения культурно-исторической обстановки данной эпохи?

Ответ на эти вопросы возможен, естественно, лишь после того, как совершенно ясно установлена природа и сущность самих литературных произведений. Суммарно, мы можем характеризовать всю кучу современных методологий истории литературы как ставящие во главу рассмотрения – или форму, или содержание. Первая точка зрения, считающая, что история литературы есть не что иное, как исключительно история литературных форм в противовес пониманию истории литературы как истории быта и идей, в последнее время одерживает все новые и новые победы. То, что в литературном произведении понимается под "содержанием", сторонники этой точки зрения или упраздняют совершенно, или же, в лучшем случае – предоставляют рассмотрению и изучению тех, которые посвящают свою деятельность исследованию каких угодно областей духовной жизни человека, за исключением области словесного творчества как такового. Но и в этом случае, когда само по себе существование содержания не отрицается – постоянно подчеркивается, что из двух понятий – содержание и форма – только последнее обуславливает литературность, художественность данного словесного построения.

Если последнее верно – а весь ход развития филологической науки за последние десятилетия доказывает, что это именно так – то какое же значение остается на долю так называемого "содержания"?

Нестор Котляревский, рисующий в своей новой книге историю идей и настроений XIX века по литературным памятникам, так отвечает на этот вопрос: "Что история литературы, понимаемая в таком смысле (т.е. как история форм – Л.К.) имеет все права на существование... – с этим нельзя не согласиться. Но тому почетному месту, какое ей принадлежит, нисколько не угрожает другая постановка предмета, при которой творчество художников оценивается исключительно со стороны его содержания".

Эта попытка примирить обе точки зрения на литературу доказывает лишь, что Котляревский, кстати сказать, путающий точку зрения на историю литературы как историю форм и точки зрения, понимающие под нею психологию творчества и эстетику, не уясняет себе значения вышеизложенной теории до конца. "Содержание", согласно этой теории, независимо от того, "есть" оно или его "нет", во всяком случае, изучению историков литературы не подлежит, ибо то значение, которое может оставаться за содержанием, т.е. значение культурно-исторического документа, рисующего быт или идеи данной эпохи – по существу своему уже не входит в поле рассмотрения

историка литературы, – историка художественно-построенных словесных форм. Но и далее, даже как документ культурно-исторический, содержание носит на себе все признаки недостоверности. Принято говорить, что художественное произведение есть "отражение действительности". На самом деле, оно всегда, хоть в самой малой степени, есть ее искажение. Во всяком случае, с возможностью такого искажения, если принять во внимание, как умеет влиять на художника форма, из которой он лепит свои узоры, всегда необходимо считаться. И уж конечно, самый маловажный исторический документ в точном смысле этого <слова> достовернее, нежели литературное произведение, какими бы высокими качествами оно ни обладало.

Таким образом, если уж пользоваться "содержанием", то только с сугубой осторожностью, постоянно проверяя данные, полученные из изучения содержания, данными, полученными историческими исследованиями в собственном смысле слова. Это не только необходимо, но и неизбежно; и сам Котляревский, подчеркивающий как в предисловии, так и во вступительной части своего труда с особой настойчивостью, что никакие свидетельства, непосредственно из содержания рассматриваемых им литературных произведений не вытекающие, им в своей работе во внимание не принимаются, на самом деле, на всем протяжении своей книги касается таких сторон литературной жизни, знакомство с которыми у него необходимо должно было быть помимо знакомства с содержанием изученных им памятников словесности. Таков его общий обзор культурных завоеваний XIX века в первых главах книги, таковы его характеристики личности поэтов. "Все они (поэты) – дети своего века, типичные выразители его "духа", и с этим "духом" века нам прежде всего надлежит освоиться", – пишет Котляревский на стр.112. Но если так, то знание о "духе" предшествует знанию о выражении его у поэтов. "Сообразно с тем, как женский вопрос идейно ставился и решался, он находил свое отражение и в изящной словесности. Памятники литературы были, однако, скромнее в своих требованиях, чем рассуждения моралистов..." – пишет автор в другом месте (стр. 153). Здесь опять знание о женском вопросе и о разрешении его моралистами предшествует знанию о выражении этого вопроса в литературе и т.д. Достаточно посмотреть далее любое рассуждение Котляревского о личности того или иного поэта (Гете, Байрон), чтобы убедиться, что не может всего этого знать автор только из содержания произведений поэтов: знакомство с биографией поэтов, с исторической обстановкой их времени – просачивается на каждой странице. Таким образом, сам же Котляревский доказывает своим трудом,

что "содержание" может быть лишь иллюстрацией тех исторических выводов, к которым приходит исследователь на основании чисто исторического материала.

Но, "обманув сам себя", Котляревский тем самым не лишил своего труда того интереса, который мог бы исчезнуть, если б автор последовательно шел за своими методологическими рассуждениями. Подкрепленные сведениями общеисторического характера, иллюстрации настроений XIX века из "содержания" имеют свой raison d'etre и весьма поучительны.

П.П.Блонский. Реформа науки. М. 1920

Небольшая книжка П.П.Блонского, небезызвестного в Москве педагога и философа – необычайно смела: размах ее, поистине, грандиозен. Книжка эта – революционный ураган, разразившийся вдруг над современным научным мышлением. Не оставляя камня на камне в том величавом и, казалось бы, несокрушимом здании, которое столь гордо именуется системой человеческого знания XX века, брошюра Блонского не ограничивается, однако, разрушительной ролью и тут же, в конкретных примерах, образцах, указывает пути, по которым должно идти человеческое знание впредь. Только революция могла родить такую книгу. Понятен, поэтому, ее исключительный интерес.

Философия, а за ней и все наше знание – родилось из мифологических представлений. Наши далекие праотцы всю систему своего мышления строили на мифологических представлениях неба и души. Но и мы – "правнуки древних адептов религии небесного огня и души" – в основе нашего созерцания до сих пор сохраняем те же представления. Философский идеализм, равно как и философский натурализм – суть сплошные атавизмы мысли: учения эти исходят из мифов. "Сознание вообще" и "мыслимый мир" идеалистов есть плоть от плоти и кость от кости "вседержительницы общей души" древних эллинов, а "вселенная", "мир", "природа" натуралистов – тысячелетний отзвук древнего мифа о "растительнице". Отсюда мифологичны и все основные понятия современного естествознания. Понятие "материи" есть лишь плод недопустимой абстракции форм от вещества, и возникло оно в результате мифологического мышления.

Понятие "силы", "причины и действия" – опять-таки лишь терминологический перепев древней "души", которую эллин Фалес предполагал и у магнита, притягивавшего своей "душой" металлы.

Понятно, что и современная психология полна атавизмов и глубоко ненаучна. Только с иронией можно говорить, что психология, изучающая до сих пор так называемые "способности" все той же "души" – дает нам знание о человеке. Наконец, "товарный фетишизм", кумир денег и государства – неограниченно властвуют доныне в нашем обществоведении, которое есть не что иное, как "социальное мифотворчество".

Как же должна строиться подлинная наука?

Подлинная, научная система знаний, говорит Блонский, должна базироваться на аналитическом методе. Всякое научное исследование есть анализ заданной проблемы, и лишь историки науки исказили сущность научного метода. Античный философский анализ был обобщением геометрического анализа (Аристотель). Декарт и Спиноза пытались путем обобщения математического анализа создать универсальную науку. Мы должны продолжить их дело и создать науку как обобщенную математику. Современная математика, пользуясь лишь кабалистическими символами – губит себя самое. В математике необходима революция, которая должна состоять в освобождении ее от символики, ибо все ее символы переложимы на общечеловеческий язык и должны стать основными понятиями грядущей универсальной науки – философии, которая сливается с математикой. Новая философия должна быть пропитана рационализмом. Далее, она должна быть релятивистична, ибо всякого рода абсолюты должны быть окончательно выметены из научных построений; наконец, универсальная наука должна быть и гипотетична; гипотетизм есть не несовершенное состояние научного мышления, но, наоборот, самый типичный признак совершенства его. Только научно недисциплинированный ум отличается категоричностью суждений, совершенная же научная истина всегда есть условное суждение.

Далее, исходя из аналитического метода, научное мышление неизбежно становится на экспериментальный путь. Отсюда – ложность разделения наук на теоретические и прикладные: экспериментальная наука и техника родственны, а связь математики с современной техникой отнюдь не случайна. Таким образом, философия будущего, превращаясь из "миросозерцания" – в философию действия, ибо истина есть практическое понятие, а мышление – действие, становится в основных своих отделах экспериментальной технологией, выраженной в терминах обобщенного математического анализа.

Установив, таким образом, принципы новой универсальной науки, Блонский далее указывает пути для отдельных наук, составляющих главы этой "Mathesis Universalis"[11]. Психология должна стать наукой

о поведении человека в зависимости от тех или иных условий, причем под человеком подразумевается определенное биологическое существо – homo sapiens, и превращается, таким образом, в науку биологическую. К сожалению, говоря о простейших движениях, из которых должна исходить психология, Блонский мало разъясняет отношение этих движений к явлениям сознания, почему остается неясным метод изучения последних.

Само собою понятно, что все виды человеческой деятельности – социальны. Это относится и к рассудочной деятельности, ибо и слово – есть социальный продукт. Самое поведение человека – есть результат двух факторов – географической среды и социальной активности живого организма, в деятельности своей пользующегося орудиями. Отсюда – ключ к разгадке поведения человека в технической деятельности человеческого общества. Таким образом, Блонский становится на марксистскую точку зрения, которая признается им единственно научной, и на базе марксизма реформирует обществоведение. Останавливаясь далее на филологии, Блонский считает ее "искусством критического чтения" и указывает, в какое буквоедство и крохоборство выродилось это, когда-то высоко стоявшее, искусство. Несомненно, однако, что такое понимание филологии узко: Блонский совсем упускает из виду "филологическую математику" – лингвистику, на основе которой должна строиться новая филология:

Но этим брошюра Блонского не ограничивается. В дальнейшем она касается вопроса об образовании и превращается в проникнутый большой внутренней силой памфлет по адресу академических кругов и интеллигенции. Вскрывая все язвы нынешнего традиционного образования, где на каждом шагу мы наталкиваемся на вопиющие преступления, смело и убежденно рисуя всю духовную нищету нынешнего интеллигента, не обладающего даже крохами подлинного научного знания и всю жизнь сдающего лишь бесконечные "экзамены" и "зачеты", Блонский зовет к новой школе – школе актуальной истины, которая возможна, конечно, лишь после уничтожения всех классовых перегородок и которую призван творить рабочий класс.

Книжку Блонского читаешь с неослабевающим интересом. Если и не во всех пунктах с ней соглашаешься – то все же она есть подлинное свидетельство наступившего в жизни человечества перелома, подлинный провозвестник уже обрисовывающейся сквозь дым и пламя революционного пожара – новой культуры.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Издателем газеты было дипломатическое представительство Советской России в Латвии (Brempele, Fligere, Lunina, 1976. P.261). Г.О.Винокур был заведующим Бюро печати постпредства (Цейтлин, 1965. С.19) и фактическим редактором "Нового пути".

[2] Опубликованного списка публикаций Винокура по этим вопросам пока не существует. М.И.Шапир суммарно оценивает их число (вместе с выступлениями в берлинской газете "Новый мир") в 150 (Шапир, 1990. С.405).

[3] В библиографии трудов Винокура (Шапир, 1990) зафиксировано 30 таких рецензий в 1921 г. и 6 – в 1922 г. Неучтенной осталась статья: Винокур Г.О. Ахматова и Маяковский в оценке К.Чуковского // Новый путь. 1921, 27 марта, №46, с.6. Подпись: Л.Кириллов.

[4] Новый Путь. 1921. 8 мая. № 79. Подпись Л.Кириллов. Мазон Андре (1881-1967) – французский филолог-славист.

[5] Ср. позднее высказывание Винокура: «Не существует строгого параллелизма между историей языка и историей жизни<...> В истории каждого языка, наряду с текучим, изменчивым, сохраняется и нечто постоянное, "вечное"» (Винокур, 1991. С.411).

[6] Сокращенное название Центрального исполнительного комитета Советов Румынского фронта, Черноморского флота и Одесской области.

[7] Слово, образованное от фамилий двух меньшевиков – М.И.Либера и Ф.И.Дана.

[8] Вопрос о сокращениях рассматривается в статьях Винокура следующих лет, см., например, (Винокур, 1929).

[9] Новый Путь. 1921, 22 июня. № 115. Подпись: Л.Кириллов. Котляревский Нестор Александрович (1863-1925) – историк русской литературы.

[10] Новый Путь. 1921, 19 октября. № 215. Подпись Л.Кириллов. Блонский Павел Петрович (1884-1941) – педагог, психолог, философ.

[11] "Универсальная наука".

ЛИТЕРАТУРА

Винокур Г.О. Новые исторические пособия // Новый путь. 1921, 4 июня. №100. Лит. прил.

Винокур Г.О. Язык "нэпа" // Винокур Г.О. Культура языка / Изд. 2, испр. и доп. М. 1929.

Винокур Г.О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М. 1990.

Винокур Г.О. О языке исторического романа // Винокур Г.О. О языке художественной литературы. М. 1991.

Цейтлин Р.М. Григорий Осипович Винокур (1896-1947). М. 1965.

Шапир М.И. Библиография опубликованных трудов Г.О. Винокура (1916-1988) // Винокур Г.О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М. 1990.

Brempele A., Fligere E., Lunina V. Revolucionara un padomju periodika // Latviesu Periodika. 3 sejumos. 1768=1940. 2 sej. 1920-1940. Riga. 1976.

ЗАБЫТАЯ РАБОТА Г.О. ВИНОКУРА О КУЛЬТУРЕ РЕЧИ

Публикация и вступительная статья Б.С. Шварцкопфа

Взгляды Винокура на проблему культуры речи

Научная деятельность Григория Осиповича Винокура была тесно связана с формированием в советском языкознании трех – новых – взаимосвязанных ветвей лингвистики: стилистики, истории литературного языка, культуры речи. Следует заметить, однако, что значение его трудов в становлении культуры русской речи и сейчас еще в какой-то мере остается недооцененным: речь пойдет о статье Г.О.Винокура "Проблема культуры речи", напечатанной в 1929 году в № 5 журнала "Русский язык в советской школе" и, как ни странно, не вошедшей ни в одну из трех посмертных фундаментальных публикаций его трудов (Винокур, 1959, 1990, 1991). Между тем и содержание этой статьи, и ее место в работах ученого необычны и нуждаются в специальном освещении.

Известно, что вызревание теоретических идей в области культуры речи в 20–30-е гг. прослеживается в ряде отдельных работ известных лингвистов. И, прежде всего, это А.М.Пешковский ("Объективная и нормативная точка зрения на язык", 1923), Е.Д.Поливанов ("Историческое языкознание и языковая политика", 1931), Л.В.Щерба ("О трояком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании", 1931) и нек. др., см. (Толстой, 1987). Но лишь об одном лингвисте этого периода – о Г.О.Винокуре – можно сказать, что в 20-е гг. на протяжении почти целого десятилетия основным содержанием его научной деятельности стала разработка проблем культуры русской речи (и, что важнее всего, ее теоретических проблем).

С 1918 г. – еще студентом – Г.О.Винокур связал свой научный путь с Московским лингвистическим кружком, объединившим ряд талантливых филологов разных поколений. Именно в этом кругу шел творческий процесс взаимодействия идей И.А.Бодуэна де Куртенэ и Ф. де Соссюра; и именно здесь Григорий Осипович выступил с докладом "Об общей лингвистике де Соссюра" (Цейтлин, 1965, с.16). Молодого лингвиста увлекали проблемы языка как семиотической и как системной организации, диахронии и синхронии, соотношения "язык – речь", и собственно проблемы "говорения" (parole), выдвигавшие на первый план проблему функционирования языка, а тем самым и проблематику стилистики и культуры речи. (В какой-то

степени в том же направлении подталкивала Григория Осиповича и его практика как журналиста.) Подробнее об этом см. (Цейтлин, 1965).

Библиография опубликованных в 20-е гг. работ Г.О.Винокура (Винокур, 1990) отчетливо показывает напряженность его труда над книгой "Культура языка. Очерки лингвистической технологии". 1923-й год (третий год работы Винокура в журналистике) – и из пятнадцати журнальных публикаций семь посвящены проблемам культуры русской речи: 1. Язык на сцене (Заметки лингвиста); 2. Футуристы – строители языка; 3. Опыт переизложения газеты; 4. О революционной фразеологии; 5. Культура языка (Задачи современного языкознания); 6. и 7. Язык нэпа: очерки первый и второй. И следующий – 1924-й год – также насыщен культурно-речевыми публикациями (четыре из шести): 1. О занятиях по языку в корреспондентских кружках; 2. О пуризме; 3. Язык типографии; 4. Язык нашей газеты. И – результат этой подготовительной работы: в 1925 г. выходит монография "Культура языка. Очерки лингвистической технологии" (Винокур, 1925), а также заметка в "Журналисте" – "Культура чтения".

Работа Григория Осиповича в этом направлении продолжается. В 1927 г. выходит его книга, проблемно связанная с первой: "Критика поэтического текста". В 1928 г. появляется одна из наиболее ярких его статей: "Глагол или имя? Опыт стилистической интерпретации". И в 1929 г. – второе, исправленное и дополненное, издание "Культуры языка".

Предварительные публикации отдельных статей в общем достаточно полно очерчивают содержание книги. Она состоит из трех основных разделов.

1. *Язык быта* (в первом издании это раздел первый, во втором – второй). Стержневым здесь является вопрос о пуризме. Интересна сама характеристика этого явления: с одной стороны, его бесперспективность (он "не нужен ни языку, ни говорящим. Первого пуристы не понимают, вторые – их не слушают", с.109; далее страницы второго издания книги указываются в тексте в круглых скобках); с другой, изменяемость "исторического содержания пуризма" в различные эпохи, и тем более в периоды сильнейших социальных потрясений (с. 86).

Новизна постановки вопроса о пуризме в книге связана с двумя проблемами. Первая – это возможность допустимости пуризма как компонента культуры языка (на базе знаний и языкового вкуса) в процессе массового стилистического воспитания. Вторая связана с критерием нормативной (стилистической) оценки языкового средства

в контексте: отказ от априорной идеи "правильности"; «в языке нет "хорошего" или "дурного", она (научная грамматика – *Б.Ш.*) знает лишь "пригодное" или "непригодное" для данного конкретного речевого задания", причем "непригодное в одном случае легко может оказаться пригодным для другого» (с.245). Ср. критерий коммуникативной целесообразности ("адекватности средств цели высказывания" (Гавранек, 1967, с.374)). Неслучайно Винокур выходит на пушкинскую по происхождению формулу: "сообразность и соразмерность данного слова в современной структуре языка" (с.104), взятую на вооружение в 60-е гг. К.И.Чуковским (Шварцкопф, 1970, с.385-386).

2. *Язык прессы* (в 1-м издании это раздел второй, во 2-м – третий). Этот раздел замечателен тем, что содержит одно из первых в русском языкознании (после работы И.А.Бодуэна де Куртенэ "Об отношении русского письма к русскому языку", 1912) обсуждение специфики письменного/печатного языка (труд А.А.Реформатского "Техническая редакция книги" выйдет в 1933 г. (Реформатский, 1933), а работы Й.Вах(е)ка появятся в 1939 и 1948 гг. (Вахек, 1967)). Сам Григорий Осипович отдавал себе отчет в том, что обращение к этой проблематике – результат отхода от научной парадигмы младограмматиков: "Для нас, однако, ясно, что слово написанное есть слово столь же реальное, как и слово сказанное" (с.218-219). Для Г.О.Винокура исследование письменной речи органически связано со стилистикой: "сознательная установка на средства выражения" приводит к тому, что пишущий "принужден д у м а т ь о своем языке, в ы б и р а т ь слова и выражения, т.е. действовать с т и л и с т и ч е с к и" (с.169).

Характерно, что рассматривая в этих рамках и шрифтовые (типографские) средства, Винокур четко формулирует необходимость системного к ним подхода: "В языке все решается соотнесенностью элементов"; "Каждый из элементов обладает смыслом до тех пор, пока он понимается именно как элемент системы..." (с.225).

3. *Искусство слова и культура языка* (в 1-м издании раздел третий, во 2-м – четвертый). Для широты мышления Григория Осиповича характерно то, что здесь соседствуют проблемы "Пушкин-прозаик" и "Речевая практика футуристов".

Именно в этой книге Г.О.Винокур сформулировал два тезиса, которые являются определяющими для его языковедческих взглядов (и для мировоззрения вообще). Во-первых, это крайне важное и характерное для него понимание того, что "Язык есть к у л ь т у р н а я т р а д и ц и я" (с.117). Во-вторых, это направленность на "осознание языкового механизма" (с.260); эта направленность характерна для всех его лингвистических работ.

Первое издание открывалось Введением: О возможности прикладного языкознания (с.9-30), и это было для автора чрезвычайно существенно: аргументация характера работы о культуре языка как прикладной, т.е. обращенной к носителям языка непосредственно (идея, идущая от И.А.Бодуэна де Куртенэ). Во втором издании этой идее посвящен первый параграф первого раздела, носящего теперь название "Лингвистическая стилистика" (об интерпретации этого термина см. далее).

***

Переиздаваемая в этом сборнике статья Г.О.Винокура явилась научным итогом его работы над двумя изданиями книги, итогом его размышлений над проблемами культуры русской речи. Она как бы вбирает в себя всю проблематику книги, выстраивая ее содержание в четкую научную лингвистическую концепцию.

Статья снимает бросающуюся в глаза противоречивость терминов "культура языка" (заглавие книги) и "стилистика": речь идет о "культуре речи" (исправляет нас заголовок статьи), в основу которой кладется "лингвистическая стилистика", понимаемая как лингвистическое учение о правилах построения речи. В центре внимания в статье понятие **правильность**, но не как логическая правильность "обозначения средствами языка предмета мысли", а как "правильность высшего порядка" (так отмечает в сноске редакция журнала) – "правильность узуса", план "лингвистического вкуса", "лингвистического приличия" обеспечивающий соответствие используемых языковых средств "обстоятельствам речи", дающий возможность слушающему "воспринять <...> содержание в правильном отношении к окружающей социально-культурной обстановке".

Роль лингвистики Винокур видит в выработке объективных данных о языке и его закономерностях, предстающих в процессе массового лингвистического воспитания как директивные правила речевого поведения. Парадокс культуры речи говорящего заключается в сочетании и взаимодействии **речевого инстинкта** (лингвистических вкусов говорящего, формируемых обиходной речью, его речевой практикой и степенью начитанности) и **сознательности речи** (за которой стоит уровень знаний говорящего о языке). Отсюда и возможность воспитания **умелой речи** говорящего, учитывающей многообразие речевых жанров.

Впервые в лингвистической литературе четко формулируется тезис об **оценочно-вкусовых суждениях** говорящего, об охвате им всей гаммы от индивидуального акта общения до задач языковой политики, об их роли в функционировании и развитии литературного языка как

реакции говорящего на процессы динамики языка, о борьбе вкусов, обусловливающей бесплодность пуризма.

Статья Г.О.Винокура "Проблема культуры речи" печатается по (единственному) изданию:"Русский язык в советской школе". 1929. № 5, с.82-92. Курсив, в соответствие с современной практикой, сохранен только для передачи языковых примеров, а в функции смыслового подчеркивания – заменен полужирным шрифтом.

ЛИТЕРАТУРА

Вахек Й. К проблеме письменного языка (1939) // Пражский лингвистический кружок. М. 1967.

Вахек Й. Письменный язык и печатный язык (1948) // Пражский лингвистический кружок. М. 1967.

Винокур Г. Культура языка. Очерки лингвистической технологии. М. 1925; изд.2-е – 1929.

Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М. 1959.

Винокур Г.О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М. 1990.

Винокур Г.О. О языке художественной литературы. М. 1991.

Гавранек Б. Задачи литературного языка и его культура (1932) // Пражский лингвистический кружок. М. 1967.

Реформатский А.А. (при участии *М.М.Каушанского*). Техническая редакция книги: Теория и методика работы. М. 1933.

Толстой Н.И. Вопросы культуры речи в трудах русских лингвистов 20-х годов// Развитие языковой жизни стран социалистического содружества. II. Praha. 1987.

Цейтлин Р.М. Григорий Осипович Винокур (1896 – 1947). М. 1965.

Шварцкопф Б.С. Очерк развития теоретических взглядов на норму в советском языкознании // Актуальные проблемы культуры речи. М. 1970.

Б.С. Шварцкопф

Г.О. Винокур

Проблема культуры речи

В 1869 г. в Веймаре вышла "Индогерманская хрестоматия", составленная Авг. Шлейхером и его ближайшими учениками с целью дать лицам, изучающим сравнительное языковедение, небольшое собрание текстов на главных индоевропейских языках, т. е. несколько живых и конкретных образцов для научной работы. В предисловии к этой хрестоматии, которое подписано самим Шлейхером, есть, между прочим, такая фраза: "Весьма ценно, кроме грамматики языков, изучить также сами эти языки, хотя бы и в ограниченном объеме". В те годы, оказывается, лингвистов нужно было убеждать в том, что

практическое знание языков **полезно** для научного их изучения. Теперь это кажется нелепостью. Кому не известно, что научное изучение языка попросту **невозможно** без знания языка в практическом отношении, т.е. без того, по крайней мере, чтобы понимать написанное и сказанное на изучаемом языке? Но трудно было бы поручиться, что каждый из современных лингвистов, который легко и без всяких внутренних сомнений даст положительный ответ, если его спросить, необходимо ли практическое знание языка для лингвистических исследований, –действительно понимает эту внутреннюю необходимость и ту принципиальную, принудительную связь, которая существует между этими двумя видами знания о языке. Я задам с виду совершенно простой вопрос. Что, в сущности говоря, значит это выражение: знать язык? Когда в общежитии про кого-либо говорят, что он **знает**, например, английский язык, то этим непременно предполагается, что данное лицо в той или иной степени свободно говорит и пишет по-английски. Применимо ли это к так называемому научному знанию языка? Сначала кажется, что не применимо. Ученый, изучающий английский язык лингвистически, т.е. так, как этот язык в качестве объективного предмета изучается в науке, вовсе не обязан – так, по крайней мере, кажется – **уметь** говорить и писать по-английски. Ученый, как говорят в таких случаях, должен только знать "теорию" языка, т. е. существующие в этом языке способы выражения грамматических отношений, лежащие в основании его словаря семасиологические законы, его фонетический строй, а кроме того, так называемую "историю" языка, под которой обычно понимаются разного рода генеалогические сведения. Об истории языка я буду говорить подробнее впоследствии. Оставим ее пока в стороне; попробуем спросить себя, где же находятся источники тех знаний о языке, которые в житейском обиходе называются теоретическими. Откуда ученому известно, что заменяет в английском языке наш родительный падеж, какие существуют по-английски переходы между частями речи и т.д.? Разумеется, из наблюдений над живым письменным или устным языком, – своих собственных наблюдений или чужих, что, понятно, не составляет никакой принципиальной разницы. Но как нужно представлять себе само это наблюдение? Ведь следует иметь в виду, что в разных науках наблюдение осуществляется по-разному. В естественных науках наблюдение совершается исключительно с помощью внешних чувств. Наблюдаемый предмет здесь ощупывается, измеряется, взвешивается, определяется со стороны своего цвета, запаха, размера и физического строения. В совершенно другом положении оказывается языковед, как и

всякий другой представитель наук о культуре. Для исчерпывающего наблюдения над каким-либо фактом речи одних внешних чувств недостаточно. Здесь внешние чувства являются лишь передаточной инстанцией.

Они воспринимают только звучащую или – если перед нами писанный текст – графическую оболочку речи. Самое же речь, т.е. все содержание, которое лежит за звуком и буквой и которое, собственно, только и заслуживает названия языка,– эту речь нельзя ни понюхать, ни ощупать, ни увидеть, ни измерить. Ее можно только понимать. Нет таких приборов или инструментов, с помощью которых можно было бы определять синтаксическое значение падежных или иных форм. Нет мерок, которыми можно было бы измерить смысл глагола или имени как самостоятельных категорий грамматического выражения. Язык есть система знаков, наделенных значениями. Раскрыть значение языкового знака, узнать, что данный знак **значит**, – это и означает понять его. В общей форме поэтому можно сказать, что знать "теорию" языка – значит понимать язык в его целом и во всех деталях, уметь разъяснить грамматическое и словарное значение всего, что на данном языке сказано или написано. Попробуем представить себе более наглядно, как осуществляется понимание языкового знака. Намеренно изберу самый элементарный и избитый пример, встречающийся во всех лингвистических учебниках: *мать любит дочь*. Перед лингвистом, изучающим эту фразу со стороны ее синтаксиса, стоит задача: раскрыть грамматическое значение слов *мать* и *дочь* так, чтобы в результате стало понятно, что здесь подлежащее и что – дополнение. Абстрактно-формальный анализ не дает ответа на этот вопрос, потому что строго-формально оба эти слова могут быть здесь и именительным, и винительным падежом. Тем не менее исследователю необходимо найти какие-либо внешние приметы, которые позволяли бы различить оба эти случая. Он пробует изменить интонацию, но сейчас же убеждается, что никакая перемена интонации не вносит ничего нового как раз в синтаксическое содержание фразы. Если мы скажем: *мать любит дочь* или *мать дочь любит*,– то все раво во всех случаях и *мать* и *дочь* могут обозначать и подлежащее и дополнение, хотя общий смысл фразы и изменится; в первом из этих случаев фраза будет означать, что именно мать, а не кто-нибудь другой любит дочь, но с полным правом ее можно будет понять и обратно, т. е. что дочь любит именно мать, а не кого-либо другого; то же с соответствующими перемещениями останется действительным и для другого случая. В конце концов исследователь убеждается, что интересующий его синтаксический вопрос решается только в

зависимости от контекста. Конструируя возможные контексты для своей фразы, он приходит к заключению, что при отсутствии осложняющих обстоятельств в предложении: *мать любит дочь* подлежащим является слово *мать*, но что возможны и такие контексты, в которых подлежащее стоит в подобной фразе на конце. Предположим теперь, что ученый, которому нужно было произвести это исследование, не умеет говорить по-русски, в самом элементарном и простом смысле этих слов. Предположим, что он принимается за свое исследование с навыками какого-либо другого языка, в котором действует закон твердого порядка слов, например, французского. Сумеет ли он в этом случае хоть что-нибудь понять в русском синтаксисе? Разберется ли он в приведенных выше нюансах и найдет ли нужный контекст для решения вопроса, если он не умеет хотя бы для самого себя выразить все эти нюансы так, как они выражаются на русском языке? – Разумеется, нет. Но в чем состояли те умственные операции, которые производил исследователь с целью добраться до подлинного синтаксического смысла фразы? Меняя интонацию, подбирая разные контексты, он в сущности занимался не чем иным, как **критикой**, в точном смысле этого старинного филологического термина. Он оценивал возникающие конструкции с точки зрения их пригодности для точного выражения разных оттенков мысли. Но не очевидно ли, что дефект выражения можно заметить только тогда, когда знаешь, как этот дефект должен быть устранен? На примере лингвистической критики становится особенно наглядной та истина, что критика как средство понимания является не отрицанием и не утверждением самим по себе, а диалектическим и целостным сочетанием того и другого. Она говорит "плохо" только тогда, когда точно знает, что нужно сделать для того, чтобы это "плохое" заменить "хорошим" (ср. к этому общие положения моей книжки "Критика поэтического текста". М. 1927). Таким образом, мы наглядно и непосредственно убеждаемся в том, что в лингвистике не только нет никакого принципиального разрыва между знанием и умением, а, наоборот, знание и умение здесь связаны органически, неизбежно, самим существом дела. В языкознании знать – значит понимать, а понимать –значит уметь отличать нужное и верное от ненужного и неверного – и этим самым знать это нужное и верное. На практике лингвисты действительно не всегда исчерпывающе владеют тем языком, который они научно изучают, они действительно не всегда "умеют". Вряд ли, конечно, это обстоятельство содействует успешности их исследований; но во всяком случае у них непременно должно быть все **нужное для того, чтобы уметь**,– иначе они не лингвисты. Я должен, кроме того, заметить, что полностью

присоединяюсь к мнению тех современных лингвистов, которые, как, например, Балли, настойчиво подчеркивают, что наиболее совершенным научным изучением языка может быть лишь изучение своего родного языка.

Мы пришли к выводу, который по существу не содержит ничего нового и вовсе не является "открытием"[1], но который лишь в силу некоторых установившихся предубеждений не получил до сих пор той категорической формулировки, какой он заслуживает. Вывод этот состоит в том, что всякое научное знание языка необходимо и принципиально предполагает практическое умение обращаться со средствами этого языка. Но, как известно, обратная теорема возможна не всегда. Если я подчеркиваю, что всякое научное знание языка является вместе с тем и практическим знанием, то это еще не значит, что всякое практическое знание является вместе с тем и научным. Если мы теперь рассмотрим условия, при которых практическое знание языка, оставаясь всецело практическим по своей тенденции, может тем не менее базироваться на научном понимании языка, то тем самым мы осветим проблему культуры речи, которой посвящена эта статья.

Но предварительно необходимо остановиться на одном вопросе, то или иное решение которого должно иметь определяющее значение для всего последующего изложения. Это вопрос о так называемой правильности в языке. Легко видеть, что он возникает в данной связи не случайно и не со стороны, а в самом ходе нашего рассуждения. Выше мы видели, что всякое изменение, которое вносил наш гипотетический исследователь в структуру выражения, приводило к тому или иному изменению смысла. Связь формы и содержания в языке является настолько неразрывной и конкретной, что, строго говоря, каждая мысль и каждый оттенок смысла имеют в языке только одно единственное выражение. Все искусство речи, которое понимается здесь мною в самом широком смысле, т.е. включая и научную, и поэтическую речь, состоит именно в том, чтобы найти это единственное верное и точное выражение для своей мысли. Ведь мы хорошо знаем из повседневной практики, что стоит иной раз переставить одно-два слова во фразе, поставить ударение не на том члене предложения, не так распределить силу голоса, – и смысл начинает меняться. И вот сказать свою фразу так, чтобы она обозначала как раз ту мысль, которую потребно выразить, чтобы смысл ее был совершенно свободен от возможности неверного истолкования, это и значит сказать ее правильно[2]. Этот тезис формулируется мною настолько решительно и безоговорочно, что он, несомненно, сразу же вызовет возражения или, по меньшей мере, недоумение. Мне сразу же укажут

на многочисленые факты, которые, по-видимому, плохо мирятся с утверждением о том, что одна и та же мысль не может быть выражена различными средствами языка. В самом деле, разве нет в каждом языке бесчисленных словарных и синтаксических дублетов? Разве не располагает художник слова, да и вообще всякий, кто владеет своим языком, целой палитрой синонимов и параллельных грамматических средств? Все эти факты мною, разумеется, ни в какой степени не отрицаются. И тем не менее я продолжаю настаивать на правильности своего тезиса. Дело в том, что так называемая синонимичность средств языка, если иметь дело не с лингвистической абстракцией, а с живым и реальным языком, с тем языком, который фактически существует в истории, является просто напросто фикцией. Синоним является синонимом только до тех пор, пока он находится в словаре. Но в контексте живой речи нельзя найти ни одного положения, в котором было бы все равно, как сказать: *конь* или *лошадь*, *ребенок* или *дитя*, *дорога* или *путь* и т.п., и т.п. Например, слово *конь* в современном языке в обиходной речи почти не встречается, зато необходимо присутствует в военной и шахматной терминологии. Военный или шахматист может назвать своего коня *лошадью* только при особых условиях, например, в шутку или чтобы подчеркнуть свое эмоциональное отношение к нему: "Эх ты, лошадь", и т.п. Слово *дитя* в современном языке имеет чрезвычайно узкий круг распространения и возможно только в совершенно особых ситуациях, например, при подчеркнутом выражении ласки, в применении ко взрослому, которого упрекают в наивности или легкомыслии ("ты совсем как дитя")и т.п. Что касается параллели *дорога – путь,* то здесь дифференциация стала чуть ли уже не окончательной, так как *путь* употребляется только в переносном смысле или в таких выражениях, как *пути сообщения.* Все эти примеры показывают, что если в силу исторических причин в языке оказываются парные слова для одного и того же понятия, то их значение сразу же начинает дифференцироваться. В старые годы можно было называть *платьем* не только женскую, но и мужскую одежду. С другой стороны, в наше время слово *костюм* в применении к женскому туалету означает особый, совершенно специфический род женской одежды (соединение юбки с жакетом). Но эта дифференциация не всегда протекает одинаково. В основном можно выделить два типа диференциации синонимических значений. В первом случае синонимические слова начинают выражать разные предметы или разные стороны в одном и том же предмете, разные детали одного понятия. Сюда относится, например, судьба таких слов, как *костюм – платье.* Но в других случаях предметное и логическое

значение обоих синонимических слов остается тожественным, и синонимы перестают быть синонимами только потому, что каждый из них приобретает собственную сферу употребления. Таковы слова *конь – лошадь*. В принципе это применимо и к грамматике, с той только разницей, что здесь все эти дифференциальные оттенки и нюансы бывают гораздо более тонкими и их труднее определить. Приведу все же хотя бы такую параллель, как *тип Мольера* и *мольеровский тип*. В первом случае имеется в виду герой реального произведения Мольера, во втором – человек, характер которого делает его похожим на персонажей мольеровских комедий. С другой стороны, в предметном и логическом значении фразы как будто ничего не меняется, скажем ли мы: "Я в течение часа *наблюдал падение* снега" или: "Я в течение часа *наблюдал, как падает* снег". Но стоит себе представить обе эти фразы в живом контексте, чтобы сразу же заметить, что первый вариант гораздо более удобен, например, в научной речи, тогда как второй естественнее встретить в повествовании. Этот принцип изучения синонимических средств языка должен проводиться в лингвистике с решительной и крайней последовательностью, потому что даже и в тех случаях, когда в словарных или грамматических синонимах нельзя прямо усмотреть никакой дифференциации, она всегда присутствует в них потенциально, в качестве возможных типических признаков, индивидуализирующих речь класса, профессии, семьи, – наконец, отдельных лиц. В целом – здесь нужно руководиться старинным правилом лингвистики: чем лучше мы знаем язык, тем меньше мы находим в нем синонимов.

Таким образом, у нас есть два понятия правильности в языке. Можно говорить о правильности логической, задача которой состоит в том, чтобы наиболее точно обозначить средствами языка соответствующий предмет мысли, и правильности узуса, как бы лингвистического вкуса и приличия, которая требует, чтобы говорящий знал, при каких обстоятельствах и в какой речевой обстановке можно пользоваться теми или другими средствами языка. Эти два понятия правильности находятся в соответствии с двумя основными функциями языка: функцией сообщения, выполнение которой лежит на так называемой внутренней форме слова, и функцией впечатления, осуществляемой экспрессивными формами языка. Следовательно, правильной речью нужно называть такую речь, которая, во-первых, правильно сообщает соответствующее содержание, а во-вторых, позволяет слушающему воспринять это содержание в правильном отношении к окружающей социально-культурной обстановке. Теперь

спрашивается, какими средствами достигается воспитание этой правильности у пользующихся языком, и что может и должна сделать лингвистическая наука в этом отношении.

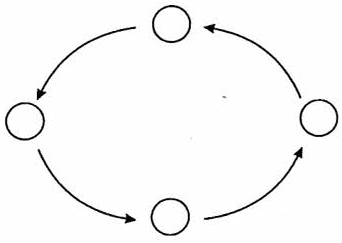
Правильное пользование средствами языка в обиходных формах речи обычно подсказывается инстинктом. Обиходная речь – это действительно речь по большей части **естественная**, т. е. автоматическая, не предполагающая рефлексии и самоосознания. Однако, видимая естественность этой речи не должна обманывать, потому что в принципе и такая речь, несомненно, предполагает активное отношение к средствам языка, как бы механически ни совершался этот отбор средств на практике. Иначе были бы невозможны те исключения из подсказываемого инстинктом правильного пользования обиходным языком, которые каждому из нас известны из наблюдений над повседневной жизнью. Разве мало бывает ссор или размолвок между друзьями, вся причина которых иной раз заключается в "не так" сказанном слове, в неуместной интонации, в неудачном сравнении и т. п. Но практически проблема культуры речи возникает, разумеется, при более сложных условиях, и потому факты обиходного языка мы можем оставить здесь в стороне. Но вот когда приходится иметь дело с более сложными формами речи, прежде всего – с любой разновидностью письменной речи, а кроме того, с такими устными речевыми жанрами, как речь лекторская или ораторская, – там одного инстинкта, в его природной неоформленности и непосредственности, конечно не хватает. Здесь инстинктивное пользование воспринятыми в процессе жизненного развития средствами родного языка всегда и при всех обстоятельствах, сколько бы сильное впечатление непосредственности данная речь ни производила, непременно восполняется той или иной степенью **уменья**. Из чего же складывается это уменье? Если исключить из рассмотрения моменты прирожденной речевой талантливости или бездарности, по отношению к которым никакая наука и никакое знание, разумеется, не могут ничего поделать, то в качестве очевидных слагаемых того уменья, о котором здесь идет речь, нужно будет назвать инстинкт плюс знание. А если так, то уменье будет тем более совершенным, чем более совершенными будут знания говорящего. Таким образом, если мы раньше утверждали, что знание невозможно без уменья пользоваться языковыми средствами, то теперь мы приходим к обратному выводу, а именно, что в принципе уменье пользоваться средствами языка невозможно без знания языка. Именно так и возникает проблема культуры речи. Перед наукой она ставит задачу превратить накопленные ею знания в живое подспорье умелой речи; перед пользующимися языком она ставит цель –

обучиться этой "умелой речи" с помощью научных знаний и этим связывает научное знание языка и практическое искусство речи в то неразрывное диалектическое единство, каким оба эти вида отношения к языку и являются в действительности.

Теперь пора осветить более наглядно вопрос о том, какие же конкретные обязательства лежат на лингвистической науке по отношению к так охарактеризованной проблеме культуры языка. С самого начала я хочу предупредить, что по моему убеждению никаких специальных и особых задач, которые отвлекали бы науку от ее собственного пути, ей в данном отношении решать не приходится. Культуре языка лингвистика приносит спелые плоды своих трудов и попечений по мере собственного роста и развития науки. Для того, чтобы наглядно представить себе эти взаимоотношения между лингвистической наукой и лингвистической практикой, вернемся на минуту к истокам научного знания о языке и проследим его метод. Научное творчество в области изучения языка начинается с регистрации языковых фактов. Это есть преимущественная сфера той дисциплины, которую следовало бы называть историей языка в собственном смысле термина, в соответствии с тем, как термин "история" понимается в других исторических дисциплинах. Разумеется, в дальнейшем этот зарегистрированный материал получает в истории языка известную обработку и углубление, т.е. ставится историком языка в связь с общим ходом социальной жизни и изучается как одна из отраслей культурного развития в целом. Именно так поступают историки литературы, историки права, историки религии, государственной жизни и т. д. Но собственно лингвистическая роль истории языка по преимуществу сводится именно к регистрации и описанию исторически засвидетельствованных (все равно, в прошлом или в современности) живых фактов языка. Таков первый этап лингвистической мысли, на котором она как бы только завоевывает себе материал для работы. И тут наступает очередь грамматики и семасиологии, т. е. лингвистики в собственном смысле слова. Материал, зарегистрированный историком языка, изучается в этих дисциплинах уже не со стороны своей фактической биографии, а с точки зрения тех смысловых отношений и содержаний, знаком которых он является. Задача грамматики и семасиологии состоит в том, чтобы показать, как строится лингвистический знак в зависимости от того, что он выражает. Из синтаксиса мы узнаем, например, что сочетание именительного падежа с глаголом выражает отношения подлежащего и сказуемого, что глагол с винительным падежом выражает отношение, которое обозначается именем прямого дополнения и т.п. Из

семасиологии, которая, к сожалению, все еще остается делом будущего, мы должны были бы столь же точно и детально узнать, можно ли сказать *квадратный круг, громокипящий кубок, облако в штанах, абажур безделья, ножницы повелевают* и т.п., и если можно, то что эти словосочетания означают или могут означать в зависимости от обстоятельств. Иначе можно было бы сказать, что лингвистика ищет как бы **смыслового оправдания** для тех фактов, которые были наблюдены историей языка, или, что то же, открывает смысловые законы, лежащие в основании каждого данного словоупотребления. Вот эти-то законы, отыскание которых составляет конечную цель лингвистической науки, и являются теми спелыми плодами научного развития, которые лингвистика приносит в качестве своего дара культуре речи. Для этого нужно только показать говорящим эти законы с их обратной стороны, т. е. сделать их **правилами**. То, что получено научным анализом, основанным на истолковании исторически засвидетельствованного словоупотребления, нужно сделать исходным пунктом и директивным указанием для того же словоупотребления как формы жизненного поведения. Чем же мы обогащаемся в результате этого кружного пути и возвращения к отправной точке? Что приобрел пользующийся речью за время этого путешествия от языкового факта через систему научных дисциплин к тому же языковому факту? Чистая прибыль от этого путешествия выражается одним словом: самосознание. То, что раньше для говорящего было инстинктивным средством выражения, теперь служит для него осмысленным орудием и материалом. Он стал строить свою речь **сознательно**, т.е. зная качества и свойства материала, который находится в его распоряжении. А сознательное построение речи и есть то, что заслуживает быть названным **культурой** речи.

В целом охарактеризованные выше взаимоотношения между лингвистической наукой и лингвистической практикой могут быть изображены в виде графической схемы (см. рис.).

Что же касается той формы, какую должно принять соответствующее лингвистическое учение о правилах построения речи, то для нее проще всего, по-видимому, воспользоваться старым и заслуженным термином **стилистика**. В соответствии с изложенным выше, стилистика в моем понимании в основном складывается из стилистической грамматики и стилистической семасиологии. Возможные стилистические учения в области фонетики мною при этом не отрицаются. Но я их попросту оставляю в стороне, так как роль фонетики в кругу проблем, которые здесь затрагиваются, вообще незначительна. Но чтобы сделать совершенно ясным, что именно я понимаю под стилистикой, я должен добавить еще два замечания. Одно из них касается методического построения этой дисциплины, а другое – ее фактического содержания.

С первого взгляда, возможно, покажется странным, если я скажу, что стилистика, понимаемая как источник и основание культуры языка, не должна быть нормативной. А между тем это именно так, несмотря даже на то, что стилистика, как сказано выше, излагает **правила**. Дело заключается в том, как излагать эти правила. Заранее можно сказать, что если излагать эти правила в виде простых нормативных предписаний, как это сделано, например, в известной стилистической грамматике В.Чернышева, то культура речи останется решительно не при чем. В лучшем случае лицо, усвоившее такую стилистику, зазубрит эти правила на память. Станет ли от этого его речь сознательной? Ведь мы уже условились, что знать в области языка – значит не просто помнить наизусть, а понимать! И вот именно для того, чтобы изучающие стилистику научились понимать язык, стилистика не должна излагаться как список параграфов своего рода лингвистического законодательства. Стилистика должна строиться не нормативно, а по принципу истолкования. Каждое правило, которое в ней фиксируется, должно быть показано не как сухая догма, а как живое применение закона. Иными словами, изучающему стилистику должно быть **понятно**, почему следует говорить так, как сказано в стилистике, а не иначе. Это хорошо было выражено несколько лет назад А.М.Пешковским: "Ребенок должен отчетливо понимать, что он **учится хорошо говорить**, но что для того, чтобы этому научиться, надо прислушаться к тому и подумать над тем, **как люди говорят**" ("Сборник статей", Л., 1925, стр. 121). Стилистика, следовательно, не должна забывать, что путь к культуре речи ведет через подлинное научное, а не абстрактно-прагматическое знание. Что же касается фактического содержания стилистики в этом понимании, то здесь к сказанному выше нужно добавить только одно.

В построении стилистики нельзя исходить из отвлеченного идеала литературной речи вообще. Ведь и самое понятие "литературной речи" должно быть получено стилистикой не в качестве нормативной догмы, а только из лингвистического анализа живых явлений языка. Таким образом, тот средний нивелирующий уклад речи интеллигентного общества, который понимается под термином "литературная речь", для стилистики, имеющей в виду цели речевой культуры, имеет лишь значение некоторого недифференцированного материала, какого-то фонда, находящего свое выражение в разнообразных живых актах речевого творчества. Именно это многообразие речевых жанров, в возможно более широком и полном их охвате, и не должно упускаться из виду лингвистической стилистикой. Все эти жанры – речь научная, эпистолярная, лекторская, ораторская, многообразные профессиональные языки, язык канцелярский, газетный и т.п., и т.п. – должны быть раскрыты стилистикой как специфические акты речевой деятельности, и в каждом из них должны быть обнаружены свои особые законы, – т.е. правила построения языкового знака. Только такая стилистика сумеет развить перед духовным взором общества все богатства родного языка и сделать лингвистические знания живым и плодоносным соучастником культуры.

На этом роль науки в культуре речи кончается. Но сама проблема культуры речи этим вовсе еще не исчерпывается. Как следует из до сих пор сказанного, наука способна содействовать культуре речи в той мере, в какой она снабжает говорящих знаниями. Однако, в своем месте мы определили "умелую речь" как сочетание знаний и **инстинкта**. Теперь спрашивается, что представляет собою этот инстинкт? Есть ли это некоторая постоянная и раз навсегда данная величина или же такое качество речи, которое в свою очередь может быть предметом воспитания и культивирования? Ответом на этот вопрос может послужить элементарное сравнение между двумя лицами, из которых одно совершенно чуждо каким бы то ни было лингвистическим интересам, а другое, если даже и не занимается специально научным изучением языка, то все же в какой-то мере задумывается над тем, что такое язык. Разумеется, речь второго при всех обстоятельствах будет содержать больше элементов культурности, в лингвистическом значении этого слова. Но эта культура будет культурой не сознательности и знаний, которых мы у данного лица не предполагаем, а только **вкуса** и своего рода лингвистической **дисциплины**. Лингвистический вкус или, как говорят иначе, **чутье** языка и является, наряду с сознательностью речи, этим непременным вторым условием культурной или умелой речи. "Вкус", "чутье" и другие подобные

термины в применении к речи вовсе не являются понятиями нереальными или лишенными объективного смысла, как иногда принято думать. Реальность и полная объективность этих понятий, отрицать которую могли бы только самые закоренелые сторонники натурализма, может быть подтверждена не только указаниями на фактически существующие общественные явления этого рода, но и чисто научным, принципиальным анализом самой структуры языка. Нетрудно видеть, что эти понятия соответствуют тем моментам в структуре словесного выражения, которые несут на себе функцию **впечатления** и выше были обозначены как **экспрессивные**. В стилистической грамматике, разумеется, должны содержаться все нужные указания на те материальные средства выражения, которыми достигается необходимый впечатляющий эффект речи в зависимости от условий и обстоятельств. Но если пониманию построения языкового знака, выражающего чисто **смысловые** стороны содержания, можно научиться посредством ознакомления с соответствующими смысловыми знаками речи, то полностью овладеть теми средствами выражения, которые создают языковую экспрессию, понять их в собственном назначении можно только при условии наличности лингвистического вкуса и чутья[3].

Какими же средствами достигается воспитание этих качеств культурной речи? Может ли сыграть здесь какую-либо роль наука о языке? Очевидно, что если и может, то только косвенную и побочную. Научные занятия могут способствовать развитию лингвистического вкуса и чутья не положительным содержанием усваиваемых в их процессе знаний, а просто в той мере, в какой они делают **привычной** для говорящего или пишущего самую атмосферу языковых фактов и наблюдений и этим оставляют более или менее глубокий след на его психологии. Но главная и организующая роль в этом направлении принадлежит, само собою разумеется, уже законченным продуктам речевой культуры, способным быть образцами культурного речевого поведения. Без детальных пояснений понятно, что в первую очередь сюда относится художественная литература. Экспрессия слова воспринимается не логическими способностями разума, а в процессе своеобразного сочувственного переживания, в основе которого лежит подражание. И весь логический капитал, который способна дать говорящему научная лингвистика, будет лежать на его сознании мертвым грузом до тех пор, пока он не будет оживлен и приведен в состояние движущей силы непосредственным тактом и чутьем, воспитанным на подражании лучшим и достойнейшим образцам. Разумеется, художественная литература является не единственным образцом культурной речи, заслуживающим подражания. Но это образец,

несомненно, наиболее высокий, а главное, наиболее пригодный для общих целей культуры языка. Нет никакой другой области речевой деятельности, где само по себе **слово** было бы в такой мере поставлено в положение "хозяина" речи, как в художественной словесности. Нигде язык не превращается в такой мере из средств в **цель**, как в поэзии и литературе, следовательно, нигде не обнаруживаются в такой полной степени внутренние богатства языка, его потенциальное могущество, его собственная духовная ценность, его **стиль** в самом глубоком и содержательном значении этого слова, как именно в этих высших областях искусства речи. В особенности это относится к поэзии, возможное воспитательное значение которой с этой точки зрения у нас, на мой взгляд, еще совершенно не оценено. Кому из нас приходит в голову задуматься хотя бы, например, о поэзии Тютчева как образце культурной речи? А между тем в лирике Тютчева мы слышим не просто мастерскую речь, а как бы самое стихию русской речи. Заразиться этой стихией, сочувственно ее пережить в своем сознании и самому стать ее соучастником – такова задача, которая стоит перед тем, кто хочет приобрести необходимый для культурной речи вкус к языку. Из всего этого следует, что в целях культуры речи изучение лингвистической стилистики непременно должно сопровождаться внимательным и углубленным чтением произведений художественной литературы. Необходимость **общей** культурности и общего развития для указанных целей, полагаю, здесь можно не доказывать.

В частности, то же чутье языка и приобретаемая на его основе лингвистическая дисциплина должны оказывать говорящему и пишущему помощь в преодолении тех затруднений, которые создаются изменяемостью и текучестью средств языкового выражения. Если я до сих пор говорил о языке только как о закрепленной и прочной системе знаков, то это происходило вовсе не потому, что я закрываю глаза на очевидную изменчивость форм языка. Но развитие языка представляется мне процессом не механическим, а **диалектическим**, т.е. таким, в котором конечные этапы движения связаны между собою не случайностью, а некоторым закономерным и основанным на внутренней необходимости отношением, так что конечный результат движения уже потенциально содержится в его отправной точке, и оба эти момента могут толковаться как некоторое единство. В эволюции языка в основном действуют те же смысловые законы, которые определяют его грамматическую и семасиологическую организацию в каждый данный момент. Очевидно, например, что конструкции типа *дом отца* не могли бы вытесняться конструкциями типа *отцовский дом*, если бы уже первоначально грамматические значения

родительного принадлежности и формы прилагательного не были между собою связаны отношениями смыслового родства. Это еще очевиднее в семасиологии, где всякое так называемое "изменение значения" по существу является лишь фактическим закреплением такого смыслового перехода, который уже наперед дан в языке в потенциальном виде. Так, например, общеизвестным является утверждение о том, что всякое слово в языке уже принципиально является омонимом, т.е. может обозначать различные содержания в зависимости от обстоятельств и конкретных условий речи. Этот афоризм, очень категорически формулируемый, например, в известной книжке K.O.Erdmann'a "Die Bedeutung des Wortes", только кажется парадоксальным. Разумеется, не всякое слово является омонимом в словарном смысле этого термина. Но в живом контексте любое слово, действительно, может приобретать множество значений, которые,однако, непременно связаны между собою смысловыми отношениями и семасиологическими законами. Тем не менее само по себе знание законов речи не дает еще необходимой уверенности для того, чтобы решать вопрос об уместности того или иного применения этих законов и, соответственно, того или иного новшества в языке. Это знание может служить надежным подспорьем и оправданием для лингвистического вкуса, но все же только вкусу и хорошо воспитанному чувству лингвистической дисциплины принадлежит в подобных вопросах решающее слово. Вот почему попытки научного оправдания пуристских мнений, стремления чисто научным путем доказать пригодность или непригодность новообразования, проникшего в литературный язык диалектизма и т.п. принципиально и неизбежно осуждены на бесплодие. Они роковым образом оказываются бессильными перед теми приговорами, которые выносятся борьбой вкусов, немотивированных пристрастий и инстинктивных навыков (см. статью "О пуризме" во втором издании моей книги "Культура языка").

Из всего этого следует, что культурная речь есть речь не только сознательная и умелая, но и непосредственно влияющая на развитие языка. Это влияние, в соответствии с тем, что сказано выше, осуществляется в форме оценочно-вкусовых суждений по поводу тех или иных фактов речи. Разумеется, ни оценка, ни вкус не понимаются мною в каком-либо чисто субъективном смысле, – все, что было сказано до сих пор, просто исключает возможность такого толкования. Эти оценочные суждения, вопреки обычной практике, должны быть результатом не вздорной прихоти или немотивированного каприза, не бессознательного пуризма, который хочет только того,

чтобы правнуки непременно говорили так, как в старые и лучшие годы говаривали прадеды, а разумного и культурного отношения к языку, основанного на развитом инстинкте и объективном научном знании. А это дает возможность тому, кто обладает культурой речи, произносить свои оценки не только в применении к тому или иному частному словоупотреблению или грамматическому построению, но и по отношению к данному языку в целом, т.е. понимать те потребности, которые должны быть осуществлены развитием языка, и содействовать их осуществлению. В лингвистике давно уже пора перестать смотреть на попытки оценочного отношения к языку как на ересь. Отто Эсперсен в одном из своих сочинений пишет, что современной лингвистике не хватает широты взглядов главным образом потому, что лингвисты пренебрегают всеми проблемами, имеющими отношение к оценке языков. В этом есть несомненная доля правды. При культурном отношении к языку вполне естественно говорить о тех или иных достоинствах и недостатках языка как орудия и выражения культуры. Для нас в данную минуту этот вопрос, помимо всего, важен и в чисто практическом отношении. Русский язык, который достиг высокой степени совершенства в литературном и поэтическом отношении и создал литературу мирового значения, вместе с тем явно не приспособлен для нужд некоторых низших культурных функций. Вот почему у нас так плох язык газеты, канцелярии, законодательства. Вот почему даже в научной русской речи не наблюдается достаточной стилистической гибкости и гармоничности. Все это, разумеется, стоит в несомненной связи с тем специфическим положением, которое занимают в системе русской культуры элементы западноевропейской цивилизации. Но для лингвиста – это своя проблема и ее лингвистическое содержание должно быть надлежащим образом усвоено для того, чтобы можно было отдать себе полный отчет в том, что такое культура речи.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Необходимость исчерпывающего практического владения языком для лингвистических исследований в свое время настойчиво подчеркивалась противниками так называемого "младограмматического" направления в лингвистике, см. напр.: Georg von Gabelenz "Sprachwissenschaft", Leipzig, 1891. Во избежание недоразумений замечу, кроме того, что у меня здесь идет речь, конечно, не о таком "умении", основанием которого служит специфическая одаренность или талантливость, а только об "умении", которое свойственно всякому человеку, говорящему и пишущему на родном языке.

[2] Речь идет, конечно, о правильности "высшего порядка", а не о нарушении грамматических правил и общеобязательных словаря и фразеологии. – *Редакционное примечание к первой публикации статьи.*

[3] Может показаться, что как раз те моменты практического пользования речью, которые основываются на природном речевом инстинкте, и составляют разницу между простым житейским знанием языка и практическими знаниями ученого лингвиста. Однако, из того обстоятельства, что ученый, изучающий чужой язык, лишен свойственных соответствующему народу или коллективу инстинктивных навыков, вовсе еще не следует, что ему эти навыки не нужны. В принципе и они ему необходимы, и он обязан их в себе воспитать, хотя бы практически это ему приносило пользу только при решении особенно сложных и тонких грамматических и семасиологических проблем.

ИЗ ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫХ МАТЕРИАЛОВ Г.О.ВИНОКУРА О БАРАТЫНСКОМ

Публикация, вступительная статья и примечания
Карлы М. Соливетти (Рим, Италия)

Среди опубликованных до сих пор завершенных и неоконченных трудов Г.О.Винокура исследования, специально посвященные Е.А.Баратынскому, занимают скромное место: три сравнительно небольших работы, по одной на каждое из трех десятилетий творческого пути ученого[1].

Совсем иную картину открывает знакомство с архивным фондом Винокура в Российском государственном архиве литературы и искусства (ф. 2164). Целый ряд единиц этого фонда (объемом порой по нескольку сотен листов) содержит подготовительные рабочие материалы по самым разным аспектам творчества, биографии и литературной судьбы Баратынского: текстологии, языку, ритмике и пр., и пр.[2] Относящиеся в большинстве своем к тридцатым годам, эти материалы свидетельствуют, что исследования Баратынского должны были, по замыслу Винокура, принять масштаб, вполне сопоставимый с его работами по Пушкину.

Задумывал ли Винокур серию капитальных, но все же **отдельных** исследований по каждому из затронутых им аспектов творчества Баратынского? Или же его замысел предполагал **целостный** охват того явления русской литературной и культурной истории, которое носит имя *Баратынский*? Публикуемые ниже заметки позволяют заключить, что по крайней мере на некотором этапе своих подготовительных работ Винокур явно тяготел ко второму из указанных решений и планировал широко поставленное **комплексное исследование** биографии и творчества Баратынского в их единстве.

Источником предлагаемой ниже публикации стали карандашные записи Г.О.Винокура на листах малого формата, ныне составляющие

лл.349-352 в единице 77 первой описи указанного архивного фонда. В архивном описании вся единица 77 датирована 1936 г., но более вероятно, что входящие в нее материалы создавались на протяжении ряда лет. В частности, последний из публикуемых набросков, "Язык Баратынского" (л.352), записан на обороте перечеркнутой доверенности на получение гонорара по "Толковому словарю русского языка", выданной Г.О.Винокуру В.В.Виноградовым в декабре 1930 г. Поскольку деловые документы такого типа обычно выдаются по конкретному поводу и после отпадения надобности в них не хранятся, можно предположить, что и данный набросок, и обе предшествующих ему заметки[3] создавались ближе к дате выдачи доверенности, чем к 1936 г., т.е. в начале 1930-х гг.

Как известно, 1930 год явился важным рубежом в жизни и деятельности Г.О.Винокура. В 1929/30 академическом году закрывают ГАХН, с которой ученый был теснейшим образом связан в двадцатые годы. С осени 1930 г. начинается педагогическая работа Винокура в московских вузах[4], ставшая для него с этих пор основным родом службы. Преподавал он только чисто лингвистические дисциплины (единственное исключение, курс "Введение в изучение филологических наук", относится уже к 1943–1946 гг.[5]). В сходном направлении меняется тематика научных исследований. Лингвистические темы не чередуются более с проблемами гуманитарной методологии, как то было в период работы в ГАХН. Литературоведческие и текстологические публикации Винокура в тридцатые годы сугубо конкретны. Да и в лингвистике он занимается главным образом лексикографией и историей языка, не обращаясь к главным для него в двадцатые годы проблемам современного бытования языка[6].

Подобные изменения, во многом связанные с изменением общественно-политической обстановки в стране, дают повод говорить о возросшем в 1930-е годы "консерватизме" и "традиционализме" Винокура[7]. В этом плане публикуемые ниже заметки о Баратынском примечательны в первую очередь как свидетельство живой преемственности с планами и идеями двадцатых годов.

Цель своей работы ("**что мне нужно** от Баратынского" – выделено мною. – *К.С.*) Винокур формулирует так: «Познать Баратынского как конкретно-историческую личность – т.е. ответить на вопрос, что "значит" Баратынский». И комплексно-историческая постановка проблемы, и семантический подход к ее решению органически продолжают методологические поиски середины двадцатых, подытоженные в книге "Биография и культура". Напомню только два фрагмента из этой книги: "Сказать о явлении, что оно историческое, – это и

значит спросить его полное и, следовательно, осмысленное имя <...> только здесь впервые наша конкретная реальность не расплывается в призрачных сферах абстракции"; «Когда поэт, обращаясь к Фон-танке, говорит: "Дотянешься, как Достоевский, // До дна просту-женной души", то <...> для того, чтобы подобный образ вообще был возможен, мы должны знать просто как факт истории языка, что значит само слово *Достоевский*... »[8].

Вместе с тем замысел нового исследования о Баратынском существенно шире, чем проблематика, анализировавшаяся в "Биографии и культуре". Там Винокура волновала специально задача построения биографии, и в "поэтическом слове" он стремился выделить те "моменты структуры", которые являются "одновременно матерьялом и биографии, и истории поэзии". "Общее содержание" истории поэзии и биографии исчерпывалось для него тем, что как "личная жизнь, так и поэма – только существуют в истории"[9].

В публикуемых же набросках главный предмет, который стремится охватить и познать Винокур, – историческое явление в его реальной целостности. И потому ему теперь нужны не отдельные "моменты" поэзии или поэтики Баратынского, но все его поэтическое творчество. Памятники "личной судьбы" и "литературной судьбы" равно важны для задуманного исследования, и потому рамки последнего должны наряду с "происхождением" или "литературной карьерой" охватывать языковые варианты и "роль ритма для значения".

Масштаб планировавшегося исследования грандиозен. И, может быть, Баратынский был выбран его героем не только потому, что был одним из любимых поэтов Винокура[10]. Сравнительная компактность поэтического наследия Баратынского и относительная малочисленность откликов на его творчество позволяли надеяться на осуществимость задуманного исследования в полном объеме (тогда как по отношению к не менее любимому ученым Пушкину аналогичная задача оказывалась неосуществимой).

Г.О. Винокур

<Заметки и планы к книге о Баратынском> [11]

<I>

Что мне нужно от Баратынского <?>

Познать его как конкретную историческую личность – т.е. ответить на вопрос: что **"значит" Баратынский**

Ergo: . "Идея" Баратынского

1. Вообще для всех, навсегда для вечности.

↓

2. Для России*

↓

3. Для исторической России, для того, что было в России

4. ***Для своего времени***

1. Кого и чем питал, питает и будет питать (буд<ущее>)

Отсюда 2. Кем и чем питался (наст<оящее>)

3. На ком и чем вырос (прош<лое>)

"Плоть идеи" –
духовная биография в фактах
ее матерьяльных воплощения<х>, –
иначе – в памятниках жизни

Эти памятники технически и матерьяльно распадаются на памятники:

а) личной судьбы

б) литературной судьбы

Что нужно знать для а)?

1. Происхождение и внешний жизненный путь.

2. Историю развития личности: воспитание, образование, среда, друзья, интересы, вкусы, идеалы.

для б)?

1. Историю лит<ературной> деятельности: лит<ературная> карьера, лит<ературные> отношения, etc.

2. Текст в проекции:

а. на себя

б. на прошлое

в. на синхроническое

г. на последовавшее

и в другой:

а. на язык

б. на поэтич<ескую> внутр<еннюю> драму

в. на содержание

ergo: г. на стиль

3. Историю понимания.

Конкретно это значит, что нужно изучить:

а) весь документальный материал: мемуары, акты, письма, записи

б) библиографию и историю текста

в) стихи в разрезе второй проекции

* *Слева на полях уточнение*: в смысле "интеллиге<нции>"

г) стихи в разрезе первой пр<оекции>, т.е. их исторического места
д) все отзывы, всю крит<ическую> литературу

Должен получиться:
ОБРАЗ ПОЭТА

Практически
1. Изучение текста по прижизненным изданиям.
Осмысление наблюдений. Вставка в контекст истории текста.
2. Современная Б<аратынск>ому критика.
3. Эпист<олярные> и мемуарные мат<ериалы>.
4. Изучение учителей, сверстников и подражателей
5. Историческая литература
6. Документы

Наиболее характерные проблемы:
а. лирика – ее знач<ение> и место у Б<аратынского>
б. положение в рус<ской> литературе
в. языковое творчество
г. поэтика – роль ритма и музыки для значен<ия>
д. особое место в жизни, стиль жизн<енного> поведения
е. отношение потомства, "судьба"
ж. мировоззрение.

<II>

План занятий Баратынск<им>

1. Докончить 35[12]
2. Докончить картотеку
3. Докончить ритмику
4. Свод наблюд<ений> над языком
5. Свод с ритмикой
6. Разборка выписок – сводка, наметка проблем
7. Докончить литературу
8. Журнальная литература
9. Биогр<афические> документы?
10. Рукописи?**

****** *Слева от этой строки и тех, что над ней, на полях помечено*: Подумать, где искать ближайших контекстов?

11. Перечита<ть>
Перечитка всего для смысла<?>, идеи

<III>

Язык Б<аратынск>ого

I. Имм<анентно>
- а. Выписки
- б. Проверка по вариантам
- в. Сопоставление и отбор

II. Контекст<уально>
- а. Словарн<о>
- б. Предшеств<енники>
- в. Сверстники
- г. Подражатели

III. Сравнение, анализ и характеристика.
- а) язык вообще
- б) лирич<еские> стихотв<орения>

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] См., соответственно: *Винокур Г.О.* Баратынский и символисты (1925 г.) / Публ. и примеч. К.Соливетти // Russica Romana. Roma. 1994. V.1. P.130-156; *Винокур Г.О.* Издания сочинений Баратынского // Книжные новости. 1936. N12. С.2-3; *Винокур Г.О. Я* и *Ты* в лирике Баратынского (1944 г.) / Публ. и примеч. М.И.Шапира // Винокур Г.О. Филологические исследования. М. 1990. С.241-249, 357-365 (примеч.).

[2] Краткую характеристику некоторых из этих единиц хранения см.: *Шапир М.И.* Комментарии // Винокур Г.О. Филологические исследования. М. 1990. С.358.

[3] Заметка "Что мне нужно от Баратынского" (л.349-350об) написана на сложенном пополам листе почтовой бумаги, а "План занятий Баратынским" (л.351) – на обороте аккуратно обрезанной карты Армении из какого-то атласа или учебного пособия. Все автографы – карандашные.

[4] См.: *Цейтлин Р.М.* Григорий Осипович Винокур (1896-1947). М. 1965. С.69.

[5] См.: *Винокур Т.Г., Цейтлин Р.М.* От публикаторов // Проблемы структурной лингвистики, 1978. М. 1981. С.3-4.

[6] Ср. тематику его итоговой публикации 20-х годов: *Винокур Г.О.* Культура языка. 2-е изд., испр. и доп. М. 1929.

[7] См., напр.: *Одесский М.П.* "...Краткий дискурс в нынешний день представим": Г.О.Винокур о языковой политике петровской эпохи // Литературное обозрение. 1997. №3. С.78, 80.

[8] *Винокур Г.О.* Биография и культура. М. 1927. С.18, 77-78. Подчеркнуто Г.О.Винокуром.

[9] Там же. С.73, 74.

[10] См. об этом: *Шапир М.И.* Комментарии // Винокур Г.О. Филологические исследования. С.357.

[11] В публикации одинарное подчеркивание передано прямым полужирным, двойное подчеркивание – полужирным курсивом. Рамки и стрелочки воспроизведены непосредственно.

[12] Очевидно, речь идет об анализе второго прижизненного сборника поэта, изданного в 1835 г.: Стихотворения Евгения Баратынского. М.: В типогр. А.Семена, 1835.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ СОЧИНЕНИЯ И НАБРОСКИ Г.О. ВИНОКУРА

Публикация С.И.Гиндина и А.В.Маньковского.
Вступительная статья и комментарий С.И.Гиндина

Теоретик биографии рассказывает о своей жизни

Публикуемая ниже подборка объединяет семь произведений и документов Григория Осиповича Винокура[1]. Создавались они на протяжении довольно большого (особенно если учесть раннюю кончину их автора) отрезка времени: самое раннее – в 29 лет, седьмое – перед пятидесятилетием. Сильно разнятся они и по жанру: официальные автобиографические справки, написанные по служебной надобности, мемуарный очерк о юности, адресованный широкой молодежной аудитории, письмо-соболезнование старшему другу, "горестная замета" в собственный день рождения, знаменующая и мотивирующая обращение к систематическим воспоминаниям... Объединяют же их небольшой объем и – автобиографическая направленность, стремление понять логику, смысл своей жизни.

Люди, которые каждый свой шаг, каждый новый виток своего развития рассматривают как само собой разумеющуюся данность, к осмыслению пройденного пути обращаются обычно лишь на закате или не обращаются вовсе: "Другие по живому следу / Пройдут твой путь..." В современном информационном мире личному труду над мемуарами или автобиографией они предпочитают "вещание" в диктофон робко внимающего ученика или бойкого журналиста.

Иное дело – люди, напряженно ищущие себя, свой путь, задающиеся вопросом: "А так ли я живу (действую, пишу)?". Самая возможность постановки подобного вопроса предполагает постоянное сопоставление с некоторой нормой, идеалом и постоянное подведение для себя некоторых промежуточных итогов. Необходимость постоянного и, по возможности, немедленного отличенья "пораженья от победы" часто заставляет их вести дневники. А сочинения или по крайней мере наброски автобиографического и мемуарного характера у личностей подобного склада появляются гораздо раньше, зачастую – еще в молодости.

Именно к этой категории людей принадлежал, насколько можно сегодня судить, Григорий Осипович Винокур. Защищаясь от упреков

своего друга и коллеги Р.О.Якобсона в «"ежесезонных" переменах точек зрения», Винокур 18 августа 1925 г. писал ему: "Не смейся, Рома, над этим: счастлив, кто не знал ошибок и сомнений, я ему мучительно завидую, но я таков, каков есть, и вынужден делать то, к чему чувствую себя призванным"[2].

Если характер, склад личности подталкивали Винокура к рефлексии, к постоянному осмыслению собственного пути, то тип и способы этого осмысления во многом определила выпавшая на его долю эпоха. В третьем из публикуемых ниже документов, статье "Из воспоминаний моей юности" говорится: "Но в императорском университете я проучился всего один семестр. Произошла революция, и все пошло по другому". Ощущение происходящей на его глазах полной перемены заведенного порядка вещей обусловило интерес юного филолога и лингвиста к **историческому контексту** личного бытия.

В глубоко важной для его пути книге "Биография и культура" Винокур определит предмет биографии как "личную жизнь в истории"[3]. И собственную жизнь он рано привык видеть и оценивать именно "в истории". Уже в цитированном письме 1925 г. к Якобсону Винокур применяет к себе и к своим друзьям такую категорию, как "поколение": «судьбы лингвистики методологические вопросы делают очень важными и ответственными сейчас: вряд ли ты будешь спорить, что задача нашего поколения не только "заново освещать факты", но дать также новую лингвистическую теорию, написать новое "Введение в языковедение"...»[4]. А вспоминая через два десятка лет свою поездку 1924 г. в Ленинград для споров с опоязовцами, Винокур скажет: "... я уехал из Ленинграда с ясным ощущением того, что <...> обнаружившиеся расхождения с ними не устраняют <...> нашей общей принадлежности к одному культурному поколению"[5].

Неучет этой "историоризации" винокуровского взгляда на собственную жизнь может в ряде случаев повести к неверному пониманию его высказываний. Так, первую из публикуемых в нашей подборке миниатюр, "Словарную автобиографическую заметку" сегодняшнему читателю легко принять за покаянное выступление, за вынужденное заявление о переходе на "правильные" идеологические позиции. Но "покаянные признания" станут характерной чертой филологической жизни несколько позже, в основном – начиная с "года великого перелома". Да Винокуру, как кажется, так и не пришлось с ними выступать. А особенности "Словарной заметки" объясняются тем, что в ней в максимальной степени выразилось упомянутое "овнешнение" собственной биографии.

Пользуясь тем, что условия заказа диктовали рассказ в третьем лице и притом, видимо, анонимный, Винокур пишет о себе как о постороннем, так, как писал бы о герое специально предпринятого биографического исследования. Не случайно в "Словарной заметке" практически нет таких фактов "донаучной" и "допечатной" биографии, о которых не может знать исследователь, пользующийся лишь послужными списками и публикациями "героя". Упор сделан на выявлении драматической метаморфозы научного мировоззрения и художественных пристрастий героя – но все суждения о ней строго базируются на зафиксировавших перемену печатных выступлениях "героя". Только эта "овнешненность" изложения, отчужденность "автора" от "героя" и позволили Винокуру так открыто написать о болезненной[6] для него внутренней перемене (ср. чисто информационный или же шутливый тон кратких упоминаний о ссорах и замирениях с опоязовцами в статье "Из воспоминаний моей юности").

Отделенный от "Словарной заметки" десятью годами "Curriculum" тоже написан в третьем лице. Но здесь это уже форма рассказа о себе – и появляются, несмотря на служебное назначение документа, какие-то моменты, знание о которых может быть основано только на личном знании автора о самом себе, личной памяти. Таково, например, упоминание о проявившихся в раннем детстве филологических наклонностях, рассказ о научных интересах студенческого времени. Другая весьма симпатичная сторона "Curriculum'a" – его полнота, наличие в нем довольно подробной информации об участии в "ЛЕФ'е", работе в ГАХН, книгах, выпущенных в двадцатые годы. Чтобы оценить это качество "Curriculum'a", стоит вспомнить, что он написан в год ожесточенной дискуссии о формализме. Новая среда, в которой Винокур как преподаватель и лексикограф оказался в тридцатые годы, была далека от журнальных сшибок и литературных дискуссий, и, наверное, Винокур мог бы для вящего спокойствия несколько отфильтровать собственную деятельность минувшего десятилетия...

Богатства личной памяти, лишь слегка задействованные в "Curriculum'e", получили полный простор в написанной по просьбе студенческой стенгазеты филфака ИФЛИ статье "Из воспоминаний моей юности". Здесь весь рассказ предельно конкретен, насыщен деталями минувшего, увлекателен и неповторимо индивидуален. Но странное дело – сугубо личный доверительный характер воспоминаний нисколько не мешает их историчности. Только историоризация не достигается здесь ценой очуждения собственной жизни, как то было в "Словарной заметке". Возвращаясь в минувшее, погружаясь в него,

Винокур сохраняет свое сегодняшнее, более широкое знание об эпохе – и потому и отказ в приеме в университет, и бурная жизнь Московского Лингвистического кружка предстают не только как факты собственной биографии, но как закономерные проявления общей истории страны и науки.

Совсем немного времени (два с половиной года) отделяет эту статью от четвертого публикуемого текста – письма-соболезнования к Е.Г.Гурьян. Но как же далеки они по настрою и тональности. Поводом к письму стала горькая утрата – кончина старшего друга, близкого Винокуру человека – Григория Давидовича Гурьяна. Эта утрата соединяется в сознании автора с другой, почти одновременной потерей – смертью Д.Н.Ушакова. Именно уход двух с молодости близких ему и много значивших для него людей определил в этом письме мемуарную ноту оглядки. И тут же рядом – почти дневниковый по своей подробности рассказ о тяготах жизни в чистопольской эвакуации. Письмо – еще и редкий по откровенности автопортрет Винокура – с его душевной чистотой и незащищенностью, трогательной любовью к близким, непрестанным стремлением к работе и неумением жить без нее[7].

Месяц с небольшим отделяют от этого письма новую автобиографическую справку – "Жизнеописание Г.И.Винокура". Скорее всего оно написано уже в Москве[8] – возможно, в связи с занятием кафедры русского языка в Московском университете, вакантной после смерти Д.Н.Ушакова[9]. "Жизнеописание" во многом сходно с "Curriculum'ом", но набежавшие со времени написания последнего события изменили перспективу. Теперь ГАХН и книги двадцатых кажутся далеким эпизодом – а университетская юность и преподавательское настоящее как бы соединяются в главную, историко-лингвистическую магистраль жизненного пути.

Академичность этой магистрали в самом Винокуре рождала переживания довольно сложные, о чем свидетельствует предпоследний из публикуемых текстов – предисловие к задуманным воспоминаниям. Признавая, что это ограничение чистой наукой и преподаванием не вполне сродно его натуре, Григорий Осипович, видимо, с некоторой тоской оглядывался на свою молодость с ее полемическими сшибками, близостью к новой литературе, активным вмешательством в лингвистическую практику. Фактически Винокур пишет в предисловии о том же, о чем двумя годами позже скажет Ахматова: "Меня, как реку, / Суровая эпоха повернула". Но гордости прожитым и сделанным, которой исполнена ахматовская элегия, в винокуровском предисловии нет и в помине.

Так одинокое размышление о собственной жизни снова возвращало к историческому контексту, в котором довелось ее прожить. Стремление понять, как взаимодействовали, соотносились твоя личная, неповторимая жизнь и течение общей истории, и породило замысел систематических мемуаров – один из многих, которые судьба не позволила Винокуру довоплотить.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Статья и публикация подготовлены в рамках исследования "Деятельность Московского лингвистического кружка по материалам его архива", поддержанного грантом РГНФ № 98-04-06224.

Публикуемые материалы хранятся в РГАЛИ и в домашних архивах родственников Г.О.Винокура. Все они публикуются с сохранением особенностей авторских языка и пунктуации (включая такие, как употребление заглавных букв во всех элементах составных наименований изданий и организаций и двоеточия между фамилией автора и заглавием упоминаемой книги). Унификация коснулась лишь употребления кавычек при заглавиях книг и названиях журналов. Сокращения восстанавливались в угловых скобках, общепринятые сокращения в деловых текстах оставлены без восполнения.

Необходимые сведения об источниках публикации и об особенностях их воспроизведения даются всюду в первом из примечаний, которыми сопровождается каждый из публикуемых текстов.

Тексты, хранящиеся в РГАЛИ, отобраны и подготовлены А.В.Маньковским, тексты из домашних архивов – С.И.Гиндиным.

[2] Эпизод эпистолярной полемики Г.О.Винокура и Р.О.Якобсона // Известия Академии наук. Серия лит. и языка. 1996. Т.55. №6. С.67; Переписка Р.О.Якобсона и Г.О.Винокура // Новое литературное обозрение. 1996. №21. С.92.

[3] *Винокур Г.О.* Биография и культура. М. 1927. С.22.

[4] Эпизод эпистолярной полемики... С.66; Переписка... С.92.

[5] *Винокур Г.О.* Несколько слов памяти Ю.Н.Тынянова // Воспоминания о Ю.Тынянове. М. 1983. С.67.

[6] Ср. его собственные позднейшие слова о "душевной боли", которую ему в 1924–25 гг. причиняли его "лефовские статьи" – *Винокур Г.О.* Несколько слов... С.67.

[7] Как действовало эвакуационное бездействие на Винокура, показывает запись Н.В.Реформатской о другом, более раннем письме, присланном им Реформатским к новому 1942 году: "такое мрачное, такое беспомощное" – *Реформатская М.А.* "Как в ненастные дни собирались они часто" // Литературное обозрение. 1997, №3. С.64. Тем более значимы слова в письме к Е.Гурьян о сохраняемой бодрости.

[8] 23 июня 1942 г. Винокур уже председательствовал и выступал в Москве на вечере памяти Д.Н.Ушакова (*Реформатская М.А.* Указ.соч. С.64). Но точное число его возвращения в Москву пока не известно.

[9] По иронии судьбы, Винокур в 1944 г. по распоряжению из ЦК ВКП(б) (устное свидетельство Р.М.Цейтлин) будет отстранен от заведования этой кафедрой по той же самой причине, по которой он, согласно его рассказу в статье для ифлийцев, не был принят в студенты в 1915 г.

С.И.Гиндин

Г.О. Винокур

1. <Словарная автобиографическая заметка. Конец 1925–1926 гг.>[1]

ВИНОКУР, Григорий Иосифович, – филолог, научн. сотрудник ГАХН по философскому отд. с октября 1924 г.

Родился в 1896 г. В 1915 г. окончил гимназию П.Н.Страхова в Москве, в 1922 – окончил ист.-филолог. фак. Московского У-та. В У-те занимался исключительно сравнительным языкознанием. Вне У-та занимался также вопросами поэтики.

К 1916 г. относится первое выступление в печати – рецензия на книгу С.Боброва: Новое о стихосложении Пушкина, в №1 журнала "Московские мастера". В 1917 г. сближается с [о студенческим] Московским Лингвистическим Кружком, который к тому времени перенес центр своих интересов с диалектологии и истории русского языка на проблемы поэтики. Вскоре после избрания в члены Кружка становится его ученым секретарем, а в 1922–23 гг. был его председателем. Через Кружок, близко стоявший к футуризму, возобновляет свою прежнюю связь с представителями футуризма, отчасти участвуя в их начинаниях. Принимал близкое участие в пропаганде так наз. "формальных методов" изучения поэзии, выдвигавшихся Кружком. Через Кружок попадает также в Московскую Диалектологическую Комиссию при II Отд. Академии Наук. В 1920 г., по предъявлении работы о двуязычном говоре села Макарки Бельского у<езда> Гродненской губ<ернии> (см. Р.Якобсон и П.Богатырев. Славянская филология в России за годы войны и революции. Берлин. 1922[2]), – избран членом Диалектолог. Комиссии. Годы 1920–22 провел сначала в Эстонии, а потом в Латвии, где собирал матерьялы по литовской и латышской народной песне. В рижской газете "Новый Путь" поместил ряд статей, касающихся русской литературы, новой орфографии и пр. По возвращении в Москву принимает участие в журналах "Леф", "Печать и Революция", "Журналист" и др. В первом из этих журналов (1923–24 гг.) помещает ряд статей о современных явлениях в русском языке, о стиле и языке газеты и пр., в которых, используя учение о статической лингвистике[3] швейцарского ученого де-Соссюра, настаивает на пересмотре младограмматической традиции и на необходимости построения практической стилистики в духе "прикладного языкознания", или "лингвистической технологии". Статьи эти, содержащие

также некоторые замечания методологического характера о предмете поэтики и истории литературы, наряду с тенденцией к пропаганде учения де-Соссюра, свидетельствовали, кроме того, об общей близости В. к футуризму. Все эти статьи, вместе с другими, написанными за тот же период, перепечатаны со значительными изменениями, свидетельствующими об отходе В. от футуризма и "формализма", в книге: "Культура языка. Очерки лингвистической технологии" М. 1925. (Отзывы: "Книгоноша" №6, 25 г., "Журналист" №10, 25 г., "Новый Мир" №11, 25 г., "Печ. и Революция" №8, 25 г., "Пути просвещения" №10 (или 11)?[4]). Поворот в воззрениях В. связывается с его занятиями историей литературы, в частности – пушкиноведением. Первый результат этих занятий – работа: "Биография как научная проблема" (дважды анонсирована в "Печ. и Рев.". №№3, 5-6 за 25 г., но не опубликована. См. отзыв о ней в книге Б.Томашевского: Пушкин. Л. 1925 г.[5]; "Поэтика: Временник" №1[6]), в которой проблема биографии и ее отношения к ист<ории> литературы решается на анализе отдельных моментов структуры слова, в понимании, близком к "Эстетическим фрагментам" Густава Шпета[7]. Отражением занятий Пушкиным явилась статья: "Пушкин-прозаик" (вошла в "Культуру языка") и ряд рецензий на новинки пушкинской литературы в "Печ. и Рев." за 24-25 гг.[8] О полном отходе от футуризма как идейного течения и формализма как научного метода свидетельствуют: статья: "Хлебников" ("Русский Современник" №4 25 г.), а больше всего изданный В. совместно с поэтом Ф.Вермель альманах "Чет и Нечет", М. 1925 г., где В. принадлежит статья "Поэзия и наука". Как в этой статье, так уж отчасти и в "К<ультуре> яз<ыка>", содержащей намеки на необходимость сближения лингвистики с филологией[9], позиция В. характеризуется устремлением в сторону филологического метода в традиционном смысле этого термина, т.е. в сторону исследования слова через его интерпретацию и критику. Более широкое обоснование этой позиции дает книга: "Русская филология и русские поэты" 1926 г.[10], посвященная принципиальному истолкованию проблемы критики текста в применении к русским поэтам. Общая культурная позиция В. получила новейшую иллюстрацию в статье: "Баратынский и символисты" – "Искусство" №3[11].

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] РГАЛИ. Ф.2164. Оп.1. Ед.41. Л.5. Машинопись с авторской правкой чернилами и карандашом.

Определение данной заметки как словарной статьи основано на следующих признаках, отличающих их от прочих известных куррикулумов Г.О.Винокура (в том

числе от помещенных ниже под №№ 2 и 5 в данной публикации): 1) замена фамилии героя ее первой буквой; 2) систематическое употребление принятых в энциклопедических изданиях стандартных сокращений слов; 3) темы "поворота в воззрениях" и "отхода от футуризма" развиты гораздо подробнее, чем то принято в формальных автобиографиях, предназначенных для служебного употребления.

Для какого справочного издания предназначалась статья, не установлено. Но определение героя, помимо специальности, по его службе в ГАХН позволяет предположить, что статья могла быть подготовлена для справочника сотрудников последней. В подготовленном в ГАХН словаре "Писатели современной эпохи" (Т.1. М. 1929; Т.2. М. 1995), включавшем и статьи об ученых-филологах, статьи о Винокуре нет.

Датировка статьи основана на указании в ней ноябрьских номеров журналов за 1925 г. и на том, что книга "Критика поэтического текста" упомянута еще под своим первоначальным заглавием и как выходящая в 1926 г. (ср. ниже примеч.10).

При подготовке к печати карандашное библиографическое дополнение на полях к списку рецензий на "Культуру языка" введено в основной текст статьи.

[2] В этом известном обзоре об упоминаемой Винокуром диалектологической работе говорилось: "Для вопроса о малорусских говорах, пограничных с польским языком и полонизированных в лексическом и отчасти фонетическом отношении (консонантизм) интересны материалы, собранные Самойловичем в Бельском уезде Гродненской губ. и обработанные Г.И.Винокуром для 9 вып. Трудов Диалектологической комиссии".

[3] Этот термин в отечественной лингвистической литературе 1920-х гг. соответствует введенному позднее А.М.Сухотиным в его переводе "Курса общей лингвистики" Ф. де Соссюра термину *синхроническая лингвистика*.

[4] В упоминаемых изданиях книгу рецензировали, соответственно, Я.Шафир, Д.Д.Благой, Л.П.Гроссман, Р.О.Шор и (в №11 украинского издания "Шлях освіти") Л.А.Булаховский. См.: *Шапир М.И.* Рецензии на труды Г.О.Винокура // Винокур Г.О. Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М. 1990. С.415-416.

[5] В архиве Винокура сохранилась правленая корректура статьи "Биография как научная проблема" с типографским штампом "25 августа 1924 г." (РГАЛИ. Ф.2164. Оп.1. Ед.87. Л.1). В упомянутой Винокуром книге Томашевского ссылка на "интересную работу" Винокура о биографии дана в такой форме: "Печать и революция", 1925 г. Доклад, читанный в Российском институте истории искусств", см.: *Томашевский Б.В.* Пушкин: Соврем. проблемы историко-лит. изучения (2-е изд.) // Томашевский Б.В. Пушкин: Работы разных лет. М. 1990. С.50, 75.

[6] Там был помещен "Отчет о научной деятельности Отдела словесных искусств Государственного института истории искусств". В нем в перечне докладов, прочитанных на секции художественной словесности, значится: «*Г.О.Винокур* (гость) "Проблема литературной биографии" (29/V <1924 г.>)» – Поэтика. [Вып.] I. Л. 1926. С.156.

[7] Рецензию на эту книгу Винокур поместил в упоминаемом им альманахе "Чет и нечет". Переиздана в кн.: *Винокур Г.О.* Филологические исследования: Лингвистика и поэтика. М. 1990. Об отношении Винокура к Шпету см. в примечаниях к этому переизданию М.И.Шапира – Там же. С.314-316.

[8] В "Печати и революции" Винокуром были отрецензированы книга В.Ходасевича "Поэтическое хозяйство Пушкина" (1924. Кн.6), монография В.М.Жирмунского "Байрон и Пушкин" (1925. Кн.1), популярные очерки Б.Л.Модзалевского, А.К.Гладкого и Б.В.Томашевского с В.Е.Евгеньевым-Максимовым (1925. Кн.3), новое издание "Записок" и писем Пущина (1925. Кн.4) и выпущенная Пушкинской комиссией книга "Пушкин. Сб. первый" (1925. Кн.5-6).

[9] В "Предисловии" к этой книге говорилось: "Переживаемый в последнее время научным языкознанием кризис в результате должен приблизить языкознание к филологии, для которой слово есть ничто иное, как культура в ее специфическом выражении" (*Винокур Г.О.* Культура языка. М. 1925. С.3. Подробнее см.: *Гиндин С.И.* Г.О.Винокур в поисках сущности филологии // Известия Академии наук. Серия лит. и языка. 1998. Т.57. №2. С.5-6.

[10] Первоначальное авторское название книги: *Винокур Г.О.* Критика поэтического текста. М. 1927.

[11] Эта статья, как и статья о биографии (см. примеч.5), при жизни автора не увидела света. Опубликована К.М.Соливетти в ежегоднике: Russica Romana. 1994. V.1. С.129-156.

2. Curriculum vitae. <1936 г.>[1]

Григорий Иосифович ВИНОКУР родился в Варшаве в 1896 году. В 1904 году переехал с родителями в Москву. Начальное образование начал получать еще в Варшаве, где выучился читать и писать по-русски и по-польски. В 1906 г. поступил в приготовительный класс частного реального училища К.К.Мазинга в Москве. В 1909 г., вследствие обнаружившихся филологических склонностей, был переведен родителями в частную гимназию П.Н.Страхова, в третий класс. Гимназию Страхова кончил в 1915 году. Осенью того же года подал прошение о приеме на историко-филологический факультет Московского университета, но <не> был принят вследствие процентной нормы для евреев. В течение учебного 1915–1916 г. занимался на химическом отделении эвакуировавшегося тогда в Москву Рижского политехнического института. Осенью 1916 г. оставил Политехнический институт и поступил на историко-филологический факультет Московского университета. В Университете занимался сравнительным языкознанием и славянской филологией. За время пребывания в Университете читал в семинариях несколько рефератов и докладов: 1. "О синтаксических принципах Морриса". 2. "Ритмика и мелод<ика> речи по Бехагелю". 3. "О языке Мариинского евангелия". 4. "О языке Триоди Моисея Киянина (по подлинной рукописи)" и др.[2] С 1917 г. принимает участие в работах Московской диалектологической комиссии при Академии Наук, в которой председательствовал Д.Н.Ушаков. Одновременно принимает активное участие в работах Московского Лингвистического Кружка (первоначально студенческого), в котором впоследствии был председателем (1922 г.)[3]. В 1919 г. на соединенном заседании Диалектологической комиссии и Лингвистического кружка читал доклад "О двуязычном говоре с.Макарки Гродненской губернии". Этот доклад был принят

Комиссией для напечатания в составе ее "Трудов", но это не осуществилось, вследствие того, что издание "Трудов" прекратилось[4]. В августе 1918 г. поступает на работу в Наркомпрос РСФСР, в качестве секретаря Отдела пролетарской культуры. В июле 1920 г. зачислен на работу в полпредство РСФСР в Эстонии (Ревель), в качестве переводчика Бюро печати. В Ревели работал до октября того же года, а в октябре был переведен на аналогичную работу в полпредство РСФСР в Латвии (Рига). В Риге работал переводчиком-референтом, потом заведующим Бюро печати, до мая 1922 г. Пребывание в Риге использова<л> для занятий латышским языком, уроки которого брал у латышского писателя-революционера Леона Паэгле. Во время работы в Риге продолжал свои филологические занятия, готовясь к окончанию Университета. В мае 1922 г. просил о своем откомандировании в Москву для окончания учебных занятий. По приезде в Москву закончил прохождение учебного курса и осенью 1922 г. получил свидетельство об окончании Университета. В Москве поступил на работу в РОСТА (потом ТАСС) в качестве редактора-переводчика иностранной информации и работ<ал> там до 1930 г. Одновременно с работой в ТАСС начал выступать в печати по вопросам лингвистики, стилистики и поэтики. Из очерков, посвященных этим вопросам, составилась книга "Культура языка", вышедшая в 1925 г. в и-ве "Работник Просвещения" и в 1929 г. переизданная и-вом "Федерация". С 1925 г. начинает работать в качестве внештатного научного работника, потом члена-корреспондента и внештатного действительного члена в Гос. Академии Художественных Наук (ГАХН), участвуя в занятиях литературного и философского отделений. За время работы в ГАХН'е выступал на заседаниях упомянутых отделений с различными работами, из которых главные: 1. "Биография как научная проблема" (опубликована отдельным изданием в серии трудов ГАХН под заглавием "Биография и культура" М. 1927[5]), 2. "Критика поэтического текста" (опубликована там же в 1927 г.[6]), 3. "О возможности всеобщей грамматики"[7]. 4. "Баратынский и символисты"[8]. 5. "Проблемы пушкиноведения", 6. "Из русской стилистики" и др. В 1930 г. прекращает работу в ТАСС и начинает заниматься педагогической деятельностью в вузах. С 1930 по 1932 г. включительно преподает современный русский язык в Моск. Институте Новых языков[9] в качестве доцента. В 1932 г. проводит эпизодический курс истории русского языка для семинара повышенного типа при Центральном Институте Повышения Квалификации. В том же 1932 г. читает курс русского языка в Бобриковском Педагогическом Институте. С

1934 г. состоит профессором в Московском Городском Педагогическом Институте, где читает историю русского языка. В 1934–1935 г. читал также в Московском Областном Педагогическом Институте. В текущем учебном году, кроме Моск. Гор. Пед. Института, состоит также членом кафедры языка Пед. Института им. А.С.Бубнова, по поручению которой руководит занятиями аспирантов и их подготовкой к защите диссертаций. Приглашен с осени 1936 г. вести курс истории русского языка в Моск. Историко-философско-литературном Институте (МИФЛИ). Высшей Аттестационной Комиссией утвержден в 1935 г. в звании профессора и в степени кандидата лингвистических наук. С 1929 г. принимает участие в составлении большого трехтомного Толкового Словаря русского языка, выходящего под редакцией проф. Д.Н.Ушакова. Первый том вышел в 1935 г., в настоящее время готовится к печати второй том. В 1933 г. избран членом Пушкинской Комиссии Института Литературы Академии наук СССР. Принимает участие в большинстве мероприятий комиссии, и прежде всего в юбилейном академическом издании сочинений Пушкина. В вышедшем VII т. редактировал и комментировал трагедию "Борис Годунов"[10]. В печатающемся IV т. редактировал и комментировал поэмы "Бахчисарайский фонтан" и "Цыганы"[11]. Принимает участие в редактировании отдельных циклов лирики.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] РГАЛИ. Ф.2164. Оп.1. Ед.хр.41. Л.8-10. Сохранилось три машинописных варианта, для публикации выбран наиболее полный из них. Датируется по упоминанию о начале работы в ИФЛИ осенью 1936 г. как о еще предстоящем событии.

[2] Названные доклады не публиковались. "Триодь Моисея Киянина" в последнем авторском перечне трудов и замыслов от 17.02.1947 включена в раздел "Начатое в разной стадии" (записная книжка, указ. ниже в примеч. 1 к док. №7).

[3] Винокур был председателем Кружка с октября 1922 г. по март 1923 г.

[4] См. выше примеч.2 к "Словарной автобиографической заметке". Исследование будет опубликовано в год смерти автора: *Винокур Г.О.* Заметки по фонетике одного украинского говора // Бюллетень диалектологического сектора Ин-та рус. языка. 1947. Вып. 1.

[5] Это библиографическое указание Винокура неточно. Книга "Биография и культура" не идентична статье "Биография как научная проблема" (см. выше примеч. 5-6 к "Словарной автобиографической заметке") и докладам, сделанным на ее основе.

[6] О том, как был воспринят доклад "Русская филология и русские поэты", легший в основу этой книги, Винокур рассказывает в письме к Якобсону от 18 августа 1925 г.,

см.: Эпизод эпистолярной полемики Г.О.Винокура и Р.О.Якобсона // Известия Академии наук. Серия лит. и языка. 1996. Т.55. №6. С.67. Переписка Р.О.Якобсона и Г.О.Винокура // Новое литературное обозрение. 1996, № 21. С.93.

[7] Эта работа Винокура опубликована посмертно в "Вопросах языкознания" (1988. №4).

[8] См. выше примеч.11 к "Словарной автобиографической заметке".

[9] Одно из первоначальных названий Московского педагогического института иностранных языков (ныне Московский лингвистический университет).

[10] См.: *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. Т.7. Драматические произведения. [Б.м.:] Изд. АН СССР, [1935]. С.1-98 (текст), 261-295 (др. редакции и варианты), 385-505 (комментарий).

[11] Редактированный Винокуром текст этих поэм см.: *Пушкин А.С.* Полное собрание сочинений. Т.4. [Б.м.:] Изд. АН СССР, 1937. С.153-204, 382-463. Но подготовленный им же комментарий в связи с изменением общего плана академического издания остался неопубликованным.

3. Из воспоминаний моей юности <1940> [1]

В первый раз в жизни я берусь за перо для того, чтобы писать о самом себе. Не вижу возможности уклониться от выполнения долга перед "Комсомолией", а по собственному побуждению я вряд ли решился бы когда-нибудь на это. Не потому, что не хочется "копаться в собственной душе" – это, наоборот, дело для меня довольно привычное. Но собственная жизнь это такой предмет, о котором всю жизнь думаешь и все-таки всего не передумаешь...

Моя преподавательская деятельность началась в 1903 г. Мне было тогда шесть лет от роду, и жили мы тогда в Варшаве, где я и родился, а в Москве я живу с 1904 г. Чему и кого я мог учить в таком возрасте? Я давал уроки русского языка кухарке из соседней квартиры, учил ее читать и писать. Вот, товарищи, как рано я стал "филологом". Во всяком случае, уже тогда я знал два языка – русский и польский. Польскому учила меня окружающая обстановка, а своими ранними и не совсем обычными для этой обстановки знаниями в русском языке я был обязан своему отцу. Это был на редкость хороший и чистый человек. Настоящего образования у него не было, и он, как большинство полу-образованных евреев, занимался коммерческими делами. Но всю жизнь он жадно тянулся к просвещению[2] и очень заботился в этом отношении о детях. Отец мой отличался фанатической ненавистью ко всему польскому. Меня и моего младшего брата он старался совершенно отучить от польской речи и заставлял говорить только по-русски, награждая за послушание шоколадом. Так я был впервые посвящен в тайны великого русского языка при помощи варшавского шоколада. После переезда в Москву я так

основательно забыл польский язык, что слушать лекции по польскому в Университете мне было вряд ли намного легче, чем другим студентам, и произношение у меня теперь по-польски самое "москальское". Но с отцом моим я не согласен, и считаю польский язык необыкновенно изящным и богатым[3].

Филологом в более серьезном смысле, т.е. студентом историко-филологического факультета Московского Университета, я стал гораздо позднее, и при том позднее, чем следовало бы по возрасту. Уже лет за пять до окончания гимназии я твердо решил, что пойду на филологический факультет и с этой целью занимался даже сверх обычной школьной программы, по собственному желанию, греческим языком. Но невеселая русская действительность 1915 г., когда я окончил гимназию, встретила мои мечты о филологическом образовании очень сурово. Как еврей, я не был принят в Университет. Никогда не забуду того дня, когда я получил официальную справку о том, что мне отказано в приеме. Я стоял в вестибюле филологического факультета, где на стене вывешивались записки профессоров с извещениями о начале занятий. На одной записке я прочел: "Проф. М.М.Покровский начинает курс лингвистической грамматики греческого языка в такой-то день и час". Я собственно не понимал как следует, что значит "лингвистическая грамматика", но из глаз моих текли горькие слезы и я с тоской думал: "Почему, почему и мне нельзя заниматься лингвистической грамматикой греческого языка?" Рядом со мной тогда не было никого, кто мог бы мне дать правильный ответ на это "почему", и как следует я понял это уже позднее...

Все же мне "повезло", потому что мне удалось поступить в Университет годом позже. За этот год умер мой отец, и его смерть, как ни тяжело об этом думать, отчасти помогла тому, что меня приняли. По условиям военного времени, тогда принимали вне процентной нормы иждивенцев военнослужащих. Мне не трудно было найти военнослужащего, который согласился играть роль моего кормильца, а директор гимназии и гражданский раввин с удовольствием это подтвердили, так как обмануть начальство тогда было удовольствием для каждого. Но в императорском университете я проучился всего один семестр. Произошла революция, и все пошло по другому.

Двое из моих университетских учителей, которым я больше всего обязан своим образованием, хорошо известны читателям "Комсомолии". Это – Д.Н.Ушаков и М.Н.Петерсон. Я горжусь тем, что вместе с ними теперь сам воспитываю филологическую молодежь. У первого я занимался историей русского языка и диалектологией, у второго –

литовским (которым очень увлекался), санскритом, семасиологией, общими проблемами синтаксиса[4], специально синтаксисом Лермонтова и т.д. Всегда буду помнить зиму 1918 г., когда, по дороге домой из Наркомпроса, где я тогда работал секретарем "Пролеткульта", я заходил в Университет и там встречался с М.Н.Петерсоном, который **мне одному**, в пустынной и холодной аудитории (оба мы, конечно, ни пальто, ни калош не снимали), читал подробнейший, трудный и необыкновенно тщательно составленный курс литовского языка – мы проходили в этот год отдел словообразования. С тех пор я изменил литуанистике и вообще стал, вероятно, совсем не таким, каким хотел бы меня видеть добрейший Михаил Николаевич. Но он, конечно, поверит мне, что во мне живут самые благодарные воспоминания о его замечательных уроках. Даже и из литовского словообразования я, кажется, не все окончательно забыл.

О моих отношениях с Д.Н.Ушаковым я говорить сейчас подробно не буду, потому что это для меня слишком большая тема. Я полюбил его с первого взгляда, с той самой минуты, когда старший товарищ, затащивший меня в заседание Диалектологической комиссии, представил меня, как начинающего (а я был еще первокурсником), председателю комиссии, и тот сейчас же полез в шкаф и наградил меня четырьмя томами "Трудов" комиссии. Как я был горд этим подарком! В Университете я не выучился у Д.Н. и сотой доле того, чему он меня учил и продолжает учить и сейчас у себя дома, все равно – занимаемся ли мы "Толковым словарем" или просто пьем чай и беседуем "о жизни". Д.Н. для меня не просто университетский учитель, а учитель вообще, с большой буквы, и самый лучший из друзей. Не даром и моя четырехлетняя Наденька говорит: "Из всех папиных аспилантов я больсе всех люблю Усакова".

Самые лучшие воспоминания я сохранил о покойном В.Н.Щепкине, у которого слушал старославянский, палеографию, польский, словенский, полабский и какую-то (к стыду не помню), не то польскую, не то сербскую литературу. Это был блестящий ученый, один из лучших русских славистов, и замечательный лектор. Многим обязан я также В.К.Поржезинскому, у к<ото>рого слушал ср<авнительную> гр<амматику> и готск<ий> яз<ык>. Привелось мне также в конце-концов прослушать у М.М.Покровского, теперешнего академика, и вожделенную "лингвистическую грамматику", при том не только греческого, но и латинского языков.

Но вне Университета, в студенческих и литературных кружках, я учился, пожалуй, больше, чем на лекциях и семинариях. Наш студенческий "Московский Лингвистический Кружок", где зани-

мались самыми разнообразными вопросами, от русской диалектологии и поэтики Гоголя до истории древне-еврейского языка и права самоопределения народов[5], кроме студентов (среди них были тогда Р.О.Шор, Б.В.Горнунг), посещали также ученые и литераторы. Постоянным гостем кружка был М.Н.Петерсон. Из других посетителей помню молодого красавца Ю.М.Соколова, только начинавшего свою деятельность и смешившего нас самыми необыкновенными историями, И.Н.Розанова, В.Б.Шкловского, О.М.Брика и др. По "большим дням" нас посещали и более маститые гости, вроде Д.Н.Ушакова, П.Н.Сакулина, которого мы "учили" проблемам формальной поэтики и др. Влияние Кружка, жившего напряженной духовной жизнью молодости, не во всех отношениях было полезным. Именно, Кружок сделал меня законченным футуристом, к чему, как многие интеллигентные мальчики того времени, я и без того был склонен[6]. Уже до Кружка я встречался с Бурлюками, Хлебниковым, В.Каменским, Н.Асеевым[7] (фото 1). Теперь (это было по моему в 1917 г.) я познакомился с Маяковским, в "орбите" которого находился очень долгое время, как активный сотрудник его журнала "ЛЕФ". Я хорошо знал Маяковского, часто его встречал, хотя какой-либо близкой личной дружбы у меня с ним не могло быть по несхожести (нашего положения и) наших темпераментов. Поэзией его я в те годы бредил. Кстати, первое мое выступление в печати, это короткая и ужасно восторженная рецензия в шесть строк на "Облако в штанах", напечатанная в сборнике "Московские Мастера" 1916 г. Там же и другая моя рецензия, на книжку С.Боброва о стихосложении Пушкина. Разочарование в футуризме, которое стоило мне сильного душевного кризиса, разобщило меня и с Маяковским, хотя как поэта я никогда не переставал его высоко ценить. Расскажу одну из своих последних встреч с Маяковским, уже после "кризиса". Мы встретились на Петровке, и пошли рядом. – Ну как, спрашивает Маяковский, кого теперь из поэтов любите? – Я ответил не без вызова: "Тютчева". – А я, говорит Маяковский, Светлова. – Этого имени я тогда еще совсем не знал. "Будто хороший поэт?", спросил я недоверчиво. – Замечательный! – Должен все же признаться, что Тютчев и сейчас мне кажется лучше Светлова, в чем со мной очень мило согласился сам Светлов, когда я ему года два назад при нашем знакомстве рассказал, при каких обстоятельствах я впервые услышал его фамилию.

Но я заболтался, а рассказать хотелось еще о многом, о том, как я был у Шахматова, о своих заграничных поездках, о моем замечательном друге, знаменитом пушкинисте С.М.Бонди, о встречах с Брюсовым и с Белым, о своих первых статьях и книжках и о том, что

Вечер, посвященный 60-летию со дня рождения В.Хлебникова, в Музее-квартире В.Маяковского 29 ноября 1945 г.

Слева направо: художница М.Синякова, Н.Асеев, А.Крученых, Г.Винокур, В.Шкловский, В.Перцов, Д.Петровский

в них было хорошего и дурного, о том, как я дружил и ссорился с опоязовцами и формалистами[8], с которыми снова помирился только после того, как они поумнели (сам я, по-моему, поумнел чуточку раньше других), о моих первых лекциях, которые стал читать с 1930 г., и т.д. Но может быть будут еще случаи делиться своими воспоминаниями, а теперь пора кончать.

Вся моя сознательная жизнь, как видите, падает уже на революционные годы. Моя молодость, увы, уже прошла. Об этом свидетельствует не столько моя седина и расстроенное здоровье, сколько прежде всего то, что на всех получаемых мною официальных письмах перед моей фамилией красуется сакраментальное "проф." Что бы сказал мой бедный отец, если б узнал, что его сын, которого он так настойчиво отклонял от филологического факультета, потому что тот не давал еврею даже права быть учителем средней школы, не только получил в конце-концов филологическое образование, но и благоденствует при его помощи, состоя профессором высшего

филологического учреждения Москвы? Наши студенты не могут сейчас чувствовать всей остроты этого вопроса. Они счастливее нас, "пятидесятников"[9], потому что пришли уже на готовое. Но в самом деле, товарищи, без риторики, понимаете ли Вы, что должен чувствовать и думать сейчас я, не только привыкший уже к своему профессорскому званию, но также помнящий свои слезы в университетском вестибюле в 1915 г.?

И все же мне иногда страшно, когда я подумаю, что я Ваш профессор. Я хорошо сознаю, как мало, в сущности, я достоин этого высокого звания. Не думайте, будто я кокетничаю скромностью. Надо Вам знать, что я вовсе не такой уж скромный человек. Я предан науке всем своим существом, но это потому, что я полон горячей веры в себя и в свое дело. Я твердо знаю, что моя страсть к науке это не "пленной мысли раздраженье"[10], а действительное призвание. Я знаю, что я действительно ученый, настоящий ученый. Пусть "мой дар убог, и голос мой негромок", но моя Муза, я это знаю, обладает и "лица необщим выраженьем" и "достоинством обдуманных речей"[11]. Но когда сообразишь, как ничтожно и мелко все сделанное тобою по сравнению с теми великим<и> задачами, которые ставит перед нами жизнь, как мало ты знаешь, по сравнению с тем, что обязан знать, потому что путь к знаниям широк и свободен, то поневоле заскромничаешь. Ну что ж, будем работать! Мы еще повоюем! Особенно, имея за собой такую опору, как наша замечательная, отборная ифлийская гвардия!

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Домашний архив С.В.Киселева (Москва). Статья была написана для "Комсомолии" – стенной газеты филологического факультета ИФЛИ. Сохранилась в двух редакциях. Одна из них (машинопись на 3 листах, с правкой чернилами и карандашным добавлением на полях) озаглавлена: "Из воспоминаний моей юности". Другая (машинопись на четырех листах с правкой чернилами и дополнением на полях) не озаглавлена.

Основной состав обеих редакций (будем обозначать их, соответственно, как "озаглавленную" – ОР – и "неозаглавленную" – НР) совпадает, но есть и существенные отличия. НР открывается абзацем о стимулирующей роли заказа редакции стенной газеты в написании данных воспоминаний. В ней указано, у кого из своих университетских учителей Винокур слушал те или иные лингвистические курсы. Более подробно описана тематика занятий и состав участников и гостей Московского Лингвистического кружка. Зато в ОР Винокур подробнее пишет о своем отце. Тема отношения отца к филологическим интересам сына также дана более развернуто и не в конце статьи, а в начале – в качестве связующего звена между портретом отца и перипетиями поступления в Университет. Более конкретен в ОР и рассказ о том, в чем проявлялись футуристические пристрастия Винокура до его вступления в Московский Лингвистический кружок.

Определить последовательность работы над ОР и НР затруднительно. Кажется более вероятным, что вступительное указание на роль редакционного заказа должно было

возникнуть в первой же фазе работы над статьей, а не при переработке уже написанного текста. Также и тот факт, что уточнение "при помощи варшавского шоколада", сделанное в НР карандашом на полях, в ОР включено в основной состав текста, как будто указывает на то, что НР была создана первой.

Но нельзя безусловно исключить и обратную последовательность: ОР показалась автору слишком лично-биографической, и он при переработке насытил текст конкретными подробностями университетской жизни и ввел прямую адресацию к читателям "Комсомолии". Во всяком случае, отсутствие заголовка в НР могло быть вызвано тем, что именно эта редакция публиковалась в стенной газете, где заголовки обычно выполняются художником-оформителем.

В силу указанной неопределенности критерием выбора одной из двух редакций для публикации послужила большая насыщенность НР конкретными сведениями об Университете и Московском Лингвистическом кружке. Полностью публикуется НР, а наиболее важные из отсутствующих в ней фрагментов ОР приводятся ниже в примечаниях публикатора.

Датируется по указанию возраста младшей дочери автора, Надежды Григорьевны (род. в 1936 г.). Но возможно, что замысел статьи зародился много раньше. В дневнике Н.В.Реформатской сохранилась следующая запись о литературном собрании на квартире у Винокура 1 ноября 1936 г.: "После чтения пили чай под <...> воспоминания Гр.Осипча о первых годах формализма, о лингвистах, о Маяковском и пр. <...> Сколько у него интересных воспоминаний: лингвистический кружок, футуризм, формализм!" (*Реформатская М.А.* "Как в ненастные дни собирались они часто" // Литературное обозрение. 1997. №3. С.63). Перечисленные здесь темы практически полностью совпадают с темами публикуемой статьи.

[2] В ОР это утверждение получило такое раскрытие: <отец> "относительно много читал, завел себе небольшую библиотеку русских классиков, интересовался, между прочим астрономией, очень любил музыку..."

[3] В ОР вместо этого предложения читаем: «...но я очень люблю польский язык, а за "Пана Тадеуша" мог бы отдать очень многое».

[4] В ОР после суммарного перечня прослушанных курсов даны дополнительные сведения об учебе у Д.Н.Ушакова и М.Н.Петерсона: "Много работал и в семинариях. На втором курсе в семинарии по истории русского языка делал я доклад о языке одной рукописи XIII–XIVвв., которую изучал в подлиннике. Несколько докладов я делал в семинариях М.Н.Петерсона по общему синтаксису". Конкретные темы студенческих докладов Винокура указаны им в "Curriculum vitae" 1936 г. (см. наст. публикацию, документ №2).

[5] В ОР тематика занятий Московского Лингвистического кружка получила иную, более "одностороннюю" характеристику: "Но я не слушал (в Университете – *С.Г.*) почти ни одного курса по литературе. Не по отсутствию интереса к литературоведению, а как раз наоборот, из-за необычайно острого интереса к тем новым проблемам литературоведения, которые тогда так манили молодежь и по сравнению с которыми то, что преподавалось в Университете, казалось ненаучным и ненужным. Это были проблемы поэтики, выдвигавшиеся так называемой формальной школой. В нашем студенческом Московском лингвистическом кружке, несмотря на его название, увлечение именно этими проблемами было доминирующим" (выделено мной – *С.Г.*).

[6] В ОР Винокур рассказывает: "Когда я был в 5-6 классе гимназии, я, конечно, больше всего любил Блока. В старших классах гимназии я уже декламировал, главным образом, Хлебникова и Маяковского".

[7] В ОР далее следует: "Помню мою гордость, когда Давид Бурлюк должен был однажды признать мое буриме более совершенным, чем его".

[8] О своей поездке в Ленинград в 1924 г. для выяснения отношений с "опоязовцами и формалистами" Винокур рассказал в мемуарном фрагменте: *Винокур Г.О.* Несколько слов памяти Ю.Н.Тынянова // Воспоминания о Ю.Тынянове. М. 1983. С.65-68. Заочные споры с Р.О.Якобсоном отразились в двух встречных письмах, вошедших в публикации, указ. выше в примеч. 6 к "Curriculum vitae". В этих же публикациях (см., соответственно, с.68, 71 и 93, 98) запечатлены и расхождения Винокура с В.Б.Шкловским.

[9] Здесь это слово означает не "люди пятидесятых годов", но "люди, которым больше сорока лет".

[10] Из стихотворения М.Ю.Лермонтова "Не верь".

[11] Из стихотворений Е.А.Баратынского "Мой дар убог, и голос мой не громок..." и "Не ослеплен я музою моею..." Последнее стихотворение цитируется в редакции, опубликованной поэтом в альманахе "Северные цветы на 1830 г."

4. <Письмо к Е.Г.Гурьян. 1942 г.>[1]

21.V. <1942>

Дорогая Евгения Григорьевна,

только вчера я узнал из письма Ольги Львовны[2] о кончине Григория Давидовича. Мне страшно думать о его предсмертных страданиях и о том, как страдали и теперь страдаете Вы. Безумно Вас жалко, хочется хоть чем-нибудь Вам помочь или Вас утешить, но сам хорошо вижу, что нечем. Нужно лишь пожелать Вам побольше сил, чтоб вытерпеть то, что Вам выпало на долю – а терпеть ведь каждому из нас приходится сейчас по-своему и в свою меру. Я горячо люблю Вас и всю Вашу семью, Вы ведь это знаете, а такие чудные люди, как Григорий Давидович, вообще встречаются единицами. Грустно думать, что ушел еще один из тех, с воспоминанием о которых связана моя молодость, но, к сожалению, дорогие сердцу могилы все множатся. 17/IV в Ташкенте умер на 70-м году Димитрий Николаевич Ушаков, мой и Ромин[3] учитель, к которому я был привязан как к родному отцу. Он тоже долго хворал, но был все-таки крепче Г.Д. и понемножку еще работал. И тем не менее его смерть нанесла мне ужасную рану, от которой все не могу оправиться. Со дня на день я жду возможности вернуться в Москву, когда приеду, сейчас же полечу к Вам, чтоб обнять Вас и вместе с Вами поплакать. Жизнь в Чистополе избавила нас от тяжестей прошедшей московской зимы, но и здесь у нас очень много тяжелого. Сначала очень долго хворала Наденька, после летнего коклюша и воспаления легких у нее в январе снова было воспаление. Я страдал за нее ужасно. Сейчас, к счастью, она здорова и очень похорошела снова. Я мучусь нравственно от того, что почти ничего

Близкие друзья Г.О.Винокура Евгения Григорьевна и Григорий Давидович Гурьяны.
Фото конца 1930-х гг.

не делаю вот уже больше полугода – за это время сделал только одну более или менее случайную работу[4]. С этим связаны и материальные тяготы, так как я ничего не зарабатываю почти[5]. Танечка совсем обалдела от ежеминутных порываний в Москву, измучила и себя и родителей своей тоской. Эмма Максимовна измучена трудностями хозяйства, – оно было бы гораздо легче, если бы у нас была лучше квартира и если б было побольше денег, потому что рынок здесь неплохой, но очень дорогой. У бабушки растет катаракта на обоих глазах и она боится потерять зрение (здесь нельзя сделать операцию) – одним словом у каждого свое мучение, и у меня, сверх своего, еще и общее за всех. Я страшно похудел, жена тоже. Все же, несмотря на все это, я не теряю своего обычного оптимизма и бодрости[6]. Мне очень хочется работать, трудиться и именно это – главная причина, по которой я стараюсь уехать отсюда.

Желаю Вам, дорогая и любимая Евгения Григорьевна, крепости духовной и телесной, я горячо верю, что мы с Вами скоро увидимся и наговоримся.

Преданный Вам Гриша.

Э.М. и Танечка просят передать Вам искренний свой привет и наилучшие пожелания.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Домашний архив Т.Н.Задерман (Москва). Автограф на листке почтового формата, текст с обеих сторон (частично воспроизведен на переплете наст. сборника).
Евгения Григорьевна, Григорий Давидович Гурьяны и их сыновья Анатолий и Яков – семья, очень близкая Винокуру и его друзьям по университету и Московскому Лингвистическому кружку. Жили в том же доме в Лубянском проезде, что и Р.О.Якобсон и его родители. Имена членов этой семьи вместе и порознь постоянно появляются в письмах Якобсона и Винокура, написанных ими после отъезда в 1920 г. из России, см.: "Рома пишет из Праги..." (Письмо Г.О.Винокура П.Г.Богатыреву) // Материалы Международного конгресса "100 лет Р.О.Якобсону". М. 1996. С.22; Переписка Р.О.Якобсона и Г.О.Винокура // Новое литературное обозрение. 1996. №21. С.79-80, 94, 106, 109, 111.
После женитьбы на Эмме Максимовне Мерейно (упоминается в публикуемом письме вместе со своими дочерьми Н.Г. и Т.Г.Винокур) Винокур стал свойственником Гурьянов.

[2] О ком идет речь, установить не удалось.

[3] Речь идет о Р.О.Якобсоне.

[4] Ср. сходный мотив в письме Винокура к С.И.Ожегову от 1 апреля 1942 г.: "Неужели же ни у Университета, ни у Академии наук нет средств вытребовать специалиста, погибающего от безделья и разлагающегося заживо в захолустной дыре?". Цит. по *Никитин О.В.* Ad memorandum. Г.О.Винокур: "Как перед богом говорю..." // Studia Russica. Budapest. 1997. [V.] 16. С.5-6.

[5] Ср. в одном из чистопольских писем к Ожегову: "Но я здесь почти без денег <...> Очень прошу Вас, не дожидаясь моего возвращения в Москву, пришлите сколько-нибудь денег сразу же телеграфным переводом в счет моей зарплаты" (*Никитин О.В.* Указ. соч. С.22)

[6] Эта автохарактеристика находит подтверждение в свидетельствах тех, кто общался с Винокуром в Чистополе. Поэт В.Ф.Боков писал Григорию Осиповичу 6 августа 1942 г.: "Я помню вечер в Райпотребсоюзе и наш кружок за столом. – Вы были так опрятны, так душевно чистоплотны и столько оставили в моей душе хорошего" (*Никитин О.В.* Указ. соч. С.20). См также чистопольские дневниковые записи драматурга А.К.Гладкова: *Гладков А.К.* Встречи с Пастернаком // Гладков А.К. Поздние вечера. М. 1986. С.102, 122.

5. Жизнеописание Г.И.Винокура. <1942 г.>[1]

Я родился в 1896 г. в Варшаве, в семье купца. Отец был торговцем среднего достатка. В 1904 г. вся наша семья переехала в Москву. Начальное образование мое началось еще в Варшаве, продолжалось в Москве. Затем я поступил учиться в реальное училище Мазинга, но при переходе в 3-й класс, вследствие обнаружившихся моих филологических склонностей, был переведен в гимназию Страхова. Гимназию окончил в 1915 г. Осенью 1915 г. получил от Университета отказ в приеме, вследствие процентной нормы для евреев. В Университет удалось поступить только через год, а учебный 1915-16 г. я учился в Рижском Политехникуме, тогда эвакуированном в Москву в связи с войной. В Университете я учился на славяно-русском, а потом на

лингвистическом отделении историко-филологического факультета. Усердно занимался сравнительным языковедением, славянской и балтийской филологией, участвовал в различных семинариях и в студенческом Моск<овском> Лингвистическом кружке. С 1917 г. стал принимать участие в заседаниях и работах Моск<овской> Диалектологической комиссии при Академии Наук. В 1920 г., после представления доклада об одном двуязычном (польско-украинском) говоре был избран членом Комиссии и был ее секретарем и казначеем. В 1920 г. был командирован на работу в Полпредство РСФСР в Ревеле, в качестве переводчика Бюро печати. В октябре того же года был переведен на аналогичную работу в Полпредство РСФСР в Ригу. В мае 1922 г., в результате моих настойчивых просьб, получил разрешение оставить работу в полпредстве для возвращения в Москву и окончания Университета. Университет окончил осенью того же года. Поступив на работу в РОСТА (потом ТАСС) в качестве переводчика-редактора иностранной информации, я одновременно занимался научно-литературным трудом. В 1925 г. вышла из печати моя первая книга – "Культура языка", выдержавшая два издания (второе в 1929 г.). С 1924 г. я стал принимать близкое участие в работах Гос<ударственной> Академии Худож<ественных> Наук (ГАХН), в серии трудов которой в 1927 г. опубликованы две мои книги. В 1930 г. оставил работу в ТАСС и начал педагогическую работу в Вузах. С тех пор работал в МОПИНЯ, МГПИ, ИФЛИ. В 1935 г. удостоен ученого звания профессора и ученой степени кандидата наук[2]. В 1941 г. в сентябре Ученый совет ИФЛИ единогласно представил меня к утверждению в степени доктора наук, но военные события помешали своевременному завершению этого дела[3]. Читал курсы общего языковедения, русского языка и его истории, диалектологии, славянской палеографии, старославянского яз<ыка>, стилистики. С Академией наук, помимо участия в Диал<ектологической> Комиссии, связан с 1933 г. постоянным участием в ее работах по Пушкину. В 1933 г. избран членом Пушкинской комиссии АН. В течение 1935 г. состоял старшим ученым специалистом Института Русской Литературы (Ленинград). В 1938 г. был приглашен на должность старшего научного работника Института мировой литературы им. Горького для руководства работой по составлению Словаря языка Пушкина. В мае 1941 г. постановлением Президиума АН переведен на ту же должность в Институт Языка и Письменности, в котором занимаюсь Малым словарем русского языка в качестве одного из составителей и члена главной редакции[4]. Состою также членом главной редакции Академического издания сочинений

Пушкина. Всего за время моей научно-педагогической деятельности мною опубликовано около 60 печатных работ (около 10 находятся в печати), подготовил семь кандидатов филологических наук, защитивших диссертацию под моим руководством.

Ст<арший> научн<ый> раб<отник>
Проф. Г.Винокур[5].

15.VI.42.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Домашний архив С.В.Киселева (Москва). Сохранилось две редакции "Жизнеописания". Первая представлена двумя машинописями – на двух листах тетрадного формата (первый машинописный оттиск) и на одном листе обычного писчего формата (А4; трудно читаемый, почти "слепой" оттиск). Первая машинопись содержит рукописную вставку сделанную фиолетовыми чернилами, такими же чернилами выполнены авторская подпись и проставлена дата. После подписи и даты сделана позднейшая приписка карандашом: "Жизнеописание от 8/III 45 г. Послано в Управл<ение> кадров 9/II 45 (так в оригинале – *С.Г.*) с др<угими> докум<ентами>". Вторая машинопись явно представляет собой позднейшую копию с первой, подписи и правки в ней нет, дата напечатана на машинке.

Вторая редакция представлена также машинописью (на одном листе формата А4). Дата в ней отсутствует. Основных отличий от первой редакции три: 1) выражение *филологических склонностей* заменено на *филологических наклонностей*, 2) добавлена фраза об утверждении в докторской степени в 1943 г. и 3) большой постскриптум о работе автора в 1942–1947 гг. и о его посмертных публикациях. Первые два отличия могут восходить к неизестному нам авторскому тексту, напр., к упомянутому "Жизнеописанию" 1945 г. Хронологически к нему могла бы восходить и большая часть сведений постскриптума, но употребление 3-го лица вместо 1-го свидетельствует, что скорее всего весь постскриптум был присоединен к старому тексту уже после смерти автора.

В силу сказанного в качестве основы для публикации "Жизнеописания" выбрана первая, авторизованная машинопись первой редакции. Дополнения, имеющиеся во второй редакции, приводятся ниже в примечаниях публикатора.

[2] Во второй редакции уточнение: "кандидата филологических наук".

[3] Во второй редакции далее вставлено: "В степени доктора я утвержден в 1943 г."

[4] Имеется в виду будущий "Словарь русского языка" С.И.Ожегова. В ранних изданиях словаря имелись указания типа: "В составлении первого издания словаря принимали участие проф. Г.О.Винокур и В.А.Петросян" (*Ожегов С.И.* Словарь русского языка / 2-е изд., испр. и доп. М. 1952. С.2). Сведения об участии Винокура в редакционной коллегии словаря отсутствуют и в них, единоличным титульным редактором назван С.П.Обнорский (см., напр.: Там же. С.1.).

[5] Во второй редакции дата отсутствует. За расшифровкой подписи следует такое продолжение: "С 42 г. по 47 г. проф. Г.Винокур работал в МГУ, где читал курсы – современного русского языка, историю языка (истор<ическую> грамм<атику>) и историю литературного языка, спецкурс по словообразованию (введение в историю словообразования), спецкурс о языке пушкинской эпохи, спецкурс – "Введение в изучение

филологических наук"; вел семинары по языку Пушкинской поры и текстологический семинарий по Пушкину. С 1942 по 1944 г. состоял заведующим кафедрой русск<ого> яз<ыка>. Одновременно продолжал работу в Ин-те Русского языка Академии Наук в должности заведующего отделом словаря Пушкина. Кроме того читал в МГПИ общий курс литературного языка и спецкурсы по литературному языку. В МГУ руководил семью аспирантами, из которых трое защитили диссертацию на степень кандидата филологических наук. За это время вышли две книги: "Маяковский – новатор языка" (43 г.) и "Русский язык" (45 г.), а также ряд статей в различных журналах, сборниках и т.д. ("Известия Академии Наук", "Вестник <Московского> ун-та", "Русский язык в школе" и т.д.) [В настоящее время находится в производстве книга "Русское сценическое произношение"]. Посмертно вышла книга "Русское сценическое произношение" (48 г.) в ВТО и ряд статей".

6. <Предисловие к воспоминаниям. 1943 г.>[1]

Я уже несколько лет испытываю внутреннюю потребность писать нечто вроде автобиографии или мемуаров. Не хочу сейчас разбираться в источниках и смысле этой потребности, хотя и ощущаю смутно, что́ именно нудит меня к этой тяжелой и, вероятно, не во всем приятной работе. Если выйдет что-нибудь связное из того, к чему я сейчас приступаю, то все это должно стать ясным из самого изложения. Хочется только сказать, что основное чувство, которым сопровождается у меня мысль об автобиографии или мемуарах, с самого же начала ее зарождения, есть какая-то своеобразная **грусть**, издавна знакомая мне по тем минутам, в какие я задумывался над самим собой и над итогами пережитого. Это не сожаление об ушедшей молодости и уходящей уже зрелости, совсем не страх старости – его я вовсе не знаю, меньше всего – раскаяние или разочарование. Наоборот, это чувство светлое, я бы сказал – **созидательное**, но все таки по-настоящему грустное. Как раз сегодня, в день моего 47-летия, я целиком во власти этого чувства. Несмотря на множество срочной работы, я с утра и до самого вечера читал, без всякой видимой надобности, Владимира Соловьева, главным образом его публицистические статьи, "Три разговора", и почему-то – логической связи тут никакой нет – думал о том, что, как ни люблю я, настоящим, здоровым чувством профессионала, свою науку и преподавание, все таки до **конца** я, повидимому, не могу быть сыт одной наукой, что, может быть, было лучше, если бы карьера у меня сложилась не академическая, а более "вольная", что и в науке я, в конце концов, ищу не только того, чем следовало бы удовлетворяться в ней профессионально, и что-то еще в этом роде. Наконец, уже собравшись ложиться после подготовки к завтрашней утренней лекции, я сел, чтобы записать то, что здесь

сказано. Пусть это будет – вероятно очень бессвязным и странным – предисловием к моему повествованию о собственной жизни[2].

17 ноября 1943 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Домашний архив С.В.Киселева. Автограф на тетрадном листе, текст с обеих сторон. Авторские подчеркивания переданы при публикации полужирным шрифтом.

[2] Из задуманного "повествования" пока известен лишь фрагмент, публикуемый ниже под № 7.

7. <Из впечатлений раннего детства, 1946 г.>[1]

Я помню себя с 4–5 лет. От более раннего времени – какие-то обрывочные ощущения, которые невозможно выразить в слове. Обрывочны и бессвязны, разумеется, и первые воспоминания. Самое раннее из них, по-видимому, связано с рождением моего младшего брата Лели, общего любимца всей семьи и самого близкого мне из родных до сих пор. Помню полутемную столовую, в которой я ползаю по полу и под столом, а в соседней комнате – спальне родителей – происходит что-то таинственное и важное. Но оживить в своей памяти облик маленького брата я не могу, хотя знаю и по собственной памяти, и по рассказам старших, что мы неизменно в детстве очень любили друг друга.

Довольно отчетливо я помню только один страшный день, когда маленькому Леле, ему было тогда, кажется, всего около двух лет, делали операцию. У него на шее образовался какой-то большой гнойный нарыв, угрожавший его жизни. Операция делалась дома, в той самой комнате, где он родился. Все были очень встревожены, помню чужого человека, вероятно какого-то фельдшера или больничного служащего, выносившего из комнаты, где делалась операция, ведро с окровавленными бинтами. Маленького хлороформировали. После операции у него остался на шее громадный рубец, видный и до сих пор. Помню также, что он был красивый мальчик с длинными вьющимися волосами.

Я родился в ноябре 1896 г., Леля – в марте 1901 г., и мы с ним были в семье младшие. Старших было трое – две сестры и брат Володя, старше меня на 2 с половиной года. Были дети – кажется, два мальчика

Иосиф Исаакович Винокур со второй женой Анной Исааковной и детьми (слева направо) Григорием, Леонидом, Владимиром, Анной и Александрой.

Фото конца 1900-х гг.

– и старше сестер, но оба умерли маленькими и я знаю о них только по редким рассказам отца.

ПРИМЕЧАНИЕ

[1] Автограф в большой записной книжке в черном переплете (домашний архив С.В.Киселева). В эту книжку Г.О.Винокур с 1944 г. заносил свои творческие и издательские планы и самоотчеты, иногда перемежавшиеся отдельными записями дневникового характера.

Датируется по расположению между планом "Абсолютно необходимо..." от 27 февраля 1946 г. и перечнем "Находится в печати..." от 17 февраля 1947 г.

ОТЗЫВ Г.О. ВИНОКУРА НА ДИССЕРТАЦИЮ Л.В. БАРОН О ПОЭМАХ БАРАТЫНСКОГО

Публикация, предисловие и примечания
Карлы М. Соливетти (Рим, Италия)

Известно, как много сил и внимания уделял Г.О.Винокур обсуждению публикаций и выступлений своих коллег. Однако с начала 1930-х годов его деятельность рецензента, по условиям времени, почти прекратилась. Тем больший интерес представляет изучение внутренних отзывов, данных им в качестве оппонента или руководителя научной молодежи.

Публикуемый ниже отзыв на кандидатскую диссертацию Л.В.Барон "Поэмы Баратынского" выделяется среди всех рецензий и отзывов Винокура благодаря двум обстоятельствам. Во-первых, рецензируемая работа была посвящена поэту, чье творчество являлось для Винокура предметом постоянного научного интереса (см. нашу публикацию подготовительных материалов к монографии о Баратынском в настоящем сборнике). Во-вторых, внезапная кончина, последовавшая ровно через три месяца после написания отзыва, невольно превратила его в одно из последних, итоговых публичных высказываний ученого.

Публикуемый отзыв и в самом деле необычайно насыщен тематически. Чуть не каждая из замеченных рецензентом особенностей содержания и построения рецензируемой диссертации, порой весьма частных, становится поводом для постановки вопросов принципиального характера.

Переоценка соискателем "реалистичности" поэм Баратынского позволяет Винокуру указать на несовпадение типологических и конкретно-исторических отношений между художественными методами и направлениями. Реализм поэм Баратынского был, по меткому выражению Винокура, "реализмом в сторону", а магистральное направление пролегало через романтизм южных поэм Пушкина.

Чересчур частое использование в тексте диссертации красной строки заставляет рецензента заговорить о законах структуры научного текста. Чрезмерная дробность абзацного членения, по мысли Винокура, неизбежно ведет к незавершенности разработки тем и к хаотичности их чередования. Лингвистическая проблема величины абзаца напрямую связывается с типом и качеством научного мышления.

Наконец, совсем уж частная и второстепенная, по привычным меркам, деталь – обилие в диссертации опечаток – становится основанием для серьезного этического разговора об отношении молодого ученого к своей работе.

Ко всему этому счел нужным привлечь внимание Григорий Осипович Винокур накануне своего ухода из жизни.

Л.В.Барон. Поэмы Баратынского. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. 1946.[1]

В выборе поэм Баратынского в качестве темы для кандидатской диссертации сказался хороший историко-литературный вкус автора. Эти поэмы, по своим чисто художественным свойствам, несомненно, не принадлежат к числу лучших созданий русской поэзии, да и в творчестве самого Баратынского занимают, по сравнению с его замечательной лирикой, второстепенное место. Однако научная история литературы не может заключаться в одних только чисто эстетических оценках. Как раз поэмы Баратынского служат хорошим примером того, что нередко литературные памятники художественно второстепенные представляют большой исторический интерес, позволяя науке своеобразно характеризовать значительные подчас особенности литературного развития, будучи множеством нитей связаны с литературой и общей культурой своего времени, позволяя разглядеть особую стадию или момент в формировании известных разновидностей общественно-литературного сознания и т.д. Поэмы Баратынского с этих точек зрения не подвергались до сих пор монографи-

ческому изучению. Их относительно слабая художественная действенность во вторую половину XIX века и в XX веке мешала историкам русской литературы по достоинству оценить их значение, как очень интересного памятника литературных переживаний определенной эпохи. И как раз одной из важнейших заслуг Л.В.Барон я считаю то, что ей хорошо удалось показать, каким живым и волнующим литературным документом были эти поэмы для читателей своего времени, какие напряженные споры вызывали они в критике 20-х и 30-х годов XIX века и какое важное значение они имеют для изучения истории русского романтизма в его отношениях с нарождающимся русским литературным реализмом, в частности, как эти отношения отразились в судьбах эпического стихотворного жанра.

Автору удалось хорошо показать историко-литературное значение поэм Баратынского, прежде всего, потому что он взялся за разработку своей темы, предварительно очень усердно поработав над материалами, которые могли служить для него первоисточниками. Сюда я отношу, с одной стороны, подробное изучение **истории текста** поэм Баратынского, с другой стороны, – столь же подробное изучение прижизненных критических отзывов на поэмы Баратынского в журналистике, отчасти – в переписке и мемуарах. Здесь автор диссертации показал себя вполне подготовленным к исследованию своего вопроса. Сведения его отличаются точностью и нужной полнотой. К тому же в данной области автор диссертации не ограничивается сухими перечнями фактов, а стремится к тому, чтобы дать этим фактам соответственную оценку, представить их читателю в определенном их понимании. Это, может быть, не в полной мере относится к своду критических отзывов об отдельных поэмах Баратынского: здесь не всегда, как мне кажется, с должной резкостью и определительностью вскрываются общественно-литературные корни каждого данного полемического отклика, не всегда вводится читатель в закулисный мир тогдашних партийно-литературных отношений, – хотя никаких **существенных** упущений я и здесь не усматриваю. Но в особенности радует стремление молодой исследовательницы не оставлять без интерпретации приводимых сведений по истории создания поэм Баратынского. Разные редакции и варианты поэм представляют для автора не самодовлеющие ценности, а повод заглянуть в художественную лабораторию писателя, угадать его творческий метод, приводятся всегда в сопровождении посильных оценок. В большинстве случаев эти оценки очень справедливы и находятся в полной гармонии с основными тезисами работы в целом, подготовляя их так, что эти тезисы, действительно, представляются

выводами из изучения конкретного материала, а не привносятся в работу уже готовыми извне.

Основной смысл утверждений автора о поэмах Баратынского кратко сводится к тому, что эти поэмы представляют собой оригинальный и вполне самостоятельный момент в развитии русской романтической поэмы в 20–30 гг. XIX века. Автор считает, что в истории русской романтической поэмы, наряду с поэмами Пушкина и его подражателей, далее – наряду с поэмами Козлова и его подражателей и, далее, поэмами типа рылеевских, существовала особая четвертая линия, которую он характеризует как линию с **реалистическими устремлениями**, усматриваемыми им в "Эде", "Бале" и "Цыганке" Баратынского. Тезис этот нельзя считать вполне новым, хотя он и не является общепринятым. Однако Л.В.Барон не замалчивает тех своих предшественников по изучению Баратынского, на которых она могла опереться в своих выводах. Здесь оказываются как некоторые из современников Баратынского, – в их числе, между прочим, такой проницательный критик как И.Киреевский[2], а также частично и Пушкин, так и некоторые наши современники, как напр. В.М.Жирмунский[3]. Л.В.Барон, как мне кажется, примыкает к лучшей из традиций в оценках поэм Баратынского, ставя себе целью оправдать эту традицию детальным анализом материала и в большинстве случаев удачно справляясь с своей задачей.

Каждой из трех основных поэм Баратынского в диссертации посвящается особая глава, в которой излагается история создания и текста поэмы, анализируются оценки поэмы в современной поэту критике, темы, мотивы и образы поэмы, ее общее место в эволюции поэм Баратынского, приводятся данные для сопоставления этой поэмы с соответствующими другими литературными явлениями эпохи и т.д. Во всех этих направлениях автор обнаруживает не только хорошую свою подготовленность к работе, но также и несомненную научную одаренность, умение разобраться в историко-литературном материале, оценить поэтический факт в его конкретности, способность к собственному суждению и в то же время – отсутствие догматизма в этих суждениях, чувство здорового историко-литературного эмпиризма. Из отдельных достоинств работы отмечу следующее: 1) Очень хорошо, как мне кажется, показана постоянная забота Баратынского о том, чтобы не оказаться похожим на Пушкина – забота, имевшая, разумеется, не только биографические основания в естественном чувстве соперничества менее избалованного успехами товарища Пушкина, но также идейные основания в той полной почти свободе от "байронизма", как и вообще в своеобразии творческого

пути Баратынского, которые выпукло обрисованы диссертанткой. 2) Верный тезис о том, что в центре поэм Баратынского образы не мужские, а женские, и об историческом значении этого момента также, как мне кажется, представляет собой интересную и сильную сторону диссертации. В связи с этим стоит интересный экскурс о Закревской, прототипе героини "Бала", причем тема Закревской анализируется автором диссертации с привлечением данных о роли Закревской в жизни и творчестве Пушкина. 3) Автор, по-моему, совершенно верно угадывает противоречивые чувства Баратынского в его отношениях к внешнему литературному миру. С одной стороны, – стремление к полной оригинальности и независимости литературного поведения, но с другой – невольный учет пожеланий и упреков критиков, т.е., невольные признания в том, что критика в ее отрицательных суждениях не всегда неправа. Этот последний пункт мне кажется важным по тому, что он вносит в общий портрет поэта, рисуемый диссертантом: каким не хотел быть Баратынский, и каким он не был, разумеется, в материальном отношении, но каким по внутренней сущности он все-таки не мог не быть в глубине души как крупный поэт и замечательный деятель своего времени. 4) Прекрасно показан реалистически-бытовой фон "Цыганки". Не ставлю здесь себе задачей исчерпать все удачные моменты диссертации. Уже и сказанного достаточно, чтобы видеть, что с моей точки зрения, не только верна общая концепция диссертации, но и в подробностях она интересна, умна и "историко-литературна" в лучшем смысле слова.

Но есть, конечно, и в этой диссертации слабые стороны. Мне представляется, что Л.В.Барон недостаточно остановилась на антиномии, какую образуют, с одной стороны, то, что она называет "передовым направлением" поэм Баратынского, а с другой – их относительно слабое художественное качество. О последнем мог бы вообще не возникать вопрос, если бы перед нами был не Баратынский, первоклассный русский лирик, – а какой-нибудь вполне второстепенный писатель. История литературы изобилует примерами слабых эстетически произведений, шедших не только "в ногу", но и впереди своего времени со стороны общего направления. Но если эти, относительно слабые, произведения принадлежат писателю, в других случаях создавшему поистине замечательные поэтические произведения, то художественная второсортность, по меньшей мере, составляет проблему, над которой надо было бы хотя бы задуматься. Справедливость требует отметить, что Л.В.Барон не переоценивает поэм Баратынского и нигде не ставит себе целью возвести их в неподобающий им эстетический ранг. Но, как мне кажется, она несколь-

ко переоценивает значение того положительного момента, который нельзя было бы отрицать в этих поэмах – именно, их своеобразной реалистической направленности. Дело в том, что реализм поэм Баратынского это скорей "реализм в сторону", а не "реализм вперед", т.е. он возникал не по пути преодоления того могущественного и освобождающего начала, какое было присуще романтической поэме в ее, так сказать, "классическом" выражении, как это мы видим у Пушкина. Баратынский, на мой взгляд, не столько "не соглашался" с пушкинским путем, сколько внутренне "боялся" его, а потому и пошел не ведущей столбовой дорогой литературного развития, а в обход ее. Этим, вероятно, объясняется сравнительная "мелкота" его реалистических тенденций. Баратынскому от природы просто не дано было стать крупным эпическим писателем. Добровольно закрыв для себя те возможности, которые сулил ему его лирический гений, Баратынский поэтому и оказался в своих поэмах писателем только своего времени, скорее умом, нежели поэтическим своим взором, отдавая предпочтение тому более "объективному", спокойному, порою даже, как справедливо указывает диссертантка, натуралистическому методу, какому он следовал, с течением времени – все сильнее, в своих поэмах. В конце концов с этим же связано и отсутствие народности в поэмах Баратынского, на что совершенно правильно указывает диссертантка. Ей здесь следовало бы прибавить, что отсутствие народности и антиромантизм в поэмах Баратынского являются тесно связанными. Наоборот, как хорошо известно, народность Пушкина выросла из романтизма, а не в стороне от него. Наконец, поэтому же великие русские реалисты, разумеется, никак не могут быть названы продолжателями Баратынского – они начинали дело сначала. Я не думаю, чтобы изложенное мнение существенно противоречило бы духу диссертации. Но оно в диссертации не развито, и в этом я вижу ее недостаток. Этот общий недостаток влечет за собой и частные. Именно, попадаются в диссертации частные утверждения, дающие повод предполагать неправильное понимание значения поэм в творчестве Баратынского. Так, на странице 339 читаем: "В поэмах Баратынского мы видим путь преодоления поэтом собственной творческой ограниченности". Так можно всерьез писать только при очень абстрактном, формальном понимании тезиса о "реализме" поэм Баратынского. На самом деле, как мне кажется, Баратынский в своих поэмах гораздо более "творчески ограничен", чем в своей высокой, мудрой и хотя пессимистичной, но очень человечной лирике.

Прибавлю к этому общему замечанию некоторые частные. При анализе поэмы Подолинского "Нищий" на стр.29 надо было, по-

моему, обратить внимание на сплошные мужские стихи, как на характерный признак "байронической" поэмы, идущей от Жуковского[4]. На стр.45 говорится об "импрессионизме" Баратынского, роднящем его с символистами. Мне кажется это определением не вполне удачным, как в отношении Баратынского, так и в отношении символистов. На стр.5 при изложении точки зрения Андреевской[5] не лишним было бы, по-моему, отметить резко выраженный формализм ее концепции. Внешним и несущественным представляется мне сближение Арсения ("Бал") и Онегина на стр.160-161. Не было, мне кажется, надобности в пересказе содержания "Войнаровского", "Чернеца"[6] и др. привлекаемых к делу поэм. Правильно, как я думаю, считая Баратынского писателем-моралистом, диссертантка, хотя и вскользь, но не точно, по-моему, устанавливает разницу в этом отношении между Баратынским и Пушкиным (стр.271). По ее мнению, Пушкин, напр., в "Медном Всаднике", также решает моральную проблему, но делает это "не так обнаженно и выпукло". На самом деле Пушкин тем и отличается от Баратынского, что он только **рисует, изображает** моральные конфликты, но не **решает** их, т.е. он в существенном смысле не может быть назван поэтом-моралистом.

Несколько слов особо скажу о заключительной главе диссертации, в которой поэмы Баратынского, в их внутренней эволюции, сопоставляются с этапами развития лирики Баратынского по тематике, образам, языку и стиху. Эта глава, на мой взгляд, слабее остальных, и прежде всего это объясняется тем, что автор хотел сказать в ней о слишком многом сразу. В результате, сообщаемые здесь наблюдения носят отрывочный, беглый характер, их трудно было бы признать итогами систематического обследования материала. Общий смысл этих наблюдений сводится к тому, что поэмы Баратынского совпадают по стилистической манере с лирикой поэта и как бы дублируют в своей эволюции основные этапы эволюции лирики, какими признаются сборник 1827 года, сборник 1835 года и "Сумерки". Разумеется, резких отличий в стилистической манере лирики и поэм Баратынского и нельзя было бы ожидать. Показывая эту близость манеры на некоторых конкретных примерах, диссертантка тем самым свидетельствует об общей принадлежности поэм Баратынского к истории русской романтической поэмы в широком смысле этого понятия, так как для нее как раз и характерно стирание граней между эпическим и лирическим жанрами. Однако существенных данных в пользу признания одинаковости эволюции обоих жанров у Баратынского в работе, по-моему, не приведено. В особенности натянутым кажется мне сопоставление "Сумерек", с их под-

черкнутой символической манерой, и "Цыганки", в которой сам же автор правильно устанавливает натуралистические тенденции. Что касается попутных замечаний автора о языке Баратынского, то стремление увидеть специфичность поэтического языка Баратынского в нарочитом употреблении славянизмов в определенной функции мне кажется недостаточным. В конце концов каждый поэт первой половины XIX века пользовался славянизмами, или общепринятыми в тогдашнем языке, или в определенных функциях, которые могут быть обобщены как функции торжественные, высокие, риторические и т.п.[7] Но в Баратынском обращает на себя внимание в гораздо большей мере то, что гораздо позднее один из русских поэтов назвал "высоким косноязычием". Л.В.Барон правильно, но слишком бегло, говорит о затрудненности языка Баратынского в его поздней, философско-медитативной лирике. Однако и вообще, мне кажется, не очень охотное следование общенациональной языковой норме, некоторое "непослушание" общему языку, а иной раз, возможно, и неполное умение справиться с его нормами в области словообразования, и чрезвычайная свобода в области словорасположения – вот, вероятно, основные специфические приметы поэзии Баратынского в целом. Здесь его язык действительно гармонирует со всей его поэтической позицией: он **оригинален**, не хочет казаться и быть шаблонным. Кстати, одно уже совсем мелкое лингвистическое замечание. Если уж приводить старославянские источники форм "Гордыя", "Сердечныя" (род. ед.прил.ж.р.) у Баратынского, то это будут формы не "Гордꙗ", "Сердечнꙗ" (стр.332), а, разумеется, "Гръдꙗ", "Срьдьчнꙗ". Особую, очень важную проблему языка Баратынского, вскользь только затронутую в исследовании, составляет его зависимость от норм классицизма, сказывающаяся порой там, где тема, образы, композиция очень далеко уже ушли вперед, – как, напр., в "Цыганке". Это несоответствие языка и содержания также, вероятно, обуславливает художественную неполноценность последней поэмы Баратынского.

В заключение я должен указать еще, как на самую слабую черту диссертации, на недостатки ее внешнего изложения. К сожалению приходится признать, что Л.В.Барон, показавшая умение историко-литературно мыслить, с несомненностью обнаружившая в своей работе научную подготовленность и одаренность, дурно рекомендует себя в диссертации как **литератор**. Ей еще долго придется учиться умению хорошо, стройно и вполне ясно излагать свои мысли. Как на главный недостаток ее стиля я укажу на отрывочность принятой ею манеры изложения. Коротенькие фразы со множеством абзацев, следующих иной раз почти после каждой точки, это манера очень

хорошая для некоторых художественных и литературных жанров. Но она решительно не годится в исследовании, которое должно быть построено прежде всего **логично**, по определенным законам развития самой мысли. Она не годится в науке, в особенности потому, что влечет за собой у неопытного литератора постоянное перескакивание от темы к теме. Не докончив одной мысли, исследователь начинает излагать уже другую, но через несколько строк возвращается к первой. Иной раз, наоборот, сказав уже, казалось бы, все, что можно сказать по данному предмету, и перейдя к другому, вдруг, совершенно неожиданно для читателя, автор ввертывает какую-нибудь дополнительную, общую – совершенно ненужную фразу по первому, уже поконченному вопросу и т.д. Ограничусь одним примером. На стр.156-165 идет довольно подробный анализ образа Арсения ("Бал"). Далее следует изложение наблюдений автора над совпадениями в сюжете "Бала" и "Евгения Онегина", общее замечание о стиле поэмы, разбор образа Нины и няни, как вдруг в конце 171 страницы снова появляется непредвиденным образом Арсений: «Поскольку Баратынского интересует преимущественно героиня, то в "Бале" герою уделено меньше внимания» и т.д. В диссертации много ненужных повторений, одна и та же цитата из Баратынского или из критики повторяется по нескольку раз. Ср. на стр.116-118 о варианте, связанном с выражением "чопорно острится". Ср. монолог Арсения "О Нина! Ольгу встретил я" на стр.159 и 172. Таких примеров очень много. Нередко автор дурно формулирует свои мысли, так что они способны повлечь за собой недоразумение или и вообще не могут <быть> признаны стилистически правильными. На стр.56 автор пишет по поводу статьи Купреяновой[8]: "Автор статьи (т.е. Купреянова) придерживается **традиционного** взгляда на поэмы Баратынского, не отмечает в них ничего нового и своеобразного, на **что указывали почти все исследователи**". Но если "почти все исследователи" считают поэмы Баратынского своеобразными, то противоположный взгляд, очевидно, нельзя называть "традиционным". Мысль понятна, но выражена она недопустимо небрежно. На стр.47а Л.В.Барон пишет: "Нельзя согласиться с полной оригинальностью **Эды**", очевидно вместо: "Нельзя согласиться **с мнением** о полной оригинальности **Эды**". 6-я глава начинается фразой (стр.272): "По установившейся традиции поэмы Баратынского считаются наименее удачными". Наименее удачными в числе чего? Всех русских поэм? Так писать нельзя. К этому добавляется из рук вон плохая корректура – по крайней мере, того экземпляра, который я читал. Бесконечное количество отсутствующих запятых и даже точек между фразами, так что

следующая фраза начинается даже строчной буквой; прозаические куски, напечатанные стихами, и наоборот, постоянные опечатки, перевранные инициалы и т.д. Все это действует на оппонента угнетающе и требует от него, можно сказать, предварительного критического изучения самого текста диссертации, раньше чем приняться за ее оценку по существу. Небрежность этого рода иной раз просто удивительна. Так на стр.269 и соседних герой "Наложницы" Елецкий несколько раз назван Арсением, как в "Бале". Разумеется, во многом (вряд ли во всем) здесь виновата машинистка. Но разве **священная обязанность** диссертанта не состоит в том, чтобы самым тщательным образом, любовно вычитать рукопись, представляемую им на высокий суд Ученого Совета? Ответственность за эту сторону дела, на мой взгляд, ложится не только на самого диссертанта, но и на воспитавшую его кафедру[9] и на научного руководителя. Ко всему добавлю еще, что диссертант не знает техники цитирования, иной раз приводит цитату вообще без всяких ссылок, в других случаях цитирует книги без указания страниц и т.д.

Эти внешние недостатки диссертации имели бы в моих глазах очень серьезное значение при наличии каких-либо сомнений относительно ее существа. Однако совершенно бесспорные **научные** достоинства работы Л.В.Барон побуждают меня не придавать слишком большого значения этим недостаткам при формулировке общего вывода относительно пригодности ее как квалификационного документа. Решающими моментами в последнем отношении я считаю два: 1) прекрасное, обстоятельное **знание предмета**, 2) совершенно несомненное умение **научно мыслить** и правильно решать историко-литературные вопросы. Будем надеяться, что Л.В.Барон еще успеет овладеть столь необходимым для ее деятельности ремеслом литератора, и согласимся с несомненно доказанным ею правом ее на то, чтобы получить ученую степень кандидата филологических наук.

22.II.47 г.

Доктор филологических наук, профессор

Г.Винокур

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Печатается по машинописному оттиску с авторской правкой и подписью-автографом: РГАЛИ. Ф.2164. Оп.1. Ед.100. Л.49-57.

[2] И.В.Киреевский после выхода "Наложницы" писал о Баратынском так: «...в самой действительности открыл он возможность поэзии <...> оттого самые обыкновенные события, самые мелкие подробности жизни являются поэтическими, когда мы смотрим на них сквозь гармонические струны его лиры. <...> Это направление поэзии Баратынского яснее, чем в других поэмах, выразилось в его "Наложнице"» – *Киреевский И.В.* Обозрение русской литературы за 1831 год // Киреевский И.В. Критика и эстетика. М. 1979. С.110-111.

[3] Говоря о корпусе русских романтических поэм пушкинской эпохи, В.М.Жирмунский замечал: «...сюда относится "Эда" Баратынского <...> а также "Бал" (1828) и "Наложница" (1831), отклоняющиеся от традиционного романтического жанра в сторону реалистической стихотворной повести...» – *Жирмунский В.М.* Байрон и Пушкин. [3-е изд.] // Жирмунский В.М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л. 1978. С.229.

[4] Имеется в виду стих переведенной Жуковским поэмы Байрона "Шильонский узник".

[5] Речь идет о статье: *Андреевская Л.* Поэмы Баратынского // Русская поэзия XIX века. Л. 1929. С.74-102.

[6] Поэмы К.Рылеева и И.Козлова.

[7] Проблема славянизмов в поэзии начала XIX в. давно привлекала внимание Винокура, см., напр., главу I и раздел IV главы 2 его предвоенной статьи: *Винокур Г.О.* Наследие XVIII века в стихотворном языке Пушкина (2-е изд.) // Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку. М. 1959. С.332-340, 364-369. Один из аспектов этой проблемы был предложен им как тема диссертации его аспирантке Р.М.Цейтлин, см. вышедшую уже после его смерти публикацию: *Цейтлин Р.М.* Употребление полногласных и неполногласных вариантов в художественной речи карамзинско-пушкинского времени // Доклады и сообщения филологического факультета Моск. ун-та. 1949. Вып.8.

[8] Уже в первой своей большой статье о Баратынском Е.Н.Купреянова писала: «С конца 20-х годов <...> Баратынский ищет новых путей в области романтической поэмы, двигаясь в этом отношении по направлению, указанному его литературными друзьями. <...> Уже одна дата выхода в свет "Бала" – 1828 г., когда проблема романтической поэмы уже давно была решена южными поэмами и "Евгением Онегиным" Пушкина, решила участь поэмы. <...> Следующая "ультра-романтическая" поэма "Наложница" <...> появилась уже после разгромных статей Надеждина против романтизма и встретила единодушное осуждение» – *Купреянова Е.Н.* Баратынский тридцатых годов // Баратынский Е.А. Полное собрание стихотворений. Т.1. [Л.], 1936. С.LXXXVII. (Библиотека поэта. Большая серия). В целом эта позиция сохранилась и во вступительной статье Е.Н.Купреяновой к сборнику "Стихотворений" Баратынского, вышедшему годом позже в "Малой серии" той же "Библиотеки".

[9] Диссертация Л.В.Барон была выполнена на Кафедре русской литературы Московского городского педагогического института им. В.П.Потемкина.

Научное издание

Коллектив авторов

ЯЗЫК. КУЛЬТУРА. ГУМАНИТАРНОЕ ЗНАНИЕ

Научное наследие Г.О.Винокура и современность

«Научный мир»
119890. Москва, Знаменка, 11/11
ЛР № 030671 от 09.12.95 г.
Гигиеническое заключение на продукцию, товар
№ 77.99.6.953.П.3619.6.99 от 29.06.1999 г.

Подписано к печати 07.07.1999 г.
Формат 60×90/16
Гарнитура Таймс Нью Роман
Печать офсетная. Усл. печ. л. 30,5
Тираж 500 экз. Заказ 2033
Отпечатано в Производственно-издательском комбинате ВИНИТИ,
140010, г. Люберцы, Московской обл., Октябрьский пр-т, 403.
Тел. 554-21-86

ВНИМАНИЮ РАБОТНИКОВ БИБЛИОТЕК И РУКОВОДИТЕЛЕЙ НАУЧНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ

Для улучшения работы по распространению литературы по фундаментальным отраслям науки, издаваемой при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, издательством «Научный мир» при помощи Библиотеки по естественным наукам РАН в 1997 году создан коллектор научных изданий.

Большинство из поступающих в коллектор научных книг выпускается малыми тиражами; многие из них не объявляются в темпланах издательств и мало доступны для пользователей, при сложившейся системе распространения научной литературы, то есть с самого начала являются уникальными и представляют собой библиографическую редкость.

Коллектор научных изданий «Научный мир» .

- проводит сбор данных о выходе из печати научных изданий (в первую очередь, осуществленных при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований); выясняет потребность в научной литературе библиотек, заинтересованных организаций и лиц;
- осуществляет работу по приему, транспортировке и краткосрочному хранению научных изданий;
- организует почтовую рассылку научных изданий по научным учреждениям, учебным заведениям и библиотекам в России и за рубежом.

Комплектование библиотек может проводиться следующим образом:

1. Поставки научной литературы по долгосрочным договорам (с учетом согласованной тематики);
2. Рассылка отдельных экземпляров научных изданий за пределы г. Москвы наложенным платежом или с последующим выставлением счета;
3. Бесплатное комплектование научных библиотек (при обеспечении вывоза литературы собственными силами).

Распространение части научных изданий за пределы г. Москвы будет производиться по льготным ценам (без учета стоимости книги), компенсирующим лишь почтовые и накладные расходы коллектора.

Подробную информацию можно получить по адресу:

119890, Москва, Знаменка, 11/11. БЕН РАН.
Коллектор научных изданий "Научный мир".
Тел./факс (095) 291-28-47. E-mail: naumir@ben.irex.ru

с Вами повидаться. Живу в Чистополе избавлена от
от тяжелых propiski московской жизни, но и здесь у нас
дела очень тяжелы. Сначала дети долго хворали
Мадлена, после перенесла воспаление легких у нее
в январе снова была температура. Я стерла за них ужасно. Сейчас
в порядке, все здоровы и дела потихоньку стали. Я шью куклы,
сделала 9 штук, три пары штанов не сделала (от них больше получаю
— за три брюки сделала только одну) и еще несколько случайную
работу. В доме сердито и материально голодно, так как у нас
не нормированных. Тяжелая совсем обстановка от ежедневных
перебоев. В Москву, конечно, и семья и работа тянут. Эмма
Максимовна испытала трудности дорожные, — она была в городе
недели, если не у нас была лучше квартира и если б была побольше семья,
т.к. рынок здесь неплохой, но цены дорогие. У бабушки растет катаракта
на обоих глазах и она боится операции (здесь нет хороших специалистов)
Живем своим у каждого все скучно, а у меня, сверх всего, еще и обычная
на всех ** я страшно тоскую, конечно, тоже. Все же, несмотря на
все, я не теряю своего обычного оптимизма и бодрости. Мне
очень хочется работать, трудиться и иметь пр - главное куклы,
по которым я стосковалась чертовски.

Желаю Вам, дорогая и любимая Ванечка Трескова,
крепкого духовного и телесного, я верю верю, что с Вами
скоро увидимся и наговоримся.

Преданная Вам Ирина.

Э.М. и Танечка просят передать Вам и Ларисе
свой привет и наилучшие пожелания.